ЕВРОПА

СТАРЫЙ СВЕТ — НОВЫЕ ВРЕМЕНА

ВИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА: ОТКУДА И КУДА?

Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии

Под редакцией Л. Н. Шишелиной

ВЕСЬ МИР

Серия: Старый Свет — новые времена

ВИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА: ОТКУДА И КУДА?

Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии

Научный руководитель серии
«Старый Свет — новые времена»
академик РАН Н.П. Шмелёв

Редакционная коллегия серии Института Европы РАН:
акад. РАН Н.П. Шмелёв (председатель),
к.э.н. В.Б. Белов, д.полит.н. Ал.А. Громыко,
Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ Ю.С. Дерябин,
акад. РАН В.В. Журкин, чл.-корр. РАН М.Г. Носов,
д.и.н. Ю.И. Рубинский, д.э.н. В.Н. Фёдоров,
д.и.н. В.Я. Швейцер, д.и.н. А.А. Языкова

Российская академия наук
Институт Европы

ВИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА: ОТКУДА И КУДА?

Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии

Под редакцией д.и.н. Л.Н. Шишелиной

ВЕСЬ МИР
Москва 2010

УДК 323+327(44)
ББК 26.89(44)
В 55

Руководитель научного проекта:
академик РАН Н.П. Шмелёв

Редакционная коллегия страновой серии Института Европы РАН:

акад. РАН Н.П. Шмелёв (председатель),
к.э.н. В.Б. Белов, д.полит.н. Ал.А. Громыко,
Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ Ю.С. Дерябин,
акад. РАН В.В. Журкин, чл.-корр. РАН М.Г. Носов,
д.и.н. Ю.И. Рубинский, д.э.н. В.П. Фёдоров,
д.и.н. В.Я. Швейцер, д.и.н. А.А. Языкова

Ответственный редактор монографии
д.и.н. Л. Н. Шишелина

Авторский коллектив:
д.и.н. Л.Н. Шишелина
(Введение, Гл. 1, п. 1.1, п. 1.2 – Венгрия, п. 1.4, п. 1.5, Гл. 2, п. 2.1, Гл. 3, п. 3.1, п. 3.2, п. 3.3 (совместно с А.В. Дрыночкиным), п. 3.4, п. 3.5, Гл. 4, п. 4.1, Гл. 5, п. 5.1, п. 5.2, п. 5.6, Гл. 6, п. 6.1, Заключение),
к.и.н. Н.И. Бухарин
(Гл. 2, п. 2.2, Гл. 4, п. 4.2, Гл. 6, п. 6.2),
д.э.н. А.В. Дрыночкин
(Гл. 1, п. 1.3, Гл. 3, п. 3.3 (совместно с Л.Н. Шишелиной), Гл. 5, п. 5.3),
к.э.н. З.Н. Кузнецова
(Гл. 2, п. 2.3, Гл. 4, п. 4.4, Гл. 6, п. 6.4),
д.и.н. Л.С. Лыкошина
(Гл. 1, п. 1.2 – Польша)
к.и.н. Ю.А. Щербакова
(Гл. 1, п. 1.2 – Чехословакия, Гл. 4, п. 4.3, Гл. 6, п. 6.3)

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 09-03-00776д/Р

ISBN 978-5-7777-0485-6
© Издательство «Весь Мир», 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 7

Раздел I. СТРАНЫ ВИШЕГРАДСКОЙ ЕВРОПЫ В НАЧАЛЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ. СОЗДАНИЕ ВИШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ 11

Глава 1. Вишеградская Европа как исторический регион 11
1.1. История вишеградской идеи 12
1.2. О роли национального фактора в преобразовательных процессах 21
1.3. Вишеградский регион в мировой и европейской экономической системе 74
1.4. Внутренние политические и экономические трансформации 90
1.5. Международная обстановка ко времени становления Вишеградской группы и первый этап ее деятельности 107
Глава 2. Национальные особенности трансформационных процессов . 127
2.1. Венгрия: градуалистский подход 127
2.2. Польша: «шоковая терапия» 146
2.3. Распад Чехословацкой федерации 170

Раздел II. СТРАНЫ ВИШЕГРАДСКОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ К ВСТУПЛЕНИЮ В НАТО И ЕС ... 183

Глава 3. Формирование новых связей 183
3.1. Международная обстановка и формирование новых взаимоотношений в Европе 183
3.2. Продвижение по пути конвергенции 200
3.3. Взаимосвязь между процессом восточноевропейских трансформаций и интеграцией в ЕС 217
3.4. Вишеградская группа в канун вступления в НАТО и ЕС ... 242
3.5. Отношения с Россией 252

Глава 4. Страны Вишеградской Европы в адаптационный период 263
4.1. Венгрия: поиски политического баланса 263
4.2. Польша: «приближаясь к границам демократии» 278
4.3. Словакия: выбор модели развития 302
4.4. Чешская Республика: консолидация политической системы 328

Раздел III. ВИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ 347

Глава 5. Вишеградские страны в системе ЕС 347
5.1. Проблемы реальной конвергенции 347
5.2. Эволюция вишеградского сотрудничества 374
5.3. Страны Вишеградской группы в Евросоюзе: экономический анализ 385
5.4. Корректировка отношений с Россией 445
Глава 6. Национальные особенности адаптации к стандартам ЕС 459
6.1. Венгрия: несоответствие ожиданий 459
6.2. Польша: отстаивая права 479
6.3. Словакия: прибавляя темпы 506
6.4. Чешская Республика: в традициях скептицизма 529

Заключение. Оглядываясь на реформы 554

Editor's summary 560

Сведения об авторах 562

ВВЕДЕНИЕ

Наша книга выходит в канун юбилея – 20-летия создания регионального объединения четырех стран Восточно-Центральной Европы: Венгрии, Польши, Словакии и Чехии. Уже само по себе название «Вишеградская Европа» говорит об изменениях, происшедших за прошедшие 20 лет в этой части континента, а кроме того, в некоторой степени характеризует и качество этих перемен в духовном и политическом смысле. Именно революционным переменам, их анализу и оценкам посвящена представляемая читателю коллективная работа авторов, много лет отдавших изучению истории, культуры, политики и экономики стран данного региона.

Прежде всего, мы должны пояснить, что, говоря о Вишеградской Европе, мы имеем в виду не только и не столько региональную группировку – Вишеградскую группу, (вначале – «Тройку», а после распада Чехословакии – Вишеградскую «Четвёрку»), а своеобразный европейский регион, обладающий особыми традициями, ментальностью, отношением к самим себе, своим соседям и миру. Мы выбрали вариант написания, ориентируясь на венгерский Вишеград – место, где 20 лет назад, в феврале 1991 года было подписано соглашение о взаимодействии Венгрии, Польши и Чехословакии. Но в этом регионе у каждой страны есть свой *вишеград,* с которым ассоциируются традиции национальной государственности и приверженность непреходящим культурным ценностям. И хотя эти доминирующие над местностью древние королевские резиденции именуются в каждой стране по-разному, они представляют собой особый символ и особый дух этой части Европы. С этой точки зрения Вишеградская Европа обретает еще более широкий контекст, нежели тот, который авторы смогли затронуть в данной книге.

Можно долго спорить, как и сами чехи, словаки, поляки и венгры, о том, насколько реально объединение, возникшее на волне взлома

мировой социалистической системы, и охвативших Европу стремительных и, как сегодня представляется, довольно хаотичных интеграционных процессов. Можно даже говорить об известной неочевидности Вишеградского взаимодействия. Однако нельзя отрицать некоторых фактов.

Во-первых, после роспуска социалистических структур, объединявших весь регион Восточной Европы от Адриатики до Балтики, он действительно распался на две части: Юго-Восточную (Балканскую) Европу и Восточно-Центральную (Вишеградскую). Безусловно, предпосылки к такому разделению существовали весь период социалистического содружества, однако реализовались они только после распада СЭВ и ОВД. И создание вишеградского регионального объединения только подчеркнуло эту тенденцию. Ее укреплению способствовал одномоментный прием Венгрии, Польши, Словакии и Чехии в Европейский союз. Конечно, границы, тем самым, не определились четко и окончательно. К Вишеградскому региону, например, тяготеет Словения, что определяется в последнее время ее принадлежностью к Европейскому союзу и одновременное вхождение в него с Вишеградскими странами. Вишеградские страны являются непосредственным западным соседом Украины, и этим объясняются часто декларируемые намерения о тесном сотрудничестве с этой страной. Вишеградская Европа в территориальном оформлении, возможно, еще не достигла своей финальности. Тем более, что с XIV в., к которому относят первый опыт взаимодействия этих европейских народов, их государственные границы не оставались на месте. Поэтому нельзя исключить того, что Вишеградская Европа выйдет за государственные границы Венгрии, Польши, Словакии и Чехии.

Во-вторых, этот регион, пройдя сквозь столетия и непростые испытания, которые подступали к нему то с Запада, то с Востока, действительно, выработал неповторимое своеобразие, выразившееся, с одной стороны, в синтезе их цивилизационных характеристик, с другой – в особом отношении к своей собственной идентичности. Результатом стал обостренный критический настрой, переходящий в скепсис, как только речь заходит о далеко идущих европейских интеграционных инициативах. Эти страны объединяет стремление следовать за передовыми технологиями и политическими веяниями и одновременно необычайно трепетное отношение к своим собственным вековым традициям, языку и культуре... Таким образом, этот регион столетиями превращался в квинтэссенцию европейского западного и европейского восточного, реализовав это в своей соединяющей,

мостовой миссии, которая часто вырывается на поверхность вне зависимости от конъюнктурных веяний политики.

В-третьих. Это наиболее динамичный регион Восточной Европы, уже не одно десятилетие пытавшийся заявить о себе в самых разных, преимущественно реформаторских качествах, что очень напоминает мучительно искомый человечеством в XX столетии «третий путь», почему-то в случае Восточной Европы окрещенный недоброжелателями как «догоняющее развитие». Именно в Вишеградских странах имели место попытки радикального изменения существующей системы в 1956, 1968, 1980 гг. И после неудач здесь же рождались новые планы переустройства общества, существовавших в нем экономических и политических отношений. Регион, пытаясь порвать с одним неорганичным ему строем, пытался вырваться в другой, столь же мало соответствующий его традициям. В результате он оказывался в постоянной борьбе и движении, подстегиваемый противоречиями. Большое влияние на регион оказывало то обстоятельство, что на его территории в XX в. скрестились основные идеологические бои между Востоком и Западом. Поэтому фактор внешнего воздействия стал определяющим для региона в XX в. Благодаря этому интенсивно развивались внешние экономические контакты региона. Ко времени вступления в Европейский союз Вишеградский регион стал главным восточноевропейским партнером Евросоюза и одновременно России, оставив далеко позади Балканские страны и Прибалтику.

Книга в основном посвящена анализу сложных внутренних процессов реформ в этих странах, выстраиванию новых отношений с окружающим миром. Тем не менее мы коснемся и истории самой Вишеградской четверки как весьма своеобразного явления обновленной Европы.

Раздел I. СТРАНЫ ВИШЕГРАДСКОЙ ЕВРОПЫ В НАЧАЛЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ. СОЗДАНИЕ ВИШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ

Глава 1. Вишеградская Европа как исторический регион

3 ноября 2009 г. президент Чехии Вацлав Клаус, наконец, поставил свою подпись под судьбоносным для всей Европы Лиссабонским договором. Этого события с нетерпением и напряжением ожидали остальные 26 государств — членов Европейского союза. Министр иностранных дел Швеции председательствовавшей в Совете ЕС Карл Бильдт, как и лидеры стран — основателей ЕС, вздохнул с облегчением. Ведь за месяц до этого под вопросом оставалась возможность подписания документа не только президентом Чехии, но и президентом Польши Лехом Качиньским. Позиция Вацлава Клауса определялась присущим ему евроскептицизмом и стремлением оградить страну от возобновления дискуссии по декретам Бенеша, связанным с депортацией немецких и венгерских меньшинств после Второй мировой войны[1]. Подпись Качиньского под сокращенным вариантом Европейской конституции появилась предпоследней — 10 октября 2009 г. Условием польского лидера формально являлись результаты переголосования по вопросу о принятии этого документа в Ирландии. Но в Брюсселе еще оставались смутные сомнения: а вдруг, выполнят свои угрозы отозвать ранее поставленные подписи Словакия и Венгрия. Словацкий премьер Роберт Фицо решил, что было бы неплохо последовать примеру Чехии и потребовать принять поправку к статье о Европейской хартии прав человека, не позволяющей выставлять претензии и его стране по поводу декретов Бенеша. В Венгрии, первой стране ЕС ратифицировавшей

---

[1] С мая по октябрь 1945 г. президент Чехословакии Э. Бенеш подписал шесть декретов, в соответствии с которыми было депортировано более 3 млн жителей этой страны венгерской и немецкой национальности. Также было конфисковано их имущество. Тысячи людей были подвергнуты издевательствам и погибли.

Лиссабонский договор 20 декабря 2007 г. (спустя всего неделю после его подписания в столице Португалии) заговорили об упущенных возможностях, задумались о том, что молчание и покладистость не всегда соответствуют национальным интересам.

И если Карл Бильдт после подписания документа Вацлавом Клаусом сказал о завершении «чешской саги», то знающие регион поправили бы его и намекнули на то, что «вишеградская сага» всего лишь завершила очередной эпизод. Таких эпизодов в истории послевоенный Европы уже было несколько и, кто знает, сколько будет еще. Вспомним лишь, что новый облик Европы рождался в сложении революционных усилий венгров, чехов, словаков и поляков в 1956, 1968 и 1980 гг.

Что это за регион и что это за страны? Чем объяснить неискоренимый дух противоречия, ставший задолго до описываемого нами события его неотъемлемой чертой? Характеризует ли он народы, населяющие данное пространство, или все совпадения — простая случайность?

1.1. История вишеградской идеи

Венгрия, Польша и Чехословакия еще с времен их социалистического прошлого рассматривались западноевропейскими государствами как наиболее перспективные партнеры среди стран «Восточного блока». Неудивительно: вместе с ГДР они были самыми динамично развивающимися странами СЭВ. С политической точки зрения они также считались более «продвинутыми»: ведь именно в этих странах в свое время произошли наиболее серьезные попытки свержения режимов советского типа. Однако не только это связало три, а после распада Чехословакии — четыре государства в региональное объединение, о котором сегодня уже все с большей обоснованностью можно говорить как о реальном факторе европейской жизни.

То обстоятельство, что Запад в лице ЕС предпочел сразу сотрудничать с наиболее развитыми в экономическом отношении странами бывшего социалистического блока — Венгрией, Чехословакией, Польшей отразилось в том, что 70% экспорта ЕС в страны Восточной Европы и 68% импорта оттуда приходилось именно на эти три страны региона[1]. По таким показателям, как стоимость (сложность) производства одной тонны экспорта, Венгрия почти в шесть раз превосходила,

[1] См.: *Inotai András.* The «Eastern Enlargements» of the European Union // Cremona Marise (Ed.). The Enlargement of the European Union. Oxford: University Press, 2003. P. 93.

например, Латвию[1]. Это усиливало отрыв стран Вишеградской группы от их соседей по Восточной Европе и бывших республик Прибалтики. Новые разграничительные линии в Восточной Европе прошли как раз по границам Вишеградской группы (ВГ) и Словении, так же стремящейся в последнее время к обретению постоянного статуса в ВГ.

Однако одних экономических характеристик не достаточно для досье новой региональной структуры. Современная политика стран с переходной экономикой необычайно широко оперирует историческими аналогиями и фактами для обоснования мотивов своих сегодняшних действий. Так, своя «легенда» была найдена для логического и культурологического обоснования выделения Венгрии, Чехословакии и Польши в региональный союз, объединивший часть Восточной Европы. Легенда эта гласит о том, что в 1335 г. в Вишеград, что примерно в 45 км от Будапешта вверх по Дунаю, съехались короли Венгрии, Богемии и Польши, чтобы, говоря современным языком, решить «вопрос региональной безопасности» — рассудить спор между Польшей и Тевтонским орденом, а также попытаться урегулировать сложные польско-чешские взаимоотношения. Вне зависимости от последовавшего развития событий, решения, принятые осенью 1335 г. в Вишеграде были действительно компромиссными и умиротворительными. Как пишет польский историк Славомир Галаш[2], средневековый «Вишеградский саммит» стал важной вехой в установлении новых, мирных дипломатических принципов и в ограничении военных конфликтов в регионе. Более того, встречи этого уровня с тех пор стали периодически повторяться, что часто преподносится как свидетельство установления регионального диалога на длительную перспективу.

Действительно, история на протяжении последующих семи веков не раз то сводила эти государства по одну сторону в европейских конфликтах, то, наоборот, разъединяла их в противоборстве. Однако пример взаимодействия почти семивековой давности вполне может служить символом добрососедства в намерениях государств этого региона и позволяет говорить о наличии некоего объединяющего «вишеградского духа».

У этих государств есть много общего в истории, долгие традиции соседства. У каждого из них есть свой *вишеград*, символизирующий соединение земного и божественного начал в истоках национальной государственности. У них взаимопроникающие культуры и во многом взаимодополняющие экономики, часто и общие взгляды на многие

---

[1] Ibidem.

[2] См.: *Gawlas S.* The 1335 Meeting of Kings in Visegrad (http://www.visegradgroup.eu/main.php?folderID=830&articleID=4074&ctag=articlelist&iid=1).

события европейской и мировой политики. Это обстоятельство даже позволило создать некий образ **Homo visegradicus**[1], ставший особенно актуальным уже после вступления этих стран в Европейский союз.

Какие общие черты сегодня свойственны для этого региона?

— Своеобразная квинтэссенция двух цивилизационных начал: католического романо-германского и славяно-угорского, позволяющих региону выступать в двух качествах: связующем Европейский континент и одновременно разделяющем его.
— Оппозиционный, критический дух в национальном самосознании, с особым напором проявившийся в годы советской системы, но не иссякший и сегодня.
— Более высокий уровень экономического развития среди стран всего Восточно-Европейского региона.

Но еще более существенными станут объединяющие этот регион особенности, если мы проследим взаимоотношения региона или отдельных его стран с двумя центрами, условно обозначаемыми в геополитике как Восток и Запад.

Страны региона играли важную роль в стратегии холодной войны в послевоенные годы. США и ЕЭС именно с Польши и Венгрии начали «программу помощи» Восточной Европе. В свое время советник президента Картера, Збигнев Бжезинский принял самое прямое участие в концептуализации регионального сотрудничества, мысля его, конечно же, прежде всего как «анти-ОВД» и «анти-СЭВ», т.е. как возможность формирования антисоветского/антироссийского островка в этой части Европы. Затем сплочение региона, конечно же, относительное и, увы, переменчивое, произошло под влиянием разработанной для них общей схемы вступления в ЕС.

СССР, а затем и Россия, косвенно также способствовали сплочению этих стран, когда стали вполне в русле русофильской традиции уделять основное внимание уделять Балканам. Вишеградская Европа исторически никогда не была первостепенным объектом российской политики. К сожалению, или к счастью, — в зависимости от того, как сами страны, а точнее их политические элиты, готовы оценить это обстоятельство, Вишеградская Европа и на сегодняшний день не является специальным объектом внешней политики России, хотя, по некоторым показателям, отношения России со странами этого региона имеют гораздо больше общего, нежели те же отношения с регионом Юго-Восточной Европы или Прибалтики.

---

[1] Термин впервые употреблен венгерским культурологом Робертом Кишш-Семаном.

В качестве фактора внутриевропейской политики регион обозначился в полном объеме с начала 2000-х гг., т.е. после Ниццы, когда Евросоюз приступил к обсуждению конкретных шагов, обусловленных предстоявшим приемом восточноевропейских государств, и именно государств Вишеградской группы.

Миф или реальность?

В восприятии Вишеградского региона как единицы европейской истории и политики до сих пор чувствуется скептицизм. Многие считают его всего лишь одной из множества неудавшихся попыток возрождения центральноевропейской солидарности и интеграции, наблюдавшихся в период после распада Австро-Венгрии, а затем — после окончания холодной войны. Действительно, история помнит немало планов, которые либо не переносились в реальность вовсе, либо, просуществовав очень недолго и не оставив после себя практически никакого следа, становились всего лишь предметом изучения дотошных историков. В лучшем случае, образования типа Малой или Балтийской антант, успевали некоторое время послужить интересам большой геополитики в качестве пресловутого санитарного кордона, а затем замещались новыми, как думалось при их создании, более стабильными и реально отражавшими устремления народов региона.

Можно сказать, что мерилом стабильности, когда речь идет о региональных образованиях или союзах, является их способность к неоднократному возрождению, воспроизведению себя почти как в теории сохранения цивилизаций по Н. Данилевскому. Эти объединения могут появляться, разрушаться под влиянием каких-либо геополитических факторов, но они неизбежно возвращаются на каком-то этапе исторического развития в новом качестве, демонстрируя тем самым свою геополитическую субъектность. И именно это их качество не позволяет им исчезнуть с карты мира, затеряться в планах более сильных мировых игроков. Международная политкорректность высказываний — удел дипломатов, но не аналитиков. Происходящее сегодня на постсоциалистическом пространстве является свидетельством продолжающейся региональной перегруппировки, длительного процесса регионального развития, в котором мы узнаем черты некогда существовавших государственных единиц, регионов и союзов. И если мы взглянем на Вишеградскую Европу под этим углом зрения, как на нечто обладающее тенденцией к неоднократному возрождению во

времени, то убедимся в том, что как явление, как ресурс геополитики, регион имеет право на существование.

Это право региона на существование подтверждается множеством мифов, связанных с Центральной Европой, а именно так его предпочитают именовать сегодня венгерские, польские, чешские и словацкие политологи, расплетая нагромождение появившихся после распада мировой системы социализма сразу нескольких алогичных и весьма амбициозных названий. Роднит всех авторов постсоциалистической терминологии лишь стремление избавиться от термина «восточноевропейский». Этому термину приписывается исключительно политическая нагрузка, которую регион вынес в послевоенные полстолетия. Однако начисто забывается то, что регион к востоку от Эльбы и Триеста именовался восточноевропейским в геополитических трактатах основателей геополитики Маккиндера, Хаусхофера, Спайкмена.

Собственно, реструктуризация региона после 1989 г. и началась с постановки под сомнение правомерности адекватности данного термина, и с попытки концептуализации идеи *Центральной Европы* (которая ныне ассоциируется именно с Вишеградской Европой. Поэтому в нашей работе мы ставим относительный (и все еще спорный) знак равенства между понятиями «Вишеградская Европа» и «(Восточно-) Центральная Европа»). Идея Центральной Европы возродилась с ослаблением центростремительных тенденций в промосковском блоке, совпала с лозунгом «нейтрализации» *Восточной Европы*, получившем распространение во второй половине 80-х годов, на гребне стремления этих стран к выходу из-под опеки Москвы, когда восточноеропейские революционеры-романтики еще искренне верили и в то, что Запад может поступаться своими геополитическими подходами точно так же, как и Восток, идя навстречу их пожеланиям. Иными словами, стремление к переименованию региона стало одним из элементов перестройки. Отсюда попытки во что бы то ни стало искоренить термин *Восточная Европа*, считавшийся к тому времени элементом послевоенной геополитики. И термин *Центральная Европа*, похоже, стал искомой формулировкой. Фактически он стал работать на идеи Европы от Атлантики до Урала, общего Европейского дома и прочие романтические призывы второй половины 80-х годов.

В этой борьбе за название как раз и отразилась неадекватность происшедшей схватки теоретиков. Подновленный фасад лишь на время скрыл фундаментальные характеристики, позволившие основоположникам англосаксонской и германской геополитики на заре XX в. определить регион как *Восточную Европу,* и, исходя из целей западной геополитики, рассматривать ее исключительно как плацдарм для за-

владения Евразией, т.е. Россией. Западная геостратегия изначально исключала возможность нейтралитета для этой группы государств. Идею *Центральной (Срединной, Промежуточной) Европы*, она рассматривала лишь как переходный этап с одной орбиты на другую. В самой Центральной Европе существовало мнение, что регион, как группа нейтральных государств, мог бы состояться в случае сдвига от двухполюсного мира к многополюсному, в котором Центральная Европа, вместе с Западной или порознь, могла бы получить свою уникальную роль и место. Однако этого не произошло. Как ни парадоксально, но, одобряя (в своем большинстве) на рубеже 90-х годов ослабление и развал СССР, а затем и России, восточные европейцы не заметили, как миновали тот переломный момент их «освобождения», на котором была возможна реализация идеи *Центральной Европы,* и прямиком устремились к противоположной зависимости.

Поэтому когда мы говорим об идее Центральной Европы, мы не должны ограничиваться лишь географическими и социокультурными факторами. Мы должны рассматривать это сочетание слов в том числе и как геополитический инструмент. Ведь не случайно ренессанс *центральноевропейской* идеи в качестве новой региональной концепции в восточноевропейских исторических и политологических работах пришелся на вторую половину 80-х — начало 90-х годов. В центре научных споров оказалась дискуссия о том, что, собственно, такое — *Центральная Европа*? Некая реальность, представленная конкретными государствами, культурой, экономическим укладом, языковым единством, очерченная конкретными географическими границами, или же это миф, некое «светлое будущее» для народов региона?

Некоторые ученые в результате изучения исторических планов устройства Центрально-Европейского региона и причин их неосуществимости пришли к выводу о том, что *Центральная Европа* представляет собой скорее идею о равносправедливом для всех населяющих народов устройстве региона, которое является недостижимым в силу целого ряда геополитических, культурологических, экономических и иных факторов. Следовательно, *Центральная Европа* может рассматриваться как такой же миф XX столетия, как и миф о коммунистическом рае[1]. Эрик Хобсбаум, в частности, писал о термине *Центральная Европа* следующее: «Это скорее политика, нежели география, скорее программа, нежели реальность». А Богумил Долежал, определяя

[1] В той или иной форме, мифологичность понятия допускали венгерские ученые Эмиль Нидерхаузер, Петер Кенде, англичане Эрик Хобсбаум и Тимоти Гартон Эш, чех Богумил Долежал и многие другие.

Центральную Европу как «культурно-историческую меланхолию», не более, считал ее определяющие ценности одновременно общеевропейскими ценностями.

Сегодня в определении региона царит небывалое многообразие мнений. Типичной (с терминологической и, возможно, концептуальной точки зрения) по своей неопределенности можно считать речь в то время чешского министра иностранных дел Вацлава Клауса при вручении ему в декабре 1993 г. премии Конрада Аденауэра. Определяя место своего государства в современной Европе, он в ходе выступления употребил все мыслимые и известные формулировки: *Восточная Европа, Центральная и Восточная Европа, Центральная и Юго-Восточная Европа, Центральная Европа*. Причем все это в противовес к *Западной и Прогрессивной Европе*. Наконец, он закончил речь необходимостью интеграции Чехии в *Европу*...[1]

Появились и попытки обыграть данную геополитическую неопределенность. Так, в одной из своих работ, известный венгерский историк региона Эмиль Нидерхаузер цитирует не лишенное сарказма определение своего коллеги Ене Сюча, из которого следует, что к *Центральной Европе* относится «та часть *Восточной Европы*, которая всегда мечтала принадлежать к *Западной Европе*, но в той или иной форме всегда оставалась частью Европы Восточной»[2]. Не мог удержаться от критики новой терминологии, в частности термина ЦВЕ, известный венгерский профессор Петер Ханак[3]. Собственно, он задает логичный и справедливый вопрос: где же находится эта *Центрально-Восточная Европа*: в центре Восточной Европы? Следуя тому положению, что «центр» может находиться не только между Западом и Востоком, но и между Севером и Югом, Ханак констатирует, что в таком случае *Центрально-Восточная Европа* может быть представлена исключительно Венгрией, Чехословакией и Польшей. Эта идея венгерского ученого, хотя и рожденная в полемическом порыве, как раз и совмещается с понятием *Вишеградская Европа*, в качестве регионального союза оформлявшейся как раз в те самые дни, когда писались его очерки.

Целый ряд ученых пытался определить также экономический, политический, идеологический, но прежде всего этнокультурный параметры этого «феномена». Так, например, венгерский ученый Дьердь

---

[1] См.: *Klaus V.* The Czech Republic and European Integration // Perspectives. 1993/94 winter. No 2. P. 7–12.

[2] См.: *Niederhauser E.* A kelet-európai egysege és különbsége // Magyar Tudom, any. 1988. No 9. P. 668–681.

[3] См.: *Hanak P.* Kezdjük újra a regió-vitat? // BUKS. 1992. Tavasz. P. 6–11.

Дьярмати[1] отождествляет историческое понятие *Центральной Европы* с регионом, освоенным преимущественно германской и славянской расами, где так и не сложились четкие государственно-этнические границы, окончательно не оформилась национальная идентичность — ни у славян, ни у немцев.

Профессор Нью-Йоркской Новой школы и Лондонского Бирбекского колледжа Эрик Хобсбаум[2], утверждая, что *Центральная Европа* — понятие чисто политическое, тем не менее выделяет несколько его параметров, среди которых важная роль отводится факторам экономического, культурного и языкового влияния Германии. В частности, он делает неожиданный вывод о том, что культурное и лингвистическое единство «Центральной Европы» действительно существовало и основывалось на немецкоязычной культуре, например, эмансипированного еврейства, поскольку в империи Габсбургов образованную немецко-говорящую прослойку составляли преимущественно евреи[3]. Схожую точку зрения на культурную идентификацию *Центральной Европы* высказывает и немецкий публицист и литературовед Ханс-Петер Бурмайстер[4], по мнению которого еврейство и его немецкоязычная культура являлись связующим звеном между государствами Центральной Европы, практически главным определителем ее духовной жизни на рубеже XIX–XX вв. Среди центрально-европейских евреев, пишет Бурмайстер, были и космополиты, и националисты, и антисемиты, но все вкупе они как раз и определяли ту самую, едва уловимую, центрально-европейскую культурную и языковую идентичность.

Однако нельзя не заметить, что такой подход, может и заслуживающий внимания с точки зрения статистики, нивелирует значение собственных национальных культур региона. И если уж авторы говорят именно об *эмансипированных* евреях, то нельзя отрицать доминирование той культурной среды, к которой они вынуждены были приспосабливаться (т.е. эмансипироваться).

---

[1] См.: *Gyarmati G.* Magyarország Közep-Europaisaga. Történelmi ádottságok — jelenkori konzekvenciák // Szazadveg. 1992, különszam. O. 31–46.

[2] См.: *Hobsbawm E.* Közep-Europa, politika és kultura // Tarsadalmi szemle. 1990. No 1. P. 78–82.

[3] В доказательство своего вывода Эрик Хобсбаум приводит данные о том, что до Второй мировой войны 10% населения Вены и 25% населения Будапешта составляли евреи, они же практически полностью заполняли университетские кафедры, в Будапеште называя себя мадьярами, а в Праге соответственно — чехами. То есть центрально-европейская культура реально была наднациональной, немецкоязычной, и евреи, по Хобсбауму, составляли ее ядро. Однако, считает Хобсбаум, эта культура была разрушена вследствие Второй мировой войны.

[4] См.: *Burmeister H.-P.* Nemetorszag es Kozep-Europa. Lehetosegerzek es az ertekek szethullasa // Szazadveg. 1992, kulonszam. O. 132–140.

Попытки идентифицировать *Центральную Европу* по аналогичной схеме сегодня сталкиваются с гораздо большими сложностями. В культурологическом плане налицо очевидная лингвистическая раздробленность региона. Да, государственные служащие сегодня в своем большинстве владеют английским языком, но на интеллектуальную элиту это распространяется в меньшей степени. Перед вызовами глобализации народы региона всё бережнее начинают относиться к своим собственным языкам и со всё большим нежеланием общаются на «трансатлантичиском наречии».

В духовной сфере наиболее общей чертой является, на наш взгляд, правильно отмеченная Гансом-Петером Бурмейстером неприязнь как к новой американской массовой культуре, так и к ушедшему советскому гигантизму. Но и эта черта ныне является скорее общеевропейской. Таким образом, в нынешних условиях весьма сложно идентифицировать *Центральную Европу* иначе, как регион культурно-территориального взаимопроникновения, с присущим ему неким «мостовым мессианизмом», долженствующим одновременно преломлять и воссоединять контакты между Востоком и Западом Европы.

Милан Хонер[1] связывает возрождение в 80-е годы дискуссии о *Центральной Европе*, или скорее о *Mitteleuropa*, по обе стороны «железного занавеса» именно с культурологической стороной. В идее центральноевропейского возрождения восточноевропейские интеллектуалы усмотрели ***возможность поколебать советско-американскую гегемонию***, разделившую некогда целостный регион на две части. Однако идея эта растаяла прежде, чем на смену ей пришла сомнительная и еще более искрометная горбачевская идея Общеевропейского дома. Восточная Европа времен горбачевской перестройки представляла собой весьма оживленную и пеструю картину. И в венгерских кофейнях, и в чешско-словацких пивных, и на польских «посиделках» живо обсуждались события в СССР, высказывания западных политиков и новые веяния в собственных «верхах». Волна вольнодумия переливалась то по одну, то по другую сторону Карпат, из Польши и Чехии в Венгрию и обратно, и к концу 80-х годов достигла пика скорее в Венгрии. Она снесла режим Чаушеску в Румынии. Брызги ее упали на благодатную почву в Чехословакии, слились с очередным подъемом в Польше, в очередной раз соединив регион заново — теперь в Вишеградский регион.

---

[1] См.: *Hauner M.* Germany? But where Is It Situated? Germany in Central Europe, between East and West // Perspectives. 1994. No 3, summer. P. 27–34.

1.2. О роли национального фактора в преобразовательных процессах

Среди побудительных факторов революционных событий конца 80-х — начала 90-х годов XX в. многие привыкли видеть исключительно идеологические и экономические причины. Вместе с тем, возьмемся утверждать, что немаловажную, если не сказать фоновую, роль во всех этих событиях сыграл такой неизменный геополитический фактор, как мультикультурализм региона, его цивилизационная сопринадлежность двум культурно-историческим типологическим центрам, своеобразная территориально-государственная незавершенность, наступившая с распадом Австро-Венгерской империи. Принято утверждать, что процесс образования национальных государств в Европе завершился с появлением Германского государства. После этого события прошло более века, и реальные события доказали, что на самом деле в пространстве, расположенном между двумя геополитическими центрами — восточным и западным — до сих пор остаются нерешенными национальные проблемы, существенно влияющие на положение в регионе и не позволяющие стабилизироваться центральноевропейскому территориальному процессу. Образование Вишеградской группы можно, в определенной мере, рассматривать как манифестацию стремления региона к преодолению этого непростого наследия. Ведь помимо влияния западноевропейского и московско-славянского геополитических центров регион находился еще и на перекрестьи габсбурского и ягеллонского влияний. А со времен Стефана Батория здесь укрепилась поговорка о том, что «венгр и поляк — две братанки: и до сабли, и до склянки». Существенное влияние имел полиэтнизм двух исторических частей Вишеградской Европы: польской и венгерской. Особенно венгерской, которая отличалась гораздо большей национальной пестротой, нежели краковско-варшавская. Здесь неоднократно вызревал вопрос о качественно иной форме организации отношений между национальными субъектами и центральной властью[1], иными словами, о модернизации взаимоотношений между центром и субъектами империи, которыми могли быть, в соответствии с представлениями политиков и мыслителей, федерализация либо конфедерализация. Этим размышлениям был положен конец Первой мировой войной, а вернее — ее итогами, по результатам которых

[1] Пока оставим за скобками вопрос, какие факторы — внутренние или внешние — преобладали в этом процессе.

Австро-Венгрия была расчленена и урезана в своих пределах. 4 июня 1920 г. в Большом Трианонском дворце Версаля страны-победительницы подписали с потерпевшей поражение Венгрией договор о передаче части ее территорий Румынии, Югославии, Чехословакии и Австрии[1]. Новым государственным образованиям-союзникам — Югославии и Чехословакии, а также Румынии, были переданы две трети венгерских земель с половиной населения Венгерского королевства[2]. Значительно уменьшилась и территория Австрии за счет перераспределения ее земель в пользу Италии. Кроме того, государства-победители в восточно-центральной части Европы, вокруг урезанной Венгрии образовали Малую антанту, члены которой готовы были за этот подарок служить интересам своих западных покровителей. С тех самых пор синдром Малой антанты, как страх одиночества во вражеском окружении, постоянно присутствует в венгерском подсознании. В попытках побороть этот синдром венгры на протяжении XX в. стремились участвовать во всех региональных проектах. Это с одной стороны. С другой стороны, не оставляли надежду и на то, что когда-то будут созданы реальные геополитические предпосылки для полного искоренения этого синдрома. Однако Венгрия не находила ответа на свои чаяния ни в восточноевропейском социалистическом блоке, ни в западном. Западные политики в своем поиске слабых звеньев в цепи восточноевропейских социалистических государств не пренебрегали воспользоваться этой венгерской травмой. Можно предположить, что, периодически бросая свои политические и кредитные усилия то на одну из «легкоотрываемых» стран, то на другую, к концу 80-х годов они вновь выбрали своей целью Венгрию, где после 1956 г. выросло новое поколение оппозиционеров, а кроме того, несколько ослабла «бдительность» московского Политбюро. К тому же, не нашедшая решения своей национальной проблемы в Восточном блоке, Венгрия более других подходила к новой стратегии борьбы против социализма Белого дома, разработанной Збигневом Бжезинским: стратегии прав человека. Страна, находившаяся в самом центре восточноевропейской интеграции, могла посеять бурю, затрагивающую гораздо большую арену действия, нежели на то была способна реанимация любого из других замороженных после Второй мировой войны конфликтов.

---

[1] После Второй мировой войны фактически была повторена та же схема территориального разграничения. По данным 1985 г., приводимым журналом *Kulpolitika,* в Австрии проживало 70 тыс. граждан венгерской национальности, в Югославии — 550 тыс., в Чехословакии — 750 тыс., в СССР — 200 тыс., в Румынии — 1 850 тыс.

[2] По подсчетам венгерских историков, Трианонский договор 1920 г. оставил за границами Венгрии 3,5 млн венгров.

Оставленная Первой, а затем и Второй мировой войнами проблема Трианона, разделения земель Австро-Венгрии, уже проявила себя в ходе событий 1956 г. в Венгрии, а в 80-е годы тесно слилась с проблемой смены социально-политической системы, причем не только в этой стране, а в целом регионе. Вспоминая сегодня события 20-летней давности в Румынии, обстоятельств, приведших к гибели четы Чаушеску и сотен граждан этой страны, большинство аналитиков склонно утверждать, что революционная искра, спалившая режим, разгорелась именно в результате попытки румынского диктатора окончательно и бесповоротно разрешить трансильванскую проблему.

Национальный фактор присутствовал и в революционных событиях в Чехословакии, доведя до распада государство и завершив тем самым длившуюся более семи десятилетий дискуссию о «неочевидности государства» чехов и словаков[1]. В меньшей степени национальный фактор присутствовал в революционных событиях в Польше. Это разнообразие степеней проявления национального компонента можно объяснить, на наш взгляд, тем, что Венгрия оказалась страной понесшей наибольшие территориальные и демографические потери в результате послевоенного мирного урегулирования. Долгое время сдерживаемый запал эмоций в итоге сдетонировал здесь сильнее, нежели в других странах. Польша же, наоборот, сбалансировала проблему за счет географического продвижения на Запад. Поэтому здесь преобладали смешанные эмоции защитно-наступательного плана, чаще выливавшиеся в дискуссию с белорусами и литовцами.

Проблема национальных меньшинств во взаимоотношениях венгров с соседними государствами

В отличие от других стран региона, проблема венгерских национальных меньшинств относится как к сфере внутренней, так и международной политики этой страны.

Что касается внутренней национальной политики Венгрии, то она, откровенно говоря, теряется перед масштабом сложностей, внесенных стремлением упорядочить связи с венгерскими соотечественниками в соседних странах. В соответствии с переписью 1990 г. из 10 374 823 жителей 232 751 человек указали на свою принадлежность к национальным меньшинствам. Это примерно 2,2% населения.

[1] См.: *Бобраков-Тимошкин А.* Проект «Чехословакия»: конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1938). М.: НЛО, 2008.

Из них 137 724 человека признали своим родным языком не венгерский язык[1]. Этническими национальными меньшинствами в Венгрии считаются армяне, болгары, греки, немцы, поляки, румыны, русины, сербы, словаки, словенцы, украинцы, хорваты, цыгане. Однако порой наблюдается десятикратная разница между официальной самоидентификацией венгерских меньшинств и их численностью по другим показателям. Так, официально (по данным 1990 г.) в Венгрии проживало 142 683 цыган. Из них только 48 072 человек признали цыганский родным языком. Еще 22 933 цыган признали другой язык языком общения. Реально же численность цыган в Венгрии оценивается в 400–600 тыс. человек, это самая большая этническая группа в стране.

Права национальных меньшинств в Венгрии регламентируются законом 1993 г., в соответствии с которым им гарантируется право образования национальных самоуправлений и беспрепятственного использования родного языка на этом уровне, в образовании и культурных мероприятиях. На выборах самоуправлений 1994–1995 гг. было избрано 822 национальных самоуправления, а на выборах 1998 г. уже 1367 и еще 9 в столице Венгрии. Больше всего самоуправлений создали венгерские цыгане — 768. Следующие в этом показателе оказались немцы — 272 и словаки —76[2]. В 1998 г. в Венгрии насчитывалось 394 детских садика для национальных меньшинств, 390 начальных школ, 24 средние школы[3].

Несмотря на самые широкие права, которые предоставляются венгерским национальным меньшинствам, в Венгрии достаточно остро стоит цыганский вопрос. Цыгане в принципе трудно поддаются ассимиляции и остаются наименее законопослушной, не желающей жить в соответствии с общими правилами и нормами. На этот внутривенгерский конфликт неоднократно указывал Европейский союз еще в канун приема Венгрии в свой состав. Однако, несмотря на огромные средства, закачиваемые Брюсселем и Венгрией в «цыганские программы», в этой сфере мало что меняется. Конфликт между венграми и цыганами имеет тенденцию к дальнейшему усугублению. Этим фактом, к сожалению, пользуются международные организации, в том числе отбивая постановку венграми вопроса о венгерских национальных меньшинствах в соседних с Венгрией странах.

Развитие связей с венгерскими национальными меньшинствами в соседних странах — Австрии, Югославии, Чехословакии, СССР

---

[1] См.: *Tények Magyarországról.* Külügyminiszterium. 2000. No 3. O. 1.

[2] Ibid. O. 4.

[3] Ibidem.

и Румынии — в 1980-е гг. являлось в Венгрии одним из направлений формирования независимого внешнеполитического курса. Вначале это были «пробные шаги», осуществляемые в рамках политической реформы, которая по замыслу ее разработчиков должна была создать благоприятную обстановку для реализации реформы экономической. Однако постепенно национальный фактор приобрел самостоятельное звучание в событиях рубежа 80–90-х годов. В немалой степени это было обусловлено тем обстоятельством, что он практически полностью совпал с активизацией после Хельсинки политики прав человека, выведением на первый план международных отношений гуманитарных аспектов. Развитие связей с соотечественниками, проживающими за рубежом, как раз подпадало под эту категорию «гуманизации» внутренней и внешней политики. В рамках этой политики фактически была предпринята попытка объединения нации ненасильственными, доступными на тот момент гуманитарными мерами с использованием международно-правовых норм. Одновременно в рамках политической и идеологической реформы происходили два процесса: пересматривалось отношение к эмигрантам всех волн и укреплялись связи с теми венграми, которые в результате послевоенного урегулирования границ образовали национальные меньшинства на территории соседних стран.

Робкие шаги в этой области начались со снятия «табу» с проблематики разделенной нации в практике научно-исторических дискуссий и публикаций. Как писал венгерский историк Тибор Хайду в статье «От Сараево до Трианона», уже «в середине 60-х годов, после двух десятилетий как навязанного, так и самовнушенного молчания, венгерские историки начали осторожно подгонять Трианонский договор к истории современной Венгрии»[1]. Однако вплоть до конца 80-х годов, а точнее — до начала политико-идеологической перестройки, развернувшейся во время подготовки всевенгерской партконференции 1988 г., «Трианонская проблема» сводилась чаще к румыно-венгерской полемике. На уровне научных дискуссий и публикаций — к доказательству первенства венгров в освоении территорий нынешней Северо-Западной Румынии, к исследованию венгерских национальных движений в регионе и к осуждению несправедливых послевоенных договоров[2], «загнавших» Венгрию в ее нынешние границы. На официальном уровне — к высказыванию озабоченности положением венгерского национального меньшинства в Румынии.

---

[1] The New Hungarian Quarterly. 1984. No 93. P. 89.

[2] Трианонского 1920 г. и Парижского 1947 г.

В 80-е годы критика обретает более широкий ракурс. Под нее подпадают уже практически все окружающие Венгрию социалистические страны, особый акцент при этом ставится на случаях нарушения прав венгерских национальных меньшинств в Румынии, СССР и Чехословакии. Наряду с исследованиями, осуждающими Трианонский договор[1], появляются публикации, осуждающие принципы послевоенного территориального урегулирования в Европе, зафиксированные Парижской мирной конференцией 1947 г.[2] Особо острой критике подвергается в этой связи роль советской делегации. За всем этим прочитывалась надежда на то, что новые мировые веяния будут способствовать переменам и в территориальном *status quo*. А к этому следует готовиться, причем аргументированно и заранее. Определенные надежды давало поведение западных лидеров. Так, в ходе своего визита в Будапешт в январе 1990 г. свое мнение о несправедливости послевоенных границ высказал президент Франции Франсуа Миттеран: «Нельзя возвращаться к положению Европы после 1919 г., когда в результате плохо нарисованных государственных границ возникло много малых государств, ставших очагами националистических движений. В 1945 г. также перерисовали карту, но при этом руководствовались тем, кто победитель и кто побежденный. В Европе не сложилось равновесие. Его необходимо создать сейчас, но не путем насилия, а путем переговоров»[3]. К тому же, по соседству вызревало решение германского вопроса. И по всему чувствовалось, приближались какие-то события южнее, в Югославии. Одновременно к востоку поднялась дискуссия по пакту Молотова—Риббентропа и событий 39—40-х годов в Прибалтике... Именно поэтому возобновившаяся в Венгрии «Трианонско-Парижская дискуссия» стала составной частью масштабных изменений, на порог которых выходила Европа к концу 80-х годов.

Несколько послевоенных десятилетий сосуществования Венгрии и Румынии вместе с другими восточноевропейскими государствами в одном военно-политическом (ОВД) и экономическом (СЭВ) союзах поставили Венгрию перед необходимостью сохранять хотя и натянутые, но вполне деловые отношения с Румынией, характеризовавшиеся достаточно оживленными деловыми связями и товарообменом, превышавшим ежегодно полмиллиарда рублей. В то же время после 1979 г. между ВНР и СРР не было ни одной встречи на высшем уровне, в ходе которой стороны могли бы обсудить политические вопросы своих

---

[1] См.: *Raffay Erno*. Trianon titkai avagy, hogyan bantak el orszagunkkal... Bp., 1990.

[2] См.: Kulpolitika. 1989. No 2.

[3] Magyar Hirlap. 1990. Jan. 19.

взаимоотношений, в первую очередь — отягощающий эти отношения национальный вопрос.

Усвоенный на рубеже 80-х годов Венгрией новый независимый и открытый подход к политико-идеологическим вопросам, сделал такое «мирное сосуществование» двух социалистических государств достаточно проблематичным. И действительно, постепенно в политическую лексику представителей высшей власти двух стран стали входить откровенные высказывания о возможности вооруженного конфликта. Начало этому было положено провозглашенной Н. Чаушеску в 1988 г. политикой территориального переустройства, ставшей очередным этапом в политике ассимиляции венгерского населения Трансильвании.

Предпринятая летом 1988 г.[1] попытка инициировать на высшем уровне поиск взаимоприемлемых решений, как и предыдущая 1979 г.[2], окончилась неудачей. Стороны встречались лишь для того, чтобы обменяться претензиями. Венгерская сторона, в частности, настаивала на возобновлении работы консульства в Клуже, считала необходимым возвращение к соблюдению прав национальных меньшинств, зафиксированных в национальном статусе 1945 г. Официальный Будапешт требовал отказа от запланированного румынским правительством плана территориального переустройства, считая, что насильственное переселение сельских жителей в поселки городского типа не только не является «прогрессивным способом сближения города и деревни», но и прямо направлено на разрушение венгерской национальной культуры и традиций в Трансильвании. Однако во время встречи Гросс—Чаушеску румынская сторона отказалась подписать предложенную венгерской делегацией Декларацию по национальному вопросу, отвечающую интересам меньшинств, проживающих на территориях обеих стран.

Как писал французский журнал *L'Express*[3], «со времени Пол Пота ни один диктатор не вынашивал такого дикого плана». А председатель Социнтерна Вилли Брандт предупредил, что такая политика Бухареста нанесет Румынии огромный ущерб и приблизит страну к полной изоляции. Политика Чаушеску была осуждена комиссиями ООН, другими международными организациями. ФРГ, Великобритания в числе первых отозвали своих послов из Румынии. Сенат США прекратил обсуждение возможности предоставления этой стране статуса наибольшего благоприятствования в торговле.

---

[1] Встреча Н. Чаушеску и К. Гросса в Араде 28 августа 1988 г.

[2] Встреча Н. Чаушеску и Я. Кадара 15–16 июля 1977 г. в Дебрецене и Надьвараде.

[3] Цит. по: Népzabadság. 10.04.1989.

Безрезультатной оказалась и состоявшаяся в июле 1989 г. во время Совещания ПКК ОВД в Бухаресте встреча председателя ВСП Р. Ньерша и Н. Чаушеску[1]. Невозможность достичь договоренности на официальном уровне все более запутывала «трансильванский узел». С румынской стороны привычными стали обвинения в адрес Венгрии, во «фривольном искажении истории и достижений румынского народа, а также национальной политики румынского руководства»[2]. Венгерская сторона почти свыклась с раздававшимися из Бухареста обвинениями в ревизионизме, шовинизме, национализме, хортизме, реваншизме, антисоциализме.

Министр иностранных дел Венгрии Д. Хорн в интервью итальянской газете «Ла Республика» в июле 1989 г. заявил, что не видит возможности улучшения отношений. По его мнению, с помощью нападок на венгерские преобразования румынская сторона пыталась отвлечь внимание от проблемы ущемления прав венгерского меньшинства и прав человека вообще у себя в стране. «Вопрос о правах человека», заявил Д. Хорн, «не является только внутренним делом СРР, так как и румынское правительство подписало Хельсинкский и Венский документы»...

В связи с тем что усилия правительства ВНР по защите основополагающих прав трансильванских венгров не увенчались успехом в ходе двусторонних переговоров, Венгрия сочла возможным обратиться за помощью к международной общественности. В Венгрии был создан межведомственный координационный совет по делам беженцев, одновременно парламентом страны был учрежден Фонд помощи переселенцам в размере 300 млн форинтов. По определению государственного секретаря МИД ВНР Л. Ковача, начало осуществления румынской стороной плана по упорядочению сельских населенных пунктов стало «той точкой, когда венгерской дипломатии необходимо было признать, что в данном случае недостаточны средства так называемой “высокой дипломатии”. Необходимо было привлечение на свою сторону мирового общественного мнения. В дипломатическом сезоне 1988–1989 гг. вопрос венгеро-румынских отношений стал предметом обсуждения практически всех встреч венгерского руководства с главами правительств и ведущими политическими деятелями западных стран.

---

[1] Как сообщил в телеинтервью 9 июля 1989 г. принимавший участие в переговорах министр иностранных дел Венгрии Д. Хорн, согласие было достигнуто лишь в вопросе о необходимости улучшения двусторонних отношений.

[2] Например, обмен посланиями между РКП и ВСРП в июне 1988 г. (Népszabádsag. 22.06.1988, Scinteia. 02.10.1988).

Отвечая на вопросы журналистов по поводу румыно-венгерских отношений, в ходе визита в США летом 1988 г. К. Гросс, занимавший тогда посты премьер-министра и генерального секретаря ВСРП, сказал: «Мы не перемещаем наши войска на границе, так как считаем окончательными границы, сложившиеся после Второй мировой войны. Любая ревизия границ несет в себе угрозу возникновения третьей мировой войны и ни один народ не имеет права подвергать риску существование всего человечества во имя своих национальных интересов. Но мы должны привлечь весь арсенал политических средств, чтобы помочь тем венграм, которые желают жить в Румынии»[1]. Затрагивался этот вопрос и во время встречи бывшего в то время секретарем ЦК ВСРП Сюреша М. с председателем Национального собрания Франции[2], а также бывшим в то время государственным секретарем МИД ВНР Д. Хорном в ходе посещения им ФРГ в сентябре 1988 г. и бесед с министром иностранных дел Г.-Д. Геншером[3].

А тем временем все нарастал поток беженцев, прибывающих в Венгрию из СРР. К середине декабря 1988 г. вид на жительство в Венгрии получили 12,5 тыс. переселенцев из Румынии[4]. А к концу февраля 1989 г. на территории Венгрии находилось уже почти 14 тыс. беженцев — бывших граждан Румынии[5]. В первой половине февраля 1989 г. Венгрию посетила делегация Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), которая провела переговоры с представителями компетентных государственных и местных органов о положении находящихся в ВНР беженцев из Румынии, возможных формах помощи им через УВКБ ООН, о путях дальнейшего сотрудничества. Делегация также рекомендовала Венгрии присоединиться к Женевской конвенции 1951 г. о статусе беженцев. На заседании 24 февраля 1989 г. президиум ВНР принял решение о присоединении Венгрии к Женевской конвенции 1951 г. о правовом статусе беженцев и к Нью-Йоркскому факультативному протоколу 1967 г., а 19 марта Венгрия стала 106-м государством, подписавшим этот документ. Как сообщал в те дни «Журналь де Женев»: «Венгрия стала первым государством Восточного блока, признавшим статус беженцев. Тем самым она признает и право международной организации на проверку того,

---

[1] Népzabadság. 23.07.1988.

[2] См.: Népzabadság. 24.02.1988.

[3] См.: Népzabadság. 16.09.1988.

[4] См.: Magyar Hirlap. 18.12.1988.

[5] В числе получивших разрешение на пребывание в Венгрии 14 013 румынских беженцев было 88% — венгров, 7% — румын, 5% — немцев. 850 человек к этому времени, в основном немцы и румыны, отбыли в третьи страны (Népzabadság. 25.02.1989).

каким образом она выполняет свои обязательства по этой конвенции».

В июле 1989 г. в трех венгерских городах: Бекешчабе, Хайдусобосло и Бичке открылись лагеря для беженцев из Румынии. Фонд помощи переселенцам оказал к августу 1989 г. помощь 17 тыс. румынских беженцев в размере 170 млн форинтов.

В те дни политика находившихся у власти реформкоммунистов являла собой полное единство с общенациональными чаяниями. Но это был, пожалуй, единственный вопрос, по которому существовал консенсус с выходящими на арену альтернативными партиями.

Рост массовых выступлений общественных организаций в связи с положением в Трансильвании начался летом 1988 г., т.е. практически вскоре после известия о румынском плане систематизации населенных пунктов. В июне 1988 г. Союз венгерских архитекторов обратился к своим коллегам более чем в 70-ти странах мира. С подобными же заявлениями, с призывом к осуждению политики СРР, обратились в те же дни к своей и зарубежной общественности организации, входящие в Президиум Отечественного народного фронта ВНР, союзы композиторов, писателей, юристов, Президиум Всевенгерского совета мира. 27 июля 1988 г. в центре Будапешта на площади Героев состоялась 30-тысячная демонстрация, организованная неформальными объединениями и организациями, в знак протеста против разрушения венгерских деревень в Румынии. Протестующие направились к румынскому посольству в целях вручения меморандума послу СРР в ВНР. Однако сотрудники посольства отказались принять петицию. Позиция румынского посла вызвала волну негодования в Венгрии.

На фоне молчания Москвы и союзников по ОВД венгерская оппозиция начала поиск союзников в среде выехавшей на Запад румынской эмиграции. В появившихся летом–осенью 1989 г. в парижской *Liberation* и венской *Standard* заявлениях представителей румынских эмигрантских кругов делался акцент на том, что решение проблемы венгерского национального меньшинства в Румынии, и, в общем, прав человека в стране, может быть достигнуто лишь при установлении демократических свобод в Румынии после свержения режима Чаушеску[1]. Так национальные чаяния венгров совпали с устремлениями румынской политической оппозиции. С этого момента Венгрия отказывается от оборонительной позиции и переходит в пропагандистское наступле-

[1] Свидетельство тому — публикация центральными органами печати совместного заявления ВДР-РДЭ, клеймящего коммунистические режимы, прежде всего режим Чаушеску, закрывшие народам Восточной Европы путь к свободе и демократии.

ние, о чем свидетельствовала, в частности, трансляция летом 1989 г. по венгерскому телевидению, принимаемому на части территории СРР, интервью с бывшим королем Румынии — Михаем.

Вполне логичной стала и увязка невозможности достичь прогресса в вопросе о положении венгерского меньшинства в Румынии с членством Венгрии в ОВД. По выражению в то время министра иностранных дел Венгрии Д. Хорна, сделанному им в конце 1989 г., «Варшавский Договор объединяет на сегодняшний день страны с несовместимыми интересами». Затем последовал следующий шаг: поскольку дальнейшее сосуществование в ОВД далее невозможно, то, как заявил Д. Хорн на одном из предвыборных собраний ВСП, следует ожидать вступления Венгрии в политическую организацию НАТО.

Дальше — больше. После заявления румынской стороны о намерении закупить ракеты средней и меньшей дальности, а также о способности производить ядерное оружие[1], венгерская сторона высказалась о готовности из-за опасности, угрожающей с юго-востока, пересмотреть венгерскую оборонную доктрину[2]. Таким образом, к осени 1989 г. вполне реальной стала возможность «балканской потасовки», о которой, как о недопустимом пути разрешения кризисной ситуации в Восточно-Центральной Европе упомянул в своем выступлении перед членами Всевенгерского Совета мира Имре Пожгаи[3].

В декабре 1989 г. «трансильванский котел», несколько месяцев подогревавшийся лишь так называемым делом Ласло Текеши[4], реформаторского священника из Темишоары, преследуемого румынскими властями с весны, взорвался[5]. Протест венгерского МИДа по поводу совершенного 2 ноября 1989 г. покушения на священника и его семью был последним общением Венгрии с представителями руководства Чаушеску.

С 16 декабря у квартиры Л. Текеши, находившегося под охраной «Секуритате», начали собираться его румынские, венгерские и сербские прихожане. Напряженность в городе нарастала. 17 декабря горожане собрались на тимишоарской площади Марии с пением «Проснись, румын!». Волна демонстраций распространилась по всей стране, до-

---

[1] См.: Népzabadság. 17.04.1989.

[2] См.: Заявление заместителя заведующего отделом межпартийных связей ЦК ВСРП Ч. Табайди итальянской газете «Стампа» летом 1989 г.

[3] См.: Népzabadság. 21.06.1989.

[4] Госсекретарь США Дж. Бейкер, принимая в Вашингтоне Ласло Текеши назвал его катализатором революционных преобразований в Румынии.

[5] Л. Текши 14 октября 1989 г. на встрече с посетившими его представителями Венгерского Демократического Форума, сказал: «Всеобщая и исторически беспрецедентная «бульдозерная политика» Румынии готовит для наших венгров последнее хождение по мукам» (Magyar Hirlap. 18.10.1989).

стигнув 22 декабря Бухареста. Так началась кровавая «рождественская революция»[1], свергнувшая режим Чаушеску.

Однако, несмотря на то что Венгерская Республика была в числе первых государств, оказавшим помощь жертвам кровопролитного восстания[2], диалог с представителями новой румынской власти шел с переменным успехом. В конце декабря 1989 г. — начале января 1990 г. состоялось несколько официальных встреч с новым румынским руководством, которое поначалу с готовностью откликнулось на венгерские инициативы. Уже 5 февраля в Будапеште было подписано соглашение о культурном сотрудничестве на 1990 г., открывшее зеленую улицу позитивным переменам в жизни национальных меньшинств[3].

Обнадеживающие шаги были сделаны в области национальной политики новым румынским руководством и в одностороннем порядке. Представители венгерского национального меньшинства вошли в состав Исполкома Национального освободительного фронта Румынии. Впервые за долгие годы венгр был назначен заместителем министра образования Румынии. Было принято решение о создании Министерства по делам национальностей и о правовом урегулировании положения национальных меньшинств. В дни «рождественской революции» в Румынии был создан Венгерский демократический союз (ВДС)[4], который постепенно занял активную роль в защите прав румынских венгров, стал связующим звеном между ними и Венгрией.

Однако начавшийся процесс улучшения румыно-венгерских отношений и тесно увязанный с ним вопрос о правах румынских венгров, пошел не так гладко, как можно было ожидать после ликвидации основного, как тогда казалось, препятствия — режима Чаушеску. Сказалось общее замедление демократического процесса в Румынии,

---

[1] Позже, в феврале 1990 г., в своем обращении к румынской интеллигенции венгерские коллеги написали, что в дни кровавой «рождественской революции» их приблизило к румынам личное горе кровавых событий 1956 г. «Мы два европейских народа, которые кровью заплатили за свободу: венгры — в 1956-м, румыны — в 1989-м, начав и завершив историческое преобразование региона...» (Magyar Nemzet. 07.02.1990).

[2] В Румынию направлялись грузовики с продовольствием и медикаментами. Пока в руках «Секуритате» оставались румынские аэропорты, иностранные самолеты с грузами для оказания помощи румынам садились в венгерских аэропортах. По всей стране был организован сбор пожертвований в пользу румынской революции, многие венгры откликнулись на призывы перечислить заработную плату за дополнительный рабочий день на счет помощи пострадавшим от кровавого режима Чаушеску.

[3] См.: Magyar Hirlap. 06.02.1990.

[4] Цель Союза, как было провозглашено на его первом всерумынском съезде 13 января в Марошвашархейе, — создание совместно с румынским народом и другими национальными меньшинствами демократической Румынии, в которой венгры могут быть свободными и одновременно оставаться венграми не где-нибудь, а на своей родине — в Трансильвании, в Румынии, в Европе — «большом доме свободных народов» (Népzabadság. 15.01.1990).

наметившегося, по заявлению Л. Текеши, к февралю 1990 г. В Тиргу-Муреше (Марошвашархейе) — бывшем центре венгерской автономии имели место антивенгерские акции[1], среди которых — отказ румынской интеллигенции от избрания Кароя Кираи, руководителя ВДС, главой Марошского уездного совета Национального освободительного фронта. В Клуже румыны отказались передать венграм здания двух лицеев для создания в них школ с преподаванием на венгерском языке. Более того, во время своего февральского визита в Париж премьер-министр Петру Роман заявил, что новое руководство не допустит националистического давления, будь то венгерского или какого-либо другого, в вопросе об открытии в Трансильвании школ с преподаванием на национальном языке. Примерно в то же время, был ограничен и доступ венгерской литературы в Румынию. А председатель Исполкома Национального освободительного фронта Румынии Ион Илиеску в своем выступлении по телевидению еще 25 января обвинил румынских венгров в сепаратизме...

В первой половине февраля в венгерских населенных пунктах Трансильвании вновь прошли массовые демонстрации в защиту прав венгерского населения. Непоследовательность нового руководства проявилась в отказе румынской стороны от венгерских инициатив по совместному разрешению вопроса о двойном гражданстве. В связи с истечением срока соглашения от 13 июля 1979 г. Венгрия в одностороннем порядке отказалась от венгеро-румынского межгосударственного соглашения. Выступая 23 февраля 1990 г. на заседании Комиссии по правам человека ООН, государственный секретарь МИД ВНР Ференц Шомоди, положительно оценив сам факт революции в Румынии, отметил, что само по себе свержение режима Чаушеску, а также ничем не подкрепленные декларации о демократических намерениях нового руководства, не снимают автоматически вопрос о нарушении прав населяющих эту страну народов.

Напряженные отношения характеризовали в те дни и венгеро-словацкие отношения. В ходе дискуссии о несправедливости послевоенного урегулирования был поднят и вопрос о северо-восточной границе Венгрии, оставившей на территории Словакии примерно 750 тыс. жителей венгерской национальности, а на территории Закарпатской Украины — еще 200 тысяч. В конце 70-х — начале 80-х годов появились исследования проблемы послевоенного обмена на-

[1] В ходе одной из демонстраций прозвучали выкрики на румынском языке: «Венгров, потомков гуннов — надо выселить в Азию», «Венгерской крови!», раздавались голоса против восстановления университета в Клуже, распространялись листовки и рассылались телеграммы антивенгерского содержания.

селения между Венгрией и Словакией. По мнению авторов, опубликовавших в 1982 г. статью в журнале «Валошаг», процесс обмена населения, насильственного отрыва людей от мест их исторического проживания после Второй мировой войны не решил проблемы национальных меньшинств[1]. Параллельно с ростом гласности в Венгрии, этот вопрос с середины 80-х годов стал приобретать все большее звучание, хотя и уступающее по активности «трансильванскому». В отличие от последнего, он носил более открытый (благодаря иному стилю чехословацкого руководства) характер взаимного обмена претензиями и соображениями о возможных путях разрешения конфликтных ситуаций.

Венгерская сторона в основном предъявляла претензии по поводу возможности пользоваться родным языком во всех областях жизни в Словакии и Закарпатской Украине — от дошкольного воспитания до деятельности местных органов власти. Одновременно можно было наблюдать значительную общественную активизацию венгерского меньшинства в Словакии и Закарпатье, выступающего в защиту своих прав.

Словацкие венгры требовали восстановления школ с преподаванием на венгерском языке[2], создания центра общественных наук и университета в Комарно, расширения участия представителей венгерского меньшинства в словацком парламенте, развития культурных связей с родиной, защиты личных и коллективных прав венгерского меньшинства. Как сказал во время встречи с президентом Вацлавом Гавелом временный президент Венгерской Республики Матьяш Сюреш, «было бы полезно измерить масштабы ущерба, нанесенного венграм, проживающим после мировой войны в Чехословакии, и найти способы лечения»[3]. В ходе же предварительной встречи министров иностранных дел двух стран — Ю. Динстбира и Д. Хорна была достигнута договоренность о разработке плана культурного сотрудничества на 1991—1995 гг., включающего, помимо перечисленных, также вопрос о создании совместных групп историков для исследования белых пятен, а также событий 1968 г. в Чехословакии и 1956 г. в Венгрии.

В целом чехословацкая сторона демонстрировала открытый подход к выдвигаемым требованиям. Впервые заместителем премьер-министра Словакии был избран венгр по национальности Шандор Варга. Еще

---

[1] Szabo Karoly — E. Szoke Istvan: Adalekok a magyar — csehoslovak lakossagcsere tortenetehez. — Valosag 10, 1982.

[2] В 70-е годы в ходе изменения административного деления в Словакии исчезло примерно 230 сельских школ. На сегодняшний день в Словакии насчитывается 346 венгерских школ и 62 школы со смешанным обучением. 243:11 начальных; 10:8 гимназий; 5: 5 профессиональных школ. (Népzabadság. 20.07.1989).

[3] Magyar Hirlap. 27.01.1990.

шесть представителей венгерского меньшинства стали депутатами парламента республики. Тем не менее венгры считали это недостаточным. И не упускали случая указать словацкой стороне на рост националистических тенденций среди словацкого большинства, таких как волна публикаций националистического характера, которая прокатилась зимой 1988–1989 гг. по словацким, в основном партийным, газетам. Следствием стали антивенгерские выступления в Нове-Замки (Эршекуйвар) с требованиями возвращения венгров за Дунай.

Не остались в долгу и словаки, проживающие в Венгрии. Так, депутат венгерского парламента, представитель словацкого национального меньшинства Робертне Якоб отметила тревожную тенденцию к ассимиляции меньшинств, наметившуюся, по ее мнению, в Венгрии[1]. Она даже потребовала права выступать в венгерском парламенте на словацком языке.

Оппозиционные партии Венгрии — Союз свободных демократов, Союз молодых демократов, Социал-демократическая партия, Венгерский демократический форум — в качестве разрешения проблемы во время встречи с Ю. Динстбиром предложили рассмотреть вопросы создания культурных автономий[2]. Этот же путь предлагала в своем программном заявлении и правящая ВСП. В то же время представители венгерского национального меньшинства в Словакии заявили о необходимости пересмотра неестественного деления Словакии, введенного в 1966 г., так как его основной целью было повсеместное создание словацкого большинства[3]. Пересмотр административного деления хотя бы в областях, прилегающих к венгерской границе, мог открыть возможность для создания венгерской национальной культурной автономии в Словакии.

Похожая линия с началом «эпохи гласности» возобладала и в венгеро-советских отношениях. Разительно изменился тон ведущих массовых изданий Венгрии. Критике стали подвергаться практически все стороны жизни в Советском Союзе, непоследовательность и замедленность процесса перестройки, неспособность решить национальный вопрос, в том числе, и в советском Закарпатье. Началась переоценка наиболее трагических моментов истории наших отношений. Тем не менее, новое политическое мышление в межгосударственных отношениях позволило Советскому Союзу пересмотреть отношение к связям с народами соседних стран в сторону облегчения контактов жителей приграничных районов. Были открыты дополнительные пропускные

---

[1] См.: Népzabadság. 26.09.1989.

[2] См.: Magyar Nemzet. 16.01.1990.

[3] См.: Magyar Nemzet. 11.01.1990.

пункты на границе, облегчена процедура оформления поездок. Предприятия Закарпатской области получили свободу поиска партнеров по экономическому сотрудничеству среди близлежащих стран.

И все же поводы для критики находились хотя бы в сопоставлении уровня жизни в Венгрии и, несомненно, бедных приграничных районах Украины. Это вряд ли могло свидетельствовать о предвзятом отношении властей именно к венгерскому населению, но, тем не менее, в конце 80-х годов стало одой из центральных тем венгерских газет[1]. Постепенно этот вопрос был осторожно введен венгерскими политиками и в проблематику обсуждения с советской стороной. Так, в ходе визита в Москву в марте 1989 г. премьер-министр М. Немет отметил, что «внимание Венгрии в большой степени приковано к решению глобальных мировых проблем. Но мы считаем естественным, что каждый народ ищет свое место в новом мире, бережет свои ценности и борется за свое выживание. Позитивные изменения, начавшиеся в положении проживающего в Советском Союзе венгерского нацменьшинства, мы считаем отрадными и с этой точки зрения»[2].

В качестве отрадных перемен, венгерский премьер-министр имел в виду, конечно же, саму возможность поездки по Закарпатью в мае 1989 г. венгерского кардинала Ласло Пашкаи, обещавшего оказать помощь венгерским приходам в деле подготовки кадров священнослужителей из числа местных молодых людей. Подъему национального самосознания венгерского меньшинства способствовал и приезд в Берегово на открытие памятника поэту Дюле Иллешу временного президента Венгерской Республики, в то время — председателя Государственного собрания Венгрии — Матяша Сюреша.

Укреплению связей разделенных границей венгров должно было способствовать и соглашение министров культуры и образования двух стран о подготовке в высших учебных заведениях Венгрии преподавателей для школ с венгерским языком обучения и о помощи в деле обучения актеров будущего Венгерского национального театра в Закарпатье, а также целый ряд соглашений о расширении хозяйственно-экономического сотрудничества.

Однако путь полного решения проблемы закарпатских венгров венгерская сторона видела в создании национальной венгерской авто-

---

[1] Писалось, в частности, что, наряду с позитивными результатами, приграничные связи принесли и негативные последствия. Так, пограничный город Захонь и близлежащие венгерские населенные пункты стали, вследствие облегченного проникновения в них спекулянтов и других преступных элементов, криминогенной зоной. Об этом, в частности, свидетельствовал взлет преступности, отмеченной в районе (Népzabadság. 21.10.1989).

[2] Правда. 04.03.1989.

номии на территории Украины, непосредственно примыкающей к венгерской границе, где проживает большая часть из 200-тысячного венгерского населения края. О «неспешном и терпеливом» построении венгерской автономии в Советском Союзе говорил в своем выступлении в Берегово, столице закарпатских венгров, и Матяш Сюреш[1].

Приверженцы построения венгерской национальной автономии в Закарпатье организовались вокруг Общества культуры закарпатских венгров[2]. Заместитель главного редактора издающейся в Закарпатье на венгерском языке газеты «Карпати Игаз Со» («Правдивое слово Закарпатья), Бела Сабо в интервью газете «Непсабадшаг»[3] сказал, что вопрос о создании 160–170-тысячной автономии действительно стоит в повестке дня. Правда, он еще нуждается в некоторой детализации, в частности, — в учете большого национального смешения в области. Препятствием является также и отсутствие законодательного механизма образования автономии в Советском Союзе. В частности, не понятно, кто должен решать этот вопрос, верховная власть Украины или Советского Союза.

24 февраля 1990 г. на митинге, организованном на советско-венгерской границе рядом оппозиционных партий Венгрии, совместно с Обществом культуры закарпатских венгров и рядом неформальных украинских организаций, созданных на территории УССР, было принято открытое письмо М. Горбачеву, В. Гавелу, И. Илиеску и М. Сюрешу с призывом объявить Карпаты демилитаризованной зоной. Однако с распадом СССР проблема закарпатских венгров[4] перешла к Украинскому государству и затерялась в общем хаосе политической и экономической неразберихи в этом государстве.

Таким образом, в Венгрии, перемены рубежа 90-х годов, тесно увязывались с возможностью если не пересмотра послевоенных границ,

---

[1] По сути, митинг, собравшийся в честь открытия памятника Шандору Петефи, в присутствии М. Сюреша превратился в митинг за венгерскую автономию. Как сказал на митинге один из руководителей культурного общества закарпатских венгров Золтан Ковач: «Мы стоим перед последним шагом. Важно, что венгерская автономия нашла своих сторонников. По моему мнению, нельзя застопориваться на отдельных вопросах. Пусть будет так, совершенствовать и детализировать проблему можно и после, ведь пока нет еще ни политической, ни экономической практики» (Magyar Hirlap. 25.10.1989).

[2] Имелось в виду создание «такой маленькой Венгрии» в Советском Союзе, которая могла бы самостоятельно хозяйствовать, в которой бы свободно воплощались ценности, принесенные из прошлого, в которой бы естественным было венгерское слово...» (Magyar Hirlap. 25.10.1989).

[3] См.: Népzabadság. 28.11.1989.

[4] Венгерское меньшинство составляло примерно 13% населения Закарпатской области УССР.

то хотя бы с надеждами на изменение статуса соотечественников, проживающих в соседних с Венгрией странах. На первом этапе преобладала мысль о создании вокруг Венгрии национальных венгерских автономий, что позволило бы расширить ареал культурного влияния Венгрии. Главным козырем в мобилизации местного населения, безусловно, служил более высокий жизненный уровень в Венгрии, а также бóльшие свободы, которыми обладали граждане социалистической Венгрии. Национальная программа просматривалась в высказывании М. Сюреша в изданной им книге «О Венгрии, о внешней политике»[1]: «Проживающих на своей родной земле, в своих древних поселениях венгров мы рассматриваем как часть венгерского народа. Не они покинули страну, а границы вычленили их из основной массы нации». «Вычленение» же это произошло в качестве наказания за стремление Венгрии в годы Второй мировой войны вернуть и удержать принадлежавшие ей до 1920 г. территории — так трактуется в сегодняшней Венгрии участие ее в войне на стороне фашистской Германии и значение для нее тех земель, которых она в конечном итоге лишилась».

Программы решения «венгерского вопроса» имелись у всех шедших на первые свободные парламентские выборы партий. Наибольшее распространение получила идея создания национальных венгерских автономий в соседних странах. Некоторые партии (ВСП, ВСРП) ограничивались требованиями создания культурных автономий, другие — политических и экономических автономий. На фоне таких событий, как объединение немецкой нации и уже наметившиеся дезинтеграционные изменения в Советском Союзе и Югославии, такие надежды имели под собой определенную почву.

Национальная проблема в Чехословакии

В последней четверти XX в. в общественном развитии Чехословакии со всей очевидностью проявились две диаметрально противоположные тенденции: интеграционная и дезинтеграционная. Одновременно с углубляющейся общеевропейской интеграцией на политической карте Европы после падения коммунистических режимов на территории ряда стран стали возникать новые национальные государственные образования. К их числу относится и бывшая Чехословакия, которая в 1992 г. распалась на два независимых государства — Чешскую и Словацкую республики.

---

[1] *Szürös Mátyás:* Magyarországról-külpolitikárol. Budapest, Kossut Könyvkiadó, 1989.

Существовавшая до 1 января 1993 г. Чехословакия представляла собой многонациональное федеративное государство. В ней проживали (по данным на начало 90-х годов) представители следующих национальностей: чехи (54%), словаки (31%), мораване (8,7%), венгры (3,8%), цыгане (0,7%), поляки, немцы, украинцы и др.[1] В ее состав входили две республики — Чешская и Словацкая.

С распадом Чехословакии в 1992 г. разрешились проблемы, сопровождавшие существование чехов и словаков на протяжении длительной истории взаимопритяжения и взаимоотталкивания двух народов в многонациональной Австро-Венгерской монархии, в независимой унитарной Чехословакии, в федеративной ЧСФР.

Частную проблему единства Чехословакии следует рассматривать в контексте общей дискуссии о путях европейской интеграции. Как считает известный чешский исследователь Иржи Мусил, Чехословакия распалась в тот момент своего развития, когда Чехия и Словакия, как никогда прежде, с момента образования общего государства, были близки друг другу по своим социальным, экономическим и демографическим параметрам. К началу 90-х годов XX в. уровень урбанизации Словакии практически сравнялся с чешским, высокой степени достигла экономическая взаимозависимость между Чехией и Словакией. И тем не менее государство распалось: «Растущая структурная гомогенность не стала базой для продолжительного и прочного единства, а «чехословацкое общество» за семьдесят лет существования Чехословакии, так и не сформировалось, несмотря на все усилия чехов и словаков»[2].

Образование двух новых государств интерпретируется отдельными авторами как кульминация процесса дезинтеграции Австро-Венгрии и образования национальных государств, который смог завершиться только с падением биполярного мира. «Национальные государства и только они могут стать частью объединяющейся Европы»[3].

В XXI в., когда Чехия и Словакия стали частью объединенной Европы, вступив в мае 2004 г. в ЕС, история общего государства чехов и словаков — Чехословакии приобрела новое звучание и привлекает внимание исследователей в контексте концепции европейской интеграции, базирующейся на экономической взаимозависимости и социальной гомогенности отдельных европейских государств.

Надежды на образование независимого государства, на освобождение от австрийской и венгерской зависимости чехи и словаки связы-

---

[1] Statisticka rocenka CSFR. 1999. Pr., 1992. S. 167.

[2] *Musil J.* Jntroduction // The end of Czechoslovakia. Budapest, 1997. P. 11.

[3] *Butora M., Butorova Z.* Slovakia: The identity challenges of the newly born states // Ibid. P. 711.

вали с победой государств Антанты в Первой мировой войне. В то время весьма популярной у политиков была программа создания в Центральной Европе национальных государств. Этнический принцип как выражение естественного права народов на самоопределение сменил принцип объединения различных народов под господством «старых» европейских династий. Государства Антанты в 1918 г. пришли к выводу о невозможности сохранения Австро-Венгрии. Стремление объединить представителей одного народа в национальном государстве нарушало прежние границы и создавало многочисленные национальные меньшинства. Одним из таких государств стала Чехословакия.

В основе возникшего в 1918 г. чехословацкого государства лежала идея чехословакизма. Согласно этой концепции возникновение независимого чехословацкого государства представляло собой результат тысячелетнего естественного стремления чехов и словаков к единству в рамках общего государственного образования. Отцом чехословакизма был первый чехословацкий президент Т.Г. Масарик. Идея чехословакизма была сформулирована им не без влияния западноевропейской модели национального государства, а также достижений современной ему политической мысли, утверждавшей, что на международной арене в XX в. действуют в основном государства-нации или государства, которые скоро таковыми станут. С точки зрения «эффективности» и «жизнеспособности» для Т.Г. Масарика представлялось аксиомой то, что большое территориальное объединение с богатыми и разнообразными ресурсами окажется более подходящим членом мирового сообщества, а этнические группы, существующие в его границах, трансформируются в так называемый политический народ. Концепция чехословакизма была сформулирована таким образом, что допускала различные интерпретации понятия «чехословацкий народ»: с одной стороны как выражение политического единства, с другой — как национально-языкового.

Возникновение в 1918 г. независимого чехословацкого государства имело для чешского и словацкого народов эпохальное значение. Однако и чехи, и словаки, соединяясь в общем государстве, имели различные представления о способах его организации и формах государственного устройства. С чешской точки зрения государство возрождалось в традициях исторического чешского государства, но в «улучшенном варианте», т.е. с присоединением к нему ряда территорий на востоке — Словакии и Подкарпатской Руси. Часть словацких политических сил, представленных в основном многочисленной словацкой эмиграцией в США, рассчитывали заключить с чехами свободный

союз, в их замыслы входило образование двух государств с ограниченным суверенитетом. Другие словацкие политики (социал-демократы, народные социалисты и др.), объединившиеся в политические партии внутри страны, вначале отрицательно восприняв эту концепцию, с течением времени стали находить в ней привлекательные стороны.

По Конституции 1920 г. первая Чехословацкая республика (1918–1938) являлась унитарным государством. Она провозглашала Чехословакию национальным государством чехословацкого народа. При этом представителям всех населявших ее этнических меньшинств были предоставлены широкие национальные права, которые соблюдались и на практике. В Конституции наряду с понятием «чехословацкий народ» содержалось понятие «чехословацкий язык», которого не существовало в действительности, и который рассматривался лишь как символ государственности. На деле существовало два литературных языка чешский и словацкий, что не могло не противоречить концепции единого чехословацкого политического народа и, возможно, давало ответ на вопрос о том, почему же за 20-летний период совместной чехословацкой государственности так и не был начат процесс его формирования.

Анализ развития чехословацкой государственности в 30-е и 90-е годы XX в. выявляет много сходных моментов. Словацкая народная партия (СНП) в начале 30-х годов, требуя автономии для Словакии, выступала, по сути, за предоставление Словакии суверенитета, но без выхода из общего государства, поскольку не видела в этом никаких преимуществ. Несколько позднее представители СНП из поколения новой словацкой интеллигенции выдвинули более радикальные требования. Но и они не могли открыто выступать с программой отделения Словакии, поскольку в ЧСР действовал закон № 50/1923 об охране республики, в соответствии с которым любые выступления, направленные против целостности государства и его республиканско-демократической формы, подвергались уголовному преследованию. Проекты государственного устройства, в которых содержалось предложение о предоставлении двум государствам — чешскому и словацкому — прав самостоятельных международно-правовых субъектов, включая раздельное членство в Лиге наций, во многом, вплоть до отдельных формулировок, сходны с программой ДЗДС В. Мечиара, выдвигавшейся им в 1992 г.

Сторонники словацкой автономии утверждали, что все негативные явления в словацком обществе (в экономике, в области использования словацкого языка) вызваны прочешской политикой чехословацкого правительства. Внешнеполитическая ситуация второй половины

30-х годов XX в. также складывалась не в пользу сохранения единой Чехословакии. Отторжение от Чехословакии в пользу фашистской Германии части ее территории, в результате Мюнхенского сговора, имело серьезные последствия для внутриполитического развития страны. Под нажимом внешних и внутриполитических обстоятельств парламент Чехословакии был вынужден 18 ноября 1938 г. принять Конституционный закон № 299/1938 об автономии Словакии. В тексте закона Словакия определялась как «автономная часть Чехо-Словацкой республики»[1]. Однако, по сути, речь шла о довольно свободной федерации с сильными элементами конфедерации.

Эскалация требований словацкой стороны, ослабляющих и подрывающих основы совместного государства, таких как требование создания словацких вооруженных образований, вынудили пражский центр перейти к силовым мерам: сместить словацкое правительство, объявить в Словакии чрезвычайное положение. Была арестована часть видных представителей партии Глинки, многие вынуждены были эмигрировать. Однако под нажимом Германии 14 марта 1938 г. словацкий парламент провозгласил независимость Словакии, а 15 марта немецкие войска оккупировали Чехию и Моравию, которые были присоединены в качестве протектората непосредственно к Третьему рейху. Чехословакия перестала существовать.

В конце Второй мировой войны на повестку дня встал вопрос о послевоенном устройстве Европы и в том числе о возрождении чехословацкого государства. Было очевидно, что чехословакизм как государственная концепция себя не оправдал. В записке К. Готвальда (главы Загранбюро КПЧ в Москве) от 2 сентября 1944 г., направленной заместителю наркома иностранных дел С.А. Лозовскому, была выдвинута идея федеративного устройства Чехословакии. Он писал: «Политическая платформа Словацкого национального совета: демократическая Чехословацкая республика на основе равноправия словацкого и чешского народов (возможно на основе федеративных отношений)...»[2]. Э. Бенеш выступал как сторонник децентрализации восстановленной ЧСР по территориальному, а не национальному, признаку в составе четырех земель: Чехия, Моравия и Силезия, Словакия, Подкарпатская Русь. Центральная власть должна была делегировать часть своих полномочий законодательной и исполнительной власти этих земель. Словацкие коммунисты также выступали за федеративное решение

---

[1] *Rychlik J.* Česko-slovenské vztahy a rozpad Československa // Slovanské historické studie XIX. Pr., 1993. S. 84.

[1] *Марьина В.В.* Чехословакия от многонационального к двунациональному государству. 1944–1948 гг. // Славяноведение. М., 2001. № 5. С. 44.

вопроса о государственно-правовом устройстве Чехословацкой республики по примеру СССР и Югославии.

В программе первого правительства Национального фронта чехов и словаков, получившей название Кошицкой правительственной программы, было записано: «Новое правительство ЧСР приложит усилия к тому, чтобы при конституционном оформлении отношений между словацким и чешским народами были учреждены словацкие органы власти (законодательной и исполнительной). Распределение компетенций между центральными и словацкими органами власти будут установлены законно избранными представителями словацкого и чешского народов». Однако ни в одном документе, посвященном государственному строительству, нельзя найти даже упоминания о чешских органах власти. Именно в этот период и закладывались основы асимметричной модели государственного устройства. Декларируемый Кошицкой программой принцип «равный с равным» не получил необходимого обоснования: в документе были обозначены институты разного уровня — чехословацкие (федеральные) и словацкие (республиканские). Ни единым словом не упоминались чешские республиканские органы власти. Это противоречие стало основой для будущих политических споров и столкновений.

Еще в 1946 г., когда в результате парламентских выборов большинство в Словакии получила буржуазная Демократическая партия (ДП) (62%), а в Чехии 40,2% — Коммунистическая партия Чехословакии (КПЧ), Чехословакия гипотетически могла бы распасться на две страны. И только внешние силы в лице СССР и классовый подход, лежавший в основе политики левых сил, способствовали ее сохранению. Федеративная государственная идея в Чехословакии к 1948 г. была предана забвению, а в чехословацкой государственно-правовой структуре прочно закрепились элементы асимметричного конституционного устройства, выражавшиеся в том, что чехословацкие органы наряду с общегосударственными выполняли функции управления Чешской Республикой. Принятая в 1960 г. Конституция Чехословакии значительно ограничила роль и компетенции словацких органов власти. В основе национальной политики, проводимой в социалистической Чехословакии, лежало убеждение в автоматическом влиянии общественных процессов на позитивное развитие отношений между чехами и словаками. Игнорируя значение политико-институционального фактора, руководящая политическая сила общества — Коммунистическая партия Чехословакии — в качестве первостепенной задачи развития межнациональных отношений ставила социально-экономические вопросы выравнивания экономической ситуации в Чехии и Словакии.

Промышленный подъем, достигнутый Словакией на основе проводившейся социалистической индустриализации, позволил ей увеличить свою долю в общегосударственном промышленном производстве с 14% в 1948 г. до 24% в 1970-м. Значительные изменения произошли в социальной структуре словацкого народа и всего населения Словакии, улучшилось качество жизни, стал выше культурный уровень.

Очередной виток в развитии чешско-словацких отношений пришелся на конец 60-х годов XX в. и был тесно увязан с процессом реформирования социализма в стране, получившим название Пражская весна. Преобразование чехословацкого государства в федеративное началось весной 1968 г. и было инициировано словацкой стороной. В мае 1968 г. Словацкий национальный совет образовал правительственную комиссию по подготовке проекта закона о чехословацкой федерации. На основе конституционного закона № 77/1968 Национальное собрание избрало Чешский национальный совет в качестве временного органа, состоявшего из 150 членов, задачей которого была разработка проектов федеративного устройства с точки зрения чешской стороны.

Новый закон о федерации разрабатывался коммунистами-реформаторами и предоставлял Чешской и Словацкой республикам широкие полномочия. В Конституционном законе, принятом Национальным собранием 27 октября 1968 г., было записано, что основой Чехословацкой Социалистической Республики является добровольный союз равноправных национальных государств чешского и словацкого народов, основанный на праве самоопределения каждого из них, а Чехословацкая федерация является выражением воли двух самобытных и суверенных народов, чехов и словаков, жить в общем федеративном государстве. Законодательство Чехословакии предусматривало, что компетенции, которые не были закреплены за федерацией, относятся к ведению республик. Внешняя политика, оборона, финансы и федеральное законодательство находились в ведении федерации. Республики получали исключительные компетенции в сфере здравоохранения, культуры и образования. Все остальные сферы общественной жизни (сельское хозяйство, промышленность, внешняя торговля, транспорт, связь и телекоммуникации, социальная политика, государственная безопасность и др.) находились в совместной компетенции федерации и республик.

В основе принятой в 1968 г. Конституции был заложен национальный принцип, который при определенном стечении обстоятельств, мог бы превратить чехословацкую федерацию в дуалистическую, тем более что статья 142 предполагала в дальнейшем разработку и принятие конституций каждой национальной республики.

Однако реализация этого закона проходила в неблагоприятных для осуществления первоначально заложенных в нем принципов условиях. Реальная федерализация чехословацкого государства находилась в прямой зависимости от общеполитической ситуации в стране. Коммунистической партии Чехословакии не удалось провести реформирование в духе «социализма с человеческим лицом» и под нажимом со стороны Советского Союза и других стран Варшавского договора пришлось отказаться практически от всех начатых преобразований.

Заседание ЦК КПЧ в ноябре 1968 г., осудившее «правый оппортунизм», подчеркнуло, что основой консолидации общества и государства должна стать консолидация Коммунистической партии Чехословакии на принципах демократического централизма и пролетарского интернационализма. КПЧ контролировала все шаги по реализации Закона о федерации.

Руководство страны в лице Первого секретаря ЦК КПЧ Г. Гусака, осознавая непопулярность идеи федеративного государства в Чехии, неоднократно подчеркивало необходимость развития и углубления чешско-словацких отношений и контактов, единства государства, которое укреплялось бы политикой Коммунистической партии Словакии (как подчиненной части КПЧ). В целом в политической элите страны все у́же становился круг лиц, заинтересованных в федерализации чехословацкого государства. Персональные изменения в составе руководящих государственных органов, вызванные чистками в КПЧ привели к тому, что так называемое «здоровое ядро» (В. Биляк, А. Индра, Й. Ленарт, и др.) получило перевес над сторонниками реформ (Л. Штроугал, П. Цолотка, О. Черник).

Очередным наступлением на федерацию стало Постановление ЦК КПЧ (май 1969 г.). В нем еще раз подчеркивалась руководящая роль КПЧ в укреплении государственных органов и социалистического государства. Его принятие положило конец реформистским усилиям по «ослаблению» центра, стремлениям к осуществлению реальных принципов самоуправления в республиках и на местах. Практически не осуществлялась реформа экономики, не велась разработка закона о полномочии федеральных министерств. Само общество также не проявляло заинтересованности в федеративном государственном устройстве. Если в июле 1968 г. в поддержку федеративной идеи в Словакии высказались 63% опрошенных, а в Чехии (без Моравии и Силезии) 42%, то к апрелю 1969 г. эти цифры составили соответственно 46 и 33%. 30% респондентов в Чехии и 34% в Словакии безразлично отнеслись к федерации[1].

[1] *Žatkuliak J.* Realizácia Ústavného zákona o československej federácii od októbra 1968 // Hist. cas. Br., 1992. Roc. 40. No 3. S. 367.

Не были приняты первоначально задуманные законодательные акты, которые бы определяли компетенции федерации и национальных республик в сфере планирования и бюджетной политики, закон о денежной и валютной системах. Шел процесс постепенного усиления центральных органов власти и роли федерального правительства. Окончательно отказались правящие элиты и от федерализации Коммунистической партии Чехословакии.

«Формирование федеративного государства сверху, персональное слияние федеральных и национальных органов исполнительной власти, политический дирижизм, который модифицировал весь процесс экономических реформ и построения федерации, означали возврат к унитарной схеме управления государством»[1].

Реальные процессы, проходившие в экономической жизни, принимаемые политиками решения ставили под сомнение предусматривавшееся в Конституционном законе о федерации положение о равноправии трех субъектов — федерального и двух национальных правительств.

Интеграционные процессы и взаимоотношения в политическом и экономическом руководстве развивались в направлении централизации, особенно в области установления компетенций федеральных и национальных органов. В государственных органах укреплялась роль единой КПЧ, которая по своей структуре была асимметрична по сравнению с государственными органами власти. В политической системе, представлявшей собой пирамиду, национальные органы со своими компетенциями занимали средний уровень, а наверху помещались центральные органы КПЧ и федерации. Такое построение политической системы находилось в противоречии с принципом «равный с равным». Все это напоминало развитие событий после Второй мировой войны, когда Чехословацкая федерация рассматривалась (Г. Гусак, Й. Леттрих) как единое государство, без предоставления суверенитета отдельным республикам.

Окончательное оформление федеративного устройства Чехословакии можно отнести к сентябрю 1970 г., когда Комиссия Президиума ЦК КПЧ (Г. Гусак, Д. Ханес, В. Гула, А. Индра, Й. Кемпны, Й. Ленарт, К. Лацо, Л. Штроугал) предложила проект изменений в государственно-правовом устройстве страны. Федеральное правительство получало право блокировать те решения республиканских правительств, которые противоречили его постановлениям, создавался «сильный» федеральный бюджет, образовывались федеральные министерства топлива

[1] *Žatkuliak J.* Op. cit. P. 369.

и энергетики, металлургии и машиностроения, путей сообщения, связи. Предусматривалось укрепление роли централизованного планирования в экономике. В Словакии были ликвидированы министерства планирования, путей сообщения, почт и телекоммуникаций.

Декабрьский (1970) Пленум ЦК КПЧ и ЦК КПС принял дальнейшие решения по модификации закона о федерации. В соответствии с ними была принята модель управления экономикой, соответствующая принципам централизованного и планового управления народным хозяйством, органы самоуправления были лишены своей самостоятельности, была создана единая система национальных комитетов. Законы № 125/1970, 126/1970, 133/1970, 134/1970, 145/1970 окончательно зафиксировали экономическое единство ЧССР, единую общественную социалистическую собственность, единую валюту. Федерализация чешско-словацкого государства в 1968 г. создала конституционные возможности для реализации в отношениях между чешским и словацким народами принципа «равный с равным». Однако впоследствии этот принцип был в значительной степени деформирован. С принятием в октябре 1968 г. Конституционного закона о Чехословацкой федерации и установления действующей с 1969 г. федеративной формы государственно-правового устройства, в отношениях между чешским и словацким народами начался новый этап.

В ходе осуществления на практике принципов федеративного государственного устройства в Чехословакии в первой половине 70-х годов были достигнуты определенные успехи в ряде областей национальной и экономической политики. Быстрыми темпами росла словацкая индустрия: в 1971–1975 гг. объем промышленной продукции в Словакии вырос на 55%, в то время как в целом по стране на 37,5%[1]. Ощутимо поднялся общий образовательный и культурный уровень населения Словакии, укрепились и повысили свою профессиональную подготовку во всех сферах государственно-политического и экономического управления ее национальные кадры. XV и XVI съезды КПЧ констатировали в своих документах, что существовавшие ранее большие различия в уровнях развития экономической, политической и культурной жизни народов и отдельных областей ЧССР ныне преодолены.

На XVII съезде КПЧ (1986) указывалось, что развитие государственности неразрывно связано с упорядочением государственно-правовых отношений чехов и словаков в федерации и что это положительно сказывается на состоянии национального сознания в стране. В социалистической Чехословакии в 70–80-х годах на официальном

[1] См.: *Grospic J.* Československá federace. Pr., 1972. S. 42.

уровне отрицалось наличие каких-либо проблем во взаимоотношениях чешского и словацкого народов. Однако даже тогда можно было найти косвенные указания на напряженность в отношениях между двумя преобладающими нациями страны. Так, еженедельник ЦК КПЧ «Трибуна» в середине 70-х годов выступил с разоблачением западной пропаганды, которая старается внушить чехам, что основное внимание уделяется развитию Словакии, а словакам, наоборот, что сейчас в невиданных масштабах растет Прага; заметка призывала бороться против «всех проявлений национализма».

Одним из источников напряженности в развитии взаимосвязей между чехами и словаками являлся вопрос о достаточной экономической обоснованности курса на опережающие темпы экономического развития Словакии. Известно, что уже в первое десятилетие существования федерации экономика Словакии стала развиваться быстрее. В 1970–1980 гг. рост общественного продукта по всей стране составил 156,6%, промышленной продукции — 168,8, национального дохода — 159,6, а по Словакии эти показатели составили соответственно — 175, 199,7 и 171,5%. XVI съезд КПЧ (1981) наметил линию на более быструю, по сравнению с ЧСР, динамику развития экономики Словацкой Социалистической Республики. На XVII съезде КПЧ (1986) для ССР также запланировали на 1986–1990 гг. более высокие темпы экономического развития[1]. Эта линия расценивалась в чешской среде как проявление словацких национальных интересов в общегосударственном курсе.

К концу 20-летнего существования Чехословацкой федерации подавляющее большинство населения страны считало, что представители различных национальностей живут в Чехословакии в полном согласии (78%)[2]. Однако симптомом неблагополучия в чешско-словацких отношениях стал процент опрошенных, характеризовавших их как безразличные — 23%. В целом в 1990 г. 45% опрошенных чехов и словаков охарактеризовали отношения между своими народами как безразличные или неблагополучные[3]. Больше половины опрошенных считало, что в перспективе чешско-словацкие отношения не изменятся. На улучшение отношений рассчитывали скорее в Словакии, чем в Чехии. Жители крупных городов склонялись к мнению об ухудшении отношений между чехами и словаками в будущем[4]. В прогнозировании пер-

---

[1] XXVII zjazd KSSZ a XVII zjazd KSČ o rozvoji národnostnych vztáhov v Sovietskom Svaze a Československu. Br., 1986. S. 73.

[2] См.: Názory na vztáhy národov a národnosti ČSSR. IVM: Záverečna správa z výzkumu. Pr., 1990. C. 89/6. S. 15.

[3] Ibid. S. 32.

[4] Ibid. S. 33.

спектив развития чешско-словацких отношений преобладали социально-экономические мотивы. Граждане более позитивно относились к идее федеративного устройства государства, чем к конкретным мерам по федерализации социально-экономических, политических, культурных процессов. Однако бесспорно положительно оценивалась роль федерации в экономическом развитии Словакии. Чехи чаще, чем словаки, выражали неудовлетворенность осуществлением на практике федеративного принципа[1].

В ходе «бархатной революции» 1989 г. чехи и словаки проявили удивительное единодушие и синхронность действий в борьбе против коммунистического режима. Можно было предположить, что они и далее объединят свои усилия в создании общего демократического государства. Однако этого не произошло. Весной 1990 г. национальное противостояние чехов и словаков проявилось открыто.

Пытаясь понять причины, которые привели к распаду чехословацкого государства, нельзя не обратить внимания на связь развития принципов демократии и плюрализма в общественной жизни после победы «бархатной революции» и нового витка обострения национально-государственной проблемы. Изменение основ политической системы страны после ноябрьских событий 1989 г. вывело на политическую арену политическую элиту, которая столкнулась с необходимостью выработки отличной от прежней коммунистической, новой концепции государственного устройства Чехословакии. Как нам представляется, посленоябрьские политики на первом этапе (осень 1989 г. — лето 1990 г.) после победы в борьбе за власть не были готовы ни теоретически, ни организационно к решению национально-государственных проблем. Это относится и к законодателям, и к представителям исполнительной власти, и к представителям политических партий.

Первая проба пера (если так можно выразиться) в этом направлении была связана с изменением прежнего названия государства — Чехословацкая Социалистическая Республика. В начале 1990 г., уже после того, как президентом стал В. Гавел, было «реконструировано» Федеральное собрание страны, председателем которого был избран Александр Дубчек. На заседаниях Федерального собрания развернулась дискуссия по вопросу о названии страны, длившаяся в течение трех месяцев. Депутаты от Словакии в стремлении подчеркнуть в новом названии идею о двух самобытных народах, объединенных в единое государство, и в традиции Трианонского договора предлагали

[1] Ibid. S. 40.

разделить дефисом историческое наименование страны — «Чехо-Словакия». И только со второй попытки 20 апреля 1990 г. законодателям удалось принять решение, удовлетворившее как словацкую, так и чешскую части собрания. Решение это выглядело как компромисс, который парадоксальным образом содержал внутренние противоречия. Государство получило официальное название «Чешская и Словацкая Федеративная Республика», а ее историческое название «Чехословакия» обрело двойное написание — на чешском языке слитное, а на словацком — через дефис.

К весне 1990 г. относится и институциональный демарш. Чешское и словацкое правительства провели прямые переговоры без участия федерального органа исполнительной власти, на которых решили, что каждая из двух республик будет использовать все налоговые платежи, собираемые на ее территории для формирования республиканского бюджета. Предполагалось, что республики будут выделять федеральному центру необходимые средства. Другими словами, у федерального правительства не должно было остаться собственных источников для формирования бюджета. Тогдашний премьер-министр В. Клаус справедливо отметил, что национальные правительства работают на распад федерации, так как без экономического центра и автономных доходных статей во всех трех бюджетах невозможно представить себе единой экономики.

Наиболее удобным для политических партий случаем заявить о своем видении будущего государственного устройства стали первые свободные выборы в июне 1990 г. Предвыборная программа Гражданского форума (ГФ), самой влиятельной политической силы того времени, формулировала этот принцип следующим образом: «При сохранении принципа федеративного устройства Чехословакия будет представлять собой равноправный союз обеих наций и всех национальностей»[1]. В программе ГФ также указывалось, что все народности, населяющие Чехословакию, имеют право на удовлетворение своих специфических потребностей в сфере культуры, традиций и языка.

Коммунистическая партия Чехословакии, занимая принципиально отличные от ГФ позиции практически по всем пунктам программы, также выступала с идеями федеративного государственного устройства. Коммунисты выдвигали требование предоставления гарантий для осуществления реального политического, экономического и культурного равноправия всех народов, населяющих Чехословакию[2].

---

[1] Deset pražských dnů (17–27 listopad 1989)/ Dokumentace. Pr., 1990. S. 504.

[2] K vyboram 1990. Programm KSČ. Leták.

На политической сцене в 1990 г. не были представлены силы, предлагавшие идеи чешского суверенитета или закрепления за Чешской Республикой статуса субъекта международного права. Правда, действовало Движение за самоуправляемую демократию (ДЗСД) — Общество Моравия и Силезия, которое выступало за законодательное закрепление положения мораван как этноса с собственной правосубъектностью, и за самоуправляемые Моравию и Силезию в общем государстве.

Перед выборами 1990 г. политические силы Словакии по их отношению к государственному устройству страны можно было сгруппировать следующим образом. За немедленное отделение Словакии и провозглашение независимого суверенного словацкого государства выступал Национальный совет за освобождение Словакии, который в основном поддерживали представители словацкой эмиграции из США и Канады. Идею конфедерации или унии двух суверенных государств Словакии и Чехии, имеющих общие министерства обороны, иностранных дел и финансов, высказывали Словацкая национальная партия (СНП), Партия свободы (ПС), Независимая партия словаков (НПС). Федерация как форма государственного устройства фигурировала в программах «Общественности против насилия» (ОПН), Демократической партии (ДП), христианских демократов (ХД) и социал-демократов (СД), а также политических партий венгерского национального меньшинства, в частности Венгерской национальной партии (ВНП). Наряду с признанием федеративной формы государственного устройства, в программах христианских демократов, Демократической партии, социал-демократов содержалось требование провозглашения суверенитета Словакии. Будущее чехословацкого государства виделось идеологами этих партий в форме федерации суверенных республик.

В выборах 1990 г. представители различных национальностей, населявших Чехословакию, по-разному голосовали за национально и вненационально ориентированные партии.

Приведенные данные позволяют говорить о значительной роли национального компонента в симпатиях венгерского и в меньшей степени словацкого и моравского электоратов. Дальнейшее формирование программных установок политических сил происходило в том числе и с учетом электоральных предпочтений.

Основными чертами общественного развития после выборов 1990 г. стали черты переходного периода от одной системы организации общества к другой: начались крупномасштабные изменения в экономической сфере, продолжилось реформирование политической структуры Чехословакии. Первоочередной задачей политических реформ

стало решение вопроса о государственно-правовом устройстве страны, разработка и принятие новой Конституции.

В 1990–1992 гг. в переосмыслении концепции Чехословацкой федерации преобладали тенденции, направленные на перераспределение компетенций федерального центра и республик. В декабре 1990 г. Федеральным собранием ЧСФР был принят Конституционный закон о Чехословацкой федерации, более известный как Закон о разделении компетенций, который изменял прежний способ разделения полномочий. Если ранее предусматривались исключительная компетенция федерации, совместная компетенция федерации и республик и исключительная компетенция республик, то данным законодательным актом суверенитет республик в федерации объявлялся первоначальным, а суверенитет федерации производным.

Компетенции федерации приобретали ограниченный характер: закон относил к ним лишь те вопросы, которые республики добровольно передавали в ее ведение — единой внешней политики, обороны государства и единой валюты; в области экономики — создание условий для единого рынка: разработка концепций, принятие законов по ключевым экономическим вопросам, стимулирование свободного движения капитала и рабочей силы, введение единой системы налогообложения. Законом предусматривалось становление единой банковской системы в ЧСФР с единым эмиссионным банком. Федерация получала возможность регулировать работу таможенной службы, разрабатывать федеральные законы, ведать делами почт и телекоммуникаций, регулировать величину и порядок социальных выплат (пенсий, пособий и т.д.). Федеральному собранию было предоставлено право в случае необходимости принимать решения по вопросам функциони-

Таблица 1.2.1

Результаты голосования представителей различных национальностей на выборах 1990 г. (%)

Национальность	Общедемократические движения ГФ+ОНП	Интернац. соц. ориент. КПЧ	Нац. ориент. партии	Христианские партии
Чехи	62	12	нет партии	7
Словаки	35	13	СНП — 17	22
Мораване	17	11	ДЗСД — 48	19
Венгры	нет данных	11	ВНП — 80	нет данных

Источник: Sláma J. Parlamentní volby 1935, 1946, 1990 — ne pouze historie // Sociologický časopis. Pr., 1990. C. 2. S. 186.

рования общегосударственных технологических сетей: нефте- и газопроводов, системы энергоснабжения.

К компетенции республик были отнесены экономические, социальные и внешнеполитические вопросы, которые затрагивали их непосредственные интересы. Закон предоставлял республикам возможность осуществлять свой суверенитет во внешнеполитической области, не выходя за рамки единой внешней политики ЧСФР. Деятельность республик при этом ограничивалась заключением соглашений со сходными с ними по государственно-правовому положению субъектами федеративных государств в области торговли, культуры, науки, образования, здравоохранения, спорта, средств массовой информации. Они получали право обмениваться с зарубежными странами культурными представительствами.

Устраняя возможность вмешательства органов федерации в компетенции республик, закон определял, что при возникновении противоречий между действиями федерального и республиканского правительств принимать решения уполномочен Конституционный суд. Закон исходил из перспектив самостоятельного развития экономики каждой из республик на основе их интеграции в единую рыночную систему. Однако принятие Закона о разграничении компетенций не сыграло стабилизирующей роли в жизни страны. Этот закон создавал объективные условия не столько для закрепления федеративных основ государства, но скорее для углубления межреспубликанских различий, прежде всего в экономической сфере. Попытки заменить реально существовавшую до 1989 г. унитарную модель государства на трехсубъектную привели к формированию и усилению специфических интересов сторон и к их столкновению.

Идею сохранения чехословацкой государственности последовательно отстаивал в 1990–1992 гг. президент В. Гавел. По его мнению, единственно возможной формой существования общего или совместного государства чехов и словаков являлось федеративное устройство. Особое значение в этой связи В. Гавел придавал разработке и принятию новой Конституции страны. Он неоднократно заявлял, что «дал обет ввести новую конституцию в жизнь» и в случае невыполнения этого обещания уйти в отставку с поста президента. В. Гавел считал, что если федеральная Конституция не будет принята до парламентских выборов в июне 1992 г., это станет поражением демократической власти. Он поддерживал идею подписания государственного договора между Словацкой и Чешской республиками, в котором была бы отражена воля граждан обеих республик жить в общем, федеративном государстве.

Впервые идея такого договора была высказана Я. Чарногурским, лидером Христианско-демократического движения (ХДД), главой словацкого правительства (апрель 1991 г. — июнь 1992 г.). В ее развитие весной 1991 г. представители Чешского национального совета (ЧНС) выступили с проектом договора между ЧНС и Словацким национальным советом (СНС) о государственно-правовом устройстве Чешской и Словацкой Федеративной Республики[1]. В преамбуле проекта подчеркивалось, что ЧНС и СНС, избранные в 1990 г. в результате свободных и демократических выборов, являются легитимными представительными органами, выражающими действительную волю обоих народов, состоящую в намерении жить в общем государстве — Чешской и Словацкой Федеративной Республике, которое представляет собой добровольный союз двух равноправных республик.

Трудности переходного периода, испытанные чехословацким обществом в 1990–1992 гг., обострили национальную самоидентификацию как словацкой, так и чешской сторон. Однако можно отметить, что ряд влиятельных политических партий продолжал отстаивать накануне выборов 1992 г. идею федерации как инструмента, обеспечивающего абсолютное единство действий на всем пространстве Чехословакии. Последовательно отстаивали понимаемое именно таким образом федеративное устройство Чехословакии представители Гражданской демократической партии, за федеративное государство выступала также и Коммунистическая партия Чехии и Моравии (КПЧМ).

Переговоры о будущем государственном устройстве велись представителями чешского, словацкого и чехословацкого парламента вплоть до парламентских выборов в июне 1992 г., но не привели к каким-либо результатам. Следует подчеркнуть, что к лету 1992 г. стала очевидной неспособность федеральных органов представительной власти принимать новые, принципиально важные законы. Анализируя складывающуюся в стране общественно-политическую ситуацию, можно заметить, что поиск решения о форме государственно-правового устройства в том виде, в котором он проходил в Чехословакии, скорее способствовал ее дезинтеграции. Скорейшее принятие решений самой политической элитой страны являлось первейшей необходимостью. Промедление могло сделать этот процесс неконтролируемым и спровоцировать вмешательство внешних сил.

Дискуссии о будущем государственного устройства вылились в конфликтное развитие, достигшее своей кульминации после парламентских выборов в июне 1992 г. Расстановку сил в Федеральном собрании

[1] См.: Žit v spoločnom štáte. Návrh Dohody ČNR a SNR // Cas. Br., 1991. 14.05. S. 1, 4.

ЧСФР определял тот факт, что большинства голосов, необходимых для принятия решений, имеющих судьбоносное значение для будущего страны, не было ни у одной политической партии, одержавшей победу на выборах.

ГДП, которая выступала за федерацию, основанную на территориальных и гражданских принципах, стала бесспорным политическим лидером в Чехии. Словацкие избиратели в своем большинстве отдали голоса Движению за демократическую Словакию (ДЗДС), выступавшего за провозглашение суверенитета Словакии. В такой ситуации было очевидно, что в будущем неизбежно столкновение интересов ГДП и ДЗДС, которое станет сильнейшим дестабилизирующим фактором в развитии страны.

Более того, по Конституции 1968 г., которая в демократических условиях превратилась в реальный действующий законодательный акт, 8% голосов депутатов Федерального собрания было достаточно, чтобы заблокировать принятие важнейших государственных законов. На практике это означало следующее. Федеральное собрание представляло собой двухпалатный парламент, состоявший из Палаты народа (150 депутатов, избираемых в соответствии с численностью чехов и словаков) и Палаты национальностей, в которой чешские и словацкие депутаты были представлены поровну, по 75 человек. Для принятия конституционных законов и закона о проведении референдума требовалось квалифицированное большинство, что составляло $^3/_5$ от общей численности депутатов. Голосование проходило раздельно по палатам и закон вступал в действие после его утверждения обеими палатами. Другими словами, 31 депутат из национальной группы получал возможность блокировать принятие важнейших законодательных актов.

Уже на следующий день после окончания выборов 8 июня в Брно начались переговоры между лидерами победивших партий В. Мечиаром (ДЗДС) и В. Клаусом (ГДП) по вопросам федерального правительства страны и будущего страны в целом. 19–20 июня в Братиславе на новой встрече представителей ГДП и ДЗДС были разработаны тезисы программного заявления правительства ЧСФР. В документе говорилось, что у нового федерального кабинета министров — временный мандат. 24 июня в Братиславе было сформировано новое словацкое правительство во главе с Владимиром Мечиаром (председателем ДЗДС). 2 июля приступил к обязанностям новый кабинет министров Чешской Республики во главе с Вацлавом Клаусом.

А 14 июля 1992 г. на сессии парламента Словакии ее правительство выступило с программным заявлением, в котором говорилось о стрем-

лении к установлению с Чешской Республикой отношений нового типа и созданию такой модели сосуществования двух национальных республик, при которой Словакия будет признана как субъект международного права. Реакция правительства Чехии, возглавляемого В. Клаусом, последовала незамедлительно. Чешское правительство в тот же день приняло заявление, в котором оно, с учетом того, что в Словакии к власти демократическим путем пришли политики, стремящиеся к ускоренному достижению национального суверенитета Словацкой Республики и превращению ее в субъект международного права, принимало на себя обязательство всеми необходимыми мерами обеспечить существование Чешской Республики как самостоятельного государства.

У значительной части чешской и словацкой политической элиты в создавшейся ситуации отсутствовал четкий план действий. Еще большее напряжение внесла отставка с поста президента ЧСФР В. Гавела. Его переизбрание на этот пост было заблокировано в Федеральном собрании словацкими депутатами.

Судьба Чехословакии была решена в ходе консультаций В. Клауса и В. Мечиара. Чешская сторона придерживалась концепции, максимально децентрализованной ЧСФР, где передача важных полномочий из центра не ограничивалась бы уровнем республик, а распространялась бы на области и даже регионы. Единственно, чем не хотела поступиться чешская сторона, так это основополагающими принципами радикальной экономической реформы.

Словацкая концепция содержала окончательно оформленный проект экономической и оборонной унии. Речь шла о «государстве из двух слагаемых», в котором будут две разные экономики в общих границах, два эмиссионных банка с общей денежной единицей, два международно-правовых субъекта, которые в некоторых случаях могут быть представлены за рубежом общими посольствами. Все это должно было называться Чехословакией без дефиса. В. Клаус определил эту концепцию как нежизнеспособный гибрид и «третий путь в никуда»[1]. Словацкие представители не принимали идеи федерации, чешские — конфедерации. В. Клаус и В. Мечиар пришли к соглашению о контролируемом разделе федерации на два государства, объявив, что они предоставят Федеральному собранию проекты законов о прекращении существования федерации и об определении механизмов раздела общего имущества.

---

[1] Klaus V., Hájk P. Narovinu. Pr., 2001. S. 318.

Упразднение Чехословацкой федерации произошло по воле политических элит. И когда В. Клаусу задают вопрос, не являлось ли это решение, принятое без проведения референдума свидетельством дефицита демократии, то в его ответе звучит, с одной стороны, сожаление, а с другой — уверенность в неизбежности происшедшего: «Тогда одна часть Чехословакии не желала больше оставаться в федерации. Я был на стороне чехов и хотел, чтобы Чехословакия продолжалась, но словаки решили дальше идти в одиночку. В такой ситуации нельзя было сформулировать разумный вопрос и устроить референдум. На какой вопрос должны были отвечать чехи? Довольны ли они тем, что словаки хотят отделиться? В этом не было никакого смысла. Если вопрос был, хотят ли чехи раздела страны, чехи твердо сказали бы "нет". Но это не помогло бы и ничего не спасло...»[1]. Хроника разъединения страны на два независимых государства, составленная по материалам информационных агентств, позволяет убедиться в обоюдном стремлении чешских и словацких политических элит к разделу общего государства.

17 июля Словацкий национальный совет принял Декларацию о суверенитете Словацкой Республики, в которой говорилось о праве словацкого народа на самоопределение в соответствии со всеми международными договорами и соглашениями. По заявлению В. Мечиара, Конституция ЧСФР на территории Словакии действует до принятия Основного закона СР.

22–23 июля на встрече чешского премьер-министра В. Клауса и словацкого В. Мечиара в Братиславе определились позиции сторон: чешская сторона не принимала конфедерацию, а словацкая была не согласна с федерацией. Стороны пришли к соглашению о контролируемом разделе федерации на два государства, объявив, что они предоставят Федеральному собранию проекты законов о прекращении существования федерации и об определении механизмов раздела общего имущества.

26 августа в Брно на встрече В. Клауса и В. Мечиара была определена точная дата разъединения федерации — 1 января 1993 г.

1 сентября словацкий парламент принял Конституцию Словацкой Республики, а 1 октября 1992 г. она вступила в силу. Федеральное собрание ЧСФР, приняв соответствующие поправки к федеральной Конституции, предоставило руководителям республик дополнительные полномочия: в полное распоряжение республик были переданы почта и железные дороги, право на проведение самостоятельной по-

---

[1] *Клаус В.* Опасность для демократии и свободы в Европе // http://www.russ.ru/culture/20050616_klaus.html.

литики в средствах массовой информации, сохранение безопасности и порядка на их территории и расследование преступлений против государства. В ведении федерального правительства были оставлены финансы, экономика, международные связи, оборона и национальная безопасность, переработка и использование газа и электроэнергия, контроль за атомными электростанциями.

9 ноября чешский и словацкий премьеры В. Клаус и В. Мечиар одобрили проект Договора о добрососедстве, дружеских отношениях и сотрудничестве между Чехией и Словакией.

13 ноября парламент ЧСФР принял Закон о разделе имущества Чехословацкой федерации между Чехией и Словакией. Основой механизма деления стали территориальный и пропорциональный принципы.

17 ноября Национальный совет Словакии и Чешский национальный совет приняли постановление к законопроекту Федерального собрания ЧСФР о прекращении существования Чехословацкой федерации. Парламентарии рекомендовали в срочном порядке рассмотреть и принять документ, который законодательно закрепил бы распад единого государства чехов и словаков.

25 ноября парламент ЧСФР принял Закон о прекращении существования Чехословацкой федерации с 31 декабря 1992 г. Государствами — преемниками ЧСФР с 1 января 1993 г. стали Чешская Республика и Словацкая Республика. Вместе с федерацией перестали существовать и государственные органы федерального подчинения, вооруженные силы и органы безопасности.

9 декабря Европейское сообщество выступило с заявлением о готовности всех стран — членов ЕС признать обе республики.

Национальная проблема в Польше

После Второй мировой войны ***Польша*** стала государством однородным в национальном отношении. Если в межвоенный период около трети населения страны составляли лица непольской национальности, то в нынешней Польше число таковых не превышает и 3%. Однако проблема национальных меньшинств все же существует, хотя и в весьма своеобразном преломлении. Характер решения этой проблемы является в определенном смысле индикатором уровня демократизации страны, фактором, от которого в известной степени зависит отношение к Польше международного сообщества.

В 2002 г. в Польше была проведена всеобщая перепись населения. Впервые после 1931 г. среди прочих фигурировал вопрос о националь-

ной принадлежности. Результаты переписи показали, что почти 97% жителей (около 37 млн) декларируют себя как поляки и только 1,25% (около 471,5 тыс.) заявили о своей принадлежности к другой национальности. Довольно значительное число респондентов — 2,05% (774,9 тыс.) не смогло или не пожелало определиться в национальном отношении. Перепись показала, что наиболее многочисленным национальным меньшинством являются силезцы (173,2 тыс.), за ними следуют немцы (152,9 тыс.), белорусы (48,7 тыс.), украинцы (31,0 тыс.), цыгане (12,9 тыс.), русские (6,1 тыс.), лемки (5,9 тыс.), литовцы (5,8 тыс.), кашубы (5,1 тыс.), словаки (2,0 тыс.), евреи (1,1 тыс.), армяне (1,1 тыс.), чехи (0,8 тыс.), татары (0,5 тыс.), караимы (0,05 тыс.)[1].

Степень национальной однородности оказалась в известной мере неожиданностью: специалисты полагали, что неполяков в стране значительно больше. По данным Департамента религиозных проблем и национальных меньшинств Министерства внутренних дел и администрации немецкое меньшинство составляет в Польше 200–300 тыс., примерно столько же украинское и белорусское, татарское — 5 тыс., да и все остальные меньшинства, как считали до переписи, гораздо более многочисленны.

Заметим, что в международном праве нет общепринятого определения понятия «национальное меньшинство», не решен вопрос и о предпочтительности терминов «национальное» или «этническое» меньшинство. Как правило, первое предполагает наличие собственного государства, второе — нет; именно такой подход был принят и в польской Конституции 1997 г. Соответственно, немцев или украинцев можно считать национальными меньшинствами, а силезцев или цыган — нет. Перепись в качестве критерия национальной принадлежности признавала принцип самоидентификации. Объективно же в соответствии с Законом о национальных и этнических меньшинствах, в Польше проживают следующие национальные меньшинства: белорусское, чешское, литовское, немецкое, армянское, российское, словацкое, украинское, еврейское. К этническим меньшинствам относятся: караимское, лемкитское (лемки), ромское (цыгане), татарское.

Обращаясь к проблеме правового статуса и институционализации национальных меньшинств в Польше, следует заметить, что в период с 1945 по 1989 г. польские власти исходили из концепции этнически однородного государства (в принципе таковым принято считать государство, в котором национальные меньшинства составляют не более 5% жителей). В Конституции 1952 г. об этнических и национальных

[1] См.: *Kasmierczak L.* Trzy procent odmiennosci. — Mode of access: // http: //www.opoka.org.pl.

меньшинствах напрямую не говорилось, с конца 40-х годов правительство проводило скорее политику ассимиляции, не имевшей, впрочем, большого успеха. До 1956 г. термин «национальные меньшинства» вообще не использовался в политическом дискурсе. С 1956 г. о национальным меньшинствах стали говорить официально, возникли культурные организации национальных меньшинств, издавалась периодика на языках меньшинств, причем контроль и финансирование осуществлялись через Министерство внутренних дел, в ведение которого находилась данные проблемы.

Однако с конца 60-х годов, после событий 1968 г., имевших определенный антисемитский оттенок и приведших к эмиграции 20 тыс. евреев, политика в отношении национальных меньшинств изменилась в очередной раз, вновь был взят на вооружение тезис об этнической однородности польского государства.

Как заметила в свое время В. Бердыховская (директор Бюро по делам национальных меньшинств при Министерстве культуры), положение национальных меньшинств «напоминало положение рыбы в аквариуме. Люди кричали, кто-то даже видел их, но никто не слышал. Это касалось всех национальных меньшинств, хотя степень драматизма их положения была различной»[1].

При Э. Гереке политика ассимиляции проводилась особенно активно, лозунг «морально-политического единства народа» отнюдь не способствовал нормальному бытию национальных меньшинств в Польше. Однако в конце 70-х — начале 80-х годов атмосфера всей жизни польского общества существенно изменилась. Предчувствия перемен отразились и в бытии национальных меньшинств, хотя главное событие тех лет — возникновение «Солидарности» воспринималось последними неоднозначно, так как в идеологии движения явно акцентировалась польская и католическая составляющая. Правда, на первом съезде «Солидарности» была принята специальная резолюция, посвященная проблеме национальных меньшинств, но это был скорее тактический ход, предпринятый в целях разоблачения ошибок и промахов власти, чем целенаправленная политика.

Но сама атмосфера того времени способствовала пробуждению национального самосознания, активизации национальных меньшинств, выходу их из своеобразного гетто, в котором они пребывали долгие годы.

Со второй половины 80-х годов наметилась тенденция к более внимательному отношению к проблеме национальных меньшинств,

---

[1] Цит по: *Budyta-Budzynska M.* Mniejszosci narodowe — bogatstwo czy problem? W-wa, 2003. S. 47.

а после 1989 г. меньшинства проявляют себя как политическая и общественная сила.

Несмотря на очевидную немногочисленность национальных меньшинств в Польше, страна не избавлена от конфликтов, в основе которых лежат те или иные аспекты национальной проблемы. Национальные конфликты, которые имели место в Польше после 1989 г., не были вызваны угрозой национальной идентичности, преднамеренной политикой дискриминации. Тем не менее это были конфликты, обусловленные стремлением защитить свою национальную идентичность.

Пожалуй, к числу наиболее сложных и конфликтных можно отнести проблемы, связанные с немецким национальным меньшинством.

Как считалось, его численность составляла в Польше от 300 до 500 тыс. человек. Немцы компактно проживают на территории Опольского, Силезского, Нижнесилезского, Варминско-Мазурского и Куявского-Поморского воеводств. Они достаточно широко представлены в органах местного самоуправления, а с 1990 г. представители немецкого меньшинства заседают в Сейме. По числу детских воспитательно-образовательных учреждений с немецким языком (детские сады, школы, гимназии, лицеи) немцы превосходят все другие национальные меньшинства. Немцы в большинстве своем исповедуют католицизм и лишь немногие — протестантизм. В Польше существует периодика на немецком языке.

Положение немецкого национального меньшинства в Польше в высшей степени изобилует сложными моментами, что обусловлено во многом не простыми польско-немецкими отношениями на протяжении многих веков. Уже в первые послевоенные годы бытие немцев, а также тех силезцев, которые причисляли себя к таковым, оказалось далеко не безоблачным. Ситуацию во многом обостряла деятельность Союзов изгнанных, возникших в 1948–1949 гг., куда входили немцы, не смирившиеся со своей исторической судьбой и утратой земель, которые они считали исконно немецкими. Между немцами, покинувшими Польшу и оставшимися в стране поддерживались оживленные контакты, многие силезцы, считающие себя немцами, не хотели лишаться немецкого гражданства, приобретенного в годы вхождения польских земель в Третий рейх и отнюдь не радовались принадлежности к социалистической Польше.

Правительство ФРГ прилагало немало усилий для поддержки немецкого меньшинства в Польше, стремясь активизировать его деятельность. В известном смысле многие немцы в тот период пребывали в состоянии «внутренней эмиграции». Их дома являли собой «маленькую Германию», со своими порядками и устоями. Со временем спут-

никовое телевидение стало помогать им в этом. В Германию попасть могли не все, но благодаря техническому прогрессу она сама приходила в дом. Премьер польского правительства в 1991 г. Я.К. Белецкий во время своего пребывания в Опольской Силезии был поражен «лесом спутниковых антенн», которые в те годы в Польше были редкостью[1].

В 1984–1988 гг. Министерство внутренних дел отклонило 14 просьб о регистрации организаций немецкого национального меньшинства под предлогом того, что немецкого меньшинства в стране просто нет.

В 1989 г. процессы демократизации, изменили ситуацию в стране и создали условия для проявления национального самоопределения. В прессе развернулась оживленная дискуссия по вопросу о том, могут ли в Польше быть немцы.

В июне 1989 г. те самые немцы, которых, по мнению властей, в Польше не было, собрались на горе св. Анны, чтобы присутствовать на богослужении, проводимом на немецком языке. Между тем еще несколько лет назад примас Глемп отказался удовлетворить просьбу о введении богослужения на немецком языке, мотивируя отказ отсутствием немцев в стране.

Тогда же появилась реклама на немецком языке и таблички с немецкими названиями населенных пунктов и улиц. Стремясь добиться регистрации немецкого национального меньшинства, активисты последнего собрали 250 тыс. подписей тех, кто считал себя представителями такового.

В июне 1989 г. немцы собрались перед зданием воеводского суда в Ополе и, ожидая решения суда о признании Немецкого общества дружбы, распевали немецкие песни, но решение было отрицательным. Власти сочли, что силезские землячества и организация немецкого национального меньшинства не привнесут в жизнь региона ничего положительного, а, напротив, будут способствовать дестабилизации обстановки и вызовут недовольство польского населения. Недовольство действительно имело место, да и вряд ли могло быть по-другому. Какой реакции можно было ожидать от поляков в связи хотя бы с инициативой поведения плебисцита по вопросу государственной принадлежности Силезии? Инициатива ни во что не вылилась, но сам факт возможного отторжения Силезии, а также опасения переселенцев из восточных регионов, связанные с потенциальной вероятностью необходимости возвращения немецкого имущества прежним хозяевам, конечно, не способствовали благоприятному отношению поляков к немецкой идентификации со стороны жителей Силезии.

---

[1] См.: *Bierlinska D.* Spoleczno-polityczne uwarunkowania powstania ruchu mniejzsosci niemieckiej // Problemy narodowoscoiwe w Europie. Poznan, 2002. S. 663.

Но в ноябре 1989 г. в Совместной декларации, подписанной Т. Мазовецким и Г. Колем, существование немцев в Польше было признано. В начале 90-х годов проблема немецкого меньшинства не раз находилась в центре общественного внимания: местные власти выражали опасения в связи с проявлениями политической активности организаций немецкого меньшинства, ростом влияния Союза изгнанных, случаями неуважительного отношения к польской государственной символике в гминах. Причем подобного рода опасения не ограничивались только местным уровнем. Министр иностранных дел Польши К. Скубишевский подчеркивал, что «Польша отвергает конфронтационный подход к проблеме меньшинств и использование их для вмешательства в наши внутренние дела... мы не согласимся на подход к немецкому меньшинству, как к автономной национальной группе с особым статусом. Принцип лояльности по отношению к польскому государству должен неукоснительно соблюдаться»[1].

По сей день действует распоряжение президента Польши от 1934 г., запрещающее двуязычие в этой сфере. Польша не подписала Европейскую хартию региональных языков и языков национальных меньшинств, содержащую предписания, касающиеся данной проблемы, а подписанная Польшей рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств не дает четких указаний на этот счет. В свое время польский министр иностранных дел Скубишевский в письме Геншеру разъяснил, что польская сторона «не видит возможности допущения... официальных топографических названий и на немецком языке»[2].

Официально двуязычных названий и нет в Опольской Силезии, но немцы помещают названия улиц и городов и на немецком языке на своих участках, что невозможно запретить. Попыткой преодоления стереотипов и исторически сложившихся предубеждений является идея создания общего польско-немецкого учебника истории, Комиссия по учебникам была создана еще в 1972 г.

С проблемами немецкого меньшинства достаточно тесно связан и целый комплекс проблем другого национального меньшинства — силезцев, соседствующих с немцами и подчас стремящихся стать таковыми. Однако не всегда вопрос о национальной идентификации решается именно в таком ключе. Подчас, ощущая свою обособленность и от польского и от немецкого народа, силезцы претендуют на свою собственную национальную идентичность.

---

[1] Цит по: *Borodziej W.* U progu nowych stosunkow poisko-niemieckich: wyjazdowe posiedzenie Komisji do spraw Mniejzsosci narodowych I Etnicznych Sejmu RP. 6–7 listopada 1990 r. // Problemy narodowoscoiwe w Europie- Poznan, 2002. S. 674.

[2] См.: *Budyta-Budzynska M.* Op. cit. S. 209.

Силезия в представлении польских исследователей — регион культурного пограничья с чрезвычайно сложной исторической судьбой. Не более чем миф, — пишет Д. Симонидес, — утверждение, согласно которому силезцы — это немцы. С точки зрения географического положения Силезия — типично пограничный регион, где пересекается множество культур. С давних пор тут жили поляки, немцы, чехи, евреи. Определение национальной идентичности в таком регионе — дело непростое. Чувство идентичности не дается от рождения, оно мучительно формируется в ходе сознательного выбора и самопознания. Лишь в XIX в. в Силезии приобретает некое значение понятия национальность, и то оно касалось людей образованных. Для других, скорее всего, свойственно было чувство этнической принадлежности[1].

По мнению известного польского социолога Ст. Оссовского, этничность следует отнести к сфере культурного сознания, а национальность — к сфере сознания политического. Этничность — это больше, чем рациональность, и меньше, чем национальность. Это нечто свое, родное, то, что передается по наследству. В условиях постоянных политических перемен этничность была чем-то стабильным, своим.

В начале X в. Силезия находилась в сфере влияния Великой Моравии, а в конце этого столетия — польских Пястов. С Польшей Силезия была связана три столетия, затем снова входит в состав Чехии. В XVI–XVIII вв. Силезия — часть империи Габсбургов, со второй половины XVIII в. часть Силезии входит в состав Пруссии. После Первой мировой войны, согласно условиям Версальского договора, судьба Силезии должна была решаться на основе результатов плебисцита. В результате Силезия была разделена между Польшей, Германией и Чехословакией. Результаты плебисцита оказались неприемлемыми для населения, что привело к восстаниям. Три силезских восстания способствовали дезинтеграции населения, обострению проблемы национальной идентификации. М.С. Щепаньский называет раздел Силезии «социальной вивисекций»[2]. И до плебисцита Силезия не была единым организмом, но после него процессы дезинтеграции и одновременно изоляционализма несомненно усилились.

Национальная идентификация для типичного человека пограничья весьма сложна и неоднозначна. Он принадлежит одновременно к нескольким мирам. В случае Силезии — к польскому, немецкому, чешскому и моравскому. Ему свойствен тип сознания, который польские ис-

---

[1] См.: *Simonides D.* Slaskie klopoty z tozsamoscia // Nadciagaja Slazacy. Czy istnieje narodowosc slaska. W-wa, 2004. S. 159.

[2] См.: *Szczepanski M.S.* Regionalizm gornoslaski: los czy wybor? // Nadciagaja Slazacy. Czy istnieje narodowosc slaska? W-wa, 2004. S. 98.

следователи определяют как «“кресовое” сознание» (кресы — принятое в польской литературе название окраины, приграничных регионов).

«Родина, — писала известный польский социолог А. Клосковска, — является воплощением символического единства народа, объединяющим народ узами культуры, превращая его в сообщество. Это определение относится прежде всего к идеологической родине. Малая родина в меньшей степени является фактором объединения, но она связана с непосредственным, физическим укоренением в определенном месте и определенном окружении»[1].

В случае Силезии совершенно определенно можно говорить именно о малой родине. Силезец оставался силезцем, хотя менялась политическая ситуация и государственная принадлежность Силезии. Очевидно, что процесс национальной идентификации в Силезии не завершен.

После 1989 г. в Силезии стали возникать различные региональные организации, однако до середины 1990-х годов ни одна из них не вела речь о силезцах как национальном меньшинстве, а скорее как о региональной группе. В восточной части региона были созданы Верхнесилезский союз с центром в Катовице, а также Движение за автономию Силезии с центром в Рыбнике. Тогда же в Ополе появился Союз верхнесилезцев. Каждая из организаций по-разному решала проблему национальной идентичности силезцев, апеллируя преимущественно к пронемецкой, пропольской или к собственно силезской ориентации.

Названные организации, а также Кашубско-Поморское объединение и ряд других региональных организаций основали Лигу регионов. Деятельность последней не была, однако, достаточно эффективной, что в полной мере проявилось в ходе выборов в органы местного самоуправления, и в период проведения административной реформы правительством Е. Бузека, когда в стране изменились границы и принципы формирования единиц административно-территориального деления. Эта реформа не столько нанесла удар региональному движению, сколько выявила его слабости.

Публицист Л. Майхерек высказывал мнение, согласно которому «шустрые ребята придумали силезский народ», основываясь на нескольких цитатах и мифах, для того чтобы оживить интерес к региону. Но чаще деятельность Союза рассматривалась как способ удовлетворения интересов определенных социальных и политических групп, имеющих серьезные политические амбиции.

---

[1] Ibid. S. 109.

Проблема силезцев со всей очевидностью показывает не только сложность самоидентификации населения пограничья, но и выраженную политическую составляющую разных вариантов ее решения. Причем последняя проявляется в разные исторические периоды и при совершенно разных общественно-политических устройствах. В этой связи уместно вспомнить эпизод, относящийся к годам Второй мировой войны, связанный с попыткой создания на территории верхнесилезско-моравского пограничья так называемого «ляского народа». Эта инициатива была основана на признании самостоятельного статуса одного из диалектов региона — ляского языка, предпринятая поэтом Ондрой Лысогорским. Старания поэта обрели поддержку Сталина, но ничем не закончились, в силу, как отмечает Е. Гожелик, «твердой позиции Праги»[1].

Одним из наиболее многочисленных национальных меньшинств в Польше является белорусское. Как полагает Э. Чиквин, более корректно говорить не о белорусском, а о православно-белорусском меньшинстве, акцентируя тем самым не национальный, а религиозный момент. Белорусами декларируют себя около 30% жителей Белостоцкого воеводства, исповедующих православие. Вместе с тем около 60% православных жителей этого воеводства считают себя поляками[2]. Использование термина православно-белорусское меньшинство соответствует переменам, происходящим в сознании жителей Белостоцкого воеводства, и имеет совершенно конкретное соответствие в общественной жизни. Существует общность, ставящая во главу угла религиозный фактор и группирующаяся вокруг православной церкви, церковных братств и издания «Православное обозрение». Вместе с тем в Белостоцком воеводстве есть общность, акцентирующая свою национальную, белорусскую принадлежность и группирующаяся вокруг Белорусского общественно-культурного товарищества, Белорусского союза, а также журналов «Нива» и «Часопис». Оба центра работают во имя сохранения национально-религиозной идентичности проживающих в Польше национальных меньшинств, но белорусские организации работают с белорусами, а православные включают в сферу своего внимания, помимо белорусов, также украинцев, лемков, православных поляков.

Православный центр рассматривает религиозный фактор как главенствующий по сравнению с фактором национальным. Национальный же центр делает акцент на сохранение национального самосозна-

---

[1] *Gorzelik J.* Ruch slaski-miedzy nacjonalizmem i regionalizmem // Nadciagaja slazacy. W-wa, 2004. S. 23.

[2] См.: *Czykwin E.* Bialoruska mniejszocs narodowa jako grupa stygmatyzowana. Bialystok, 2000. S. 53.

ния белорусов, одной ключевых проблем свой деятельности считает поддержку суверенитета Белоруссии, независимость ее от России.

Белорусское национальное меньшинство в Польше более всех других национальных меньшинств, склонно к ассимиляции. Именно белорусское меньшинство в минимальной степени воспользовалось возможностями национального развития, открывшимися в связи с демократизацией общественной жизни. Демократическое процессы не были восприняты как безусловное, безоговорочное благо. Тем более что на заре демократических перемен имели место случаи дискриминации в связи с принадлежностью к православию. Так в Белостоке и некоторых городах воеводства немало людей потеряли работу из-за своей «непольскости». Социализм, существование СССР в представлении белорусов не такие уж однозначно негативные феномены, как в представлении поляков. Во всяком случае белорусы во времена ПНР имели равные права с поляками, а СССР был гарантом этих прав[1].

Исследования показывают, что уже с детства многие белорусы ощущают свою обособленность. Белорусские дети стараются в школе говорить по-польски, учителя очень часто порицают детей за то, что они разговаривают «по-простому», т.е. по-белорусски. Дети испытывают дискриминацию в связи с тем, что православные праздники отмечаются не в те дни, что католические, и нередко слышат от учителей, что «живя в Польше, надо отмечать праздники в те дни, что и все поляки, а не придумывать себе какие-то иные праздники».

Этнические белорусы все более утрачивают язык отцов и дедов. Это связано прежде всего с массовой миграцией в города в связи с отсутствием жизненных перспектив в деревне. Даже живущие в деревне белорусы, говоря на родном языке, читают и пишут, как правило, по-польски. Белорусский язык ассоциируется с домом, природой, молитвой, а польский — с городом, карьерой. «Бог создал деревню, а человек — город» — гласит белорусское присловье. Первое поколение мигрантов еще помнит свой язык, а второе обычно забывает. Препятствием для полной ассимиляции является православная церковь. Польская автокефальная православная церковь признает примат веры по отношению к национальности. Языком богослужения является церковно-славянский, проповеди читаются в основном по-русски. Это обусловлено тем обстоятельством, что русский понимают все православные, он традиционно использовался для проповедей, он един, тогда как белорусский имеет множество диалектов и подчас жители соседних деревень говорят по-разному.

---

[1] Ibid. S. 197, 200.

В отличие от белорусов, украинцы проявляют несомненно больше упорства и стремления сохранить свою национальную идентичность. Украинцы опровергают закон об этнической ассимиляции, согласно которому, чем более социальная структура меньшинства становится подобной социальной структуре большинства, тем быстрее происходит процесс культурной ассимиляции и соответственно исчезновение меньшинства. Украинцы же, даже переселившись в города, оставив занятие своих предков — сельское хозяйство — тем не менее сохранили достаточно ярко выраженную национальную специфику. До операции «Висла» украинцы проживали главным образом в юго-восточных регионах Польши. После же этой операции они были насильственно перемещены в северные и западные регионы, т.е. Варминско-Мазурское, Западнопоморское и Нижнесилезское воеводство.

Заметим, что операция «Висла» и по сей день является предметом спора между поляками и украинцами. Украинцы с начала 90-х годов начали борьбу за то, чтобы власти публично осудили эту акцию, приведшую к выселению в 1947–1949 гг. 150 тыс. украинцев с восточных территорий, расселению их на западных и северных землях Польши и запрещению культурной и религиозной самоорганизации. В 50-е годы, когда украинцам было разрешено вернуться в родные места, реализация этого оказалась весьма затруднительной и вплоть до настоящего времени многие не могут обрести утраченное в 1947 г. имущество.

Поляки тоже могли бы предъявить свой счет украинцам, которые в 1942–1943 гг. преследовали и убивали поляков на Волыни. (Правда, в 2001 г. глава униатской церкви Л. Хусар во время визита папы на Украину принес свои извинения «братьям полякам за тяжкие грехи украинцев».)

Как отмечалось выше, украинцы демонстрируют выраженную волю к сохранению своей национальной идентичности: в 113 учебных заведениях ведется преподавание на украинском языке, украинцы имеют несколько периодических изданий, целый ряд организаций, созданных преимущественно в 80–90-е годы. Это, прежде всего, Союз украинцев в Польше, Союз независимой украинской молодежи, Фонд святого Владимира крестителя Киевской Руси, Союз украинок, профессиональные объединения: Украинское общество врачей, Украинское общество педагогов; научные и студенческие объединения. В 1989 г. в Сейм был избран украинец В. Мокры. Факт, несомненно, значимый, но при этом необходимо учитывать, что представитель украинского меньшинства был избран не в связи с принадлежностью к последнему, а как кандидат от «Солидарности».

Примечательно, что еще в межвоенный период, когда украинцев было в Польше несколько миллионов, они создали разветвленную сеть различного рода организаций и сейчас апеллируют к их опыту.

Демократические процессы в Польше способствовали не только формированию условий для проявления национальной самоидентификации, но и сделали возможным открытое проявление некоторых, прежде глубоко затаенных конфликтов. В случае с украинцами один из них касался памятников. После 1989 г. в юго-восточной части Польши украинцы принялись сооружать памятники и устанавливать памятные знаки бойцам Украинской повстанческой армии (УПА), что вызвало неприятие поляков. Последние выступили с инициативой установления памятника погибшим от рук украинских националистов. Такой памятник после долгой борьбы сооружен в Варшаве, но по настоянию властей надпись на нем упоминала и о жертвах НКВД и гестапо. После установки памятника в 1999 г. на нем периодически исчезают некоторые надписи, не касающиеся украинских националистов[1].

Вышеупомянутая операция «Висла» затронула не только украинцев, но и лемков, отношение которых к УПА в годы войны было по крайней мере неоднозначным.

Проблема идентификации лемков весьма сложна. Хотя бы потому, что сами лемки по-разному ее решают: некоторые из них твердо уверены в том, что лемки — особый народ, другие столь же уверенно относят себя к украинцам, а третьи, считая себя таковыми, не отрекаются при этом от своего лемковского происхождения. При этом представители каждого из названных направлений имеют свои организации. Украинцы, как правило, не желают признавать самобытности лемков, считая, что претензии на таковую ослабляют украинское сообщество и так не очень многочисленное.

В начале 2000-х годов в Польше насчитывалось около 80 тыс. лемков, проживающих на территории Новосондецкого воеводства. Пострадавшие во время проведения операции «Висла» лемки требуют возвращения своего имущества и некогда принадлежавших им лесов, а также территорий старых лемковских кладбищ, которые были проданы как сельскохозяйственные угодья. Лемки, так же как и украинцы, требуют компенсации за заключение их (в ходе операции «Висла») в концентрационные лагеря.

Драматическая история этого народа, проживающего в настоящее время на территории не только Польши, но и Украины, и Словакии знает и более ранние эпизоды, связанные с концентрационными лаге-

---

[1] См.: *Budyta-Budzynska M.* Op. cit. S. 220.

рями: в годы Первой мировой войны около 2 тыс. лемков, цвет лемковской интеллигенции погибло в концентрационном лагере Таллергоф, попав туда за свои пророссийские настроения по воле австрийских властей. После окончания войны, в 1918 г. лемки попытались было реализовать стремление соединить свою судьбу с Россией, создав Восточнолемковскую республику с центром в городе Команча и Восточнолемковскую русскую республику с центром в городе Новы Содч. Но обеим республикам суждена была недолгая жизнь и очень скоро они исчезли, а Лемковщина, т.е. земля лемков вошла в состав Польши.

В межвоенный период лемкам удалось сохранить свою идентичность. В годы войны пророссийски ориентированная их часть активно боролась против немцев в рядах движения Сопротивления, тяготеющие же к украинской идентичности лемки, пользовались в известной мере покровительством со стороны немецких оккупантов. Однако после войны надежды части лемков на вхождение в состав СССР не оправдались, а вышеупомянутая операция «Висла» нанесла серьезный удар по лемковской идентичности. Ибо переселенные на запад Польши лемки растворились во многом среди недоброжелательно настроенного к ним как польского, так и украинского населения. Ни для поляков, ни для украинцев лемки в тот период так и не стали «своими», хотя общность судьбы в какой-то мере способствовала украинско-лемковскому сближению.

В начале 80-х годов лемки не проявили большой активности в поддержке «Солидарности», однако сама атмосфера тех лет способствовала пробуждению стремления к поискам национальной идентичности. В этот период развивается деятельность Союза лемков и Товарищества лемков, издается значительное число публикаций лемковских авторов как на польском, так и на лемковском языках. Последний до конца XIX в. считался диалектом украинского, каковым его считают и ныне многие лингвисты. Но такой подход не является единственным. В 90-е гг. XX в. предпринимались попытки кодификации лемковского языка, именно на этом языке издаются периодические издания, на нем пишут лемковские писатели и поэты. Проблема поиска лемками идентичности приобрела особую остроту именно в настоящее время, так как прежде не было условий не только для ее решения, но и просто для обсуждения. Нынешняя же интеллигенция лемковского происхождения проявляет интерес к проблеме национального самоопределения, от интеллигенции ее решение и зависит в первую очередь. Между тем никогда прежде лемки не имели столь многочисленной интеллигенции. Появлению последней, как это ни парадоксально, во многом способствовали переселения 40-х годов, в результате которых значи-

тельная часть лемков оказалась на Западных землях и сумела получить хорошее образование[1].

Другим примером стремления к сохранению национальной самобытности может служить литовское национальное меньшинство. Сколько-нибудь точное определение его численности — дело довольно сложное: цифры приводятся самые разные (самая значительная — 30 тыс.). Литовцы проживают компактно в северо-восточной части Сувалкского воеводства. Это автохтонное население данного региона, в большинстве своем сельское. Число польских граждан, причисляющих себя к литовцам, год от года неуклонно снижается вследствие процессов ассимиляции.

Немало усилий для приостановки этого процесса предприняло Литовское общественно-культурное сообщество (действующее в Польше уже более 40 лет)[2].

Литовцы, живущие в Польше, так же как и польское правительство, с энтузиазмом поддерживали создание независимого литовского государства после распада СССР. Однако со временем отношения Варшавы и Вильнюса несколько усложнились и проблема национальных меньшинств нередко трактуется инструментально, как аргумент в политической игре: как только Варшава выступала с требованиями уважения прав поляков в Литве, Вильнюс сразу поднимал проблему дискриминации литовцев в Польше.

Наиболее значимым фактором национальной идентичности является язык. В местах компактного проживания литовцев, в частности в Пунске, жители, как правило, говорят по-литовски. В середине 90-х годов 98% литовцев декларировало хорошее знание устной литовской речи, а 90% — письменного языка[3].

Основным изданием на литовском языке является газета «Аушра». На страницах ее публикуются главным образом материалы по социально-политической, культурной, исторической проблематике. Есть еще ряд периодических изданий, правда менее популярных, выходят книги на литовском языке, ведется радио- и телевещание.

В местах компактного проживания литовцев действуют начальные и основные школы с преподаванием на литовском языке, разработаны учебники и программы по истории и географии Литвы.

---

[1] См.: *Zurko J.* Lemkowie-miedzy grupa etnicza a narodem // Mniejzsosci narodowe w Polsce. Wroclaw, 1997. S. 54–55.

[2] В 90-е годы возникли и новые организации: Товарищество св. Казимира, апеллирующее к традициям одноименной организации, действовавшей еще в межвоенный период, Содружество литовцев в Польше (с 1993 г.), Товарищество литовской молодежи в Польше (с 1994 г.), Товарищество литовцев в Польше (с 1995 г.).

[3] См.: *Tarka K.* Litwini w Polsce. Opole, 1998. S. 227.

Литовское меньшинство, не слишком значительное в количественном отношении, отличается высоким уровнем организованности, упорством в достижении поставленных целей. Так же проявили себя и литовцы, жившие в межвоенной Польше. Интересно, что литовцы отличаются более высоким уровнем жизни, чем их польские соседи.

Весьма интересной в контексте рассматриваемой проблематики представляется проблема кашубов. В настоящее время в северных и северо-западных регионах Польши их число превышает 330 тыс. В новейшей истории Польши кашубам принадлежит совершенно особая роль: это древнейшее население Поморья, сумело сохранить свою славянскую самобытность, несмотря на все удары исторической судьбы. Именно стойкость кашубов позволила Польше ощутить, что она в известном смысле возвращается домой, когда Поморье оказалось включенным в границы польского государства, ибо культура кашубов, при всей ее самобытности, рассматривалась как часть польской культуры. «То, что кашубское, то и польское» — так звучал лозунг объединения младокашубов, действовавшего в первой половине XX в. и связанного с творчеством выдающихся деятелей кашубской культуры, создавших в 1912 г. в духовной столице кашубов — Гданьске первую культурную и политическую организацию кашубов — «Товарищество младокашубов». Деятельность этого объединения столкнулась с противостоянием как немцев, так и националистически настроенных поляков.

После Первой мировой войны лишь часть кашубов оказалась в границах польского государства, однако столь много значащий для кашубского самосознания Гданьск не вошел в пределы возрожденной Польши. В межвоенный период к кашубскому национально-культурному движению настороженно присматривались и немецкие, и польские власти. Последние во многом потому, что кашубы традиционно активно поддерживали вечного соперника Пилсудского Р. Дмовского и его партию национальных демократов, что не могло вызывать симпатию санационного правительства[1].

Национальная самобытность кашубов не очень поощрялась и в период социализма. Власти пытались ограничить кашубское движение чисто фольклорными рамками, хотя и были заинтересованы в акцентировании славянской аутентичности Поморья. В период «оттепели», последовавший после 1956 г. возникает Кашубское объединение, собравшее в своих рядах уцелевших в годы войны активистов кашубского движения. Несмотря на не самое благожелательное отношение к нему со стороны власти, Объединение (с 60-х годов принявшее на-

[1] См.: *Borzyszkowski J.* Historia kaszubow // Historia, geografia i pismiennictwo kaszubow. Gdansk, 1999. S. 62.

звание Кашубско-Поморского и поставившее целью распространение кашубской идеологии и традиций на все Поморье) развивает весьма активную деятельность, как издательскую, так и научную, и культурно-просветительскую. Кашубы играют заметную роль в научной жизни страны на рубеже 80—90-х годов; знаковым событием в этом контексте является деятельность, кашуба по национальности профессора Г. Лабуды на посту вице-президента ПАН. В те годы кашубское движение активно сотрудничает с церковью, особенно с центрами кашубско-поморских епархий в Пеплине и Оливии. С 1980 г. ежегодно проводятся Пеплинские встречи, на которых обсуждаются важнейшие проблемы развития кашубского движения.

Последнее активно поддержало «Солидарность». Деятель кашубского движения Лех Бондковский был в начале 80-х годов советником забастовочного комитета, главным редактором газеты «Солидарность» и первым пресс-секретарем движения. В период военного положения Кашубско-Поморское объединение активно помогает всем преследуемым властями, сотрудничая с оппозицией, способствует созданию в 1987 г. Клуба рабочего самоуправления в Поморье. В 80-е годы при содействии объединения активно ведутся научные, в частности социологические, исследования, связанные с кашубской проблематикой.

Значимую роль в поддержке кашубского движения сыграло посещение Польши в 1987 г. папой Иоанном Павлом II. Во время визита он посетил Гдыню и Оливию, обратившись к кашубам со словами: «Дорогие братья и сестры кашубы! Храните те ценности и то наследие, которые свидетельствуют о вашей самобытности!»[1]. Внимание папы, пользующегося непререкаемым авторитетом в Польше, к кашубскому движению способствовало активизации последнего, что особенно отразилось на жизни кашубских епархий. Не случайно именно в те годы появился перевод Евангелия на кашубский язык. На этом языке говорят практически все кашубы в местах компактного проживания, хотя при этом кашубский язык используется прежде всего для домашнего общения. Кашубы подчас признаются, что стесняются использовать этот язык, находясь вне своей среды. Как правило, кашубы двуязычны, используя и польский, и кашубский языки. Официально последний большинством ученых признается региональным языком, диалектом польского, хотя с XIX в. существует литература на кашубском языке, изданы словари этого языка. В настоящее время кашубский язык используется как язык богослужения, как язык преподавания в ряде школ и лицеев, на специальном отделении Гданьского университета. На кашубском языке

[1] Ibid. S. 70.

ведутся некоторые передачи гданьского радио и телевидения, издается ряд региональных газет и приложений к более крупным газетам.

В период демократических преобразований Кашубско-Поморское объединение во многом способствовало успешному становлению органов самоуправления в Поморье, несколько политиков, связанных с кашубским движением стали депутатами Сейма и сената. В 90-е годы в Гданьске начал свою деятельность Кашубский дом, Кашубский институт, студенческий клуб.

Не всегда просто выделить только национальную составляющую в существующих проблемах национальных и этнических меньшинств. Как правило, присутствуют и другие — политический и экономический, имеющие подчас определяющее значение.

Итак, все вышесказанное позволяет нам заключить, что национальный фактор являлся важным компонентом демократических преобразований рубежа 80–90-х годов XX в. в регионе Вишеградской Европы. Различия заключались главным образом в направленности этого процесса. Так, если речь идет о Венгрии, то здесь этот фактор в гораздо большей степени переплетался с вопросами внешней и региональной политики. В случае Польши, Чехии и Словакии проблема входила в комплекс внутриполитических вызовов. И в том и в другом случае большие надежды возлагались на изменение статуса национальных меньшинств в сторону его повышения. За пример брался преимущественно западноевропейский опыт. И на том конкретном этапе увлеченные новизной всего идущего с Запада «вишеградцы», питали надежду на решение их вопроса мирным демократическим путем. Тем не менее нельзя отрицать и духа подозрительности в отношении действий друг друга, поселившегося в регионе после 1919 г. Была прагматическая готовность к сотрудничеству в этой сфере, но зачастую верх брали эмоции и соревновательный дух. Рамки вишеградского взаимодействия как бы создавали в этой части Европы некий каркас, некие границы, в пределах которых и предстояло вырабатывать новый демократический опыт.

1.3. Вишеградский регион в мировой и европейской экономической системе

Страны Вишеградской четверки с точки зрения экономического развития не относятся к числу мощных государств. Самой крупной из них является Польша, стабильно занимающая 21–25 места в ранжирован-

ном перечне стран мира по номинальным размерам ВВП. Далее следуют Венгрия и Чехия, балансирующие на грани первой и второй полусотни (42–53 места). Словакия занимает 59–60 места. Конечно, следует понимать, что ориентация на абсолютные размеры ВВП не позволяет адекватно оценить место стран ВГ в мировой экономике, но использование подушевых показателей ВВП, хотя и показывает несколько другую конфигурацию Вишеградских стран, все же подтверждает вывод об относительно невысоком уровне экономического развития: Чехия — 43-е место, Словакия — 49-е, Венгрия — 50-е, Польша — 56-е место[1].

Правда, если рассматривать страны ВГ в рамках всей Восточной Европы, т.е. стран — новых членов ЕС и Балканских государств, то на их фоне они безусловно займут более значимые места.

К сожалению, отсутствие достоверных количественных данных не позволяет провести качественный ретроспективный анализ роли стран ВГ в мировой и европейской экономике даже в пределах последних 50 лет. Главной причиной недостоверности (или неполной достоверности) данных, относящихся к социалистическому периоду развития стран Восточной Европы, является наличие определенных методологических проблем сопоставления показателей, характеризующих различающиеся по принципам функционирования экономические системы. Многие показатели дотрансформационных лет следует рассматривать как производную от господствовавшей тогда идеологии, главной задачей которой была пропаганда безусловных преимуществ социалистической экономики. Поэтому применявшиеся в тот период методы расчета этих показателей могли вести к завышению реального места стран Восточной Европы в мировой экономике (хотя не исключено, что подобную идеологическую нагрузку несла и статистика капиталистического мира).

Видимо, именно в силу методологических проблем данные о месте Восточной Европы в мировой экономике различаются (правда, в относительно небольших пределах). Некоторые из них приведены в таблице 1.3.1.

Как видно, в последние десятилетия вклад стран Восточной Европы в мировую экономику оставался довольно скромным и последовательно сокращался. Относительно небольшой рост их вклада в мировую экономику (по данным 2007 г.) объясняется притоком инвестиционных средств и размещением на их территории новых производств, обусловленных вступлением большой части стран региона в Евросоюз, но отсутствующие пока данные за 2009 г., учитывающие воздействие

[1] Рассчитано по: UNCTAD Statistical Yearbook-2008.

Таблица 1.3.1

Доля стран Восточной Европы в мировом ВВП (%)

Источник	1950	1960	1970	1980	1985	1990	1999	2000	2003	2005	2007
1	...	...	...	3,3	...	2,3	...	1,3	...	...	...
2	...	...	...	...	2,6	...	1,8	...	...	...	...
3	4,0	4,2	4,1	4,0	...	3,0	...	2,6	2,5	...	...
4	...	...	...	2,4	...	1,6	...	1,3	1,7	2,0	2,3

Примечание. Доля трех Прибалтийских государств в период до 1990 г. рассчитана как 3,5% от показателя СССР.

Источники: Устинов И.Н. Мировая торговля: статистическо-энциклопедический справочник. М.: Экономика, 2002; *Гринберг Р.С.* Куда ведет «дорога к счастью» // Деловые люди. 2002. № 138, сентябрь; Мировая экономика. Уч. пособие / Отв. ред. Б.М. Маклярский. М.: Международные отношения, 2004; UNCTAD Statistical Yearbook 2006-07.

мирового финансового кризиса, скорее всего вновь вернут динамику в прежнее русло.

Обычно называется несколько факторов, сыгравших весомую роль в снижении значимости стран ВГ, а также всей Восточной Европы, для мировой экономики. Одним из них является так называемый «трансформационный кризис», по мнению многих исследователей являющийся неотъемлемым условием перехода от плановой к рыночной экономике. Но думается, причина такого положения кроется скорее в небольшой (по мировым меркам) привлекательности для капиталов, исторически вызванной влиянием трех групп факторов, последовательно занимавших доминировавшее положение и сменявших друг друга в течение последних трех-четырех веков.

- *Географические* и *геологические* факторы (*геофакторы*).
- *Ресурсофакторы* (*опефакторы*[1]) — обеспеченность ресурсами, имеющими физическую форму.
- *Человекофакторы* (*хомофакторы*) — демография и уровень развития человеческого капитала.

Причем действие каждой группы факторов сохраняется и в настоящее время, но имеет меняющуюся роль. Рассмотрим эти группы факторов подробнее.

[1] От лат. *opes* — ресурсы.

Геофакторы. В современных условиях их прямое воздействие заметно ослабло, хотя именно они определяли ограниченность доступа к зарубежным рынкам и источникам сырья и не позволили странам Восточной Европы в свое время в полной мере подключиться к процессу «создания капитализма» в Западной Европе, что и обусловило последующее их отставание в экономическом развитии. Действие геофакторов проявлялось в основном в следующем:

- Гористый рельеф, который преобладает практически во всех странах Восточной Европы (кроме Польши), объективно затруднял формирование единого экономического пространства внутри стран региона, поскольку удорожал использование наземного транспорта и строительство транспортных коммуникаций.
- Преимущественно южное и восточное направление течения основных водных артерий — т.е. в сторону от основных рынков и промышленных центров, — сокращало возможности получения средств, которые могли бы пойти на совершенствование транспортной инфраструктуры (например, на прокладку сети каналов).
- Во всех странах региона отсутствовал прямой выход к океану, превратившемуся к XVII в. в зону главных транспортных артерий планеты. Имевшийся в отдельных странах Восточной Европы выход к внутренним морям Атлантического океана имел преимущественно местное значение.

Ресурсная обеспеченность (опефакторы). После снижения роли геофакторов на длительное время они стали определять положение страны в экономической иерархии. В настоящее время действие опефакторов все еще сохраняется, но их значение медленно снижается. Акцент на материальной форме ресурсов, который сделан в настоящем анализе, обусловлен тем, что удовлетворение потребностей человека — будь то материальных, будь то духовных, — без чего немыслима организация общественного производства, в конечном счете происходит путем использования тех или иных материальных носителей (пищи, одежды, книг, зданий и механизмов для поглощения «духовной» пищи — театров, концертных и выставочных залов, школ, библиотек, — и т.п.). Виртуальные виды ресурсов (например, информация) сами по себе, без последующего «приложения» к материальным объектам, большого смысла не имеют. Именно поэтому автор сосредоточился на ресурсах, имеющих физическую форму. Небольшой экскурс по отдельным видам полезных ископаемых показывает следующее.

- *Железные руды.* Из стран ВГ более менее значительными запасами на региональном уровне располагают Словакия[1] и Польша, но в целом их доля в общем объеме мировых запасов составляет крайне незначительную величину (0,0–0,3%)[2]. Металлургические заводы Чехии и Венгрии ориентируются на импортное сырье.
- *Руды цветных металлов.* Соседство всех стран ВГ с горными массивами (Карпаты, Судеты, Шумава, Мечек, Альпы и т.п.) обусловливает наличие месторождений цветных металлов. Так, Венгрия «славится» довольно существенными для Восточной Европы запасами бокситов, но это практически единственный ее «козырь»; ведущиеся поиски золота в Карпатах пока не увенчались успехом. В Словакии есть небольшие месторождения медных руд, свинца, цинка и золота, а также несколько месторождений урана, которые пока не эксплуатируются. Чехия — в наименьшей степени из стран ВГ наделена цветными металлами (в частности, золото, уран), добычу которых можно обозначить как символическую. Поэтому для этих трех стран уровень запасов руд цветных металлов специалистами оценивается как «не имеющий экономического значения» (кроме, венгерских бокситов). В отличие от них Польша осуществляет довольно серьезную добычу медных и свинцово-цинковых руд, серебра: так, Польша входит в первую десятку стран мира по добыче меди (занимая второе место в Европе после России), а доля Польши в мировых запасах серебра, по оценкам ряда организаций, достигает 19%[3].
- *Неметаллическое минеральное сырье.* В Словакии добывают известняк, доломит, андезит и базальт, велики также запасы цеолитов и бентонитов. Но самым важным неметаллическим сырьем, которым богата словацкая земля, является магнезит. Будучи огнеупорным материалом, он используется в металлургии для выстилки доменных печей. По запасам и добыче магнезита маленькая Словакия занимает четвертое место в мире. Польша остается ведущим мировым продуцентом известняка,

---

[1] Самым значительным на сегодняшний день является месторождение сидерита в Руднянах, где еще во второй половине XX в. ежегодно добывали до миллиона тонн железной руды. В настоящее время сидеритовая руда находится уже на большой глубине, и ее добыча становится экономически невыгодной. В 2007 г. в Словакии было добыто около 600 тыс. тонн. По мнению специалистов, в будущем можно рассчитывать на месторождение Нижняя Слана в регионе Гемер, где имеются геологические запасы руды лет на тридцать.

[2] Минеральные ресурсы мира на начало 2000 г. // Мин-во природных ресурсов. М.: ИАЦ Минерал, 2001.

[3] Minerals Yearbook-2006.

соли и сульфура. Чехия и Венгрия в целом обеспечивают себя некоторыми видами этого типа сырья, но не более того.

- *Уголь.* Имеющиеся запасы обеспечивают главным образом внутреннее потребление, хотя в отдельных странах осуществляются экспортные поставки. В наибольшей степени углем обеспечена Польша, которая, осуществляя около 3,0% мировой добычи, обеспечивает две трети своих потребностей в первичных энергоресурсах и примерно одну треть валютных поступлений страны[1]. Чехия имеет на своей территории несколько меньше каменного угля, но бурого угля добывает в объемах, вполне сопоставимых с Польшей, и даже осуществляет его экспорт. Венгрия к 2003 г. практически прекратила добычу каменного угля, но запасы бурого угля и лигнитов позволяют удовлетворять внутренние нужды. В Словакии практически нет месторождений высококачественного черного угля, постепенно истощаются залежи бурого угля и лигнита, но местные власти стремятся по возможности максимально — на 10, 20 или даже 30 лет, — продлить сроки эксплуатации месторождений.
- *Нефть и газ.* Перед Первой мировой войной нефтедобычу на территории Восточной Европы вела только Румыния, в 20-е годы к ней присоединилась Польша, в 40-е — Венгрия[2]. В настоящее время «жидкие» и «газообразные» энергоносители в странах Восточной Европы сосредоточены главным образом в Румынии (доля нефтепродуктов в экспорте составляет примерно 6–7%), более скромные запасы имеются также в Болгарии, Венгрии и Албании (ежегодная добыча начала XXI в. составляет около 300 тыс. тонн). Если говорить про Вишеградскую группу, то здесь выделяются Польша и Венгрия, тем не менее обеспечивающие лишь небольшую долю внутренних потребностей, к тому же добыча углеводородов постоянно сокращается. Словацкие власти утверждают, что за счет собственных источников в состоянии обеспечить только 0,5–1,0% потребностей Словакии, а остальные 99% приходится импортировать[3]. Более подробные сведения о добыче углеводородного сырья приводятся в таблице 1.3.2.

---

[1] См.: *Пташек Я.* О реструктуризации угольной промышленности Польши // Проблемы теории и практики управления. 1999. № 5. С. 27–31.

[2] См.: *Фишер В.* Европа: экономика, общество и государство. 1914–1980 / М.: ВЛАДОС, 1999. С. 177 (368 с.).

[3] См.: http://www.rozhlas.sk/inetportal/rsi/pages/printClanok.php?clanokID=8641&lang=5 (размещено на сайте 23 мая 2008 г.).

Таблица 1.3.2

Добыча углеводородного сырья в странах Вишеградской группы

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
НЕФТЬ (тыс. т)								
Венгрия	1064	1050	1133	1100	948	886	838	774
Польша	767	721	765	886	849	797	720	755
Словакия	54	53	48	42	34	31	24	...
Чехия	178	253	310	299	306	259	251	...
ПРИРОДНЫЙ ГАЗ (млн м^3)								
Венгрия	3280	3353	3010	3200	3159	3246	2653	2690
Польша	5175	5259	5315	5630	5742	5650	5653	5382
Словакия	213	206	166	142	126	176	109	...
Чехия	...	115	131	162	154	147	140	...
КАМЕННЫЙ УГОЛЬ (млн т)								
Венгрия	0,6	0,7	0,7	0,3	—	—	—	—
Польша	104,0	103,3	103,0	101,2	97,9	95,2	88,3	84,3
Словакия	—	—	—	—	—	—	—	—
Чехия	14,8	14,1	13,4	14,6	12,7	13,0	...	...
БУРЫЙ УГОЛЬ И ЛИГНИТЫ (млн т)								
Венгрия	13,4	12,1	12,7	11,0	9,6	9,9	...	...
Польша	60,0	59,5	60,9	61,2	61,6	60,8	57,5	59,7
Словакия	3,4	3,4	3,1	3,0	2,5	2,5	...	...
Чехия	50,5	48,4	49,8	48,1	48,3	48,7	48,9	...

Источники: составлено автором на основании материалов Minerals Yearbook-2006 и данных национальной статистики.

- *Электроэнергия.* Важным источником обеспечения жизнедеятельности является электроэнергия. В странах Восточной Европы она производится на всех видах станций (тепловых, атомных и гидро-) и потребляется в основном внутри стран-продуцентов. Альтернативные источники энергии (например, энергия ветра или разложения биомассы) пока применяются слабо: в частности, в венгерском энергобалансе на их долю приходится менее 0,5%[1], хотя по требованиям ЕС к 2010 г. эта доля должна возрасти до 3,6%[2].

[1] См.: Statistical Yearbook of Hungary. 2001. Bp.: KSH. 2002. O. 363.

[2] См.: Világgazdaság. 2003, november 3.

В целом представляется, что обеспеченность стран Восточной Европы энергетическими и сырьевыми ресурсами приближается к своему порогу, за которым может последовать полная (!) энергосырьевая зависимость от внешних поставок. Конечно, пока еще неравномерность размещения ресурсов в регионе позволяет отдельным странам экспортировать имеющийся в относительном избытке тип сырья или энергоносителя, но одновременно вынуждает импортировать другие, более дефицитные типы ресурсов. Например, построенные во времена СЭВ металлургические комбинаты в странах Восточной Европы до сих пор работают преимущественно на импортном сырье (Россия в 2001 г. поставляла в Польшу 15,4% своего экспорта железнорудного сырья, в Словакию — 10,7, в Венгрию — 8,3, в Чехию — 6,5%), и это позволяет странам Восточной Европы производить около 3,0% мирового чугуна и стали, половину из которых обеспечивают только две страны — Польша и Чехия[1].

Изучение уровня потребления энергоресурсов в странах Вишеградской группы *(см. табл. 1.3.3)* показало в целом поступательный рост энергопотребления, однако в ряде случаев наблюдалось или сокращение абсолютных объемов энергопотребления, или резкое замедление темпов роста, что свидетельствует о расширении применения энергосберегающих технологий, которые принесли с собой иностранные инвесторы.

Вместе с тем анализ внешнеторгового обмена энергоресурсами показал, что импорт первичных энергоносителей в страны ВГ стабильно превышает экспорт оттуда. Более того: рассчитанные автором относительные показатели динамики их импорта (в частности, доли импорта в

Таблица 1.3.3

Потребление первичных энергоресурсов странах Восточной Европы (тыс. т невт.экв.)

	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Чехия	42 020	45 613	45 883	45 311	46 373	46 241
Венгрия	25 929	27 054	26 557	28 041	27 783	27 020
Польша	89 418	91 774	92 232	93 556	98 113	97 982
Словакия	19 324	19 233	19 130	19 054	18 832	18 074

Источник: Energy. Yearly Statistics-2007 / Eurostat.

[1] См.: Минеральные ресурсы мира на начало 2000 г. // Мин-во природных ресурсов. М.: ИАЦ Минерал, 2001.

потреблении) продемонстрировали стойкую тенденцию к увеличению значения импортных ресурсов в экономике стран В4 *(см. табл. 1.3.4)*.

Мы не склонны абсолютизировать роль опефакторов в формировании хозяйственно-экономических особенностей той или иной совокупности стран, но вместе с тем полностью отрицать их влияние на уровень развития также не можем. Их роль стала повышаться по мере ослабления действия геофакторов, и точно так же будет понижаться (что уже постепенно происходит в Восточной Европе) с усилением значения каких-либо новых факторов (в данном случае — хомофакторов).

В конце XIX — первой половине XX в. структура и состояние энерго-сырьевой базы Восточной Европы (т.е. опефакторы) предопределили следующие характеристики стран региона:

- *низкий уровень экономического развития*; пожалуй, исключением была только Чехословакия, где в 1937 г. доход на одного жителя равнялся показателю Франции и превышал итальянский;
- *недостаточное развитие отраслей «авангардной тройки»*[1] (в довоенный период): машиностроения, химической промышленности и электроэнергетики;
- *«однобокость» отраслевой структуры промышленности* (в Польше доминировала угольная промышленность и металлургия; в Румынии — нефтедобыча и лесная промышленность; в Болгарии, Венгрии[2], Югославии — пищевая промышленность);
- *преобладание населения, занятого в аграрной сфере*.

Таблица 1.3.4

Доля импорта в потреблении (%)

	1990	1995	1996	1997	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Чехия	32,1	44,2	47,1	46,9	46,6	43,6	43,3	46,6	47,4	45,3
Венгрия	57,3	61,8	64,7	64,8	69,7	72,2	72,7	77,5	78,8	79,0
Польша	24,9	24,2	27,0	30,6	35,1	34,7	36,5	38,8	40,5	42,9
Словакия	—	84,8	93,6	93,3	87,4	88,5	94,7	92,0	92,2	98,3

Источники: рассчитано автором на основании данных Statistical Yearbook of Czech Republic, 2001 / Pr.: CSU. 2001 (Scientia). S. 709 и Energy. Yearly Statistics-2007 / Eurostat.

[1] См.: *Алисов Н.В., Хорев Б.С.* Экономическая и социальная география мира (общий обзор): Учебник. М.: Гардарики, 2001. С. 231.

[2] В конце XIX в. Будапешт стал самым крупным мукомольным центром в Европе и вторым в мире (после Миннеаполиса) (*Камерон Р.* Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. С. 317 (544 с.).

Социалистические преобразования после Второй мировой войны были направлены на преодоление экономической отсталости, создание (воссоздание) в Восточной Европе отраслей так называемой «авангардной тройки», ликвидацию аграрного перенаселения. Эти меры позволили всем странам региона (кроме Албании) превратиться в индустриальные. Развитие машиностроения не только увеличило темпы экономического роста, но и сделало более эффективным сельское хозяйство. Так, к началу 70-х годов «механизация аграрного сектора достигла 62% от уровня Запада, в результате чего производство пшеницы, кукурузы, картофеля, сахара удвоилось»[1].

Вместе с тем высокие темпы экономического развития в первые три послевоенных десятилетия, по количественным показателям даже превосходившие западные, поддерживались «только ценой вовлечения в хозяйственный оборот все большего объема материальных и трудовых ресурсов»[2], что по сути означало экстенсивный тип развития. Надо сказать, что подобный тип развития в научной литературе последнего времени получил преимущественно негативную окраску, как непрогрессивный, ведущий к стагнации и т.п. Мы не склонны разделять эти взгляды, считая, что оба выделяемых в настоящее время типа развития — экстенсивный и считающийся более передовым интенсивный, — *в равной мере* предполагают привлечение *дополнительных* ресурсов. Разница между двумя типами развития состоит в различии между самими привлекаемыми ресурсами: в первом случае это материальные объекты (земля, сырье, техника, люди как рабочая сила, капитал как деньги и т.п.), во втором — «неосязаемые» ресурсы (например, информация, организаторские способности, склонность к научно-изобретательской деятельности, эксплуатация скрытых резервов человеческого организма и т.п.). А тип развития определяется тем, какой из вышеотмеченных видов ресурсов преобладает в обеспечении экономического роста, причем степень его доминирования в свою очередь определяется рядом объективных ограничивающих условий.

В силу того, что сохранение высокой позитивной динамики роста стран Восточной Европы все в большей степени упиралось в нехватку материальных ресурсов, восполнить которую не мог даже СССР, активно поставлявший для промышленности стран Восточной Европы «бесплатные или очень дешевые энергию и сырье»[3], главным лозун-

---

[1] *Gökay B.* Eastern Europe since 1970. Harlow: Pearson education, 2001. XX. P. 45–46.

[2] Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 2. От стабилизации к кризису (1966–1989). М.: Наука, 2002. С. 111.

[3] *Gökay B.* Op. cit. P. 45–46.

гом 70–80-х годов стала интенсификация, включавшая широкий спектр задач — от ресурсосбережения и рационализации отраслевых пропорций до превращения научно-технического прогресса в ключевой фактор развития.

Тогда считалось, что регион располагал всеми необходимыми предпосылками для успешного осуществления политики интенсификации, т.е. повышения степени привлечения «неосязаемых» ресурсов: страны Восточной Европы располагали квалифицированными специалистами, научный и технический потенциал стран региона был достаточно высок, в 1970 г. доля расходов на НИОКР превышала критический порог в 2% от ВВП (Болгария — 2,1%, Венгрия — 2,8, ГДР — 3,9, Польша — 1,8, Чехословакия — 3,6%[1]), в 1982 г. доля стран Восточной Европы в мировом массиве запатентованных изобретений составляла 40%, в 80-е годы было продано 1,5 тыс. лицензий[2].

Однако политика интенсификации в странах Восточной Европы потерпела полный провал, как представляется, из-за влияния следующих факторов:

- обмен наукоемкой продукцией имел в основном интрарегиональный характер, что в условиях относительной однотипности экономик стран Восточной Европы затрудняло структурную модернизацию;
- плановый характер проведения НИОКР предопределял акцент на удовлетворение интересов традиционных капитало- и материалоемких отраслей;
- низкие темпы внедрения нововведений из-за слабой инициативы и самостоятельности хозяйствующих субъектов.

В силу этого страны Восточной Европы вынуждены были обращаться к западным государствам и закупать у них высоко-технологичное оборудование и товары, производство которых было недостаточным внутри страны. По мнению австрийского экономиста Б. Гекая, именно в результате этих действий властей стран Восточной Европы в конце 60-х годов и началось их включение в мировую капиталистическую экономику[3]. Вслед за импортом продукции последовали закупки лицензий (в 80-е годы их объем достигал 2,4 тыс.), заключение с западными фирмами соглашений по поставкам заводов «под ключ», совместном предпринимательстве, предоставлении ноу-хау и т.д.

---

[1] См.: *Богомолов О.Т.* Страны социализма в международном разделении труда. М.: Наука, 1986. С. 160.

[2] См.: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 2. С. 121.

[3] См.: *Gökay B.* Op. cit. P. 70.

Например, к 1976 г. в Югославии действовало 600 соглашений о приобретении лицензий, патентов, ноу-хау; 400 — о долгосрочной кооперации, более 100 — о совместных инвестициях. В 1989 г. в Венгрии уже функционировало 600 совместных предприятий в сфере приборостроения, электротехники, производства потребительских товаров[1].

Фактически выходит, что восточноевропейские страны, начиная с 70-х годов XX в. и по настоящее время, получают необходимые для экономического развития ресурсы из двух источников: с востока (от СССР, а позже — от России и других стран СНГ) — сырье и энергоносители; с запада — относительно современное оборудование и продукты инновационной деятельности. Недостаточность собственной ресурсной базы делала и делает их зависимыми в большей или меньшей степени от политики обеих сторон и вынуждает постоянно лавировать между Западом и Востоком. Особенно это касается стран ВГ в силу их четкой самоиндентификации как части Запада, парадоксальным образом заметно усилившейся в 80-е годы, т.е. именно тогда, когда Запад (в лице главным образом КОКОМ) жестко ограничивал экспорт в страны Восточной Европы технологичных видов продукции под предлогом возможного их использования в военных целях. Такая политика препятствовала преодолению технологического разрыва между двумя мировыми системами, затрудняла установление баланса между спросом и предложением, подпитывала рост социального недовольства, что в условиях отсутствия действенной поддержки со стороны СССР, испытывавшего аналогичные экономические проблемы, в конечном счете привело к открытому размежеванию партнеров по «социалистическому лагерю».

Итак, в качестве промежуточного вывода отметим следующую цепочку тезисов: отсутствие сколь-нибудь значительных природных ресурсов не позволяло широко удовлетворять потребности населения, что привело к формированию большой доли аграрного сектора в ВВП и одновременно к недостатку рабочей силы для обеспечения промышленной занятости. Отсюда следует и ориентация внешней торговли на экспорт сельскохозяйственной продукции и импорт промышленных и потребительских товаров (в период между двумя мировыми войнами злаки составляли около 70% экспорта Румынии и Болгарии. Сербия, имея меньшее количество пахотной земли, экспортировала живых свиней, продукты переработки свинины и сливы (чернослив, сливовица)[2]. В значительной мере вышеназванные условия в странах

---

[1] См.: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. С. 133.

[2] См.: *Камерон Р.* Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней. С. 327.

Восточной Европы в послевоенный период способствовали внедрению советской экономической модели[1], но последовавшее ее слабое ресурсное обеспечение к началу 70-х годов привело к расширению сотрудничества стран Восточной Европы с Западом. В свою очередь внешнеэкономические контакты с Западом стимулировали включение стран Восточной Европы в рыночный сегмент мирового хозяйства, а прогрессирующая интеграция Восточной Европы в мировую экономику (особенно для стран ВЦЕ) на продолжительное время разделила совокупность бывших европейских соцстран на подгруппы, тяготеющие к различным акторам мирохозяйственной деятельности.

На наш взгляд, включение стран ВГ в мировую экономику происходило преимущественно за счет привлечения кредитных ресурсов. Возможно, это утверждение расходится с теми теоретическими постулатами, которые в вопросе о факторах внешней конкурентоспособности страны отдают пальму первенства внешней торговле. Дело в том, что слабая ресурсная база, по сути детерминирующая промышленную отсталость, и аграрная направленность экономики исторически не позволяла странам региона проводить мощную товарную экспортную экспансию. Следовательно, у них был дефицит экспортной выручки, за счет которой можно было бы закупать более производительное и высокотехнологичное оборудование. Внешнеторговый обмен со странами СЭВ не позволял заметно исправить это положение, поскольку, во-первых, стремление менее развитых стран СЭВ (например, Болгарии или Румынии) «догнать» передовиков (ГДР, ЧССР, Венгрию) постепенно вело к формированию однотипной структуры хозяйства и, во-вторых, внешняя торговля в рамках СЭВ имела закамуфлированный распределительный характер.

Выход был один — привлекать заемные средства для последующих закупок современного оборудования, с помощью которого власти стран региона рассчитывали изготавливать конкурентоспособную на Западе продукцию и выручкой от ее экспорта компенсировать взятые кредиты. Начало такой политики относится к 70-м годам прошлого века, когда владельцы западных капиталов сами стремились найти новые сферы их приложения (например, из-за приближения нефтяных кризисов 1973–1974 и 1979–1980 гг.).

---

[1] Для характеристики её основных компонентов автор опирается на формулировки Б. Гёкая: священный принцип коллективной собственности на все имущественные права физического и человеческого капитала; приоритетность развития тяжелой промышленности; крупномасштабное сельское хозяйство; замена рынка как координирующего механизма государственным планированием; отрицание значимости развития инфраструктуры; акцент на обеспечение полной занятости (даже путем сохранения убыточных предприятий) (*Gökay B.* Op. cit. P. 46–47).

Совпадение интересов заимодателей и заимополучателей выразилось в быстром росте внешней задолженности стран Вишеградской группы (впрочем, как и всей Восточной Европы). Например, только за 1975–1980 гг. величина внешних заимствований в каждой из стран ВГ выросла более чем в 3 раза: в Венгрии — с 3,9 до 9,1 млрд долл., в Польше — с 8,4 до 24,1 млрд долл., в тогда еще единой Чехословакии — с 1,1 до 6,9 млрд долл.[1]

Однако пропорционального роста импорта из западных стран не произошло: их доля во внешнеторговом обороте стран Восточной Европы (без учета Албании и ГДР) в 1970–1988 гг. стабильно составляла 29–32%[2]. Правда, после 1989 г. ситуация изменилась, и в течение последующих лет росту внешней задолженности стран Восточной Европы сопутствовал рост доли развитых государств Запада в объемах импорта: в 1990 г. удельный вес стран с развитой рыночной экономикой в совокупном импорте стран Восточной Европы составлял 50%, в 1995 г. — 64,7, в 2002 г. — 68,4%[3].

Главная причина смены тенденции состоит в том, что изменилось целевое назначение получаемых кредитов. Если в 70–80-е годы кредитные средства направлялись преимущественно на закупки продовольствия и потребительских товаров, а не на обновление технической базы, что несомненно не способствовало модернизации экономики, то в 90-е и последующие годы привлечение средств из-за рубежа в большей степени стало иметь непосредственно производственный характер. Для отражения этого явления в структуре внешнего долга стали различать долг центрального правительства и долги частного сектора, в рамках которого, в свою очередь, выделяют так называемые «кредиты материнских компаний». При этом доля центрального правительства в формировании общей задолженности, как правило, не очень высока.

Таблица 1.3.5 демонстрирует, что процесс роста объемов внешних заимствований продолжается и по сей день. Представляется, что этот рост увязан с влиянием глобального финансового кризиса 2008–2010 гг., хотя назвать его единственной причиной сложно, поскольку существенный ежегодный прирост внешнего долга (например, в Венгрии в среднем 35%, в Словакии — 29, в Польше — 22, в Чехии — 21%) наблюдается задолго до нынешнего кризиса уже с 2002–2004 гг.

---

[1] См.: *Дрыночкин А.В.* Восточная Европа как элемент системы глобальных рынков. М.: Олита, 2004. С. 58.

[2] См.: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 2. С. 128

[3] Рассчитано автором на основании данных статистического ежегодника ЮНКТАД за 2003 г. Сведения о значении данного показателя по каждой стране Восточной Европы содержатся в Приложении, табл. № 3.

Также следует отметить некоторые качественные изменения в подходах к внешнему долгу, отличающие до- и послетрансформационный период.

Прежде всего, в общественной и политической жизни утвердился новый экономико-психологический принцип: жить в кредит не зазорно. В области внешнеэкономических связей это проявляется в смене акцентов в долговой политике государства: вместо «погашения» внешнего долга, т.е. стремления к снижению его объемов, все чаще говорят об «управлении» внешним долгом, т.е. по сути о переносе сроков его погашения на более поздние сроки. Рост внешней задолженности больше не воспринимается как свидетельство ошибок правительства.

Далее, понятие «внешний долг» все чаще рассматривается как составная часть более широкого понятия «государственный долг» (например, в Венгрии «валютная составляющая государственного долга» в 2001 г. составляла 32% от общей величины госдолга[1]). Соответственно, другим элементом структуры госдолга выступает выраженная в национальных валютах часть (в форинтах, злотых, кронах, литах и т.п.). Такой подход позволяет использовать для обслуживания внешних долговых обязательств не только полученную от экспортных операций иностранную валюту, но и обращающуюся на внутреннем рынке национальную валюту[2].

Развитие человеческого капитала (хомофакторы). Если две предыдущих группы факторов созданы природой и на них практически невозможно повлиять, а следует к ним только приспосабливаться, то третья группа в значительной мере зависит от поведения самих людей (хотя полностью исключить воздействие природы нельзя и в этом случае).

Изучение демографической ситуации в странах Восточной Европы показало, что на протяжении последних 100 лет доля этих государств в общем населении Европы (без учета европейской части России и СССР) достаточно стабильно находилась в пределах 25–27%, хотя и медленно снижалась[3]. Но при этом доля стран Восточной Европы

---

[1] См.: www.fn.hu/cikk.cmt?id=101779.

[2] В частности, в Венгрии с 2002 г. начался постепенный, рассчитанный на 4–5 лет, переход к погашению государственного долга, включая и его валютную составляющую, исключительно за счет заимствований, номинированных в национальной валюте, т.е. в форинтах. В соответствии с этой линией, новые выпуски государственных ценных бумаг номинируются только в форинтах. Преимуществом этого является то, что сохраняется высокий уровень резервов, необходимый для поддержания курса национальной валюты, уменьшается необходимость привлечения новых валютных займов для покрытия старых, устраняется риск курсовых колебаний. Недостатки заключаются в том, что срок погашения государственных ценных бумаг (в Венгрии в среднем на 1,7 года) короче, чем это требуется для погашения валютных займов.

[3] В 1914 г. — 26,9%, в 1919 г. — 26,3, в 1939 г. — 27,3, в 1979 г. — 25,3, в 2002 г. — 24,7% (рассчитано по: *Фишер В.* Европа: экономика, общество и государство. 1914–1980. М.: ВЛАДОС, 1999. С. 17; www.unctad.org).

в мировом населении сокращалась более заметно, и прогнозы свидетельствуют о продолжении этой тенденции *(см. табл. 1.3.6)*.

Как видно, перспективы экономического развития стран ВГ в связи с сокращением населения (а следовательно, в связи с сокращением количества производителей валового продукта) выглядят грустно. Если

Таблица 1.3.5

Внешний долг стран Восточной Европы (млрд долл. США)

	2000	2002	2004	2006	2008
Венгрия	31,0	39,6	68,4	122,6	215,3
Польша	68,2	82,0	101,1	168,1	243,5
Словакия	10,8	13,2	18,9	32,2	52,5
Чехия	21,1	24,8	37,1	58,3	80,4

Источник: Всемирный банк.

Таблица 1.3.6

Демографическая ситуация в странах Восточной Европы

	Население (млн чел.)		Место среди стран мира	
	1995	2025	1995	2025
Польша	***38,4***	***34,5***	***29***	***38***
Румыния	22,8	21,7	41	61
СР Югославия (СиЧ)	10,8	11,5	67	85
Чехия	***10,3***	***10,6***	***72***	***88***
Венгрия	***10,1***	***9,4***	***73***	***98***
Болгария	8,8	7,8	81	105
Словакия	***5,4***	***6,0***	***104***	***115***
Хорватия	4,5	4,2	110	130
Литва	3,7	3,8	118	134
Босния и Герцеговина	3,5	4,5	124	126
Албания	3,5	4,7	125	124
Латвия	2,6	2,3	133	146
Македония	2,2	2,6	139	145
Словения	1,9	1,8	141	148
Эстония	1,5	1,4	147	151
Всего по странам Вишеградской группы	***64,2***	***60,5***		
Всего по странам Восточно-Центральной Европы	73,9	69,8	—	—
Всего по Юго-Восточной Европе	56,1	57,0	—	—
Итого по Восточной Европе	130,0	126,8		

Источник: Алисов Н.В., Хорев Б.С. Экономическая и социальная география мира (общий обзор), С. 24–27.

наложить на эту картину существующий сейчас в большинстве стран ВЦЕ отрицательный баланс миграции (кроме Венгрии и Словении)[1], то положение усугубляется еще больше.

В то же время рост населения в странах ЮВЕ в условиях сохраняющегося разрыва в уровнях экономического развития со странами ВГ, не говоря про Западную Европу, будет способствовать эмиграции в основном малоквалифицированной рабочей силы в соседние или более развитые государства. В связи с этим большинство стран ВЦЕ предпринимают попытки спрогнозировать ситуацию на внутренних рынках рабочей силы и защититься от чрезмерно большого и быстрого, по их мнению, наплыва мигрантов, в первую очередь — из стран ЮВЕ, в частности — из Румынии.

1.4. Внутренние политические и экономические трансформации

Процесс, начавшийся на рубеже 90-х годов в странах Восточной Европы и на пространстве бывшего СССР, несопоставим по масштабности ни с одним другим событием XX в. В сферу его «преобразующего» действия попали буквально все сферы жизни обществ анализируемого нами региона. Это и экономика, и политика, и идеология. Наконец, — вся система государственных ценностей и внешнеполитических приоритетов. Всеобъемлющий характер изменений вынес этот процесс за границы государств — наследников социалистического содружества, сделав его частью процесса глобализации, предопределил тот кардинальный геополитический сдвиг последствия, которого еще предстоит определить и оценить.

Важной чертой этого процесса стала его полная непредвиденность, неопределенность в целях и средствах, границах и темпах. Присутствие элементов импровизации зачастую продолжает характеризовать реформирование и сегодня.

Первые попытки философского осмысления и корректировки происходившего относятся к средней трети 90-х годов, когда проявились результаты деятельности первых «реформаторских» правительств, возникла возможность сравнения качества жизни «до и после» «рево-

[1] По данным 2002 г., разница между притоком и оттоком мигрантов в Венгрии и Словении превышала 1,5 человека на 1000 жителей, тогда как во всех остальных странах ВЦЕ она была отрицательной, достигая максимума в Чехии (минус 4,7 человека на 1000 жителей) (Világgazdaság. 2003, szeptember 29).

люций». Основной линией большинства политологических исследований, как отечественных, так и зарубежных — стали попытки определения основного вектора движения: «ОТКУДА И КУДА». Однако главной слабой стороной многих исследований, претендующих на научный характер, стала конъюнктуризация, зависимость от заказчика и спонсора исследований.

Так что же произошло? Или о сути реформирования

Это наиболее сложный вопрос, на который со 100-процентной уверенностью сегодня не сможет ответить ни один политолог. В свое время известный российский ученый Анатолий Бутенко сделал вывод о том, что ни во время революционных событий, ни сразу после них, никто толком не мог понять: «Что же на самом деле произошло в этих странах, длительное время называвшихся странами «реального социализма»? Были ли эти бурные процессы, выплеснувшие на улицы огромный заряд нерастраченной энергии их граждан, дорогой к свободе или шагом к застою и апатии? Какой строй в этих странах свергался, и какой утверждался? Какой этап их истории закончился, и что за историческая полоса открылась перед ними?»[1] Многие политологи, и особенно политики, поспешили заявить, что не авторитарные методы правления, а социализм потерпел здесь фиаско. Отсюда и получившее широкое распространение, объединяющее название для стран региона от восточных границ Германии до Тихого океана, — постсоциалистические страны. И это притом, что конечный этап пути здесь виделся довольно туманно. Хотя многие политики и ученые, в частности известный польский политик Лешек Бальцерович, вполне определенно утверждали, что в странах Восточной Европы происходит процесс перехода от социализма к капитализму[2].

По нашему мнению, называть регион постсоциалистическим, с теоретической точки зрения оснований пока нет. В первую очередь потому, что происходящие здесь процессы, судя по всему, еще далеки от завершения и определенности, подвержены влиянию множества внешних и внутренних факторов. И если возвращение к «дореформенным» формам социализма здесь исключено практически полностью, то формирование некоей «квазисистемы», инкорпорирующей

---

[1] *Бутенко А.П.* От тоталитаризма к демократии. В кн.: Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях. М.: ИМЭПИ РАН, 1995. С. 106.

[2] *Leszek Balcerowicz:* Socialism, Capitalism, Transformation. CEU. Bp.–L.–N.Y., 1995.

в предлагаемые Западом «демократические ценности» позитивные стороны социалистического строя — ну хотя бы социальную модель, отнюдь не выглядит невозможным. Поэтому видится более правильным название региона-наследника мировой системы социализма «пост-системным», имея в виду наследство социализма именно как мировой системы.

В большинстве западных политических и экономических исследований 90-х годов события в Восточной Европе и на пространстве бывшего СССР называются общим и весьма пространным словом «трансформации»[1], в некоторых события несколько детализируются как «переход к рыночной экономике и демократии»[2], в части трактуются как «латиноамериканизация»[3]. Некоторые немецкие политологи варьируют последний термин как превращение «Востока» в «Юг», т.е. в «бедный капитализм»[4]. Приходится встречаться и с термином «африканизация». Однако эта весьма экспрессивная терминология все же отражала не столько суть явления, сколько эмоции по поводу происходившего, особенно относительно оценки политических процессов. Да, многие латиноамериканские государства в свое время осуществили переход от диктатуры к парламентской демократии. Но сопоставление самих исходных позиций здесь малоубедительно. И не только касательно сути латиноамериканских диктатур и восточно-европейской социал-демократии. В латиноамериканских государствах основной акцент преобразований пришелся на демократизацию именно политической системы общества, в то время как экономические основы затрагивались в меньшей степени, по крайней мере до непосредственного вмешательства МВФ и Всемирного банка. Нельзя сравнивать и восточноевропейские трансформации с реформами, прошедшими в ряде азиатских государств, так как там, напротив, основной акцент пришелся на реформирование экономического механизма при практически незатронутой политической сфере. И судя по результатам, «восточный» путь оказался наиболее эффективным. В странах же Восточной Европы реформированию практически одно-

---

[1] В частности: Entwicklung in Mittel- und Osteuropa. Eine Welt, Bonn, 1993; Transformationsprozesse in den Staaten Ostmitteleuropas. 1989–1995. Nomos Verlag.Baden Baden; Der Osten Europas im Prozess der Differenzierung. Carl Hanser Verlag, München–Wien, 1997.

[2] Eastern Europe: Challenges — Problems — Strategies. Bertelsmann Foundation Publishers, Gutersloh,1993; *Эндрейн Ч.* Сравнительный анализ политических систем. М.: ИНФРА-М, Весь Мир, 2000.

[3] Авторство термина приписывается профессору Адаму Прщеворскому и датируется 1991 г.

[4] *Эндрейн Ч.* Указ. соч.

временно подверглись обе сферы: политическая и экономическая, что указывает на гораздо более сложный характер процесса.

Термин «латиноамериканизация» скорее приемлем для сравнения с современным состоянием некоторых восточноевропейских и прибалтийских обществ, в котором они оказались спустя 20 лет реформирования. Этот термин уместен и для определения новой роли восточноевропейских государств в мировой экономике и политике. Чего не скажешь о все возрастающем влиянии так называемых азиатских «новых тигров» и в особенности — Китая.

К определению целей процесса, в свое время, наиболее близки были австрийские и немецкие ученые, уже в начале 90-х годов использовавшие термин «конвергенция»[1], который как раз призван обозначать направление и конечную цель процесса реформирования. Выбору именно такой формулировки, как нам видится, способствовал опыт решения «немецкого вопроса» — а именно, объединение двух Германий, или точнее — поглощение ГДР Западной Германией.

Аргументация, приводимая далее, позволяет нам рассматривать «восточноевропейские трансформации», как поглощение Востока Западом, ставшее возможным в результате падения авторитета реального социализма, утраты геополитической инициативы и политической воли руководством СССР. В отношении же исследуемого в данной главе периода, скорее приемлем термин «подготовка к поглощению» или к «абсорбции». Речь идет именно не о конвергенции, предусматривающей все же некое двустороннее движение, а о диктате одной стороной своих условий другой стороне. Причем диктат этот порой носит прямо ультимативный характер. В работах некоторых зарубежных коллег можно встретить довольно адекватно отражающий суть этого процесса термин «асимметричная конвергенция».

Еще более парадоксальным представляется то, что чем дальше мы отстоим по времени «бархатных революций», тем больше затруднений вызывают не столько попытки определения конечной точки движения, смутно видевшейся тогда как путь к «общечеловеческим ценностям», к «европейской цивилизации», «назад в Европу» и т.п., сколько оценки точки отправления, так как после двух десятилетий «реформ» появилась возможность сравнения. Повсеместно эти оценки демонстрируют тенденцию к смягчению. А вскрытие новых исторических обстоятельств и вовсе меняет ракурс рассмотрения происшедшего.

---

[1] *Haller M., Schachner-Blazirek P.* Europa — Wochin?: Wirtschaftliche Integration, Sociale Gerechtigkeit und Demokratie. Graz, Leykom, 1994.

Поскольку весь процесс начался спонтанно, в каждой из стран проходил с разной степенью интенсивности, зачастую зависел от субъективных факторов и конкретных личностей, можно выделить лишь несколько общих закономерностей конвергенционного процесса, предшествовавшего началу интеграции этих стран с ЕС.

Импровизация была неизбежна

Если экономическая сторона восточноевропейского реформирования может быть как-то определена, поскольку поддается хотя бы цифровому сравнению, то политическую оценку происходившему и происходящему сформулировать гораздо сложнее. Многие отечественные политологи, пытались и пытаются весьма поверхностно сводить весь анализ политических процессов в странах Восточной Центральной Европы к констатации перехода от авторитарного управления обществами к демократическому, конкретнее — к парламентскому, президентскому или смешанному типу правления. К несовершенству той или иной формы власти сводятся, как правило, и причины большинства социально-политических конфликтов. Даже при оценке политической стороны происходящего в самой России, наша официальная наука предпочитает социологический анализ глубокому философскому осмыслению переходных этапов жизни общества.

В российских политологических кругах существует ошибочное представление о том, что процесс политического и экономического реформирования в государствах Восточной Европы, в отличие от процессов, развернувшихся на пространстве бывшего СССР, происходил в соответствии с некими конкретными планами, ви́дением определенных перспектив и целей[1]. Иными словами — имел концептуальную базу и представление о направлении движения и его целях. Утверждалось о существовании некоего антикоммунистического или «вишеградского» консенсуса, основываясь на котором общества по крайней мере трех стран Восточной Европы — Венгрии, Польши и Чехословакии были готовы «терпеть жесткость реформ как разумную плату за достижение национальной независимости и возвращение в сообщество цивилизованных наций»[2].

---

[1] В частности, в Институте изучения экономики переходного периода, созданного Е. Гайдара. См., к примеру, работы зам. директора Института, а ныне — зам. министра финансов А. Улюкаева.

[2] *Улюкаев А.В.* В ожидании кризиса. М.: Стрелец, 1999. С. 14.

Здесь имеет место явная путаница в сравнении с реформами предыдущего периода, в частности с венгерской реформой экономического механизма 1968 г. и рядом менее масштабных мероприятий социалистического периода, имевших целью реформировать социализм. Ничего аналогичного процессу, развернувшемуся в Восточно-Европейских государствах на рубеже 90-х годов, не было и в помине, поскольку даже сама возможность перемен стала неожиданностью. Представления о направлении движения были весьма расплывчатыми, цели неоднократно менялись. Самое большее, что называлось в программах практически всех шедших на выборы конца 80-х годов партий — это стремление к полному национальному суверенитету (в первую очередь это касалось вывода советских войск), открытость в сторону Запада, реформирование экономической системы в целях повышения уровня благосостояния населения. При этом в качестве примера брался, естественно, западный рекламно-витринный образец.

В действительности, процесс реформирования в странах Восточной Центральной Европы начался с импровизации. Да, восточноевропейские общества жили в ожидании перемен, или, вернее, с надеждой на изменения в политической жизни, на повышение жизненного уровня, но практически никто не верил в то, что действовать придется так скоро, при минимуме социально-политической мобилизации населения самих этих стран. Никто, ни лидеры оппозиции, ни руководство правящих партий до последнего момента не верили, что горбачевская перестройка как раз и является главным инструментом разрушения партийного авторитаризма, а вслед за ним и мировой системы социализма. Руководители братских партий не могли и предположить, как писали впоследствии некоторые из них, что Москва их бросит.

Сама перспектива возможности проведения радикальных политических реформ была столь иллюзорна, настолько зависела от внешних факторов, что восточноевропейская элита, в памяти которой свежи были воспоминания о событиях 1956 и 1968 гг., в действительности мало верила в то, что дискуссию о демократизации обществ и рыночных реформах придется столь скоро переводить в практическое русло. Не была готова взять власть и оппозиция. Как писал в 1992 г. известный венгерский политический деятель, в то время второе лицо победившего на выборах Венгерского демократического форума, Иштван Чурка: «Когда в сентябре 1987 года... сложился Венгерский демократический форум, никто не думал, да и, пребывая в трезвом уме, вряд ли мог предположить, что вскоре произойдет коренная смена систе-

мы»[1]. Далее, Иштван Чурка задает риторический вопрос: «Что делает тот, кого историческая возможность настигает неожиданно? Это очевидно: импровизирует»[2].

Спрашивается, о какой готовности общества к терпению может идти речь, когда ни общество, ни сама правящая элита не знала что делать, не осознавала направления движения? К той же области фантастики, очевидно, относится и утверждение экспертов российского Института изучения экономики переходного периода об однородности обществ в этих странах, однозначной их ориентации на буржуазную демократию и западные ценности[3]. А как тогда расценивать результаты опросов общественного мнения, уже в 1992 г. показавшие, что население «вишеградской группы» гораздо выше оценивает именно «предреволюционные» правительства, нежели пришедшие к власти на гребне первых «свободных» выборов? И как вообще прокомментировать причины постоянной смены правительств в этих самых странах, если не видеть в них результат недовольства населения в первую очередь реформами?

Сегодня и из мемуаров непосредственных участников тех событий ясно, что реформирование общества пришлось проводить, что называется «с ходу», даже в наиболее «критически настроенных» Вишеградских странах — Венгрии, Польше и Чехословакии. В Болгарии же, Румынии, ГДР, а затем и Югославии, и вовсе верх одержала стихия[4].

Ситуация застала врасплох не только самих восточноевропейцев, но и Запад, который на первом этапе оказался не готовым к оказанию практической помощи странам, за отрыв которых от советского блока столь долго боролся. В частности, западные политики посчитали, что приход к власти оппозиции сам по себе является гарантией смены курса и поспешили объявить о сокращении финансовой поддержки этих стран. Так, в администрации американского президента весной–летом 1989 г., в разгар процедуры передачи власти в Венгрии и Польше

---

[1] *Churka Istvan.* Nehany gondolat a rendszervaltozas ket esztendeje es az MDF uj programja Kapchan. Magyar Forum rendkivuli kiadvanya. Bp. 08.1992. 2 old.

[2] Ibid. C. 3.

[3] *Улюкаев А.В.* Указ. соч. С. 14.

[4] Как справедливо отмечает А. Бутенко: «Неспособность западной и отечественной политологии предвидеть крушение тоталитаризма коммунистических цветов, естественно, имела своим следствием и то, что никаких прогнозов, а тем более сколько-нибудь полезных рекомендаций о путях и способах преобразования тоталитарных порядков в демократические в те годы — накануне и во время событий конца 80-х — начала 90-х годов — не содержалось, а потому искать в рамках тогдашней политологии ответ на интересующий нас вопрос не приходится» (*Бутенко А.П.* От тоталитаризма к демократии. // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях. М.: ИМЭПИ РАН, 1995. С. 106).

был принят новый план помощи, нацеленный на то, чтобы помочь восточноевропейцам в том, чтобы они научились помогать себе сами[1]. Оглашение этой программы президентом Дж. Бушем в ходе июньского 1989 г. посещения Будапешта и Варшавы, вызвало замешательство в среде местных реформаторов и заставило Запад пересмотреть программу инвестиций в «восточноевропейские реформы».

Западные советники лишь в начале 90-х годов приступили к осмыслению происшедшего и исправлению «неверных решений», которые могли привести к повороту ситуации вспять уже при следующих же выборах в восточноевропейских государствах[2].

Факторы внешнего влияния

Не подлежит сомнению, что немалая, если не решающая, роль в инициации свержения существовавших восточноевропейских политических режимов принадлежала внешним факторам. Хотя о западном влиянии до сих пор почему-то пишут меньше, чем о советском. То ли по причине того, что Запад не желает раскрывать все подробности холодной войны, то ли из желания продолжать поддерживать образ слабой и безвольной России как основного источника всех неприятностей для региона.

А между тем на Западе все послевоенные годы, и особенно после Хельсинкского совещания 1975 г. открыто разрабатывались альтернативные пути интервенции — прежде всего идеологической (ныне принято называть — «гуманитарной») с целью повысить шансы на «отрываемость» в «отрываемых» странах и заронить семена сомнения среди стойких приверженцев социалистического содружества.

Практически все оппозиционные партии в странах Восточной Европы получали мощную финансовую поддержку с Запада, как со стороны отдельных государств, так и их альянсов. Так, профессор Ингомар Хойхлер, в начале 90-х — член фракции СПД в парламенте ФРГ, указывает на то, что с 1989 г. до года написания его исследования (1992) западные государства предоставили в качестве помощи бывшим

[1] Washington Post. 1989, May 31.

[2] Что же касается неподготовленности Запада, то он, по мнению А. Бутенко, пал жертвой собственной «ошибочной догмы о постоянной стабильности, внутренней нереформируемости тоталитаризма вообще, коммунистического — в особенности» (*Бутенко А.П.* Указ. соч. С. 106). Подтверждение этого факта можно найти и у ряда немецких политологов. В частности, Кристоф Ройен из Фонда «Наука и политика» в Эбенхаузене подтверждает, что, отказавшись от Восточной Европы, Горбачев подготовил для всех большой сюрприз (Royen C. Osteuropa: Reformen und Wandel. Nomos. Baden-Baden, 1990. S. 17).

соцстранам 150 млрд немецких марок. Половина этой суммы приходится на ФРГ. Это не считая ежегодных вложений в земли бывшей ГДР[1].

В 1989 г. Совет Европейского сообщества в целях оказания помощи странам Восточной Европы принял программу PHARE[2]. В названии программы до сих пор зафиксировано стремление помочь в первую очередь Польше и Венгрии. Только позже она распространилась и на другие страны региона. В декабре 1989 г. в рамках этой программы было выделено 300 тыс. экю на поддержку реформирования экономик Польши и Венгрии. В сентябре 1990 г. в эту программу были включены также Чехословакия, Болгария, ГДР, Румыния и Югославия.

Кроме того, всеми лидерами Запада раздавались обещания принятия стран Восточной Европы в ЕЭС, содействия решению тех проблем, которые не были решены при вхождении их в СЭВ и ОВД. В частности, Венгрии обещалось содействие в урегулировании национального вопроса, причем изначально, вплоть до пересмотра послевоенных границ[3].

Таким образом, внешние факторы сыграли далеко не последнюю роль в инспирации восточноевропейских «революций» рубежа 90-х годов.

Западные политологи, как правило, «уступают лавры» главного сокрушителя мирового социализма советскому лидеру Михаилу Горбачеву. «Михаил Горбачев удивил свою страну, восточноевропейских союзников и традиционных западных оппонентов, запустив в жизнь несопоставимую по широте и значению программу реформ. Эта программа затронула все стороны советской жизни и, в конце концов, в 1991 г. окончательно опрокинула всю систему, которую он пытался реформировать. С тех пор он неоднократно повторял, что его целью являлось реформирование, а не разрушение социализма, и с этой точки зрения эксперимент с перестройкой можно оценить как провал»[4].

Неуклюжая попытка Горбачева реформировать экономические основы СЭВ столкнулась с двойным противодействием, с одной стороны, Венгрии и Польши, которые считали предложения Москвы недостаточными, с другой — ГДР, ЧССР и отчасти Румынии, — которые считали, что реформы подрывают инфраструктуру социализма[5].

---

[1] См.: *Hauchler Ingomar.* Der Beitrag des Westens zur Transformation in Osteuropa. Im Entwicklung in Mittel- und Osteuropa. Eine Welt, Bonn, 1993. S. 251.

[2] PHARE program (Pologne-Hongrie, Assistance á la Reconstruction Economique).

[3] Об этом например говорил Ф. Миттеран в Будапеште. См.: Magyar Hirlap. 19.01.1990.

[4] *Stone Randall W.* Satellites and Commissars: Strategy and Conflict in the politics of Soviet-bloc Trade. Princeton University Press. Princeton, 1996. P. 204.

[5] Ibid. P. 211.

Понятно, что в такой ситуации, когда часть восточноевропейских стран высказывала стремление к продолжению взаимодействия, а часть откровенно бойкотировала все интеграционные усилия, речь могла идти либо о сужении членства в СЭВ, либо о полном роспуске этой организации. На заседаниях конца 1980-х гг. не удавалось достичь не то что компромисса, но и консенсуса[1], поэтому эксперты рекомендовали руководству страны прекратить попытки добиваться консенсуса и продвигаться дальше по пути реформ в одиночку, считая, что громадное экономическое влияние СССР само по себе вынудит другие страны к поиску путей сотрудничества[2].

В то же время в ряде воспоминаний участников польской и венгерской делегаций можно встретить удовлетворение тем, что их бескомпромиссная позиция сломила волю советских переговорщиков и подорвала основы восточноевропейского интеграционного механизма. Позже, премьер-министр Тадеуш Мазовецкий напишет, что в истории 1989 год запомнился крушением Берлинской стены, и почти позабылось, что перемены инициировали поляки[3].

Эта же ситуация повторилась и несколько позже, но уже при попытке М. Горбачева реформировать отношения между республиками СССР. Идя на поводу требований национальных республик о выходе из Союза, Горбачев, а затем и Ельцин надеялись, что столь великодушный жест не останется неоцененным, столь могучая страна просто по инерции притянет обратно бывшие республики. Было убеждение, что иначе быть и не может.

Этапы политического реформирования

Как уже упоминалось, различие в темпах политического реформирования и разные уровни состояния экономики стран переходного региона, разные методы осуществления реформ, как и различные отношения с мировым сообществом, не позволяют систематизировать или синхронизировать этот процесс. Можно лишь вывести наиболее общие закономерности, которые позволяют судить об уровне процесса трансформаций в каждой отдельно взятой стране. Так, если сравнить комплекс политических и экономических, а также внешнеполитических мероприятий, проведенных в Венгрии, Польше и Чехии, считающихся, по

---

[1] Ibid. P. 215.

[2] Ibid. P. 225.

[3] См.: *Mazowiecki T.* Poland in the European Union. What Foreign Policy? // The Polish Foreign Affairs Digest. 2003. Vol. 3. No 4 (9). P. 7.

западным меркам, наиболее «продвинутыми» странами по сравнению с Румынией, Болгарией, Словакией или большинством государств — наследников СФРЮ, то можно сделать вывод о преодолении первой тройкой по меньшей мере трех этапов политической трансформации.

По нашему мнению, такими этапами являются:

1) Разрушение связки «партия—государство» и переход к политико-экономической импровизации.
2) Этап «корректировки курса реформ», под непосредственным руководством МВФ, ЕС и НАТО.
3) Этап поглощения через вхождение в западные региональные структуры.

Рассмотрим подробнее происшедшие трансформации, начав с первого этапа.

Свергнувшие повсеместно коммунистов оппозиционеры оказались лицом к лицу со своими народами, не имея никаких представлений о том, что следует делать. Поэтому первый этап трансформаций, начавшийся в 1989 г. (со смены власти) и завершившийся в основном к 1993—1994 гг., можно назвать импровизационным. Или, пользуясь терминологией известного польского политолога Ядвиги Станишкис, — периодом попурри[1]. Изначально, для восточноевропейских стран главным вопросом был не выбор между президентской и парламентской формами правления. Тут как раз не было особой полемики, поскольку предполагалось, что возврат к довоенной системе автоматически приведет к унаследованию основных принципов и форм правления, существовавших в восточноевропейских государствах. Этот вопрос оставался актуальным лишь для православных государств: Румынии, Сербии и Болгарии, где до войны во главе государств стояли монархи. Главной же дилеммой посткоммунистической институализации стал выбор между «политикой попурри» — имитацией институтов западных стран и поиском «политических заменителей», обусловленным необходимостью определения собственных парадигм развития»[2].

Несмотря на форму правления, нельзя отрицать того факта, что во всех странах региона без исключения начальный, или импровизационный, период характеризовался преобладанием субъективного мировоззрения лидеров победивших оппозиционных партий. Оказавшиеся у власти партии, стремясь укрепить свое влияние, пошли на отступле-

---

[1] См.: *Staniszkis J.* Post-communist peripheral capitalism (PCPC): politics of institutiolisation. In: Russia and Central Europe in the New Geopolitical Realities. Moscow, IIEPS RAS, 1995.

[2] Ibidem.

ния от курса на демократизацию, столь же (а может быть, и более) авторитарными методами они начали формировать под себя новую вертикаль власти и осуществлять экономические реформы, прежде всего, в своих собственных интересах. Возобновился диктат одного мнения в средствах массовой информации, подбор кадров не по принципу профессиональной пригодности, а по признаку лояльности и т.п. То есть процесс «становления демократии» на начальном этапе претворялся в жизнь практически авторитарными методами.

В буквальном смысле, первые правительства в любой из стран переходного региона предприняли несопоставимую по масштабам попытку *приватизации государства*. То есть импровизационный этап в экономическом плане прочно ассоциируется с *банальным отъемом собственности у государства* и передачей ее в лояльные руки.

Имея в виду спонтанность производящихся изменений, отсутствие какой-либо концептуальной базы преобразовательного процесса и четкого осознания направления движения у большей части политических элит, пришедших к власти на гребне «бархатных революций», Ядвига Станишкис называет политическое состояние обществ, в которое они перешли к началу 90-х годов (т.е. за время импровизаций) — посткоммунистическим периферийным капитализмом или сокращенно — ПКПК. В своем развитии «политический капитализм», считает Я. Станишкис, проходит несколько этапов.

1. Этап коммерциализации социально-политических организаций и создания частных придатков на государственных предприятиях (с середины 80-х до начала 90-х годов).
2. Период рецессии, когда «политические капиталисты» активно перемещаются в сферу финансовых спекуляций и торговли. В этот период происходит перераспределение собственности на государственном уровне (включая 1992 г.).
3. Фаза «менеджериального корпоративизма», появления гибридных структур. В этот период особенно очевидно проявляется «патологическая функционализация» — когда стимулом к созданию капитала является потребление, а не инвестиции, а также экспорт капитала.
4. Ступень деполитизации «политического капитализма», технократизации и попыток приватизировать государство (т.е. использовать государственные институты в узкогрупповых целях).

Венгерские аналитики определили итог деятельности своего первого некоммунистического правительства более кратко, назвав его строительством капитализма для друзей.

Отношение населения стран Восточной Европы к направлению политико-экономического реформирования отчетливо видно в опросе общественного мнения, проведенного в начале 1993 г.[1] Лишь 20% венгров высказали удовлетворение направлением продвижения их страны после «первых свободных выборов». В Польше число удовлетворенных граждан лишь немногим превысило 27%. Интересно, что в наиболее консервативных странах региона, Румынии и Болгарии — эта цифра составила 42%. Очевидно выше был накал ожиданий и ниже исходная планка экономического и политического благосостояния. Число удовлетворенных перспективами словаков и македонцев составило соответственно 46 и 47%. Преимущественное одобрение политики своих правительств высказали лишь чехи, словенцы и албанцы: 58, 62 и 77%. Очевидно, что к субъективным ощущениям словенцев и чехов добавились реализованные чаяния о суверенитете. Албанцы, наиболее высоко оценившие направление реформ, очевидно в тот момент находились на пике эйфории от открытости границ (хотя их более благополучные соседи по Европе встречных чувств не проявили).

Опрос свидетельствует о том, что граждане Венгрии и Польши — стран, до реформирования отличавшихся наибольшим либерализмом в экономике и политической жизни, не увидели развития этих традиций в действиях нового руководства. 70—80% населения наиболее «продвинутых» стран выразили обеспокоенность по поводу своей дальнейшей судьбы. Хуже венгров свое состояние во всем перестраивающемся регионе оценили только армяне. Однако здесь надо сделать скидку на то, что данный опрос проводился в год новых парламентских выборов в большинстве стран Восточной Центральной Европы, в том числе и в Венгрии, и мог одновременно служить инструментом влияния на мнение избирателей. И тем не менее такое резкое изменение отношения к «демократизации» уже в самом начале 90-х годов можно объяснить стремительным социально-экономическим размежеванием, лавинообразным падением жизненного уровня подавляющей части населения. Так, в Польше с 1990 по 1992 г. число безработных увеличилось в два раза, а в Венгрии за тот же период — более чем в восемь раз! Хотя и в «преимущественно довольных» Чехии и Словакии эти цифры составили соответственно рост в три и семь раз[2]. В первые годы новой власти в Венгрии поползли вниз практически все показатели, определяющие уровень жизни населения.

---

[1] См.: Magyar Hirlap (Februar). 26.02.1993.

[2] Данные по: *Ehrich E., Revesz G., Tamasi P.* Kelet-Kozep Europa: honnan-hova? Akademiai Kiado. Bp., 1994.

Одно из объяснений феномена столь впечатляющего недовольства населения некогда передовых социалистических стран результатами реформ, видится в том обстоятельстве, что к власти здесь пришли радикалы (в случае Венгрии — правые, в случае Польши — либеральные), начавшие с весьма резких мероприятий. В других странах — Словакии, Словении, Румынии и Болгарии, где у власти оказались социалисты западного толка, маятник политических перемен имел более короткую амплитуду, и, как следствие, на первом этапе нанес меньший ущерб политическим, да и социально-экономическим самоощущениям населения (по сравнению с предыдущим периодом).

Серьезные шаги, предпринятые в начале 1993 г. в целях «исправления, допущенных в ходе импровизации ошибок»: укрепления позиций отечественных предпринимателей, ограничения продажи земли, поддержки национальной валюты не смогли спасти лицо правительства первопроходцев.

К общей шкале оценки народного отношения к реформам следует добавить и внешние факторы. В 1992 г. ЕС по договорам со странами Вишеградской группы ввел ограничения на экспорт из этих стран продукции сельского хозяйства, в особенности — продукции животноводства. Понятно, что мера эта в гораздо большей степени ударила по экономике сельхозориентированных Венгрии и Польши, нежели по промышленным Чехии и Словакии.

Таким образом, проявились первые трещины в отношениях с Западом. Они начали углубляться еще больше, когда процесс внутригосударственной приватизации перешел в русло международной приватизации национального достояния этих стран. За период с 1990 по 1993 г. число предприятий с иностранной долей в Польше выросло почти в 10 раз, а в Венгрии — в четыре раза. Это дало повод оппозиции обвинить правительства в распродаже стран.

Главным итогом первого, импровизационного этапа, который в Венгрии, Польше, Чехии пришелся на конец 80-х — первую треть 90-х годов; в Словении, Хорватии, Македонии и Словакии (т.е. в республиках, отделившихся от федеративных государств) совпал с первой половиной 90-х годов, а в Болгарии, Румынии и Югославии продлился до конца 90-х годов, стал слом прежней однопартийной политической системы, связки партия–государство. На импровизационном этапе в основном были заложены основы многопартийности. Однако партии в западноевропейском понимании этого слова на этом этапе еще не сложились. Новые партии все еще оставались немногочисленными, членство в них не отличалось устойчивостью. Из карьерных соображений политики то и дело переходили из одной партии в дру-

гую, из фракции во фракцию. Успех или неуспех партий зависел в первую очередь от харизматических лидеров и связей со средствами массовой информации. В этом смысле, партии того времени, по меткому замечанию венгерского политолога Аттилы Ага, больше походили на актерские коллективы, нежели на реальную политическую силу. Их деятельность в основном сводилась к работе в парламенте, а на формирование партийной идеологии и мировоззрения, партийных убеждений, расширение своих рядов внимания не обращали. Правильно будет назвать их клубами по интересам.

Как уже упоминалось, в каждой из стран начальный, «послереволюционный этап» проходил по-своему. И эти особенности определялись состоянием экономик этих стран, политическим климатом, предшествовавшим «революциям», национальным менталитетом, историческим опытом и многими другими факторами. Единственной общей чертой выбора населения стран Восточной Европы на рубеже 90-х годов было (и до сих пор остается) протестное голосование, что в немалой степени и объясняется незавершенностью процесса формирования политических партий.

Политическая, да и экономическая импровизация почти во всех странах Восточной Европы сочеталась с попытками реставрации довоенных порядков. Действительно, первый этап прошел наиболее гладко, практически мирно в более «опытных» Вишеградских странах, где был учтен предыдущий негативный, в том числе кровопролитный, революционный опыт и где была возможность следовать примеру существования довоенной парламентской демократии. На первом этапе существенное влияние на процесс смены власти оказали и культурологические (традиционалистские) факторы. Так, в православных странах Восточной Европы — Болгарии, Румынии и Сербии имели место если не попытки восстановления монархических институтов, то сближения новой элиты с наследниками престола, рассматривались варианты введения венценосных наследников в новую структуру власти. Однако эти попытки были однозначно отвергнуты народными массами, требовавшими большей демократизации системы власти.

Еще одним фактором, обеспечившим относительно спокойную политическую трансформацию в Вишеградской Европе, стала внутренняя политическая обстановка накануне смены правительств. Так было в Польше, Венгрии и Чехословакии, где реформкоммунисты через практику круглых столов практически «сдали власть» по договоренности с оппозицией.

Однако в каждой стране была и своя специфика, зависевшая от социального состава и активности разных групп населения. Если про-

цесс политического реформирования в Польше и Румынии сопровождался революционными выступлениями рабочих, то в Венгрии, Чехословакии и Югославских республиках основную революционную силу составила интеллигенция, воздействовавшая на население через средства массовой информации.

В Польше огромную роль в свержении коммунистического режима сыграла католическая церковь, ставшая фактором общественной жизни и проводившая в конце 80-х годов открытую антикоммунистическую пропаганду.

Важную роль в революционных событиях рубежа 80–90-х годов играл национальный вопрос. Как мы уже писали выше, особенно остро он стоял в Венгрии и Югославии (в меньшей мере в Чехословакии). Здесь шансы партий напрямую зависели от позиции по национальному вопросу. Но если в венгерском варианте речь шла о проживающих за рубежом конациональных меньшинствах, и лидер Венгерского демократического форума Йожеф Антал шел к власти с обещанием стать премьер-министром 15 миллионов венгров (т.е. всех, проживающих в регионе), то, в двух других странах региона — Чехословакии и СФРЮ «революционные» процессы сопровождались распадом этих полиэтничных государств и это обстоятельство также внесло дополнительные проблемы в процесс становления новых государств, не говоря уже о гигантских человеческих жертвах в Югославии. На интересные размышления наводит констатация того факта, что раздел Чехословакии произошел вопреки волеизъявлению большинства населения. То же самое, как мы помним, произошло и с республиками СССР. И в обоих случаях, решение руководителей государств, скрепивших своими подписями расчленение государств, не вызвал массовой волны протестов населения. Очевидно, в обоих случаях сказалась большая инертность населения, конформизм, выработавшийся за годы идеологической партийной диктатуры.

Наиболее общими «импровизационными ошибками» переходных обществ явились попытки установления «диктатуры демократии». Новые правительства в наиболее либеральных странах региона — Польше и Венгрии оказались, не в пример своим предшественникам, куда менее демократичными, что и привело к их переизбранию на следующих же парламентских выборах. В Балканских же государствах и вовсе произошла лишь рокировка реформкоммунистической элиты у руля власти.

Практически во всех странах переходного региона в жертву демократии была принесена интеллигенция, которая либо слилась и растворилась во власти, перейдя в ранг политической номенклатуры,

либо была отброшена (оппозиционная новой власти часть) на задворки политической жизни. Критическое истончение прослойки интеллигенции и творческой элиты отразило начавшийся процесс отступления культурных, духовных ценностей перед рыночными, прозападными. Это обстоятельство стало одним из наиболее ярких проявлений процесса поглощения.

Ядро политической элиты, «импровизационного» периода реформ в большинстве стран Восточной Европы составили представители бывшей номенклатуры, удачно конвертировавшие властные полномочия в частный капитал; представители спекулятивного капитала; капиталисты от новой власти; представители эволюционировавшего частного сектора. Новое поколение вершителей государственных судеб оказалось представлено преимущественно технократами, не связанными с национально-государственными интересами.

И тем не менее к концу первого этапа в Венгрии удалось в основном создать трехгранный политический спектр: национально-христианское крыло / либеральное / социал-демократическое. Можно утверждать, что название «градуалистский подход», характеризовавшее избранный венгерским руководством путь реформирования экономики, распространился в известной мере и на преобразования в политической сфере.

Чешское руководство, изначально избравшее тактику социального партнерства, эгалитарную модель реформы, однозначно отвергнувшее польский «шоковый» путь, сумело наиболее долго продержаться у власти и одновременно сохранить в руках государства значительную часть собственности. Именно сдержанное реформирование стало залогом стабильности чешского общества. И в Словении, считавшейся лидером среди кандидатов на прием в ЕС, наиболее успешной в экономическом отношении страны региона, ко времени вступления в ЕС 55% собственности оставалось в руках государства. Так что передел собственности отнюдь не является показателем демократизации общества, никак не сопрягается с показателями эффективности экономики.

Стабильностью отличался и первый этап реформирования в Словакии. Но здесь причины были иные. Когда Чехия и Словакия составляли единое государство, основная политическая жизнь, как и по всей Восточной Европе, осуществлялась в столице — Праге. Поэтому в Братиславе, а следовательно, и во всей Словакии к 1989 г. не сложилось политической оппозиции. В то же время правящая коммунистическая элита здесь была более гибкой, образованной и прагматичной. Она сумела приспособиться к новым политическим условиям и одновременно сохранила экономическую базу государства.

На первом этапе в большинстве стран утверждается парламентская форма правления, что в определенной мере явилось следствием исторических традиций. Однако о построении демократических обществ на данном этапе говорить еще рано, поскольку не занял подобающего ему места принцип верховенства закона. Как пишет известный венгерский ученый Михай Шимаи, «законы, разработанные на основе новых конституций, часто были плохо составлены и неясно сформулированы»[1], что зачастую оставляло возможность для их игнорирования.

1.5. Международная обстановка ко времени становления Вишеградской группы и первый этап ее деятельности

Стратегия ЕЭС 70-х и гораздо более позднего периода 80-х годов, была в первую очередь направлена на расширение диапазона и степеней сотрудничества в Европе. Не исключалась возможность географического расширения Общего рынка, хотя возможность «подлинного расширения на Восток» на тот момент оставалась вне поля зрения его членов. Вилли Брандт писал по этому поводу: «Вероятно, что та или иная страна пополнит его членство, но полного расширения на Восток не произойдет...»[2]. Западные европейцы в русле теории конвергенции развивали тезис о возможности включения «обновленных» стран Восточной Европы в некое «единое европейское политическое пространство», в «Европу отечеств». ЕЭС, как организация преимущественно экономического плана, представлял собой удобный повод для общеевропейского сближения и для влияния на другие стороны жизни в «социалистическом лагере». Важным рычагом влияния признавалось экономическое сотрудничество. Так, В.Брандт считал, что экономика на известное время останется особенно важным элементом восточноевропейской политики и Германии, и Сообщества. Экономические проекты, осуществляемые Западом в восточноевропейских странах, «должны охватывать как область экономических отношений, так и область идеологического воздействия на восточноевропейские страны»[3].

---

[1] *Simai Mihaly.* The democratic process and the market: Key aspects of the transition in comparative perspective; The democratic process and the market. Tokyo–New-York–Paris: UN University Press, 1999. P. 47.

[2] *Брандт В.* Воспоминания. М.: Новости, 1991. С. 245.

[3] *Brandt W.* Friedenspolitik in Europa. Frankfurt-am-Main, 1968. S. 73, 78.

С конца 70-х годов на континенте, на фоне общего ухудшения отношений между сверхдержавами, делалась политика «мелких шагов», рассчитанная на достижение результата в будущем. Одним из таких шагов можно считать запуск механизмов регионального придунайского и альпийско-адриатического сотрудничества. Другим — начало поэтапного процесса расширения интеграционной структуры ЕЭС[1].

Первые договора о сотрудничестве ЕЭС заключил с некоторыми из стран СЭВ еще в конце 80-х годов. Однако тогда никто не решался предсказать, как далеко могут зайти эти отношения. Вилли Брандт писал по этому поводу: «...Я не в силах ответить на вопрос, расширится ли ЕЭС до масштабов Европейской структуры. Более вероятно, что в отношениях с Сообществом установится различная степень контактов, хотя, несмотря на шероховатости, будет преобладать тенденция к гораздо более высокой степени европейской общности, чем это казалось мыслимым в начале 80-х годов»[2].

Шероховатости выражались в том, что восточноевропейские страны порой ошибочно воспринимали маневры западноевропейских членов Сообщества. Так, они неверно приняли попытку укрепления Франции на средиземноморском фланге ЕЭС в противовес укреплению Германии на востоке за отказ принять их в члены сообщества. В этих условиях Восточная Европа была вынуждена сделать ставку на более близкие отношения с США и, по мере возможностей, с Германией и Италией, т.е. с наиболее последовательными сторонниками американского присутствия в европейской политике.

Франция и Германия активно формировали вокруг себя северный и южный фланги, а вот восточное направление стратегии интеграции оставалось наименее проработанным. Об этом свидетельствует неподготовленность ЕЭС к событиям на Востоке Европы. Сближение ожидалось, прогнозировалось, но то, что его придется организовывать в такие короткие сроки, никто из лидеров Запада предвидеть не смог. С осени 1989 г. в центр восточноевропейской стратегии ЕЭС была выдвинута идея «концентрических кругов» председателя КЕС Ж. Делора. Согласно этой стратегии, ядром интеграции должен был стать углубленный союз 12-ти государств, к нему должны примыкать государства ЕАСТ и замыкать всю эту конфигурацию в качестве внешнего круга — вступившие на путь рыночных реформ и демократизации страны Восточной Европы. По мнению Ж. Делора, такая схема, позволила бы странам Восточной

---

[1] В 1981 г. в ЕЭС была принята Греция, а в 1986 г. — Португалия и Испания. А в середине 90-х годов, с принятием в 1995 г. стран ЕАСТ, — Австрии, Финляндии и Швеции, началось приближение к зоне, к тому времени уже «бывшего», советского влияния.

[2] *Брандт В.* Указ. соч. С. 465.

Европы присоединяться к разным интеграционным орбитам в зависимости от достигнутого прогресса[1].

Важным подготовительным этапом в развитии восточной политики ЕС стала разработка планов поддержки демократических процессов в странах Восточного блока. Как писала в ноябре 1989 г. «Токио симбун» по поводу открывшейся в те дни в Париже внеочередной сессии глав государств и правительств Европейского сообщества, «не дожидаясь начала очередного совещания в Страсбурге, страны Европы в преддверии предстоящей советско-американской встречи на высшем уровне, решили вплотную рассмотреть свою собственную восточную политику и приступить к выработке основ пост-ялтинской международной структуры, свободной от давления как со стороны США, так и со стороны СССР».

Однако было очевидно, что одной только воли Сообщества идти навстречу странам Восточной Европы было недостаточно. На январскую 1990 г. сессию Европейского парламента были внесены предложения о возможности создания Фонда для оказания помощи процессу формирования новых политических сил в странах Восточной Европы. Причем предусматривалась не только финансовая поддержка новых политиков и отдельных партий, но и передача ноу-хау западной парламентской демократии. Уже имея опыт не оправдавшего цели вложения средств в восточноевропейские реформы, Запад в целом и Сообщество в частности, на этот раз отдали предпочтение тактике «обучения восточноевропейцев самостоятельной помощи», лишь в экстренных случаях прибегая к помощи финансовой. С этой целью ЕС инициировало создание «комитета 24-х» — союза промышленно развитых стран мира, осуществляющих тесное взаимодействие с правительствами и экспертами «продвигающихся к рынку и демократии стран Восточной Европы».

В заключительном документе страсбургской сессии ЕС от декабря 1989 г., отмечалось, что Сообщество рассматривает происходящие в Восточной Европе перемены, как надежду на возможность преодоления раскола Европы. Руководствуясь этим, «Европейское Сообщество и входящие в него страны, отнюдь не стремясь извлекать односторонню выгоду из нынешнего положения, намерены оказывать помощь странам, избравшим путь демократических перемен». А в заключительном коммюнике сессии Совета министров ЕЭС от 7 февраля 1990 г. уточняется, что «согласованная помощь должна предоставляться на базе обязательств заинтересованных стран осуществлять

[1] Liberation. 14.10.1989.

политические и экономические реформы. Кроме того, программа помощи должна соответствовать ситуации, конкретным потребностям и способности каждой из этих стран эффективно ее использовать». На этом этапе еще не просматривается взаимосвязь финансово-экономической и политической помощи с перспективой членства государств Восточной Европы в ЕС. Поэтому о существовании новой восточной политики ЕС на рубеже 90-х годов говорить преждевременно. Хотя в целом уже начинается формирование нового подхода к региону.

В этом ключе следует рассматривать и сделанное в преддверии дублинской чрезвычайной сессии ЕЭС в апреле 1990 г. председателем КЕС Ж. Делором заявление: «Мы за то, чтобы страны Центральной и Восточной Европы чувствовали себя полноправными членами объединенного континента, в котором создается система сотрудничества с важными структурными и политическими компонентами». Тем не менее внеочередная сессия ЕС в Дублине открыла новый этап в области политического сотрудничества с центрально-восточноевропейскими странами, одобрив документ об установлении «отношений ассоциации» с ними. Новая система отношений была призвана приблизить страны восточной части Европы к Сообществу не только путем развития новых экономических форм сотрудничества, включая создание зон свободной торговли, но и создать постоянный механизм политических консультаций. Переговоры о заключении соглашений «второго поколения» с такими странами, как Венгрия и Чехословакия, планировалось начать уже в 1990 г. Но программа расширения была отодвинута за счет программы углубления отношений между самими западноевропейцами. В 1990 г. пять стран Евросоюза (Франция, ФРГ, Бельгия, Нидерланды и Люксембург) подписали Шенгенское соглашение, которое положило начало процессу политической интеграции на Западе Европы.

Определенная непредсказуемость процесса реформ в СССР и неуверенность в собственных силах восточных европейцев еще какое-то время удерживали Сообщество от решительных мер по финансово-экономической поддержке центральноевропейских стран. На пресс-конференции по итогам дублинской сессии ЕС, состоявшейся в июне 1990 г. премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер заявила о готовности рассмотреть вопрос о финансовой помощи при условии, что эта помощь будет увязана с экономическими реформами.

Характеризуя ситуацию, сложившуюся к концу 80-х годов, важно отметить, что хотя НАТО и ЕЭС проводили достаточно напористую политику в отношении Восточного блока, их усилия были бы тщетными без встречного движения со стороны стран Восточной Европы. На

самом деле именно комбинация этих двух факторов при соответствующей позиции Москвы способствовала слому послевоенного геополитического статус-кво. И это очень важный момент с точки зрения оценки происходящего, его истории и перспектив.

Особой концентрации усилий западных государств, как в отдельности, так и через представителей их интеграционных структур, подверглись в 80-е годы «наиболее отрываемые», по западной терминологии, Венгрия, Польша и Чехословакия, отчасти Румыния, но она — скорее в силу ее особых отношений с Францией, и можно сказать, из-за своей традиционной контрпродуктивной оппозиции в Восточном блоке. В конце 80-х годов только Венгрию в целях поддержки ее курса на реформы и выход из Восточного блока посетило более десятка представительных американских делегаций. В марте 1989 г. посол США в Будапеште Марк Палмер в интервью газете «Ньюсуик»[1] высказался о необходимости чрезвычайной быстроты в развитии отношений со странами Восточно-Центральной Европы (имея в виду, прежде всего, Польшу и Венгрию), о целесообразности мероприятий типа плана Маршалла или же выделения этим странам массированных целенаправленных кредитов, с помощью которых можно было бы контролировать направление как экономических, так и политических преобразований в этих странах: «Экономическое вознаграждение должно зависеть от политических перемен».

Однако в реальности, кроме «улучшения отношений», США не были на тот момент готовы предложить странам Восточной Европы что-либо сверх словесных поощрений. Это наглядно проявилось в ходе визита в Польшу и Варшаву летом 1989 г. президента США Дж. Буша-старшего. С одной стороны, американский президент заявил: «Мы не можем диктовать странам, малым или большим, необходимость перемен, но мы имеем право высказывать свое мнение, давать понять, что в случае совпадения наших взглядов, наши отношения могут улучшиться»[2]. С другой стороны, он воздержался от дачи каких-либо конкретных обещаний материальной помощи, пообещав лишь венграм и полякам... научить их «как помогать себе самим». Такое вызывающее отступление от данных обещаний, эффективно отрезвило большую часть восточноевропейских обществ, вызвало спад прозападной эйфории. По реакции, американцы поняли, что только обещаниями и словесными заверениями о поддержке ограничиться не удастся. Был риск потерять все предыдущие достижения своей политики в отношении Восточного блока.

---

[1] Цит. по: Magyar Hírlap. 01.04.1989.

[2] Washington Post. 1989, May 31.

Осенью того же года, с одобрения Конгресса США, ряд стран Восточной Европы получает статус наиболее благоприятствуемой нации на постоянной основе. А в ноябре 1989 г., американский президент подписывает закон о предоставлении Польше и Венгрии помощи на сумму 915 млн долл. США (из которых лишь десятая часть приходилась Венгрии). Эта помощь предварялась высказыванием помощника американского секретаря Л. Иглбергера о том, что Соединенные Штаты не желают повторять ошибки 70-х годов, когда на Западе просто тратили деньги, не ставя никаких условий и не надеясь увидеть, что они будут использованы на политические и экономические реформы. Отвечая несколько позже на вопрос венгерских журналистов о роли, которую США намерены играть в новой Европе, Л. Иглбергер сказал: «Нам, американцам, да и вам, европейцам, следовало бы давно понять, что уход Соединенных Штатов без попыток повлиять на судьбу Европы был бы наихудшим вариантом. Пусть это будет не решающая, но, во всяком случае, достойная роль. Частью этой роли является то, что мы, да и не мы одни, являемся участниками того, что происходит в Венгрии, Польше и Восточной Европе»[1]. Происшедшие революции Л. Иглбергер отнес на счет «верности той политики, которую мы и наши союзники стойко и неуклонно проводили с 1945 года». А в качестве неотложной задачи, он назвал проблему разработки политики, которая «соответствовала бы этим новым условиям»: «Мы должны определить, как мы можем помочь народам Восточной Европы консолидировать начатую ими революцию»[2].

Вряд ли в тот период было обоснованно говорить об опасениях относительно «давления со стороны СССР». Но то, что США в действительности стремились взять на себя функции координатора процесса налаживания отношений всего Запада с Восточной Европой, свидетельствует статья, появившаяся летом 1989 г. в газете «Крисчен сайенс монитор»[3]. Автор статьи указывает, в частности, что в США сложились четыре главные стратегии в отношении Восточной Европы:

— стратегия прибыльности — установить гегемонию Запада над странами Восточной Европы с помощью экономического нажима (санкции, заёмы и вознаграждения);
— стратегия «магнита» — связать восточноевропейцев с Западом через торговлю, взаимную зависимость и в конечном итоге — институализацию;

---

[1] Népszabadság. 22.02.1990.
[2] Ibidem.
[3] Цит. по: ТАСС. 27.07.1989.

— выжидательная стратегия — просто ничего не предпринимать и оставить все как есть;
— стратегия братства — поощрять независимую Восточную Европу в контексте единой Европы.

Как резюмирует автор, Запад, взвесив «все за и против», избрал стратегию «магнита», но используя формулировки стратегии «братства»[1].

Европейский интеграционный процесс постоянно становился одной из центральных тем переговоров западных лидеров с руководством США на рубеже 90-х годов. Американская администрация всячески стремилась замедлить формирование альтернативного центра политического влияния, воспрепятствовать усилению западноевропейского и, прежде всего, немецкого капитала и влияния в странах Восточной Европы. Такой ход событий виделся Соединенным Штатам как несущий наибольшую угрозу их позициям на континенте[2].

Тем временем СССР, выводил свои войска из Восточной Европы в одностороннем порядке. 7 декабря 1988 г., выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН Михаил Горбачев заявил о готовности до 1991 г. вывести советский военный контингент в размере 50 тыс. военнослужащих, 5 тыс. единиц бронетехники с территории ГДР, Чехословакии и Венгрии. В мае 1989 г. начался завершившийся 16 июня 1991 г. вывод советских войск с территории Венгрии, в январе 1991 г. советский воинский контингент начал покидать территорию ГДР. 1 июля 1991 г. на встрече в Праге Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, СССР и Чехословакия подписали протокол о прекращении действия созданной в 1955 г. Организации Варшавского договора. В том же году прекратил свою деятельность и просуществовавший с 1949 г. Совет Экономической Взаимопомощи.

На пороге 90-х годов США, застигнутые, как и другие западные государства, врасплох восточноевропейскими революциями и горбачевской перестройкой, не имели четких представлений о своей восточной политике в новых реалиях. Совершенно очевидно, что не было такой политики и у НАТО. Со стороны Восточной Европы и СССР, а затем и России поступали весьма своевременные предложения об объединении двух европейских блоков, т.е. об их постепенной конвергенции, но эти предложения не были восприняты ни США, ни другими западноевропейскими лидерами, упивавшимися плодами неожиданной и столь

[1] Там же.
[2] Liberation. 20.07.1990.

«дешевой» победы над коммунистическим блоком — главным оппонентом Запада в почти полувековом противостоянии.

В то время как Европейский союз увидел в восточноевропейских процессах рубежа 90-х годов новую, подлежащую неотложному решению проблему, США избрали стратегию содействия формированию в регионе Восточной Европы международных групп, ориентированных прежде всего на США.

Создание Вишеградской группы

Неоднократно упомянутый нами «человеческий фактор» сыграл роль и в отношениях внутри региона, и в выборе им международно-политической ориентации. Как и во внутриполитических и экономических установках, возникло фантастическое смешение субъективных факторов с внешними установками и внутренним мифотворчеством. Поразительное попурри из всех веков и регионов зарождалось в восточной части Центральной Европы. Предстояло создать некую квазиструктуру на тему вишеградского братства, антикоммунистической резистентности и цивилизационного родства с Западом. В качестве претендентов пробовались сразу несколько вариантов. Ведь велик был шанс неудачи в той атмосфере импровизации и непредсказуемости, которая к концу 80-х годов захватила Восточную Европу.

Чего хотел Запад? Выстроить некую структуру, которая хотя бы на время отгораживала его от нестабильности на пространстве бывшего СССР. То есть что-то вроде пресловутого санитарного кордона.

Чего хотел СССР, а затем и Россия? Здесь стремления народа и элиты расходились. Элита желала получить лавры освободителей Европы. Измученный митингами и растущим обнищанием народ желал стабильности. Следовательно, он желал, чтобы в этой части Европы все оставалось по-прежнему.

Чего хотели сами страны? Открытости границ, свободы передвижения, вывода советских войск, улучшения качества жизни. Следовательно, большая часть ожидала радикальных перемен. И начинались эти перемены в головах, с мифов и представлений.

Одним из таких мифов был миф о лучшей прежней жизни до войны и во времена Австро-Венгерской империи. Этот миф возродился под названием *Центральной Европы* и вмещал в себя, помимо ностальгических воспоминаний, попытки возрождения планов центральноевропейской федерации.

Поначалу идея сводилась лишь к сохранению восточноевропейской интеграции без участия Москвы. Так, министр финансов Венгрии Петер Медьеши предлагал при сохранении основной структуры СЭВ создать в нем еще и малую интеграцию, способную к взаимодействию на более гибких и эффективных основах[1]. Но эта идея изначально не имела шансов. Во-первых экономика всех стран-участниц была ориентирована на Москву. Во-вторых, по исчезновении контроля Москвы на поверхность всплыли все противоречия между странами, которые СССР более или менее удавалось разруливать весь послевоенный период. Сюда в первую очередь следует отнести национально-территориальные проблемы, доставшиеся блоку в наследство от послевоенного урегулирования, и которые, «благодаря» усилиям западных политиков оказались в эпицентре крушения восточноевропейских режимов в конце 80-х годов.

Разрушая Восточный блок, Запад активно провоцировал в этих государствах националистические, сепаратистские настроения, считая, что вертикализация на любом уровне: экономическом, социальном, этническом, станет тем неуправляемым орудием, которое без особого внешнего вмешательства подорвет систему, построит стену непонимания и вражды между народами Восточной Европы. Расчет, в общем, оказался верным, но западные стратеги не учли, что слишком непросто будет впоследствии упрятать джинна разрушения обратно в бутылку. Националисты, ожидавшие от Запада помощи в решении накопленных проблем, снятия которых они не могли добиться во времена существования социалистического содружества, оказались обманутыми в своих «лучших надеждах». Использовав национальных лидеров в борьбе с системой, с коммунизмом, Запад, и особенно США, начали оказывать массированную поддержку политикам либерального, космополитического толка, которые попытались втиснуть проблему границ и конациональных меньшинств, унаследованную центральноевропейскими народами со времен Австро-Венгерской империи и двух мировых войн, в рамки общеевропейского «правового урегулирования» еще больше запутавшего ситуацию.

Поэтому перед регионом совершенно реально вставала перспектива погружения в пучину конфликтов и противостояния. (Насколько реальной была эта перспектива позднее доказала война в Югославии.) В этих условиях СССР не препятствовал возрождению в регионе так называемого придунайского сотрудничества. Некоторый интерес на первом этапе к нему продемонстрировали и непосредственные соседи

[1] Népszabadság. 08.01.1990.

по региону — Германия, Австрия и Италия, обеспокоенные ситуацией на своих восточных границах. Их поиск шел по наиболее простому пути, поскольку ни одна из западных стран на тот момент не была готова взять на себя ответственность за ситуацию в постсоциалистическом регионе. Поэтому они пошли по пути ревизии уже имевшегося опыта.

В 1989 г. по инициативе правительств Венгрии и Югославии в качестве основы современной постсистемной интеграции в Центрально-европейском регионе было фактически воссоздано *Альпийско-Адриатическое рабочее сообщество* (далее ААРС). Оно было создано в 1978 г. в целях развития приграничного экономического взаимодействия. В него вошли Венгрия, Югославия, Италия, Австрия, а позже в качестве наблюдателя присоединилась Бавария. Собственно, концепция ААРС, скорее всего, была позаимствована у У. Черчилля, еще на Тегеранской конференции выдвинувшего идею дунайской федерации в составе объединения южно-германских земель и дунайских государств. С этой точки зрения создание такой региональной структуры можно рассматривать и как отложенное внедрение в Восточной Европе послевоенных планов западных союзников.

Альпийско-Адриатическое рабочее сообщество во времена «железного занавеса» и военно-идеологического раздела центрально-европейского пространства олицетворяло максимум возможного с точки зрения сохранения взаимодействия частей некогда единых территорий Австро-Венгрии или же традиций Срединной Европы. Экологическое и коммуникационное по преимуществу сотрудничество приграничных областей Италии, Югославии, Австрии и Венгрии с участием Баварии постепенно из способа поддержания регионального общения эволюционировало в значимый фактор европейского развития. Дав импульс созданию *Центральноевропейской инициативы* (ЦЕИ) в 1989 г., сообщество сыграло немаловажную роль в рассеивании «железного занавеса», разрядке противостояния, поскольку в нем были представлены члены всех геополитических полюсов того времени: ОВД, НАТО, Движения неприсоединения, а также нейтральное государство. Такая расстановка сил нивелировала возможность верховенства какой-либо одной страны и обусловливала нейтральность всей структуры. Если принять во внимание все трансформации ЦЕИ от Альпийско-Адриатического рабочего сообщества до «Пентагонале» и «Гексагонале» (когда о своем желании присоединиться к сообществу заявила и Польша), то можно констатировать, что, несмотря на небольшую его изначальную эффективность, оно имело наибольшие перспективы в смысле экстенсивного развития, и, следовательно, в качестве реальной центрально-европейской структуры безопасности.

Это сообщество опиралось на традиционные связи и инфраструктуру, существенно порушенные со времен Версаля, но тем не менее находившиеся в состоянии реанимируемости. Такой путь развития базировался на чисто внутренних потребностях, связанных, в частности, с этнической, культурно-исторической взаимозависимостью государств, естественным стремлением преодолеть раздробленность, внесенную в регион двумя послевоенными урегулированиями. Экономическое сотрудничество в таких союзах обычно имеет тенденцию к возрастанию от упрощенного товарообмена до производственной кооперации и таможенных соглашений. Гуманитарное — от безвизового перехода границы до возможности получать образование и работу в конациональном государстве.

Правомерен вопрос, почему же в таком случае не удалось предотвратить войну в Югославии, — участнике «Пентагонале» и, тем более, остановить ее? Можно предположить, что (как уже упоминалось выше) в Югославии нашел выход накапливавшийся десятилетиями потенциал противостояния двух систем, попыток Запада расшатать восточноевропейский блок путем провоцирования в нем межнациональных конфликтов и поддержке «вертикализации». В СФРЮ, впрочем, в ОВД не входившей, но являвшейся страной социалистической ориентации, и уже самим этим фактом представлявшей систему антагонистичную западной, удалось разжечь межконфессиональные противоречия. Соответственно, вовлеченные в конфликт стороны, ориентировались на конфессиональные центры, сфокусировав на Балканах интересы стран мусульманского, католического и православного мира. То есть произошло внешнее вмешательство в конфликт по религиозным каналам, постепенно расширившее его до международного уровня. Конфликт из регионального превратился в цивилизационный. Став первым крупным вооруженным конфликтом на территории Европы со времен Второй мировой войны, он поставил гораздо больше вопросов геополитического, нежели внутриполитического характера, что позволило сравнить его с малой авансценой третьей мировой войны. В этом конфликте впервые обнаружила себя обреченность миротворческих усилий в условиях однополярного мира. К тому же, как пишет Кшиштоф Щерский: «Пентагонале обнажило пределы, заложенные в модель центральноевропейской политики. Приняв еще несколько членов и пережив распад некоторых из них, оно не дожило до осуществления надежд и превратилось вместо инструмента действия в дискуссионный форум»[1].

---

[1] *Szczerski K.* Some Remarks on Central European Policy // The Polish Foreign Affairs Digest. 2003. Vol. 3. No 1 (6) P. 138.

Углубление Балканского кризиса прервало развитие региональной структуры придунайских государств — единственной реальной наследницы Австро-Венгрии. Уже сам этот факт в очередной раз подвел отчетливую, хотя и, возможно, не окончательную черту в столь популярной в 80-е — начале 90-х годов дискуссии о *Центральной Европе*[1]. При всей привлекательности идеи Центральной Европы на рубеже 90-х годов не оказалось определяющих «регионоформирующих» условий[2] для ее реализации, как единого хозяйственного механизма и значимого субъекта международных отношений. Такими условиями могли бы быть:

— наличие мощного государства-покровителя или международной структуры, заинтересованной в единстве региона (последняя из созданных здесь США региональных структур — Юго-восточноевропейская инициатива (ЮВЕИ) — преследует лишь цель обеспечения доступа сил НАТО с моря к центру региона, а ЕС и НАТО не были заинтересованы в появлении в Европе сильных альтернативных экономических и военно-политических организаций);
— при отсутствии первого условия, таких внутрирегиональных стимулов, как: 1) наличие общей угрозы, пусть даже гипотетической для сплочения в общий оборонительный союз (одни страны здесь опасаются России, другие — Германии, либо друг друга); 2) общие интересы, направленные на закрепление территориального статус-кво (проблемы разделенных национальных меньшинств); 3) наличие объективных условий для экономического взаимодействия (взаимодополняемость рынков) и т.д.

Однако при том, что таких условий не оказалось, центральноевропейская идея вновь проявила себя. Какие из этого можно сделать выводы? Можно предположить, что в историческом плане, это скорее некоторое промежуточное, межэтапное состояние для региона, неизменно возникающее на гребне крушения одной системы и в период образования новой. Именно способность этого феномена к воспроизводству в межсистемные периоды позволяет судить о нем, как о вполне реализуемой, при определенных условиях, идее. Она чаще всего остается не-

[1] Историк Милан Хонер логично связывает возрождение в 80-е годы дискуссии о *Центральной Европе*, по обе стороны «железного занавеса» именно с возможностью преодоления советско-американской гегемонии, разделившей некогда целостный регион на две части. (*Hauner Milan*. Germany? But where Is It Situated? Germany in Central Europe, between East and West // Perspectives. 1994. No 3. Summer).

[2] Об этом подробнее в: *Shishelina Lyuba*. Regionalism in the Process of Establishment of New International Relations in East-Central Europe. Regional Contact, 1997. No 12.

воплощенной именно вследствие приоритетности глобальных геополитических факторов над возможностями народов и государств региона. Противоречивые национальные интересы не позволяют региону четко выразить свою специфическую позицию на международной арене[1].

Именно через *Восточную Центральную Европу* проходит фронт основных геополитических сдвигов, характеризующих различные этапы противостояния двух цивилизаций, или, еще недавно, — двух систем. За регион постоянно борются славянская и германская культуры, православие и католицизм. «Восточно-Западный релятивизм»[2], по выражению венгерского писателя Дьердя Конрада, является совершенно реальной основой экономического и культурного единства Центральноевропейского региона. Это в наиболее общих, схематических чертах. Оба геополитических полюса, с одной стороны, не позволяют региону примкнуть к одному из них, с другой стороны, они препятствуют внутренней консолидации *Центральной Европы*[3]. Таким образом, *Центральная Европа* становится неким ресурсом геополитики, легко воспроизводимым при необходимости. И это обстоятельство также следует учитывать при определении перспектив Европейского союза.

Вспомним, какова была ситуация между двумя мировыми войнами: академик А.О. Чубарьян весьма точно подмечает пессимизм, свойственный послеверсальской Европе: «Наблюдалась довольно любопытная картина — оптимистические заявления политических лидеров, формировавших новую политическую структуру в Европе, находились в явном противоречии с позицией общественности, которая в целом ощущала лицемерие и эфемерность официального оптимизма»[4].

После распада Австро-Венгрии Запад поддерживал в этой части Европы два союза — Малую антанту — Восточно-Европейскую, созданную из государств — наследников Австро-Венгрии, убоявшихся после территориального передела ревизионных планов Венгрии, и Балтийскую антанту.

Потерпев фиаско в Юго-Восточной Европе, идея Центральной Европы переместилась севернее и начала свою вторую попытку осуществления в Вишеградском регионе.

---

[1] См.: *Pernal M., Tombinski J., Wisniewski R.* Countries of the Visegrad Group Prior to Accession… P. 101.

[2] *Konrad G.* Den westlichen Hohlenforschern zur Aufmerksamkeit empfohlen. // Mitteleuropa — Traum oder Trauma? Bremen: Ed. Temmen, 1988.

[3] Польский исследователь Кшиштоф Щерский называет Центральную Европу «регионом вражды, где государства, представляющие несовместимые интересы соревнуются друг с другом. Это относится к их богатому опыту конфликтов на национальной, экономической, политической почве» (*Szczerski K.* Op. cit. P. 139).

[4] *Чубарьян А.О.* Европа в XX веке. С. 275.

До сих пор история создания Вишеградской группы, как на первоначальном этапе называлась эта структура, окружена ореолом секретности и недосказанности, что рождает немало спекуляций на этот счет. Их не меньше, чем тех, что связаны и с самими восточноевропейскими революциями. «Подозрительность» этой идеи возникла буквально сразу именно по причине ее революционности. Ведь кроме того эпизода начала XIV в. страны региона никогда более не связывали исторические союзы и они не подписывали договора в таком составе. О восточноевропейской интеграции после распада Австро-Венгрии ратовали более представители государств-наследников. И даже польские региональные планы, как датируемый 1942 г. план Сикорского, вмещали в себя гораздо большее количество государств и охватывали гораздо больший ареал... Исключением разве что мог быть пресловутый Веймарский треугольник, но это все же другая история.

Совершенно неожиданной эта конфигурация явилась и для Москвы, настолько, что до сих пор в российском МИДе нет такой формулировки среди международных организаций. Единственный приближенный к официальным документ — это доклад Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), где упоминается этот регион. Однако далее этого дело не пошло...

Еще большей таинственности сразу после подписания официального документа этой структуре добавил всегда достаточно скептично к ней относившийся (как и все чехи ко всем интеграциям) в то время министр иностранных дел Чехословакии Иржи Динстбир, когда заявил о своем неверии в организацию, где «за спинами трех маячит кто-то четвертый». Все подумали, что четвертым является не кто иной, как сам Збигнев Бжезинский, сразу и горячо в своих выступлениях и статьях поддержавший идею этой организации. Он не только сразу подержал эту идею, но и попытался внести вклад в ее концептуализацию. Ситуацию в своих мемуарах несколько упрощает в то время министр иностранных дел Венгрии Геза Есенский. Хотя само место, где ему в голову пришла эта идея, все же позволяет протянуть нить к Збигневу Бжезинскому.

Итак, по версии Гезы Есенского[1], идея зародилась в ноябре 1990 г. в Париже, когда во время заседания СБСЕ премьер-министр Венгрии Йожеф Анталл пригласил лидеров Польши и Чехословакии в Вишеград, напомнив Вацлаву Гавелу и Леху Валенсе о событии многовековой давности. В трех столицах началась подготовка к этому событию и 15 февраля 1991 г. премьер-министр Венгрии Й. Анталл, президент Чехословакии В. Гавел и президент Польши Л. Валенса в присутствии

[1] См.: *Jeszenszky G.* The Origins and Enactment of the «Visegrad Idea» // http://www.visegradgroup.eu/main.php?folderID=830&articleID=4043&ctag=articlelist&iid=1.

президента Венгрии, премьер-министров и министров иностранных дел подписали в восстановленном Королевском дворце в Вишеграде Декларацию о сотрудничестве трех государств. Как пишет Есенский, это не было сделано под диктатом Москвы, Вашингтона или Брюсселя. Это было самостоятельное решение трех государств работать вместе по восстановлению сотрудничества с Западом, во избежание повторения трагических событий прошлого и «скорейшего перехода с советской на евро-атлантическую орбиту».

Поначалу, утверждает Г. Есенский, это было неформальное сотрудничество, однако фактическое прекращение существования Варшавского договора 1 июля 1991 г., последовавший в августе переворот в СССР и назревавшая война в Югославии поставили страны-участницы перед необходимостью заключения ряда договоренностей, в том числе по укреплению региональной безопасности. Первые из них были подписаны на двустороней основе на состоявшемся в октябре 1991 г. Краковском саммите трех стран.

Несколько иную версию излагает в своих воспоминаниях словацкий дипломат Урбан Руснак[1]. Он начинает с того, что новые политические лидеры, выходцы из диссидентских кругов, которые пришли к власти в конце 80-х — начале 90-х годов, не имели никакой подготовки в вопросах управления. Между тем им пришлось столкнуться со сложными проблемами внутри своих стран, в отношениях с Москвой и вообще с новой международной обстановкой: «Вызовы, для которых надо было срочно найти решение, не имели исторических аналогов ни на западе, ни на востоке континента. При такой обстановке для новых политических элит было более чем естественно искать союзников среди своих личных друзей и партнеров, оказавшихся в таком же положении»[2]. Таким образом, Й. Антал, В. Гавел и Л. Валенса, предстают именно такими «друзьями по несчастью», искавшими выход из весьма сложной ситуации. Кроме того, у У. Руснака присутствует другая дата озвучания инициативы, другое место и другое лицо: «В апреле 1990 г. в столице нынешней Словакии, Братиславе, начались многосторонние неформальные переговоры по инициативе чехословацкого президента В. Гавела, а затем, в феврале 1991 г. в Будапеште состоялась официальная встреча президентов, премьер-министров, министров иностранных дел и депутатов парламентов Чехословакии, Польши и Венгрии»[3]. А дальше все как у Г. Есенского: подписание декларации в Вишеграде 15 февраля 1991 г.

---

[1] См.: *Руснак У.* Вышеградское прошлое и будущее: факты и идеи // Центрально-Европейский ежегодник. М.: Логос, 2003.

[2] Там же. С. 105.

[3] Там же.

Польская же версия, доступная нам принадлежит одному из ближайших помощников Леха Валенсы, активного члена Хартии 77 и польской «Солидарности», а в обсуждаемое нами время — депутату Польского сейма Збигневу Янашу[1]. Он утверждает, что ключевым моментом, предопределившим будущих партнеров по региональной кооперации стали встречи членов польского Комитета защиты трудящихся и чешской Хартии 77, проходившие в 70-е годы. Как вспоминает бывший советник Вацлала Гавела Александр Вондра[2], тогда крепло взаимопонимание и солидарность между интеллигентскими кружками Братиславы, Брно, Будапешта, Гданьска, Кошице, Кракова, Праги, Варшавы и Вроцлава. Через границы перевозились тонны контрабанды в виде самиздата. Так интеллектуалы трех стран обменивались идеями и мнениями. Затем они начали действовать. В 1979 г. польские и венгерские оппозиционеры организовали «международную» голодовку в знак протеста против ареста члена «Солидарности» Мирека Хойского. Чуть позже, в 1980 г., образовалась Польско-Венгерская Солидарность, а еще через год, в 1981 г. — Польско-Чехословацкая Солидарность. Затем Збигнев Янаш выделяет 9 апреля 1990 г., когда по приглашению президента Гавела в Братиславе состоялась встреча президентов, премьер-министров, министров иностранных дел и парламентариев Чехословакии, Польши и Венгрии.

По результатам сложения всех представленных выше версий можно предположить, что в условиях подступающей нестабильности с востока и с юга, со стороны распадающихся СССР и Югославии, три центральноевропейские страны действительно видели друг в друге возможность взаимной поддержки. Может идея и пришла в апреле 1990 г. В. Гавелу[3], а Й. Анталл в Париже, уже заручившись на ОБСЕ поддержкой Запада, подкорректировал инициативу, предложив в качестве места встречи для подписания Декларации венгерский Вишеград.

Итак, ***Вишеградская группа***, под названием *Европейской тройки* официально была создана в 1991 г., в период, когда уже была определена судьба ОВД и СЭВ, произошло воссоединение двух Германий, но еще не было четкого ви́дения перспектив интеграции с ЕС и НАТО[4].

---

[1] См.: *Janas Z.* How I Started Visegrad in Mroziewicz's Kitchen // 15 Years of Visegrad. International Visegrad Fund. Bratislava, 2006. P. 58.

[2] См.: *Vondra A.* Visegrad Cooperation: How Did It Start? // 15 Years of Visegrad. International Visegrad Fund. Bratislava, 2006. P. 79.

[3] К тому же, если следовать официальным документам, Вацлав Гавел выдвинул предложение о более тесном сотрудничестве Польши, Чехословакии и Венгрии во время своего первого официального визита в Варшаву 25 января 1990 г.

[4] См.: *Pernal M.* Op. cit. P. 100.

Тогда же, после ухода советских войск, председатель Комиссии по иностранным делам Конгресса США, Л. Иглбергер открыто оповестил мир о намерении США остаться в Европе в качестве гаранта ее стабильности. Спешно начались поиски стран и комбинаций восточноевропейских государств, способных стать основой стабильности по западному образцу. Возможно, что предложение Бжезинского поддержать «европейскую тройку» как раз и явилось одним из звеньев новой стратегии США.

В отличие от Центральноевропейской инициативы, Декларация о сотрудничестве Чехословацкой Федеративной Республики, Республики Польши и Венгерской Республики подписанная 15 февраля 1991 г. в Вишеграде была активно поддержана США. Заметим, что это очень важное обстоятельство для становления подобной структуры. Не исключено, что, выбирая вариант Вишеградской группы, американцы в первую очередь стремились к пропагандистской победе с меньшими материальными затратами. Действительно, как ни пытались аналитики объяснить подобную увязку партнеров, выискивая исторические прецеденты, сотрудничество это так и не обрело надлежащей стабильности. По мысли Збигнева Бжезинского, восточноевропейская «тройка» должна была уже в то время взять на себя функции буферной зоны, ограждающей ядро «развитой Европы» от нестабильности на территории распавшегося СССР. Одновременно она считалась и первым островком, отвоеванным США в зоне советского влияния.

Какие надежды испытывали США в связи с Вишеградской группой? Во-первых, что она сможет доказать остальным странам региона саму возможность скорых демократических перемен в *Восточной Европе*. Во-вторых, подтвердить, что перевод экономик социалистических стран на рельсы рыночного хозяйства не является утопией и дает реально ощутимые результаты. В-третьих, продемонстрировать остальным государствам выгоды приоритетного взаимодействия с Западом. Ну а главным, конечно же, было образование нового объединения по типу пресловутого санитарного кордона против Москвы, оберегающего от нее Западную Европу. Так, в октябре 1991 г. по инициативе США в Кракове собрались министры иностранных дел Польши, Чехословакии и Венгрии. В официальных документах этой встречи подчеркивается признательность государственному секретарю США Дж. Бейкеру и министру иностранных дел ФРГ Д. Геншеру за их инициативу по налаживанию тесного сотрудничества между НАТО и тремя центральноевропейскими государствами[1].

[1] Oświadczenie ministrów spraw zagranicznych «Państw Trójkąta» w sprawie współpracy z Sojuszem Północnoatlantyckim Kraków, 5 października 1991 r. http://www.zbiordokumentow.pl/1991/4/12.html.

Сами государства региона: Польша, Чехословакия и Венгрия тогда, после роспуска СЭВ и ОВД, рассматривали такое временное, отчасти неформальное объединение, как вариант преодоления европейской изоляции, более или менее равноправного партнерства, и, главным образом, — заполнения вакуума общения в регионе, наступившего здесь после распада СЭВ и ОВД[1]. Основные задачи этой организации, зафиксированные в декларации, также носят скорее декларативный, политический характер, более призванный обозначить новую внутри- и внешнеполитическую ориентацию этих стран, нежели какие-то конкретные механизмы сотрудничества:

— укрепление на новой основе государственного суверенитета, демократии и свободы;
— уничтожение всех остатков тоталитаризма в социальной, экономической и духовной сферах жизни общества;
— построение парламентской демократии, современного правового государства и уважение основных прав и свобод человека;
— введение современной рыночной экономики;
— полное включение стран-участниц в систему европейской политики, экономики, права и безопасности[2].

Расчет Запада в отношении «тройки» был прост: эти три страны, и до перемещения под его покровительство, считались в экономическом отношении наиболее развитыми среди государств Восточного блока. Таким образом, не требовалось дополнительных затрат для демонстрации сравнительного прогресса стран, «пользующихся преференциями Запада». Не понадобилось и особых идеологических усилий, так как именно эти три страны с 50-х годов неоднократно пытались атаковать идеологические устои социалистического блока. В Венгрии, Польше и Чехословакии США пришли на все готовое. Западные политологи уже в 70–80-е годы называли ГДР, ВНР, ПНР и ЧСФР «относительно развитыми восточноевропейскими государствами»[3]. Эти

[1] Венгерский исследователь А. Деак считает так же, что консервативное руководство Венгрии, переложило именно на эту структуру ожидания по сверхпопулярной идее возрождения Центральной Европы (*Деак А.* Европейский союз и Вишеградское сотрудничество // Международный диалог. 2002. № 2. С. 53).

[2] См.: www.vishegradgroup.eu. Урбан Руснак, словацкий дипломат, непосредственно занимавшийся проблемами Вишеградского сотрудничества отмечает, что «Совместное стремление к сотрудничеству нового типа было выражено в предлагаемых Декларацией практических шагах, хотя их формулировка была зачастую слишком общей и не имела обязательного характера» (*Руснак У.* Указ. соч. С. 106).

[3] *Zvi Gitelman.* The World Economy and Elite. Political Strategies in Czechoslovakia, Hungary, and Poland. In: East-West Relations and the Future of Eastern Europe: Politics & Economics. London: George Allen and Unwin, 1981. Pp. 127–161.

страны совершали не первую за послевоенное время попытку порвать с однопартийной системой и односторонней ориентацией на Восток. ГДР естественным образом пошла по пути объединения с ФРГ. А вот три другие страны в лагере социализма выгодно отличались высоким уровнем развития экономических взаимоотношений с Западом (правда, преимущественно на региональном уровне — с Австрией, ФРГ и Италией); многоукладностью экономики, в которой потребительский рынок в значительной степени обслуживался частным сектором. Благодаря расположению между Россией и Западной Европой они уже имели современную высокоразвитую транспортную инфраструктуру и т.д. Поэтому единственное, что оставалось новым вдохновителям этой конструкции — это наладить внутрирегиональное взаимодействие. В качестве примера предлагался образец взаимодействия Бельгии, Голландии и Люксембурга. 27 сентября в Нью-Йорке состоялась официальная встреча «двух троек» — Бенилюкса и Вишеградской группы. Инициаторы западноевропейского Сообщества не только делились с молодым восточноевропейским союзом своим опытом взаимодействия. По результатам переговоров, министры иностранных дел Бельгии, Нидерландов и Люксембурга подтвердили готовность способствовать ускорению процесса принятия заявок Вишеградских стран на членство в ЕС. При этом было обещано полноправное членство в этой организации.

Вторая встреча премьер-министров и министров иностранных дел стран Вишеградской группы состоялась 6 октября 1991 г. в Кракове. Эта встреча уже была наполнена более конкретными решениями. Так, удалось определиться с тем, что главными областями сотрудничества Венгрии, Польши и Чехословакии станут экономика, транспорт, защита окружающей среды и научное сотрудничество. Одновременно была высказана необходимость снятия барьеров в торговле между странами.

Это решение было реализовано уже к концу 1992 г., 20 декабря в Кракове министры экономики Венгрии и Польши подписали Центральноевропейское соглашение о свободной торговле (ЦЕССТ) с представителями Чехии и Словакии[1].

Примерно за полгода до этого события, 6 мая 1992 г., в Праге премьер-министры трех стран высказали решимость укреплять сотрудничество с перспективой членства в структурах НАТО и ЗЕС. Таким образом — был расширен спектр взаимодействия.

---

[1] В английском варианте Central East European Free Trade Fssociation (CEFTA). Формально все уже было готово к провозглашению 1 января 1993 г. распада чешско-словацкого государства.

Распад Чехословакии, государства — члена молодой интеграционной структуры, несмотря на реализацию проекта создания единого таможенного пространства, наводил на размышления об эффективности и перспективах регионального сотрудничества в центре Европы. Очень скоро, по меткому выражению Милана Хонера, оказалось, «что большее, на что были способны поляки, — это составить партию венграм в геополитической лиге против чехов, а именно, — использовать сепаратизм словаков для разрушения искусственно созданного чехословацкого государства»[1]. Не меньший скептицизм по поводу Вишеградской группы, высказывает и чешский дипломат Мирослав Полрайх: «Проблема в том, что объединенной *Центральной Европы* сегодня не существует, даже на горизонте»[2]. Разве распад Чехословакии во время вхождения в Вишеградскую группу не является доказательством кардинальных расхождений между интересами государств этого региона? К тому же Прага, озабоченная поисками собственного пути в Европу и менее других затронутая проблемами «беспокойных восточных соседей», дистанцировалась от ВГ буквально сразу же после ее создания.

Но как бы то ни было, Вишеградская группа на конкретном историческом отрезке сыграла положительную стабилизирующую роль в центре Восточной Европы. Создание в 1992 г. Центральноевропейской зоны свободной торговли можно считать главным успехом Вишеградской группы. Суть этого решения состоит в том, что странам ВГ удалось создать общее таможенное пространство еще до вступления в ЕС. Двигателем этого решения, без сомнения, было понимание того обстоятельства, что оно в любом случае является неизбежным шагом на пути в ЕС. И хотя срок деятельности ЦЕССТ ограничивался временем вступления в ЕС, эта акция, тем не менее, продемонстрировала способность этих стран к совместному и конструктивному решению, по крайней мере, экономических задач. Это обстоятельство позволяло связать с ВГ определенные надежды на возможности совместной мобилизации усилий стран региона в деле отстаивания своих интересов в рамках ЕС.

---

[1] *Hauner M.* Germany? But where Is It Situated? P. 27–34.

[2] *Polreich M.* Central East European Security Perspectives // Perspectives. 1993/94 No 2, winter. P. 55–64.

Глава 2. Национальные особенности трансформационных процессов

2.1. Венгрия: градуалистский подход

Социалистическая Венгрия в последние годы правления Яноша Кадара переживала достаточно тяжелый период в своем развитии. К 1985 г. назрел полномасштабный экономический кризис. Окончательно провалилась нашумевшая экономическая реформа 1968 г.[1], показавшая свою полную неэффективность в условиях международного социалистического разделения труда с его несбалансированностью экспортных обязательств. Хроническая нехватка средств заставляла руководство страны искать все новые и новые источники поступления денег, брать кредиты на Западе. К 1989 г. внешний долг Венгрии составил 22 млрд долл. США, а венгерский подушевой ВВП составлял 30% от ВВП США и около половины от среднеевропейского[2].

Тем не менее Венгрия все еще продолжала выглядеть гораздо успешнее других социалистических стран. Это в значительной мере было следствием того, что после 1956 г. под лозунгом «кто не против нас, тот с нами», Яношу Кадару удалось создать из своей страны образ в меру консолидированной нации, страны-первопроходца, страны-реформатора. Здесь по умолчанию совмещались порой совершенно противоречивые мировоззрения, сохранился средний класс в виде 100–160-тысячной прослойки мелких ремесленников, достаточно авторитетный слой интеллигенции, продолжавшей поставлять миру прекрасную музыку и талантливых ученых, и где партийные круги не были чужды размышлений о реформах. Так возник образ «самого веселого барака в Восточной Европе», а достаточно эклектичный экономический механизм был наречен «гуляш-социализмом». В 1982 г.

---

[1] По оценкам западных экспертов, венгерская реформа хозяйственного механизма 1968 г. шла гораздо дальше аналогичных реформ в остальных восточноевропейских государствах. См.: Die Presse. 1967, Apr. 15–16. Она была воспринята как «победа технократов над идеологами». См.: Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1967, Apr. 16–17.

[2] См.: *Ehrlich Éva, Révész Gábor, Tamási Péter.* Kelet-Közép-Europa: honnan — hova? Bp.: Akadémiai Kiadó, 1994. O. 31.

страна первой в Восточной Европе вступила в МВФ и Всемирный банк, начала переговоры с ЕЭС. Все это удавалось делать под не дремлющим оком советников из СССР. Вследствие этого западная пресса, намекая на хобби председателя ВСРП, называла политику Яноша Кадара «мастерской шахматной игрой с Кремлем». Если следовать этому образу, можно утверждать, что Яношу Кадару удалось обыграть Брежнева, переиграть самого Андропова. Но он не смог выиграть партию, предложенную Михаилом Горбачевым, может, потому, что то была игра не по правилам...

Именно Михаил Горбачев во время первой обстоятельной встречи с Яношем Кадаром, которая состоялась в сентябре 1985 г.[1], намекнул на необходимость подготовки смены во главе венгерского руководства. Однако, заметив неподготовленность венгерского лидера к такому повороту событий, замял этот вопрос. В остальном, от имени советского руководства, Горбачев поддержал просьбу отсрочить (или реструктурировать) до 1990-х гг. венгерский долг СССР. Это было жизненно важно для венгерской экономики, поскольку к середине 80-х годов задолженность страны перед Западом возросла в два раза. Кроме того, упавшие мировые цены на нефть открывали перспективу для достижения положительного сальдо в торговле с СССР. Венгерский политолог Ласло Лендьел пытаясь понять, что именно не устраивало Горбачева в Кадаре, пришел к выводу о том, что Михаил Горбачев осознал, что в его отношениях с венгерским лидером невозможно повторить схему отношений патрон–клиент, которая существовала в отношениях Брежнев–Кадар, а затем Андропов–Кадар[2]. Причем, как отмечает венгерский политолог, было непонятно, было ли это только неверие в Кадара, или же неверие в целом в систему отношений патрон–клиент, унаследованную от прежних советских лидеров. Так это или нет, но впоследствии у Горбачева состоялась еще лишь одна личная встреча с Я. Кадаром. Когда в Москву летом 1987 г. прибыл новый премьер-министр Венгрии Карой Гросс, состояние венгерской экономики уже было настолько угрожающим, что, по выражению Гросса, «экономика могла прекратить свое существование в любой момент»[3]. В стране фактически наступил экономический коллапс. Историки ВСРП считают, что предложение оставить пост, скорее всего, было сделано Я. Кадару председателем КГБ В. Крючковым, посетившим

---

[1] См.: *Baráth Magdolna, Rainer M. János.* Gorbacsov tárgyalásai Magyar vezetőkkel. Dokumentumok az egykori SZKP és MSZMP archivumaiból: 1985–1991. Bp., 2000, 1956-os Intézet. O. 21.

[2] См.: *Lengyel László.* Az utódlási harc. A Kádári párt bukása // Rubicon. 1998. 1 sz. O. 41.

[3] *Baráth Magdolna, Rainer M. János.* Op. cit. O. 23.

Будапешт весной 1988 г.[1] Однако, по официальной версии, Кадара отстранили от власти сами реформкоммунисты, собравшиеся на чрезвычайный партийный съезд в мае 1988 г.

Для ослабления позиций ВСРП были и политические предпосылки. В 1983 г. в Венгрии был принят новый закон о выборах, в соответствии с которым выдвижение кандидатов в округах должно было проводиться на альтернативной основе. Впервые этот закон на практике был применен во время выборов 1985 г. На собраниях по выдвижению кандидатов в депутаты Национального собрания страны часто звучали имена оппозиционеров, однако партийные функционеры предприняли все, чтобы отсеять эти кандидатуры уже на этапе выдвижения. Тем не менее сам состав Государственного собрания страны все же изменился. В него попали новые лица из числа интеллигенции. Усилили свои позиции реформкоммунисты. На ведущие позиции в партийно-политической жизни выдвинулись такие фигуры, как Матьяш Сюреш, Чаба Табайди, Режо Ньерш. Однако центральной фигурой реформаторского процесса стал Председатель Отечественного народного фронта Имре Пожгаи. На его долю выпала вся работа по координации действий формировавшейся вокруг самиздатовских публикаций и фондов объединений оппозиционной интеллигенции и власти, в которой коммунисты-реформаторы занимали все более весомые позиции. Главную оппозиционную роль играл Союз писателей Венгрии, который уже в 1984 г. обратился к Яношу Кадару с просьбой: 1) разрешить издание журнала «Хител» (Капитал), 2) создать фонд имени Габора Бетлена[2], 3) открыть в Венгрии исследовательский институт, который занимался бы проблемами проживающих за границей венгров[3]. Политбюро разрешило открыть Фонд и Институт, но одновременно начало наступление на Союз писателей, апофеозом которого стало замораживание бюджета организации в январе 1987 г. Это послужило непосредственным стимулом к созданию знаменитого Лакителекского форума, от которого, собственно, и пошел отсчет венгерских демократических преобразований.

Осенью 1987 г. в местечке Лакителек у реки Тиса, на дачном участке одного из оппозиционных писателей Шандора Лежака собрались 180 человек — представителей духовной элиты Венгрии, тогда «наивно веривших», как они сейчас говорят, в то, что смогут вывести страну из

---

[1] См.: *Baráth Magdolna, Rainer M. János.* Op. cit. O. 25.

[2] *Бетлен Габор* — князь Трансильвании, король Венгрии (1620–1621). Участник антигабсбургского движения.

[3] См.: *Bába I.* Békés átmenet. Adalékok a kialkudott rendszerváltoztatáshoz. Bp.: Demoktarikus Átalakulásért Intézet, 2007. O. 20.

опасности. Причем такой опасности, «ощущение которой гораздо глубже, чем политический и экономический кризис»[1]. Примерно с такими словами 20 лет назад обратился к собравшимся писатель Иштван Чурка, один из основателей Венгерского демократического форума (ВДФ).

Какие мысли и чувства двигали собравшимися ранней осенью 1987 г. в шатре на окраине Лакителека видными представителями венгерской интеллигенции? На этот вопрос можно ответить с достаточной определенностью: желание выйти из советской системы, освободиться от присутствия советских войск, открыть страну для Западной Европы. Или, как это интерпретировали участники исторического форума, «предложить альтернативу монолитной власти»[2]. Предпосылкой таких настроений послужили, конечно же, события в СССР. Прежде всего — политика Горбачева, позволившая восточноевропейским союзникам понять, что «варианты возможны». Однако определенности в том, насколько далеко можно заходить в своих действиях и заявлениях, тогда не ощущал никто. Позже, после крупной ссоры в стане победившей партии летом 1992 г., один из ее лидеров, уже упоминавшийся нами Иштван Чурка в скандально нашумевшей статье «Несколько мыслей о двух годах смены системы и в связи с новой программой ВДФ» напишет следующее: «Когда в сентябре 1987 года сложился Венгерский демократический форум, никто не думал, да и, пребывая в трезвом уме, вряд ли мог предположить, что вскоре произойдет коренная смена системы... И пока Запад медитировал по поводу того, поддерживать ли реформкоммунистов наличными или чеками, и если “да”, то какого достоинства, советская империя расползлась с едва слышным треском, несопоставимым с ее величием»[3]. А далее Чурка задает риторический вопрос, на который сам же и отвечает: «Что делает тот, кого исторический шанс настигает неожиданно? Это очевидно: он импровизирует»[4].

Но тогда, в 1987 г., сама перспектива радикальных политических реформ представлялась в высшей степени иллюзорной и полностью зависящей от внешних факторов. Восточноевропейская элита, в памяти которой свежи были воспоминания о 1956, 1968 и 1981 гг., не слишком верила в то, что дискуссию о демократизации и рыночных реформах очень скоро придется переводить в практическое русло.

---

[1] http://www.stop.hu/articles/article.php?id=202556.

[2] http://www.stop.hu/articles/article.php?id=203469.

[3] *Churka I.* Nehany gondolat a rendszervaltozas ket esztendeje es az MDF uj programja Kapchan // Magyar Forum rendkivuli kiadvanya. Bp. 08.1992. 2 old.

[4] Ibid. 3 old.

К концу 1980-х гг. в Венгрии кроме реформкоммунистов оформились еще две оппозиционные силы, которые условно можно было бы определить как национал-консерваторы и ориентирующиеся исключительно на западные установки либералы. Как пишет в своих воспоминаниях известный венгерский писатель и политик Иван Баба, «одно движение состояло преимущественно из писателей, поэтов, литературных редакторов, историков, учителей, которые пытались расширить политические границы — в первую очередь — свободу слова, но одновременно следили за тем, чтобы не спровоцировать серьезной схватки с властью. Они не переступали за политические границы, стремились сохранить возможность диалога с коммунистическим руководством»[1]. Эти политики в 1987 г. основали Венгерский демократический форум — партию, победившую на первых свободных парламентских выборах.

Другое направление возникло в 1970-е гг. в среде интеллектуалов, «которые сгруппировались вокруг вышедшего за рамки социалистической цензуры самиздата под названием "Маркс в четвертом десятилетии". Эта среда культивировала устойчивую собственную духовную и общественную субкультуру. Она поддерживала подпольные издания и типографии, наладила связи с чешской и польской оппозицией, регулярно выступала на радиостанции Свободная Европа»[2]. Из этой группы в 1988 г. образовался Союз свободных демократов. Вплоть до последних выборов неизменный союзник реформированной ВСП.

Большую поддержку оппозиции оказывал фонд Сороса. Он поддерживал стажировку оппозиционно настроенных ученых и общественных деятелей в американских и западноевропейских университетах, осуществлял выплату стипендий по линии Института Открытое общество. В период 1984–1989 гг. духовная элита Венгрии получила в качестве поддержки 2850 грантов на общую сумму 500 млн форинтов[3].

Итак, в мае 1988 г. после чрезвычайного партийного съезда, в Венгрии закончилась длившаяся более 30 лет эпоха Яноша Кадара. На съезде в партийных верхах завязалась борьба между консерваторами, наследниками линии Я. Кадара и реформкоммунистами. Верх одержали те, кто настаивал на реформировании партии и общества. Эту группу возглавил Карой Гросс, который совместил пост главы правительства с постом Генерального секретаря ВСРП. Партийный раскол лишил ВСРП инициативы в поисках путей выхода из кризиса.

---

[1] *Баба И.* 1990: Смена системы в Венгрии // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях. М.: Проспект, 2009. Т. 7. С. 36.

[2] Там же

[3] См.: *Nóvé Béla.* Tény Soros. Bp., Balassi, 1999. O. 190. Cit. From: Bába Iván. Békés átmenet. Adalékok a kialkudott rendszerváltoztatáshoz. Bp.: Demoktarikus Átalakulásért Intézet, 2007. O. 36.

Выбирались наименее сложные пути. Еще в бытность премьер-министром страны Карой Гросс увидел возможность исправления экономического положения в стране в привлечении иностранного капитала. Летом 1988 г. был подготовлен и соответствующий закон, который разрешал частичную или полную продажу венгерских предприятий западному капиталу или располагающему соответствующими средствами отечественному. На продажу предлагалось почти 20 предприятий[1]. Кроме того, начался процесс неконтролируемой, спонтанной приватизации государственной собственности.

Большие надежды возлагались на западную, особенно американскую помощь[2]. 20—28 июля 1988 г. Карой Гросс[3] побывал с визитом в Соединенных Штатах Америки. Программа его пребывания в стране предусматривала многочисленные встречи с представителями деловых кругов США, венгерской эмиграцией. Руководитель Венгрии был принят Президентом США Рональдом Рейганом. С этого момента в Венгрии побывало более десятка американских делегаций, которые вели переговоры по вопросам экономического сотрудничества. Главным опекуном Венгрии все это время выступал член палаты представителей Конгресса США Том Лантош. Он и объявил в январе 1989 г., после своей поездки в Венгрию, что можно ставить вопрос о визите в страну Президента США Джорджа Буша[4].

В это время Венгрия весьма активно ведет себя на международной арене. Она налаживает связи с социалистическими партиями Италии, Финляндии, ФРГ, Австрии. Начинается подготовка к выходу из ОВД и выводу с территории страны советских войск. В сентябре 1988 г. на заседании представителей государств — участников СБСЕ в то время государственный секретарь МИД Венгрии Д. Хорн выступил с предложением начать вывод советских войск с территории Венгрии. Заметим, что сделал он это за несколько месяцев до заявления о выводе войск с территории стран Варшавского Договора, сделанного в ООН Михаилом Горбачевым.

---

[1] См.: *Bába I.* Op. cit. O. 58.

[2] Во второй половине 1980-х гг. США посетили и провели переговоры с представителями высших политических и деловых кругов в то время члены политбюро ВСРП Ференц Хаваши и Дьердь Ацел, министр иностранных дел Венгрии Йожеф Марьяи, премьер-министр Миклош Немет, председатель Комиссии по иностранным делам Госсобрания ВНР Матьяш Сюреш. Столь же многочисленны были визиты американских конгрессменов, трижды страну посетил заместитель госсекретаря США Джон Уайтхед.

[3] Следует отметить, что приглашение посетить США К. Гросс получил еще до избрания его Генеральным секретарем ВСРП на апрельском чрезвычайном пленуме 1988 г., т.е. еще в статусе премьер-министра страны.

[4] См.: Népszabadság. 18.01.1989.

27 июня 1989 г. Венгрия вновь проявила свою революционную решительность. По решению правительства М. Немета была открыта венгеро-австрийская граница, через которую смогли уйти на запад оказавшиеся на территории либеральной Венгрии беженцы из ГДР. Спустя 20 лет всплыли мемуары участников тех ночных событий, из которых следовало, что советский лидер был оповещен о готовящемся мероприятии, но его реакция, выразившаяся в словах «Миклош Немет хороший человек», не добавила ясности в вопрос об основных движущих силах событий конца 80-х годов в Восточной Европе.

В июле 1989 г. с официальным визитом в страну прибыл Президент США Дж. Буш. Несмотря на подписание четырех соглашений[1], в целом визит американского президента разочаровал венгров. Выступая перед многочисленными слушателями на площади перед Парламентом страны, Дж. Буш заявил, что главной целью его визита является «помочь венграм в том, чтобы они научились помогать себе сами». Это при том, что венгерская сторона в ходе переговоров зондировала возможность предоставления ВР торговых льгот и преференций, включая бессрочное продление статуса наибольшего благоприятствования, смягчения списка КОКОМ, предоставления государственных гарантий США частным инвестициям в Венгрии, снижения таможенных пошлин и т.п.

Положение было исправлено в ходе сентябрьского визита в США во главе парламентской делегации тогда еще председателя Госсобрания М. Сюреша. Сразу после провозглашения 23 октября 1989 г. Венгерской Республики[2] 26 октября Дж. Буш подписал документы о предоставлении Венгрии статуса наиболее благоприятствуемой нации на постоянной основе. И уже после октябрьской поездки в США государственного секретаря ВНР И. Пожгаи в ноябре 1989 г. президент США подписал закон о предоставлении помощи Польше и Венгрии размером почти в 1 млрд долл. США. Венгрии из этой суммы причиталось всего 91,5 млн долл. США. В результате товарооборот между ВНР и США в 1989 г. превысил полмиллиарда долларов, а число совместных предприятий достигло тридцати. В конце ноября 1989 г. в Будапеште открылась Американская торговая палата, а в 1990 г. миссия Корпуса мира.

Параллельно активизировались отношения Венгрии с Великобританией и соседними Австрией, Германией и Италией. Это открывало перспективу получить новые кредиты на развитие реформ. Другой вопрос — политическая обусловленность этих кредитов.

---

[1] Были подписаны соглашения о воздушном сообщении, о туризме, о сотрудничестве в области сельского хозяйства и содействии социально-экономической реконструкции области Боршод-Абауй-Земплен.

[2] Вместо Венгерской Социалистической Республики.

Собственно в центре венгерского процесса политического обновления оказались четыре крупные проблемы. Это переоценка событий 1956 г.; отношение к соотечественникам, проживающим в соседних странах; вывод советских войск, а также изменение самой институциональной структуры государства. Все эти вопросы при жизни Яноша Кадара относились к числу закрытых тем. И только его отстранение от руководства партией и страной, а затем болезнь и смерть открыли шлюзы для прорыва этих проблем в центр общественной дискуссии.

Формирование новой политической системы в Венгрии происходило на фоне весьма бурной дискуссии по национальному вопросу, совмещенному с проблемой послевоенного территориального урегулирования и его последствий. Эта линия напрямую соприкасалась с поисками венграми своего нового места в меняющейся Европе, представляя собой один из элементов внешнеполитической реформы. Если в послевоенные годы отношения между странами региона поддерживались исключительно на межгосударственном уровне, то в 80-е годы в контексте формирования независимого внешнеполитического курса одним из важнейших направлений внешней политики Венгрии стало развитие и укрепление связей с венгерскими национальными меньшинствами в соседних странах: Австрии, Югославии, Чехословакии, СССР и Румынии.

Однако здесь следует отметить, что возобновление «трианонской дискуссии», долгие послевоенные годы относившейся к разряду «самовнушенного и навязанного молчания», имело и объективные предпосылки. К их числу следует отнести совпавшее по времени усиление националистических тенденций во всем восточноевропейском регионе и на пространстве СССР. Однако если в СССР дискуссии касались внутреннего устройства, то в Восточной Европе они выходили на международный уровень. Наиболее острой к концу 80-х годов оказалась румыно-венгерская полемика по поводу Трансильвании. Дошло до того, что в политическую лексику представителей высшей власти двух стран вошли откровенные высказывания о возможности вооруженного конфликта. Причиной стала провозглашенная в Румынии в 1988 г. политика территориального переустройства, являвшаяся очередным этапом политики ассимиляции венгерского населения Трансильвании. Встречи партийного и правительственного руководства двух стран: К. Гросс — Н. Чаушеску и Р. Ньерш — Н. Чаушеску не привели к ослаблению напряженности[1].

---

[1] Как заявил в газете «Непсабадшаг» исполняющий в то время обязанности секретаря ЦК ВСРП М. Сюреш: «В интересах урегулирования проблем в венгеро-румынских отношениях Венгрия готова использовать все политические средства, прежде всего проведение

Поскольку трансильванские венгры начали покидать родные места и устремились в Венгрию, здесь был создан межведомственный координационный совет по делам беженцев. В январе 1988 г. сессия Государственного собрания ВНР рассмотрела вопрос об обращении в комиссию ООН по вопросам беженцев и о присоединении к Женевской конвенции. Одновременно парламентом страны был учрежден фонд помощи переселенцам в размере 300 млн форинтов.

Оппозиционные движения активно использовали ситуацию для доказательства беспомощности руководства и сплочения народа на своей стороне. Летом 1988 г. начался рост массовых выступлений общественных организаций в связи с положением в Трансильвании. В июне 1988 г. Союз венгерских архитекторов обратился к своим коллегам более чем в 70 странах. С подобными же заявлениями, с призывом к осуждению политики СРР, обратились в те же дни к своей и зарубежной общественности организации, входящие в Президиум Отечественного народного фронта ВНР, союзы композиторов, писателей, юристов, Президиум Всевенгерского совета мира. 27 июля 1988 г. в центре Будапешта на площади Героев состоялась 30-тысячная демонстрация, организованная в то время неформальными объединениями и организациями, протестующая против разрушения венгерских деревень в Румынии. Протестующие направились к румынскому посольству в целях вручения меморандума послу СРР в ВНР. Однако сотрудники посольства отказались принять петицию. Такая позиция румынского посла вызвала волну негодования в Венгрии.

Когда стало понятно, что Москва и союзники по ОВД дистанцировались от конфликта, венгерская оппозиция стала искать сочувствующих на Западе. Вскоре она вышла на представителей румынской эмиграции, среди которых — Кружок румынских демократов (ФРГ), Румынская лига прав человека, имеющая филиалы в ряде западных стран, национальная либеральная партия. 16 июня 1989 г. Венгерский демократический форум и представители демократической румынской эмиграции приняли совместную декларацию, осуждающую диктатуру Чаушеску, создавшую кризис в румыно-венгерских отношениях[1]. Участники переговоров сошлись на том, что проблема

конструктивных двусторонних переговоров, которые могут стать результативными в том случае, если и другая сторона проявит добрую волю, готовность к компромиссам» (Népszabadság. 16.12.1988).

[1] Главной целью демократического румыно-венгерского диалога, говорится в заявлении, является ликвидация причин, вызвавших кризис этих отношений, включая борьбу за осуществление политического плюрализма — залога свободы и прогресса обоих народов. Решение трансильванской проблемы, по убеждению участников переговоров, не в ревизии границ, а в изменении их роли, в следовании духу и принципам Хельсинского Заключительного акта.

Трансильвании может быть решена путем обеспечения автономного политического представительства каждого народа, а также культурной автономией[1]. Так начинался достаточно недолгий период взаимодействия венгерской и румынской оппозиций.

К середине декабря 1988 г. вид на жительство в Венгрии получили 12,5 тыс. переселенцев из Румынии[2]. На заседании 24 февраля 1989 г. президиум ВНР принял решение о присоединении Венгрии к Женевской конвенции 1951 г. о правовом статусе беженцев и к Нью-Йоркскому факультативному протоколу 1967 г., а 19 марта Венгрия стала 106-м государством, объединенным этим документом.

Не подлежало сомнению, что проблема требует незамедлительного решения. Она стала своеобразным пробным камнем не только во внутриполитической борьбе, но и в реакции международной общественности. Вопрос прав венгров в соседних государствах выдвинулся на одно из центральных мест в программах практически всех политических партий. Только у одних он совместился с перспективой национального единения 15 млн венгров, населяющих карпатский бассейн, у других воплотился в идее создания национальных венгерских автономий в соседних странах.

Проявились и попытки использовать национальную проблему в еще более далеких стратегических целях. Так, министр иностранных дел Венгрии Д. Хорн на одном из предвыборных собраний ВСП, памятуя имевшую место перепалку с СРР о возможности вооруженного конфликта и о несовместимости Венгрии и Румынии в одном военно-политическом союзе (ОВД), заявил о возможном вступлении Венгрии в политические организации НАТО.

Параллельно Венгрию будоражила проблема переоценки событий 1956 г. В 1988 г., уже после отставки Я. Кадара и с согласия реформкоммунистов был создан Комитет по восстановлению исторической справедливости. Идею государственной переоценки событий 1956 г. особо поддерживали в Соединенных Штатах Америки. В частности, вопрос этот был внесен в повестку обсуждений во время визита в США в 1988 г. Генерального секретаря ВСРП и премьер-министра страны

В Трансильвании, где взаимно дополняют друг друга различные культуры, должна осуществляться модель культурного и религиозного плюрализма.

[1] Здесь следует отметить, что один из первых вариантов, вынесенный на предсъездовское обсуждение программ ВСРП, также предусматривал борьбу за осуществление культурной автономии в Трансильвании. В последующих и окончательном варианте культурная автономия предусматривалась лишь для национальных меньшинств, проживающих на территории Венгрии. Очевидно, эта замена была сделана во имя избежания обвинений со стороны Румынии во вмешательстве в ее внутренние дела.

[2] См.: Magyar Hirlap. 18.12.1988.

Кароя Гросса. В Венгрии же первым оценку событиям дал опять же Имре Пожгаи. Выступая 28 января 1989 г. в венгерской радиопрограмме «168 часов» он назвал эти события народным восстанием. Последовавшее затем общественное обсуждение, в том числе в ходе массовых митингов в традиционные дни Петефи, позволило пересмотреть отношение к осужденным руководителям восстания и устроить их перезахоронение как героев Венгрии. Это событие было использовано набиравшей силы оппозицией в качестве символа перемен и завершения эпохи Кадара. На самой большой исторической площади столицы Венгрии — площади Героев по случаю перезахоронения 16 июня 1989 г. был созван небывалый по размаху митинг с участием 250 тыс. человек. С площади, где были установлены гробы с телами казненных и возле которых в почетном карауле стояли допущенные реформкоммунисты и лидеры оппозиции, велась радио- и телетрансляция. Сегодня многие склонны считать, что именно расстановка сил и речи на площади в тот день на многие годы предопределили судьбу новых политических партий и их лидеров. Многие ожидали провокаций и арестов, но ничего подобного не произошло. Напротив, возобновились переговоры национального круглого стола.

Само событие имело еще и тот скрытый политический смысл, что, напомнив о кровопролитных событиях 33-летней давности, оно предостерегло венгров от уличных боев в ходе новых политических выступлений в конце 80-х годов. В стране, которая только-только вышла из-под наложенного Я. Кадаром негласного запрета на тему 1956 г. все стороны более всего опасались повторения кровопролития.

Так случилось, что Янош Кадар скончался 6 июля 1989 г., всего на несколько часов разминувшись с тем событием, когда Верховный суд страны внес постановление о признании невиновности руководителя восставших Имре Надя и его соратников. Эпоха Кадара ушла, таким образом, безвозвратно, однако, оглядываясь на события с расстояния в более чем 20 лет, следует признать, что монументальность мероприятия по перезахоронению героев 1956-го так и не примирила венгерское общество. Два десятилетия, прошедшие с тех пор, даже не завершили саму дискуссию и не расставили в ней все точки. Они послужили лишь своеобразным пропуском в новую систему, своеобразным мерилом оппозиционности по отношению к послевоенному прошлому страны.

13 июня 1989 г. состоялось первое заседание сформированного 22 марта 1989 г. круглого стола оппозиции, поставившего целью начало переговоров с правящей ВСРП. Для участия в круглом столе также были приглашены и множественные так называемые «возрожденные партии». В Венгрии имела место попытка возродить те поли-

тические партии, которые существовали в стране до 1947 г., когда к власти в стране пришли коммунисты. Вместе с тем иное время и иные задачи востребовали появления новых партий. Таким образом, та политическая палитра, которая в итоге появилась в стране в конце 80-х годов — это качественно новое и весьма своеобразное явление.

В результате переговоров удалось утвердить основные принципы и пути перехода к новой системе. Как это определили бы сегодня в Брюсселе — удалось создать «дорожную карту» перехода Венгрии к правовому демократическому государству с многопартийной парламентской системой. За основу нового государства была принята Конституция 1947 г., однако в нее были внесены существенные поправки. (Впоследствии поправки в Конституцию вносились еще дважды — в 1997 и 2003 гг. Они были связаны со вступлением Венгрии в НАТО и в ЕС.)

Национальный круглый стол договорился о том, что 23 октября 1989 г., в 33-ю годовщину начала революции 1956 г., Венгерская Народная Республика формально прекратит свое существование и под флагом 1956 г. будет провозглашена Венгерская Республика. К этому событию были подготовлены изменения в Конституцию, разработан закон о партиях и о Конституционном суде. Вводилась смешанная избирательная система с партийным и индивидуальным представительством. Правящая партия взяла обязательство не препятствовать проведению свободных выборов, и на пост временного президента Венгрии до выборов был назначен в свое время посол Венгрии в СССР, а на тот момент председатель Государственного собрания Венгрии Матьяш Сюреш.

Осенью произошло еще одно важное политическое событие. 6–7 октября 1989 г. состоялся XIV съезд правящей ВСРП, который, по сути, стал съездом раскола между реформкоммунистами и последователями дела Яноша Кадара. Констатировалось, что попытка реформирования партии, осуществленная Кароем Гроссом, не удалась, поэтому речь могла идти только о создании в канун свободных парламентских выборов новой партии. Руководящие посты в новой партии, названной Венгерской социалистической партией (ВСП) достались Госсекретарю МИДа Венгрии Дьюле Хорну и экономисту и партийному деятелю Реже Ньершу. Миклош Немет был назначен премьер-министром. ВСП, несмотря на то что в нее вошло лишь 5% бывшей ВСРП[1], провозгласила себя наследницей всей партийной инфраструктуры некогда единственной государственной партии, став таким образом крупнейшим отечественным собственником. Рабочее крыло, оставившее за

[1] См.: *Bába I.* Op. cit. O. 125.

собой прежнее название партии и позже добавившее к нему приставку «Рабочая партия», возглавил бывший лидер венгерского комсомола Дьюла Тюрмер. После раскола кадаровской партии в народе закрепилась ирония, что реформсоциалистам, т.е. ВСП досталась собственность государственной партии, а рабочей партии — идеология: «реформсоциалистам — капитал, а рабочим — Маркс».

Получилось так, что партийная оппозиция, максимально ослабив саму партию, стала партией венгерской социалистической элиты, использующей электорат единственной государственной партии в своих узкоиндивидуальных целях сохранения у власти в период капитализации экономики страны.

В марте–апреле 1990 г. в два этапа прошли первые свободные выборы в парламент обновляющейся страны. Победу одержал Венгерский демократический форум за который проголосовало 24,73% избирателей. На второе место вышел Союз свободных демократов, набравший 21,39%. Возрожденная Партия мелких сельских хозяев получила доверие 11,73% граждан страны. Реформированная Венгерская социалистическая партия убедилась в поддержке лишь 10,89% венгерского электората. Союз молодых демократов на первых выборах смог заручиться поддержкой только 8,95% венгров. Избирательный барьер преодолела и Христианско-демократическая народная партия, набравшая 6,46% голосов. Наследники социалистической рабочей партии Я. Кадара обнаружили доверие к себе лишь 3,68% венгров и в парламент страны не попали.

Хотя на выборах победил ВДФ, для проведения курса реформ и внесения изменений в конституцию страны, ему необходимо было создать парламентскую коалицию располагающую не менее чем двумя третями голосов. В правящую коалицию были приглашены Независимая партия мелких хозяев и Христианско-демократический союз. Это дало возможность получить большинство, но не позволило достичь превосходства, необходимого для внесения изменений в конституцию. После длительных и достаточно напряженных переговоров таким партнером стал Союз свободных демократов. Таким образом, был реализован принцип не допустить к принятию стратегических решений реформсоциалистов.

2 мая 1990 г. состоялось первое заседание новоизбранного парламента, которое можно считать завершением первого этапа смены системы в Венгрии.

Стремительный и мощный взлет к вершинам власти инициатора демократических реформ — Венгерского демократического форума, который победил на первых свободных выборах в 1990 г., спустя всего

два года завершился расколом внутри партии, и постепенным спадом доверия к реформаторам в принципе. Сказалась неподготовленность представителей национально-консервативного движения к управлению страной, но главной проблемой первого постсоциалистического кабинета Венгрии было отсутствие четкой программы действий. Партия состояла в основном из представителей интеллигенции, причем костяк ее составляли именно писатели, далекие от таких понятий, как бюджет, дебет и кредит. Похоже, они серьезно верили в то, что для управления страной достаточно одной только харизмы. И таких харизматических личностей в ВДФ, надо признать, было достаточно. Кроме того, как это часто водится в интеллигентских кругах, после победы партии начались серьезные интриги в руководстве. Премьер-министр Анталл, предложенный на пост председателя партии был, как сегодня признают многие участники тех событий, малознакомой им фигурой. В этом признался и приведший Йожефа Анталла в создававшуюся партию писатель Шандор Чори. Премьер-министр Анталл, после победы стал отдаляться от людей, приведших его к власти. Он не сдержал обещания о выдвижении на пост президента страны главного посредника политического процесса в Венгрии Имре Пожгаи. Вместо этого, он предложил пост президента представителю либерального Союза свободных демократов (ССД) Арпаду Генцу. Имре Пожгаи в одном из своих интервью объяснил это общей политической атмосферой, максимально затруднявшей укрепление власти национально-христианских сил. Представители либеральной ССД, набравшей второе по количеству число голосов, разъезжая по влиятельным странам мира создавали впечатление об опасности правого радикализма в Венгрии и тем самым подгоняли власть к принятию решений в свою пользу. К ряду таких событий как раз и относится необходимый для достижения конституционного большинства в парламенте новой Венгрии вынужденный пакт с либеральной ССД. В то время, когда была возможность заключения пакта с ФИДЕС[1]. К тому же, Йожеф Анталл скрыл от однопартийцев, то, что неизлечимо болен. Большую часть периода своего руководства кабинетом министров он провел в больницах и умер за полгода до новых выборов.

Первый кабинет министров не мог похвастаться ни достижением политической стабильности, ни экономическими успехами. «Правительство историков», как назвал его министр иностранных дел Геза Есенский, в первые же часы своего правления столкнулось с множеством совершенно неожиданных проблем. Во-первых с международным бойкотом банкиров, о котором до сих пор почти не пишут и про-

[1] Fiatal demokrátak szövetsége (FIDESZ) — в переводе с венг. Союз молодых демократов.

должают говорить скорее шепотом. Это ситуация — когда после победы ВДФ международные банковские структуры опустошили свои венгерские филиалы до выполнения выдвинутого ими требования о включении в правящую коалицию ССД. Во-вторых, денег на руках у среднего класса оказалось значительно меньше, чем рассчитывали некоторые привлеченные к разработке программы экономисты. К 1989 г. внешний долг Венгрии достиг 22 млрд долл. США.

Возникли споры по поводу масштабов приватизации. На первом же этапе ее осуществления уменьшилось число сторонников передачи крупной государственной собственности в частные руки. Отсутствие действенного контроля и незавершенность законодательной базы создали питательную среду для коррупции и так называемой «номенклатурной приватизации», не сулящей обещанного во время выборов равенства возможностей. Созданное в целях «упорядочения» процесса Государственное товарищество по распоряжению госсобственностью и Бюджетно-финансовое управление оказались неспособными побороть возникшую в этой области стихию. К тому же партия мелких хозяев обнародовала свое мнение, что, не вернув землю бывшим владельцам, власти обманут избирателей и союзников по демократической коалиции.

Особенно много вопросов сразу же возникло по поводу иностранного участия в приватизации. За период с 1990 по 1993 г. число предприятий с иностранной долей в частном капитале в Венгрии выросло в четыре раза. Доля иностранного капитала в совместных предприятиях достигла 8%. Это дало повод оппозиции обвинить правительство в распродаже страны. Действительно, иностранцы успели, что говорится, «снять сливки» раскупив наиболее рентабельные объекты госсобственности, не требующие больших капиталовложений. А вся отсталая промышленность, требующая модернизации осталась отечеству для внутреннего употребления. Из этой оцененной в 2 млрд форинтов собственности за три года нашли собственников лишь 2–3%. Медленные темпы разгосударствления заставили правительство за год до новых выборов пересмотреть стратегию приватизации в сторону расширения предложений и облегчения условий. Главное же — предлагалось создать преимущества для отечественных предпринимателей. Это была попытка экономической корректировки на фоне все ухудшавшегося положения в экономике, когда производство сократилось на треть, а армия безработных, увеличившись в восемь раз, неуклонно приближалась к миллиону человек. На этом фоне в стране активно продолжалось строительство капитализма для друзей. Параллельно один за другим издавались законы о реституции.

Становление новой Венгрии вообще проходило весьма сложно. В памяти многих парализовавшая страну в октябре 1990 г. на целых три дня блокада, организованная таксистами. Заняв мосты, соединяющие две части венгерской столицы и перекрыв важнейшие магистрали по всей стране, тысячи водителей такси дали понять правительству, что не согласны с отпуском цен на бензин и последовавшим взлетом цен на остальные товары. Министрам пришлось тогда сесть за стол переговоров с таксистами. Так вносились коррективы в процесс реформирования экономики.

Крупнейшим ударом по молодой венгерской демократии стал развал Венгерского демократического форума во время его нахождения у власти. ВДФ распался на гораздо более слабый ВДФ и Венгерскую партию жизни и справедливости.

И тем не менее первому правительству удалось законодательно закрепить новую политическую структуру общества. В результате реформирования системы в стране утвердилась парламентская демократия, при которой ведущая активная роль принадлежит премьер-министру страны. Премьер-министр представляется парламенту победившей партией или коалицией партий. Срок службы премьер-министра, предусмотренный Конституцией равен сроку действия избранного парламента или преобладающей в нем коалиции. Однако за всю современную венгерскую историю лишь двум премьерам удалось полностью отбыть свой срок во главе кабинета министров. Эти события совпали с серединой 1990-х — началом 2000-х гг. Первым был социалист Дюла Хорн, вторым — представитель национально-консервативных сил Виктор Орбан.

Президент страны является скорее фигурой, уполномоченной следить за исполнением другими органами страны ее конституции, кроме того, он утверждает все высшие назначения в стране вплоть до научных и воинских званий и наград. В особую сферу полномочий президента входят общественные собрания и общественные фонды, самоуправления, церкви, Венгерская академия наук, государственное радио и телевидение. Президент страны избирается парламентом страны из числа претендентов, выдвигаемых обычно по компромиссному согласованию между крупнейшими парламентскими партиями. Срок полномочий президента составляет пять лет.

Во главе пирамиды власти с правом решающего голоса стоят Конституционный суд и Законодательное собрание — Венгерский парламент.

Структура власти закрепилась на долгие годы, однако политическая палитра продолжала эволюционировать и видоизменяться. Многие из появившихся в конце 80-х годов партий распадались или дробились, их

члены мигрировали в другие партии, не говоря уже о переходах из одной парламентской фракции в другие. Сегодня мы можем видеть инициаторов одних движений того бурного времени в руководстве совсем других партий. Политики, некогда ратовавшие за безоговорочную капитализацию и следование западным образцам, сегодня нередко выступают как сторонники сохранения социальных ценностей прежней системы и особого венгерского пути. Однако общая тенденция в политической жизни Венгрии обозначилась уже ко вторым выборам: это либерально-социалистическое направление и национально-консервативное. Отчасти на достаточно быструю консолидацию многочисленных небольших партий вокруг двух магистральных направлений повлиял сам процесс выборов, когда партии вынуждены были блокироваться сначала в ходе избирательной кампании, а затем в правящей коалиции либо в оппозиции. С другой стороны, на подобные видоизменения повлияли особенности национальной политической борьбы.

Двадцать лет назад «реформаторы», ныне объявляющие себя наивными, полагали, что главной целью перемен должно стать расставание с Советским Союзом. Речь шла не только о выводе советских войск, но и о разрыве экономических отношений, которые, впрочем, представлялись несправедливыми не только социалистическим странам, но и самому СССР, считавшему цены на экспортируемое сырье чрезвычайно заниженными. Между тем сегодня венгры говорят, что в XX столетии Венгрия пережила два великих лишения: это Трианонский договор, согласно которому Венгрия потеряла две трети земель и больше половины населения, и утрата советского рынка в 1990-е гг. В самом деле, уйти с рынка всегда проще, нежели вернуться.

В 1988 г., после прозвучавшего 7 декабря 1988 г. на сессии ООН выступления Горбачева, фактически начинается процесс вывода войск с территории Венгрии. Первые воинские подразделения начали выводиться 25 апреля 1989 г. Процесс шел достаточно быстро. Только за один месяц с территории страны было выведено 10 400 солдат, 300 единиц моторизованной техники, 150 танков и около 90% боеприпасов[1]. Тем не менее 5 января 1990 г. Комиссия по международным делам и обороне Госсобрания поручила правительству выступить на Венских переговорах по разоружению с предложением ускорить вывод войск так, чтобы завершить его к концу 1990 г.[2] 10 марта министры иностранных дел двух стран Э. Шеварднадзе и Д. Хорн подписы-

---

[1] См.: *Burucs Kornélia.* A szovjet csapatok kivonása Közep-Kelet-Európából // História. 1989. No 5–6. O. 5–6.

[2] Ibid. O. 7.

вают в Москве соглашение о полном выводе советских войск с территории Венгрии. Была определена и конкретная дата: 30 июня 1991 г. Вывод войск сопровождался спорами по поводу стоимости оставляемого имущества и размеров ущерба окружающей среде. Из запрошенных венгерской стороной 100 млрд форинтов, советская сторона сочла реальным выплату лишь 2 млрд форинтов[1]. Однако позже, во время визита в Будапешт Бориса Ельцина, было подписано соглашение об аннулировании взаимных претензий, связанных с выводом войск. Последний состав с советским контингентом и боевой техникой покинул территорию Венгрии за несколько минут до полуночи 16 июня 1991 г. А примерно за год до этого события, 7 июня 1990 г. венгерская делегация, прибывшая в Москву на заседание Политического совета ОВД заявила о выходе из этой организации до конца 1991 г.

Венгрия, как и остальные бывшие союзники по СЭВу и бывшие советские республики, почувствовав конъюнктуру, стремились свести до минимума оценку материального вклада СССР в промышленные объекты и инфраструктуру этих стран и навязать Москве как можно больше компенсационных выплат и долговых обязательств. Завышению долга СССР способствовало и резкое падение в конце 1980-х гг. цен на нефть — одного из главных продуктов, поставлявшихся Советским Союзом во все страны Восточной Европы. В результате долг СССР перед Венгрией превысил 2 млрд долл. США. Помимо политических отношений, это обстоятельство также способствовало фактическому блокированию торгово-экономических связей между СССР/Россией и Венгрией до самого конца 1990-х гг. Своей низшей точки товарооборот между Россией и Венгрией достиг к 1993 г.

В области политических отношений в начале 90-х годов наблюдался полный застой. Этому в первую очередь способствовало то, что Россия и Венгрия перестали быть соседями. Между бывшими союзниками возникло новое государственное образование — Украина, устремившееся к утверждению своей международно-субъектной состоятельности в конфронтации, как с восточным, так и с западными соседями.

Застой в политическом диалоге между Россией и Венгрией замещался напряженной дискуссией по поводу роли советской делегации на Парижских мирных переговорах 1948 г. и роли СССР в событиях 1956 г. Однако в отличие от некоторых других стран это не привело к компенсационным требованиям. В самом начале 1990-х гг. Венгрия, как и некоторые другие государства Восточно-Центральной Европы, сконцентрировалась на выстраивании двусторонних отношений

[1] *Burucs Kornélia.* Op. cit. O. 10.

с российскими регионами, выбрав при этом по принципу дальнего этнического родства регионы Поволжья и Коми-Пермяцкого автономного округа. Первопричиной же интереса к этим землям стали, конечно же, их огромные газовые и нефтяные ресурсы. Так, нефть, газ и МиГи стали постепенно основными товарами, которыми Россия рассчитывалась с Венгрией за долги. Венгрия же, выжидая, пока Россия завершит расплату по советскому периоду, трагически и совершенно бездарно теряла российский рынок, поскольку та номенклатура товаров, которой Венгрия предыдущие годы торговала с СССР, была успешно и моментально замещена поставками с других направлений — из Турции, Индии и из стран Запада, ни при каких обстоятельствах не забывавших о значимости рынков сбыта.

В начале 1990-х гг. в двусторонних отношениях СССР с восточноевропейскими странами был сделан ряд шагов навстречу. С Венгрией обновленный Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве был подписан 6 декабря 1991 г. Этот документ нельзя назвать существенным прорывом в двусторонних отношениях, поскольку подписан он, как и другие договора с восточноевропейскими странами был скорее рефлексивно, в русле сложившейся послевоенной практики продления договоров, исчерпавших срок действия. Тем не менее он сыграл известную стабилизирующую роль в достаточно непростой с геополитической точки зрения период начала 1990-х гг.

Посетив осенью 1992 г. Венгрию, Президент России Б. Ельцин принес официальное извинение за жертвы, понесенные венгерским народом в событиях 1956 г. Однако существенных изменений в складывающуюся практику новых взаимоотношений этот визит не внес. Венгерское общество, озабоченное внутренними экономическими проблемами и предвыборной кампанией не оценило данный жест в той мере, в которой, очевидно, надеялось на это российское руководство.

В целом на рубеже 1990-х гг. и их первой трети российско-венгерские отношения характеризовались общей тенденцией, которую польский исследователь Витольд Родкевич[1], называет «инфляцией представлений о том, что совместный опыт по выходу из коммунизма может стать основой качественно новых двусторонних отношений с Россией».

---

[1] Rodkiewicz W. Foreign Policy Thinking of Polish and Russian Elites and the Chances for a Polish-Russian Pragmatic Partnership. В сб.: «Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях». По материалам IV Международной научной конференции «Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях. М.: ИМЭПИ РАН, 2002. С. 202–218.

2.2. Польша: «шоковая терапия»

В новейшей истории Польши конец 1980-х — начало 1990-х гг. — это период начала процесса кардинальных перемен — перехода к демократии и рынку, изменения геополитического положения страны.

Демократическая, антиавторитарная революция 1989 г. в Польше была первой революцией такого типа в Центральной и Восточной Европе. По своим предпосылкам, движущим силам и ходу она весьма отличалась от большинства революций того времени в восточноевропейских странах, так как являлась следствием массового общественного движения 1980–1981 гг. В 1989 г. перемены произошли в результате заключения договора между реформаторским крылом Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) и умеренной частью политической оппозиции из общественно-политического движения «Солидарность», сформировавшегося в 1980–1981 гг. Этот договор был заключен в ходе работы круглого стола в феврале–апреле 1989 г. Представители епископата польской католической церкви участвовали в заседаниях этого стола в качестве третьей силы. Они должны были быть своеобразным моральным гарантом соглашения, хотя на самом деле поддерживали оппозицию. С ее стороны важную роль в подготовке и проведении круглого стола сыграл советник «Солидарности», ее мозг Б. Геремек.

Заключенные во время работы круглого стола соглашения предусматривали политические и экономические преобразования в рамках демократического социализма, проводимые эволюционным мирным путем. В ходе социологического опроса, проведенного в мае 1989 г., на вопрос: в чем смысл общественно-политических перемен в Польше, 22,4% опрошенных ответили, что в реформе существующей модели социализма, 38,6% — во введении новой модели социализма, 22,4% — в отказе от социалистического строя, 17,3% опрошенных ответа не дали[1].

В Польше, в отличие от России, общество в определенной степени созрело для системных реформ. В этой стране реальный социализм трижды переживал серьезные политические и социально-экономические кризисы и с начала 1980-х гг. уже не воспринимался как единственно возможный для страны путь развития. По сравнению с большинством социалистических стран Европы в Польше существовали элементы рыночного хозяйства: преимущественно частным оставалось сельское хозяйство, заметное место в экономике, особенно

[1] См.: Nowe Życie Gospodarcze. 1999. No 21. S. 43.

в 1980-е гг., занимал городской частный сектор. В частном секторе в целом перед началом преобразований было занято около трети населения.

В рамках реформирования реального социализма в Польше с 1982 г. были предприняты попытки проведения ограниченной экономической реформы. Они были направлены на расширение самостоятельности хозяйственных субъектов; модификацию традиционной системы централизованного планирования путем частичной замены директивных показателей оперативными программами и государственными заказами; на либерализацию внутренних цен; определенное смягчение режима функционирования мелких иностранных инвестиций и др.

Попытки реформировать социализм в 1980-е гг. имели и то позитивное значение, что госпредприятия вынуждены были приспосабливаться к работе в условиях относительной самостоятельности, а директора этих предприятий получили первые навыки менеджерской работы. Население научилось жить в условиях высокой свободы ценообразования. Одновременно складывался более либеральный, чем в других социалистических странах, режим отношений с Западом, либеральный внутриполитический режим, что формировало более благоприятные общественно-политические предпосылки для последующего перехода к политической демократии и рыночным отношениям. ПОРП никогда не была классической коммунистической партией: ей не были чужды элементы социал-демократии. В 1980-е гг. в ПОРП сформировалось реформаторское крыло. В результате в Польше отсутствовало серьезное сопротивление реформам как со стороны политических элит, так и со стороны значительной части населения.

Согласно «Позиции по вопросу политических реформ», принятой круглым столом, политическая система Польши должна была основываться на следующих принципах: политический плюрализм, свобода слова, демократический порядок формирования органов государственной власти, независимость судов, сильное, обладающее полнотой прав и свободно избранное местное самоуправление. Ближайшими реформами объявлялись: реализация принципа профсоюзного и общественного плюрализма — прежде всего легализация «Солидарности», признание права политической оппозиции на легальную деятельность, новый закон об общественных объединениях, начало реформы права и судебной системы, увеличение свободы слова, а также существенная демократизация принципов выбора представительных органов власти. Основой демократизации структур на всех уровнях государства объявлялось разделение власти на законодательную, исполни-

тельную и судебную. Предусматривалось введение наряду с Сеймом новой палаты парламента — сената и учреждение поста президента с бóльшими полномочиями[1].

При этом предполагалось сохранение контроля за этими преобразованиями со стороны партийных реформаторов. В соответствии с решениями круглого стола ПОРП должна была получить в сейме 38% мест (вместе со своими союзниками — Объединенной крестьянской партией, Демократической партией и светскими католическими организациями — 65%). На 35% мест были объявлены свободные выборы. Они предназначались для «беспартийных кандидатов, выдвинутых независимыми группами граждан»[2], т.е. оппозицией. Выборы в сенат были свободными. Заранее было согласовано, что президентом станет лидер партийных реформаторов Войцех Ярузельский. Однако последующее развитие событий показало, что все эти политико-арифметические построения были лишь иллюзиями, поскольку не учитывали возросшей остроты противоречий и дальнейшего падения авторитета ПОРП и органов власти в обществе.

Теперь признается, что, в отличие от программы политических реформ, «Солидарность» не имела четкой программы реформ в экономике. Однако руководитель «экономического столика» со стороны партийных реформаторов и их союзников В. Бака считает, что «Позиция по вопросу социально-экономической политики и системных реформ» круглого стола содержала концепцию социально ориентированной рыночной экономики, которая «обеспечивала полное самоуправление и широкие социальные права трудящихся»[3]. Новый экономический порядок, согласно решениям круглого стола, предусматривал: развитие самоуправления трудовых коллективов, свободное формирование структуры собственности, развитие рыночных отношений и конкуренции, ликвидацию остатков директивной системы и ограничение центрального планирования экономической политикой государства, реализуемой с помощью экономических инструментов, проведение единой финансовой политики в отношении предприятий, подбор руководящих кадров на предприятиях в соответствии с критерием профессиональной компетентности[4].

17 апреля парламентские выборы были назначены на июнь. 20 мая Верховный суд в Варшаве вновь зарегистрировал «Солидарность», запрещенную после введения военного положения в декабре 1981 г.

---

[1] Porozumienia Okrągłego Stolu. Olsztyn. 1989. S. 5–6.

[2] Ibid. S. 8.

[3] Nowe Życie Gospodarcze. 1999. No 21. S. 43.

[4] Porozumienia... S. 24.

В ходе избирательной кампании «Солидарность» заняла наступательную позицию. Ее активно поддерживала католическая церковь. Сторонники председателя «Солидарности» Леха Валенсы решили выйти на выборы единым фронтом. Роль политического избирательного штаба играл Гражданский комитет при председателе «Солидарности». Он же подбирал и выдвигал кандидатов в депутаты. В конце апреля все кандидаты, выдвинутые Гражданским комитетом, встретились в Гданьске с Валенсой, и каждый из кандидатов был сфотографирован с лидером «Солидарности». Эти фотографии с Валенсой были развешаны в избирательных округах и служили ориентиром для избирателей. Тем самым ставился заслон кандидатам, выдвинутым другими группами оппозиции.

ПОРП же вела себя пассивно, полагая, что она уже и так обеспечила себе относительное большинство в Сейме на основе соглашений круглого стола. Это оказалось серьезным не только тактическим, но, как выяснилось позже, и стратегическим просчетом.

Первый тур парламентских выборов (4 июня) принес успех оппозиции. Из 161 выделенного ей места она выиграла 160 мест в Сейме. В сенате «команда Валенсы» получила 92 места из 100. Реформаторы из ПОРП и их союзники из 299 мест получили в первом туре только пять. Из 35 кандидатов правящей коалиции, которые шли по всепольскому избирательному списку, а в нем была вся верхушка реформаторов из ПОРП и союзнических партий, прошли только два человека.

Во втором туре 8 июня «Солидарность» завоевала семь мест в сенате и оставшееся одно место в Сейме. Правящая коалиция получила все причитающиеся ей места в Сейме и завоевала лишь одно место в сенате.

Результаты парламентских выборов изменили общественно-политические настроения и ситуацию в стране. Они сыграли роль неформального плебисцита «за или против коммунизма», ПОРП потерпела поражение. Л. Валенса отреагировал на результаты выборов следующим образом: «На наше несчастье мы их выиграли!». Он понимал, что вся ответственность за проведение реформ теперь падет на «Солидарность».

23 июня депутаты Сейма и сенаторы от оппозиции создали Гражданский парламентский клуб (фракцию) во главе с Б. Геремеком. Позднее этого политика назовут «главным архитектором» новой Польши. 3 июля в «Газете выборчей» появилась статья видного представителя оппозиции Адама Михника «Ваш президент, наш премьер». 19 июля Национальное собрание (общее заседание Сейма и сената) большинством в один голос избрало В. Ярузельского президентом. Последний предложил на пост премьер-министра генерала Ч. Кищака, который руководил заседаниями круглого стола со стороны ПОРП

и ее союзников. Он и был назначен Сеймом на эту должность 2 августа. Оппозиция не смогла согласиться с тем, чтобы во главе государства стояли два генерала. Ее представители отказались войти в состав правительства Кищака. Валенсе удалось расколоть прежнюю коалицию ПОРП с Объединенной крестьянской и Демократической партиями и заручиться их поддержкой. 21 августа президент предложил кандидатуру советника «Солидарности» Т. Мазовецкого, согласованную с примасом Ю. Глемпом. Управление страной перешло в руки антикоммунистических сил, которые и возглавили процесс перемен. Новое правительство пользовалось огромным доверием и поддержкой общества (в сентябре 84% поляков, в декабре 90%[1]), что облегчало проведение болезненных социально-экономических реформ.

В середине ноября 1989 г. курс «Солидарности» на реформы получил благословение Вашингтона, где с визитом побывал Л. Валенса. Президент США Дж. Буш принимал его трижды. Лидер «Солидарности» выступил в Конгрессе, где практически каждую произнесенную им фразу американские конгрессмены встречали аплодисментами.

Политические элиты «Солидарности», поменяв социал-демократические идеалы на либеральные, начали демонтаж прежней авторитарной политической системы и одновременное создание конституционных и правовых рамок для политической демократии. Основными направлениями политической трансформации стали: переход от авторитарной власти к демократической, от монополии одной партии к многопартийности, от номенклатуры к плюралистической политической элите, от власти партийных органов и аппарата к власти высших органов государства и органов государственной администрации, от монополии административной власти к территориальному самоуправлению.

В начале 1990-х гг. Польша переживала серьезный социально-экономический кризис, бывший следствием и наследия предыдущей системы, и быстро проводимых экономических реформ.

В декабре 1989 г. Сейм подавляющим большинством голосов принял пакет из десяти законов, названный позже по имени министра финансов в правительстве Мазовецкого «планом Бальцеровича», направленный на стабилизацию экономической ситуации, прежде всего преодоление инфляции, и создание в Польше основ рыночной экономики. По замыслу автора «плана», их создание должно было происходить быстро, с помощью решительных и радикальных действий, чтобы до максимума сократить болезненный для общества переходный период. «План Бальцеровича» был согласован с Международным валютным фондом.

[1] *Chwalba A.* III Rzeczpospolita. Raport specjalny. Kraków, 2005. S. 30.

Основной составляющей новой экономической политики стал жестко ограничительный монетаризм, выражавшийся в резком сокращении денежной эмиссии и сужении денежной массы в обращении, а также в применении высоких процентных ставок по кредитам. Ее второй основополагающий элемент — либерализация почти во всех сферах экономической жизни: основной массы цен, внешней торговли, введение частичной конвертируемости польской валюты — злотого. Одновременно была поставлена задача ликвидации дефицита государственного бюджета путем резкого ограничения дотаций на продовольствие, сырье, средства производства, энергоносители и т.д., а также отказа от большинства налоговых льгот. И наконец, одним из важнейших элементов новой политики стала борьба с инфляцией путем жесткого ограничения роста доходов как предприятий, так и населения[1]. Это была по сути либеральная политика. Советник Мазовецкого В. Кучиньский период 1990–1991 гг. определил как «время либералов»[2].

Если реализация новой экономической политики обеспечивала в первую очередь финансовую стабилизацию, то системные преобразования должны были реализовываться на основе комплексной программы преобразований собственности, демонополизации экономики и формирования механизмов и организационных форм, присущих рынку, реформы финансовой и банковской систем.

В ходе реализации «плана Бальцеровича» проявилась польская специфика осуществления либерализации цен. Если в большинстве постсоциалистических стран реформы начались с либерализации цен, то в Польше эта операция была проведена до начала широкомасштабной реализации программы реформ. Почти 10-летний период реформирования ценообразования в 1980-е гг. способствовал тому, что для населения ценовой шок был значительно меньшим, чем можно было ожидать. К введению свободных цен на продовольственные товары в августе 1989 г. доля свободных и договорных цен в общем объеме реализации товаров уже составляла 71%. Если учесть, что государство и после либерализации сохранило за собой контроль за ценами ряда социально значимых товаров, то реальный масштаб либерализации цен составлял 20% от их общего объема.

В результате демонтажа системы «партия–государство» власть перешла в руки парламента, президента, правительства и центральной ад-

---

[1] Подробнее см.: *Бухарин Н.И., Синицина И.С., Чудакова Н.А.* Польша: 10 лет по пути реформ // Новая и новейшая история. 2000. № 4; Польша // Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. М., 2002. Т. 3. Ч. 2.

[2] *Kuczyński W.* Zwierzenia zausznika. Warszawa, 1992. S. 46.

министрации. Принцип единства власти, который олицетворяла коммунистическая партия, был заменен демократическим принципом разделения властей — законодательной, исполнительной и судебной.

Радикальному реформированию были подвергнуты органы милиции и службы безопасности, которые были оплотом прежнего автократического режима. Еще во второй половине 1989 г. были ликвидированы части специального назначения, уменьшена численность пограничных войск. В рамках службы безопасности были ликвидированы департаменты, занимавшиеся вопросами надстройки и вероисповедных союзов.

В апреле 1990 г. Сеймом были приняты три новых закона: о министре внутренних дел, о государственной полиции и Управлении охраны государства. Вместо милиции была создана полиция, предназначенная для защиты безопасности граждан и поддержания общественного порядка. С роспуском милиции подавляющее большинство ее работников, кроме части верхушки, автоматически стали работниками полиции. Из 100 тыс. милиционеров 97 тыс. человек превратились в полицейских.

Вместо службы безопасности было создано Управление охраны государства, целью которого стала защита безопасности государства и его конституционного порядка. Служба безопасности была распущена, ее сотрудники уволены, и набор на работу в новый орган осуществлялся заново. Бывшие работники службы безопасности должны были пройти двухуровневую процедуру проверки. Решились на эту проверку 14 тыс. из 24 тыс. работников службы безопасности. Прошли ее около 10 тыс. человек. Из 137 руководящих работников МВД осталось только 20 человек[1]. До 1995 г. Управление охраны государства контролировалось президентом, а затем было переподчинено премьер-министру.

Новый политический режим в первые годы существования практически не трогал офицерский корпус Войска Польского, хотя почти все офицеры были членами ПОРП и многие из них окончили советские военные академии. Других военных кадров попросту не было. Фактически до конца 1990-х гг. высшие посты в армии занимали офицеры, которые участвовали во введении военного положения в стране в декабре 1981 г. Постепенно над Войском Польским был введен гражданский контроль.

Быстро реформировалась судебная система страны. Уже в декабре 1989 г. был создан Всепольский судебный совет, который стоит на страже независимости судов и судей. Он имеет право выдвигать кандидатов в судьи и осуществлять надзор за работой судебных органов. Судьи же назначаются президентом страны на неограниченный срок.

---

[1] См.: *Majcherek J.* Pierwsza dekada III Rzeczypospolitej. 1989–1999. Warszawa, 1999. S. 126.

Была отменена государственная цензура, ликвидирован огромный издательский кооператив ПОРП «Праса-ксенжка-рух», что способствовало развитию свободы печати.

Стремясь не допустить чрезмерного обострения идейно-политических делений в польском обществе, премьер Мазовецкий выступил за то, чтобы в создании демократического порядка и рыночной экономики могли участвовать все поляки — члены ПОРП и беспартийные, представители прежней власти и оппозиция. Поэтому под периодом существования Польской Народной Республики он предложил провести «жирную черту».

Еще в конце 1989 г. в Конституцию ПНР были внесены изменения и дополнения. Из ее текста были изъяты идеологическая по своему содержанию преамбула, статьи о руководящей роли ПОРП, социалистическом, политическом и социально-экономическом строе, союзе с СССР и др. Изменено было название государства — с Польской Народной Республики на Республику Польша (РП). Польскому орлу была возвращена корона как символ независимости страны. Президент получил большие полномочия — право вето на принимаемые парламентом законы и его роспуск. Правительство подчинялось одновременно президенту и Сейму. Только президент обладал правом назначать и отзывать премьера. Изменения в Конституции гарантировали свободу хозяйственной деятельности. Были расширены политические права и свободы граждан. Новый закон о собраниях соответствовал ратифицированным Польшей международным конвенциям и одновременно гарантировал соблюдение общественного порядка.

В июле 1990 г. был принят закон о политических партиях. В соответствии с ним достаточно было 15 подписей, чтобы создать и зарегистрировать партию. Для этого не требовались даже устав и программа, а только юридический адрес.

Внутри «Солидарности» вначале процессы создания партий сознательно тормозились. Преобладало мнение, что проведение реформ требует единства.

Поэтому в первой половине 1990 г. процесс перемен охватил прежде всего партии времен Польской Народной Республики. Поражение на парламентских выборах углубило внутренний кризис ПОРП. Самораспустились ее организации на предприятиях и в учреждениях, в частности в государственной администрации и армии. В январе 1990 г. на своем XI съезде ПОРП заявила о прекращении своей деятельности. На ее базе возникли две социал-демократические партии — Социал-демократия Республики Польша (СДРП) и Польский социал-демократический союз, который не смог долго удержаться на

политической сцене. СДРП в качестве своей цели выдвинула демократический социализм. Принятая на ее учредительном съезде декларация являлась типичным социал-демократическим документом. Часть работников аппарата ПОРП занялась предпринимательской деятельностью, перешла на работу в банки и благодаря связям удачно устроилась в новой жизни. Бывшее здание ЦК ПОРП с 16 апреля 1991 г. стало помещением Варшавской биржи.

Объединенная крестьянская партия, пытаясь обновиться, приняла вначале новое название — Польская крестьянская партия возрождения, а затем объединилась с Польской крестьянской партией, которую основали деятели послевоенной оппозиционной партии С. Миколайчика. В результате была создана единая Польская крестьянская партия (ПКП). Демократическая партия оказалась в подвешенном состоянии.

Уже к середине 1990 г. проявились плюсы и минусы проводимой правительством экономической политики. Несомненными достижениями были: преодоление гиперинфляции (в декабре 1989 г. инфляция в годовом исчислении достигала 1000%), сбалансированность госбюджета (к концу 1989 г. дефицит составлял более 16%) и положительное сальдо во внешней торговле, укрепление злотого, введение его внутренней конвертируемости, определенная финансовая стабилизация. Стремительность и глубина положительных изменений позволили определить тип реализуемой политики как «шоковую терапию», так как на первоначальном этапе «шоковые» элементы в ней преобладали.

Однако проявились и серьезные негативные моменты, причем они также являлись следствием проводившейся политики. Речь шла, во-первых, о глубоком спаде промышленного производства, распаде финансовой системы предприятий, поставившей более 40% из них на грань банкротства, крайне сложной ситуации в сельском хозяйстве. И, во-вторых, о резком падении реальных доходов населения и возникновении нового социального явления — бедности на грани выживания, появлении и быстром нарастании открытой безработицы и формировании в связи с этим совершенно новых условий жизни.

Одновременно стало ясно, что использование «шоковых» инструментов непригодно для рыночных изменений в сфере материального производства, поскольку чрезмерное ужесточение условий хозяйствования привело к резкому спаду промышленного производства. Были осуществлены изменения как в самой концепции политики в отношении промышленности, так и некоторое смягчение условий хозяйствования. К середине года это смягчение стало распространяться и на остальные сферы народного хозяйства. Именно к этому времени были, по сути, исчерпаны элементы «шоковости» и на первый план посте-

пенно выступили элементы «терапии». Экономическая политика во все большей степени начинает ориентироваться на преодоление («лечение» или «терапию») структурных деформаций и неэффективности хозяйствования, сложившихся в предыдущий период. При этом стержнем экономической политики оставался жесткий монетаризм, с тем что степень жесткости менялась в зависимости от тактических целей.

Практика внесла коррективы в оценку роли государства в процессах трансформации (вначале преобладала идея о необходимости «ухода» государства из сферы экономики и замещения его автоматически действующими рыночными механизмами). За государством была признана решающая роль в развитии экономики: расширение и гибкое применение как старых, так и новых, рыночных, рычагов — деньги, кредиты, проценты и др. Именно это позволило сохранить управляемость экономических процессов, избежать широкомасштабной криминализации экономики и власти (как это произошло в России), и заметно смягчить социальные последствия реформ.

Единственным динамично развивающимся сектором на начальном этапе системной трансформации стал частный сектор. В 1990–1992 гг. ежегодно создавалось 250–300 тыс. частных предприятий, более 80% которых были предприятиями торговли. В основе динамизации частного сектора лежало снятие всех ограничений на развитие частного предпринимательства и создание для него равных условий со всеми остальными видами собственности. Результатом было почти удвоение к концу 1990 г. доли этого сектора в реализованной продукции промышленности (почти до 14%) и рост численности занятых в этом секторе в общей занятости вне сельского хозяйства с 12 до 15,7%. Это позволило частному сектору выполнять роль своеобразного амортизатора спада в государственном секторе.

Финансово-кредитные ограничения, введенные с 1 января 1990 г., распространялись и на сельское хозяйство. Были отменены практически все дотации для сельскохозяйственного производства, гарантированные минимальные закупочные цены, резко повысились цены на средства производства для сельского хозяйства. В результате товарное производство уменьшилось, появилась открытая безработица на селе. Крестьянство весьма негативно отнеслось к жесткой монетарной политике. Положение в сельском хозяйстве стало устойчивым фактором дестабилизации экономики в целом.

В аграрной сфере, несмотря на то что с середины 1990 г. были восстановлены некоторые импортные пошлины и виды дотаций, особенно на оборотные средства, сохранялась основа многолетней стагнации — неэффективная (преимущественно мелкотоварная) структура

производства и землепользования. Сельское хозяйство продемонстрировало свою неспособность осуществлять внутренние накопления, которые могли бы стать основой финансирования аграрной реформы.

В середине 1990 г. определенные изменения претерпела экономическая политика в таких сферах, как ценообразование, внешняя торговля, регулирование доходов населения и хозяйственных субъектов. И здесь были произведены «отступления» от первоначальных масштабов либерализации.

Так, если в начале 1990 г. доля свободных цен превышала 90%, то в 1991 г. государство прямо устанавливало уже около 3% оптовых и около 11% розничных цен. Кроме того, административным контролем (хозорганизации обязаны информировать госорганы о намерении повысить цены) охвачены товары и услуги, доля которых в оптовой торговле составляет около 9% и в розничной торговле около 4%. Административный контроль действовал также в отношении почти всех производителей-монополистов.

В сфере внешней торговли большинство таможенных тарифов, отмененных в начале 1990 г., было восстановлено во второй половине 1990 г. и в 1991 г. В результате к 1992 г. уже можно было говорить о сложившихся достаточно устойчивых основах внешнеторгового режима Польши, характеризующегося регулированием импорта с помощью таможенных тарифов и минимальных значений административных регуляторов.

Что касается политики регулирования денежных доходов населения и предприятий, то здесь применялись различные рычаги и методы в зависимости от текущих потребностей. Так, уже в середине 1990 г., когда чрезмерно жесткое ограничение доходов помимо сдерживания инфляции стало существенным фактором спада и снижения жизни населения, в эту политику были внесены заметные коррективы. Коэффициент индексации фонда заработной платы был повышен с 0,3 в предыдущих месяцах до 1,0 в июле, а затем до конца года поддерживался на уровне 0,6; был несколько увеличен порог допустимого роста фонда заработной платы и др. Стабилизация экономики и обеспечение устойчивого роста позволили в значительной мере отойти от жесткого административного регулирования и во все возрастающей степени использовать рыночные инструменты регулирования доходов.

В программе реформ провозглашался эволюционный путь перестройки структуры собственности. Это означало, что государственный сектор должен был продолжительное время играть значительную роль в польской экономике. Поэтому государственным предприятиям

на время их существования гарантировалась экономическая и правовая самостоятельность.

В основу концепции преобразований собственности был положен принцип жесткой взаимозависимости накопления предпринимательского капитала, в том числе и за счет иностранных инвестиций, и темпов, форм и методов приватизации. Исходя из этого принципа, в польской практике на первое место было поставлено государственное акционирование предприятий как метод их подготовки к последующей приватизации.

В целом для Польши было характерно бóльшее разнообразие путей, форм и методов ее проведения[1], чем в остальных постсоциалистических странах, в том числе существенная роль государства и бóльший удельный вес рабочего акционирования.

Как и во всех постсоциалистических странах, в Польше первоначально предполагалось одновременное развитие всех форм приватизации, в том числе и массовой. Но опыт проведения массовой приватизации в России, Чехии и Венгрии убедил польских реформаторов в необходимости более тщательной проработки этой формы, поскольку с ней связано не только нарастание социальной напряженности, но и криминализация экономических отношений. Поэтому первые мероприятия в области массовой приватизации были начаты лишь в 1996 г.

В то же время «малая приватизация» была проведена в основном в 1990–1992 гг. и в результате в частные руки перешло около 97% всех магазинов, торговых точек, ресторанов и малых предприятий сферы бытовых услуг. Ее проведение не регламентировалось ни специальным законодательством, ни правительственными программами.

Весной 1990 г. стало очевидным исчерпание начальной фазы эволюционных политических преобразований. Изменился расклад политических сил: одна из сторон круглого стола — ПОРП — прекратила свое существование, ее наследница — СДРП не представляла из себя политической силы. Такие институты, как парламент, президент и др., сформированные на основе соглашений круглого стола, быстро теряли свою легитимность.

Л. Валенсу взяли в оборот радикальные правые политики, братья-близнецы Ярослав и Лех Качиньские. Они со своими сторонниками призвали к разрыву с соглашениями круглого стола, проведению чистки в армии и полиции, отстранению Ярузельского с поста прези-

---

[1] См.: *Czekaj J., Włodarczyk W.* Charakterystyka metod i przebieg prywatyzacji w Polsce w latach 1990–1997 // Przekształcenia własnościowe w Polsce (1990–1992). Dostosowania do struktur własnościowych Unii Europejskiej. Warszawa, 1999.

дента, проведению декоммунизации и люстрации, созданию сильного государства и его идеологизации на основе национальных традиций и католических ценностей. Требования правых радикалов поддержал Валенса, так как они предлагли ему стать президентом с полномочиями как у президента Франции.

Другая либеральная часть лагеря «Солидарности», которая поддерживала политику Мазовецкого, высказывалась за продолжение перестройки политической системы в демократическом направлении эволюционным образом и против ускорения раскола внутри элит «Солидарности». Между этими двумя группами началась острая политическая борьба, которая получила название «войны в верхах». Мазовецкий был подвергнут жесткой критике сторонниками лидера «Солидарности» за проведение политики «жирной черты». Позднее Л. Валенса вспоминал: «Мы одержали победу над старой системой, и теперь было необходимо строить плюрализм и демократию, а не вторую монополию в лице «Солидарности». Поэтому необходимо было разбить «Солидарность», ибо не было другого выхода»[1].

«Война в верхах» способствовала ускорению политических перемен. 27 мая 1990 г. состоялись выборы в органы местного самоуправления. На этих выборах «Солидарность» получила около 40% голосов. Принятый 8 марта Сеймом закон о территориальном самоуправлении и проведенные выборы должны были разорвать прежние неформальные номенклатурные связи и обеспечить приход к власти на местах «Солидарности». Этот закон вводил полное самоуправление на уровне городов и гмин (волостей). На уровне же воеводств управление оставалось в руках правительственной администрации. Отныне гмины и города стали рассматриваться как самоуправленческие общности жителей. Они стали обладать правом юридического лица, распоряжаться коммунальной собственностью и иметь собственные источники финансирования.

Весной–летом 1990 г. в кругах «Солидарности» стало усиливаться требование отставки Ярузельского с поста президента. Хотя генерал формально обладал широкими полномочиями, он сознательно самоограничил свою роль, подчиняясь решениям остальных органов власти. Тем самым он создавал условия для формирования в стране системы парламентской демократии. С роспуском ПОРП Ярузельский потерял свою политическую базу. Его политическая роль систематически уменьшалась. Тщательно проанализировав ситуацию, Ярузельский принял свое последнее политическое решение о собственной

[1] Postscriptum Lecha Wałęsy: Trzeba było rozbić «Solidarność» // www.gazeta.pl (04.07.2008).

досрочной отставке. Однако он согласился передать свой пост лишь главе государства, избранному в результате всеобщих выборов.

27 сентября Сейм принял законы об изменении Конституции Республики Польша, которое вводило проведение всеобщих, прямых, равных и тайных выборов главы государства, и о выборах президента. Первый их тур был назначен на 25 ноября. В качестве кандидатов на пост президента зарегистрировались шесть претендентов. До последнего момента реально таковыми считались лишь Валенса и Мазовецкий. Избирательная кампания премьера была довольно бесцветной. Он был плохим оратором, и это его сковывало, как и обязанности главы правительства. Кампания же Валенсы была яркой и динамичной. Он разъезжал по всей стране и с присущим ему красноречием выступал на многочисленных митингах и встречах. Содержание его кампании было типично популистским. Валенса призывал избирателей «брать дела в свои руки» и обещал «100 миллионов злотых каждому». В последнем случае речь шла о широкодоступном кредите на индивидуальную предпринимательскую деятельность.

Сенсацией первого тура выборов стал неожиданно высокий результат (23,1% голосов) С. Тыминьского, малоизвестного бизнесмена из Канады, который опередил премьера Мазовецкого (18,1%). Лидировал в первом туре Валенса (40,0%). Перед вторым туром президентских выборов сторонники Мазовецкого и сторонники Валенсы, позабыв про внутренние распри, объединились и поддержали лидера «Солидарности». Руководство католической церкви также призвало голосовать за него. Валенса получил 74,3% голосов, а Тыминьский — 25,7% (в четырех из 49 воеводств он одержал победу).

22 декабря 1990 г. состоялась инаугурация вступления в должность президента Валенсы. Он получил президентские регалии из рук президента Польши в эмиграции Р. Качаровского. (После поражения Польши в 1939 г. в эмиграции были созданы высшие органы власти страны, которые сохранились и после войны.) В своей инаугурационной речи Валенса провозгласил создание Третьей Речи Посполитой. Она объявлялась преемницей Второй Речи Посполитой, а 45 лет Народной Польши как бы изымались из истории страны. Новый президент подчеркнул, что реализация «плана Бальцеровича» будет продолжена. Валенса также заявил, что он — сторонник сильной президентской власти и ускорения процесса перемен.

Судьба парламента, избранного на основе соглашения круглого стола, была предрешена. В связи с предстоящими выборами в Сейм и сенат ускорился процесс формирования различных партий и движений на базе политических элит «Солидарности». Было создано два-три

десятка партий, представляющих весь возможный идейно-политический спектр. Возникли партии и движения правые, центристские, левые, либеральные, христианско-демократические, национально-католические, аграрные, социал-демократические и др. Предполагалось, что одни партии, вышедшие из недр «Солидарности», будут правящими, а другие — находиться в оппозиции.

К первым демократическим парламентским выборам, которые были назначены на 27 октября 1991 г., польская многопартийная система носила еще зачаточный характер. Ее состояние большинство польских ученых оценивали как «разрозненное», «фрагментарное»[1].

Сторонники Мазовецкого (либералы) создали Демократический союз. К нему примыкал Либерально-демократический конгресс, в который еще в конце 80-х годов объединились гданьские либералы, среди которых заметной фигурой был Дональд Туск. Еще в 1990 г. группа правых политиков из окружения Валенсы во главе с Я. Качиньским создала Соглашение центристских сил. На парламентских выборах оно возглавило избирательный блок «Гражданское соглашение — центр». Христианско-демократическое объединение (национал-католики) создало избирательный блок «Избирательная католическая акция». К пилсудчиковским традициям апеллировала Конфедерация независимой Польши Л. Мочульского, созданная еще в 1970-е гг. СДРП взяла курс на объединение вокруг себя всех левых постсоциалистических сил. В результате в 1991 г. была создана политическая коалиция — Союз демократических левых сил, в состав которого вошли 17 партий и организаций. Среди них, кроме СДРП, были Польская социалистическая партия, Всепольское соглашение профессиональных союзов (ВСПС), женские, молодежные, ветеранские и другие организации.

Первые свободные демократические выборы в парламент проводились на основе крайне либеральной пропорциональной избирательной системы без каких-либо ограничителей. В них приняли участие 111 избирательных объединений и блоков. Во время избирательной кампании они пытались выделиться своими различиями в оценке социально-экономической политики правительств «Солидарности», подходов к проблеме декоммунизации, роли католический церкви в государстве, приоритетам внешней политики и др. Явка на выборах составила 43,2%. В Сейм прошли 24 избирательных объединения и блока. Демократический союз получил 12,32%, Союз демократических левых сил — 11,99, Польская крестьянская партия — 9,22, Избирательная католическая акция — 8,98, Конфедерация независимой Польши — 8,88,

[1] *Knyzewski K.* Partie i system partyjny w Polsce w okresie transformacji ustrojowej. Warszawa, 1998.

Гражданское соглашение — центр — 8,71%. В сенате больше всего мест получили: Демократический союз — 22, Избирательная католическая акция — 12, профсоюз «Солидарность» — 11, Польская крестьянская партия — 10, Гражданское соглашение — центр — 9.

В новом Сейме сформировались 18 депутатских фракций, что делало его мало работоспособным, хотя большинство в Сейме имели правые радикалы, которые именовали себя правоцентристами, между ними были разного рода разногласия. Их радикализм был своеобразным: он был замешан на национализме и сильном антикоммунизме. Они стремились не к ускорению перестройки экономики, а скорее к упрочению происшедших перемен и даже к их замедлению в связи с нарастающей волной недовольства в обществе. Их мало волновали и системные политические реформы, ибо в основе своей они были уже осуществлены. Для радикалов, во-первых, была характерна сильная политическая неприязнь к Демократическому союзу за то, что его лидеры участвовали в подготовке соглашений круглого стола и были западниками и либералами, а также к Союзу демократических левых сил, так как он был посткоммунистическим политическим образованием. Поэтому правые пытались изолировать фракции Демократического союза и Союза демократических левых сил в новом Сейме. Представители этих фракций не были избраны вице-спикерами, никто из них не стал также председателями парламентских комитетов.

Во-вторых, радикалов отличала патологическая ненависть к периоду Народной Польши, стремление к полному разрыву с ее историческим и идеологическим наследием. Начались массовые переименования улиц и площадей, убирались памятники, связанные с традицией ПНР, школы и воинские части лишались имен своих патронов и др. Трудности в процессе трансформации объяснялись сохранением прежних персональных связей и структур власти. Поэтому радикалы требовали лишить коммунистическую номенклатуру собственности, проведения декоммунизации и люстрации (проверки государственных чиновников на предмет сотрудничества со спецслужбами).

Одному из их лидеров, адвокату, защищавшему в 1980-х гг. в судебных процессах политиков оппозиции Я. Ольшевскому, который во время избирательной компании резко критиковал реформы Бальцеровича, с большим трудом удалось сформировать в Сейме необходимое большинство в несколько голосов, а на его базе правительство. В нем министром финансов был назначен крайний либерал А. Олеховский, который продолжил прежний экономический курс. Вместе с тем в состав кабинета министров вошли представители тех фракций, которые сообща обладали только 100 голосами из 460. Поэтому поло-

жение правительства в Сейме было недостаточно прочным, и, чтобы реализовывать свою политику, оно было вынуждено постоянно искать компромиссы с различными силами в Сейме и с президентом. Возникли трудности с разработкой и принятием государственного бюджета, Сейм отверг основные положения социально-экономической политики правительства, ушли в отставку друг за другом два министра финансов, обострился конфликт с Валенсой по поводу распределения полномочий между президентом и правительством.

В конце концов, чтобы создать более благоприятные политические условия для деятельности кабинета министров, Ольшевский решился пойти на дискредитацию своих политических противников. Была предпринята попытка люстрации лиц, занимающих высокие посты в государстве. Утром 4 июня 1992 г. министр внутренних дел А. Мачеревич вручил председателям парламентских фракций конверты, в которых находился список из 64 фамилий депутатов Сейма и сенаторов, работников канцелярии президента, которые обвинялись в сотрудничестве со спецслужбами ПНР. Высшим лицам в государстве был предоставлен другой список, в котором были фамилии высших государственных функционеров. Во втором списке оказался и президент Валенса как «агент Болек». В полдень бывший лидер «Солидарности» обнародовал заявление, в котором объяснял, что в прошлом, будучи арестованным и допрашиваемым, он подписал «три или четыре документа». Однако он «никогда не был сломлен и никогда не предавал ни идеалов, ни своих коллег»[1].

Валенса понимал, что люстрация приведет к дискредитации большинства элит «Солидарности», что для него могло быть политической катастрофой. Дело в том, что еще в 1956 г. после прихода к власти В. Гомулки, было запрещено вербовать агентуру среди членов ПОРП. Поэтому к сотрудничеству принуждались в основном деятели оппозиции и «Солидарности», особенно после введения военного положения в декабре 1981 г. Валенса решил действовать быстро. Он тайно собрал совещание лидеров нескольких депутатских фракций. В ночь с 4 на 5 июня Сейм отправил премьер-министра Ольшевского в отставку и новым главой правительства назначил В. Павляка, 32-летнего председателя Польской крестьянской партии, который немедленно отозвал с поста министра А. Мачеревича. Я. Куронь назвал его «больным типом, стремившимся уничтожить государство»[2].

---

[1] Цит. по: *Majcherek J.* Op. cit. S. 176.

[2] *Gontarczyk P., Cenckiewicz S.* Stracona szansa Lecha Wałęsy // Rzeczpospolita. 19.06.2008.

События 4 июня стали кульминацией процесса распада политического лагеря «Солидарности» и надолго отравили атмосферу польской политики всякого рода подозрениями и обвинениями.

Естественно, что Павляк не сумел сформировать новое правительство, и 10 июля Сейм назначил на пост Председателя Совета министров одного из лидеров либерального Демократического союза Ханну Сухоцкую, правительство которой, состоящее из представителей семи партий, на следующей день было утверждено нижней палатой парламента. Однако это правительство обладало в Сейме незначительным большинством голосов, поэтому результаты многих голосований зависели от присутствия или неприсутствия буквально одного депутата. Нестабильность правительства усиливали многочисленные расколы и конфликты в парламентских фракциях. Однако оно продержалось около года.

В 1992 г. Сейм принял так называемую «малую конституцию», регулирующую отношения между различными институтами государственной власти, новый закон о выборах, программу массовой приватизации, а также закон, запрещающий аборты. «Малая конституция» ограничивала права президента и должна была создать стабильные условия для функционирования правительства.

В мае 1993 г. всепольская комиссия профсоюза «Солидарность» выдвинула в адрес правительства ультиматум, требуя в течение недели выполнения ее нереальных социально-экономических требований, на выполнение которых не было денег в бюджете. Правительство Сухоцкой отклонило его. Тогда руководство «Солидарности» поручило своим депутатам поставить на заседании Сейма вопрос о недоверии кабинету министров. 28 мая большинством голосов недоверие правительству было вынесено. Немного поколебавшись, Валенса распустил парламент. Новые выборы были назначены на 19 сентября 1993 г.

Они проходили в иной социально-экономической и политической ситуации, чем предыдущие. К этому времени основные цели «плана Бальцеровича», благодаря принципиальности и упорству его автора, были в целом реализованы, хотя и с некоторыми отклонениями от программных установок. В частности, удалось подавить гиперинфляцию, которая составила в 1990 г. 585,5%, а в 1991 г. — уже 60,7%. Польский опыт стал первым свидетельством того, что монетарно-финансовая политика, применяемая последовательно и гибко, может стимулировать экономический рост. Уже в 1992 г. страна вступила в стадию экономического роста. В 1992–2000 гг. в среднем его ежегодные темпы составили около 5%.

Начало экономических реформ стало основанием для успешного решения проблемы реструктуризации польской внешней задолженности, которая в конце 1990 г. составляла более 48 млрд долл. США. Международные финансовые организации пошли в этом вопросе навстречу РП. Результатом переговоров с ними стало беспрецедентное сокращение польских долгов. В марте–апреле 1991 г. Парижский клуб, представлявший 17 стран — кредиторов Польши, сократил ее задолженность (а это было 60% всего долга) на 50% до 17 млрд долл. США. (а США — даже на 70%). В 1994 г. коммерческие банки, объединенные в Лондонском клубе, заключили благоприятное для Польши соглашение, сокращающее ее долг перед частными кредиторами. В 1990–1992 гг. РП получила на развитие инфраструктуры и реструктуризацию экономики от Всемирного банка кредитов на сумму более 2,5 млрд долл. США. В 1991–1992 гг. кредиты на развитие частного сектора и реструктуризацию предприятий и банков со стороны Европейского банка реконструкции и развития составили более 600 млн долл. США. Запад всячески поддерживал польскую системную трансформацию, так как Польша была локомотивом преобразований на востоке Европы и от ее успеха зависело изменение геополитической ситуации на континенте. В 1990–1992 гг. западная помощь в разных формах, включая прощение внешних долгов, составила более 20 млрд долл. США[1].

Однако начальный этап реформирования имел высокую социально-экономическую цену. В 1990–1991 гг. падение ВВП составило почти 18%, а промышленного производства — более 30%. Следствием политики Бальцеровича стали почти 40%-ное снижение жизненного уровня (30%-ное снижение реальной заработной платы), высокая дифференциация доходов и потребления населения, распад системы привычных социальных гарантий и т.д. Появилась безработица — в конце 1990 г. в стране было 1,2 млн безработных, в 1992 г. их число выросло до 2,3 млн (12,5% всех занятых). Большинство польского населения пережило не только материальный, но прежде всего социально-психологический шок. Высокая социальная цена трансформации оказалась для него неожиданностью.

Одновременно эта цена была разложена неравномерно на плечи разных слоев общества. Госсельхозы распались, а их работники оказались на улице, пострадали (из-за импорта дешевого продовольствия) значительная часть крестьян, бюджетная интеллигенция и др. Сильное социальное расслоение также оказалось для населения неожиданностью и вызывало протест. На улицах польских городов появились над-

[1] См.: *Kuźniar R.* Droga do wolności. Polityka zagraniczna III Rzeczypospolitej. Warszawa, 2008. S. 108.

писи: «Коммуна, вернись!». В 1991 г. против либеральной политики Бальцеровича прошли 104 манифестации, было организовано 130 забастовок. В их ходе жгли куклу реформатора, преобладали такие лозунги, как: «Долой Бальцеровича!», «Бальцерович должен уйти!», «Бальцерович — Менгеле польской экономики!» и др.

Одновременно в 1990—1993 гг. произошла «самая настоящая революция в доходах». Если в 1989 г. в их структуре доля заработной платы составляла 46,2%, то в 1993 г. — только 28,2%. Зато доля доходов от хозяйственной деятельности увеличилась с 7,2 до 17,5%[1].

Переходный период породил разрушение ряда механизмов функционирования государства, преступность, нелегитимную и номенклатурную приватизацию, появление привилегированных классов в политике, упадок значительной части крупной промышленности. Все это повлекло за собой рост социальной напряженности и поиск политических сил, способных смягчить издержки трансформации.

Мелкие партии и движения, вышедшие из «Солидарности», перессорились друг с другом в предыдущем Сейме и не способны были объединиться в крупные избирательные блоки. Они существенно дискредитировали себя в глазах общественного мнения. В возникшей ситуации Валенсе ничего не оставалось, как создать беспартийный блок поддержки реформы.

Новый закон о выборах в Сейм, принятый 28 мая 1993 г., сохранял пропорциональную избирательную систему, но вводил 5%-ный барьер для избирательных объединений и 8%-ный — для избирательных блоков. Это означало, что, только преодолев этот барьер, партии и их коалиции могут быть представлены в нижней палате парламента. Следовательно, новый закон стимулировал создание крупных политических объединений. Требование преодоления 5%-ного барьера не распространялось на национальные меньшинства.

Фаворитом избирательной гонки был Союз демократических левых сил, в состав которого уже вошли 20 партий и организаций. Правые силы, вышедшие из «Солидарности», в 1990—1992 гг. пытались политически изолировать новых польских социал-демократов, столкнуть их на обочину политической жизни. Однако те сумели преодолеть изоляцию и превратиться в конструктивную оппозицию. Они освоили открытую борьбу за лидерство в условиях политического соперничества.

Союз демократических левых сил шел на выборы под лозунгом «Так дальше быть не должно» и строил избирательную кампанию на критике либеральной экономической политики. Он обещал более

[1] См.: *Kowalik T.* Intelektualne źródła zmian ustrojowych w Polsce // Transformacja systemowa w Polsce i krajach postkomunistycznych. Studia i rozprawy. Pułtusk, 2006. S. 37.

справедливое распределение социальных издержек среди различных слоев общества, экономический рост и повышение на его основе жизненного уровня населения.

В выборах в Сейм, которые состоялись 19 сентября 1993 г., приняли участие 34 избирательных объединения и блока. 5%-ный барьер преодолели только шесть. Явка на выборы составила 52,1%. Союз демократических левых сил получил 20,4% голосов, Польская крестьянская партия — 15,40, Демократический союз — 10,59, Союз труда (единственная левая партия, возникшая на базе «Солидарности») — 7,28, Конфедерация независимой Польши — 5,77, Беспартийный блок поддержки реформ — 5,41%. (После выборов Демократический союз и Либерально-демократический конгресс объединились в либеральный Союз свободы, который возглавил Л. Бальцерович.)

Однако социал-демократы в Сейме получили 37,17% всех мест, а аграрии — почти 29%. Дело в том, что мелкие партии, вышедшие из «Солидарности», выступили на выборах в Сейм самостоятельно и каждая из них не сумела преодолеть 5%-ный барьер. Тем самым вместе они потеряли 34% голосов.

В сенате Союз демократических левых сил получил 37 мест из 100, Польская крестьянская партия — 36, профсоюз «Солидарность» — 9, Демократический союз — 4.

Результаты выборов показали, что конфликты времен ПНР отходят в небытие, что избирателей интересует не прошлое, а сегодняшний день и будущее.

После выборов Союз демократических левых сил вступил в коалицию с Польской крестьянской партией. В Сейме образовалось устойчивое парламентское большинство: обе фракции имели вместе 65,9% всех мест. В основу коалиционного соглашения был положен общий курс на продолжение экономической трансформации на принципах социальной рыночной экономики, справедливого распределения бремени социально-экономических реформ. Первым премьером левоцентристского правительства стал лидер аграриев фаворит Валенсы В. Павляк.

В первой половине 1990-х гг. началась перестройка основ польской внешней политики, ее переориентация на Запад и нахождение нового места в Европе. Политика нейтралитета была сразу же отброшена. Успех системной трансформации зависел прежде всего от Запада, от связей с ним и включения в его структуры. Уже в конце 1989 г. вскоре после начала перемен в Польше возникла идея «возвращения в Европу». Ее автором был глава первого правительства реформаторов Т. Мазовецкий. По мнению Б. Геремека, «Польша стала независимой

и начала свое «возвращение в Европу», оно стало «ключевым лозунгом мирной революции...»[1]. Польские неолибералы выбрали ориентацию на западные ценности, на рыночную экономику и демократию, определили присоединение к Евросообществу и НАТО в качестве приоритетного направления своей деятельности. При этом они готовы были поступиться самым святым — частичной потерей политического и экономического суверенитета страны. Этого же курса на Запад стали придерживаться и пришедшие в 1993 г. к власти польские социал-демократы.

Новой польской национальной идеей стало превращение страны в составную часть Запада с его свободами и высоким уровнем жизни, членство Польши в НАТО и Европейском союзе (ЕС). Эта идея легла в основу целостной стратегической концепции развития страны. Развернувшиеся в стране преобразования, их содержание и темпы стали увязываться властью и восприниматься населением в прямой связи с подготовкой присоединения страны к Евросоюзу.

В самом начальном периоде трансформации (1989–1991) Польша еще не формулировала в качестве целей своей внешней политики членство в евроатлантических структурах. На протяжении первых двух лет своего существования III Речь Посполитая оставалась членом Варшавского договора, а на протяжении четырех лет на ее территории находились советские и российские войска. Поэтому во внешней политике прежде всего ставилась задача достижения полного суверенитета, предпринимались усилия, направленные на урегулирование отношений с СССР на новых принципах — равенства и уважения суверенитета обоих государств и признание западной границы Польши со стороны объединяющейся Германии. С Советским Союзом велись трудные переговоры о подготовке нового базового договора о взаимных отношениях и выводе советских войск с польской территории до конца 1993 г. Однако, начиная с 1992 г. вступление Польши в НАТО стало приоритетной целью польской внешней политики. Важным этапом на пути интеграции с Североатлантическим договором стало участие РП в программе «Партнерство для мира», а также сотрудничество с вооруженными силами западных государств в процессе участия в разных миротворческих миссиях.

Вскоре после начала перемен, 19 сентября 1989 г., было подписано Соглашение о торговле и торгово-экономическом сотрудничестве между Польшей и ЕЭС. Оно предусматривало устранение дискрими-

---

[1] *Geremek B.* Polski głos o Europie // Rocznik polskiej polityki zagranicznej 2002. Warszawa, 2003. S. 10, 11.

нации в отношении польских товаров на рынке ЕЭС путем ликвидации количественных ограничений и укрепления экономического и научно-технического сотрудничества.

Неофициальные переговоры об ассоциации Польши с ЕЭС начались в октябре 1989 г., а официально — в конце 1990 г. В результате 16 декабря 1991 г. РП подписала Соглашение об ассоциации с Европейским сообществом и государствами, являющимися его членами, которое в Польше известно как Европейский договор. В нем было записано, что конечной целью РП является членство в содружествах, а ассоциация с ЕЭС должна помочь его достичь. Однако ратификация этого соглашения по вине Брюсселя затянулась, и оно вошло в жизнь только 1 февраля 1994 г.

Соглашение об ассоциации предусматривало создание зоны свободной торговли, которая была ограничена промышленными товарами. При этом предусматривалось, что торговые барьеры (пошлины, количественные ограничения и т.д.) быстрее ликвидирует Сообщество, а не Польша. Это создавало серьезные проблемы для польских производителей. Соглашение не предусматривало создания зоны свободной торговли сельскохозяйственными и продовольственными товарами, оборот ими подлежал лишь ограниченной и селективной либерализации. Оно не вело к значительной либерализации принципов движения рабочей силы и услуг из Польши в страны ЕЭС, что было воспринято в стране с большим разочарованием.

По Соглашению об ассоциации Польша была обязана обеспечить соответствие ее законодательства праву ЕЭС. Это было признано важным предварительным условием экономической интеграции Польши с Сообществом. Особенно это касалось конкуренции, законодательства о компаниях, таможенного права, защиты прав торговой, промышленной и интеллектуальной собственности.

Сообщество обязывалось оказать Польше финансовую помощь в форме кредитов и субсидий, предназначенных на ускорение экономических преобразований и преодоление негативных последствий трансформации. Соглашение предусматривало три типа помощи: безвозмездную помощь в рамках программы PHARE, кредиты Европейского инвестиционного банка и финансовую помощь, оказываемую на основе соглашения с Международным валютным фондом. Соглашение об ассоциации было воспринято в польском обществе со смешанными чувствами. 29 января 1993 г. Совет министров РП принял Программу действий, адаптирующих польскую правовую систему к требованиям Европейского договора.

Доля ЕС во внешней торговле Польши стала быстро расти. В 1989 г. эта доля в польском экспорте составляла 32%, в импорте 33,8%. В 1990 г. — соответственно 47,6 и 45,6%. В 1993 г. товарооборот с ЕС составил около 60% всей польской внешней торговли, в том числе с Германией — более 30%. Резко снизились обороты с бывшими странами СЭВ примерно 12% и бывшего СССР примерно 8% (с Россией до 4–5%). В 1993 г. доля ФРГ в польском экспорте достигла более 36%, а в импорте — 28%.

Отношения России с Польшей с начала 1990-х гг. стали складываться уже не на союзнической, а на добрососедской основе. Президент РФ Б.Н. Ельцин и президент РП Л. Валенса искренне пытались открыть принципиально новую главу во взаимных отношениях. В 1992–1993 гг. была создана новая правовая база этих отношений, удалось достичь большого прогресса в решении проблем прошлого, заключить соглашение о строительстве польского участка газопровода Ямал–Европа. До 17 сентября 1993 г. российские войска покинули территорию РП. Польской стороне были переданы документы, касающиеся так называемой Катынской трагедии. В 1993 г. во время официального визита президента Б.Н. Ельцина в Польшу президент РФ принес извинения за это преступление сталинского режима, сказав перед катынским крестом в Варшаве: «Простите». Хотя в этот период и для России, и для Польши взаимные отношения не были главным приоритетом, они все-таки являлись значимой ценностью.

В результате дезинтеграции СЭВ и быстрых экономических реформ Бальцеровича произошел системный отрыв польской экономики от экономики советской и российской. Сохранилась лишь зависимость Польши от поставок российской нефти и газа. В начале 1990-х гг. наблюдалось сокращение российско-польской торговли, связанное с переходом на товарообмен в СКВ и со сменой социально-экономических систем в Польше и России. В 1993 г. товарооборот между странами сократился до рекордно низкого уровня — 1,9 млрд долл. США. Но с 1994 г. началось восстановление объемов российско-польской торговли.

* * *

Заключенное весной 1989 г. соглашение круглого стола обеспечило мирный и эволюционный переход Польши от реального социализма к демократии и рынку. 1989–1993 гг. стали периодом широкой политической и экономической свободы. Были сделаны важные шаги в на-

правлении демократизации политической системы. На первоначальном этапе экономических реформ (1990–1993) основные цели «плана Бальцеровича» были реализованы и тем созданы предпосылки для социально-экономического развития на новых основах. Однако за это пришлось заплатить высокую социальную цену, прежде всего существенное снижение жизненного уровня населения. Стало формироваться поляризованное общество.

2.3. Распад Чехословацкой федерации

Начало системной политической и экономической трансформации в Чехословакии положила «бархатная революция», осуществленная в ноябре 1989 г. при широкой поддержке всех слоев общества. Движущей силой демократической революции стало спонтанно возникшее политическое движение — Гражданский форум (ГФ), объединившее большинство противников коммунистического режима. В программном заявлении движения на выборах в 1990 г. были провозглашены базисные ценности «бархатной революции»: «Мы считаем создание демократической политической системы необходимым условием того, что результаты ноябрьской революции будут узаконены и не будут зависеть от доброй воли отдельных политических лидеров. Мы хотим реализовать идеи правового государства, где власть подчинена закону, а ее составляющей является плюралистическая парламентская демократия»[1].

В программе Гражданского форума в 1990 г. был заявлен стратегический курс развития страны — «возвращение Чехословакии в Европу». Первым, и как оказалось, последним председателем ГФ в октябре 1990 г. был избран В. Клаус — нынешний президент Чешской Республики, который был сторонником преобразования ГФ в стандартную политическую партию с индивидуальным членством. Этой позиции противостояла точка зрения других основателей ГФ, предпочитавших сохранить массовость движения, объединяющего разнородные политические партии и общественные объединения, которых связывает «стремление к поиску позитивного выхода из сегодняшней кризисной ситуации в нашем обществе». Именно это и было сформулировано в Программных принципах Гражданского форума, принятых в конце ноября 1989 г. на волне всеобщего революционного воодушевления. Дальнейшее развитие показало политическую прозорливость В. Клауса,

[1] Příjmout odpovědnost za vlastní budoucnost // Zemědělské noviny. 1990. 12 března.

которую он потом еще не раз демонстрировал в ходе трансформационных преобразований.

Реформаторы, пришедшие к власти, выдвинули программу радикальных политических и экономических реформ, направленных на слом командно-административной политической системы, построение правового демократического гражданского общества, разделение властей, соблюдение прав человека и защиту прав национальных меньшинств и ускоренный переход от планово-директивной к рыночной экономике.

Построение основ демократического гражданского общества

Практика становления демократии в западноевропейских странах показывает, что только развитие гражданского общества создает основные предпосылки демократии. В Чехословакии уже на начальном этапе трансформации были созданы классические политические механизмы демократического гражданского общества, и прежде всего многопартийная политическая система. В январе 1990 г. был принят первый, а в октябре 1991 г. второй Закон о политических партиях, заложивший правовые основы для преодоления монополии на власть одной партии и перехода к многопартийной политической системе.

В социалистической Чехословакии функционировала практически однопартийная система: численность Коммунистической партии Чехословакии составляла 1,7 млн человек — коммунистом был каждый седьмой гражданин страны старше 18 лет[1]. Коммунистическая партия Чехословакии была третьей по массовости коммунистической партией в мире после коммунистических партий Советского Союза и Германской Демократической Республики. Другие политические партии и общественные организации, представленные на политической сцене социалистической Чехословакии признавали руководящую роль Коммунистической партии, играли подчиненную роль и практически не имели существенного влияния на развитие общества.

Ведущая роль Коммунистической партии Чехословакии закреплялась Конституцией Чехословацкой Социалистической Федеративной Республики: «Руководящей силой в обществе и в государстве является передовой строй рабочего класса и Коммунистическая партия Чехословакии, добровольный боевой союз наиболее активных и сознательных граждан из рядов рабочих, крестьян и интеллигенции» (ст. 4).

---

[1] См.: XVII съезд Коммунистической партии Чехословакии. М.: Политиздат, 1987. С. 64.

Коммунистическая партия рассматривалась как высшая форма общественно-политической организации, объединяющая и направляющая деятельность всех государственных и общественных организаций трудящихся к единой цели — построению социализма и коммунизма.

Политические партии и массовые общественные организации объединял Национальный фронт ЧСФР, который имел четко выраженное организационное оформление как своеобразное общественно-политическое объединение трудящихся, действующее на основе принципов социалистического демократизма. В Национальном фронте ЧСФР под руководством КПЧ действовало 19 общественных организаций и четыре политические партии.

В состав Национального фронта Чехословакии входили: Национальный фронт Чешской Социалистической Республики и Национальный фронт Словацкой Социалистической Республики, что было обусловлено федеративным устройством государства. В состав Национального фронта каждой из республик входили партии и общественные организации, действующие в общегосударственном масштабе, а также партии и организации республиканского характера. Так, Национальный фронт Чехии объединял 30 общественных организаций и политических партий[1].

Политические партии и общественные организации, входившие в Национальный фронт ЧСФР, признавали руководящую роль Коммунистической партии, они играли подчиненную роль и не оказывали существенного влияния на политическую жизнь страны.

Условием формирования плюралистической партийной системы в демократической Чехословакии стала законодательно проведенная деполитизация органов государственного управления. Принятый новыми властями закон о люстрации запретил бывшим коммунистическим функционерам и коммунистической номенклатуре занимать руководящие посты в органах государственной власти и управления. Эти ограничения не распространяются на рядовых коммунистов.

В рамках очищения общества нелегально были опубликованы так называемые агентурные списки госбезопасности, потрясшие чешское общество и приведшие ко многим драматическим и абсурдным коллизиям из-за неразберихи в архивных документах, часть из которых уже была уничтожена.

«Бархатная революция» вызвала резкий подъем гражданской активности. В ходе системной политической трансформации в Чехословакии возникло много новых политических партий и обществен-

---

[1] См.: Celostátní konference Národní fronty ČSSR. Pr., 1971. S. 33.

ных объединений. Политические партии и общественные организации, действовавшие в социалистической Чехословакии, во многом изменили свои установки, чтобы вписаться в новый политический ландшафт. Накануне парламентских выборов в 1992 г. в ЧСФР было зарегистрировано свыше 140 политических партий и общественных объединений различной ориентации. Это был пик количественного роста политических партий и общественных объединений на этапе построения нового гражданского общества[1].

Помимо зарегистрированных политических партий и общественных объединений появилось множество неполитических организаций и гражданских движений, действующих на заявительной основе — движение за гражданские права, экологические инициативы, церковные организации, творческие союзы, спортивные организации, объединения по интересам и т.п. По данным обследования общественного мнения в начале 1990-х гг., примерно треть населения страны участвовала в разного рода гражданских объединениях. Участие населения в других организованных формах политической жизни было заметно ниже[2].

Наиболее высокой поддержкой населения в Чехословакии традиционно пользовались церковные организации. Хотя именно за годы трансформации, как показывает перепись 2001 г., проведенная в Чехии, численность верующих, сократилась на треть до 31,7% общей численности населения страны[3]. Этот неожиданный результат фактически означает, что численность верующих в стране за время построения свободного демократического общества по сравнению с социалистическим периодом сократилась более чем на 1 млн человек.

Стабильно высокий кредит доверия населения имели организации, занимающиеся защитой прав человека. На первом этапе преобразований значительной поддержкой населения пользовались гражданские экологические инициативы. Позже население стало утрачивать уверенность в эффективности неправительственных экологических инициатив.

В ходе трансформации катастрофически снизилось участие населения в самой массовой при социализме общественной организации — профсоюзах, при социализме объединявших 6,5 млн человек, т.е. практически всех лиц, занятых в народном хозяйстве. Если в 1990 г.

---

[1] См.: Adresář, politických stran, hnutí a sdružení občanů v ČSFR. Pr., 1992; Politické strany a huntí v ČSFR. Pr., 1992.

[2] См.: *Mišovič J.* K roli nepolitických organizací a huntí po 1989 u nás // Pohledy 2000. No 6. S. 1–5.

[3] См.: *Brdbcovú P.* Sčítání lidu, domů a bytů // Rčenka hospodářských novin, 2002. Pr.: Economie, 2002. S. 39.

в профсоюзах состояло 62% лиц старше 15 лет, то в 1994 г. — уже 38, в 1997 г. — 21, а в 2000 г. — 14%. Несколько выше была организованность в профсоюзном движении среди служащих: в 1990 г. — 84%, в 1994 г. — 50, в 1997 г. — 40, в 2000 г. — 24%[1].

Причины сокращения членской базы профсоюзов связаны как с «революционной ликвидацией» первичных профсоюзных организаций на предприятиях и в организациях, так и с нежеланием «уставших от социалистической заорганизованности» работников участвовать в профсоюзном движении. По общему мнению, профсоюзы не оказывают значительного влияния на решения законодательной и исполнительной власти, на формирование социально-экономической политики страны.

Между тем в демократическом обществе коллективному социальному диалогу нет разумной инициативы. Ограничение влияния профсоюзов на развитие гражданского общества, законодательно или фактически, приводит, с одной стороны, к усилению неограниченной власти работодателей в отношении наемной рабочей силы, и, с другой стороны, может открыть шлюзы для демагогических популистских сил, существующих в каждом обществе. Такие тенденции весьма опасны для демократического развития гражданского общества[2].

Результаты первых парламентских выборов в новой Чехословакии свидетельствовали о широкой поддержке населением идеалов «бархатной революции» и стратегического курса на системные политические и экономические преобразования. Первые свободные парламентские выборы, состоявшиеся в 1990 г., фактически носили характер плебисцита против коммунизма. Главный лозунг Гражданского форума «Партии — для членов партии, Гражданский форум — для всех» нашел широкий отклик в чешском обществе, уставшем от монополии одной партии. Из 66 зарегистрированных политических партий и общественных объединений о своей принадлежности к Гражданскому форуму заявляло 14 политических партий и общественных объединений. Однако главную избирательную базу Гражданского форума составляли беспартийные граждане. На парламентских выборах 1990 г. Гражданский форум выставил 579 кандидатов, 488 из них — беспартийные, 91 кандидат был членом одной из 14 партий и общественных объединений, входивших в Гражданский форум[3]. Именно широкая избирательная база во многом обеспечила безусловную победу

---

[1] См.: Výzkumuí materiály JVVM z let 1990–2000; Mišovič J. K roli nepolitických organizací a hnutí // Pohledy. 2000. No 6. S. 2.

[2] См.: *Rychlý L.* Má sociální dialog místo v liberální společnosti? // Pohledy. 1995. No 1–2. S 37.

[3] См.: *Hanajzer G.* Občanský forum: vznik, vývoj a rozpad. Pr.,1996. S. 24, 68–69.

Гражданского форума на первых постреволюционных выборах 1990 г., на которых он получил 53% голосов избирателей в Чехии, «Движение против насилия» в Словакии получило 32% голосов избирателей[1].

В целом в парламентских выборах 1990 г. участвовало 23 партии и общественные объединения, парламентские мандаты получили четыре партии. Это Коммунистическая партия Чехии и Моравии — 13,2%, Движение за демократическое самоуправление — Объединение за Маравию и Силезию — 10,0%, Христианско-демократическая уния — Чехословацкая народная партия — 8,4%. Чешская социал-демократическая партия — одна из ведущих партий современного политического спектра получила на первых свободных парламентских выборах всего 4,1% голосов избирателей и не прошла в Парламент[2].

Аморфность Гражданского форума стала причиной его распада в 1991 г. Главным преемником Гражданского форума стала либерально-консервативная Гражданская демократическая партия (ГДП), которую возглавил В. Клаус. О широкой социальной базе Гражданской демократической партии свидетельствуют результаты последних перед разделением Чехословакии парламентских выборов 1992 г., которые она выиграла с большим отрывом, получив 29,7% голосов избирателей, Коммунистическая партия Чехии и Моравии, занявшая на этих выборах второе место, получила 14,1%, Чешская социал-демократическая партия, вышедшая по итогам выборов на третье место, — 6,5%, Христианско-демократическая уния — Чехословацкая народная партия — 6,3, Партия зеленых — 6,5, Объединение за республику — 6,0, Гражданский демократический альянс — 5,9, Движение за демократическое самоуправление — 5,9% голосов избирателей[4].

В целом в выборах 1992 г. участвовало 40 партий, партийных коалиций и общественных объединений, депутатские мандаты получили представители восьми партий и партийных коалиций. Главный водораздел между политическими партиями пролегал по идеологической линии: партии правой ориентации получили 41,9% голосов избирателей или 105 из 200 мандатов Чешского национального совета, а позднее в Палате депутатов ЧР. Первое правительство самостоятельной Чешской Республики образовали партии правой ориентации — Гражданская демократическая партия, Гражданский демократический альянс и Христианско-демократическая уния — Чехословацкая народная партия.

---

[1] См.: *Gabada L.* Systém politickych strana vnitrostranické rozhodovací procesy // Vodička K., Gabada L. Politický systém České republiky: historie a současnost. Pr.: Postal, 2003. S. 201.

[2] См.: *Havlík V., Kopeček L.* Krize vládnutí v České republice // Politologicky časopis. 2008. No 3. S. 187.

[3] См.: *Fiala P., Hloušek V.* Stranický systém České republiky // Středoevropské systémy politických stran. Brno: MPÚ, 2003. S 13–54; Český statistický úrad // http: // www.volby.cz.

Гражданская демократическая партия заняла ведущее место на чехословацкой политической сцене и обеспечила необходимое единство в вопросе стратегии трансформации, стала гарантом ее последовательной реализации на сложном начальном этапе системных трансформационных преобразований.

«Бархатный» развод

На волне «революционной эйфории» обострились старые, загнанные внутрь в социалистической Чехословакии противоречия в чешско-словацких отношениях, которые опьяненным чувством свободы реформаторам, к сожалению, не удалось преодолеть и в новом демократическом государстве, что, в конечном счете, привело к распаду единого чехословацкого государства.

Оживились искусственно подогреваемые споры между чехами и словаками — «кто за кого доплачивает»: с чешской стороны указывалось на огромное перераспределение в социалистической Чехословакии общегосударственных средств в пользу Словакии, со словацкой стороны — на значительное участие словаков в создании ВВП на территории чешских земель[1].

Словацкая политическая элита стала настаивать на дальнейшем усилении суверенитета Словацкой Республики и переходе на конфедеративное устройство. По мнению же ведущих чешских политиков, это нарушило бы функциональность общего федеративного государства. Кроме того, выявилось различие в подходах чешской и словацкой сторон к стратегии и тактике перехода к рыночной экономике.

Причины распада совместного чехословацкого государства, по мнению ученых, нужно искать в различной политической культуре чехов и словаков, и прежде всего в процессе политической эмансипа-

---

[1] Согласно данным известного чешского экономиста Р. Винтровой, уровень перераспределения Чехии в Словакию за период 1948–1989 гг. составил 5% чешского ВВП, что представляло для Словакии «добавку» в размере 14% словацкого ВВП. В целом объем перераспределения в пользу Словакии, который стал одним из главных источников ее быстрого экономического подъема, за годы социалистического строительства в рамках единого чехословацкого государства составил 4% общегосударственного ВВП. Нагрузка на чешскую экономику, связанная с перераспределением средств в пользу Словакии, сопоставима с уровнем перераспределения средств из «старых» германских земель в пользу «новых» восточноевропейских земель — 4% ВВП Германии, а для «новых» восточноевропейских земель вследствие разного уровня экономического развития «старых» и «новых» земель от $^1/_5$ до $^1/_4$ ВВП (для сравнения, перераспределение средств в рамках Европейского союза составляет для отдельных стран — новых членов ЕС в среднем около 2% ВВП). См.: *Vintrová R.* Česká a slovenská ekonomika 15 let po rozdělení // Politická ekonomie. 2008. No 4. S. 452.

ции словацкого народа, который должен был завершиться возникновением самостоятельного словацкого государства, хотя словацкие политические элиты в качестве одного из решений формально предлагали возможность образования чешско-словацкой конфедерации[1].

В основе распада единого чехословацкого государства, ученые называют историческое прошлое, различия в политической культуре, адаптационный кризис при переходе к демократии и рыночной экономике, отсутствие функциональной конституции, интересы новой словацкой элиты[2].

Главным движителем чехословацкого разделения в первую очередь были политические интересы словацкой властной элиты, которая видела Словакию субъектом международного права.

Население обеих республик, мнение которого никто не спрашивал, относилось к идее раздела единого чехословацкого государства отрицательно. В опросах общественного мнения, проведенных в конце 1992 г., 56% словацких граждан выразило опасения в связи с разделением единого государства, 40 — страх и только 33% — испытывали чувство свободы[3]. Негативное отношение к распаду общего государства было свойственно и чехам: 56% выражало опасения, 45 — печаль, 43 — сожаление и 42% — надежду[4].

Согласно данным опроса словацких граждан, проведенного в марте 1993 г., уже после состоявшегося акта раздела Чехословакии, в случае проведения общенационального референдума о разделении ЧСФР, они бы голосовали так: 48% — «против», 31 — «за», 10 — не имело определенной позиции, 10% — не участвовали бы в референдуме[5]. Самыми горячими противниками раздела страны были словацкие граждане венгерской национальности, которые считали, что их права как меньшинства в рамках общего государства Чехословакии будут лучше защищены, чем в рамках самостоятельной Словакии. Последующее развитие в 1990-е гг. подтвердило их опасения.

Раздел Чехословакии был произведен без проведения общенационального референдума вопреки воле большинства чешских и словацких граждан. 1992 г. стал последним годом существования единого независимого чехословацкого государства. 25 ноября 1992 г. вступил

---

[1] См.: *Vodička K.* Antitotalituí podstata demokracie v České republice // Vodička K., Gabada L. Politický systém České republiký : historie a současnost . Pr.: Portal, 2003. S. 327.

[2] См.: *Vodička K.* Příčiny rozdělení Československa: analýza po 10 letech // Politologický časopis, 2003. No 1. S. 57–61.

[3] См.: Sociologické aktuality. 1992. No 10. S. 6.

[4] См.: Lidové noviny. 1993, 25 března.

[5] См.: *Bútorov M., Bútorová Z.* Neznesitel´ná l´ahkost rozchodu // Kipke R., Vodička K. Rozlučení s Československém. Pr.: Český spisovatel, 1993. S. 119–150.

в силу Конституционный закон о прекращении существования Чешской и Словацкой Федеративной Республики. Государствами — преемницами ЧСФР с 1 января 1993 г. стали Чешская Республика и Словацкая Республика[1].

После заключения политического соглашения правительства ЧР и СР приступили к согласованию условий мирного разъединения единого чехословацкого государства, просуществовавшего более 70 лет (за вычетом периода Второй мировой войны, когда на территории Словакии было образовано так называемое самостоятельное словацкое государство).

Сложность решения задачи экономического раздела ЧСФР была обусловлена высоким уровнем интеграции чешской и словацкой экономик: по разным оценкам, накануне распада чехословацкой федерации ЧР поставляла в СР 12–15% совокупного объема своей продукции, а СР в ЧР — 26–32% соответственно[2].

Ориентированная на восточные рынки чешская экономика понесла самые значительные потери от дезинтеграции внешнего рынка. Послевоенная Чехословакия служила «металлургическим и машиностроительным» заводом для всего Восточного блока. Очевидно, что после распада восточных рынков перестройка чешской производственной базы была значительно более сложной задачей, чем, например, в Польше с большим внутренним рынком или в Венгрии с направленностью экономики на легкую промышленность и услуги[3].

Советский Союз играл ведущую роль во внешнеэкономических связях Чехословакии, его удельный вес в чехословацком внешнеторговом обороте составлял, например, в 1983 г. 44%. Значение СССР определялось не только тем, что он обеспечивал существенную часть импортных потребностей Чехословакии в энергоносителях и сырье, но и представлял емкий и стабильный рынок для изделий чехословацкой обрабатывающей промышленности. Социалистическая Чехословакия производила около 70–80% номенклатуры мировой машиностроительной продукции, что затрудняло поддержание высокого технического уровня и качества производимых изделий, хотя и обеспечивало при этом возможную быструю переориентацию экспортных программ в зависимости от внешнеэкономической конъюнктуры.

---

[1] См.: Ústavní zákon, č 542/1992 Sb. O zániku České a Slovenské Federativní republiky příjatý Federálním shromáždéním ČSFR ze dne 25. Listopadu 1992.

[2] См.: *Mervart J.* Rozdělení majetku ČSFR // Politická ekonomie. 1995. No 2. S. 159; Vintrová R. Makroekonomická analýzČa ČR a SR po rozdělení // Finince a úvěr. 1995. No 2. S. 52.

[3] См.: *Vintrová R.* Reálná a nominální konvergence v zemích středoevropské pétky // Politická ekonomie. 2007. No 2. S. 2009.

Отличительной чертой чехословацкой модели разъединения стала ее договорная обеспеченность на солидной законодательной базе, предусмотривавшей быстрое и квалифицированное решение проблем раздела и их последствий. Был разработан широкий комплекс мер, направленных против стихийного и неконституционного распада федерации, позволивших в короткие сроки цивилизованно решить вопросы разъединения единого государства. Законодательное обеспечение и практическое решение политических, экономических и денежно-финансовых процессов раздела чехословацкого государства представляет собой положительный и весьма поучительный пример решения подобных проблем.

Наиболее сложным был вопрос о механизме раздела федерального имущества между государствами-преемницами — ЧР и СР. Конституционный закон о прекращении существования ЧСФР определил форму и сроки распада федерации, а также механизм перевода правомочий федерации на две самостоятельные республики — Чешскую Республику и Словацкую Республику. В дополнение к этому закону Федеральным собранием ЧСФР 13 ноября 1992 г. был принят Конституционный закон о разделе имущества ЧСФР между ЧР и СР[1], определивший законодательные рамки и механизм раздела имущества ЧСФР между ЧР и СР. Согласно этому закону в имущество Чешской и Словацкой Федеративной Республики, которое являлось предметом раздела, вошло: недвижимое и движимое имущество в собственности Чешской и Словацкой Федеративной Республики; государственные активы и пассивы; валютные активы, пассивы и резервы; другие имущественные права и обязательства ЧСФР в отношении государственных организаций, находящихся в федеральном подчинении; прочее имущество, находящееся на территории ЧСФР и вне этой территории.

Наряду с определением объектов совместного имущества было необходимо определить механизм его раздела. Предлагалось множество способов раздела совместного имущества, ставивших во главу угла: 1) критерий вклада отдельных республик в совместное имущество; 2) критерий ценности имущества в зависимости от его рыночной стоимости, функциональности и т.п. Словацкая сторона категорически выступала против включения в механизм раздела исторического принципа, на котором настаивала чешская сторона. В процессе согласования чешская сторона была вынуждена отказаться от своей первоначальной позиции. Стало очевидно, что раздел имущества на многофакторной основе мог бы обострить и затянуть решение проблемы.

---

[1] См.: Ústavní zákon o dělení májetku ČSFR mezi ČR a SR ze dne 13.11.1992 // Sbírka zákonů. Č. 541/1992.

После долгих дискуссий относительно критериев раздела совместного имущества, в конечном итоге был выбран максимально простой механизм: Конституционным законом о разделе имущества ЧСФР между ЧР и СР от 13 ноября 1992 г. закреплялись два принципа раздела — территориальный и по численности населения. На момент распада ЧСФР численность населения ЧР, занимавшей территорию в 78 863 км^2, составляла 10 318 млн человек, а Словацкой Республики, занимавшей территорию в 49 018 км^2 — 5307 млн человек[1]. Согласно территориальному принципу имущество переходило к тому государству, на территории которого оно находилось. В соответствии с принципом численности населения ЧР и СР имущество переходило к Чешской Республике и Словацкой Республике в соотношении 2 : 1. Этот принцип был использован для раздела имущества, в отношении которого нельзя было использовать территориальный принцип.

Исторический принцип был частично применен в отношении культурного наследия. В соответствии с ним обе республики должны были обменяться некоторыми культурными ценностями. Заботу о недвижимых исторических и культурных памятниках, которые принадлежат одной республике, а находятся на территории другой, осуществляет государство, на территории которого они расположены. Этот принцип был распространен лишь на 1% общей стоимости совместного имущества.

В мае 2000 г. были закрыты последние спорные нерешенные проблемы в вопросе раздела федерального имущества между ЧР и СР, и прежде всего в разделе активов и пассивов Государственного банка Чехословакии.

В целом результаты раздела ЧСФР следует оценить положительно. Федеральное имущество было разделено быстро и в основном к удовлетворению обеих сторон. Вследствие продуманности и четкости проведения этой операции не произошло серьезного нарушения хода экономических процессов трансформации, проходивших в обеих республиках. Создание единого таможенного пространства смягчило воздействие негативных последствий для развития взаимной торговли и в целом для экономики обеих стран.

Высокой оценки заслуживает акт раздела валют, создавшего основы для самостоятельного развития чешского и словацкого банковских секторов, что позволило проводить политику стабильного валютного курса и дальнейшего продвижения по пути к конвертируемости на-

[1] См.: Statistical bulletin. 1995. No 1.

циональных валют. Хотя, безусловно, этот шаг имел негативные последствия, поскольку сузил внутренний рынок в обеих республиках[1].

Оставляя за скобками политические мотивы распада единого чехословацкого государства, явившегося, по сути, решением политической элиты Чехии и Словакии, не подкрепленным проведением всенародного референдума, следует признать, что реализация этого решения может служить положительным примером культурного «бархатного» развода на тщательно проработанной согласованной законодательной базе. Двусторонние соглашения, регулировавшие экономические и денежно-финансовые вопросы раздела, в основном выдерживались как чешской, так и словацкой стороной.

Сегодня политики и политологи приходят к выводу, что разделение Чехословакии скорее улучшило отношения между чехами и словаками. Однако следует согласиться с точкой зрения, что распад Чехословакии, несомненно, стал значительной потерей для обоих народов и, без сомнения, должен быть отнесен к издержкам трансформации[2].

---

[1] См.: *Prokop L.* Příprava a průběh měnové odluky v České republice v roce 1993. ČNB, 1994 // http: // www.cnb.cz.

[2] См.: *Stein E.* Česko-Slovendko. Konflikt, roztržka, rozpad. Pr.: Academia, 2000. S. 229; Rychlíík J. Rozpad Československa. Česko-slovensk vztahy 1989-1992. Bratislava. Academic Eleu Press. 2000. S. 335.

Раздел II. СТРАНЫ ВИШЕГРАДСКОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ К ВСТУПЛЕНИЮ В НАТО И ЕС

Глава 3. Формирование новых связей

3.1. Международная обстановка и формирование новых взаимоотношений в Европе

Сближение с ЕС

Создание Вишеградской группы по времени совпало с созданием Европейского союза. И хотя по своей значимости это, безусловно, события разного порядка, тем не менее это обстоятельство «новизны» наложило отпечаток и на характер взаимодействия между двумя структурами, и на отношения между двумя частями Европы.

Одним из главных на учредительном Маастрихтском саммите ЕС, стал вопрос о восточной политике союза. Лидерам стран ЕС предстояло решить: следовать ли обещаниям, данным государствам Восточной Европы в конце 1980-х гг. в качестве стимула их выхода из Восточного блока, или принять в отношении их какую-то принципиально новую политику. И здесь снова обнаружилась актуальность плана Жака Делора. Его концепция федерации государств-наций стала удачной реакцией и ответом евроскептикам и во Франции, и в ЕС в целом. С одной стороны, план предусматривал сохранение государств-наций с другой стороны, речь шла о федерации, способной придать Европейскому сообществу необходимую политическую монолитность и предоставить ему возможность выступать как единое целое. Причем имелось в виду создание федерации различающейся геометрии или разных скоростей, что было рассчитано на длительную перспективу.

Принятие основного решения в отношении восточной политики предполагало еще много дальнейших шагов. В предстоявший период

необходимо было определиться с темпами и механизмом экстенсивного развития Сообщества. К 1991 г. ЕЭС уже справился с северной и южной волнами своего расширения, присоединяя государства с различным уровнем экономического развития и разными культурами. Каждый этап такого расширения требовал серьезной подготовки и взаимного приспособления стран-членов. Но никогда еще политика расширения ЕС не сталкивалась с трудностями такого порядка, которые ей предстояло преодолеть в ходе расширения на Восток.

Какие ожидания связывали страны Евросоюза с решением о расширении? Во-первых, надежду на то, что включение новых членов укрепит безопасность, стабильность и процветание Европы. К тому же этим жестом западные европейцы, в соответствии с их идеологией, полагали, что «искупят свою вину перед восточными европейцами, которые все годы железного занавеса страдали за свободу Запада». Таким образом, при принятии решения учитывались и, так сказать, моральные обязательства. Эти обязательства напрямую касались Германии, которая считала себя обязанной смелости венгров и чехов, в 1989 г. пропустивших через свои границы на Запад восточных немцев. Особенно популярным в 1990-е гг. стал озвученный Г.-Д. Геншером в мае 1992 г. тезис о неделимости европейской безопасности и о взаимозависимости положения в этой сфере в обеих частях Европы. Под этим подразумевалось, что нестабильность и упадок в Восточной Европе могут повлечь за собой экспорт нестабильности в западную часть континента в виде наплыва беженцев и, как следствие, — роста преступности, финансово-экономических махинаций и т.п. Кроме того, западные европейцы опасались, что неинтегрированная Европа в любой момент может вновь стать легкой добычей для России в случае укрепления там националистических сил, стремящихся к восстановлению утраченного могущества[1]. Поэтому, считали в ЕС, включать Восточную Европу в Сообщество в любом случае необходимо, правда, в каком качестве — это еще предстояло обдумать в деталях.

Во-вторых, западные европейцы рассчитывали, что интеграция стран Восточной Европы позволит им существенно увеличить внутренний потребительский рынок ЕС. Все это укрепило бы конкурентоспособность европейских компаний на мировых рынках, дало бы Западной Европе новые рабочие места, привело к удешевлению производства, росту прибылей. Поэтому предложения о создании фондов содействия рыночным трансформациям в странах Восточной Европы

[1] На тот момент существовало убеждение, что на любое нарушение стабильности в Восточной Европе Запад «вправе» и «должен» ответить военной интервенцией.

практически не встретили сопротивления среди правительств Евросоюза[1]. Стабильная и процветающая Восточная Европа, пишет Майкл Баун, рассматривалась «как необходимое топливо для экономического роста ЕС, и уже как следствие, для роста экономики Европы в целом. Увеличение внутреннего рынка и доли в мировой торговле, в свою очередь, увеличило бы вес Европы в международной коммерческой и экономической жизни, а значит и в международных организациях в целом»[2].

В-третьих, распространяя свою ответственность на зону Средиземноморья и на Восточную Европу, т.е. увеличивая зону своей ответственности в качестве региональной суперструктуры, ЕС повысил бы свой вес в мировых делах.

Наконец, перспектива включения новых членов могла бы значительно укрепить безопасность ядра ЕС и его внутреннего концентрического круга за счет стран, находящихся ближе к Москве. Западная Европа как бы создавала вокруг себя «санитарный пояс» безопасности, способный уберечь ее от непредсказуемого развития событий на просторах СНГ. Кроме того, став для ЕС территорией транзита в его отношениях с Россией, страны Восточной Европы получили бы новый импульс для подъема собственных экономик.

Все это укрепляло решимость европейцев продвигаться в восточном направлении, несмотря на сложности в достижении политического согласия. Тем не менее слабость политической составляющей в организационном плане не стала препятствием для проведенная странами — членами Сообщества скоординированной внешней политики. С особой очевидностью это проявилось в отношении к преобразовательным процессам в Восточной Европе и выработке де-факто единой «восточной стратегии»[3].

Индикатором способности Сообщества конструктивно и в сжатые сроки принимать решения стало включение в его состав бывшей ГДР. Перспективы расширения внутреннего рынка, отказа от ялтинской

---

[1] Выступая осенью 2003 г. с лекцией в японском университете Васеда, комиссар ЕС по вопросам восточного расширения Гюнтер Ферхойген заявил, что «десять вступающих стран создают многообещающий инвестиционный климат на новых рынках» (Verheugen Günter. Japan Will Benefit from the Enlarged Union // Speech delivered at the Symposium on Enlargement. Waseda Universuty, Tokio. September 25, 2003. Speech/03/431/. http://jpn.cec.eu.int/english/press-info/4-1-1-157.htm September 26, 2003).

[2] *Baun Michael J.* A Wider Europe. The Process and Politics of European Union Enlargement. Lanham–Boulder–New York–Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2000.

[3] Чего нельзя было сказать по поводу атлантической линии ЕС: ее нет и до сих пор. Согласование позиций и мнений, в частности, по поддержке США в урегулировании Персидского кризиса потребовало гораздо больше усилий стран-участниц.

системы взяли верх над опасениями большинства стран-членов, связанных с возрождением великой Германии. Основные расходы, связанные с интеграцией в Сообщество Восточной Германии, взяла на себя ФРГ, остальные члены ЕС выделили для этих целей часть средств из Фонда помощи странам Восточной Европы. Единая политика в отношении вставших на путь перестройки стран Восточной Европы поначалу, как ни странно, проявилась исключительно в замедлении темпов взаимодействия с этими странами[1]. О том, что западноевропейские страны всерьез опасались соперничества со стороны наиболее развитых восточноевропейских стран и, тем более, «опасности успешных реформ в бывшем Восточном блоке», пишет в своих мемуарах Вилли Брандт[2].

Экономические отношения между ЕС и странами Центральной и Восточной Европы в начале 1990-х гг. попали в жесткую зависимость от политических обстоятельств. Для практического осуществления «восточной политики», постепенно приобретавшей черты ассимиляции бывших социалистических государств, Евросоюзом была создана программа PHARE, а для бывших советских республик — TACIS[3]. И все же в ЕС понимали, что только программами PHARE и TACIS ограничиться будет нельзя. В июне 1993 г. на встрече глав государств и правительств в Копенгагене были утверждены критерии для кандидатов в члены ЕС. Среди них: стабильность политической системы, создание эффективной рыночной экономики и основ правового государства. Таким образом, перед странами Восточной Европы были

---

[1] Так, в заключительном документе сессии Совета Европы, состоявшейся в июне 1991 г., всего лишь констатируется решимость укреплять отношения с государствами Восточной и Центральной Европы. Одновременно высказывается предположение, что глобальные договора о сотрудничестве с Венгрией, Польшей и Чехословакией могли бы быть подписаны в конце октября 1991 г. (Заключительный документ сессии Европейского Совета в Люксембурге. 29.06.1991). А уже летом 1992 г. возникли серьезные противоречия между ЕС и тремя кандидатами — Польшей, Чехословакией и Венгрией. На практике Евросоюз оказался не готов открыть свой рынок для сельскохозяйственной продукции из этих стран. В ход пошли прямые запреты и претензии по поводу качества, несоответствия стандартам, карантин и т.п. В итоге, Евросоюзу, в целях сохранения своего лица, пришлось пойти на компромисс: под видом гуманитарной помощи СССР оплатить трем восточноевропейским странам и государствам Прибалтики поставки продовольствия на рынок СССР на общую сумму около 900 млн экю. Такое решение было принято в том числе и под давлением Польши, которая в сентябре пригрозила прервать все переговоры с Евросоюзом.

[2] *Брандт В.* Воспоминания. С. 480.

[3] За период 1990–1993 гг. в рамках программы PHARE планировалось выделить бывшим социалистическим странам 398 млн экю. Однако, вследствие замедленных темпов выполнения требований «модернизации» восточноевропейских экономик и обществ, было выплачено 46% этой суммы (*Kadar Bela.* Az Europai Unio keleti kibovulesenek kerdojelei es feltetelei // Kulpolitika. 1995. No 2. O. 15).

фактически поставлены задачи адаптации к условиям Запада. То есть «восточная политика» ЕС переходила на новый этап: этап расширения на Восток, непосредственно связанный с задачей адаптации и постепенного поглощения будущих членов.

Аналитики не склонны выделять факт присоединения ГДР, происшедший в 1991 г., в качестве отдельного этапа расширения ЕС на Восток. Это событие подают преимущественно как объединение двух германских государств в рамках ЕС. Между тем тот факт, что вошедшие в состав Германии пять новых земель были государством (ГДР) социалистической системы, заслуживает выделения этого события как минимум в качестве начального этапа «восточного расширения» ЕС (почти как его «пилотного проекта»). Этот факт весьма показателен и с точки зрения результата — превращения некогда одной из самых развитых индустриальных социалистических стран в дотационный стагнирующий регион еврозоны[1]. Возможно именно негативные последствия «восточного расширения» заставляют еврооптимистов обходить стороной опыт ГДР — бывшей социалистической страны, на сегодняшний день наиболее глубоко интегрированной в ЕС. Тем более, что некоторые аналитики утверждали, что моделью для «восточной политики» Сообщества стала разработанная в 1970-е гг. «восточная политика» Западной Германии[2].

Процесс расширения и «восточная политика» ЕС не всегда были идентичными понятиями. Несмотря на то, что Евросоюз включил адаптационные требования в свою «восточную политику» сразу после смены политических курсов в этих странах, на выработку решения о принятии в ЕС новых полноценных членов с Востока понадобилось еще целое десятилетие. Совмещение этих понятий произошло только после саммита в Ницце.

Первоначально, скоординированная «восточная политика» ЕС проводилась по схеме традиционной дифференциации 1970–1980-х гг. Ее приоритетами были три наиболее развитые в экономическом отношении и реформистски настроенные в политическом плане страны Вишеградской Европы — Венгрия, Польша и Чехословакия. Повышенным вниманием ЕС пользовалась и наиболее развитая республика бывшей СФРЮ — Словения. Девяностые годы характеризова-

---

[1] Практическим результатом трансферта, превышающим триллион немецких марок, осуществленным ФРГ за 10 лет абсорбции, в целях повышения жизненных стандартов и реструктуризации экономики в Восточной Германии, стала полная утрата этими землями конкурентоспособности и практически полная их деиндустриализация.

[2] См.: *Cameron Fraser.* The European Community and Eastern Europe / Clesse Armand, Tökés Rudolf (Ed.). Preventing a new East-West Divide: The Economic and Social Imperatives of the Future Europe. Baden-Baden: Nomos, 1992. P. 326.

лись с одной стороны усилением финансовой поддержки стран региона в рамках программ PHARE и TACIS, повышением требовательности к странам-реципиентам, а с другой — неопределенностью в части определения границ «первого круга» расширения на Восток.

В этом свете, решения, принятые на Копенгагенском 1993 г. саммите Евросоюза, ставшим вторым после Маастрихта по значимости эпохальным событием в истории расширения на Восток, могут рассматриваться как важный поворот в «восточной политике» ЕС. Во-первых, на саммите впервые было произнесено, что восточноевропейские страны *могут стать членами Евросоюза*. То есть с этого момента перед странами-кандидатами была поставлена совершенно конкретная конечная цель. Во-вторых, на саммите была предпринята попытка очертить географические пределы возможного расширения ЕС[1]. После саммита в Копенгагене ЕС, с одной стороны, стал ближе к странам Восточной Европы, с другой — на время заморозил процесс «восточного расширения», поставив перед кандидатами трудновыполнимые задачи. Так он выиграл время для укрепления своего внутреннего единства. В качестве первоочередных целей ЕС избрал создание единого рынка, введение общей денежной единицы, выработку общей внешней политики и политики безопасности, а также принятие конституции. Все вопросы были сложны по-своему, а вступление новых членов из Восточной Европы, еще практически не успевших воспользоваться плодами своей независимости, обещало значительно осложнить любую из задач Евросоюза.

Эссенский саммит, прошедший в декабре 1994 г. принял стратегию доступа в Евросоюз для стран Вишеградской Европы, Словении и Прибалтики. То есть стал этапным с точки зрения перехода от заявлений о намерениях к конкретным действиям. Эта стратегия включала два основных направления: форсированные структурированные отношения и путеводный план под названием «Белая книга». «Белая книга», как и планировалось, была подготовлена к маю 1995 г. Превышающий 400 страниц документ, с одной стороны, конкретизировал цели процесса присоединения, а с другой, ставил конкретные задачи, необходимые для адаптации вновь вступающих стран к рынку ЕС.

Однако все это время ключевым оставался вопрос о способе расширения ЕС. Конкретно речь шла о том, начинать ли работу сразу со

---

[1] Из списка кандидатов была исключена Россия и другие страны СНГ с перспективой формирования отдельной схемы взаимодействия с ними. Но вместе с тем неопределенность оставалась по вопросу Прибалтики. Саммит завершился с оговоркой о том, что европейские договора могут быть заключены с тремя республиками Прибалтики, как только позволят условия.

всеми кандидатами и отсеивать менее перспективных по ходу процесса, — *принцип регаты*, — либо сразу разделить страны на группы и принимать их, таким образом, *волнами*. Единства по этому вопросу не было изначально. Сомнений не было только в том, что первыми должны стать страны Вишеградской группы. Казалось бы, такой вариант очень устраивал, в частности, Германию, возвращавшуюся на свои традиционные рынки и обеспечивавшую безопасность своих восточных границ. Но Германия, сама еще находившаяся в состоянии поглощения ГДР, призывала остальные страны ЕС не спешить. По некоторым оценкам, субсидирование затрат по адаптации стран Вишеградской группы во много раз превысило 75 млрд экю, Восточной Германии — триллион немецких марок. Поэтому становится понятным формальное замораживание субсидирования процессов восточноевропейской трансформации Дублинским саммитом в 1996 г. на отметке 1,27% ВВП вплоть до 1999 г.[1] Однако за принятие общего решения, с одной стороны, решительно высказывалась Франция, всегда заботившаяся о средиземноморском фланге и поддерживавшая одновременный прием Словении, Мальты и Кипра. С другой стороны, недовольство проявляли Финляндия, Дания и Швеция, стремившиеся подключить к ЕС три Прибалтийские республики бывшего СССР. Страны Средиземноморья и севера Европы вступали в те или иные коалиции, добиваясь расширения регионов своего собственного влияния, а фактически — пояса безопасности по типу пресловутого «санитарного кордона» вдоль всей границы между бывшим СССР и бывшим Западом. И все же на Люксембургской встрече в верхах в декабре 1997 г. было принято решение начать переговоры о вступлении в ЕС с шестью государствами: Эстонией, Польшей, Словенией, Чехией, Венгрией и Кипром.

Только спустя два года в Хельсинки было решено расширить круг претендентов за счет Болгарии, Мальты, Латвии, Литвы, Словакии и Румынии. Потенциальным кандидатом на право стать 28-м членом ЕС была названа Турция.

Восточный этап расширения, подготовка к которому заняла почти 15 лет, является для ЕС наиболее сложным и масштабным, а его последствия — трудно предсказуемыми. Принимая решение о расширении, ЕС ожидал, прежде всего, что:

— расширение рынка ЕС на 100 млн потребителей будет способствовать экономическому росту хотя бы 15-ти стран — членов Еврозоны[2];

---

[1] Война в Косово 1999 г. продлила этот период и привела к ужесточению критериев и финансовой политики ЕС.

[2] То есть тех стран, которые являлись членами ЕС до последней волны расширения (ЕС-15).

— близость нового рынка и дешевизна рабочей силы повысят конкурентоспособность товаров из стран Западной Европы;
— распространение политического и экономического влияния на новые территории повлияет на рост авторитета ЕС в международных делах и структурах;
— за счет создания своего рода «санитарного кордона наоборот» увеличится безопасность стран внутреннего ядра ЕС.

Таковы были главные аргументы еврооптимистов — сторонников расширения ЕС на Восток. Преобладание политического и экономического прагматизма в обосновании необходимости расширения сопровождалось необходимой идеологической поддержкой. В частности, помимо тезиса о «моральном долге» Западной Европы перед Восточной, новый виток получили попытки обоснования «цивилизационного единства двух частей континента», их неразрывности и обреченности на общее будущее. Идея цивилизационного единства рассматривалась как основа сплочения Большой Европы, основной побудительный и причинный момент столь широкой интеграции.

Евроскептики приводили не менее весомые аргументы против столь масштабного и поспешного расширения ЕС:

— превращение Европейского союза в более гетерогенную структуру в экономическом, политическом и культурологическом отношениях, способно затруднить принятие общих решений в любой из сфер;
— увеличение разрыва между большими и малыми, богатыми и бедными странами внутри ЕС расширит поле для внутренних конфликтов;
— низкий уровень экономик вновь принятых стран[1] при большой численности населения[2] приведет к значительному падению общего уровня душевого ВВП в Евросоюзе[3];
— почти четверть населения (22%) присоединяемых стран занята в сельскохозяйственном производстве, в то время как в ЕС этот уровень составляет в среднем 5%, что может привести к увеличению выплат из структурных фондов ЕС;
— новые члены Евросоюза еще не освоились со стандартами ЕС в политической, правовой и административной сферах, а это на

[1] Вступающие страны Восточной Европы и Прибалтики производят лишь 40% ВВП на душу населения от среднего уровня ЕС.

[2] К 370 млн человек, проживающих в странах ЕС-15, прибавится еще более 100 млн.

[3] На 6% по сравнению со средиземноморским.

какое-то время отдалит построение консолидированных институтов управления в ЕС;

— пока страны Восточной Европы и Прибалтики приспосабливались к стандартам, выдвинутым на Копенгагенском саммите в 1993 г., ЕС ушел далеко вперед по пути внутренней консолидации. Необходимость догонять старожилов ЕС, будет постоянно мешать новым членам уделять больше внимания национальным задачам, что способно окончательно подорвать их и так довольно слабые экономики;

— несмотря на усилия, предпринятые в рамках Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы, а также в рамках программ стандартизации в области прав человека, вступление новых стран внесет в ЕС новые для него и практически неразрешимые конфликты (национальные, пограничные и т.п.);

— географическое смещение Евросоюза дальше на Восток, во-первых, усилит позиции Германии внутри союза, что уже само по себе несет конфликтный потенциал. Во-вторых, выдвижение ЕС к границам России существенно осложнит с ней отношения, поскольку теперь в ЕС появится значительная и при том лишенная элементарных гражданских прав русская диаспора стран Прибалтики. В результате пострадает европейская стабильность.

Межправительственную конференцию в Ницце (2000) можно считать рубежным событием в истории и самого Европейского союза, и его программы расширения на Восток[1]. Основанием к такому утверждению служит пакет документов, принятых по результатам встречи. Во-первых, был принят первый документ, обязательный для всех 25 членов расширяющегося ЕС[2] — Хартия основных прав Европейского союза. Конечно же, такой документ не мог быть руководством к дальнейшим действиям, но его принятие сделало очевидной необходимость появления еще ряда документов директивного плана для всего сообщества 25-ти. В Ницце с особой остротой встал вопрос создания единой конституции Европейского союза, за выработку которой вскоре принялось многочисленное сообщество международных юристов во главе с бывшим президентом Франции — Валери Жискар Д'Эстеном.

---

[1] Главным лозунгом Ниццы стало завершение расширения на восток к 2004 г., т.е. к 15-й годовщине начала этого процесса. Скрупулезно подсчитывая длительность «восточного расширения», Евросоюз ведет его отсчет именно с 1989 г. — времени, когда была открыта граница между Венгрией и Австрией.

[2] На тот момент предполагалось, что членов будет 27 (28), с учетом Болгарии, Румынии и Турции.

В Ницце впервые были названы конкретные даты приема новых членов и конкретные цифры (число принимаемых, распределение голосов в органах управления ЕС, размеры выплат и т.п.). Ницца предоставила странам, перечисленным ею в качестве потенциальных кандидатов на вступление, так называемое «окно возможности»[1], которым они могли воспользоваться до 1 января 2004 г. Было определено, что страны, которым удастся к этому сроку успешно завершить переговоры о вступлении, смогут стать членами Европейского союза уже в 2004 г.

Оставшись самым длительным саммитом в истории Евросоюза, Ницца оправдала эти затраты времени в отношении определения рамок будущей расширенной интеграции (которые, однако, еще предстояло наполнить конкретикой) и структуры будущих органов управления. Наиболее спорным после саммита в Ницце остался вопрос о распределении голосов между национальными государствами. Это был первый случай серьезных противоречий между странами ЕС и Польшей, которая требовала представительства, соответствующего численности населения страны, а не ее стажа в ЕС[2]. Несмотря на то что 38-миллионная Польша по итогам Ниццы получала почти равное число голосов с 82-миллионной Германией[3], польские эксперты признали разработанную в Ницце систему распределения голосов, равно как и ряд других предложений, недемократичными. Упорство же Польши в отстаивании достигнутых позиций, повлекло за собой ухудшение имиджа Польши среди стран ЕС[4]. По мнению бывшего министра иностранных дел Анджея Олеховского, Польша столкнулась с дилеммой, когда пришлось выбирать между содействием эффективности, стабильности и демократизации ЕС, которая требовала пересмотра формулы, принятой в Ницце, и рефлексом сохранения собственных преимуществ, подсказывавшим необходимость отстаивания достигнутого status quo[5]. В Ницце Евросоюз впервые осознал уровень сложно-

---

[1] Window of opportunity. Weidenfeld Werner. Zwischen Anspruch und Wirklichkeit // Nizza in der Analyse. Gütersloh Verlag Bertelsmann Stiftung. 2001. S. 42.

[2] По решениям, принятым в Ницце, количество голосов в органах управления ЕС между новой и старой Европой распределились в процентном отношении как 31,3% к 68,7% (Ibid. S. 77).

[3] Польше и Испании после упорной борьбы за голоса удалось получить самый высокий коэффициент — 3,4. В результате число их голосов (по 27) практически сравнялось с числом голосов оставшихся за четырьмя крупнейшими странами ЕС (Германией, Великобританией, Францией, Италией), получивших по 29 голосов в совете (*Giering Claus.* Die institutionellen Reformen von Nizza. S. 86).

[4] См.: Zurawski vel Grajewski Przemyslaw. The Nice Treaty Balance // Poland in Europe. 2004. No 1. P. 20.

[5] См.: *Olechowskij Andrzej.* Four Premises for the Polish Strategy in the European Union // The Polish Foreign Affairs Digest. 2003. Vol. 3. No 4(9). P. 33.

сти задач, которые ему отныне предстояло решать в рамках расширенного ЕС. Впервые столь открыто столкнулись интересы малых и больших государств, новых и старых членов. Напомнила о себе атмосфера недоверия[1]. Несмотря на, казалось бы, прописанный поэтапно процесс, после совещания в Ницце стало очевидным, что и в XXI в. страны Евросоюза вступают с серьезными различиями во взглядах на проблему расширения Евросоюза. Несмотря на заявленную в документе цифру — 27 (28) членов, саммит в Ницце оставил существенные расхождения, касающиеся масштабов расширения, очередности принятия новых членов и критериев отбора.

Уже после саммита, правительственные эксперты высказывали опасения, что при существовавшем на тот момент положении дел внутри ЕС, при отсутствии импульсов к расширению со стороны стран — основателей Евросоюза, лет через десять может не только утратить свою актуальность идея расширения, но и распасться само ядро ЕС[2]. Что касается конкретной проблемы включения в состав ЕС первой группы восточноевропейских стран, то лидеры сообщества вновь дали понять, что далеко не все посткоммунистические страны смогут рассчитывать на вхождение в ЕС. На членство могли рассчитывать только те страны, «состояние политических институтов и экономики которых могло бы позволить ЕС в рамках расширения интеграции поглотить эти страны»[3]. Такая постановка вопроса свидетельствовала о непреходящей актуальности лозунга распространения западных цивилизационных ценностей. Это означало, что только-только вышедшие из блоковой зависимости страны Восточной Европы ради вступления в сообщество должны были фактически решить проблему денационализации: продемонстрировать, готовы ли они пожертвовать национально-государственными интересами во имя общеевропейского интеграционного процесса, а также признать приоритет регионального начала над национально-государственным. И это притом, что некоторые из членов — основателей ЕС сами еще не решили для себя этот вопрос.

После Ниццы изменился сам характер отношений между «принимающими» и «вступающими». Впервые за всю историю взаимоотношений со структурами ЕС, страны Восточной Европы решились высказаться в критическом духе по вопросу о рамках допустимого

---

[1] См.: *Stemplowski Ryszard.* Integration in Integration // The Polish Foreign Affairs Digest. Polski institut spraw miedzynarodowych. 2002. No 4(5). P. 16.

[2] Конференция правительственных экспертов «Углубление расширенного Евросоюза — К межправительственной конференции 2004 г. и далее», организованная фондом Бертельсманна и фондом Дичли в Будапеште 10–13 июля 2001 г. См.: www.ditchley.co.uk/hfge 243/ tu.htm.

[3] Там же.

вмешательства Евросоюза в полномочия региональных структур[1]. Довольно резко в духе того, что странам-претендентам, прежде чем они будут приняты в ЕС, еще предстоит «сделать большую самостоятельную домашнюю работу над ошибками», высказался и Евросоюз[2]. Несмотря на большую работу по уравновешиванию интересов внутри расширенного ЕС и постановке вопроса о Конституции этой организации, среди стран-претендентов выявились большие сомнения относительно дивидендов от вступления в ЕС как структуру, не имеющую незыблемых принципов и законов. На решающем этапе адаптирования, которым можно назвать период после саммита в Ницце, среди участников переговоров появились противоречия в связи с отстаиванием странами права на сохранение национальной политической практики перед лицом стремления внедрить стандарты Евросоюза. В среде претендентов проявилась вполне закономерная озабоченность тем, что нормы и принципы взаимодействия, практиковавшегося до тех пор среди членов ЕС могут быть малоэффективны для организации в 27 участников, а механизмы принятия решений в рамках Евросоюза гораздо менее демократичны, нежели те, которые действуют в отдельных европейских странах[3].

Вообще, Ницца оставила весьма противоречивые впечатления. С одной стороны, были названы конкретные сроки принятия новых членов, с другой — как никогда ранее отчетливо проявилась тенденция к торможению процесса экономической интеграции, и даже некоторое падение интереса к самому процессу расширения ЕС. Но главное, на саммите в Ницце впервые за всю историю сближения, прозвучали конкретные претензии Вишеградских стран по поводу условий их приема и членства.

Возникшие в ходе саммита в Ницце и вскоре после него, разногласия вскрыли важное обстоятельство, которое активно пытались игнорировать в процессе подготовки «восточного расширения»: а именно — разный менталитет, разные представления о демократии, существовавшие в умах западных и восточных европейцев. Западные европейцы, сплотившись в свое время под лозунгом необходимости

---

[1] Особенно сопротивлялась такой перспективе Эстония, так и не успевшая ощутить, что такое настоящий суверенитет. В частности, эстонское правительство выступило против тенденции к централизации, намеченной в проекте Конституции Евросоюза. Она забаллотировала такие формулировки как, «федеральная основа ЕС», выступила против учреждения поста президента Совета Европы (BNS. Tallinn. Nov. 20, 2002).

[2] В частности, было упомянуто, что Польше предстоит решить проблему сокращения огромной по меркам ЕС армии сельхозрабочих.

[3] См.: *Grzeszczak Robert.* Demogratic Deficit in Community Structures // The Polish Quarterly of International Affairs. 2002 Summer. Vol. 11. No 3. P. 10.

отторжения бывших союзников и республик от СССР, не до конца поняли специфику региона и народов, которые они принимают в свои члены. А государства Вишеградской Европы и бывшие союзные республики СССР, спеша присоединиться к любой немосковской интеграции, не слишком задумывались о последствиях. Таким образом, обнаружилась первая трещина в объединительной идее общей цивилизации и общих европейских ценностей. Но наибольшая неопределенность наблюдалась в вопросе о границах. Конкретные задачи, поставленные в Ницце, заключались в необходимости поиска решения, при котором перенос внешних шенгенских границ не повлек бы за собой снижение товарооборота с соседними странами.

К саммиту в Копенгагене, прошедшему в ноябре 2002 г. и подведшему черту под числом принимаемых стран, и назвавшему точную дату приема, подтвердилось, что политическая интеграция всегда удавалась Евросоюзу меньше, чем экономическая. Если формирование общего безвизового пространства происходило нелегко и раньше, то для стран Восточной Европы и Прибалтики Евросоюз ввел семилетний ограничительный период на постоянное трудоустройство[1]. Стало очевидным, что страны Восточной Европы и Прибалтики смогут ввести у себя единую европейскую денежную единицу только где-то во второй половине первого десятилетия XXI в. и их придется принимать в Евросоюз во многом условно[2]. Останутся в Евросоюзе страны-доноры и страны-реципиенты, страны—экспортеры демократии и ноу-хау, и страны-импортеры. Все это будет постепенно формировать устойчивую периферию Евросоюза, наименее лояльную его часть, как сказали бы западные идеологи периода холодной войны — «отрываемую» его часть. С другой стороны, постоянный статус «донора» может также сподвигнуть население более сильных стран к стремлению сбросить «иждивенцев». Поэтому возможность появления между двумя частями некогда разделенной Европы некого подобия если не стены, то изгороди, изначально предусматривалась сценарием развития этой организации. Официальный прием стран Восточной Европы и Прибалтики в Европейский союз 1 мая 2004 г., стал, таким образом, не концом, а скорее — отправной точкой для реального сближения двух частей Европы.

---

[1] Это связано с попыткой «старых» европейцев защитить свои рынки труда от наплыва более дешевой рабочей силы с Востока.

[2] См.: Страны Центральной и Восточной Европы на пути в Европейский Союз / Под ред. Н.В. Куликовой. М.: Наука, 2002.

Подготовка Вишеградских стран к вступлению в НАТО

На рубеже 1990-х гг. руководство НАТО, наблюдая за постепенным развалом Восточного блока, сценарию слияния двух организаций, предложенному в том числе и советскими экспертами, предпочло сценарий поглощения Восточного блока. В принятой 5–6 июля 1990 г. Лондонской декларации, правительствам шести стран ОВД, приглашенных в Лондон (Польша, Чехословакия, Венгрия, Болгария, Румыния, СССР) было сделано предложение об установлении дипломатических отношений между НАТО и ОВД, об интенсификации военных контактов, обмена мнениями и информацией.

Знаковым событием в истории расширения НАТО на Восток стало присоединение 3 октября 1990 г. Восточной Германии через распространение на нее 5-й статьи устава этой организации. Данная статья в частности содержит положение о том, что «вооруженное нападение на одного из членов... будет рассматриваться как нападение на всех». Это был уникальный в современной истории случай чистого «аншлюса», «поглощения», прошедший без каких-либо протоколов об ассоциации и иных процедур. К тому же поглощение происходило при еще не распавшемся ОВД и в присутствии на территории Восточной Германии советских войск. Де-факто, это событие можно считать завершением истории Варшавского договора. С этого момента НАТО ориентируется исключительно на отдельные государства Восточной Европы.

Так, на прошедшей 6–7 июня 1991 г. в Копенгагене Сессии Совета НАТО, было принято решение об «интенсификации программы военных контактов на всех уровнях» со странами ВЦЕ[1]. Сделав вывод о том, что поддержание единства стран ВЦЕ не является выгодным для западного альянса, Запад способствовал усилению дифференциации среди стран ОВД, поделив их на те, которые в перспективе могут рассчитывать на прием в западные структуры, и те, которым в этом направлении предстоит пройти более долгий и трудный путь. Подчеркивая свое особое отношение к странам ВЦЕ, НАТО выразило готовность усилить вклад в поддержку политических и экономических реформ в этих странах. По всему чувствовалось, что это была пауза перед решительным поворотом в «восточной политике» НАТО.

---

[1] Подразумевалось, в частности, предоставление новым потенциальным союзникам тренировочных объектов НАТО. Были запланированы встречи экспертов по вопросам безопасности, военной стратегии и доктрины, контроля за вооружениями, военно-промышленной конверсии и по гражданским вопросам. Предусматривалось также приглашение экспертов ЦВЕ для участия в «Третьем измерении НАТО» — научных и экологических программах.

Этот поворот случился сразу после выхода из состава СССР республик Прибалтики, когда развал СССР из стадии прогнозов перешел в фазу реализации. На Римском саммите НАТО, проходившем 7–8 ноября 1991 г. был сделан еще один шаг в политической и военной трансформации НАТО. Он выразился в принятой на встрече Декларации о расширении активности в отношениях со странами ВЦЕ и СССР. Одновременно был создан Совет по сотрудничеству НАТО (НАСС) для проведения ежегодных встреч на высшем уровне, периодических встреч послов и встреч по необходимости, а также встреч в рамках Комиссий НАТО, включая политический, экономический и военный комитеты. На саммите была принята новая натовская доктрина, призванная заменить доктрину «Гибкого реагирования» 1967 г. Суть новой доктрины состояла в отступлении от «всеобщих мобилизационных принципов», в соответствии с которыми НАТО рассматривало себя как организацию коллективной обороны, в сторону конкретных «мер по преодолению кризисов». То есть на том этапе НАТО продемонстрировало способность к вполне адекватной реакции на изменившийся характер угроз и готовность к их преодолению.

Дифференцированное отношение к странам — претендентам на сближение с НАТО отразилась уже на начале работы над качественно иной формулой сотрудничества — программой Партнерство во имя мира (ПВМ). Разработка программы происходила на фоне эволюции НАТО в 1992–1993 гг. в сторону превращения в организацию по военному предотвращению конфликтов.

12 апреля 1993 г. НАТО по поручению ООН приступило к выполнению операции по запрещению полетов над Боснией. А 10 июня 1993 г. по результатам встречи министров Совета НАТО и НАСС в Афинах было принято Совместное коммюнике «об общности понимания концептуальных подходов к миротворчеству». Эта встреча послужила началом разработки в рамках НАТО концептуальных и доктринальных основ миротворчества. Что же касается практической стороны сотрудничества НАТО с государствами ВЦЕ и СНГ, то здесь возникли новые сложности. Так, страны Вишеградской группы посчитали предложенные НАТО объемы сотрудничества недостаточными для предотвращения реальных угроз. По их мнению, схема НАСС могла вести к неопределенности и постепенной нейтрализации НАТО.

События октября 1993 г. в Москве и использование военной силы при расстреле здания Верховного Совета и телецентра существенно повлияли на динамику и глубину взаимодействия между НАТО и государствами Восточной Европы и Прибалтики. В октябре 1993 г. начинается ускоренная разработка концепции «Партнерство во имя мира»

(ПВМ). А уже в январе 1994 г. на Брюссельском саммите НАТО были рассмотрены перспективы дифференциации с позиций возможности расширения за счет некоторых стран ВЦЕ. На этом же саммите была одобрена концепция ПВМ и сообщено о решимости приступить к расширению. За два года участниками программы ПВМ стали 27 государств. В рамках программы была создана Многонациональная объединенная оперативно-тактическая группа (CJTF)[1]. Таким образом, ПВМ явилось косвенным подтверждением намерений НАТО к расширению. В декларации НАТО от 11 января 1994 г. говорилось: «Мы ожидаем и приветствуем экспансию (расширение) НАТО, которая достигнет демократические государства к Востоку от нас как часть эволюционного процесса, принимающего во внимание политическое развитие и безопасность во всей Европе»[2].

Постепенно участие в ПВМ становится одним из условий присоединения к НАТО. 12 января 1994 г. в Праге состоялась встреча президента США Б. Клинтона с лидерами стран Вишеградской группы. В ходе встречи Билл Клинтон пояснил руководителям этих государств суть программы ПВМ и условия принятия этих стран в организацию НАТО. Параллельно в штабе НАТО осуществлялась и концептуальная проработка будущего «восточного расширения». В частности, в декабре 1994 г. началось исследование под названием «Принципы и военно-политические аспекты будущего расширения Альянса». Целью исследования было выяснение, каким образом принятие новых членов может повлиять на эффективность организации НАТО, насколько этот шаг будет способствовать выполнению новых задач этой структуры. К тому же была предпринята попытка выработки критериев подготовленности кандидатов. Среди возможных критериев назывались: активное участие в программах НАСС и ПВМ, успешное функционирование демократических политических институтов, свободная рыночная экономика, соблюдение прав человека. По крайней мере, по звучанию они мало отличались от Копенгагенских критериев, хотя на самом деле, преследовали в первую очередь военно-политические интересы.

В Коммюнике, принятом 1 декабря 1994 г. на Совете НАТО в Брюсселе было сделано заявление о том, что эта организация «остается открытой для новых членов... и ожидает и приветствует расширение НАТО, которое охватит демократические государства к востоку от нас»[3].

---

[1] CJTF (Combined Joint Task Force).

[2] Declaration of the Heads of State and Government Issued by the North Atlantic Council in Brussels, Belgium» NATO Press Communique M-1(94)3. 11 January 1994. P. 4.

[3] Final Communique, North Atlantic Council, I December 1994. Press Communique M-NACC-2(94)117 (2 December 1994). P. 1.

После 1994 г. «восточная политика» НАТО начинает прочно ассоциироваться с восточной экспансией НАТО. А принятие Пакта стабильности 21 марта 1995 г. и подписание в декабре 1995 г. — Дейтонского соглашения с последующим образованием IFOR и SFOR наделяют НАТО функциями единственной «правомочной» силовой структуры.

В июле 1997 г. на Мадридском саммите НАТО официальное приглашение в эту организацию получили три Вишеградские страны — Польша, Венгрия и Чехия. Реализовав это приглашение в конце 1998 г., они оказались непосредственно втянутыми в военную авантюру НАТО на Балканах, сыграв роль трамплина для переброски в Югославию вооруженных сил НАТО и кордона, отрезавшего Югославию от стремившейся оказать ей поддержку России. Эта операция оказалась крайне непопулярной среди самих стран-участниц, заставив их впервые за весь переходный период серьезно задуматься о возможных последствиях новой несбалансированности в политике. Словакия была принята на втором этапе расширения НАТО, вместе с республиками Прибалтики, Румынией и Болгарией. Получив приглашение в ноябре 2002 г., она стала членом НАТО в марте 2004 г., почти одновременно с получением членства в ЕС.

Трансатлантическая интеграция в итоге опередила общеевропейскую: ведь страны Восточной Европы в первую очередь стали членами евроатлантического, а не паневропейского альянса. США прежде всего интересовала геополитика, расширение сферы западного влияния, а не укрепление западноевропейского сообщества. Они боялись упустить возможность расширения за счет восточноевропейского блока, а потому неоднократно упрекали западных европейцев в медлительности: «Поскольку Европейский Союз не проявляет желания немедленно реагировать на возможности и угрозы, исходящие с его Востока, Соединенные Штаты должны возглавить своих союзников по НАТО в стратегическом видении будущего» — говорилось в Заключении высших американских экспертов[1]. «Быстрое движение посткоммунистических обществ в сторону полного членства в ЕС отвечает интересам их скорейшей идентификации с Западом»[2], — подчеркивалось в Заключении.

---

[1] Should NATO Expand? P. 6.

[2] Ibid. P. 20.

3.2. Продвижение по пути конвергенции

На протяжении 1990-х гг., и на востоке, и на западе Европы происходила переоценка намерений, связанная, в первом случае, с девальвацией надежд и ожиданий, а во втором — обещаний и возможностей. Это было связано в первую очередь с завершением этапа борьбы за Восточную Европу и Прибалтику и с необходимостью перехода к выработке качественно новых взаимоотношений. К новому этапу, как показывают события, неготовыми оказались обе стороны. В новых геополитических реальностях, характеризуемых переходом к однополярности, уменьшилась геополитическая значимость Восточной Европы. Уже начало процесса военно-политической и экономической переориентации региона со всей убедительностью показало очевидное: шансы на суверенное развитие в глобализирующемся мире ничтожно малы. Исчезновение второй опоры в определявшем практически весь XX в. балансе Восток–Запад поставило под вопрос возможность продолжения суверенитета даже для государств, придерживавшихся этой политики десятки, а то и сотни лет. Так что, создавшаяся к концу 1980-х гг. уникальная ситуация, когда впервые в истории (после распада Австро-Венгрии) государствам региона мог быть предоставлен шанс самостоятельно решать свою судьбу, строить качественно новые международные и региональные отношения, не смогла быть реализована ими. Суверенитет региона стал жертвой, с одной стороны — амбиций Запада, одержавшего неожиданно легкую победу над СССР и решившего, пользуясь случаем, продвинуться как можно дальше на восток, а с другой — политического безволия советского руководства, не сумевшего настоять на нейтралитете восточноевропейских государств.

Восточные европейцы с разной долей реализма оценивали шансы на проведение независимой внешней и даже внутренней политики. Наиболее спокойно к такому положению отнеслись в Польше. Министр иностранных дел Польши Кшиштоф Скубишевский, выступая в Сейме в апреле 1990 г. с речью о новых возможностях, открывавшихся перед национальной внешней политикой, подчеркнул, что Польша принимает к сведению мировые взаимозависимости[1]. Молодое словацкое государство, напротив, дольше других сопротивлялось присоединению к каким-либо международным структурам. Такое положение сохранялось в течение 1992–1998 гг., когда на посту премьер-министра страны находился Владимир Мечиар, лидер Народной

[1] См.: Sejmowe exposé ministra spraw zagranicznych RP Krzysztofa Skubiszewskiego Warszawa, 26 kwietnia 1990 r. (http://www.zbiordokumentow.pl/1990/2/2.html).

партии — Движения за демократическую Словакию. Он отдавал безусловный приоритет национальным интересам страны, из-за чего Словакия в его правление была вычеркнута из списка кандидатов на прием в НАТО и ЕС. В Венгрии понимали, что шансов на самостоятельное национальное развитие на тот исторический момент было не так уж много и следовало готовиться к новым компромиссам[1].

Было очевидным, что немедленное присоединение восточноевропейских государств к НАТО и ЕС является невозможным, а одиночное плавание стран в условиях нестабильности на всем пространстве бывшего социалистического мира представляет реальную угрозу национальной безопасности. Поэтому параллельно с форсированием отношений с ЕС и НАТО восточноевропейские страны в двустороннем порядке налаживали отношения с другими европейскими политическими и экономическими структурами: ЕАСТ, ЗЕС, Социнтерном и т.д.

Если Европейский союз в начале 1990-х гг. смог выработать общие критерии и требования по отношению к странам Восточной Европы, которые можно назвать восточной политикой ЕС, то в самой Восточной Европе ничего подобного не существовало. К концу 80-х годов большая часть восточноевропейских государств, а в начале 1990-х гг. и республики Прибалтики, установили двусторонние дипломатические связи с ЕЭС. Первой в августе 1988 г. это сделала Венгрия. В декабре 1988 г. было подписано торговое соглашение ЕЭС с Венгрией, в декабре 1989 г. — с Польшей, в ноябре 1990 г. — с Чехословакией. С большинством стран эти соглашения подписывались на 10 лет, и только с Польшей — на 5 лет. Это было связано со стремлением ЕС исключить из договоров польскую сталь и уголь[2]. В отношении других стран, ЕС ввел квоты на текстиль и ограничения на экспорт ими продукции сельского хозяйства[3]. Эти соглашения можно считать асимметричными, поскольку они четко регулировали открытие рынка ЕС: сначала ЕС получал доступ к рынкам Восточной Европы, а уже затем предполага-

---

[1] Директор венгерского Института внешней политики Л. Кишш сделал вывод о том, что из нескольких вариантов международной тактики, доступной малым государствам, окончание холодной войны оставило восточноевропейцам не так уж много возможностей для выживания: это — либо присоединение к сильнейшему, либо использование случая (*Kiss J. Laszlo.* Biztonsagelmeletek // Biztonsagpolitika. Szerk. Gazdag Ferenc. Bp.: SVKH, 2001. O. 97–98).

[2] См.: *Pinder J.* The European Community and Eastern Europe. L.: Royal Institute of International Affairs, 1991.

[3] Остерегаясь, что наплыв товаров из стран Восточной Европы усложнит сбыт их собственных товаров, ЕС решил ограничить импорт из этих стран. По этой причине в сентябре 1991 г. Польша в одностороннем порядке приняла решение о выходе из переговоров об ассоциации.

лось облегчить доступ на рынок ЕС для производителей из восточноевропейских государств[1].

В декабре 1991 г. ЕЭС подписал «европейские договора», или договора об ассоциации с Венгрией, Польшей и Чехословакией[2]. В октябре 1993 г., уже после раздела Чехословакии и принятия принципов расширения на Копенгагенском саммите ЕС, были подписаны отдельные договора с Чехией и Словакией. Подписание в первой половине 1990-х гг. странами Восточной Европы и Европейским союзом так называемых европейских договоров на деле означало начало процесса ассоциации этих стран с ЕС. Ассоциируемым странам было предложено вступить в структурированные отношения с институтами ЕС. В этот период, который можно назвать вторым этапом развития взаимоотношений между ЕС и государствами Восточной Европы, наблюдается сближение целей общеевропейского и регионального интеграционных процессов. Это отразилось, в частности, в создании в 1992 г. ЦЕФТА — Центральноевропейской ассоциации свободной торговли. Впервые страны региона — в данном случае страны Вишеградской группы — объединились в интересах совместной интеграции в Евросоюз.

События рубежа 1990-х гг. заставили ЕС мобилизовать усилия в отношении стран Восточной Европы, прежде всего по линии финансовой помощи. В 1990 г. 500 млн экю было выделено из бюджета ЕС на помощь Венгрии и Польше. Общий объем помощи странам Восточной Европы составил в 1991 г. 785 млн экю[3]. В 1992 г. она достигла 1 млрд экю. После совещания «Группы 24-х» — двадцати четырех наиболее богатых государств мира, было решено еще больше увеличить объемы такой помощи. Это прямые инвестиции, стабилизационные программы, кредиты и послабления в выплате долгов, образованного специально в целях помощи странам Восточной Европы Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), . Суммарная помощь, оказанная странам Восточной Европы к 1992 г., например, составила астрономическую сумму в 46,9 млрд экю[4].

---

[1] См.: *Balázs Péter, Maresceau Marc* (Szerk.). Magyarország felkészülése az EU-tagságra. Bp.: OMIKK, 1996. 438 p.

[2] «Ассоциированные соглашения» предполагали снятие таможенных ограничений, тарифных ограничений вплоть до создания зон свободной торговли, а также введения конвертируемой валюты, увеличения инвестиций ЕС в восточноевропейские страны, организацию совместных предприятий. Предполагалось и создание механизма постоянных политических консультаций.

[3] См.: *Preston Christopher.* Enlargement & Integration... P. 197.

[4] Ibid.

Копенгагенская декларация в апреле 1993 г. зафиксировала намерение Вишеградских стран стать полноправными членами ЕС. В 1994 г. соглашения с Венгрией и Польшей были выполнены, и они первыми подали прошения о приеме в состав этой организации. Таким образом, к середине 1990-х гг. завершился второй этап сближения государств Восточно-Центральной Европы с Евросоюзом. Он характеризовался эволюцией этих отношений от статуса международных, двусторонних, к интеграционному статусу. Это уже был целенаправленный этап адаптации к стандартам и нормам ЕС.

Характеризуя взаимоотношения между ЕС и государствами Вишеградской Европы в 1990-е гг., а также ситуацию в восточноевропейском регионе в целом, следует отметить, что интеграционные усилия на региональном уровне лишь в очень малой степени пересекались с задачами присоединения к ЕС. Из этого можно сделать вывод, что они рассматривались преимущественно как резервный вариант, на случай если общеевропейская интеграция, как это уже происходило в межвоенный период, в очередной раз потерпит фиаско и сузится до масштабов придунайской[1].

Наряду со сближением с западными структурами предпринимались попытки выстроить региональное взаимодействие без участия СССР[2]. Президент РП Лех Валенса в 1992 г. во время визита в Германию выдвинул идею создания ЕЭС-бис и НАТО-бис на переходный период. В новые организации планировалось включить бывшие государства — члены СЭВ и Варшавского договора. Однако эта идея не была принята другими странами[3]. В конкретной геополитической ситуации начала 1990-х гг. только поступательное движение по пути интеграции в «структуры сильнейших» давало восточноевропейцам некое подобие гарантированной защиты от нестабильности на постсоветском пространстве. С другой стороны, начало переговоров с НАТО и ЕС, принятие выдвигаемых этими организациями требований, обеспечило известную предсказуемость трансформационных процессов прозападной направленности. Такой несколько банальный поворот в сто-

---

[1] Считается также, что такое «аварийное» взаимодействие, может быть эффективным в случае крушения отношений с доминирующим экономическим партнером.

[2] Большие надежды возлагались на апрельскую 1990 г. встречу в Братиславе лидеров Чехословакии, Польши и Венгрии. На том этапе считалось, что «возвращение восточноевропейских стран в Европу необходимо координировать». Министр финансов Венгрии Петер Медьеши предлагал при сохранении основной структуры СЭВ создать в нем еще и малую интеграцию, способную к взаимодействию на более гибких и эффективных основах. См.: Népszabadság. Január 8, 1990.

[3] См.: *Бухарин Н., Марков Д.* Новый регионализм в Европе // Обозреватель. 1993. № 22 (http://www.rau.su/observer/N22_93/22_15.HTM).

рону асимметричной конвергенции в определенной мере являлся расплатой восточноевропейских элит за оказанную им в преддверие и в ходе «бархатных революций» западную материальную и моральную поддержку.

Если за критерий периодизации взаимоотношений между странами Восточной Европы и Прибалтики брать степень консолидации усилий обеих сторон процесса сближения, то можно утверждать, что в середине 1990-х гг. начинается его третий этап. Этот этап связан с очередным повышением качества взаимоотношений между государствами Восточной Европы и Европейским союзом, которое можно охарактеризовать, как начало процесса ассиметричной конвергенции. Он начался с подачи, опять же Венгрией, в марте 1994 г. официальной заявки на вступление в ЕС. В апреле примеру Венгрии последовала Польша. Словакия заявила о своих намерениях в июне 1995 г. Процесс подачи заявок постсоциалистическими странами, соответственно в январе и июне 1996 г., завершили Чехия и Словения.

К этому моменту перед обеими сторонами европейского интеграционного процесса со всей актуальностью встал вопрос о способе приема в Евросоюз государств бывшего Восточного блока. Еще в начале 1990-х гг. речь шла о двух вариантах:

1) повторение предыдущих сценариев, т.е. уже отработанной модели присоединения, с предварительной подготовкой к приему самими государствами-членами;

Таблица 3.2.1

Хронология процесса «восточного расширения» ЕС и НАТО

	Подписание европейских соглашений	*Год подачи заявления в ЕС*	*Начало переговоров о вступлении в ЕС*	*Вступление в ЕС*	*Приглашение в НАТО*	*Вступление в НАТО*
Венгрия	**12.1991**	**03.1994**	**03.1998**	**05.2004**	**07.1997**	**03.1999**
Польша	**12.1991**	**04.1994**	**03.1998**	**05.2004**	**07.1997**	**03.1999**
Чехия	**10.1993**	**01.1996**	**03.1998**	**05.2004**	**07.1997**	**03.1999**
Словакия	**10.1993**	**06.1995**	**02.2000**	**05.2004**	**11.2002**	**03.2004**
Латвия	06.1995	10.1995	02.2000	05.2004	11.2002	03.2004
Литва	06.1995	12.1995	02.2000	05.2004	11.2002	03.2004
Эстония	06.1995	11.1995	03.1998	05.2004	11.2002	03.2004
Словения	06.1996	06.1996	03.1998	05.2004	11.2002	03.2004
Болгария	03.1993	12.1995	02.2000	01.2007	11.2002	03.2004
Румыния	02.1993	06.1995	02.2000	01.2007	11.2002	03.2004

2) разработка нового сценария, совмещающего процесс внутреннего реформирования в этих странах с адаптацией к нормам и стандартам ЕС[1].

После длительных колебаний и консультаций, отмечает Кристофер Престон, ЕС решил применить в отношении стран Восточной Европы классический метод расширения[2]. Позже уточнили, что это будет «средиземноморский» сценарий. И только на саммите в Эссене в 1994 г. все же было предложено проведение особой «предварительной» стратегии. Тот же саммит доставил серьезное разочарование странам Вишеградской группы, с самого начала взаимоотношений с ЕС надеявшихся на индивидуальный подход и первоочередной прием. Практически тотальный прием государств Восточной Европы, без учета уровня их подготовленности, да еще и бывших республик СССР, был воспринят в Венгрии, Польше и Чехии — странах Вишеградской Европы, как национальная обида. К тому же в ходе подготовки к вступлению выяснилось, что ЕС не собирается поддерживать основные экспортные отрасли этих стран (в случае Венгрии и Польши — это сельское хозяйство)[3]. В то же время ЕС притормозил снятие ограничений на торговлю, введенных еще во времена существования СЭВ, отклонил просьбу о приеме рабочей силы из этих стран. Снятие ограничений и уступки в этих областях последовали лишь ближе к концу 1990-х гг.[4], практически одновременно с принятием «Белой книги» и разработкой «расписания присоединения». Однако консолидации усилий восточноевропейских стран в деле отстаивания своих интересов перед реальными неблагоприятными требованиями ЕС не наблюдалось на протяжении всех 1990-х гг. Они последуют лишь в 2000-е гг., когда вопрос о принятии новых членов (после саммита в Ницце) станет решенным окончательно.

На Западе поначалу достаточно оптимистично оценивали перспективы стран Вишеградской Европы. Как говорилось в докладе 1996 г. немецкого фонда Бертельсманна, ассоциированные члены ЕС из числа стран ЦВЕ «еще больше консолидировали свои демократиче-

---

[1] Подробнее об этом см.: *Balazs P.* Csatlakozás, összenövés vagy periferizálodás? B.: Balázs Péter, Maresceau Marc (Szerk.). Magyarország felkészülése az EU-tagságra. Bp.: OMIKK, 1996. O. 15–58.

[2] См.: *Preston Christopher.* Enlargement and Integration... P. 209.

[3] Причем это были не единственные разочарования стран Восточной Европы. Выше уже упоминались ограничения на импорт из Венгрии и Польши продукции животноводства, введенные ЕС в одностороннем порядке в 1991–1993 гг.

[4] Подробнее об этом см.: *Balazs P.* Op. cit. O. 15–58.

ские институты и достигли экономических успехов»[1]. Из этого делался вывод, что в целом их стартовые позиции улучшились. Однако в экономическом и правовом отношении ни одно из этих государств так и не выполнило всех условий, необходимых для вступления в ЕС. По оценкам экспертов, выполнение всех критериев 10-ю странами ожидалось не ранее 2000 г.[2] Тем не менее страны Вишеградской Европы во второй половине 1990-х гг. продолжали демонстрировать существенный положительный отрыв в своем развитии от других стран-претендентов. Например, Венгрия и Польша сделали значительные успехи в области адаптации своего законодательства к нормам ЕС. Однако развитие демократии и политической стабильности все еще продолжало вызывать тревогу наблюдателей от ЕС. На первом этапе реформ западные нормы демократии во всех государствах были усвоены преимущественно политическими элитами. Демократия так и не консолидировалась на более широком общественном уровне, не стала элементом политической культуры обществ. Во всех восточноевропейских странах за прошедший период имели место конфликты между ветвями власти[3]. В целом, к середине 1990-х гг., после повторных выборов в парламенты в восточноевропейских странах устоялись выборные механизмы. Однако Запад оставался недовольным высоким уровнем коррупции в ряде стран[4]. ЕС в целом негативно отнесся и к факту возвращения к середине 1990-х гг. к власти в странах ЦВЕ старой партийной и управленческой номенклатуры. Разочарование ЕС вызвали и проблемы со становлением в этих странах гражданских обществ: во-первых, по его мнению, это происходило слишком медленно, а во-вторых — при серьезном противодействии со стороны правительств[5].

В целом положительно было оценено развитие конституционного процесса в восточноевропейских странах[6]. Однако серьезная работа предстояла в области урегулирования взаимоотношений центральных и региональных властей. В Польше причиной конфликта явился приход к власти в результате региональных выборов оппозиции. В Словакии

---

[1] *Brusis M., Ochmann C.* Mittel- und Osteuropa auf dem Weg in die Europäische Union // Bericht zum Stand der Integrationsfähigkeit 1996.Werner Wreidenfeld (Hrsg.) Strategien für Europa. Gütersloh: Verlag Bertelsmann stiftung, 1996.

[2] *Brusis M.*, Op. cit. P. 9.

[3] Так было в сентябре 1996 г. в Словакии, в Польше разгорелся конфликт между Лехом Валенсой и Александром Квасьневским.

[4] См.: *Brusis M.*, Op. cit. P. 12.

[5] Как в случае чешского премьер-министра Вацлава Клауса.

[6] Практически во всех странах к середине 1990-х гг. были с поправками приняты конституции, существовавшие до социалистического периода, либо вступили в действие новые конституции.

центральное правительство попыталось изменить административно-территориальное деление страны, что могло повлечь негативные последствия для венгерского национального меньшинства.

Вопрос о национальных меньшинствах и правовом урегулировании их положения в составе демократических государств оказался наиболее актуальным для принимаемых стран. Наиболее просто эта проблема решилась в Словении, где всем представителям национальных меньшинств Конституцией гарантировались равные права со словенцами. В целом, признавая удовлетворительной ситуацию в Польше, эксперты, тем не менее, отметили как тревожащую, инициативу Польской народной партии о допустимости позитивной дискриминации. Озабоченность ЕС вызывала и ситуация вокруг венгерского национального меньшинства в Словакии, где был принят Закон о национальном языке, ущемляющий права компактно проживающего венгерского этнического меньшинства. В то же время, ЕС посчитал, что национальную проблему в венгеро-румынских отношениях удалось позитивно урегулировать правительствам двух стран. Открытой, тем не менее, оставалась проблема цыган. Именно ее Евросоюз вынес на первый план в своих программах мониторинга состояния национальной проблемы в государствах Восточной Европы.

Не имея к тому моменту достаточного самостоятельного опыта консолидации в области внешней политики и политики безопасности, ЕС в целом довольно снисходительно оценил просчеты претендентов на прием в этой области. Можно констатировать, что принимаемые страны стали в некоторой степени жертвой сложностей становления этой составляющей интеграционной политики в самом ЕС. Что касается остальных аспектов, то здесь трудности вызывало само представление восточноевропейских государств о своей будущей роли в ЕС. Большинство из них, особенно Словакия и республики Прибалтики, только-только обретшие искомый суверенитет, не спешили жертвовать его какому-либо новому союзу.

Несколько продуктивнее выглядели усилия в области региональной политики. Положительно было расценено подписание в сентябре 1996 г. основополагающего договора между Румынией и Венгрией. Высокую оценку получила деятельность Центральноевропейского соглашения о свободной торговле (ЦЕФТА), образованной странами Вишеградской группы[1]. В то же время западная программа «еврорегионов», официально направленная на развитие трансграничного сотрудничества, не нашла должной поддержки среди государств Восточной Европы.

[1] В январе 1996 г. к этой организации присоединилась Словения.

Словацкое правительство заблокировало в одностороннем порядке проект Карпатского еврорегиона. Практически замерла Центрально-европейская инициатива. Несколько лучше продвигалось военное сотрудничество. В рамках «второго столпа» интеграционной программы ЕС, страны ВЕ и Прибалтики продолжали усиливать гражданский контроль над военными силами. Все остальные неудачи в этой области можно рассматривать сквозь призму неудач Общей внешней политики и безопасности (ОВПБ) в рамках всего ЕС.

К середине 1990-х гг. Комиссия ЕС в целом позитивно оценила экономические показатели развития стран-кандидатов. В 1995 г., за исключением Латвии, все страны достигли прироста в среднем в 5,2%. Польша и Словения в 1996 г. превзошли уровень ВВП 1989 г. Кроме того, Венгрия и Польша в том же году на треть превысили уровень продуктивности промышленного производства по сравнению с дореформенным периодом[1]. В Чехии та же позиция уже в 1994 г. превысила 10,5%. Это в целом позволяло признать положительные результаты макроэкономических реформ. Но одновременно реструктуризация промышленности вызвала рост безработицы, нарушила региональные балансы занятости. Возник дисбаланс в торговле[2]. Игнорирование социальных аспектов экономической реформы отразилось на политической стабильности.

В середине 1990-х гг. наиболее серьезные шаги в области институциональных преобразований произвели Венгрия, Словения, Чехия и республики Прибалтики. Стало также очевидно, что Румыния и Болгария скорее всего не войдут в число первых кандидатов на прием в ЕС. Особые претензии ЕС выдвинул к Словакии. Страны — претенденты в целом довольно последовательно выполняли требования организации, в которую они собирались вступать, тем не менее некоторые политологи все же отмечали присутствие на этапе ассоциации неформальных отношений между договаривающимися сторонами[3]. Очевидно было и преобладание политического начала[4]. Постепенно ЕС стал использовать механизм в качестве рычага прямого управления странами-претендентами.

---

[1] World development Report 1996: S. 18 ff. Цит по: *Brusis M., Ochmann C.* Op. cit. P. 18.

[2] См.: *Глинкина С.П.* (Ред.) Последствия расширения Европейского Союза для экономики России. М.: НИС, 2004.

[3] Так, известный венгерский эксперт по отношениям с ЕС П. Балаж отмечал отсутствие официоза в переговорах по вступлению. См.: *Balázs Péter, Maresceau Marc* (Szerk.) Magyarország felkészülése az EU-tagságra.

[4] Именно политические мотивы в первую очередь повлияли на временное исключение в 1997 г. из процесса Словакии.

Как важный элемент политической адаптации можно рассматривать и включение Вишеградских стран в НАТО. Понятно, что шаг этот был предпринят помимо геополитических соображений, в интересах защиты западных капиталов и в целях продолжения процесса поглощения. Подключение государств Восточной Европы к НАТО и ЕС стало наиболее действенным способом постепенного упрочения, фиксации здесь демократических институтов западного образца, окончательной ликвидации угрозы реставрации социализма. В 1999 г. в рамках программы интенсификации стратегии предваряющей расширение, в ЕС были созданы еще два финансовых института. Это ISPA[1] и SAPARD[2]. Как и CARDS[3], они начали функционировать в 2000 г. в рамках усиленной «Повестки 2000»[4].

Считая практику помощи, имевшую место в первой половине 1990-х гг. малоэффективной, ЕС ввел конкретные критерии и механизмы определения эффективности вложенных средств. Среди средств контроля и стимулирования национальных властей — публикация общенациональной отчетности и мнения бизнес-сообщества; поощрение населения на контрдействия по отношению к своим правительствам; инспекции Комиссии и Европейских агентств; возможность юридического преследования со стороны Комиссии; оценка Комиссией состояния внутреннего рынка; мониторинг и координация национальных политик (люксембургский процесс); равный обзор и равное давление[5]. Все эти меры можно отнести к мерам прямого давления на национальные правительства.

Набор требований следующего, адаптационного этапа, был оформлен со стороны Евросоюза так называемыми экспертными соглашениями по «Повестке–2000» или «Партнерству ради вступления»[6]. Как говорится в преамбулах всех национальных документов, их целью является «помощь странам-кандидатам в совладании с критериями приема»[7]. Кроме того, предполагалось, что в процессе работы над экс-

---

[1] ISPA — Pre-Accession Structural Instrument.

[2] SAPARD — Structural Adjustment Programme for Agriculture and Rural Development.

[3] CARDS — Community Assistance for Reconstruction, Development, and Stabilisation. Это специальная программа помощи для Балканских стран.

[4] На заседании ЕС в Берлине сумма помощи всем странам-претендентам по трем фондам: PHARE, ISPA и SAPARD была лимитирована 3,120 млн евро. Об этом см.: *Cremona Marise* (Ed.). The Enlargement of the European Union. Oxford: Academy of European Law, European University Institute. University Press, 2003. P. 35.

[5] См.: *Cremona Marise* (Ed.). The Enlargement of the European Union. P. 49.

[6] Assessment agrrements.

[7] Partnership for the accession of Hungary http://www.europa.eu.int/scadplus/leg/en/lvb/e40103.htm; Partnership for the accession of Slovakia http://www.europa.eu.int/scadplus/leg/en/lvb/

Таблица 3.2.2

Референдумы о вступлении в ЕС

Страна	*Дата*	*Принявшие участие (%)*	*ЗА (%)*	*ПРОТИВ (%)*	*Голоса «ЗА», отнесенные ко всему населению, имеющему право голоса (%)*
Венгрия	**12.04.2003**	**45,62**	**83,76**	**16,24**	**38**
Латвия	20.09.2003	72,53	67	32,3	49
Эстония	14.09.2003	64,06	66,83	33,17	43
Литва	10–11.05.2003	63,37	89,95	8,82	57
Словения	23.03.2003	60,29	89,61	10,39	54
Польша	**7–8.06.2003**	**58,85**	**77,45**	**22,55**	**46**
Чехия	**13–14.06.2003**	**55,21**	**77,33**	**22,67**	**43**
Словакия	**16–17.05.2003**	**52,15**	**92,46**	**6,20**	**48**

пертными документами удастся консолидировать выплаты из различных фондов ЕС: PHARE, SAPARD и ISPA.

Программы подготовки стран Восточной Европы к вступлению включали в себя стратегию на ближайшую и среднесрочную перспективу и касались всех сторон жизнедеятельности государств. Процедура состояла из подписания договоров с конкретными государствами и последующего мониторинга выполнения этих договоренностей. Венгрия вступила в этот процесс в июне 1997 г., Чехия в ноябре 1999 г., Польша и Словакия в феврале 2000 г.

Договора были построены по принципу соблюдения Копенгагенских критериев и учитывали: 1) стабильность институтов, гарантирующих демократию, верховенство закона, соблюдение прав человека, уважение и защиту меньшинств; 2) наличие функционирующей рыночной экономики и способности справляться с натиском конкурентной борьбы внутри Сообщества; 3) способность брать на себя обязательства, связанные с членством, включая приверженность целям политического, экономического и финансового союза[1].

Анализ готовности стран-кандидатов к вступлению включал не только текущее состояние той или иной отрасли, но и тенденции в ее

e40109.htm; Partnership for the accession of Poland http://www.europa.eu.int/scadplus/leg/en/lvb/e40106.htm.

[1] Council decision on the principles, priorities, intermediate objectives and conditions contained in the Accession Partnership with the Republic of Hungary of 6 December 1999. http://www.europa.eu.int/smartapi/cgi/sga_doc?smartapi!celexplus!prod!DocNumber&lg=en&type_doc=Decision&an_doc=1999&nu_doc=850.

развитии. Постепенно стало очевидным, что подобный характер отношений начинает разочаровывать восточных европейцев.

Десятилетие адаптации к условиям ЕС на фоне снижения жизненного уровня, очевидного расхождения представлений и реальности, в самый канун вступления ввергло общества наиболее успешных стран-кандидатов почти в полное безразличие по поводу исхода процесса. Эти настроения отразились в итогах референдумов по поводу вступления в ЕС.

В Венгрии, стране — инициаторе сближения с западными интеграционными структурами, к урнам для голосования пришло менее половины населения. Но и в целом, за исключением Словакии и Словении, регион проявил неожиданную пассивность в ходе голосования. Многие политологи обращали внимание на то, что результат мог бы быть еще ниже, если бы в странах к дискуссии по поводу вступления в ЕС была бы допущена и другая сторона. В реальности же оппозиция была лишена возможности доступа к средствам массовой информации и кампания фактически велась самим государством, на средства, выделенные Евросоюзом[1].

О весьма сомнительной легитимности референдумов о вступлении в ЕС пишет и венгерский профессор Йожеф Бёрёц[2]. По его мнению, «шесть из девяти референдумов не смогли получить мандат даже по самой благоприятной схеме (пятьдесят процентов плюс один голос), не говоря уже о том, что ни один из девяти не смог получить мандата квалифицированного большинства в виде двух третей»[3]. Польский исследователь Урсула Курчевска[4] добавляет еще два не менее пессимистичных обстоятельства: отсутствие альтернативы вступлению в ЕС, а также то, что вступление воспринималось как наименьшее из двух зол[5]. Таким образом, на самом деле, как указывают некоторые аналитики, за фасадом триумфальных отчетов брюссельских функционеров может на самом деле скрываться «тревожащая беспомощность»[6].

---

[1] Как считает известный венгерский экономист Магдолна Чат, вступление в ЕС прошло по законам диктатуры и «меньшинству, поддерживающему процесс интернационализации, снова удалось насильно навязать свою волю стране» (Csath Magdolna. Ez a mi Európánk? Bp.: Kairosz Kiadó, 2003. P. 10).

[2] См.: *Böröcz József.* East European Entrants to EU…

[3] Ibid. P. 57. В число шести стран, где мандат не был получен, относятся Мальта с мандатом 48,14, Венгрия (38,19), Словакия (48,22), Польша (45,25), Чехия (41,72) и Эстония (42,81).

[4] См.: *Kurcsewszka Urszula.* Referenda Regarding Ratification of the Treaty of Accession // The Polish Foreign Affairs Digest. 2003. Vol. 3. No 4 (9). P. 72.

[5] Ibidem.

[6] См.: *Krzeczunowicz Andrzej.* What European Union Are We Joining? // Poland in Europe. 2004, No 2. P. 82.

В Польше еще накануне вступления в Европейский союз общество четко разделилось на евроэнтузиастов, еврореалистов и евроскептиков[1]. Евроэнтузиасты считали, что Польша непременно должна использовать шанс догнать ЕС, что путь к искомой модернизации лежит именно через использование западного опыта, и что скорейшее присоединение к ЕС ускорит процесс трансформации. Поляки, относившие себя к группе еврореалистов, обращали внимание на общность интересов со странами ЕС, считая, что интеграция повысит шансы трансформации, одновременно были готовы к дискуссии о преимуществах и потерях, связанных с вступлением в Евросоюз. Евроскептики, исповедующие национальные и религиозные ценности, критически относились к европейской бюрократии и считали необходимым сохранить польский суверенитет от евросоюзной зависимости[2]. Что касается динамики распределения приверженцев по трем группам, то за период с 1993 по 2004 г. можно говорить лишь о некотором росте в группе еврореалистов. В сентябре 2003 г., т.е. примерно за полгода до принятия Польши в ЕС почти половина поляков (47%) считали, что Польша выиграет от членства в ЕС. В то же время 31% придерживался противоположной точки зрения, а 34% населения считали, что они лично ничего не приобретут от членства их страны в Европейском союзе. Годом ранее так считали только 29%. Еще в феврале 2003 г. 47% опрошенных считали, что Польше еще до вступления в ЕС следует привести в порядок свою экономику, лучше подготовиться к членству в общем рынке[3].

В Венгрии динамика отношения к вступлению в Евросоюз также показала некоторый спад энтузиазма непосредственно накануне вступления в ЕС. С мая 2003 г. по апрель 2004 г. группа еврооптимистов, или тех, кто полностью поддерживал вступление Венгрии в ЕС, уменьшилась с 45 до 30%[4].

Таким образом, результаты опроса общественного мнения показывают, что, пройдя длительный период адаптации к стандартам ЕС, страны Восточной Европы пришли к долго ожидавшемуся событию со значительно более трезвыми, критическими оценками совершаемого

---

[1] Збигнев Вилькевич считает, что спад в заинтересованности поляков во вступлении в ЕС на самом деле происходил все 1990-е гг. Свою точку зрения он подкрепляет фактом избрания в Польский сейм в 2001 г. популистских националистических партий (*Wilkiewicz Z.* Poland vs. European Identity // The Polish Foreign Affairs Digest. 2003. Vol. 3. No 4(9). P. 99).

[2] См.: *Jasiecki Krzysztof.* How do Poles perceive Poland's Membership in the EU? // Poland in Europe. 2004. No 1. P. 5.

[3] Ibid. P. 95.

[4] Данные Median // www.mno.hu 04-2004.

ими шага. Можно даже сказать, что идея вступления в ЕС не получила в странах Восточной Европы весомой поддержки населения[1]. Результаты референдумов, ставшие свидетельством, по выражению того же Й. Бёрёца «несчастливого», «лишенного надежд и ожиданий» вступления, могут в будущем сказаться в самом непредвиденном, непредсказуемом и небезупречном поведении представителей этих стран при принятии тех или иных решений органами управления ЕС[2]. Не исключается рост критических настроений, дистанцирования и обструкции со стороны новых членов[3].

Предметом для разочарования восточных европейцев, изначально надеявшихся найти ответы в институтах западной демократии на наболевшие проблемы гуманитарного плана, стало отсутствие действенных механизмов их решения в евроструктурах. Оказалось, что недовольная отсутствием механизмов разрешения национальных противоречий в ОВД, Восточная Европа вступила в организацию, также не имеющую национальной политики. Как пишет Збигнев Вилькевич, «ЕС критикует страны-кандидаты за нетерпимость и дискриминацию в отношении национальных меньшинств, в то время как сам не может справиться с аналогичными явлениями на собственной социальной арене (правый популизм, дебаты по поводу иммигрантов, враждебность в отношении иностранцев, расизм, антисемитизм т.п.)»[4]. Национальная политика ЕС строится на общих принципах европейской Хартии прав человека. В ней социальное равенство преобладает над равноправием в сфере этнокультурного самовыражения. Поэтому для ЕС более важными являются проблемы, связанные с жизненным уровнем цыганского населения или борьба с антисемитизмом, нежели права конкретных людей, не получающих возможности обучаться на родном языке, или не имеющих возможности работать по специальности из-за государственной дискриминационной политики, как это имеет место в Латвии и Эстонии. Однако именно этот аспект является наиболее важным для государств региона. Иначе воспринимают в странах Европейского союза и проблему меньшинств. Здесь она больше ассоциируется с проблемами прав сексуальных меньшинств, инвалидов и т.п. Принято считать, что Европейский союз не сталкивается с проблемой этнических меньшинств. Однако примеры Испании или Северной Ирландии свидетельствуют об обратном.

---

[1] *Kurcsewszka Urszula.* Op. cit. P. 75.

[2] *Böröcz József.* East European Entrants to EU… P. 57.

[3] Ibidem.

[4] *Wilkiewicz Z.* Op. cit. P. 101–102.

Снижения уровня конфликтности в Центральноевропейском регионе предполагалось добиваться на основе Пакта стабильности для Центральной и Восточной Европы. Частично проблемой пыталась заниматься ЦЕИ — Центральноевропейская инициатива. В частности, в 1994 г. на саммите этой организации в Турине была принята программа «Инструмент ЦЕИ для защиты прав национальных меньшинств»[1]. Однако в реальности механизмы ЕС и ЦЕИ так и не проявили себя. Сам факт снижения напряженности в венгеро-словацких отношениях скорее можно отнести на счет смены политических элит в этих странах, нежели считать заслугой чиновников, которым было поручено воплощение Пакта стабильности в жизнь.

Восточные европейцы поначалу вообще с большой настороженностью отнеслись к инициативе французского премьер-министра Э. Балладюра, выдвинутой им весной 1993 г., посчитав, что это всего лишь очередная уловка Западной Европы с целью заручиться расположением восточноевропейских стран, сделать их более сговорчивыми в других вопросах. Как известно, премьер-министр Франции при подготовке Пакта стабильности для Центральной и Восточной Европы не исключал возможность некоторого изменения границ, там где это могло бы способствовать установлению стабильного мира[2]. Но превентивная дипломатия ЕС не только не дала результатов, но, напротив, только усугубила ситуацию. Ведь параллельно с работой над Пактом стабильности для Юго-Восточной Европы шла война в Югославии, неоднократно осложнялись и сербско-венгерские отношения. Бедные страны региона с готовностью приняли участие в программе PHARE, однако ее «положительное» воздействие везде иссякало параллельно с прекращением финансирования. И этот факт еще раз подчеркивает, что, принимая решение о расширении, ЕС плохо ориентировался не только в экономической, но и в этнокультурной ситуации в регионе. В то время как в середине 1990-х гг. на приоритетное место был выдвинут вопрос цыганского меньшинства в странах Восточной Европы[3], в странах Восточной Европы и Прибалтики без решения остались вопросы неурегулированности гораздо более крупных и оседлых этнических групп.

---

[1] CEI Instrument for the Protection of Minority Rights www.ceinet.org/download/minority_rights.pdf.

[2] См.: *Gazdag Ferenc.* Az Európai Unió közös kül- és biztonságpolitikája. O. 150–151.

[3] Вопрос, безусловно, важный, особенно с социальной, социально-экономической точки зрения. Во всех странах Восточной Европы были созданы цыганские самоуправления и произведена попытка «приблизить цыган к цивилизации цыган». Однако само цыганское население отнеслось к этим попыткам со свойственным его менталитету своеобразием. Восточноевропейские цыгане, там, где это не было связано с прямыми инвестициями в образование и социальную сферу, попросту просаботировали усилия ЕС.

Дело в том, что ситуация в самой Западной Европе пока не дает действительно удачных примеров решения вопросов такого рода, кроме их замалчивания, либо поиск решения проходит при помощи полицейских сил быстрого реагирования. В канун перемен в Восточной Европе на Западе особенной популярностью пользовались швейцарская и тирольская модели урегулирования проблем полиэтничных регионов и национальных меньшинств. Но такая сбалансированная модель, как швейцарская, складывалась веками. В большой степени гарантом ее стабильности было соседство конациональных государств для всех этнических общин. Гарантом же тирольской проблемы в русле программы послевоенного урегулирования стала столь высокая организация, как ООН. Для стран Восточной Европы эта возможность в свое время оказалась упущенной по причине вхождения в советский блок. Поэтому к этому региону на самом деле не подходит ни одна из активно рекламируемых европейских моделей. Этого, к сожалению, не понимали в ЕС. Если речь идет о реальном урегулировании в «промежуточном» регионе, то оно может быть достигнуто только в рамках договоренности между ЕС и Россией. Это единственные возможные гаранты стабильности во всем регионе от Балтики до Средиземного моря. Но по политическим причинам и вследствие несвободы в области политических решений ЕС продолжает воздерживаться от этого единственно перспективного варианта.

Страны Вишеградской Европы, вошедшие в первую восточную волну расширения ЕС представляли собой на тот момент далеко не самый отсталый европейский регион. А по таким параметрам, как уровень образования населения, уровень научно-технического прогресса и квалификации рабочих и служащих, новые члены ЕС, возможно, даже превосходили многие из стран ЕС. Поэтому эти страны несли в себе большой потенциал критического отношения к программам Евросоюза, не учитывающим местные особенности. Надо помнить, что этот регион развивался на стыке трех культурных, цивилизационных пространств[1] и как минимум двух экономических полюсов. Поэтому реально его связывает с остальной Европой гораздо меньше, нежели это пропагандировалось евроэнтузиастами в самом начале 1990-х гг. Правда, неожиданный ход реформ, стремление в вакууме предложений укрепиться за счет модернизирующего потенциала процесса адаптации к стандартам ЕС, все более настойчиво выталкивали его в сферу западного влияния. И здесь уже приходилось приспоса-

[1] Об этом см.: *Szűcs Jenő.* Vazlat európa három történeti régiójáról. Bp, Magvető Kiadó, 1988. P. 138.

бливаться и стремиться к тому, чтобы вклиниться с ответным словом в монолог Евросоюза.

Страны региона обладают характеристиками менталитета, порожденными особенностями их исторического развития. В частности, полностью осознавая, что тот момент единственной возможностью экономического роста являлось присоединение к ЕС, они не спешили и даже не желали полностью делегировать общеевропейской структуре свой суверенитет. Это сходство в устремлениях постепенно, возможно даже помимо воли самих Вишеградских стран, стало способствовать своеобразной региональной идентичности, выделению региона в особый субъект внутри ЕС. Сближал страны региона и подход к социальным вопросам. Ассиметричная конвергенция стран Востока и Запада Европы неизбежно требовала выработки единой европейской экономической и социальной модели. Однако ее разработка оказалась настолько трудной, что сами комиссары ЕС порой вынуждены были признавать бесполезность этой задачи. В странах Восточной Европы социальная политика, насколько это было возможно, замещала недостатки экономической политики. Попытки же уже на начальном этапе адаптации, не дожидаясь отдачи от экономических реформ, разрушить сложившуюся систему социальной поддержки и компенсаций вдвойне осложняли существование большинства населения этих стран.

Накануне приема восточноевропейских стран в ЕС все более очевидным становилось, что механизмы действовавшие в рамках ЕС-15, малоперспективны для ЕС-27. И тем не менее Европейское сообщество в силу целого ряда факторов представлялось странам Восточной Европы наиболее притягательным ориентиром.

Во-первых, Сообщество являлось наиболее стабильной и даже динамично развивающейся, в экономическом и политическом плане, структурой на Европейском континенте.

Во-вторых, среди членов Сообщества есть страны, традиционно поддерживавшие связи с Восточной Европой и в предыдущие десятилетия (если не сказать столетия), это Германия, Франция, Австрия.

В-третьих, в условиях развала ОВД и отсутствия других структур оборонительного характера в восточной части Европы, оборонительные союзы Сообщества, в частности НАТО, рассматривались как единственные силы, способные защитить их национальные интересы.

В-четвертых, интеграционные механизмы Сообщества, в той мере, в какой они затрагивали вопросы вовлечения новых членов, являлись сдерживающим фактором для реанимации в Восточной Европе локальных национальных конфликтов, этим следствием вакуума влияния в регионе.

В-пятых, ЕС являлся и в некоторой степени остается и сегодня тем безальтернативным ядром, которое по принципу концентрических кругов уже притянуло к себе все дееспособные региональные структуры, включая Вишеградскую Европу. Тем самым оно доказало свою способность играть роль континентального интеграционного центра.

3.3. Взаимосвязь между процессом восточноевропейских трансформаций и интеграцией в ЕС

За 20 лет реформ страны Восточной Европы прошли по меньшей мере четыре важных переходных этапа: первый — импровизационный, — этап, который еще отличался национальным видением реформ; затем последовал второй этап трансплантации институтов, связанный в той или иной мере с понятием *попурри* из собственных и западных представлений; третий и четвертый этапы — это уже непосредственно этапы «исправления ошибок» или корректировки курса и окончательного поглощения.

Демонтаж социалистической системы и этап политико-экономических импровизаций

На рубеже 1990-х гг. еще не существовало очевидной взаимосвязи между процессами реформ и внешнеполитической переориентацией. Примерно до середины 1990-х гг. многие политики и политологи, пытаясь анализировать происходящее, как правило, разделяли процесс реформирования и процесс расширения ЕС, поскольку и в том и в другом случае не было ясного понимания сущности проходивших процессов.

Если говорить о реформировании, то события, происшедшие в странах Восточной Европы (а тем более Вишеградской Европы как ее части) на рубеже 1980—1990-х гг., оказались весьма неожиданными для большинства внутренних и внешних наблюдателей, которым ситуация в этих странах казалась достаточно стабильной. Если говорить о расширении, то сам ЕС до середины 1990-х гг. избегал четкого артикулирования своих намерений в отношении стран Восточной Европы.

Большинству населения события рубежа 1980—1990-х гг. представлялись случайными, пусть и происшедшими в «правильном направле-

нии». Однако, если исходить из того, что случайность представляет собой сложную закономерность, являясь «характеристикой нашего восприятия явлений, соответствующих сегодняшнему уровню познания, не способного до конца понять и объяснить причину наблюдаемых явлений»[1], то события в ВЕ (впрочем, как и в СНГ) должны предстать как логичное следствие каких-то глубинных, но от этого не менее объективных, процессов.

Первоначально казалось (а многие и сейчас так считают), что основным содержанием исследуемых событий был процесс замены планово-централизованной экономики на рыночную, в явном виде начавшийся в странах ВЕ (и СНГ) на рубеже 1980—1990-х гг. (возможны некоторые вариации этого тезиса: например, «переход к капитализму и демократии»[2] или «постсоциалистический процесс замены централизованной плановой экономики на рыночную»[3]). Но в любом случае «главным виновником» начала реформ в странах ВЕ до сих пор традиционно принято называть централизованную экономику с ее неспособностью эффективно адаптироваться к новым условиям и, соответственно, идеологию, обосновывавшую целесообразность существования такой системы.

Действительно, для всех стран ВЕ было характерно наличие громоздкой и архаичной структуры экономики, неэффективное и даже расточительное использование материальных и трудовых ресурсов, разбалансированность внутреннего рынка, дефицит потребительских товаров и продовольствия. К началу 1990-х гг. заметно обострились финансовые диспропорции, увеличивался и принимал хронический характер бюджетный дефицит, ощущалась нехватка средств для инвестиций. Кроме того, тяжелым бременем была внешняя задолженность и нараставшие трудности по ее обслуживанию.

Правда, Б. Гёкай отмечает, что ключевым фактором экономического краха стран ВЕ явились не столько внутренняя экономическая организация или неэффективная политика, сколько внешние факторы — изменение структуры баланса глобальных социо-экономических и политических сил[4]. В свою очередь Гж. Колодко указывает, что какое-либо событие в реальном экономическом механизме очень

---

[1] *Серёгина С.Ф.* Роль государства в экономике. Синергетический подход. М.: Дело и Сервис, 2002. С. 34.

[2] *Домбровски М., Гортат Р.* Политические детерминанты экономических реформ в бывших коммунистических странах //Эковест (Экономический вестник). 2002. № 4. С. 560.

[3] *Колодко Г.* От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. М.: Эксперт, 2000. С. 13.

[4] *Gökay B.* Eastern Europe since 1970. Harlow: Pearson education, 2001. XX. P. 67.

редко бывает следствием только одного фактора, а если и бывает, то все равно он не мог бы выполнять роль движущей силы, если бы одновременно с ним не существовали другие обстоятельства[1].

Как видно, и в том, и в другом случае, речь идет о факторах, действующих практически в режиме реального времени, различающихся только местом своего «происхождения» — внутри или вне социально-экономической системы. Поэтому все вышеперечисленные факторы, представляют собой совокупность одного иерархического уровня. Причем внешние факторы (по Б. Гёкаю) оказали значительное, если не определяющее, воздействие на ход развития стран ВЕ. И хотя последний тезис является следствием экспертных (т.е. субъективных) оценок, сложно доказуемых с «цифрами в руках», известная доля достоверности в нем, скорее всего, присутствует.

Однако, если перейти на более высокий уровень рассмотрения этой проблемы, то при описании сущности процессов трансформации в странах ВЕ, необходимо учитывать и такой своего рода «надфактор» как «фазовый переход» (т.е. изменение состояния системы, при котором кардинально меняются ее свойства). Фазовый переход характеризуется изменением поведения населения, что и вызывает последующие изменения в основных институтах социально-экономической системы.

Действительно, фазовый переход в странах Восточной/Вишеградской Европы и был тем надфактором, который оказывал мощное влияние на весь ход общественного развития не только в исследуемом регионе, но и во многих других. По крайней мере, совершенно очевидно, что за последнюю треть XX в. в странах Запада (к которым в этом смысле можно отнести и страны Вишеградской четверки) произошли огромные изменения, затронувшие все сферы общественной жизни. Масштаб этих изменений в области экономики даже дал основания считать, что капитализм сменился каким-то новым строем, который пробовали называть и посткапиталистическим, и постэкономическим, и постиндустриальным, и информационным, и модернистским и т.п. Думается, что подобная терминологическая разноголосица объясняется отсутствием более-менее единого взгляда на сущность происходящих процессов, неизбежного во времена крупных преобразований. Но главным, на чем хотелось бы сконцентрировать внимание, является *ощущение* масштабности перемен у практически *всех* исследователей и тем более у населения.

---

[1] См.: *Колодко Г.* Мир в движении. М.: Магистр, 2009. С. 417.

Трансплантация институтов и опасения реставрации

Зримым проявлением фазового перехода в странах ВЕ стал процесс, который описывается несколькими терминами: «переход», «трансформация», «транзит», «смена системы», «системная трансформация» и т.д. Несмотря на кажущуюся множественность скрывающихся за этими понятиями смыслов, общим для них моментом является описание *движения*. В экономическом аспекте его отправной точкой стала существовавшая до конца 1980-х гг. модель планово-централизованного хозяйства, а в качестве ориентира практически единогласно (сомневавшимся просто не давали права голоса и называли их ретроградами) была принята так называемая рыночная модель хозяйствования.

Поскольку на начальных этапах реформ в странах Восточной/Вишеградской Европы вероятность коммунистического реванша оценивалась достаточно высоко, то первые шаги реформаторов были направлены на внедрение рыночных институтов. Смысл их состоял в том, чтобы добиться концентрации маркет-ориентированных отношений в экономической системе стран ВЕ.

Формирование новых институтов в странах ВЕ связывалось с минимизацией применения прежних, «социалистических» норм и правил и заимствованием институтов, развившихся в иной институциональной среде. Это процесс называют трансплантацией (В.М. Полтерович) или импортом институтов (А.Н. Олейник вслед за французским политологом Б. Бади)[1]. Конечно, нельзя забывать, что успех внешних факторов в процессах трансформации был бы невозможен без внутренней поддержки. Так, Дж. Катона совершенно верно заметил, что объективные экономические условия, воздействуя на поведение индивида, все же опосредованы его субъективными воззрениями на экономику[2]. Отсюда следует вывод, что результаты трансформации в большой степени определялись не только готовностью общества «нести издержки изменений, даже не понимая их природу»[3], но и своего рода легитимизацией маркетизации.

Для закрепления стран Восточной Европы (а следовательно, и стран Вишеградской группы) на прозападном пути, усиления их зависимости, или проведения «стратегии магнита», активно внедрялись

---

[1] См.: *Полтерович В.М.* Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24.

[2] Цит. по: *Захарова А.Н.* Современные тенденции развития экономической психологии // Чувашский гос. университет имени И.Н. Ульянова. Чебоксары, 2002. С. 12.

[3] *Домбровски М., Гортат Р.* Политические детерминанты экономических реформ в бывших коммунистических странах // Эковест (Экономический вестник). 2002. № 4. С. 569.

(путем пропаганды) идеологические представления о демократии, свободе, защите прав человека, рыночной экономике и т.п.[1], а также направлялись значительные инвестиции, предназначенные в первую очередь для того, чтобы сбить накал недовольства большинства населения и тем самым предотвратить возможность реставрации (в части перераспределения собственности и корректировки внешнеполитического курса). Вишеградские страны стали в определенной степени полигоном для западных политтехнологий. Здесь активизировали свою деятельность различные западные неправительственные общественные и частные фонды[2]. Это свело до минимума риск реставрации социалистических порядков в Польше, Венгрии и Чехии[3].

Ближе к середине 1990-х гг. и на Западе, и в Восточной Европе проявились попытки если не создания теоретической базы восточноевропейских реформ, то хотя бы попытки их осмысления. Так, удалось установить закономерность: чем менее радикальный характер носил начальный этап трансформаций — тем менее вероятна была последующая институализация продвинутых изменений[4].

Вступление в этап поглощения

После многочисленных мер в рамках вышеназванных этапов по реформированию социально-экономической системы, носивших во многом импровизационный характер, появилась относительная ясность в отношении интеграционных перспектив стран ВГ.

Переходу стран Восточной Европы и Прибалтики к третьему этапу трансформаций, т.е. к непосредственной адаптации, последовавшей после подачи заявок на вступление в ЕС, способствовали два полити-

---

[1] См.: *Нестеренко А.Н.* Экономика и институциональная теория / Отв. ред. акад. Л.И. Абалкин. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 364.

[2] Иными словами, как подчеркивает М. Шимаи, произошло нечто вроде физического перемещения, импорта демократии (*Simai Mihaly.* The democratic process and the market: Key aspects of the transition in comparative perspective // The democratic process and the market. Tokyo-New-York-Paris: UN University Press, 1999. P. 55).

[3] В специальной литературе под термином «реставрация» применительно к странам Восточной Центральной Европы подразумевается: 1) возможность возвращения к социальному порядку, характеризовавшему эти общества до послевоенного прихода к власти коммунистов; 2) восстановление социально-экономического порядка характерного для эпохи социализма, но с новыми идеологическими лозунгами и под новыми знаменами. См., например: *Wnuk-Lipinski Edmund.* Reform, Revolution and Restauration. Three features of the Post-Communist Transformation // Transformationsprozesse in den Staaten Ostmitteleuropas 1989–1995. Baden-Baden: Nomos, 1998. S. 62–63. В данной статье мы склоняемся к использованию термина в его втором значении.

[4] Ibid. S. 75.

ческих обстоятельства. Первое — это конституционный кризис 1993 г. в России, разрешившийся расстрелом Парламента. Это событие, с одной стороны, утвердило решимость восточных европейцев к окончательному уходу на Запад, а с другой — придало им дополнительные шансы на его внимание. Второе — это результаты волны парламентских выборов в этих странах, после которых к власти в большинстве из них вернулись реформкоммунисты. И хотя последние и не помышляли о смене курса, само это обстоятельство, тем не менее, заставило поволноваться и Европейский союз, и НАТО. В январе 1994 г. КЕС приступает к масштабному пересмотру всей своей политики в отношении государств Восточной Европы и Прибалтики. Как заявил Жак Делор, «наступило время подумать о “бóльшей Европе”»[1].

Фактически настало время диктата одной стороной своих условий другой стороне, что как раз и можно определить как *поглощение*. Такой диктат порой носил ультимативный характер, не допускающий торга, сомнений. Иногда применительно ко второму этапу реформирования используют термин «асимметричная конвергенция» который, тем не менее, нельзя назвать более удачным, чем «поглощение», поскольку конвергенция предполагает двустороннее приближение крайних позиций к некой усредненной. Однако мы не наблюдаем ни двустороннего движения (налицо одностороннее), ни сближения крайних позиций. Правда нельзя отрицать, что наблюдается отказ от принципов радикального либерализма и применение более социализированных подходов, но это может в действительности означать лишь то, что страны Запада, выступающие главными инициаторами маркетизации и трансформации, сами «снизили планку» по сравнению с более бескомпромиссными временами первоначального накопления капитала.

После июньского 1994 г. саммита на Корфу, ЕС приступил к выработке стратегии, предваряющей прием новых членов[2]. Она была одобрена на саммите в Эссене в декабре того же года. В 1995 г. ЕС составил и утвердил Пакт стабильности для Центральной и Восточной Европы и так называемую «Белую книгу» — дорожную карту для стран Восточной Европы, которая и направила стихию постсоциалистических реформ в русло адаптации к условиям западной интеграции[3].

Оба эти документа разрабатывались параллельно и были предназначены — первый для адаптации законодательства и экономических

---

[1] Цит. по: *Barber Lionel.* Delors Calls for Closer Ties to Eastern Europe. Financial Times. 1994, Jan. 29–30.

[2] В период с 1994 по 1996 г. практически все ассоциированные члены из стран Восточной Европы и Прибалтики подали заявки на вступление в ЕС.

[3] Принята в марте 1995 г.

параметров восточноевропейских стран к нормам Общего рынка. Второй — преследовал цель урегулирования потенциальных конфликтов на национальной почве в восточной части Европы. Однако ключевым инструментом механизма адаптации оставались ранее заключенные Европейские соглашения.

В рамках, запущенной таким образом в середине 1990-х гг. программы подготовки к поглощению, страны-претенденты должны были ежегодно представлять в Брюссель отчеты о работе по адаптации своих экономик, политической и законодательной систем. По результатам их оценки КЕС выдвигал новые задания[1]. Перевод с советских норм стандартизации на западные начался через экологические, санитарные и коммуникационные программы ЕС. Так, активным нападкам подверглись энергетические программы стран-претендентов, базировавшиеся на использовании атомных электростанций советского производства. Закрывались предприятия пищевой отрасли, не соответствовавшие стандартам ЕС по санитарным нормам, промышленные предприятия, нарушавшие принятые в ЕС нормы выброса в атмосферу. Постепенно был заменен авиапарк, городской транспорт, военная техника и т.п. Все это в первую очередь способствовало росту западной экономики. Как считает венгерский политолог Йожеф Бёрёц, «с 1989 года новые суверенные государства Восточной Европы служили двум главным геополитическим целям, ни одна из которых не отвечала их собственным интересам *per se*. Они обеспечили безопасность Западной Европы по ее внешнему периметру и обеспечили дешевой рабочей силой и энергией некоторые из крупнейших мировых корпораций»[2].

После того как обе части Европы определились со стратегической целью на интеграцию, ЕС стал более избирательным в поддержке политических партий. Если в конце 1980-х гг., преследуя цель сломать прежнюю государственную машину, Запад способствовал приходу к власти в Восточной Европе любых партий — лишь бы они выступали антагонистами, ориентировавшимся на Москву коммунистам. На этапе же поглощения, ЕС начал оказывать поддержку вполне определенному политическому спектру, который мог бы предотвратить возврат к прошлому и одновременно имел бы соответствующее образование и некоторый опыт руководства. А это, как правило, были люди из второго эшелона реформкоммунистов, называвшие себя теперь социалистами.

---

[1] Следует отметить, что, поскольку после вторых парламентских выборов политический спектр в странах Центральной и Восточной Европы в значительной мере выровнялся, задания не отличались большим разнообразием, а также сложностью.

[2] *Böröcz J.* East European Entrants to EU: Diffidently Yours // The Polish Foreign Affairs Digest. 2003. Vol. 3. No 4 (9). P. 47.

Таким образом, ко второй трети — середине 1990-х гг. в Восточной Европе наступило время прагматиков, которым под руководством ЕС предстояло провести в своих странах западную интеграцию.

Этап оценки эффективности трансформации

По прошествии полутора десятков лет с начала трансформации и накопления статистики переходных процессов успехи стран ВЕ все еще оценивались неоднозначно. Да, к началу 2000-х годов почти все страны ВЕ официально были признаны западным сообществом странами с рыночной экономикой, но критерием этого признаны темпы либерализации государственного регулирования экономики, а отнюдь не экономический рост и повышение уровня жизни подавляющего большинства населения стран региона. В целом социальная цена реформ признана достаточно высокой. Об этом, в частности, говорилось на многочисленных международных конференциях в самых разных странах и городах, посвященных трансформационной проблематике.

Представляется, что главная причина подобного диссонанса между ожидавшимся и актуальным состоянием социально-экономической системы кроется в завышенных ожиданиях в странах ВЕ и СНГ от внедрения рыночных принципов организации хозяйственной деятельности. В свою очередь, причиной завышения ожиданий могло стать и то, что в современной экономической науке, господствует точка зрения об абсолютной прогрессивности рыночных отношений по отношению к любой другой системе отношений.

На вторую треть 1990-х гг. в наиболее продвинутых странах ВГ приходится переоценка некоторых перестроечных шагов: пересмотр условий приватизации и условий предпринимательской деятельности для иностранцев, в частности при покупке земли и при вывозе капиталов.

В отечественной политологии утвердилось мнение, что главным регулятором процесса реформ, ограничителем амплитуды политэкономического маятника стала исключительно смена политических партий у власти, механизм парламентской республики. На самом деле опыт стран Восточной Европы показал, что сама жизнь вносила изменения в курс ведущих партий, сближая их точки зрения, проводя некий эволюционный отбор. Так, социалисты, придя к власти, отнюдь не спешили к приведению общества и экономики в соответствие со своими представлениями. Во многом они вынуждены были приспосабливаться к состоянию доставшегося им от предыдущей партии государства. Кроме того, подав заявления о вступлении в ЕС, они должны

были четко следовать его рекомендациям. Любые новые шаги на самом деле были жестко регламентированы.

Таким образом, начавшийся с раннего этапа адаптации к стандартам ЕС вялотекущий процесс переориентации восточноевропейских государств с Востока на Запад обнаружил явный перекос: наряду с явными преимуществами обнаружились и весьма досадные просчеты. Поиск же баланса, устраивающего страны региона, изначально не входил в компетенцию Евросоюза. Запад также сделал выводы и сократил финансовые вливания в страны с уже осуществленными революциями[1]. Поэтому этот этап, т.е. середина 1990-х гг., отмечен и небывало активным вмешательством МВФ в процесс экономического, и, опосредованно, — политического реформирования в странах Восточной Центральной Европы.

Последствия трансформации для стран Вишеградской Европы

В целом представляется, что экономическая политика Запада в отношении «прочих» стран (естественно, включая и Вишеградскую группу) строится на трех основных мотивах, замаскированных неолиберальной риторикой:

- организация вывоза наиболее ценных ресурсов и содействие утечке умов. Лозунг прикрытия — либерализация и взаимовыгодность мировой торговли;
- углубление технологической и структурной отсталости под лозунгом поддержки сложившейся системы разделения труда;
- создание условий для вторжения капитала под лозунгом обеспечения максимальной открытости экономики этих стран.

Правда, к населению стран ВЕ постепенно пришло понимание того, что с расширением открытости внешнему рынку они в значительной мере утратили свободу не только выбора рычагов регулирования внешнеэкономических связей, но и обеспечения стратегии развития внешнеэкономических отношений[2].

---

[1] По новой стратегии практика штурма и натиска должна была продолжаться до тех пор, пока эти государства не станут частью западного интеграционного механизма, пока они не обретут помимо прав еще и обязанности перед новыми партнерами, перед западным капиталом. То есть политика Дж. Буша-старшего, озвученная им в 1990 г. в Будапеште — научить восточноевропейцев помогать себе самим — была окончательно отвергнута.

[2] См.: *Фейт Н.В.* Внешнеэкономическая политика стран Центральной и Восточной Европы // Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 3. Трансформации 90-х годов. Ч. 1. М.: Наука, 2002. С. 302

Часть экспертов к тому же считала[1], что присоединение восточноевропейских стран к ЕС в среднесрочной перспективе приведет к росту отрицательного сальдо во внешней торговле. Либерализация торговли окажется более выгодной для стран ЕС нежели для новых стран — членов ЕС, а далее ситуация может только усугубляться[2]. Постепенно становилось все очевиднее, что финансовые вливания за счет структурных фондов и прямых инвестиций ЕС не могут компенсировать потери Восточной Европы. Вырисовывалась перспектива, что восточноевропейские экономики действительно станут всего лишь «топливом»[3] для нового этапа экономического подъема интеграционного ядра Европы, «брошенным в затухающий костер глобальной маркетизации, для того, чтобы «обогреть» главных его инициаторов». Фактически речь идет о сознательном, целенаправленном внешнем воздействии на определенную группу стран в интересах другой группы стран.

Следствием этого, например, являются изменения в мотивации бизнеса: не максимизация дохода, а достижение некоего среднего уровня, позволяющего более-менее заниматься собой. На наличие у предпринимателей других ценностей, кроме максимизации прибыли, также указывает М. Филлипс[4], А. Пригожин[5], Г. Колодко[6] и др. Видимо, не случайно, что в западном мире постоянно сокращается годовое количество часов рабочего времени: по данным ОЭСР за 1980–2008 гг. этот показатель снизился с 1900 до 1792 в США, с 1960 до 1420 в Германии, с 1940 до 1650 в Великобритании и т.д.[7] Конечно, это и результат роста производительности труда, но где-то и желания побольше времени уделять досугу.

В отношении стран Вишеградской группы тенденция выглядит аналогичным образом *(см. табл. 3.3.1)*, только с той разницей, что в абсолютном выражении годовое количество рабочего времени явно больше, чем в других западных странах.

---

[1] См.: *Захматов Н., Фомичев В.* Интеграция Польши в ЕС и интересы России // Современная Европа. 2001. № 4.

[2] См.: *Дрыночкин А.В.* Восточная Европа как элемент системы глобальных рынков…

[3] *Baun Michael J.* A Wider Europe…

[4] *Филлипс М.* Мировой капитализм: требуется ремонт // Россия в глобальной политике. 2003. № 3. С. 178.

[5] А. Пригожин — президент Национального института сертифицированных консультантов по управлению. Его высказывание: «...меркантильность предпринимательства сильно преувеличена. Это только на новых, незрелых рынках прибыль самоцельна. «Манимания» и есть лихорадка первоначального накопления» (цит. по: Ведомости. 23.05.2007).

[6] *Колодко Г.* Мир в движении. М.: Магистр, 2009. С. 296.

[7] См.: http://stats.oecd.org/Index.aspx?DatasetCode=ANHRS (данные размещены на сайте 13 сентября 2009 г.).

Даже на, казалось бы, глубоко индивидуальном уровне принятия решений о покупке наблюдается воздействие на потребительское поведение, проявляющееся, например, в изменении формата торговли — переходе от рассредоточенной мелкой розницы к концентрированной в крупных торговых центрах. Не случайно в странах ВЕ за 1998–2006 гг. произошло значительное увеличение инвестиций в коммерческую недвижимость (торговую и офисную). Эта величина за указанный период в пересчете на душу населения составила в Чехии 420 евро, в Венгрии — 310 евро, в Словакии — 300, в Польше — 184, но в России — всего 9,2 евро[1].

Но эти примеры касаются главным образом микроуровня. Переходя на более высокий уровень, развитие «плановых» и «рыночных» сегментов экономики не обязательно должно происходить по принципу одно за счет другого. Скорее их следует рассматривать как равнозначные элементы системы организации хозяйственной деятельности социума. Так, В. Ойкен указывал на существование между этими двумя «идеальными порядками» множества промежуточных форм. Он отмечал, что всякий смешанный тип хозяйственного порядка внутренне нестабилен и через более-менее непродолжительное время начинает развиваться в сторону того или иного «чистого» типа. Но это не означает предопределенности процесса развития, поскольку система А может трансформироваться в систему Б и обратно вне какой-либо временной последовательности[2]. Вектор движения системы в самом общем виде определяется тем, как разрешается конфликт между экономикой и обществом, между интересами частного предпринимателя и социумом.

Таблица 3.3.1

Годовой объем рабочего времени на одного работника (в часах)

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Венгрия	2065	2056	2065	2061	2019	2027	1998	1998	1997	1993	1988	1988
Польша	...	...	...	1988	1974	1979	1984	1983	1994	1985	1976	1969
Словакия	...	1837	1820	1815	1790	1733	1678	1733	1768	1773	1776	1769
Чехия	2101	2106	2104	2092	2000	1980	1972	1986	2002	1997	1985	1992

Источник: http://stats.oecd.org/Index.aspx?DatasetCode=ANHRS.

[1] См.: *Tóth I.* Mit visz a jövő? // HVG. 2006, November 11. O. 31–32.

[2] Цит. по: *Евстигнеев Р.Н., Евстигнева Л.П.* Постсоциалистическая трансформация в контексте современной экономической теории. М.: ИМЭПИ РАН, 1997. С. 10.

Поэтому когда некоторые ученые, исходя из посылки, что страны ВЕ отказались от принципов чистого либерализма и потому-то применяют более социализированные подходы, говорят о возможности (вероятности) формирования в странах ВЕ некой «квазисистемы», инкорпорирующей позитивные стороны существовавшего социалистического образа жизни в предлагаемые Западом «демократические ценности»[1], следует подходить к их выводам осмотрительно.

Пожалуй, главным следствием «интеграционной» политики ЕС является то, что дифференциация европейских стран с переходной экономикой продолжает сохраняться даже спустя более чем полтора десятилетия с момента начала их открытой маркетизации. Впрочем, и во времена своего расцвета социалистические экономики нельзя было рассматривать как некую унифицированную группу, между ними всегда были качественные отличия. Несмотря на структурную стереотипность и настойчивые попытки подогнать различные социалистические, политические и экономические системы под один стандарт, каждая социалистическая экономика имела свои особенности, определившие в конечном итоге их способность лучше или хуже адаптироваться к новым обстоятельствам.

Так, все страны бывшего соцлагеря подошли к началу перехода с различным набором структурных и политических черт прежней экономической системы, с разным уровнем образования, производственных навыков и уровня доходов. Например, в 1980-х гг. частичная либерализация политического режима была осуществлена в Венгрии, Польше, Югославии, СССР, но в Болгарии, ЧССР, ГДР и особенно в Албании и Румынии правили авторитарные режимы; в некоторых странах (в Болгарии, Венгрии, Польше, Югославии) уже существовала двухуровневая банковская система, тогда как в других все еще доминировал «монобанк» (т.е. центральный банк выполнял и коммерческие функции); в Польшу и Венгрию уже начал поступать иностранный капитал, а Румыния была еще полностью закрыта от остального мира; доля населения с доходом менее 1 долл. США в день (так называемый «уровень бедности») не достигала 5% в Венгрии, Чехословакии и Словении, но превышала 50% в Казахстане, Вьетнаме и Молдове[2].

Различались страны и по другим показателям. Так, в 1990 г. средняя величина объема ВВП в текущих ценах на душу населения в трех странах Балтии (551 долл. США) была даже ниже уровня Албании (665 долл. США), а показатель Казахстана (4,2 тыс. долл. США) превышал уро-

---

[1] На это указывает, в частности, Шишелина Л.Н. (Указ. соч. С. 27).

[2] См.: *Колодко Г.* От шока к терапии… С. 209.

вень почти всех восточноевропейских стран, кроме Словении и Хорватии (соответственно 9,2 и 5,5 тыс. долл. США)[1]. Даже в отставании от Запада имелась дифференциация: так, по производительности труда, уровню энерго- и материалоемкости производства, эффективности капиталовложений считавшиеся передовыми в этом отношении ГДР и ЧССР в самом конце 1980-х гг. отставали от развитых стран в 1,5–2 раза, Венгрия — в 2–2,5 раза, остальные — еще больше.

По сути, в настоящее время страны с переходной экономикой объединяет только их общее социалистическое прошлое. Даже на обывательском уровне заметны различия между уровнями развития рыночных отношений в Венгрии и Таджикистане, Польше и Туркмении, Эстонии и Киргизии и т.д.

В самом общем виде получается, что страны, бывшие до начала реформирования более развитыми, таковыми и остались, а менее развитые не превратились в развитые. В таком случае говорить о растущей дифференциации стран ВЕ в связи с подготовкой к вступлению в ЕС не совсем правильно, поскольку трансформация — несмотря на лозунговый характер ее преимуществ, — по сути, только законсервировала существовавшие во времена социализма различия, и не позволила странам-аутсайдерам догнать лидеров.

Однако нельзя отрицать присутствие дифференциации в политике западных стран. Так, сохранение различий между странами ВЕ привело к тому, что с середины 1990-х гг. усиливается тенденция со стороны западных структур дифференцировать страны региона[2], которым предстояло определиться с тем, какие же из стран Восточной Европы и Прибалтики станут партнерами по НАТО и ЕС. В отличие от СССР, который инвестировал в Восточную Европу исходя из принципа равенства, Запад в 1990-е гг. осуществил наиболее крупные инвестиции в Польше, Чехии и Венгрии. В результате они прошли этап адаптации ускоренными темпами, став уже к концу 1990-х гг. членами западного военно-политического сообщества. Такая политика Запада благосклонно воспринималась этими странами, считавшими, что «единственный путь сохранить безопасность — в развитии взаимозависимости между ближайшими и более далекими соседями. Это раскрывает суть проекта под названием ЕС»[3].

---

[1] Рассчитано по: *Устинов И.Н.* Мировая торговля: статистическо-энциклопедический справочник. М.: Экономика, 2002.

[2] О процессе дифференциации между странами региона в середине 90-х годов подробно в: Der Osten Europas im Prozess der Differenzierung // BIOST. Carl Hanser Verlag. Jahrbuch 1996/97.

[3] *Olechowskij Andrzej.* Four Premises for the Polish Strategy in the European Union // The Polish Foreign Affairs Digest. 2003. Vol. 3. No 4 (9). P. 26.

Чаще всего нынешние различия между странами ВЕ в деле маркетизации экономики объясняют различиями в отправных моментах трансформации. Как правило, под ними понимают достаточно широкую совокупность варьирующихся характеристик:

— длительность существования коммунистического режима;
— исходные политические условия (наличие политических институтов: конституция, избирательное право, политические партии, свобода печати и т.п.);
— степень открытости Западу;
— структура экономики (например, высокая доля военно-промышленного комплекса);
— степень экономической независимости предприятий, наличие «анклавов» частного сектора в экономике;
— географические факторы (например, близость к крупнейшим рынкам, доступ к морю и др.);
— субъективные факторы проведения реформ: темпы, комплексность, внутренняя непротиворечивость, последовательность и т.п.

В целом воздействие этих характеристик представляется достаточно детерминированным. Так, например, справедливо считается:

— что более ранний (по времени) допуск иностранного капитала в той или иной стране подготовил почву для последующих крупных инвестиций и экономического роста;
— что гибкий частный сектор в сельском хозяйстве и поддержка малого бизнеса сыграли роль дополнительного буфера против резкого падения производства;
— что более глубокое понимание сущности рыночной экономики управленцами, чиновниками, законодателями, интеллектуалами, средствами массовой информации и т.п. содействовало большей гибкости рыночных и государственных структур (банков, финансовых посредников, налоговых органов, частных предприятий, местных органов самоуправления и т.п.) и в конечном счете вело к более оперативному удовлетворению спроса.

Однако наличие в одних странах более благоприятных по сравнению с другими стартовых условий перехода, под которыми преимущественно понимается внедрение рыночных элементов еще в социалистическую экономику, позволяет получить ответ на вопрос о причинах успешного преодоления последовавшего за началом системного перехода глубокого экономического спада (так называемого «трансформа-

ционного кризиса»), но не более того. Вопрос об оценке перспектив как дальнейшего их развития, так и стран, не располагавших подобным набором стартовых условий, остается открытым. Видимо, не случайно польские ученые М. Домбровски и Р. Гортат отмечали, что «значимость исходных экономических условий была ограниченной и с течением времени уменьшалась»[1]. По крайней мере, опыт стран Прибалтики заставляет усомниться в ключевом значении именно этого фактора хотя бы потому, что переговоры с ними о вступлении в ЕС были начаты позже других стран ВЦЕ, но одновременно с Румынией и Болгарией, относящихся к ЮВЕ.

Даже такой фактор, как более короткий или более длительный период существования командной системы «работает» не в полной мере. Считается, что продолжительность этого периода определяет, по выражению Р.С. Гринберга, «различную ментально-психологическую готовность населения к реформам»[2]. В принципе это верно, но нельзя увязывать этот тезис только с периодом трансформации 1990-х и последующих годов. Ведь проведенные во многих странах ВЕ дореформенные структурные преобразования 1960–1980-х гг. (частичная либерализация цен, относительная либерализация внешнеэкономических связей и обмена валюты, создание двухуровневой банковской системы, введение антимонопольного законодательства и механизма банкротства и т.п.) стали возможны в результате стремления членов общества к переменам. Но это стремление выступало результатом преломления в общественном сознании маркет-ориентированных отношений, развитие которых, по нашему мнению, связано с воздействием на страны ВЕ фазового перехода западного общества.

Однако обращение к цифрам позволяет довольно определенно подтвердить тезис о дифференциации стран с переходной экономикой, *только если рассматривать их укрупненно*, исходя из выделенных субрегионов ВЦЕ, ЮВЕ и СНГ. Действительно, на данном уровне рассмотрения хорошо заметно, что страны СНГ по количественно определяемым (т.е. квантифицируемым) показателям динамики формирования и развития рыночных институтов явно лидируют, затем следуют страны Юго-Восточной Европы, и лишь затем идут страны Восточно-Центральной Европы, ядром которой являются страны Вишеградской группы. Конечно, с точки зрения качественно определяемых параметров (т.е. принципиально не измеряемым), картина несколько иная,

---

[1] *Домбровски М., Гортат Р.* Политические детерминанты экономических реформ в бывших коммунистических странах… С. 567.

[2] *Гринберг Р.С.* Экономические реформы в постсоциалистических странах: концепции, результаты, уроки // ЭКО. 2003. № 4. С. 28–29.

но ее достоверность зависит от уровня квалификации экспертов, проводящих подобную оценку.

Весьма примечательно, что последние несколько лет лидерство по темпам экономического роста занимают страны СНГ. В определенной степени это подтверждает тезис крупного, но незаслуженно малоизвестного, венгерского экономиста Ф. Яношши о том, что экономика после кризиса развивается ускоренными темпами до тех пор, пока не выйдет на траекторию докризисного развития. Подобное, очевидно, произошло с большинством стран ВЕ, которые уже к 1999–2001 гг. достигли уровня 1989 г.[1] Несколько позже — к 2004–2005 гг. — достигли дотрансформационного уровня и страны Прибалтики[2]. Впрочем, есть еще более алармистские оценки этих фактов: так, известный венгерский экономист Иван Беренд в 2001 г. отмечал, что «только шесть государств региона по прошествии десяти лет реформирования по уровню ВВП вышли на показатели 1989 года». Для Болгарии, Румынии, Югославии, по оценкам ученого, прошедшие годы были связаны исключительно с кризисом и потерями. По его же прогнозам, страны региона лишь лет через тридцать смогут подойти к порогу, отделявшему их в начале 2000-х гг. от наименее развитых капиталистических стран[3].

Конечно, в замедлении темпов экономического роста стран ВЕ в течение 2000-х гг. сыграло свою роль и ухудшение конъюнктуры мировой экономики, но, думается, что значение этого фактора никак не больше роли стабилизации роста, вытекающего из теории Ф. Яношши. На наш взгляд, в странах СНГ сейчас как раз наблюдается ускоренный рост, компенсирующий издержки так называемого «трансформационного кризиса». По сути, это означает, что в этих странах увеличивается количество объектов, преобретших характер товара, которые и делают возможным столь стремительный и относительно стабильный рост. Соответственно, в странах ВЕ увеличение количества таких объектов относительно замедляется, что и выводит их из группы лидеров.

Опираясь на квантифицируемые показатели, можно отметить, что страны Вишеградской Европы проводили трансформацию с переменным успехом. На рисунке 3.3.1 хорошо видно, что лидерами по темпам экономического роста периодически становилась каждая из вишеградских стран, только кто-то чаще, кто-то реже. Так, в период 1990–2008 гг. Чехия «лидировала» лишь 2 раза (в 1990 и 2005 гг.), но

---

[1] Польша — в 1996 г., Словакия — в 1999 г., Венгрия и Словения — в 2000 г., Чехия — в 2001 г.

[2] Кстати, единственной из стран ЮВЕ, сумевшей к 2001 г. достичь дореформенного уровня стала Албания, хотя здесь скорее всего «сработал» эффект низкой базы. Из стран СНГ таковой стал Узбекистан.

[3] Из лекции в Институте Европы в Будапеште 28 марта 2001 г.

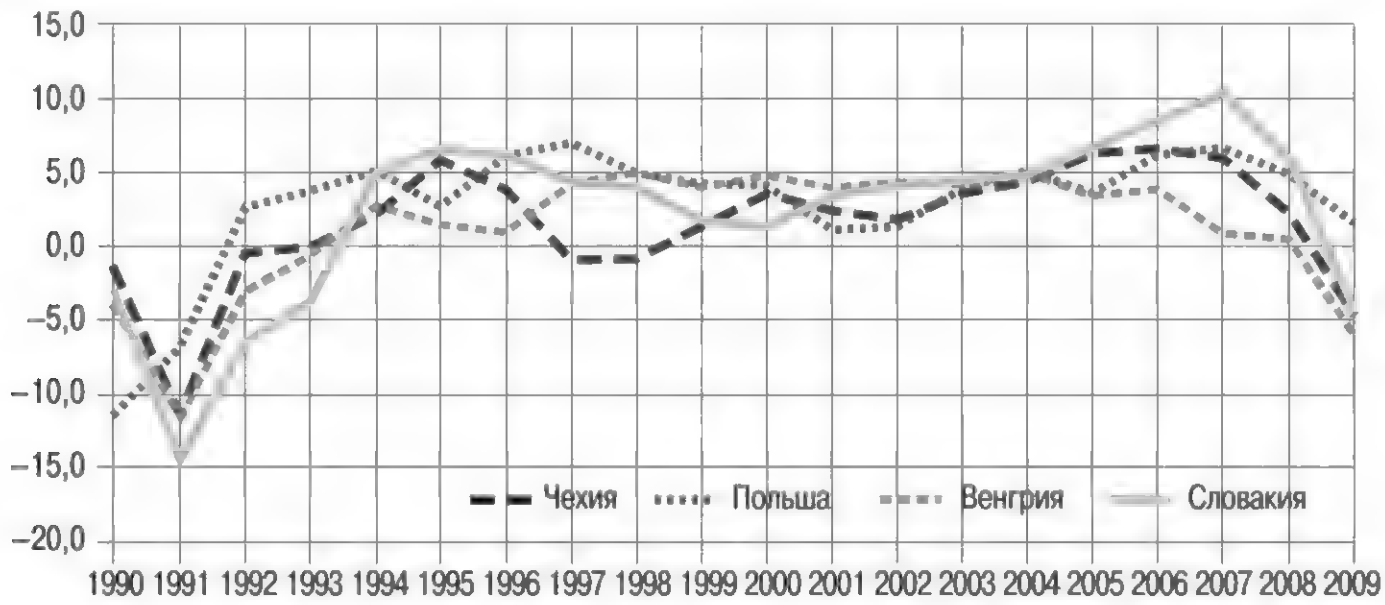

Рисунок 3.3.1. Диаграмма темпов экономического роста стран Вишеградской группы

Венгрия — 4 (в 1998–2001 гг.), Словакия — 6 (в 1996, 2002–2003 и 2006–2008 гг.), Польша — 7 раз (в 1991–1995, 1997 и 2004 гг.). При этом, однако, наблюдается общий повышательный тренд, учитывающий, тем не менее, кризисные события 1998 и 2008–2009 гг.

Но если результаты «вишеградцев» по данному показателю рассматривать на фоне остальных стран Восточной Европы, то окажется, что они вовсе не блистали успехами, находясь обычно во второй половине, а то и в самом конце, списка восточноевропейских государств *(см. табл. 3.3.2)*. Только один раз (в 1992 г.) Польша возглавила этот список[1]. Больше всех из стран региона «отличилась» Латвия (в 1990–1991 и 2001–2006 гг.), а в течение 1993–2000 гг. аналогичные позиции заняли Албания (!) и Босния с Герцеговиной (!). Объяснение последнему феномену может иметь двоякий характер: с одной стороны, недостаточно прозрачная национальная статистическая система, которая вольно или невольно могла оказывать повышательное воздействие на показатели ВВП, но с другой стороны, мог сказаться так называемый «эффект базы».

Видно, что страны ВЦЕ с точки зрения оценки квантифицируемых показателей развития выглядят не так уж и успешно. Тем не менее их продолжают характеризовать как наиболее преуспевших в процессе трансформации и даже присваивают им разные определения типа «ведущие реформаторы»[2], «консолидированные рыночные

---

[1] В 2009 г. Польша вновь стала лидером, но только среди стран ЕС.

[2] *Домбровски М., Гортат Р.* Политические детерминанты экономических реформ в бывших коммунистических странах… С. 558–594.

Таблица 3.3.2

Ранжирование стран Вишеградской группы по темпам экономического роста

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Среди всех стран с переходной экономикой (28; до 2004 г. — 27*)																			
Венгрия	12	18	4	6	8	15	18	14	11	9	14	21	21	24	22	24	26	28	26
Польша	24	9	1	2	5	4	8	9	11	9	19	27	27	20	17	26	18	19	18
Словакия	10	23	7	10	6	7	6	11	13	19	24	23	19	19	21	17	9	6	12
Чехия	7	15	2	5	10	9	10	22	24	23	23	22	25	22	24	13	16	24	21
Среди европейских стран с переходной экономикой (16; до 2004 г. — 15*)																			
Венгрия	4	9	3	6	7	13	13	9	5	4	6	10	10	13	10	14	15	16	14
Польша	14	3	1	2	4	4	6	6	6	5	10	14	15	9	5	16	8	8	9
Словакия	3	13	5	8	5	6	4	8	7	7	14	12	9	8	9	7	3	2	4
Чехия	2	7	2	5	9	8	7	12	14	10	13	11	14	11	12	4	6	13	11
Среди стран Вишеградской группы (4)																			
Венгрия	3	3	3	3	3	4	4	3	1	1	1	1	2	4	3	3	4	4	4
Польша	4	1	1	1	1	1	2	1	2	2	2	4	4	2	1	4	3	2	2
Словакия	2	4	4	4	2	2	1	2	3	3	4	3	1	1	2	2	1	1	1
Чехия	1	3	2	2	4	3	3	4	4	4	3	2	3	3	4	1	2	3	3

Источник: составлено автором на основании материалов Евростата.

экономики»[1], «победители»[2] и т.д. В чем же причины подобного положения?

Представляется, что особую роль здесь играют неквантифицируемые критерии, т.е. те, которые можно ранжировать только с помощью экспертных оценок (например, степень интеграции с ЕС, либеральный предпринимательский климат, достаточно хорошо развитый финансовый сектор и т.д.). К такого же рода показателям можно отнести и такие характеристики, как существенный прогресс в построении базовых рыночных институтов, ощутимое улучшение жизни людей, прочное утверждение в обществе принципов демократии, плюрализма и рыночной экономики.

Как считает, уже упоминавшийся нами, Андраш Инотаи, в самом начале процесса трансформаций все страны имели одни цели — демократизацию и рыночные реформы в экономике. Однако спустя 10 лет

[1] *Колодко Г.* От шока в терапии… С. 229.

[2] *Седов С.А.* Возможность догнать индустриально-развитые страны: влияние глобализации // Власть. 2003. № 3. С. 31.

после начала реформ, различия и внутри регионов, и между Восточно-Центральной и Юго-Восточной Европой в целом стали гораздо больше, нежели они были в конце советской эры. Структурные различия возникли в том числе, считает А. Инотаи, и по причине ускоренного приспособления к нормам ЕС[1]. Естественно, что если ЕС предлагал реформы, слабо ориентируясь в особенностях местных экономик, то такие реформы вряд ли могли принести много пользы. Тем более сплочение постсоветского региона изначально не было целью Евросоюза.

С другой стороны, сказалось и то, не отмеченное А. Инотаи обстоятельство, что Запад в лице ЕС или НАТО, предпочел сразу сотрудничать с наиболее развитыми и при социалистической системе, в экономическом отношении, странами — Венгрией, Чехословакией, Польшей и Словенией. Это обстоятельство сыграло решающую роль в усилении экономических различий между странами Восточноевропейского региона. Другие переходные страны получили дополнительный импульс со стороны Запада и соответствующие экономические вливания, правда, уже в более скромных размерах лишь ближе к концу 1990-х гг. В результате действительно сложилась ситуация, когда 70% экспорта ЕС в страны Восточной Европы и 68% импорта оттуда приходилось на три страны региона — Польшу, Чехию и Венгрию[2]. По таким показателям, как стоимость (сложность) производства одной тонны экспорта, Венгрия почти в шесть раз превосходила Латвию[3]. Растущий разрыв не способствовал, не то что росту, но и сплочению региона, сохранению его как единого целого.

В связи с необходимостью измерения степени «рыночности» экономики в странах Восточной/Вишеградской Европы, учитывающих как квантифицирумые, так и квалифицируемые показатели, было разработано достаточно большое число индексов, показывающих степень глубины структурных преобразований в странах с переходной экономикой, развития рыночных институтов и распространенности так называемой экономической свободы. Среди этого многообразия выделим несколько, на взгляд автора, более обоснованных.

Индекс структурных преобразований. Разработан специалистами Всемирного банка и ЕБРР. Представляет собой синтетический показатель, рассчитываемый на основании взвешивания шести субиндексов. Его формула достаточно роста: Первый элемент равен индексу ценовой либерализации и развития конкуренции ЕБРР, умноженному

---

[1] См.: *Inotai András.* The «Eastern Enlargements» of the European Union... P. 86.

[2] Ibid. P. 93.

[3] Ibid.

на 0,3. Второй элемент равен индексу либерализации торговли и валютных операций ЕБРР, также умноженному на 0,3. Третий элемент равен индексу большой и малой приватизации, а также банковской реформы, умноженному на 0,4. Таким образом, данный индекс на 73% представляет либерализацию и на 27% — приватизацию. Еще два индекса охватывают развитие налогообложения и систему прав собственности. Веса выбирались произвольным образом, но в действительности из-за значительной ковариации выбор весов не играет существенной роли для выявления положения стран относительно друг друга.

Индекс экономической свободы Фонда наследия (Heritage Foundation). Рассчитывается ежегодно с 1995 г. Представляет собой синтетический показатель из 10 индексов[1] с равными весами. Каждый из индексов состоит из нескольких субиндексов, значения которых в связи с периодическими пересмотрами методологии оценивались и по 5-бальной шкале, и по 100-балльной шкале. В настоящее время значение индекса в интервале от 80 до 100 свидетельствует о полной экономической свободе, от 70 до 80 — о преимущественно свободной экономике, от 60 до 70 — о в основном свободной экономике. Поэтому сопоставление стран уместно проводить исходя не из фактического значения индекса, а из занимаемого места в общем перечне рассматриваемых стран.

Индекс экономической свободы Института Фрейзера (Fraser Institute). Состоит из пяти субиндексов (доля государства в экономике; надежность правовой защиты собственности; стабильность денежной системы; свобода внешнеэкономических операций; госрегулирование кредита, трудовых отношений и деятельности предприятий) с равными весами, каждый из которых, в свою очередь, включает 5–6 подкатегорий. Специфика индекса такова, что он в большей мере отражает состояние законодательства, нежели его воплощение на практике.

В целом — если судить по данным этих трех индексов — прослеживается довольно заметная тенденция медленного повышения качества «рыночной» среды в странах Вишеградской группы. В связи с этим, естественно, напрашивается желание увязать продолжительность этого процесса с эффективностью самой трансформации. Но многое здесь зависит от выбора временнóго интервала: чем больше времени проходит с момента начала трансформации, тем сложнее давать оценку. Так, А. Ослунд указывает на необходимость продолжительного периода

[1] В частности, индекс свободы предпринимательства, свободы торговли, свободы труда, свободы от коррупции, свободы инвестиций, налоговой свободы, монетарной свободы, финансовой свободы, также размера государства и индекс защиты прав собственности.

в оценке результативности того или иного процесса: «зачастую успех реформ в той или иной стране оценивается лишь исходя из показателей роста за прошлый год, что не всегда дает надежные оценки»[1].

Причина в том, что на первоначальные, ясно понимавшиеся факторы, сейчас наслаиваются новые, которые не действовали в тот период, и, соответственно, трудно понять, является ли нынешнее положение стран Вишеградской группы следствием правильного перехода, но неправильных последующих действий, либо сам переход имел дисфункциональный характер, последствия которого преодолеваются только сейчас грамотной экономической политикой.

Действительно, в начале экономических преобразований в Вишеградских странах, практически совпавших во времени, многим наблюдателям казалось, что наибольших успехов в реализации своей экономической программы достигла Венгрия, а в отношении Польши отмечали, что страна скорее всего переусердствовала с шоковой терапией, поскольку там свирепствовала гиперинфляция. Соответственно, многие поспешили объявить программу реформ, принятую в Польше, неудачной. Однако, когда в Польше возобновился экономический рост, темпы которого были выше, чем в Венгрии, маятник качнулся в другую сторону. В связи с этим Г. Колодко отмечает: «...Когда после нескольких лет, в результате существенного изменения политики развития и системных преобразований, экономика вошла в фазу быстрого роста, была предпринята психологически и политически понятная попытка внушить себе и другим, что это положительные последствия неолиберального эксперимента, разве что отложенные во времени более, чем ожидалось»[2]. Примерно такая же ситуация и с Чехией, где начатые в 1991 г. реформы казались весьма основательными и внушавшими оптимизм, однако к 1997 г. этот признанный лидер экономических преобразований утратил позиции и уступил свое место Венгрии.

И наконец еще один вопрос, который длительное время обсуждался в научной среде, но так и не получил вразумительного ответа (как нам представляется, во многом из-за исчезновения самого предмета обсуждения): это вопрос о преимуществах так называемой «шоковой терапии» или постепенных преобразований (так называемая концепция «градуализма»).

В течение всего хода процесса трансформации велись интеллектуальные и политические споры в отношении данной проблемы, накал которых периодически то рос, то снижался. Библиография многих

---

[1] *Ослунд А.* Строительство капитализма. Рыночная трансформация стран бывшего советского блока. М.: Логос, 2003. С. 40.

[2] *Колодко Г.* Мир в движении. С. 289.

Таблица 3.3.3

Мигранты из стран-кандидатов на вступление в ЕС*

Принимающие страны ЕС-15	1999		2002	
	Количество (тыс. чел.)	Доля от общего числа (%)	Количество (тыс. чел.)	Доля от общего числа (%)
Германия	547,8	62,67	597,1	61,10
Италия	55,8[3]	6,38	107,4	10,99
Австрия	103,0[1,2]	11,78	78,6	8,04
Великобритания	39,0[1,2]	4,46	45,9	4,69
Швеция	26,4	3,02	26,2	2,68
Франция	22,0[1,2]	2,52	25,9	2,65
Греция	20,1[3]	2,30	23,7	2,42
Испания	13,8	1,58	16,2	1,66
Нидерланды	11,3	1,29	14,4	1,48
Финляндия	12,8	1,46	13,6[4]	1,39
Бельгия	11,2	1,29	13,2	1,35
Дания	9,2	1,05	11,3	1,15
Люксембург	0,7[1,2]	0,08	2,7	0,27
Португалия	0,8	0,09	1,0	0,10
Ирландия	0,2	0,02	0,2	0,02
Итого:	***874,2***	***100,00***	***977,3***	***100,00***

* В данном случае: Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Чехия и Эстония,

Примечания: 1 — Оценка на основе данных о занятости; 2 — 1997 г.; 3 — 1998 г.; 4 — 2001 г.

Источник: Alvarez-Plata P., Brücker H., Siliverstovs B. Potential Migration from Central and Eastern Europe into the EU-15 / Report for the European Commission, DG Employment and Social Affairs. Berlin, 2003. P. 3.

Таблица 3.3.4

Индекс экономической свободы Института Фрейзера для стран Вишеградской группы

	1980	1985	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
						Значение индекса					
Венгрия	4,6	4,9	5,1	6,3	6,7	7,0	7,0	7,4	7,5	7,4	7,5
Польша	...	3,8	3,9	5,2	6,2	6,0	6,1	6,1	6,7	6,7	6,8
Словакия	...	...	...	5,4	6,2	6,5	6,4	6,8	7,4	7,6	7,6
Чехия	...	...	...	5,8	6,7	6,8	6,7	6,8	6,9	7,0	7,0
						Место страны в рейтинге					
Венгрия	79	78	74	48	46	35	34	22	20	28	28
Польша	...	100	103	88	74	87	76	78	58	66	69
Словакия	...	...	...	81	76	56	65	44	24	17	20
Чехия	...	...	...	71	48	43	50	44	46	53	63
Общее число стран в рейтинге	*105*	*111*	*113*	*123*	*123*	*123*	*123*	*127*	*130*	*141*	*141*

Источник: Институт Фрезйзера.

англоязычных работ по этим вопросам приведена у М. Домбровски и Р. Гортат[1]. Сами они считают, что быстрые, радикальные и всесторонние реформы привели к лучшим результатам трансформации, чем постепенные и компромиссные. В качестве доводов ими приводятся тезисы о сокращении периода временнóго вакуума, когда прежние механизмы уже не работают, а рыночная дисциплина еще недостаточно влияет на поведение предприятий; о снижении уровня ожиданий экономических агентов в отношении инфляции и других макроэкономических явлений; о сокращении периода социально болезненных шагов[2]. Аргументы сторонников градуализма (или как своеобразно отмечено одним переводчиком — «постепеновцев»[3]) сводятся к тому, что более медленный темп преобразований позволяет вовремя замечать ошибки и исправлять их. На начальных этапах перехода в странах ВЕ многие известные советологи (А. Ноув, С. Коэн, В. Прус, К. Ласки и др.) склонялись к желательности постепенного демонтажа старой социально-экономической системы. Г. Колодко по этому поводу выразился довольно жестко: «В действительности же относительный экономический успех — очевидный особенно в 1994–1997 гг., когда ВВП на душу населения вырос на целых 28% и Польша вступила в ОЭСР — был достигнут не благодаря, а вопреки так называемой шоковой терапии... Если кто-то считает иначе и видит причину более позднего улучшения ситуации в ранее предпринятых действиях — в особенности с конца 1989 г. и в 1990–1991 гг., — совершит логическую ошибку типа post hoc ergo propter hoc, ибо «шоковая терапия» закончилась провалом. В итоге издержки этого предприятия были не только намного больше, чем предполагалось, а результаты намного меньше, чем обещалось, но первые — траты — были намного выше необходимых, а вторые — достижения — намного меньше возможных»[4].

Происходит эволюция взглядов на природу трансформации, на сущность рыночной экономики даже у тех, кто являлся самым активным поборником системных преобразований в Вишеградской/Восточной Европе. Например, Дж. Сакс в свое время энергично внедрял принципы радикального либерализма в Польше, ...и в других странах, но после публикации в 2005 г. книги «Конец бедности», в которой он в значи-

---

[1] См.: *Домбровски М., Гортат Р.* Политические детерминанты экономических реформ в бывших коммунистических странах... С. 567–568.

[2] Там же. С. 568.

[3] *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003. — 300 с.; Термин «постепеновец» встречается в трудах Л.Д. Троцкого и, судя по всему, весьма распространен в 20-е годы XX в.

[4] *Колодко Г.* Мир в движении. С. 289.

тельной степени дистанцировался от неолиберальной теории[1], получил от влиятельного экономического издания «Экономист» ярлык левого.

На наш взгляд, все попытки точно определить преимущества или недостатки того или иного подхода, во многом оказались несостоятельны из-за того, что не учитывались внутренне присущие человеку особенности, а именно его субъективное ощущение времени. Когда человек живет в соответствии с собственным ощущением времени, он испытывает комфорт, когда ход событий заставляет его изменять внутреннюю скорость, появляется дискомфорт. Думается, что такой подход вполне распространим и на все общество, которое аналогичным образом должно двигаться в соответствии со своим, «общественным» ощущением времени. Поэтому дилемма «быстрее-энергичнее» и «медленнее-кропотливее» упирается в субъективное восприятие времени этносоциальными системами. Заметим, что «шоковая терапия» практически нигде не была реализована в полной мере (разве что в Польше, да и то с некоторыми оговорками).

Если говорить об общей перспективе трансформации региона, то следует учитывать то важное обстоятельство, что регион — наследник Австро-Венгрии, как и Прибалтийский регион, исторически являлись и остаются полупериферией не только мировой, но и европейской политики. Ему досталась переходная, мостовая роль не только в культурно-цивилизационном плане, но и в экономическом. XX в. существенно отразился не только на мировосприятии народов региона, особенностях его менталитета, но и на экономическом развитии[2]. Преимущественно сельскохозяйственная специализация региона изначально не устраивала Евросоюз, который пытался переквалифицировать региональное производство. Отчасти это уже удалось, однако основные споры, как видится, еще впереди. С годами становится все более очевидным, что отказ от рынка СССР, а затем и России, лишь частично удалось заместить преимуществами интеграции с Западом. А перенос шенгенской границы на границы бывшего СССР, стал новым потрясением для многих отраслей экономик этих стран.

Понятно, что этот исторически и географически промежуточный регион будет и впредь отставать от Запада, пока и к Востоку от него не начнется ускоренный экономический рост. Лишь оказавшись на пере-

---

[1] См.: *Sachs J.* The End of Poverty: How Can We Make It Happen in Our Lifetime. N-Y: Penguin Press, 2005.

[2] И это отличие не только в преимущественно аграрной специализации и Восточной Европы и Прибалтики. Хотя в экспорте Венгрии на рынок ЕС, например, свыше 60% составляет именно продукция промышленных предприятий. Высоки эти пропорции в экспорте Чехии и Словакии.

сечении двух тенденций к росту, он сможет преодолеть свое полупериферийное существование. А пока он может довольствоваться практически лишь той динамикой, какую ему предоставлял последние годы процесс адаптации к стандартам ЕС. В свою очередь, ЕС может выходить на новые экономические показатели, получив в полное свое распоряжение новый рынок Вишеградской Европы.

В этой связи уместен вопрос о конечных целях трансформации (т.е. о том, к чему же в конечном счете должны прийти страны ВГ). С одной стороны, страны Вишеградской группы, как и некоторые другие государства региона, признаны мировым сообществом странами с рыночной экономикой, а вступление так называемой «малой восьмерки» в ЕС в 2004 г. Болгарии и Румынии в 2007 г. является тому еще одним подтверждением. С другой стороны, стали все чаще говорить, что трансформация не завершилась, а продолжается; что остается еще ряд проблем, требующих решения и т.п. (пожалуй, наиболее последовательным сторонником такой позиции выступает ЕБРР[1]). Продолжение трансформации предполагает следование традиционному набору «рекомендаций»: поддержание высокого уровня инвестиций, сохранение и повышение конкурентоспособности экономики, создание мелких и средних предприятий, усиление конкурентных начал в экономике, структурная реорганизация традиционных промышленных зон, изменение бюджетно-налоговой и кредитно-денежной политики с учетом соблюдения требования Пакта о стабильности в Европе и создания условий для вступления в ЕВС и т.п.

Причина такого стремления к *перманентности трансформации* видится *в том, что маркетизация стран ВЕ* не осуществлена *в полной мере*! Исходя из понимания ее сущности как вовлечения в рыночный обмен все большего числа новых объектов следует, что в странах ВЕ *еще остались объекты* (неважно — материальные или виртуальные), *не превратившиеся в товары*. С точки зрения обладателя «рыночного» стереотипа поведения это недостаток, который необходимо исправить. Этому объективно способствует то обстоятельство, что каждый новый объект-товар моментально создает вокруг себя множество рыночных связей, для облегчения функционирования которых, в свою очередь, требуются новые и новые объекты-товары. По аналогии с географией происходит своего рода постоянный сдвиг линии горизонта по мере кажущегося приближения к его границе (с той разницей, что процесс этот постепенно замедляется).

---

[1] См. доклады ЕБРР об интеграции и региональной кооперации стран ВЕ и СНГ за 2003 г., а также за 2008: http.//www.ebrd.org/pubs/tr/03/execsum.htm.

3.4. Вишеградская группа в канун вступления в НАТО и ЕС

К сожалению, вишеградское сотрудничество не стало препятствием для развала чехословацкого государства, как не стало оно панацеей и от напряженности в венгеро-словацких отношениях. Так, к 1993 г., из «Вишеградской тройки» в тех же внешних границах получилась «четверка», а между Венгрией и Словакией разгорелся спор по поводу продолжения строительства гидроузла Габчиково-Надьмарош на Дунае на венгеро-словацкой границе.

Прага, озабоченная поисками собственного пути в Европу и менее других затронутая проблемами «беспокойных восточных соседей», дистанцировалась от ВГ буквально сразу же после ее создания. Евроскептицизм в то время премьер-министра Вацлава Клауса определял отношение Чехии к вишеградскому взаимодействию на протяжении всех 1990-х гг.[1]

Что касается польских политиков, то они также с самого начала не были, в отличие от венгров, убежденными сторонниками региональной вишеградской интеграции. В своем выступлении в Сейме в апреле 1990 г. министр иностранных дел К. Скубишевский сказал, что политика правительства «направлена на включение Польши в организованную систему европейского сотрудничества с перспективой объединения континента»[2]. Таким образом, он подчеркнул, что при близких и партнерских отношениях с соседними государствами магистральной целью Польши является включение в Большую Европу.

Создавалось впечатление, что вишеградская инициатива представляет реальный интерес лишь для венгров и словаков, в то время открыто заговоривших о накопившихся проблемах двусторонних отношений. Тем не менее опыт по созданию таможенного союза позволял связать с ВГ определенные надежды на возможности совместной мобилизации усилий стран региона в деле отстаивания своих интересов в рамках ЕС.

К сожалению, действия ЕС не всегда способствовали углублению взаимодействия между Вишеградскими странами. Так, процедура адаптации новых членов, способствовала скорее размыванию их единства, нежели укреплению. Центральноевропейская зона свободной торговли (ЦЕФТА) содействовала ликвидации таможенных барьеров, но в целом она не стимулировала активизацию горизонтальных эко-

---

[1] См.: *Pernal M., Tombinski J., Wisniewski R.* Countries of the Visegrad Group Prior to Accession. P. 99–138.

[2] Sejmowe exposé ministra spraw zagranicznych RP Krzysztofa Skubiszewskiego Warszawa, 26 kwietnia 1990. r. http://www.zbiordokumentow.pl/1990/2/2.html.

номических связей в регионе. Ориентиром для каждой из стран по-прежнему оставались дотации из фондов ЕС и западные инвестиции. По этим статьям между странами шла неприкрытая конкурентная борьба, способствовавшая скорее вертикализации межгосударственных отношений и замыкании их на интеграционном ядре Евросоюза. Фактически на протяжении 1990-х гг. отношения между странами региона характеризовались довольно жесткой конкуренцией за право быть первыми принятыми в ЕС, нежели взаимопомощью.

Много усилий политиков отнимали внутренние политические процессы. В Словакии в апреле 1991 г. был смещен премьер-министр Владимир Мечияр и назначен на его место председатель Христианско-демократической партии Ян Чарногурский. В октябре 1991 г. состоялись парламентские выборы в Польше, но кабинет министров удалось создать только в декабре. Его возглавил представитель право-центристкой коалиции Ян Ольшевский. Так что следующая встреча премьер-министров Вишеградской группы состоялась лишь 5 мая 1992 г. в Праге. Главным вопросом для обсуждения стало укрепление сотрудничества государств региона в целях вступления в западные оборонительные структуры — ЕС и НАТО.

Однако вскоре вновь последовали весьма бурные внутриполитические события. В результате состоявшихся 5–6 июня 1992 г. выборов в Чехословакии к власти вернулся Владимир Мечияр. В Праге в это время полномочия премьер-министра получил Вацлав Клаус. Общее федеральное правительство возглавил Ян Штраский. Затем в июле, после провала кабинета Ольшевского, в Польше последовали новые назначения и кабинет министров возглавила Ханна Сухоцка. В Праге в это время в знак протеста против намерений раздела чехословацкого государства в отставку подает президент страны Вацлав Гавел. Он будет переизбран на пост президента Чехии 26 января 1993 г., уже после официального развода чехов и словаков 1 января 1993 г.

И тем не менее на этом фоне 20 декабря в Кракове состоялось подписание соглашения о создании уже упоминавшегося нами Центральноевропейского соглашения о свободной торговле. В конце августа 1992 г. в Венгрии распадается правительственная коалиция, а в сентябре 1993 г. в Польше проходят досрочные парламентские выборы, в результате которых новым премьером становится лидер крестьянской партии Вальдемар Павляк.

В условиях первых лет утверждения новой политической системы в Вишеградских странах, внутренние процессы, борьба за власть и за собственность, преодоление экономического кризиса оттесняли на задний план вопросы регионального сотрудничества. Уже весной

1994 г. Владимира Мечияра вновь отзывают с поста премьер-министра в Словакии, а в мае в Венгрии проходят парламентские выборы, на которых терпит поражение национально-христианская коалиция, основной вдохновитель вишеградской идеи в Венгрии, ей на смену приходит социал-либеральная коалиция во главе с Дьюлой Хорном.

На протяжении 1994–1997 гг. Вишеградская группа не собирается ни разу. В польском МИДе это состояние охарактеризовали как «Вишеград не существует, но работает»[1]. Контакты осуществляются преимущественно на двусторонней основе. Вновь избранные премьер-министром Словакии Владимир Мечияр и Дьюла Хорн заняты вопросом гидроузла Габчиково-Надьмарош и разработкой соглашения о дружбе, которое Евросоюз выдвинул в качестве условия принятия этих стран в ЕС. На этом фоне венгры успели оспорить строительство словацкой стороной гидроузла на территориях, заселенных этническими венграми в Европейском суде, однако дело решается не в пользу Венгрии. Напряженность в отношениях нарастала. В результате была отменена планировавшаяся на 20 сентября 1997 г. в Братиславе встреча министров иностранных дел двух стран.

Новый импульс Вишеградскому сотрудничеству опять пришел извне. 13 декабря 1997 г. на заседании Совета ЕС в Люксембурге Венгрия, Польша и Чехия были официально приглашены начать переговоры о вступлении в Европейский союз. Это открывало перед вишеградскими странами перспективу взаимодействия и обмена опытом по конкретным вопросам подготовки к вступлению в ЕС.

Существенные изменения произошли и во внутренней жизни государств. После сентябрьских парламентских выборов в Польше в стране сформировалась правящая либеральная коалиция. Премьер-министром стал Ежи Бузек. После парламентских выборов в Венгрии к власти пришла правоцентристская коалиция ФИДЕС во главе с Виктором Орбаном, занявшим пост премьер-министра. После внеочередных парламентских выборов в июле 1998 г. в Праге формируется кабинет под руководством Милоша Зеемана, а в Словакии после сентябрьских выборов в парламент, пост премьер-министра переходит к Микулашу Дзуринде. Таким образом, новый виток в активизации взаимодействия совпал и с приходом на руководящие посты в государствах Вишеградской группы новых лиц. Хотя сам расклад — социалисты и либералы в трех странах против правоцентристов в Венгрии заранее не предвещал легкого согласования вопросов.

---

[1] *Gábor Hárs.* Visegrad — A Personal Memoir of Cooperation // 15 Years of Visegrad. International Visegrad Fund. Bratislava, 2006. P. 51.

После длительного застоя в истории ВГ, 21 октября 1998 г. в канун вступления Венгрии, Чехии и Польши в НАТО, в Будапеште премьер-министры Венгрии, Чехии и Польши приняли заявление о возобновлении Вишеградского сотрудничества. Были произнесены речи о новых серьезных намерениях. В то же время, как отмечает Андраш Деак[1], осталось много вопросов по существу: «В чем различие между сегодняшним сотрудничеством "второго поколения" и предыдущим? Какие исключительные обстоятельства обеспечивают его жизнеспособность и гарантируют вероятность того, что в этот раз ВС не окажется в тупике, как это произошло в начале 1990-х гг.? С другой стороны так и не прояснилось отношение Вишеградского сотрудничества к самому процессу вступления этих стран в ЕС. В какой мере они укрепляют или ослабляют друг друга? Возможно ли, что именно вокруг этого сотрудничества будет создаваться какое-то "ВЕ — измерение" ЕС»?[2] А эти вопросы как раз и являлись главными в сложившейся к концу 1990-х гг. международно-политической ситуации. Возобновление сотрудничества в известной мере способствовало смягчению интеграционного соперничества между странами — кандидатами на вступление в ЕС и сделало регион в целом более привлекательным для его соседей[3]. Однако, продолжает А. Деак, это еще «ни в коем случае не означало, что страны ЦВЕ готовы принести какие-либо существенные жертвы в пользу друг друга, особенно в том, чтобы поджидать друг друга у ворот ЕС»[4].

Характерно, что накануне балканской войны, приближение которой государства региона ощущали особенно остро, на встрече не было принято никакого заявления об обострении ситуации в Югославии. Это обстоятельство подтверждает предположение о несовсем самостоятельном характере этой региональной группировки, дает основания рассматривать ее на этом этапе всего лишь как объект политики НАТО и ЕС. Конечно, можно допустить, как это делают восточноевропейские политологи, что новое дыхание было придано Вишеградскому сотрудничеству в связи с прошедшими в Венгрии, Чехии и Словакии парламентскими выборами, что открыло новые возможности для межгосударственного диалога. С другой стороны, не следует снимать со счета и внешнеполитический фактор. Сам факт совпадения второго этапа с вступлением в НАТО, уклонение от осуждения агрес-

---

[1] *Деак А.* Европейский союз и Вишеградское сотрудничество // Международный диалог. 2001. № 2. С. 52–64.

[2] Там же. С. 52.

[3] Там же. С. 56.

[4] Там же. С. 57.

сии в отношении соседнего государства, безусловно, ставило государства — участники ВГ в особое положение в регионе и, тем самым, объективно заставляло искать взаимной поддержки.

Балканская война, вступление в НАТО, как и образование ЦЕФТА на какое-то время сблизили страны Вишеградской группы. Однако сама основа для сближения не носила сколько-нибудь стабильного, долгосрочного характера. Результаты войны против Югославии не стали для Европы предметом гордости и стимулом для нового единения усилий[1]. Наоборот, в Европе встал вопрос о том, как США удалось втянуть Европу во внутриконтинентальную войну.

Одной из основных проблем для ВГ, как и на первом этапе существования этой организации, оставался поиск сфер сотрудничества. К тому же новый этап взаимодействия вновь был омрачен разногласиями венгров и словаков по поводу строительства гидроузла на Дунае. Некоторое ослабление напряженности вносило появление за столом переговоров вместо Владимира Мечиара его преемника на премьерском посту Микулаша Дзуринды, однако окончательно снять напряженность не удавалось.

Подготовку к подписанию договоров об ассоциированном членстве, а затем и согласование условий вступления в ЕС, Вишеградские страны опять провели разрозненно, и даже конкурируя друг с другом. Ни к чему не обязывающие соглашения о культурном сотрудничестве, развитии инфраструктуры и защите окружающей среды, естественно, не были предназначены для эволюции центральноевропейского сотрудничества до какого-либо нового уровня, да и не могли вести к углублению интеграции. По-прежнему в ВГ отсутствовали механизмы консультаций по важным политическим и экономическим вопросам. Венгры и поляки периодически стремились использовать форум для соперничества и демонстрации своих лидерских амбиций. Так продолжалось до самого момента вступления этих стран в Европейский союз. Постоянное соревнование за первенство в гонке за включение в западную интеграцию не оставляло поля для эффективного регионального взаимодействия.

14 мая 1999 г. на встрече в Братиславе, в которой впервые спустя 10 лет вновь приняли участие премьер-министры всех четырех государств ВГ, обсуждались вопросы гармонизации отношений с отдельными государствами и международными организациями. Венгрия, Польша и Чехия, ставшие 12 марта членами НАТО, выступили с поддержкой приема в военно-политический альянс Словакии, вычеркнутой из

---

[1] См.: *Беттхер Винфрид.* Европейское бессилие на Балканах...

списка в годы премьерства Владимира Мечияра. Такое стремление Словакии войти в альянс в разгар войны на Балканах[1] трудно объяснимо с точки зрения не только морали, но и здравого смысла. Скорее всего, в действиях нового премьера можно предположить тот же мотив, который двигал некоторыми государствами региона в выборе союзников во время Второй мировой войны: не остаться в стороне, поддержать сильного, чтобы не быть обойденным его вниманием после победы. Однако в этом случае не то что о победе, даже о сохранении положительного имиджа говорить не приходилось. Речь могла идти только о перспективном расположении США.

На неформальной встрече премьер-министров в октябре 1999 г. в словацкой Яворине, уже по завершении военной операции в Югославии, обсуждались в основном вопросы укрепления безопасности региона, борьбы с преступностью, визовой политики. Также было принято решение о создании совместного Вишеградского фонда для поддержки проектов в области культуры и науки. Местом расположения фонда была выбрана Братислава — географический центр ВГ.

3 декабря 1999 г. на встрече в словацком Герлачеве президенты Вацлав Гавел, Арпад Гёнц, Александр Квасьневский и Рудольф Шустер приняли «Татрскую декларацию», в которой они подтвердили решимость продолжения сотрудничества ради, как указывалось в документе, «придания нового лица Центральной Европе»[2]. В декларации подчеркивается стремление Вишеградских государств вступить в Европейский союз и повторяется обращение к НАТО с просьбой о приеме в эту организацию Словакии.

2000 г. можно назвать годом усиленной дипломатической активности ВГ, в течение которого лидеры Вишеградских стран знакомились с главами европейских государств. Так состоялись встречи премьер-министров «четверки» с руководством Германии, Франции, Великобритании, Эстонии, Словении, Дании. 9 июня в чешском Штирине премьер-министры Вишеградских стран подписали соглашение о создании Вишеградского фонда. Необходимость в этих встречах была продиктована завершающей стадией периода подготовки к вступлению в ЕС. Тогда и проявилась необходимость к серьезному объединению усилий Вишеградских стран. Все это время Европейская комиссия тщательно следила за достижением странами-кандидатами критериев экономического и политического соответствия, принятых на Копенгагенском саммите. В 1999 г. Еврокомиссия признала, что четыре страны — Венгрия, Польша, Словения и Чехия выполнили главное условие: им

[1] Официально операция НАТО против Югославии длилась с 24 марта по 10 июня 1999 г.

[2] 15 Years of Visegrad. International Visegrad Fund. Bratislava, 2006. P. 47.

удалось создать рыночную экономику. Однако и к 2001 г. ни одна из них не была признана конкурентоспособной[1]. Тем не менее выход был найден. ЕС нашел замещающую формулировку об «условной конкурентоспособности». То есть этим странам были выставлены как бы «условно-положительные оценки конкурентоспособности»[2]. Таким образом, прикрыв глаза на экономические погрешности, Евросоюз в очередной раз продемонстрировал приоритет политических мотивов «восточного расширения» над экономическими, показал свою готовность идти на экономические и финансовые уступки ради достижения политических целей расширения сферы своего влияния.

В вишеградских столицах с большой надеждой ожидали итогов декабрьской 2000 г. встречи глав правительств стран ЕС в Ницце. Ожидания оправдались: был определен окончательный срок расширения этой структуры — 2004 г. Завершился 10-летний период сомнений и неуверенности ЕС, выражавшийся в постоянном переносе сроков приема. На протяжении 1990-х гг. это создавало впечатление о спаде реальной заинтересованности западных стран в приеме новых членов и держало страны Вишеградской Европы в постоянном напряжении. На какой-то момент в Европе наступило деловое согласие и успокоенность. Действительно, Россия определилась с выборами президента и политическим будущим, у западных европейцев окончательно улеглась тревога по поводу возможной угрозы исходящей с пространства бывшего СССР. Эта успокоенность позволила восточноевропейцам на время сосредоточиться на региональных проблемах.

19 января 2001 г., в 10-летний юбилей президенты Вишеградской группы в польской Пштине приняли декларацию о достижениях и об успехах на пути интеграции в Европейский союз и НАТО. А 31 мая в Кракове премьер-министры предложили странам, не вошедшим в Вишеградскую группу, заключение сотрудничества в форме партнерства. Такой статус сразу получили Австрия и Словения. После ряда неформальных встреч, в том числе на Крыницком экономическом форуме, в самом конце 2001 г., 5 декабря в Брюсселе состоялось заседание стран Вишеградской группы и стран Бенилюкса на уровне премьер-министров этих стран. Это доказывало, что в преддверии

---

[1] Данное исследование касается экономических аспектов расширения лишь в фоновом плане. В этой связи показательным может быть факт, что всего за 10 лет была достигнута практически полная переориентация торгово-экономических потоков восточноевропейских и Прибалтийских стран. Если в 1970-е гг. доля торговли стран СЭВ со странами ЕЭС не превышала 10% (и даже колебалась в диапазоне от 1 до 10%), то в 2000 г. на ЕС приходилось уже около 70% экспорта и 60% импорта стран-кандидатов. Цит. по: Страны Центральной и Восточной Европы… С. 24.

[2] Цит. по: Страны Центральной и Восточной Европы… С. 25.

вступления в ЕС вишеградские страны начали поиск формул своего будущего взаимодействия в Евросоюзе. У них уже имелся опыт проведения консультаций по возможным совместным действиям на уровне послов этих стран, аккредитованных при ЕС. Но использование совместной трибуны Вишеградского форума предоставляло странам Центральной Европы гораздо больше возможностей быть услышанными в Брюсселе. С 1998 по 2002 г. в рамках Вишеградского форума прошло восемь совещаний, посвященных проблемам присоединения к ЕС. Лидеры центральноевропейской группировки одной из главных своих задач видели попытку преодоления неравенства в ЕС, которого они так опасались. Министр иностранных дел Польши А. Олеховский писал по этому поводу: «Мы озабочены тем, что с Польшей, после того как она станет членом ЕС, не будут обращаться так, как со всеми, и мы окажемся в подчиненном положении»[1].

В феврале 2002 г. премьер-министры стран ВГ выступили с заявлениями о несогласии с принятым накануне рабочим документом ЕС, в соответствии с которым планировалось открыть доступ новичкам к аграрным программам ЕС лишь через 10 лет после их принятия. Польский премьер-министр Л. Миллер высказался в том духе, что равноправие перед бюджетом для стран-новичков могло бы наступить не в 2013 г., как это предлагалось ЕС, а уже в 2006 г.[2] Его поддержал венгерский премьер В. Орбан, предложивший снизить срок ожидания до двух лет. Характеризуя политику ЕС в отношении вишеградцев на тот момент, он подчеркнул, что восточноевропейцы «знают только то, что с ними будут обращаться не как с другими»[3] и призвал к совместным действиям по преодолению второсортного обращения со стороны ЕС. Попытки Венгрии и Польши переломить неравенство в подходах в сторону уменьшения его сроков привели к принятию ЕС компромиссного варианта.

В политическом плане большое влияние на глубину сотрудничества ВГ в начале 2000-х гг. оказывали неопределенности и противоречия внутреннего порядка. Это и очевидные претензии молодого амбициозного и удачливого консервативного премьера Венгрии В. Орбана на роль лидера в ВГ. Здесь, конечно же, были и объективные причины, а именно наибольшие экономические успехи, демонстрировавшиеся Венгрией в период его премьерства. Однако другие страны, строго соблюдая принцип равноправия, отнюдь не стремились к какой-либо

---

[1] *Olechowskij A.* Political System and Foreign Policy. European Union — Polish Project in progress // The Polish Foreign Affairs Digest. 2001. Vol. 1. No 1 (1). P. 74.

[2] Сообщение агентства МТИ от 31 января 2002 г. // http://www.mno.hu.

[3] Там же.

институализации в рамках ВГ. Кроме того, В. Орбан попытался расширить рамки ВГ за счет установления более тесных отношений с Австрией и Хорватией, где у власти также находились национал-консервативные силы. А такая перспектива не устраивала ни Польшу, ни Чехию, ни Словакию.

Очередная продолжительная пауза в сотрудничестве была связана с заявлением венгерского премьер-министра В. Орбана об ответственности чехословацкого государства в связи с декретами Э. Бенеша. В. Орбан потребовал от Чехии и Словакии в канун вступления в ЕС осуществить компенсации жертвам послевоенной политики чехословацкого руководства. В результате 1 марта 2002 г. премьер-министры Чехии и Словакии отказались прибыть в Вишеград на очередную рабочую встречу глав правительств Центральной Европы. Бельгийская газета *La Libre Belgique* назвала заявление В. Орбана холодным душем для Вишеградской группы[1]. Кроме того, венгерский премьер, очевидно, заботясь в первую очередь о собственном имидже на предстоявших парламентских выборах, а не о прогрессе вишеградского процесса, обещал заблокировать прием в НАТО Словакии, пока ситуация с венгерским национальным меньшинством в этой стране не улучшится. Еще он обещал таможенные ограничения в отношении польских товаров. Так что оживление вишеградской инициативы уже спустя месяц-два закончилось полным провалом.

Встречи возобновились только после очередных парламентских выборов в Венгрии, когда власть вернулась к социал-либеральной коалиции. Новый премьер-министр Венгрии Петер Меддеши вместе с главами кабинетов других Вишеградских стран принял участие в состоявшейся 24—25 мая 2002 г. в словацком Тренчине очередной встрече премьер-министров Вишеграда и Бенилюкса. В течение 2003 г. основной темой встреч высшего руководства Вишеградских стран было согласование действий в Евросоюзе после предстоящего в мае 2004 г. вхождении в эту организацию. В марте 2004 г. в Брюсселе, уже в самый канун вступления состоялась еще одна встреча премьер-министров Вишеграда и Бенилюкса. А уже 25 марта Словакия была принята в организацию НАТО.

12 мая 2004 г. премьер-министры Марек Белка, Микулаш Дзуринда, Петер Меддеши и Владимир Шпидла встретились в чешском Кромерже, чтобы наметить конкретные программы сотрудничества уже в качестве членов ЕС. На встрече было подчеркнуто, что с вступлением в ЕС и НАТО были достигнуты главные цели Вишеградской декларации

[1] Сообщение агентства МТИ от 26 февраля 2002 г. // http://www.mno.hu.

о присоединении к общему европейскому интеграционному пространству. Участники особо подчеркнули помощь, оказанную им руководством стран Бенилюкса, а также странами Северной Европы. В качестве ближайших целей лидеры Вишеграда наметили программу содействия подключению к ЕС Румынии и Болгарии.

Опыт 1990–2000-х гг. оставляет много открытых вопросов о реальной эффективности регионального Вишеградского сотрудничества. Однако нет сомнений в необходимости поддержания регионального диалога, как средства предотвращения серьезных конфликтов в центральной части Европы. Трудно определить, какой из этапов, первый или второй, можно считать более успешным. Безусловно, что на первом этапе было больше самостоятельности и свободы действий. На втором появились новые условности, предопределенные адаптационными программами ЕС и НАТО. Открытым оставался и вопрос о совмещении национальных интересов и лидерстве. Уставом организации предусматривается сменное председательство, но не учрежден пост председателя союза. Скорее всего, характер и темпы сотрудничества и не требовали введения такой позиции. Тем не менее Польша, например, имела все шансы на превращение в лидера среди новых членов (а в то время еще кандидатов на вступление) ЕС. Однако, будучи членом и восточноевропейской и балтийской интеграции, она этот шанс не использовала, а предпочла на том этапе стать, по выражению европейских экспертов, «троянским конем США» в регионе и в Евросоюзе в целом[1]. Как пишет польский историк Бронислав Геремек, Польшу упрекают в том, «что она ждет гарантий безопасности от США, а гарантий процветания — от Евросоюза»[2]. Таким образом, проблема «двойной лояльности»[3] Польши существенно ослабила ее международный и региональный авторитет.

Как пройдет этап реального вживления Вишеградских стран в Евросоюз, в общих чертах можно было предсказать, исходя из понимания того обстоятельства, что это было не естественное расширение ЕС за счет так называемой географической завершенности и баланса предыдущих расширений, а расширение, основанное в первую очередь на политическом решении.

---

[1] Это название закрепилось за Польшей группой восточноевропейских стран, поддержавших иракскую кампанию США в пику позиции ядра Евросоюза. См.: *Krzeczunowicz Andrzej.* What European Union Are We Joining? // Poland in Europe. No 2/2004 P. 82; *Chambris Alix.* Is Poland America's Trojan Horse in Europe? // Poland in Europe. 2004. No 2. P. 85.

[2] *Геремек Б.* Мы, Вы и Они в расширенной Европе // Центрально-Европейский ежегодник. 2003. Вып. 1. М.: ЛОГОС, 2003. С. 75.

[3] *Oleksy J.* Poland in the European Union. What Foreign Policy? // The Polish Foreign Affairs Digest. 2003. Vol. 3. No. 2 (7). P. 26.

3.5. Отношения с Россией

В начале 1990-х гг. в Вишеградской Европе в основном происходило одно магистральное движение — на разрыв отношений с Москвой и переориентацию на Запад. В ходе этого процесса, связанного преимущественно с взаиморасчетами и выводом советских войск, бывшие союзники по СЭВ, всячески стремились свести до минимума оценку материального вклада СССР в промышленные объекты и инфраструктуру (включая военную) этих стран и навязать Москве как можно больше компенсационных выплат и долговых обязательств. Помимо политических проблем, такая позиция влекла за собой блокирование торгово-экономических отношений между Россией и этими странами на долгие годы, вплоть до конца 1990-х — начала 2000-х гг. С начала 1990-х гг. в наиболее развитые страны Вишеградской Европы пошел поток инвестиций с Запада и из Японии. Филиалы западных производств на первых порах стремительно заполняли рынки стран Восточной Европы и создавали там новые рабочие места. Параллельно началось резкое падение товарооборота с Россией и другими странами СНГ. Своей низшей точки оно достигло в 1993–1994 гг.[3] Постепенно на рынках стран СНГ продукцию стран Восточной Европы почти полностью заместили товары из западных стран, Китая и Турции. В это время Вишеградские страны стали достаточно быстро наращивать товарооборот с ЕС. Со временем он стал составлять от половины, до трех четвертей их товарообмена.

В области политических отношений между Россией и странами Вишеградской, да и всей Восточной Европы воцарился почти полный застой. Этому в первую очередь способствовало то обстоятельство, что Россия и ее бывшие союзники из Вишеградской Европы перестали быть соседями. В качестве буфера между ними возникло новое государственное образование — Украина. Она устремилась к доказательству своей международной субъектности в конфронтации, как с восточным, так и с западными соседями[2]. Поэтому Украина на какое-то время отвлекла на себя внимание как России, так и государств к западу от нее.

---

[1] Цит. по: *Ludvig Zsuzsa.* Russia's Interests and the Eastern Enlargement of the EU // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях. Сборник материалов II Международной научной конференции. М.: ИМЭПИ РАН, 1998. С. 278–298.

[2] Первопричиной такой позиции нового украинского государства была спорность практически всех его границ и большинства территорий, а также неизбежность подавления прав конациональных меньшинств.

Застой в политическом диалоге между Россией и государствами Вишеградской Европы замещался напряженной дискуссией по поводу ранее замалчивавшихся исторических событий. Среди таких политических вопросов с польской стороны фигурировал главным образом катынский вопрос, с венгерской — 1956 год, с чешско-словацкой — 1968-й. Факт того, что страдания, причиненные народам Восточной Европы в ходе этих событий были осуждены новой демократической Россией и во многих случаях были принесены официальные извинения, в расчет не принимался. В этот период, ни о какой схеме межрегиональных отношений речи не шло. Все отношения с регионом если и складывались, то только на двусторонней основе, причем преобладал репарационный дух, когда страны Вишеградской Европы просто диктовали российской стороне номенклатуру товаров, которыми Россия могла бы рассчитываться с ними за долги. Естественно, что такая ситуация не могла устраивать Россию, и она отвечала своим бывшим партнерам почти полным их игнорированием.

Кроме того, все еще опасаясь попыток реставрации на постсоюзном пространстве и изменений во внешнеполитическом курсе Москвы, восточноевропейские страны не просто стремились выстроить свою безопасность за счет взаимодействия с западноевропейскими оборонными структурами, но и использовали внутренние противоречивые действия российского руководства для запугивания Запада. Особенно демонически Россия преподносилась как раз в вишеградской политической дискуссии[1]. Естественно, делалось это не из заботы о западных государствах, а в первую очередь — из стремления подтолкнуть своих новых союзников к более решительным мерам по включению новых членов в свои военно-политические и экономические структуры. Было бы преувеличением утверждать, что такая политика восточноевропейских государств и ряда бывших республик СССР была способна существенно повлиять на отношение Запада к новой России, но она, несомненно, предоставляла ему дополнительный повод критиковать внутреннюю и внешнюю политику, и пози-

[1] Особенно сильны были антироссийские настроения в Польше. Одна группа причин скрывалась в сложном историческом наследии двусторонних настроений. Это признает, например, польский исследователь Рышард Райф, когда пишет: «Россия — большая, если не самая большая проблема Польши... антироссийская позиция является частью польской истории, а не политики». Другая группа причин — это боязнь военного усиления России при продолжающейся экономической нестабильности. Анджей Герасимович, по этому поводу пишет, что Россия обладает «огромным дестабилизрующим потенциалом». См.: European Union — Russia — Poland. Transcript of a discussion at the colloquium held by the «Polska w Europie» Foundation on February 5, 2004 // Poland in Europe. Warsaw 2005. P. 106, 93.

цию Москвы, равно как и позволяла пролонгировать отношения холодной войны с Россией[1].

В первой половине 1990-х гг., а в большинстве случаев даже до самого конца десятилетия, отношения государств Восточно-Центральной Европы с Россией, оставались не просто в тени отношений с западными государствами и их интеграционными структурами, но попали в разряд периферийных. Таким образом, все постсоветское пространство было вычеркнуто из внешнеполитических концепций Вишеградских стран.

В начале 1990-х гг. субъектное начало восточноевропейских внешнеполитических усилий находило выход исключительно в региональных связях. Политические усилия стран Восточной Европы более высокой международной ступени, т.е. общеевропейское и мировое направление, не были самостоятельными с самого начала, являясь скорее слепком с политики наиболее сильных региональных государств. Так, страны Вишеградской группы под свою особую опеку приняли Италия и Германия, возможно, поэтому и российское направление в политике Вишеградских стран восстанавливалось соответственно темпам улучшения отношений России со странами-основательницами Евросоюза. Традиционно хорошие отношения России с Италией и Германией довольно скоро дали положительный импульс развитию отношений стран Вишеградской Европы с Россией. В начале 90-х годов был сделан ряд шагов навстречу. В частности, в начале 1990-х гг. были подписаны и ратифицированы политические договора России с Польшей, Чехией, Словакией, Венгрией[2]. Эти документы нельзя назвать существенным прорывом в двусторонних отношениях, поскольку подписаны они были скорее рефлексивно, в русле сложившейся послевоенной практики продления договоров, исчерпавших срок действия. В этих договорах угадывается знакомый обеим сторонам шаблон ни к чему не обязывающей фразеологии. И все же, в самих восточноевропейских государствах с договорами связывались некоторые надежды, хотя бы на формальное сдерживание действий российской стороны. Сами страны Вишеградской Европы, как показало дальнейшее развитие событий, не считали эти договора ограничителями свободы действий в отношениях с западными странами и организациями. В условиях снижения уважения к международному праву и букве закона в целом они в дальнейшем достаточно свободно интерпретирова-

---

[1] Зигмунд Счкоржиньский, например, считает, что, вступив в Европейский союз, Польша получила возможность влиять на восточную политику всего ЕС и ей необходимо получить от этого все возможные дивиденды, пока шанс не будет упущен (Ibid. P. 91).

[2] Подробнее об этом в: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Том третий. Трансформации 90-х годов. Ч. I и II. М.: Наука, 2002.

лись внешнеполитическими ведомствами этих государств. Тем более легко было нарушать договоренности с Россией, поскольку своей главной задачей на тот момент эти страны поставили так называемое «возвращение в родственную им западную цивилизацию»[1].

Начавшийся во второй половине 1990-х гг., хотя и непоследовательный, отход Москвы от либерального курса, прежде всего, вызывал у бывших союзников опасения возможности реставрации тоталитарных порядков и отказа Москвы от обязательств по невмешательству в дела региона. Восточноевропейские правительства любой ориентации постепенно начали считать своим долгом, уподобляясь западным европейцам, и в особенности США, пенять Москве по поводу недемократичности ее курса. Так, выступая летом 2000 г. в Сейме с предложениями по стратегии в отношении России, польский премьер — министр Ежи Бузек в качестве основополагающих назвал два элемента. Первый — это активная поддержка «демократических перемен и проевропейской ориентации» России, второй — разрешение исторических споров[2].

Как отмечает польский исследователь Витольд Родкевич[3], за последнее десятилетие XX в. отношения Польши — и можно однозначно утверждать, что и большинства стран Восточной Европы — с Россией прошли несколько этапов. Первый относится к периоду 1991–1993 гг., и характеризуется инфляцией представлений (особенно с польской стороны) о том, что совместный опыт по выходу из коммунизма, может стать основой качественно новых двусторонних отношений с Россией. Второй этап начался осенью 1993 г. и продлился до лета 1997 г. Однако, по нашему мнению, этот этап длился до самого начала агрессии против Югославии, т.е. до 1999 г. Основным фоном наших отношений в это время был конфликт по поводу вступления Польши, Венгрии и Чехии в НАТО. Третий период, начавшийся, по мнению В. Родкевича, с середины 1997 г., отличался известным охлаждением отношений, время от времени переживавшими кризис. Однако с осени 2000 г. в польско-российских отношениях, и чуть позже и в венгерско-российских отношениях, наметился явный прорыв, признаками которого стали интен-

---

[1] Лозунг скрывал главные надежды этих стран на получение западной помощи для укрепления своей экономики и безопасности, разумеется, в соответствии с видениями политического момента.

[2] См.: *Menkiszak M.* Polish Policy towards Russia, the Ukraine and Belarus, 1991–2002 // Pelczynska-Nalecz Katarzyna, Duleba Alexander, Poti Laszlo, Votapek Vladimir (Eds.). Eastern Policy of the Enlarged European Union. A Visegrad Perspective. Bratislava: Slovak Foreign Policy Association, 2003. P. 131.

[3] См.: *Rodkiewicz W.* Foreign Policy Thinking of Polish and Russian Elites and the Chances for a Polish-Russian Pragmatic Partnership // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях. Материалы IV Международной научной конференции «Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях». М.: ИМЭПИ РАН, 2002. С. 202–218.

сификация дипломатических контактов и изменение самой атмосферы взаимоотношений, что свидетельствовало о том, что отношения с Россией вступают в новую фазу, характеризующуюся поисками прагматических основ взаимодействия. В случае Венгрии и Польши это было связано с выборами в высшие органы государственной власти и сменой политических элит. В то же время смена политического руководства в Словакии, уход с поста премьера В. Мечияра, наоборот, сказалась в охлаждении отношений с Россией.

В нашей характеристике этапов развития отношений Вишеградских стран с Россией мы не склонны дробить период охлаждения на несколько этапов. Причины менялись, но вектор оставался прежним. Поэтому весь период 90-х годов мы склонны считать периодом «замороженного мира» или застоя в российском направлении Вишеградских государств[1]. Справедливости ради, следует отметить, что аналогичные стереотипы были присущи и определенным российским политическим кругам. К тому же открыто русофобская политика Польши, рассматривалась ими как основное препятствие на пути возможного сближения самой России с Европой и выработки конструктивного взаимодействия с европейскими структурами. В 1990-е гг. страны Восточной Европы, используя свое промежуточное, транзитное положение, активно шантажировали западное сообщество виртуальной российской угрозой, как только речь заходила о транспортировке ее грузов и энергоносителей в Западную Европу. Особенно трудным для российского бизнеса оказался диалог с Польшей, ставшей в 1990-е гг. перекрестием крупных российских коммуникационных артерий[2]. Эта доля досталась Польше, в том числе и в связи со стремлением России уменьшить объемы транспортировки через Украину и порты Прибалтики.

Важной проблемой политических разногласий оставались различия во мнениях по поводу независимости и дальнейшей судьбы Украины, Белоруссии и Молдавии. Российская сторона не видела альтернативы интеграции этих государств в СНГ, в то время как Польша ратовала за присоединение их к ЕС и формированию из этих государств собственного пояса безопасности. Парадоксально, но вступление Польши, Венгрии и Чехии в НАТО и ожидающееся присоединение к ЕС явились

---

[1] Польский исследователь Ежи Станчик считает, что «установление более близких отношений между Россией и центральноевопейскими постсоциалистическими странами невозможно по причине нестабильности в России» (*Stanczyk J.* Central Europe — Defining Criteria and Characteristics of the Region… P. 180).

[2] См.: *Бухарин Н.И.* Новый этап российско-польских отношений // Международный диалог. 2002. № 1. С. 97–112.

своеобразным стимулом к изменению отношения к России. Возможно, свою роль здесь сыграло растущее чувство защищенности со стороны Запада. К тому же со временем стало очевидно, что процесс вступления в ЕС займет больше времени, чем это предполагалось странами-претендентами, а тем временем предстояло еще длительное время иметь торговые отношения с Россией. Таким образом, возникла необходимость «прагматизации» внешней политики.

Основу прагматических отношений с Россией в 1990-е — начале 2000-х гг. в первую очередь составила экономическая целесообразность, во вторую — попытка решения проблем безопасности, в третью, но не в последнюю, — цивилизационная. Наиболее ответственная часть руководства Вишеградских стран изначально понимала, что без экономических отношений с Россией восточноевропейская самостоятельность совершенно невозможна. Инвентаризация собственного экономического потенциала и изучение западного рынка неизбежно подталкивали новые правительства стран Вишеградской Европы к поиску соответствующих решений на Востоке. Наиболее адекватно ситуацию и свои возможности оценило словацкое руководство, в одно время даже вынужденное поплатиться за пророссийскую ориентацию полной изоляцией со стороны Европы в целом и своих соседей в частности. На декабрьском 1997 г. саммите ЕС в Люксембурге Словакия была исключена из очереди на прием в эту организацию, и таким образом в 1999 г. она не стала членом организации НАТО. Однако словацкая ситуация в корне отличалась от всех других.

Словакия как самостоятельное государство позже своих соседей вступила в переходный процесс. Причем совмещать меры по трансформации экономики и политики приходилось с процессом национально-государственного становления. Поэтому Словакия дольше других государств противилась механическому копированию предлагаемых Западом моделей. Кроме того, как подчеркивает словацкий политолог Александр Дулеба, словацко-российские отношения несводимы исключительно к экономическим или политическим аспектам[1]. Для словацкой стороны, они имели комплексный характер, в который вписывалась проблема культурной или цивилизационной идентичности словацкого народа. А по замечанию его коллеги Беаты Лукан, особенно проявилось понятие «особой роли» России в области внешней политики[2]. Официально провозглашая курс на европейскую интегра-

---

[1] См.: *Дулеба А.* Отношения с Россией и раскол в геополитической идентификации словацкой элиты // Международный диалог. 1999. № 1. С. 29–38.

[2] См.: *Лукан Б.* Особенности трансформационного процесса в Словакии в 1993–2000 гг. // Международный диалог. 2001. № 1. С. 91–118.

цию и членство в НАТО[1], правительство одновременно искало пути к интенсивному партнерству с Российской Федерацией, объясняя свои действия стремлением избежать односторонней зависимости от евроатлантических структур. Некоторое время оно также рассматривало возможность нейтралитета.

В 1993–1998 гг. ради более полной концентрации на отношениях с Россией Словакия отмежевалась от Вишеградских переговоров. Концепция взаимоотношений с Россией выстраивалась частью влиятельной словацкой интеллигенции, имевшей непосредственное отношение к партиям правительственной коалиции. Помимо функции дальнейшего развития цивилизационной идентичности, российско-словацкие отношения воспринимались частью словацкой политической элиты как потенциальная альтернатива тотальной прозападной ориентации, которой, впрочем, изначально сопротивлялась официальная линия, что вызывало озабоченность на Западе. Именно следствием интенсивных двусторонних российско-словацких отношений стало исключение Словакии из очереди на вступление в НАТО летом 1997 г.[2]

С середины 1997 г. и до парламентских выборов 1998 г. Словакия предпринимала поиски гарантий безопасности вне Североатлантического пакта. Так возникла концепция нейтралитета как по отношению к России, так и по отношению к Соединенным Штатам Америки. При этом под нейтралитетом понималось достижение договоренности о военном нейтралитете определенной территории, имеющей стратегическое значение для обеих конфликтующих сторон[3]. Однако в конкретных геополитических условиях, характеризовавшихся приготовлениями США к конфронтации с Россией на Балканах, попытки одной маленькой страны достичь компромисса с обеими державами были изначально обречены на провал. Россия оказалась слишком слабой, чтобы ожидать от нее эффективных гарантий безопасности, способных обеспечить нейтралитет, а США, напротив, — слишком сильными, чтобы интересоваться какой-то «ничьей землей»[4] в этой

---

[1] В январском 1995 г. заявлении правительства в главе о внешних связях говорилось об обязательстве континуитета во внешнеполитической ориентации страны, в том числе в области сближения Словацкой Республики с европейскими и трансатлантическими политическими, экономическими и оборонительными структурами.

[2] Российская политическая элита поспешила воспользоваться таким оборотом и предложила словацкой стороне дополнительные гарантии безопасности в случае принятия решения в пользу нейтрального статуса страны. Chmel / Samson / Duleba (1998); S. 288. Цит. по: *Лукан Б.* Указ. соч.

[3] Больше всех в пользу нейтралитета высказывалась, и даже успела предпринять некоторые шаги, Словацкая национальная партия, представитель которой занимал пост министра обороны.

[4] *Лукан Б.* Указ. соч.. С. 91–118.

геостратегически важной части Восточной Европы. На обращение председателя СНП от 19 мая 1997 г., способно ли правительство США незамедлительно гарантировать нейтральный статус Словакии, последовал ответ: «Правительство Соединенных Штатов гарантирует безопасность своих союзников, однако, как правило, оно не гарантирует безопасности государств с нейтральным статусом»[1].

Приход к власти после выборов 1998 г. правительства М. Дзуринды положил конец надеждам определенной части словацкой элиты на нейтральный статус их государства, а заодно и закрыл исключительный восточноевропейский прецедент 1990-х гг. Правительство премьер-министра М. Дзуринды, прозванного восточноевропейским Тони Блэром, взяло курс на последовательную интеграцию в НАТО и одновременно пошло на ограничение отношений с Россией, как этого требовали Соединенные Штаты Америки[2].

Для Словакии, объем внешней торговли которой в рамках СЭВ до 1989 г. достигал 73%, крах восточного рынка, был особенно ощутим и, несомненно, являлся причиной стремления как можно дольше поддерживать высокий уровень торгово-экономических отношений с Россией. Тем не менее, считаясь со значительными издержками, а также экономическим ущербом и трудностями, Словакия в основном завершила перестройку этих отношений к 1998 г. Тогда объем экспорта Словакии в страны западного сообщества и третьего мира составил уже 89%[3]. Удовлетворившись сменой руководства в этой стране, осенью 1998 г. Брюссель счел возможным заявить о том, что Словакия имеет все шансы на вступление в ЕС в передовой группе претендентов. Таким образом, был окончательно положен конец метаниям Словакии между Западом и Россией.

Другие страны Вишеградского региона отличались гораздо большей последовательностью в части своей прозападной ориентации. В Венгрии, например, в 1990-е гг. российское направление присутствовало лишь в программе праворадикальной партии Иштвана Чурки[4]. Венгерские национал-консерваторы, таким образом, стремились достичь центральноевропейского баланса для своей страны. Была создана и новая идеологическая формула таких отношений. Первое же свободно избранное национал-консервативное правительство Венгрии

---

[1] Там же.

[2] Добиваясь ускоренного принятия в НАТО, во время авиационных налётов на Югославию весной 1999 г. словацкое правительство без каких-либо ограничений дало разрешение на переправку технического и военного транспорта НАТО по своим автомобильным, железным дорогам и воздушному пространству.

[3] Из этого объема на страны ЕС приходилось 56%.

[4] См.: Magyarország politikai évkönyve 1993-röl. Budapest, DKMKA, 1994.

выдвинуло идею налаживания связей не с Москвой, а напрямую с угорскими регионами России, как известно, обладающими значительными сырьевыми ресурсами. В том числе и по этой причине, этнический фактор во внешней политике Венгрии в 90-е годы вышел буквально на геостратегический уровень[1]. В начале 1990-х гг. венгерский МИД, историки и экономисты активно приступили к всестороннему исследованию Уральского региона. Официально интенсификация «восточной политики» Венгрии подавалась как часть стратегии по возрождению нации, связанной с поиском исторических корней. А финно-угорское направление стало считаться составной частью национальной политики Венгрии[2].

Можно предположить, что на первом этапе новой российской политики Венгрии имела место попытка заместить напряженность по поводу событий 1956 г., правовым аспектом, выразившемся в претензиях по поводу положения финноугорских народов в современной России. Действительно, идеологическое обоснование финноугорской стратегии весьма напоминало «политику прав человека» постхельсинкского периода, когда реальные социальные проблемы финноугорских народов автоматически зачислялись в сферу недостатков межнациональных отношений. Справедливости ради, следует отметить, что это направление так и осталось «верхушечным», т.е. элитарным в венгерской внешней политике, и не смогло заместить действительно общенациональной обиды за 1956 г. Тем не менее эта идеология позволила венгерскому руководству обосновать свое пристальное внимание к богатейшим сырьевыми ресурсами регионам России[3].

Таким образом, и в венгерской «восточной политике» нашел отражение этнокультурный или культурно-исторический фактор. Чехия и Польша никак не использовали славянский фактор. За основу дис-

---

[1] В этническом плане венгры принадлежат к семье финноугорских народов, населяющих Финляндию, Эстонию, Карелию, Кольский полуостров, российское Волго-Камье, Северный Урал и Зауралье. К этой группе относятся эстонцы, карелы, вепсы, саамы (лопари), коми-зыряне и коми-пермяки, удмурты (ватка, калмез, бесермяне), марийцы, мордва (мокша и эрзя), ханты, манси.

[2] В пресс-релизе венгерского МИДа от ноября 1992 г. (тогда у власти находился Венгерский демократический форум, а министром иностранных дел был Геза Есенский) говорилось по поводу необходимости интенсификации работы с финноугорскими народами России.

[3] Не случайно в пресс-релизе венгерского МИДа от ноября 1992 г. говорится: «Более тесные связи с финноугорскими народами смогут позитивно сказаться на развитии чрезвычайно важных для нас двусторонних российско-венгерских отношений и получению нашей страной экономических выгод от взаимодействия со столь богатыми природными богатствами территориями. Кроме того, сотрудничество с нашими дальними языковыми родственниками может представить интерес с точки зрения культуры и науки». Так, среди приоритетов российского направления венгерской внешней политики оказался Ханты-Мансийский округ.

танцирования от России эти государства приняли виртуальную «цивилизационную общность» с Западом. Но если Чехия, не имея общих границ не то что с Россией, но и с бывшими республиками СССР, смогла в целом наименее безболезненно переориентироваться на западные рынки, то Польша, экономика которой в 1980-е гг. подверглась наиболее жестоким атакам США, вопреки желаниям, никак не могла обособиться от восточного рынка настолько, насколько диктовала ей новая идеология. Несмотря на достаточно высокую идеологизацию российского направления внешней политики, Польша и в до-, и в послебалканский период развивала наиболее интенсивные экономические отношения с Россией. Это стало возможным, во-первых, потому, что наши экономические отношения изначально не были обременены проблемой долга. Россия и Польша пришли к соглашению о «нулевом варианте», и это оправдало себя в дальнейшем, не став препятствием для продолжения торгово-экономических связей. Во-вторых, Польша — чрезвычайно сложный объект для Евросоюза. Это самая крупная из принимаемых стран и самая зависимая от сельского хозяйства, рыболовства и прочих, квотируемых Евросоюзом отраслей экономики. Поэтому Евросоюз сам всячески поощрял движение польской продукции на Восток, на российский рынок. В-третьих, Польша граничит с Белоруссией, до недавнего времени единственным союзным России государством на всем пространстве бывшего СССР. Фактически граница с Белоруссией — это и граница с Россией. Никакое другое государство Восточной Европы такими преимуществами не обладает.

В то же время отношения с другими странами Вишеградской Европы развивались не столь интенсивно. Почему?

Во-первых, сыграла роль проблема российского долга, не оставившая России возможности для маневра, а, следовательно, погасившая интерес к развитию торговых отношений со странами, отказавшимися идти на списание и иные уступки в этом вопросе. Пока эти страны, в том числе и Венгрия, ожидали полного возвращения долга, потенциальные ниши на российском рынке были заполнены аналогичной продукцией из Германии, Италии и Турции. Оказалось, что за рынок России, после снятия этой проблемы, пришлось бороться с весьма серьезными конкурентами.

Во-вторых, рынок России, в смысле сбыта продукции, не столь жизненно необходим другим странам региона в той мере, как Польше и, одно время, — Словакии. В отличие от Польши, Венгрия и Чехия действительно удачно использовали вложенные в них Западом инвестиции и ноу-хау. Например, в Венгрию в 1990-е гг. Запад не только вынес сборочные цеха и экологически неблагоприятное производство,

но и инвестировал в развитие исследовательской, технологической базы на территории этой страны. Словом, Венгрия, Чехия и, в итоге, — Словакия, на первом этапе более удачно вписалась в схему европейского разделения труда, чем Польша, и поэтому ЕС особенно не спонсировал их выдвижение на российский рынок или рынки других «третьих» стран.

В-третьих — это уже упомянутые преимущества Польши относящиеся к наличию границы с Российско-Белорусским союзом.

Характерной прагматической чертой политики стран Восточной Европы в 1990-е гг. стала попытка переноса акцента в двусторонних отношениях с Россией на региональный уровень. Такая практика оправдала себя как наиболее «кризисоустойчивая». Если Венгрия выстраивала свои региональные связи, опираясь на этнический фактор, Словакия — на промышленный, то Польша на комбинацию геополитических и экономических факторов. Так, приоритетами Польши с 1997 г. стали Калининградская и Ленинградская области, Татария, Башкирия, Нижний Новгород и Саратов.

Тем не менее перспектива развития отношений России и ЕС сулила странам региона большие капитальные вложения, связанные со строительством транспортных магистралей и трубопроводов для российских сырьевых ресурсов. Россия заинтересована в выходе на Адриатику. Здесь перспективным для деловых отношений Восточной Европы и России являлся проект соединения нефтепроводов «Дружба» и «Адрия». Россия всегда искала и возможности сохранения своего значимого присутствия на Балтике. Противостояние Литвы и Польши в вопросе о транзите к калининградскому эксклаву, одно время легли тяжелым бременем на отношения Россия–ЕС. Поэтому и в этом геополитическом регионе на рубеже 2000-х гг. неизбежно напрашивалось кардинальное геополитическое решение, связанное с существенными экономическими вложениями.

Глава 4. Страны Вишеградской Европы в адаптационный период

4.1. Венгрия: поиски политического баланса

В 1992 г., за два года до новых выборов, в стране разразился новый политический кризис. Сначала премьер-министр Йожеф Анталл разорвал пакт с ССД, сковывавший его действия. Сам премьер объяснил свои действия тем, что переходный период благополучно миновал и перед выборами правящей партии потребуется концентрация усилий для выполнения собственной программы. Это заявление вызвало бурную реакцию в прессе. Одни эксперты одобряли решимость премьера, другие обвинили Йожефа Анталла в попытках установления личной диктатуры. Оппозиция внутри Венгерского демократического форума к лету 1992 г. также перешла в наступление. В августе 1992 г., в дни проведения в Будапеште Всемирного конгресса венгров, один из лидеров ВДФ писатель Иштван Чурка опубликовал труд под названием «Несколько мыслей по поводу двух годовщин смены системы и в связи с новой программой ВДФ». В ней автор проанализировал большой круг вопросов. В частности, он рассмотрел причины революционных событий в Венгрии и в мире, и причины неудач венгерских реформ общества и экономики. В работе было понемногу обо всем: и о проблеме новой венгерской идентичности, и о роли внешней помощи, о легитимности власти, о влиянии средств массовой информации, о смене элит, о национальных взаимоотношениях, о поисках «третьего пути» и о новом табуировании. Но главным в работе была критика в адрес первого лица государства. Брошюра вызвала бурную реакцию и разошлась массовым тиражом по стране, а сторонники Иштвана Чурки вышли из форума. Кто-то перешел в партию Христианских демократов, кто-то в ФИДЕС, многие позже последовали за Иштваном Чуркой в создаваемую им новую партию «Жизни и справедливости». Назвавшее себя после 1990 г. демократическим венгерское общество заклеймило публикацию и объявило ее проявлением дурного тона. Вместо обсуждения и полемики начались ярые нападки на писателя и его сторонников, а работа исчезла с прилавков газетных киосков. (Хотя, ее

еще долго после перепечатывали самиздатовским способом.) В этом проявился «синдром неполного выздоровления» общества. В Венгрии, как и в других постсоциалистических странах появились новые запретные темы: реальная эффективность западной помощи, сомнения в безальтернативности избранного пути развития, национальный вопрос и антисемитизм... В выступлении Иштвана Чурки оппозиция усмотрела сдвиг вправо в правящей партии.

Еще одним событием, пошатнувшим правящую коалицию стало решение лидера Независимой партии мелких хозяев Йожефа Тордяна о выходе из коалиции. Свое решение он объяснил непоследовательностью правительства в осуществлении программы реституции (мелкие хозяева особенно настаивали на возврате конфискованной в послевоенные годы земли). Недоволен был Тордян и символической ролью, которую отвела его соратникам правящая партия. Однако в коалиции остались противники Тордяна, в свое время исключенные им из партии. Таких набралось 36 человек. Таким образом, членом правящей коалиции вместо Независимой партии мелких хозяев осталась НПМХ–36, или «36-ки»...

В конце февраля 1993 г., ровно за год до выборов Йожеф Анталл выполнил обещание, что в предвыборной компании будет участвовать с кабинетом, в котором представлены только члены партий правящей коалиции. Причем к новым выборам первый постсоциалистический кабинет Венгрии шел уже своим третьим составом. Если кабинету Анталла и не удалось достичь впечатляющих результатов ни в экономике, ни в политике, тем не менее, важно было уже то, что в значительно усложнившихся внешнеэкономических условиях он не довел страну до экономического краха и политического хаоса, сохранил главное достижение демократических перемен — возможность избирать новую власть.

После смерти премьер-министра и лидера ВДФ Йожефа Анталла в декабре 1993 г., оба поста унаследовал Петер Борош, вступивший в ВДФ только в 1992 г., уже после раскола форума. И хотя ему уже приходилось фактически руководить страной во время тяжелой болезни лидера, к моменту официального обретения полномочий перед ним встала еще и задача подготовить Венгрию и покинутую многими основателями партию ко вторым парламентским выборам. Юрист по образованию, он не обладал харизмой своих предшественников и ближайшей задачей, скорее всего, видел сохранение перешедшей к нему по наследству партии[1]. А это было нелегко на фоне усиливавшейся критики и со стороны оппозиции, и со стороны бывших соратников.

---

[1] Кстати, Петер Борош оставался в партии до января 2010 г., символизируя собой преемственность поколений и политиков в ВДФ. Тем не менее, в январе 2010 г. он написал в руководство ВДФ письмо о своем добровольном выходе из партии.

Одним из наиболее затяжных и принципиальных стал спор вокруг средств массовой информации. Пришедшее к власти правительство Йожефа Анталла оказалось без массовой ежедневной газеты: все они уже были приватизированы, причем с участием иностранного капитала. Не было у правительства и доступа к телевидению и радио. Это также стало причиной пикетов и массовых манифестаций сторонников ВДФ. Президентское вето не позволяло правительству поставить своих людей руководить государственным телевидением и радио. Президент, который по Конституции должен был находиться вне политики, все чаще втягивался в политические распри, причем выражая настроения либеральной партии, из рядов которой он вышел.

К тому же на снижении популярности правительства и ВДФ отразились более чем скромные экономические показатели. По сравнению с 1989 г. к окончанию срока правления первого демократического правительства промышленное производство в Венгрии сократилось более чем на 35%, а сельскохозяйственное на 30%. В два раза вырос внутренний долг. Число безработных, увеличившись в восемь раз, неуклонно приближалось к миллиону. Дефицит бюджета составил 185 млрд форинтов (2,2 млрд долл. США). Из опроса общественного мнения, проведенного в начале 1993 г.[1], в том числе и международными социологическими службами, следовало, что лишь 20% венгров высказали удовлетворение направлением продвижения их страны после первых свободных выборов.

Однако кое-что все же обнадеживало. Так, первому венгерскому правительству удалось укрепить национальную валюту и добиться ее частичной конвертируемости. За три года курс форинта по отношению к доллару упал всего на 18%. Правительству удалось сделать расчеты в форинтах привлекательными для иностранцев, в том числе, разрешив открывать форинтовые счета. Это позволило, не производя трансформации венгерской валюты, рассчитываться ею при последующих сделках. В январе 1992 г. был закрыт последний венгерский магазин, торговавший за валюту. Все это повысило уважение к национальной валюте — визитной карточке страны.

Если приватизация в форме строительства «капитализма для друзей» была начата еще при реформсоциалистах, то реституция — детище национально-христианского правительства Анталла, которое обещало консервативному избирателю восстановить справедливость и вернуть собственность гражданам страны, пострадавшим в предыдущие годы по политическим и классовым причинам. Первым кабине-

[1] См.: Magyar Hirlap. Februar. 26.02.1993.

том было разработано четыре закона о реституции. Ожидалось, что под их действие попадет около 2 млн человек (при численности населения страны 10 млн). Однако в первое время в специально созданные комиссии обратилась лишь половина — миллион граждан. В виде ценных бумаг и реституционных талонов им было выплачено около 15 млрд форинтов (173 млн долл. США). Причем бумаги эти можно было обменять на бирже, купить на них собственность (квартиру, дом или землю) или просто отовариться в специальной системе магазинов. Хотя с реституцией земельных владений случился промах. Многие новые хозяева, в том числе иностранцы, став владельцами, отказались работать на сельхозугодиях.

Кроме того, уже после свершившихся изменений, венгры поняли, что обещанная западная помощь, скорее всего, не обретет материально-финансового воплощения. Приняв в Маастрихте принципиальное решение о расширении и приеме новых членов из числа восточных европейцев, Евросоюз несколько успокоился, сосредоточившись над вопросами «углубления» — совершенствования своей внутренней структуры. Ассоциированный договор с Венгрией, который она подписала одной из первых в декабре 1991 г., продолжал пребывать в стадии ратификации 12-ю государствами-членами. К весне 1993 г. его ратифицировали лишь две страны — Бельгия и Ирландия. На второй план ушли и хлопоты по вступлению в Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ), а НАТО предложило венграм всего лишь программу ПВМ, как и всем остальным бывшим союзникам, включая Россию. Так что в сфере внешней политики достижения были весьма скромными. Единственной гордостью правительства ВДФ из разряда улучшения отношений оставалось Вишеградское сотрудничество и созданное в его рамках общее таможенное пространство.

С такими результатами завершились первые четыре года новой демократической власти. Некоторые склонны называть именно вторые выборы 1994 г. в Венгрии «настоящими», поскольку за время после первых выборов отсеялись спонтанно возникшие и случайные партии. Сомневавшиеся окончательно определились с членством в той или иной партии-близнеце. Серьезных новых партий перед вторыми выборами образовалось всего две: элитарно-промышленная Республиканская партия и Национальный демократический союз, во главе с ключевой фигурой венгерских преобразований Имрэ Пожгаи. Однако по всему чувствовалось, что время создания новых партий миновало и предстояла лишь консолидация по двум-трем направлениям. Кроме того, впервые начали формироваться предвыборные коалиции.

На выборах, которые завершились 29 мая 1994 г. больше всего голосов избирателей набрала ВСП — 32,99%, достаточно прочные позиции сохранил и ССД — 19,73, а вот ВДФ вышел только на третью позицию, получив 11,73% голосов. Независимая партия мелких хозяев набрала 8,82%, Христианские демократы — 7,03 и ФИДЕС — 7,01%. Партия Иштвана Чурки получила лишь 1,58% и осталась среди других 13-ти не попавших в парламент партий. Всего в выборах принимало участие 19 политических объединений — на одно больше, чем в первых выборах. В целом результаты свидетельствовали об отступлении от национально-консервативного направления и усилении социал-либералов.

Среди причин провала национально-христианского правительства, пожалуй, главными были:

— неприкрытый внешний бойкот и давление. В частности, с угрозами вывести из Будапешта Центральноевропейский университет и ограничить экономические контакты летом 1992 г. выступил известный американский финансист и филантроп венгерского происхождения Джордж (Дьердь) Сорос.
— внутренние противоречия в достаточно молодой партии и в коалиции;
— отсутствие сопоставимого с развитыми демократическими странами доступа к средствам массовой информации, вследствие чего связь между населением и властью напоминала испорченный телефон;
— общая экономическая рецессия в регионе, связанная не только с падением уровня производства, но и с утратой традиционных рынков (в первую очередь — российского).

Возвратившиеся в результате колебания политического маятника к власти реформсоциалисты сформировали типичную социал-либеральную коалицию с Союзом свободных демократов. К власти вернулись известные инициаторы внутрипартийной и экономической реформы. Премьер-министром стал хорошо знакомый на Западе бывший государственный секретарь МИД Венгрии Дьюла Хорн. При его правительстве произошло значительное ускорение дрейфа Венгрии в сторону ЕС и НАТО, однако в области экономики правление Хорна ассоциируется с полным провалом, потребовавшим проведения экстренной бюджетной и социальной реформы, названной впоследствии по имени ее автора, министра финансов Лайоша Бокроша. Лайош Бокрош представил свой пакет по выходу из кризиса в марте 1995 г. Коалиция долго не решалась на принятие «драконовских» мер по снижению со-

циальных выплат, но иного выхода предложить не могла. Результатом реформы стало существенное снижение жизненного уровня и рост общественного недовольства в стране. В 1995 г. зарплаты населения сократились на 10%. Это вызвало протесты профсоюзов. Начались забастовки железнодорожников, работников системы здравоохранения, студентов, протестовавших против введения оплаты за обучение. Причем все это происходило на фоне продолжавшегося процесса приватизации госимущества.

19 июня 1995 г. парламент переизбрал Арпада Гёнца на второй президентский срок. Но несмотря на это, трения между социалистами и их либеральными партнерами по коалиции только усиливались. Дьюла Хорн неоднократно предпринимал попытки реформировать правительство, которые воспринимались ССД как посягательство на их права партнеров по коалиции. Затянувшиеся разборки на вершинах власти не способствовали политической стабилизации в стране и консолидации общества. Одним из значимых шагов, предпринятых в это время, было правовое урегулирование ситуации со средствами массовой информации. Летом 1995 г. в парламент был внесен законопроект о возможности организации частных радио- и телеканалов и о приватизации средств массовой информации. Тем не менее вопрос о финансировании каналов, принадлежащих коалиции и оппозиции, оставался открытым. В результате утвержденного осенью того же года закона, устанавливалось многопартийное консенсусное руководство средствами массовой информации.

Венгерский избиратель, возвращая власть в руки реформсоциалистов, надеялся на пресловутый профессионализм партии Д. Хорна. Действительно, его привлекали великие имена времен экономической реформы, к тому же пользовавшиеся полной поддержкой академических институтов с их мощным аналитическим аппаратом и авторитетом. Опять же, вся пропагандистская машина, все средства массовой информации работали на социалистов. И тем не менее страну при их руководстве ожидал поразительный упадок. Известный российский ученый Р.Н. Евстигнеев[1] видит причины упадка, переживавшегося Венгрией в середине 1990-х гг. как раз в градуалистском, т.е. неспешном проведении реформ, в результате которого к 1997 г. она практически растеряла весь задел, который неоспоримо имела перед другими странами. В 1994–1997 гг., пишет Р. Евстигнеев, макроэкономическая ситуация и перспективы Венгрии оказались не лучше, чем в других странах ЦВЕ: высокий бюджетный дефицит,

[1] *Евстигнеев Р.* Сравнение трансформационных процессов в постсоциалистических странах // Международный диалог. 1999. № 1. С. 83.

чрезмерно обременительные налоги для населения, серьезная внешняя задолженность[1].

На фоне таких показателей Венгрия первой из восточноевропейских стран, в марте 1994 г., т.е. практически в канун вторых парламентских выборов, подала заявку на вступление в Европейский союз. Переговоры о вступлении начались спустя четыре года, т.е. уже перед третьими парламентскими выборами — в марте 1998 г. А примерно за год до того, в июне 1997 г., Венгрия подписала с ЕС договор о подготовке к вступлению[2], включающий детальный мониторинг ситуации в стране со стороны Евросоюза. Анализ готовности стран-кандидатов к вступлению включал мониторинг не только текущего состояния той или иной отрасли, но и изучение тенденций в их развитии. Несмотря на существенные социальные жертвы, и явно не самые лучшие показатели, в 1997 г. Евросоюз признал Венгрию страной, способной справиться с рыночной конкуренцией внутри ЕС. В июле 1997 г. Венгрия получила и долгожданное приглашение в НАТО. Таким образом, можно сказать, что главным достижением правительства социал-либеральной коалиции под руководством Дьюлы Хорна стало максимальное сближение с западными политическим и экономическим сообществами.

В 1998 г. в Венгрии состоялись третьи по счету выборы в парламент. На этот раз партии блокировались уже перед выборами и по многим округам делили представительство. Притом что социалисты опять набрали высший балл — 32,92%, их партнер по коалиции (заметим, уже однажды подведший социалистов в ходе предыдущего правительственного цикла) либеральный Союз свободных демократов набрал всего 7,57%. В то же время, оказавшийся впервые на второй позиции Союз молодых демократов Виктора Орбана (ФИДЕС), набравший 29,48%, победил в коалиции с Независимой партией мелких хозяев (13,15%) и Венгерским демократическим форумом (2,8%). В сумме правоцентристская коалиция победила социал-либеральную с перевесом в 5% (45,43% против 40,49%). Впервые в парламент прошла и правая партия Иштвана Чурки, набравшая 5,47%.

[1] Там же.

[2] Договора такого рода были построены по принципу соблюдения Копенгагенских критериев и учитывали: 1) стабильность институтов, гарантирующих демократию, верховенство закона, соблюдение прав человека и уважение и защиту меньшинств; 2) наличие функционирующей рыночной экономики и способности справляться с натиском конкурентной борьбы внутри Сообщества; 3) способность брать на себя обязательства, связанные с членством, включая приверженность целям политического, экономического и финансового союза. См.: Council decision on the principles, priorities, intermediate objectives and conditions contained in the Accession Partnership with the Republic of Hungary of 6 December 1999. http://www.europa.eu.int/smartapi/cgi/sga_doc?smartapi!celexplus!prod!DocNumber&lg=en&type_doc=Decision&an_doc=1999&nu_doc=850.

О чем это говорит? Прежде всего, о крупном поражении либералов. Их электорат со времени первых выборов уменьшился в три раза. Вместе с тем оказались востребованными профессионализм, стабильность и консерватизм. Первое понятие ассоциировалось с социалистами, остальные с партиями новой правящей коалиции.

Уменьшилось и количество партий, вступивших в борьбу за избирателя. На выборах 1998 г. было представлено лишь 15 общенациональных списков[1]. В венгерской политической жизни неуклонно формировались два лагеря: социал-либеральный и национально-консервативный. Хотя в этот раз за стенами парламента оказалась успешно выступавшая на предыдущих выборах Народная христианско-демократическая партия (2,31%), ВДФ, также утратившему значительное число сторонников, удалось проскочить в коалиционной связке. Национально-ориентированные партии, включая и не вошедшую в коалицию партию Иштвана Чурки, получили более 50% голосов. Кроме внутренних факторов такому сдвигу во взглядах избирателей, безусловно, способствовала и международная обстановка, особенно война в соседней Югославии.

Правительство консерваторов приняло страну со значительно ослабевшей экономикой, населением, уставшим от экономической программы Лайоша Бокроша и нескончаемых скандалов в правящей коалиции. Тем не менее это была страна, уже подавшая заявки на членство в ЕС и НАТО, т.е. окончательно определившаяся со своим внешнеполитическим выбором и вступившая в период адаптации к нормам и требованиям западных союзников. В этом смысле внешнеполитические акции кабинета были во многом предопределены данными обстоятельствами.

На правление кабинета, возглавляемого молодыми демократами, пришлись важные 10-летние юбилеи, связанные с демократизацией страны. С этой точки зрения, предстоявшая оценка пройденного пути, успехов и провалов, позволяла произвести и корректировку общенационального курса. Выступая с речью о состоянии страны на собрании Объединения за венгерское гражданское сотрудничество в Пештском Вигадо в феврале 2000 г., премьер-министр Виктор Орбан сказал: «В такие дни мы как в хранящей традиции семье, делаем зарубки на дверном косяке, чтобы посмотреть, как подрос ребенок. Есть годы, когда он рос быстрее, а есть, когда медленнее. И есть такие годовщины, когда важен не сам рост, а переход определенной границы...»[2] К такой границе в развитии молодой венгерской демократии

[1] В то время, как на первых — свыше 40.

[2] См.: Magyar Nemzet. 04.02.2000.

Виктор Орбан отнес 1999 г., когда он, как действующий премьер, полагал, что переходный период в стране в основном закончился. Главным достижением десятилетия он увидел то, что в 1999 г. экономика страны, после балансирования на грани катастрофы в 1990-ом, смогла вернуться к показателям 1989 г. Причем к этим показателям по уровню заработной платы и покупательной способности населения пришла экономика уже совершенно другого типа.

Программу на следующие 10 лет, премьер-министр уложил тогда в простой лозунг, который удачно рифмуется в венгерском языке и переводится на русский примерно как: чтобы у каждой семьи была возможность «воспитать троих детей, обзавестись трехкомнатной квартирой и четырьмя колесами» — «Три, три и четыре». В 2000 г. правительством была принята рассчитанная на пять лет программа развития экономки страны, получившая название «План Сечени»[1]. Эта программа включила семь направлений грантовой поддержки, среди которых: развитие предпринимательства, жилищное строительство, развитие туризма, развитие исследований и инноваций, развитие транспортной инфраструктуры, региональное развитие, развитие информационного общества. В 2001–2002 гг. на осуществление этой программы венгерским государством было выделено из госбюджета 626,7 млрд форинтов (более 2 млрд долл. США)[2]. Ответственным за реализацию Плана Сечени было назначено министерство экономики. Только на программу развития исследований и инноваций за два года действия программы было выделено 54,5 млн форинтов (180 млн долл. США). По своей структуре и механизму действия, План Сечени максимально приближал венгерское общество к условиям функционирования европейского сообщества.

Впервые после экономического провала середины 1980-х гг. венгерское общество оказалось на подъеме и реально почувствовало улучшение, выразившееся не только в развернувшемся по стране широкомасштабном строительстве, но и в росте экономических показателей.

За время руководства страной Виктором Орбаном, Венгрия вступила в НАТО и прошла оставшийся отрезок приспособления к условиям Европейского союза. В качестве члена НАТО страна балансировала на грани невступления в военное противостояние опасаясь за судьбу своих соотечественников в югославской Воеводине. Однако, как и другие восточноевропейские государства, успела оказать НАТО «услугу» в качестве кордона для российской помощи Сербии.

---

[1] *Сечени Иштван, граф* (1791–1848) — известный реформатор, покровитель науки и искусства.

[2] http://neweco.ru/international/?page=cooperate_ven.

К этому же периоду относится и попытка реанимации Вишеградского сотрудничества, стагнировавшего в период правления социалистов. Вообще, программа регионального сотрудничества, наряду с активизацией евроатлантического вектора и усилением работы по интеграции венгерских соотечественников, составила три основных столпа внешней политики кабинета ФИДЕС.

Последняя позиция заслуживает дополнительного разъяснения. Со времени прихода к власти Венгерского демократического форума на уровне правительства неоднократно предпринимались попытки разработки широкомасштабной программы государственной поддержки и связей с венгерскими соотечественниками в окружающих Венгрию странах. Сложности с его принятием, однако, заключались в том, что среди парламентских партий существовали различные взгляды на проблему. Если партии национально-консервативного направления стремились к реально допустимому в условиях европейских норм объединению этнических венгров, то социалисты и либералы считали, что положение соотечественников в соседних странах может улучшиться только при условии общего улучшения отношений с окружающими странами. Поэтому на этом направлении вслед за активизацией при национально ориентированном правительстве, последовал спад, наступивший при социал-либеральном кабинете. В этом плане правительство ФИДЕС продвинулось гораздо дальше своих предшественников. Ему удалось добиться принятия закона о зарубежных соотечественниках на заседании парламента 19 июня 2001 г. Закон получил название закона о Статусе.

Принятие такого закона можно признать мужественным шагом, поскольку в послевоенный период подозрения в реваншизме вызывали уже только упоминания о территориальном переделе в центральной части Восточной Европы. Венгры в рамках Института по проблемам национальных меньшинств, открытом по требованию оппозиции еще при правительстве реформсоциалистов, аналогичного института при Венгерской академии наук и Управления по делам соотечественников при правительстве страны, изучили все послевоенное законодательство, касающееся отношений между государством и конациональными общинами в Западной Европе. Суть состояла в том, что на деле, не нарушая допускаемых европейским законодательством норм и опираясь на многочисленные прецеденты, венгры в рамках закона о Статусе предприняли попытку реализовать ту самую, единственно возможную в новых международных условиях попытку объединения венгерской нации.

Что давал закон зарубежным соотечественникам, и что он давал венграм, проживающим на территории Венгрии? Самое главное — он давал ощущение единого венгерского пространства, открывал возможности для беспрепятственных контактов, взаимных посещений, поддержания единого культурного и образовательного пространства. В целях определения круга пользователей льготами, которые открывал перед зарубежными венграми закон, предусматривалось введение во всех окружающих странах «Удостоверения венгра». Обладатели такого документа имели равный с венграми свободный доступ ко всему спектру культурных, образовательных программ и медицинских услуг, предоставляемых венгерским государством. Они получали льготы при пользовании общественным транспортом и распределении путевок в оздоровительные учреждения. Ученые из числа зарубежных венгров получали возможность стать членами Венгерской академии наук, облегчался доступ к грантовым программам, действовавшим на территории Венгрии. Создавались дополнительные возможности для повышения квалификации преподавателей, работающих в венгерских школах соседних стран. Венгрия брала обязательства по обеспечению этих школ учебниками на венгерском языке. Желающие работать в Венгрии получали возможность устройства на работу на срок до трех месяцев без предварительного согласования с органами занятости. При наличии такого согласования, в зависимости от вакансий на венгерском рынке труда, граждане соседних стран обладающие «удостоверением венгра», получали разрешение на более продолжительные рабочие контракты. Из государственного бюджета выделялись средства на поддержку средств массовой информации, предназначенных для венгерских общин, а также тех, что работали на формирование единого венгерского мировоззрения и представления о проблемах венгров за рубежом. Законом определялась и поддержка венгерским общественным организациям на местах. Предусматривалось, что закон вступит в действие с 1 января 2002 г.

Отдаленной целью программы было предоставление зарубежным венграм второго — венгерского гражданства, однако по этому вопросу предстояло провести общенациональный референдум. Безоблачное будущее программы объединения венгров карпатского бассейна омрачил проигрыш ФИДЕС на выборах 2002 г. Именно закон о соотечественниках стал основной мишенью для атак со стороны социал-либеральной оппозиции. ВСП и ССД повели мощную наступательную кампанию, стараясь убедить венгров в том, что закон о Статусе, распространяя социальные блага на зарубежных соотечественников, снижает планку их собственного социального благополучия, уменьшает размер

причитающимся им самим социальных выплат и гарантий, отнимает рабочие места. И хотя после вступления закона в силу оказалось, что зарубежные соотечественники не слишком торопились воспользоваться предоставленными им возможностями, предпочитая нелегальные заработки, с которых можно было не платить налоги, венгерский обыватель поддался социал-либеральной агитации.

Коалиция ФИДЕС-МДФ проиграла выборы 2002 г. социалистической партии с весьма спорной разницей в 0,8% (41,7% у коалиции против 42,5% у социалистов). Для упрочения своего превосходства, социалисты уже после выборов вступили в ставшую традиционной для них коалицию с либеральным Союзом свободных демократов, получившим 5,57% голосов избирателей. Характерно, что либералы получили в четыре раза меньше голосов, чем на первых парламентских выборах и едва преодолели избирательный барьер.

Таким образом, продолжать работу в соответствии с законом о соотечественниках и завершать дело сближения Венгрии с Европейским союзом предстояло уже совсем другой команде. И обстоятельства выглядели не самым благоприятным образом: перед самым вступлением в ЕС в венгерской экономике наступила полоса спада, которая нашла свое отражение в отчете Еврокомиссии за 2003 г. В нем, в частности, отмечалась утрата динамики венгерской экономикой. Как следует из отчета, в 2003 г. Венгрия утратила общий экономический баланс, что отразилось на падении ВВП, увеличении внешней задолженности и еще некоторых ключевых экономических показателях[1]. Тем не менее констатировалось, что венгерская экономика все еще достаточно сильна для того, чтобы справиться с этими проблемами. Наряду с некоторыми неудовлетворительными (по мнению Евросоюза) тенденциями в области реформирования сельского хозяйства (отсутствие консолидации земельных угодий и рынка земли, недостаточная конкурентоспособность продукции) экспертами ЕС отмечался прогресс в сфере занятости (падение уровня безработицы с 7,8% в 1998 г. до 5,6% в 2002 г.), успешное выполнение социальной и образовательной программ. Не обошлось и без курьезов: Венгрии, не имеющей выхода к морю, ЕС выставил претензии в области рыболовства[2]. Наряду с выполнением требований законодательного плана в области регулирования пограничных вопросов и иммиграции, высказывались дополнительные пожелания в связи с проблемой цыганского населения[3].

---

[1] Hungary — adoption of the community Acquis (http://www.europa.eu.int/scadplus/leg/en/lvb/e01103.htm).

[2] См.: http://www.europa.eu.int/scadplus/leg/en/lvb/e04103.htm.

[3] Idid.

В самый канун вступления Венгрии в ЕС, неблагоприятная тенденция в экономике страны усилилась кризисом управления, связанным с фигурой приглашенного социалистами на должность премьер-министра банкира Петера Медьеши, бывшего министром финансов еще в кадаровские времена. Оппозиция обнародовала материалы, свидетельствовавшие о сотрудничестве П. Медьеши в бытность членом ВСРП со спецслужбами.

Балансирование на грани общенационального кризиса, мешало правящей партии быть настойчивой в переговорах с Брюсселем. В ходе проведенного летом 2003 г. референдума по поводу членства в ЕС, Венгрия удивила всех самой низкой явкой избирателей среди стран-кандидатов. В референдуме приняли участие всего 45,6% имевших право голоса венгров[1]. Это обстоятельство можно рассматривать как утрату интереса к процессу, некое досрочное разочарование в нем. Впрочем, определенный спад энтузиазма по поводу вступления Венгрии в ЕС наметился задолго до самого события. По результатам опроса общественного мнения, с мая 2003 г. по апрель 2004 г., группа еврооптимистов, или тех, кто полностью поддерживал вступление Венгрии в ЕС, уменьшилась с 45 до 30%. На этом фоне с 40 до 48% выросла группа еврореалистов, т.е. тех, кто скорее поддерживал вступление, нежели нет. Одновременно на фоне 3%-ного роста в группе тех, кто не выработал своего мнения, на 4% (с 13 до 17%) выросло число противников вступления в ЕС[2]. Все это свидетельствует о том, что особых надежд с членством в ЕС венгерское общество не связывало. Десятилетие адаптации к условиям ЕС на фоне снижающихся параметров жизненного уровня, очевидного расхождения представлений и реальности, в самый канун вступления ввергло общество в наиболее успешных странах-кандидатах в почти полное безразличие по поводу исхода процесса. Все это и отразилось в итогах референдумов.

Социал-либеральная коалиция провалила и начатую правительством ФИДЕС программу помощи соотечественникам. Венгерская социалистическая партия изначально придерживалась линии, что только улучшение отношений с соседними странами способно улучшить положение проживающего в них венгерского меньшинства. В ходе кампании, направленной преимущественно против ФИДЕС, им удалось достичь того, что социальная солидарность венгров, проживающих в Венгрии, возобладала над национальной солидарно-

---

[1] Однако по закону число явившихся на референдум значения не имеет.

[2] Данные Median: www.mno.hu 04-2004.

стью[1]. На референдуме, который прошел в Венгрии в декабре 2004 г., венгры не поддержали предоставление зарубежным венграм двойного гражданства.

Удачно начав переговорный процесс с ЕС в 1988 г., Венгрия сохраняла лидерство среди кандидатов на первоочередное вступление вплоть до самого конца 1990-х гг. С другой стороны, первый этап переговоров с ЕС не отличался большой конкретикой и находился, в известной степени, в тени процесса расширения НАТО. Можно даже сказать, что беспрецедентный по масштабам (в сравнении с другими странами региона) поток западных инвестиций был в большей степени связан с перспективами военно-политического сотрудничества с Венгрией, нежели с экономическими. В отличие от других стран региона в Венгрию выносились не только производственные цеха ряда западных кампаний, но и научно-исследовательские лаборатории, что в конце 1990-х гг. позволяло Венгрии сохранять свой научный потенциал и вкладывать значительные средства в науку. В начале 2000-х гг. ситуация резко изменилась. Этому есть несколько причин, одна из которых — появление сильного конкурента в лице Словакии, которая, затягивая с решениями об интеграции в западные структуры и опираясь на российский рынок при Владимире Мечиаре, сумела не только сохранить, но и существенно развить свой промышленный потенциал. Словакия оттянула на себя значительную долю инвестиций, которая в ином случае могла бы достаться Венгрии.

На начало 2000-х гг. приходятся претензии НАТО о невыполнении Венгрией обязательств по переоснащению армии вооружениями натовского образца, а также ряд претензий со стороны ЕС, в которых самым «эффектным» было обвинение в бедственном положении цыганского меньшинства в Венгрии.

После совещания 2000 г. в Ницце, где обозначился основной расклад голосов и будущие механизмы принятия решений в рамках ЕС, Венгрия пробует объединять усилия по ряду вопросов с другими странами региона. Так, она вместе с Польшей выступила за увеличение дотаций в аграрном секторе. Была попытка вдохнуть новую жизнь в Вишеградское сотрудничество с целью превратить его в некое подобие восточноевропейского форума в ЕС. Однако соседняя Словакия настороженно отнеслась к венгерскому закону о статусе соотечественников, как и к озвученным еще Виктором Орбаном намерениям рас-

[1] Социалисты развернули кампанию, пытавшуюся доказать венграм, что по предложенному ФИДЕС закону их соотечественники на самом деле наделяются не равными, а значительно большими правами, нежели они сами.

смотреть в свете новых открывающихся возможностей правовые последствия декретов Бенеша.

После весьма сомнительных итогов референдума о членстве в ЕС венгерское население, можно сказать, утратило активный интерес к общеевропейскому процессу. Замешательство и неясность целей сквозили и в заявлениях лидеров правящей партии социалистов. Преобладавший мотив был таков: вступив в ЕС, Венгрия получит хоть какие-то деньги, в то время как отказавшись от вступления — она не получит ничего[1]. Это об уровне аргументации. Как и в других странах, в канун референдума о вступлении в ЕС гигантские средства были брошены на агитацию за ЕС и ни одного форинта на объективный анализ проекта. В чем была совершенно уверена партия социалистов — так это в том, что вступление несет функционерам партии новые посты и стабильно высокую зарплату в Брюсселе. Лидер партии Ласло Ковач, в самый критический момент для социалистов даже отказался от руководства партией, а заодно, и Министерством иностранных дел ради поста комиссара в Брюсселе. Кстати, он оказался одним из двух претендентов из Восточноевропейского региона, который в итоге был признан несоответствующим посту и перемещен с поста комиссара по энергетике на пост комиссара по налогам.

Отношения с Россией начали выравниваться и улучшаться с 2000 г. Этому способствовало несколько обстоятельств. К тому времени началось преодоление последствий российского дефолта. Венгрия, став членом НАТО, успокоилась по поводу своей безопасности. К тому же практически бесповоротно решился вопрос о принятии Венгрии в ЕС. Достигнутое таким образом ощущение защищенности позволило Венгрии активизировать свою российскую политику.

Здесь приоритеты Венгрии оформились на двух направлениях — собственно межгосударственные политические и экономические отношения и региональные связи. В политической сфере не наблюдалось особых прорывов. Из-за географического отдаления просто не находилось иных тем для обсуждения, кроме тяжелого исторического наследия и возвращения вывезенных во время Второй мировой войны ценностей. К этому моменту ближе стала перспектива окончательной расплаты России по венгерскому долгу времен СЭВа, что позволяло делать прогнозы по поводу перспектив возобновления сотрудничества. Оказалось, что Венгрия утратила былые позиции в поставках продукции сельского хозяйства, фармацевтической и легкой промышленности на российский рынок. Не случайно в ходе участившихся в начале

[1] Из телеинтервью председателя фракции ВСП в Венгерском парламенте Ильдико Лендваи. Июль 2004 г.

2000-х гг. встреч премьер-министров двух стран главной просьбой венгерской стороны остается поддержка именно этих статей венгерского импорта в Россию, называемых ею «традиционно успешными». В результате совместных усилий экспорт Венгрии в Россию в 2004 г. вырос по сравнению с 2002 г. в два раза, а взаимный товарооборот достиг половины объема времен СЭВ[1]. Доля российского экспорта в Венгрию, однако, не позволяла ей избежать дефицита. Это и понятно: большую долю российского экспорта в эту страну составляли энергоносители. Российская сторона начала проявлять интерес к инвестициям и участию в приватизации венгерских кампаний.

4.2. Польша: «приближаясь к границам демократии»

С вступлением в силу с 1 февраля 1994 г. Соглашения об ассоциации с Европейским союзом, определившего условия и принципы присоединения страны к ЕС, началась подготовка Польши к вступлению в эту организацию. В 1996 г. эти принципы были закреплены и детализированы в Национальной стратегии интеграции, подготовленной Комитетом по европейской интеграции при правительстве РП. Два процесса: подготовка к вступлению в ЕС и дальнейшее продолжение системной трансформации по существу стали совпадать.

Европейский выбор означал достижение некоего национального примирения, консолидации общества. Вместе с тем в обществе подспудно тлели очаги расхождений по поводу необходимости вступления в ЕС. Возникли некоторые сомнения в необходимости интегрирования в наднациональные структуры, в целесообразности ограничения недавно обретенного суверенитета и делегирования части его атрибутов структурам Евросоюза и др. В сфере политики размежевание проходило между либеральными и консервативно-национальными силами.

Период подготовки Польши к вступлению в ЕС (1994–2003) пришелся на нахождение у власти в стране левоцентристских правительств В. Павляка, Ю. Олексы и В. Чимошевича, правоцентристского правительства Е. Бузека и левоцентристских правительств Л. Миллера и М. Бельки.

В 1994–2003 гг. социально-экономическое развитие страны не было линейным. Избрание курса на жесткое и максимально быстрое решение задач финансовой стабилизации и либерализации экономи-

[1] Во времена СЭВ СССР и Венгрия осуществляли обмен товаров на сумму 9 млрд долл. США, сегодня он уже превысил 4 млрд долл. США.

ки позволило Польше быстро преодолеть трансформационный спад. Уже на рубеже 1995–1996 гг. Польша первой среди европейских стран с переходной экономикой восстановила предкризисный (1989) уровень производства. В 1994–2000 гг. среднегодовые темпы роста польской экономики страны были высокими и составляли 5,5%. В 2001–2002 гг. произошло их серьезное снижение. В последующие три года темпы сохранялись относительно невысокими. В 2001–2005 гг. они составили лишь 2,9%, т.е. снизились почти в два раза.

Коалиция Союза демократических левых сил с Польской крестьянской партией оказалась трудной. Постоянно возникали конфликты. Часть их была обусловлена замкнутым и молчаливым характером самого Павляка. Другая часть была следствием разногласий относительно методов реализации экономической политики, проведения излишне протекционистской аграрной политики и др. Третьей причиной конфликтов стали программные расхождения по таким вопросам, как административная реформа, отношения с Европейским союзом и др. Нарастали и конфликты с президентом Лехом Валенсой, который в ситуации слабого представительства в Сейме партий, вышедших из «Солидарности», пытался взять на себя роль оппозиции левоцентристскому правительству.

Серьезные расхождения внутри правящей коалиции, между президентом и премьером привели к тому, что 1 марта 1995 г. В. Павляк ушел в отставку. Новым премьером стал один из лидеров СДРП Юзеф Олексы.

Приближались новые президентские выборы. Оценивая деятельность Валенсы на президентским посту, необходимо подчеркнуть, что он был противоречивым и непредсказуемым президентом. Время от времени вспыхивали конфликты президента с правительством и Сеймом. Он был сторонником политического равновесия. Если кто-то ставил себя слишком высоко в иерархии власти, возносился, то Валенса вынуждал его уйти, в том числе путем создания противовеса.

Насколько позволяли полномочия президента и его собственные знания, Валенса способствовал процессу реформ, защищал национальную безопасность страны. Он практически не нарушал законы. Он был фактором, стабилизирующим государство. Политические противники Валенсы обвиняли его в авторитарных устремлениях. Однако он никогда не переступал грань демократии. Его как бы «недемократические шаги» вынуждали шевелиться политиков и государственные институты и в итоге способствовали развитию демократии. Валенса стремился к усилению президентской власти, однако он наталкивался на сильное сопротивление парламента и правительства.

Первый тур новых президентских выборов был назначен на 5 ноября 1995 г. Фаворитами избирательной кампании были президент страны Л. Валенса и лидер польских социал-демократов, представитель среднего поколения посткоммунистов А. Квасьневский. Программы обоих кандидатов были похожи: доведение экономических реформ до конца, демократическое развитие страны, вступление Польши в НАТО и ЕС, хорошие отношения с Россией. Однако тональность их избирательной кампании значительно различалась.

Стиль кампании Валенсы был агрессивным, жестким, крикливым. У него был сильный лозунг: «Кандидатов много, но Валенса один». Полной противоположностью стилю Валенсы был спокойный, конструктивный стиль избирательной кампании Квасьневского. Ему удалось по формуле «мы» создать имидж единения кандидата в президенты от Союза демократических левых сил с народом, а с помощью лозунга «Выберем будущее» завоевать молодежь и парировать обвинения Валенсы в стремлении вернуть страну в авторитарное прошлое.

Как и ожидалось, во второй тур вышли Квасьневский и Валенса. Первый получил 35,11%, второй — 33,11% голосов. Между первым и вторым турами в ход пошли «грязные» технологии — провокационные статьи, подслушанные разговоры, личные оскорбления, обвинения в различных грехах, совершенных кандидатами в прошлом. В результате второго тура новым президентом был избран Квасьневский. Он получил 51,72% голосов. За Валенсу проголосовало 48,28% избирателей. 23 декабря на заседании Национального собрания Квасьневский был приведен к присяге как новый президент РП.

Перед уходом с президентского поста Валенса преподнес новому президенту и обществу сюрприз: 19 декабря он публично обвинил премьер-министра Ю. Олексы в сотрудничестве со Службой внешней разведки России (в августе 1998 г. эти обвинения были с Олексы официально сняты). 21 января 1996 г. премьер был вынужден подать в отставку. Новым главой правительства стал видный левый деятель Влодзимеж Чимошевич.

После первых лет форсированных реформ, призванных закрепить процессы трансформации в экономике, обеспечить более устойчивый и сбалансированный рост и на этой основе заметно повысить уровень жизни была необходима передышка. Ее и обеспечили пришедшие к власти левоцентристские силы.

Несмотря на неоднократно проводившиеся в этот период модификации экономической политики, ее стратегические направления и принципы, заложенные первым реформаторским правительством, сохранялись неизменными. В сфере экономики левоцентристские

правительства отдавали предпочтение мягкой бюджетной политике, при том что Центробанк достаточно эффективно проводил относительно жесткую монетарную валютную политику.

1994–1998 гг. можно оценить как период закрепления достигнутых позитивных результатов, попыток скорректировать последствия допущенных прежде ошибок и подготовку нового этапа углубленного реформирования социально-экономической системы. На этом этапе левоцентристские правительства продолжали совершенствование и углубление ранее начатых процессов приватизации, приступили к изменениям государственного устройства (реформа центра и новое административно-территориальное деление страны), к созданию законодательной базы реформирования социальной сферы, осуществили дальнейшее развитие современной рыночной инфраструктуры — завершение формирования адекватной рынку банковской системы, рынка ценных бумаг, развитие биржи, страхового сектора и др.

Были продолжены процессы приватизации[1]. Как уже отмечалось, массовая приватизация была начата в 1996 г. Была продумана система продажи свидетельств долевого участия (ваучеров), скрупулезно отобрано 512 эффективных предприятий, включенных в систему массовой приватизации. Почти два года ушло на создание национальных инвестиционных фондов для управления приватизированным имуществом. Но несмотря на это, по мнению основной части польских экономистов, эксперимент с этими фондами, ваучеры которых приобрели 95% граждан, не удался. Они быстро от них избавились, не приобретая акций фондов (сразу же их продали 30–40% владельцев ваучеров). Эта программа на практике не оправдала возлагаемых на нее надежд повышения рыночной стоимости предприятий и нахождения стратегического инвестора.

Крупные предприятия, интереса к покупке которых вначале было проявлено мало, реально приватизировались при сильном сопротивлении групп влияния лишь в середине 1990-х гг. Их приватизация была затруднена нехваткой капитала и недостаточным стремлением к инвестированию, низким техническим уровнем производства, а также слабой мотивацией развития. В основном крупные предприятия (около 200) были проданы иностранному капиталу. Затраты последнего на их приобретение в рамках приватизации (покупка у государства, инвестиции, социальный пакет) составили около 23,2 млрд долл. США[2].

---

[1] Подробнее см.: *Kozarzewski P.* Prywatyzacja w krajach postkomunistycznych. Warszawa, 2006.

[2] См.: *Bałtowski M., Miszewski M.* Transformacja gospodarcza w Polsce. Warszawa, 2006. S. 243.

Самым значимым достижением этого периода стало не просто преодоление экономического кризиса, развивавшегося в Польше в течение всех 1980-х и начала 1990-х гг., но и обеспечение высоких темпов экономического роста, составивших в период 1994–1997 гг. 6–7% в год.

Если на начальном этапе (1991–1993) именно расширение совокупного, и в первую очередь потребительского спроса (в сочетании с динамичным развитием частного сектора) сыграло роль основного фактора оживления экономики, то по мере стабилизации ситуации в стране, спрос как фактор роста переместился на третье место, пропустив вперед такие факторы, как инвестиции и экспорт. В 1996–1998 гг. произошло новое изменение в соотношении факторов роста. На первое место по значению вышли капиталовложения; динамичный рост иностранных инвестиций после 1994 г. привел к повышению их доли в совокупном объеме капиталовложений до 23–25%. На второе место переместился совокупный спрос, а экспорт резко сдал свои позиции и отодвинулся на третий план[1].

Наличие динамично развивающегося частного сектора существенно усилило действие перечисленных выше факторов и повысило их эффективность. В 1998 г. его доля в ВВП достигла примерно 60%, в совокупной занятости — 69, в промышленном производстве — 52, в стоимости основных фондов — свыше 40, в экспорте — около 75 и в импорте — около 82%.

Несомненным достижением экономической политики в рассматриваемый период можно считать изменение макроструктуры производства ВВП в направлении ее приближения к западным структурным параметрам. Так, если в 1990 г. в промышленности производилось 47,5% ВВП, то в 1997 г. — уже лишь 27,5% и, соответственно, в строительстве — 8,5 и 5,3, в сельском и лесном хозяйстве — 9,7 и 5,8, в торговле и услугах — 35% и 53%.

Стабилизация и последующий рост в сфере материального производства страны обусловили постепенное повышение уровня жизни населения. Начиная с 1994 г. довольно динамично росли среднемесячная реальная заработная плата, пенсии и другие виды доходов населения. Средняя заработная плата в 1997 г. составляла 323 долл. США, в 1998 г. — 354 долл. США. Средняя пенсия — около 210 долл. США.

Прямым следствием трансформации стал рост зоны бедности. По расчетам польских авторов, доля населения в зоне бедности возросла с 14,8% в 1989 г. до 54,4% в 1997 г. Это связано с отставанием динамики роста оплаты труда низкооплачиваемых категорий занятых от дина-

---

[1] Подробнее см.: Польша // Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 3. Ч. 2. М., 2002.

мики средней заработной платы, с сохранением низкого уровня некоторых видов семейных пособий и пенсий (например, по инвалидности) и др. Если же за основу расчета зоны бедности принять физиологический минимум, то доля лиц, живущих на такие доходы, в 1994 г. составляла лишь 6,4%, в 1996 г. сократилась до 4,3, а в 1997 г. отмечался небольшой рост численности этой группы — до 5,4%.

Оценивая деятельность всех трех левоцентристских правительств (Павляка, Олексы, Чимошевича), необходимо подчеркнуть, что они по существу продолжали неолиберальную политику правительств «Солидарности» с некоторыми коррективами, касающимися социальной политики, приватизации, государственной защиты некоторых секторов экономики. Эта политика привела к экономическому росту, и повышению реальной заработной платы. Однако от экономического оживления выиграли те, кто имел собственность и капитал. Вместе с тем левоцентристы тормозили реформы польской армии и спецслужб.

Более бедную часть общества раздражал тот факт, что в период пребывания левых сил у власти увеличилось имущественное расслоение в польском обществе. Лидеры польской социал-демократии стали подчеркивать, что СДРП является центристской партией, что она ориентируется прежде всего на средний класс. В процессе осуществления власти лицо этой партии как левой расплывалось, слабо ощущалось. В общем, политика левоцентристских правительств большинством электората Союза демократических левых сил как левая не воспринималась[1].

В середине 1996 г. политическое крыло профсоюза «Солидарность» и еще четыре десятка правых партий и организаций, вышедших из «Солидарности», объединились в единый блок «Избирательная акция “Солидарность”». После образования этого блока соотношение политических сил в польском обществе изменилось. Сразу же социологические опросы показали, что Союз демократических левых сил и блок «Избирательная акция “Солидарность”» в предстоящих парламентских выборах могут рассчитывать примерно на 30% голосов избирателей каждый. Остальные же партии — от 3 до 10%. В этой ситуации на победу мог рассчитывать лишь тот, кто совершит меньше ошибок и удачнее проведет избирательную кампанию.

В 1997 г. наряду с парламентскими выборами важным политическим событием стало принятие в апреле Национальным собранием первой Конституции III Речи Посполитой, работа над которой перио-

[1] Левый поворот и левые партии в странах Центральной и Восточной Европы. М.: 1998. С. 98.

дически велась с декабря 1989 г. Формирующаяся «Избирательная акция “Солидарность”» выдвинула свой проект Основного закона и потребовала утверждения принятой парламентом Конституции на референдуме. Он состоялся 25 мая, за новую Конституцию проголосовали 53,5% принявших в голосовании избирателей, 46% — против (явка составила почти 43%). Одновременно референдум показал степень большой поддержки «Избирательной акции “Солидарность”» в обществе.

Новая Конституция определяет Республику Польша как «демократическое правовое государство, реализующее принципы социальной справедливости»[1]. Она ограничила роль Сейма, который в 1998–1997 гг. имел слишком широкие права, затруднявшие формирование правительственного большинства и правительства, парализовывавшие законодательный процесс. Ограничено было также влияние нижней палаты парламента на состав правительства, оно теперь формируется премьером. Кандидаты в министры уже не заслушиваются на заседаниях комитетов Сейма, они назначаются президентом по предложению премьера. Правительство может быть отозвано лишь тогда, когда сформируется новое парламентское большинство. Была сохранена депутатская неприкосновенность.

Новая Конституция ограничила также полномочия президента. Ранее он имел свои, так называемые «президентские ведомства» (это касалось силовых структур — министерства обороны, внутренних дел, Управление охраны государства, а также Министерство иностранных дел), назначение руководителей которых премьер согласовывал с главой государства. По новой Конституции он эти права утратил. Президент потерял и «общее руководство» в области внешних сношений, а также внешней и внутренней безопасности государства. При преодолении президентского вето Сеймом в отношении принятых законов теперь необходимо не две трети, а только три пятых голосов депутатов. После наложения вето на закон президент не имеет права направлять его в Конституционный суд для проверки соответствия его Основному закону. На закон о государственном бюджете он вообще не имеет права накладывать вето. Однако президент остается главнокомандующим вооруженных сил, предлагает Сейму кандидата в премьеры, формально назначает правительство и др.

Новая Конституция укрепила позицию правительства в системе законодательной и исполнительной власти. Совет министров является главным институтом исполнительной власти. В III Речи Посполитой

---

[1] Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej. Krakow, 1998. S. 6.

правит правительство. Система власти в Польше определяется как парламентско-правительственная. Председателя Совета министров назначает президент, но его программа должна получить вотум доверия парламентского большинства, что означает одобрение и предложенного им состава правительства. Смену министра и назначение нового производит президент по предложению премьера. Отзыв главы правительства и кабинета министров возможен только через конструктивный вотум недоверия, т.е. парламентское большинство должно предложить нового премьера. Сейм может отозвать также отдельного министра.

Левоцентристские правительства провели реформу центра. В сентябре 1996 г. были ликвидированы управление делами Совета министров, министерства внешнеэкономических связей, строительства, промышленности и торговли, внутренних дел. Вместо них были созданы канцелярия Председателя Совета министров, Министерство экономики, Министерство государственной казны, Министерство внутренних дел и администрации, Правительственный центр стратегических исследований, Комитет европейской интеграции.

Выборы в парламент были назначены на 21 сентября 1997 г. В своей избирательной программе и кампании Союз демократических левых сил сделал упор на экономических успехах и достижениях на международной арене (подготовка Польши к вступлению в НАТО и ЕС), что говорит само за себя. Основной лозунг Союза звучал прекрасно: «Хорошее сегодня — лучшее завтра», однако в целом его избирательная кампания была слабо организована.

Что касается блока «Избирательная акция “Солидарность”», то он провел свою избирательную кампанию значительно более профессионально. Он сумел удержаться от агрессивных выступлений. Острые моменты как бы сглаживались. «Избирательная акция “Солидарность”» апеллировала к традиционным национально-католическим ценностям, ксендзы в костелах призывали прихожан голосовать за нее. К тому же в отличие от Союза в «Акции» наряду со старыми, известными политиками появилось много молодых лиц — все это повлияло на результаты выборов в парламент. В центре внимания «Акции» были просчеты в социально-экономической политике левоцентристов.

В итоге на выборах в Сейм, в которых участвовали 22 избирательных объединения и блока, победил блок «Избирательная акция “Солидарность”» — 33,83% голосов. Союз демократических левых сил получил 27,13% голосов, Союз свободы — 13,37, Польская крестьянская партия — 7,31, Движение возрождения Польши (правонационалистическая партия) — 5,56%. Явка избирателей составила 47,9%.

Несмотря на свое поражение, Союз демократических левых сил получил на 7 процентных пунктов голосов больше, чем на предыдущих выборах.

В сенате победу также одержал блок «Избирательная акция “Солидарность”», который получил 53 места из 100, Союз демократических левых сил — 28.

«Избирательная акция “Солидарность”», половину фракции которой в парламенте составляли профсоюзники, создала коалицию с либеральным Демократическим союзом Л. Бальцеровича, непосредственно связанным с решениями круглого стола, проведением «шоковой терапии» и либеральных реформ в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Такой состав коалиции неизбежно должен был вести к конфликтам. Правительство с 17 октября 1997 г. возглавил умеренный политик Ежи Бузек, которого называли «реформатором из провинции».

Новое правительство, поддержка которого в обществе на старте составила 54%[1], исходя из-за незавершенности системных преобразований, накопившихся негативных последствий, допущенных ранее ошибок выдвинуло идею перехода ко второму этапу системных реформ. Основными направлениями дальнейшего реформирования были признаны доведение до конца реформы системы государственного устройства, углубление и динамизация процессов приватизации, прежде всего начало приватизации базовых отраслей промышленности, перестройка народно-хозяйственной структуры, комплексные преобразования аграрного сектора, подготовка к членству в ЕС. Самой сложной и важной считалась реформа публичных финансов в целом и государственного бюджета в частности, реформирование налоговой, пенсионной системы, системы здравоохранения и социального обеспечения, образования.

Основные установки дальнейшего реформирования были изложены в «Финансовой стратегии государства на 1999–2001 гг.», получившей название «второго плана Бальцеровича». Если первый «план Бальцеровича» вывел Польшу из замкнутого круга дефицитов и высокой инфляции, то второй был призван предотвратить новый финансово-экономический кризис и обеспечить долгосрочный устойчивый экономический рост — как минимум на уровне 6% ВВП ежегодно.

Руководствуясь курсом на продолжение системных реформ, правительство Бузека подготовило четыре реформы — административную, пенсионную, здравоохранения и просвещения и начало их в 1999 г. почти одновременно и быстро внедрять. Все это создало вначале опре-

---

[1] *Hirsz Z.J.* Historia polityczna Polski 1939–1998. T. 5. Białystok, 1998. S. 1016.

деленную неразбериху в функционировании пенсионной системы и системы здравоохранения, породило недовольство среди населения. Рейтинг правительства пошел вниз. Внутри фракции «Избирательная акция “Солидарность”» возникли многочисленные конфликты. Временами наблюдалась напряженность в отношениях между «Акцией» и Союзом свободы. Не раз Бальцерович грозил своей отставкой с поста вице-премьера и министра финансов.

Чтобы нанести сильный удар по местным кланам, сформировавшимся еще в годы ПНР, правительство Бузека решило провести реформу административного деления страны. В 1998 г. борьба между правительственной коалицией и оппозицией за количество воеводств длилась почти полгода. После нескольких голосований в Сейме, длительных консультаций и переговоров стороны достигли компромисса и сошлись на 16 воеводствах.

С 1 января 1999 г. вместо двухступенчатого было введено трехступенчатое административное деление — воеводства (области), повяты (уезды), гмины (волости). На всех уровнях созданы органы местного самоуправления. Вместе с тем сохранился пост воеводы, который является представителем правительства в воеводстве и соответственно назначается главой кабинета министров. Тем самым вертикаль государственного управления сохраняется.

Антикоммунисты из «Избирательной акции “Солидарность”» после прихода к власти вновь стали раскручивать вопросы декоммунизации и люстрации, хотя после начала процесса перемен прошло уже несколько лет.

22 июня 1998 г. по инициативе их фракции Сейм принял постановление об осуждении коммунистического тоталитаризма. На следующий день по предложению той же фракции нижняя палата парламента внесла поправки в закон о люстрациях. Этот закон был принят еще в апреле 1997 г., однако не мог полностью войти в жизнь, так как не удалось избрать полный состав люстрационного суда. В соответствии с законом о люстрациях, каждый кандидат на руководящие посты в органах государственной власти, парламентарии, судьи, адвокаты, прокуроры и главные редакторы СМИ заполняют декларацию, в которой отрицают или признают свое сотрудничество со спецслужбами ПНР. Всего таких лиц насчитывалось более 20 тыс. человек. Президент Квасьневский пытался наложить вето, но ему не удалось это сделать. Закон вступил в действие 28 ноября 1998 г. Около 300 человек добровольно признались в негласном сотрудничестве со спецслужбами.

С середины 1990-х гг. Польша превратилась в лидера экономической трансформации. В 1995 г. экономический уровень 1989 г. был

превышен на 4,5%. По темпам роста она вышла в десятку наиболее динамично развивавшихся стран мира. В 1994–2000 гг. среднегодовой рост ВВП составил 5,5%. Ускорение развития экономики стало возможным благодаря последовательному проведению монетарно-финансовой политики, бурному развитию частного сектора, быстро нараставшему с 1995 г. притоку иностранных инвестиций, значительной социальной направленности расходной части государственного бюджета, что обусловило быстрое расширение потребительского спроса темпами, превышавшими темпы роста ВВП. Оно стимулировалось также ростом инвестиционного спроса в связи с интенсивным развитием предпринимательства, облегчалось эффективным использованием польскими предпринимателями хаоса на постсоветском пространстве и т.д. Западные экономисты и представители международных финансовых организаций все чаще называли Польшу «тигром Центральной и Восточной Европы» и рекомендовали постсоветским странам брать с нее пример.

Однако в начале XXI в. польская экономика резко замедлила свой рост. Если в 1997 г. рост ВВП достиг 6,8%, то в 2001 г. снизился до всего лишь 1,1%. Безработица выросла с 1,8 до 3,0 млн человек, т.е. с 10,2 до 17,4%. Динамика роста реальных доходов упала с 7,1% в 1997 г. до 1,4% в 2000 г. По существу, экономика Польши вступила в стадию рецессии.

Причины столь резкого изменения экономической ситуации были в первую очередь обусловлены просчетами в области макроэкономической политики правительства Е. Бузека и прежде всего вице-премьера, министра финансов Л. Бальцеровича. Это правительство пришло к выводу, что польская экономика слишком быстро развивается и это влечет за собой нарастание серьезных диспропорций: значительного дефицита баланса текущих платежей, быстро достигшего к 1997 г. 3% ВВП, увеличение по сравнению с 1995-м в 1997 г. отрицательного сальдо во внешней торговле с 4,9 до 11,5% ВВП.

Финансовый кризис в Азии и России 1997–1998 гг. ухудшил внешние условия функционирования польской экономики, в частности, резко снизил возможности использования российского рынка. Неблагоприятная внешняя конъюнктура обусловила снижение притока ПИИ в Польшу и спроса на польскую экспортную продукцию, что вызывало нарастание дефицита публичных финансов и, соответственно, внутреннего государственного долга.

В итоге правительство Бузека взяло курс на «охлаждение» экономики, т.е. существенное снижение темпов экономического роста для восстановления сбалансированности экономики, приведения потребительского и инвестиционного спроса в соответствие со снижаю-

щимся совокупным народно-хозяйственным потреблением. Жесткая, рестриктивная денежная политика в итоге привела к стагнации. Г. Колодко назвал проводившуюся Л. Бальцеровичем политику «доктринерством и догматизмом наивного либерализма»[1].

К тому же Совет денежной политики совершил серьезные ошибки в процессе снижения и повышения процентных ставок Центробанка. Попытки снижения процентных ставок не привели к стимулированию хозяйственной конъюнктуры. В опасении перед ростом инфляции и дефицита текущих платежей ограничивался спрос, который и так бы уменьшился в результате замедления темпов экономического роста. Политика ограничения спроса с помощью классических макроэкономических инструментов принесла значительное снижение темпов роста и увеличение бюджетного дефицита.

В итоге произошло значительное уменьшение потребительского спроса (с 6–5% роста в 1998–1999 гг. до 1% в 2001 г.). Вследствие резкого замедления темпов экономического роста до критических, бюджет не получил дополнительных доходов и его дефицит увеличился в 2001–2002 гг. до 5–6%.

Политика «охлаждения экономики» и ошибки в макроэкономической политике привели Польшу к самым низким во всей Центрально-Восточной Европе темпам экономического роста. Следствием стало заметное сокращение притока в страну прямых иностранных инвестиций (с 10 млрд долл. США в 2000 г. до 6,5 млрд долл. США в 2001 г.).

Нельзя не отметить, что, несмотря на резкое замедление темпов роста, были достигнуты и определенные позитивные результаты. Наблюдался рост производительности труда, улучшилась качественная структура экспорта, уменьшились инфляции (с 14,9% в 1997 г. до 3,7% в 2001 г.), отрицательное сальдо внешней торговли (с 17,3 млрд долл. США в 2000 г. до 14,2 млрд долл. США в 2001 г.) и дефицит платежного баланса (с 7,5% ВВП в 1999 г. до 4,2% в 2001 г.).

Резкое замедление темпов экономического роста неизбежно привело к разочарованию ходом и результатами преобразований. Если в 1995 г. 75% опрошенных считали, что менять социально-экономическое устройство стоило, то в 2001 г. такой точки зрения придерживались уже 56%. В 1994 г. 24%, а в 2001 г. 55% считали, что перемены принесли больше потерь, чем выгод[2]. Разочарование общества системной трансформацией достигло критической черты. Усталость и безверие стали реальным препятствием на пути продолжения преобразований.

---

[1] *Kołodko G.* Strategia dla Polski — XXI wiek // www. kolodko.tiger.edu.pl.

[2] Ostatnie dwanaście lat — oceny z perspektywy osobistej // www.cbos.pl.

Ухудшения в настроениях поляков повлекли за собой неизбежные политические последствия.

Главным политическим событием 2000 г. стали президентские выборы. Впервые в истории современной Польши президент был избран в первом туре. Им вновь стал А. Квасьневский, получивший 53,9% голосов явившихся на выборы (61,12%). Для него как президента были характерны предсказуемость, неконфронтационный стиль исполнения президентских функций, способность к компромиссам. Он сделал все для вступления Польши в НАТО, последовательно проводил политику стратегического сближения с ЕС, выступал сторонником нормальных отношений с Россией.

В 1999–2000 гг. важные изменения происходили на левом фланге польской политической сцены. Избирательный блок Союз демократических левых сил был преобразован в одноименную политическую партию. Формальным основанием для такой трансформации послужила запись в новой Конституции, которая разрешает участие в парламентских выборах только политическим партиям и их блокам. В программном плане Союз сместился в большей степени в центр и стал приемлемым для основных категорий избирателей.

На парламентских выборах, которые состоялись 23 сентября 2001 г., правоцентристские силы потерпели поражение и к власти вновь пришли социал-демократы. После выборов «Избирательная акция “Солидарность”» прекратила свое существование, а Демократический союз стал «прозябать» на политической сцене. Это была их политическая плата за системную трансформацию.

Перед парламентскими выборами из «Избирательной акции “Солидарность”» вышла группа политиков, не игравших ведущей роли в преобразованиях конца 1980-х — начала 1990-х гг. Эти политики создали две новые правые партии — национально-консервативную «Закон и справедливость» во главе с братьями Лехом и Ярославом Качиньскими и консервативно-либеральную «Гражданская платформа» во главе с Д. Туском и Я.М. Рокитой. Эти партии уже не обращались напрямую к традициям «Солидарности». Наряду с этими партиями впервые в новый Сейм прошли партии, не связанные ни с «Солидарностью», ни с посткоммунистами — популистская «Самооборона», лидером которой является А. Леппер, и национал-клерикальная «Лига польских семей» во главе с Р. Гертыхом.

Победителем парламентских выборов стала партия польских социал-демократов «Союз демократических левых сил», лидером которой был Л. Миллер. Эта партия в коалиции с Союзом труда (небольшой левой партией, вышедшей из «Солидарности») получила 46,29%

голосов участвовавших в выборах избирателей. В польских левых большинство электората увидела компетентную политическую силу, способную решить социально-экономические проблемы страны. Победившая коалиция вместе с Польской крестьянской партией сформировала левоцентристское правительство, главой которого стал Л. Миллер (2001–2004), имевшего имидж «сильного и решительного» политика. Миллер стремился доказать, что он эффективный лидер, способный быстро достичь успеха и оправдать разбуженные его партией надежды людей на быстрое улучшение социально-экономической ситуации в стране.

В момент прихода к власти этого правительства осенью 2001 г. Польша переживала серьезные социально-экономические трудности: экономика находилась в состоянии стагнации, финансовое положение резко ухудшалось. Наблюдалось запаздывание в переговорах с Европейским союзом. В обществе нарастало разочарование результатами системной трансформации, было низким доверие к институтам государства, демократии, политике и политикам.

Первый год пребывания у власти был для правительства особенно сложным. Оно решало первоочередные задачи предотвращения кризиса государственного бюджета и сползания в кризис всей польской экономики, разработки среднесрочной экономической стратегии и создания предпосылок для выхода на путь экономического роста уже в 2003 г.

Чтобы остановить нарастание кризисных явлений в экономике, левоцентристское правительство было вынуждено проводить сугубо прагматическую, по сути либеральную, политику. Второй раз за годы трансформации польские социал-демократы пришли к власти, и второй раз «левый поворот» не получился. Дело в том, что если западная социал-демократия формировалась в оппозиции капитализму, то центральноевропейские социал-демократы, в том числе польские, вынуждены участвовать в строительстве и укреплении капитализма. В результате они во время пребывания у власти были не в состоянии последовательно защищать интересы тех социальных слоев, которые поддерживают левые силы. Сам же формирующийся капитализм разлагающе действует на социал-демократические партии. К тому же Л. Миллер считал, что основной упор должен быть сделан на создание в возможно короткие сроки эффективной рыночной экономики, а социальное начало в такой экономике проявится само[1].

---

[1] *Miller L.* Socjaldemokratyczny heretyk// Wprost. 21.10.2005.

Обществу была предложена позитивная среднесрочная перспектива. В феврале 2002 г. Сеймом Республики Польша была принята экономическая стратегия правительства на 2002–2005 гг. «Предприимчивость — развитие — работа». Ее основные цели сводились к оживлению экономики (восстановление в 2004 г. 5%-ного роста), борьбе с безработицей, которая в январе 2002 г. составляла 18%, созданию условий для развития малых и средних предприятий и подготовка Польши к интеграции в ЕС.

Общественная поддержка правительства, составившая вскоре после его формирования более 60%, вскоре стала уменьшаться ввиду неспособности властей быстро изменить социально-экономическую ситуацию в стране. В январе 2002 г. деятельность кабинета позитивно оценивали 45% опрошенных, а в апреле — только 33%. По данным Института исследований «Ipsos-Demoskop», пик его непопулярности пришелся на июль. Тогда только 14% респондентов одобрили деятельность правительства Миллера.

Такая ситуация усиливала напряженность внутри правительства и партии «Союз демократических левых сил». Участились разногласия премьер-министра с членами кабинета, в первую очередь с М. Белькой. Это породило атмосферу ожидания перемен. Миллер пошел на реконструкцию правительства. Белька и еще несколько министров подали в отставку.

В начале июля 2002 г. новым вице-премьером, министром финансов стал известный экономист Гжегож Колодко, который воспринимается в Польше как «Антибальцерович» и является символом успешных 1990-х гг., когда в 1994–1997 гг. он занимал аналогичную должность, а ежегодный экономический рост составлял 7%. Вокруг него сформировалась позитивная аура.

16 июля на пресс-конференции и 26 июля в Сейме Г. Колодко представил «Пакт антикризисных действий в сфере защиты рынка и рабочих мест» в развитие стратегии «Предприимчивость — развитие — труд». Его цель — возвращение на путь быстрого экономического роста, уменьшение безработицы и спасение польских предприятий. Колодко обещал дальнейшее снижение дефицита госбюджета (с 5,4% ВВП в 2002 г. до 3% в 2005 г.) при сохранении социальных расходов, низкую инфляцию (2–3% в год). По его мнению, для восстановления роста «необходимо продолжение структурных реформ, приватизации, децентрализации, сохранение финансовой дисциплины».

Вместе с тем тесная связь Союза демократических левых сил с бизнесом порождала мышление в категории собственных интересов и эгоизм в поведении политической верхушки, повлекла за собой уча-

стившиеся случаи злоупотребления властью. Ощущение безнаказанности и стремление к обогащению любой ценой усиливали коррупцию.

В 2001–2002 гг. удалось ликвидировать колоссальную дыру в государственном бюджете (она могла составить 63 млрд злотых, т.е. около 20 млрд долл. США), а в 2003–2005 гг. вывести экономику на путь развития. Правительству Миллера удалось выторговать у Европейской комиссии очень хорошие условия вступления Польши в Евросоюз.

Вместе с тем не удалось существенным образом уменьшить высокую безработицу. Рост средней заработной платы замедлился, доля лиц с доходами ниже прожиточного минимума увеличилась с 8,1% в 2000 г. до 11,8% в 2004 гг.[1] В обществе нарастало недовольство функционированием системы здравоохранения. Особенно подорвали рейтинг правительства и Союза демократических левых сил несколько обнародованных в СМИ случаев коррупции, особенно дело кинопродюсера Л. Рывина.

Часть наблюдателей польской политической сцены считают, что поражение Союза демократических левых сил на парламентских выборах 2005 г. было обусловлено тем, что власть, лишенная идейной основы и перспективы, дегенерирует и тем самым подвергает себя излишней коррупции, а в итоге теряет легитимность[2].

Усилились негативные тенденции и в общественно-политической жизни. Левоцентристская власть не сумела поднять качество правления. У людей по-прежнему сохранялось ощущение, что они не влияют на ход дел в стране. Попытки Союза демократических левых сил сделать власть более активной, заставить ее интересоваться важными общественными проблемами и решать их не увенчались успехом. Для большой части поляков политика стала еще больше отождествляться с деньгами, привилегиями, коррупцией, а не с общественной миссией. В сложной и трудной экономической ситуации, которая была в определенной степени следствием политики правого правительства «Солидарности», Союз демократических левых сил не смог начать реализацию своей избирательной программы. К тому же она слишком оптимистически обещала быстрое восстановление экономического роста и повышение жизненного уровня населения. Однако вскоре оказалось, что левое правительство не в состоянии решить такие проблемы, как безработица и бедность. Поддержка социал-демократов среди избирателей стала падать.

---

[1] См.: *Tarnowska E.* Nie wyolbrzymiam problemu biedy // www.gazeta.pl (4.01. 2006).

[2] *Władyka W., Żakowski J.* Cztery lata bez wizji // Polityka. 2005. No 38. S. 4.

Сразу же после парламентских выборов (сентябрь 2001 г.) СДЛС имел поддержку 35% избирателей, а Гражданская платформа — 10%. В январе 2004 г., согласно опросу правительственного Центра исследования общественного мнения (CBOS), рейтинг первой партии в коалиции с Союзом труда составил 21%, второй — уже 29%. Вечером 26 марта Л. Миллер после встречи с президентом Александром Квасьневским заявил о своей отставке 2 мая, день спустя после вступления Польши в Европейский союз. В итоге произошла дискредитация второй политической силы, ответственной за перемены в стране после 1989 г.

Правительство Марека Бельки (2004–2005), пришедшее на смену правительству Л. Миллера, по существу, продолжало ту же экономическую политику. Союз демократических левых сил превратился в партию власти.

Вместе с тем историческая заслуга левоцентристских правительств Л. Миллера и М. Бельки состояла в том, что они не только приостановили сползание польской экономики в кризис, но и создали предпосылки для ее быстрого роста в первые годы членства в ЕС. В 2001 г. рост ВВП составил 1,0%, в 2002 г. — 1,4, в 2003 г. — 3,8%. Однако плодами этой политики воспользовались уже правые правительства К. Марчинкевича, Я. Качиньского и Д. Туска.

После 2000 г. заметно изменилось соотношение основных факторов экономического роста. Так, если в 1996–2001 гг. инвестиции играли решающую роль в обеспечении роста (среднегодовые темпы 12,7%), вторым по значимости фактором стал экспорт (11,7%), а народно-хозяйственный спрос был лишь на третьем месте (6,7%), то в 2001–2005 гг. на первое место вышел экспорт (13,5%), на второе — совокупный спрос (2,0%).

Для рассматриваемого периода характерно нарастание несбалансированности общественных финансов. После непродолжительного периода относительной сбалансированности, когда показатели дефицитности финансовой системы в Польше укладывались в Маастрихтские критерии (3% ВВП), в начале текущего десятилетия ситуация в стране начала ухудшаться. В 1999 и 2000 гг. дефицит составлял –3,1 и –2,9% ВВП; в 2001 г. произошло скачкообразное его увеличение до –5,0% и в 2002 г. –5,9% ВВП.

В 1993–1998 гг. ведущим направлением польской внешней политики стало стремление добиться вступления в Североатлантический альянс и тем самым обеспечить свою национальную безопасность. Это происходило в упорной борьбе, и впоследствии было названо «битвой за НАТО»[1]. Решительный курс на вступление в НАТО Варша-

[1] *Kuźniar R.* Droga do wolności. Polityka zagraniczna III Rzeczypospolitej. Warszawa, 2008. S. 115.

вой был взят осенью 1993 г. после расстрела Б. Ельциным Верховного Совета. Однако так как президент США Б. Клинтон придерживался во внешней политике принципа Russia first, Польше пришлось на протяжении нескольких лет ограничиться участием в реализации программы «Партнерство для мира», которое было весьма активным. Москва пыталась противодействовать взятому Варшавой курсу на вступление в НАТО, так как это противоречило российским национальным интересам. После подписания 27 мая 1997 г. Основополагающего акта Россия–НАТО в июле 1997 г. альянс пригласил Польшу начать переговоры о вступлении. В марте 1999 г. Польша стала членом НАТО.

После поддержки Польшей весной 2003 г. американской военной интервенции в Ираке и посылки в сентябре того же года польского контингента военнослужащих в эту страну стало еще более очевидно, что польская внешняя политика подчинена американским интересам. РП не последовала совету президента Франции Ж. Ширака «сидеть тихо» и стала восприниматься как «американский троянский конь» в Европе. В результате в 2003–2005 гг. роль Польши в европейской политике ослабла, а России возросла. Отношения РП с ведущими европейскими державами ухудшились. Ряд важных проблем европейской и международной политики стали решаться при участии России и без Польши, как бы над головами поляков.

В 1994–2003 гг. процессы сближения с ЕС, которое стало вторым ведущим направлением польской внешней политики, развивались поступательно и без существенных сбоев. 8 апреля 1994 г. Польша подала заявление о вступлении в Европейский союз. Польские политики неоднократно подчеркивали, что РП никогда не рассматривала свое членство в ЕС исключительно через призму своей выгоды, она судила о нем также в категориях выгоды для Евросоюза и всей Европы. Польский вклад должен заключаться в упрочении перемен в восточной части Европы, устранении прежних разделительных линий, внесении в союз значительного экономического и человеческого потенциала, трудолюбия и предприимчивости поляков, важного геополитического положения Польши[1].

28 января 1997 г. правительство приняло Национальную стратегию интеграции. Это был второй после Программы действий 1993 г. важный правительственный документ, касающийся подготовки Польши к членству в ЕС. В основу Национальной стратегии интеграции были положены четыре принципа: членство Польши в ЕС означает интеграцию во

[1] Ibid. S. 139.

всех областях, интеграция Польши с ЕС должна способствовать максимализации темпов экономического роста при одновременном постепенном выполнении критериев экономического и валютного союза, интеграция Польши с ЕС — это процесс, приносящий выгоду обеим сторонам, интеграция влечет за собой адаптационные затраты.

Подготовка к вступлению в ЕС облегчило создание рыночной экономики и позитивно повлияло на реструктуризацию польских предприятий и создание новых условий для экспорта.

Прежде всего эта подготовка предусматривала либерализацию условий торговли и создание зоны свободной торговли. В ходе этого процесса стабилизировались условия обмена, и росло значение Евросоюза как торгового партнера РП. В 1990–2003 гг. доля Польши в товарообороте с ЕС систематически росла: с 1,4 до 3,2% в импорте ЕС и с 1,8 до 3,9% в экспорте. Значительно более зависимой от Евросоюза становилась польская экономика: доля ЕС в торговле промышленными товарами в 2002 г. составляла 68,8% в экспорте и 61,7% в импорте[1].

На протяжении 1990-х гг. в торговле с Евросоюзом импорт из ЕС однозначно преобладал над экспортом из Польши. В результате в 1991–2003 гг. профицит Евросоюза и, следовательно, дефицит РП составил огромную сумму более 87 млрд евро. По мнению польских политиков и экономистов, это обусловливалось технологической отсталостью польской экономики и необходимостью ее модернизации. Со временем перемены в экономике стали улучшать товарную структуру экспорта и уменьшать дефицит в торговле Польши с ЕС. Негативным последствием интеграции стал рост безработицы, как следствие усиления конкуренции, реструктуризации или банкротства части польских предприятий.

Последствием экономической трансформации и процессов адаптации к Евросоюзу стали изменения в специализации и тем самым места Польши в региональном разделении труда. Создание зоны свободной торговли существенным образом повлияло на рост внутриотраслевой торговли, что свидетельствует о растущих производственных связях. Если в начале 1990-х гг. доля внутриотраслевого обмена в торговле с ЕС составляла 24%, то в 2003 г. — уже 44%.

В процессе подготовки к вступлению в Евросоюз самое большое беспокойство вызывала судьба польского сельского хозяйства, весьма отсталого (с преобладанием малых хозяйств до 5 га) и занимающего большой удельный вес в экономике страны и в структуре занятости (22% всех занятых) по сравнению с сельским хозяйством стран — членов ЕС. По оценке специалистов, польский аграрный сектор перед

[1] *Domagała A.* Integracja Polski z Unią Europejską. Warszawa, 2008. S. 94–95.

вступлением в Евросоюз не был готов к конкуренции с западноевропейскими производителями. Спасение виделось в охвате польских крестьянских хозяйств Единой сельскохозяйственной политикой ЕС, которая предоставит им реальную финансовую помощь.

Интеграция Польши с Евросоюзом с формальной точки зрения означала прежде всего принятие принципов, процедур, постановлений и норм, содержащихся в законодательстве ЕС. Соглашение об ассоциации Польши с Европейскими сообществами начало процесс постепенного приведения в соответствие национального права с правом ЕС. Это оказалось весьма длительным, трудоемким и затратным делом. Этот процесс ускорился в 2000–2003 гг. С 1 января 2000 г. по 22 марта 2004 г. Совет министров принял 322 проекта законов, позволивших привести в соответствие национальное право с законодательством ЕС. До конца 2003 г. правительство издало более 800 исполнительных актов. В 1997–2004 гг. Сейм принял более 260 законов, гармонизирующих польское право с правом ЕС. На протяжении всего периода адаптации Польша в своем развитии ориентировалась на макроэкономические стандарты и нормы, принятые в странах ЕС (Копенгагенские и Маастрихтские критерии).

Важную роль в подготовке вступления Польши в ЕС играла финансовая помощь. Так, в рамках программы PHARE в страну было инвестировано 3,9 млрд евро, по программе SAPARD — 1,1 млрд евро и ISPA — 1 млрд евро, т.е. всего — 6 млрд евро.

16 июля 1997 г. Европейская комиссия представила свое мнение на заявление Польши о вступлении в ЕС. РП была признана демократической страной со стабильными институтами, гарантирующими права человека и национальных меньшинств, страной осуществившей системную трансформацию и глубокие экономические реформы. Это обеспечило быстрый экономический рост, социальный прогресс и существенное приближение в ряде областей к европейским стандартам. Польша также была признана страной с рыночной экономикой. Европейская комиссия рекомендовала начать переговоры о вступлении РП в ЕС. Начало переговоров означало окончательную конкретизацию условий, на которых РП становилась членом ЕС.

Официальные переговоры начались 31 марта 1998 г. На первом заседании министр иностранных дел Польши Б. Геремек выразил убеждение, что членство в ЕС будет способствовать ускорению развития страны и декларировал готовность принятия всего законодательства Евросоюза, а также участия во всех сферах интеграции. Уполномоченным правительства по вопросам переговоров о членстве РП в Евросоюзе вначале был Ян Кулаковский, которого в 2001 г. сменил Ян Трущиньский.

Переговоры о вступлении длились 57 месяцев и велись по 29 темам (промышленная политика, сельское хозяйство, таможенный, экономический и валютный союз, конкурентная политика, финансы и бюджет и др.). Они проходили в условиях острой критики со стороны популистско-националистической оппозиции, выступавшей против присоединения Польши к Евросоюзу. Польша стремилась к получению таких условий членства для себя, которые создавали бы возможности для более быстрого выравнивания уровня экономического развития РП и ЕС-15. Поэтому поляки пытались выторговать как можно больше финансовых средств из структурных фондов и на развитие сельского хозяйства. Трудными оказались переговоры относительно лимитов производства отдельных товаров (особенно молока, сахара, комбикормов). Стороны пришли к выводу, что не все стандарты ЕС будут обязательны для Польши с момента ее вступления в Евросоюз. Вводились несколько десятков переходных периодов. В частности, РП согласилась на семилетний переходный период, ограничивающий свободный доступ польских граждан на рынки труда в странах ЕС-15. Был введен пятилетний переходный период, не разрешающий гражданам ЕС свободно приобретать недвижимость на польской территории (в сельском и лесном хозяйстве в течение 12 лет) и др. В случае Польши основной проблемой во время переговоров была величина прямых доплат крестьянам. Польские переговорщики на последнем заседании добились их повышения. Эти доплаты должны были составлять в 2004 г. 55%, в 2005 г. — 60, в 2006 г. — 65% уровня доплат стран ЕС-15. Благодаря настойчивой позиции Л. Миллера, Польша получила 19 млрд евро из почти 41 млрд евро, выделенных для странновичков на 2004–2006 гг.

13 декабря 2002 г. на заседании Европейского совета ЕС в Копенгагене переговоры Польши о вступлении в ЕС были завершены. 16 апреля 2003 г. был подписан Договор о вступлении Польши в Евросоюз вместе с остальными странами-кандидатами (Афинская декларация).

В июне 2003 г. в Польше был проведен референдум по вопросу вступления в ЕС, в котором приняло участие 58,85% всех граждан, имеющих право голоса. За вступление в ЕС высказалось 77,45% принявших участие в референдуме. Это означало, что за членство страны проголосовало менее половины граждан.

С 2004 г. базовым документом, регулирующим отношения Польши с ЕС, стал Договор о вступлении Республики Польши в Европейский союз, который не только определяет правовую основу взаимоотношений Польши и Евросоюза, но и устанавливает процедуру переходного этапа, что и лежит в основе текущей политики Польши в отношении ЕС.

Курс Польши на вступление в НАТО, не сложившиеся отношения между президентами Б. Ельциным и Л. Валенсой стали причинами охлаждения российско-польских политических отношений в 1994 г. После победы на президентских выборах А. Квасьневского (ноябрь 1995 г.) появилась тенденция к некоторому оживлению взаимных отношений. Они резко ухудшились после прихода к власти осенью 1997 г. правоцентристского правительства Е. Бузека. В двусторонних отношениях стали нарастать противоречия и конфликты. В частности, 23 февраля 2000 г. произошел инцидент перед консульством РФ в Познани. Группа молодых прочеченски и националистически настроенных поляков ворвалась на территорию консульства, сорвала и растоптала российский флаг, сделала краской антироссийские надписи на здании консульства. Польское правительство воспрепятствовало реализации предложения Газпрома по строительству измененной трассы второй нитки газопровода Ямал–Европа.

Улучшение взаимных политических отношений произошло после прихода к власти осенью 2001 г. левоцентристских сил. Визит президента РФ В. Путина в Польшу в январе 2001 г. продемонстрировал стремление России к новому партнерству в отношениях с РП. Поэтому в 2002–2004 гг. двусторонние политические отношения развивались в конструктивном русле. Постоянным был политический диалог на уровне глав государств, правительств, обеих палат парламента. Были созданы и начали функционировать новые институты поддержания взаимных отношений — Комитет по вопросам стратегии российско-польского сотрудничества, Совет бизнеса России и Польши, Форум российской и польской общественности.

В 1994–1997 гг. российско-польская торговля характеризовалась ежегодным устойчивым ростом товарооборота. Он был обусловлен в первую очередь экономическим оживлением в Польше, которое повлекло за собой увеличение спроса на российские топливно-сырьевые товары и экспансию польских товаров на российский рынок. Сказалась также и относительная финансовая стабилизация в России, что сделало ее рынок более предсказуемым. В 1994–1997 гг. товарооборот увеличился в текущих ценах в 2,5 раза. В 1998 г. взаимный товарооборот составлял около 5 млрд долл. США. Это было равно товарообороту с Китаем. В 1997 г. Россия стала вторым (после Германии) покупателем польских товаров и третьим импортером на рынке Польши. После финансового кризиса в России в 1998 г. взаимная торговля стала сокращаться. В 1999 г. товарооборот составил 3,4 млрд долл. США. Однако в 2000 г. рост товарооборота вновь возобновился. Его быстрые темпы объяснялись резким увеличением на мировом рынке цен на

нефть, газ и российский лес. В итоге это привело к большому дисбалансу во взаимной торговле в пользу России. В 2003 г. взаимный товарооборот составил 6,7 млрд долл. США.

В 1990-е гг. происходило быстрое открытие польской экономики миру, высокими темпами росли объемы польской внешней торговли. Динамика роста экспорта в этот период была в 2–3 раза выше, чем динамика роста ВВП. В конце 1990-х гг. доля экспорта в ВВП составила 20%. Доля частного сектора достигла в экспорте 90% его стоимости, в импорте — более 70%. Для 1990-х гг. и начала XXI в. был характерен большой дефицит в польской внешней торговле, составлявший более 10 млрд долл. США в год. На высокоразвитые страны приходилось около 75% польского товарооборота, около 10% — на Россию и страны СНГ, 7–8% — на страны Центрально-Восточной Европы. Польша стала привлекательной для иностранных инвесторов с середины 1990-х гг. В 1999 г. общая сумма привлеченных ПИИ составила около 40 млрд долл. США. Это — 40–50% всех инвестиций, вложенных в экономику стран Центрально-Восточной Европы. В ноябре 1996 г. Польша стала 28-м членом ОЭСР.

Оценивая глубокие системные преобразования в Польше в 1990–2003 гг., необходимо отметить, что они были проведены в исторически короткие сроки, без длительного периода спада или застоя в экономике. В 1995 г. Польша первой среди стран ЦВЕ преодолела трансформационный спад, с 1995 г. в стране стали расти реальные доходы населения. Трансформация привела к демократизации страны и завершению процесса демократической консолидации.

В ходе системной трансформации в Польше были созданы основы рыночной экономики, базирующейся на широкомасштабном частном секторе: если в 1989 г. в нем производилось около 20% ВВП, то в 2003 г. — уже 77,1%. В 2003 г. в частном секторе было занято около 70,1% всех работающих в народном хозяйстве (в 1990 г. — 49%). В 2003 г. частная форма собственности господствовала в промышленности (79% реализованной продукции), в сельском хозяйстве (99,6% товарного производства), розничной торговле (98,1% товарооборота) и строительстве (96,6%). В экспорте и импорте доля частных предприятий составила в 2003 г. — 89,5 и 93,0%. Развитие частного сектора обеспечивалось в основном за счет малых и средних предприятий (МСП). В 2003 г. количество частных хозяйствующих субъектов составило 3,6 млн, в их числе почти 2,8 млн физических лиц, ведущих хозяйственную деятельность. МСП становятся основой экономики страны: на этих предприятиях производилось 47,9% ВВП страны (в том числе на малых — 38,3%). В секторе МСП работало 68% всех

занятых в народном хозяйстве[1]. Претерпела изменения и структура производства. В кратчайшие сроки она приблизилась к пропорциям, сложившимся в развитых европейских странах. В 1988 г. доля Польши в мировой торговле составляла 0,3%, в 2004 г. — 0,8%.

В начале нового века экономическая система Польши существенно приблизилась к европейской. Вступление страны в ЕС с формально-правовой точки зрения означало переход от этапа адаптации к европейской экономической системе к этапу интеграции в нее.

Вместе с тем быстрые социально-экономические преобразования, и стремительное строительство капитализма без капитала разделили общество на выигрывавших и проигравших, привели к появлению различных патологических социально-экономических и политических явлений, на которые власть имущие не обращали серьезного внимания, считая их неизбежной социальной платой за перемены. Особенно они проявились в процессе приватизации. На стыке государство—частный бизнес появились группы людей, которые по дешевке скупали государственные предприятия, а затем с большой выгодой для себя продавали их иностранцам. Другие монополизировали государственные заказы, обогащаясь благодаря связям с властью. Все это порождало коррупцию и другие злоупотребления. Составной частью трансформации стали безработица, социальное неравенство, рост сферы бедности и нищеты. В 2003 г. безработица составила 20%. В 2003 г. ниже социального минимума жили 59% населения, а ниже физиологического уровня — 12,0%[2]. В 2003 г. в Польше коэффициент Джини, свидетельствующий о неравенстве доходов семей, был самым высоким в Центрально-Восточной Европе. Он составил 0,518 (в 1988 г.— 0,278), в то время как в Венгрии — 0,318, Словакии — 0,388 и Чехии — 0,253[3].

За годы трансформации произошли изменения в социально-профессиональной структуре польского общества. Доля собственников предприятий в общей структуре занятых увеличилась с 1,6% в 1982 г. до 6,6% в 1999 г., а затем вследствие экономического застоя уменьшилась до 5,0% в 2002 г. За этот же период в два раза возросло число работников сферы услуг — с 6,4 до 12,3%, резко увеличилась доля высших руководящих кадров — с 0,9 до 2,4%. В 1990-е гг. росла численность нетехни-

---

[1] Польша // Страны Центральной и Восточной Европы в период подготовки к вступлению и в первые годы членства в Европейском союзе. М., 2006. С. 121–122; Rocznik Statystyczny Polski. 2004. W-wa, 2005; Marek M. Raport o stanie sektora małych i średnich przedsiębiorstw w Polsce. Warszawa, 2006.

[2] *Gucwa-Leśny E.* Zmiany poziomu życia i ich społeczne uwareunkowania // Wymiary życia społecznego .Polska na przełomie XX i XXI wieku. Warszawa, 2007. S. 201.

[3] *Domański H.* Mechanizmy stratyfikacji i hierarchie społeczne// Wymiary życia społecznego S. 86.

ческой интеллигенции — с 3,3% в 1987 г. до 4,5% в 1998–1999 гг. Однако в 2004 г. ее доля вновь уменьшилась до 3,3%. В 1980–1990-е гг. доля крестьян сократилась с 23,5 до 10,2%[1].

В начале века все более заметными стали снижение уровня политической культуры в обществе, деградация польского политического класса, его стремление рассматривать власть не как общественную миссию, а как средство личного и группового обогащения. Все более частым явлением становились правительства меньшинства, которые скорее администрировали, чем осуществляли власть. В результате отсутствовала стратегия в их деятельности, трудные и важные для страны решения не принимались. В результате доверие к государству, политическому классу со стороны общества падало.

* * *

1994–2003 гг. стали важным периодом в развитии Польши. Демократические правила игры были признаны и стали соблюдаться основными политическими силами. Переход власти из рук правящих сил к оппозиции происходил без каких-либо инцидентов. В этом десятилетии правые силы сменили левые силы, а затем левые силы правые. С середины 1990-х гг. Польша превратилась в лидера экономической трансформации в регионе Центрально-Восточной Европы. В стране радикально изменились общественные и производственные отношения. В основном была создана рыночная инфраструктура, структура производства приблизилась к пропорциям, сложившимся в развитых европейских странах. Была проведена приватизация крупных и средних государственных предприятий и сформирован широкомасштабный частный сектор. Далеко продвинулось реформирование систем государственного управления и финансов, возрождено местное самоуправление. Польша добилась своих основополагающих целей во внешней политике: в 1999 г. она стала членом НАТО, а в конце 2002 г. завершила переговоры о вступлении в ЕС.

4.3. Словакия: выбор модели развития

25 ноября 1992 г. парламент ЧСФР принял с перевесом в три депутатских голоса федеральный закон о прекращении с 1 января 1993 г. существования чехословацкой федерации. В нем была зафиксирована

[1] *Leszkowicz-Baczyński J.* Zmiany struktury społecznej w Polsce. Próba uogólnienia// Transformacja systemowa w Polsce i krajach postkomunistycznych. Studia i rozprawy. Pułtusk, 2006. S. 374.

процедура разъединения Чешской и Словацкой республик на два различных государства. Ранее, 17 июля 1992 г., Словацким национальным советом был провозглашен суверенитет Словацкой республики. Конституция СР, принятая 1 сентября 1992 г. и вступившая в силу 1 октября 1992 г., действует по настоящее время.

СР по Конституции является парламентской республикой. Функции законодательной власти закреплены за однопалатным словацким парламентом (Словацкий национальный совет), а также за референдумом. Решения считаются принятыми, если в референдуме примет участие больше половины зарегистрированных избирателей и больше половины участников референдума проголосует «за». О проведении референдума объявляет президент Словацкой Республики на основании 1) петиции не менее чем 350 тыс. граждан или 2) решения Национального совета. Конституция вносит некоторые ограничения в законодательные компетенции референдума: предметом его рассмотрения не могут быть основные права и свободы граждан, налоги, государственный бюджет. Парламент может отменить результаты референдума по истечении трех лет с момента его (референдума) проведения. По закону за парламентом закреплены также следующие сферы деятельности: принимать Конституцию, конституционные и иные законы; отправлять в отставку президента страны; принимать решения о проведении референдума; выражать доверие (недоверие) правительству и контролировать его деятельность, утверждать программные заявления правительства, государственный бюджет, принимать решения об учреждении министерств и других структурных подразделений государственного управления, рассматривать вопросы внутренней, международной, экономической и социальной политики, избирать судей, в том числе председателя и заместителя председателя Верховного суда Словацкой Республики. Парламентские комитеты и сами депутаты, наряду с правительством, обладают правом законодательной инициативы. В словацкой Конституции предусмотрен однопалатный парламент, состоящий из 150 депутатов.

Правительство является высшим органом исполнительной власти страны. Председатель правительства назначается президентом из числа депутатов парламента. Это положение распространяется и на остальных членов правительства. В течение 30 дней с момента своего формирования правительство обязано предоставить парламенту свое программное заявление и получить одобрение последнего. Правительство несет перед парламентом ответственность за свою деятельность и в зависимости от ее результатов может получить от последнего выражение доверия или недоверия. В последнем случае президент отправляет пра-

вительство в отставку. Если председатель правительства сам подал или был отправлен в отставку, то все правительство обязано уйти в отставку. В отставку правительство отправляет президент в том случае, если парламент простым большинством голосов выразил правительству недоверие или отказался выразить доверие.

Совершенно новым для Словакии институтом является институт президентства. Президентом может быть гражданин Словакии не моложе 35 лет. Первоначально было установлено, что президента избирает Национальный совет (для избрания необходимы голоса трех пятых состава НС) сроком на пять лет. Позже была внесена поправка о всенародном избрании президента. Словацкая Конституция относит и президента, и правительство к органам исполнительной власти. При этом Конституция определяет правительство как высший орган исполнительной власти. Отсюда было бы логично предположить, что президент республики представляет собой орган власти второстепенного значения. Однако анализ его правомочий, закрепленных в Конституции, и, прежде всего, его право назначать премьер-министра и остальных членов правительства, а также принимать их отставку, назначать референдум, быть главой вооруженных сил и государства позволяют предположить, что президент является самостоятельным конституционным органом в парламентской Словацкой Республике и независим от правительства.

После провозглашения в 1993 г. независимости в Словацкой Республике (СР) начали формироваться новые органы власти. Функции парламента страны были возложены на избранный летом 1992 г., еще в ходе проходивших в ЧСФР парламентских выборов, Национальный совет. Первый президент Словацкой Республики Михал Ковач был избран парламентом 15 февраля 1993 г. Его кандидатура была выдвинута Движением за демократическую Словакию (ДЗДС), членом которого он являлся, и получила поддержку Партии левых демократов (ПЛД), Словацкой национальной партии (СНП), части Христианско-демократического движения (ХДД), а также венгерских партий.

Политическое руководство Словацкой Республики с первых дней выхода из состава ЧСФР (январь 1993 г.) заявляло о преемственности внешнеполитических приоритетов, провозглашенных «бархатной революцией» 1989 г., выступало за *проевропейский* характер внешнеполитической ориентации, за интеграцию своей страны в европейские экономические структуры. О поддержке этих планов заявляли все парламентские партии и, что особенно важно, тогдашний политический лидер словацкого общества и безусловный победитель парламентских выборов 1992 г. ДЗДС. Словакия одной из первых постсоциалисти-

ческих европейских стран в октябре 1993 г. подписала с ЕС Соглашение об ассоциированном членстве, которое после ратификации его всеми парламентами государств — членов ЕС вступило в силу в феврале 1995 г. В июне 1995 г. словацкий премьер-министр В. Мечиар на сессии Европейского союза в Каннах подал официальную заявку о приеме СР в ЕС. В сопровождавшем ее меморандуме, Словакия брала на себя обязательства координировать с Брюсселем свои действия по вопросам внешней политики и безопасности уже на этапе ассоциации с ЕС[1]. Однако весь ход внутриполитической жизни, предшествующий этому заявлению и последовавший за ним, заставил ЕС усомниться в серьезности интеграционных намерений словацкой политической элиты первой половины 1990-х гг. Настороженность, переходящую в неприятие, вызывали у «европейцев» фигура тогдашнего словацкого премьер-министра Владимира Мечиара (1993, 1994–1998 гг.), возглавлявшего очень популярное среди словаков ДЗДС, и проводимая им политическая линия.

ДЗДС появилось на словацкой политической сцене весной 1991 г., выделившись из общедемократического словацкого движения «Общественность против насилия». В программе ДЗДС были представлены общедемократические принципы (демократическая политическая система, правовое государство, плюралистическая парламентская демократия, свобода предпринимательства, социально-ориентированная рыночная экономика, обновление гуманистического содержания светской жизни и христианских традиций) и элементы популизма и национализма (словацкие национальные интересы превыше всего, укрепление словацкой государственности, благосостояние для всех словаков). На этапе 1990-х гг. ДЗДС можно было отнести к числу национально-ориентированных сил, использующих для привлечения электората популистские националистические лозунги, которые было довольно затруднительно четко дифференцировать в традиционном лево-правом измерении. Долгое время такое положение дел являлось сознательной политической платформой. Сам лидер ДЗДС В. Мечиар весной 1995 г. заявлял, что политическое профилирование движения начнется тогда, когда структура словацкого общества будет подобна той, что существует в западноевропейских странах. Мечиар был убежден, что ускорение этого процесса лишь ослабит ДЗДС, которое отстаивает интересы самых широких масс. Однако реальное отношение ДЗДС к программам общественной трансформации и их требование «большей социальной ориентации реформ» позволяло отвести ему левоцентристское положение в словацком политическом спектре.

---

[1] Memorandum vlády k žadosti SR o členstve v EU // Trend. Br., 1995/12.06. Dokument. S. 1–11.

С 1992 по 1998 г. ДЗДС составляло основу всех правительственных коалиций в Словакии, а В. Мечиар возглавлял Словацкую Республику в качестве премьер-министра страны за исключением периода марта–октября 1994 г., когда в результате политического кризиса парламент отправил премьера, и вместе с ним все правительство, в отставку.

Первый состав правительства независимой Словакии определялся выборами в парламент 1992 г. Правительственную коалицию составили ДЗДС и Словацкая национальная партия (СНП), получившие 86 мандатов из 150 (74 — ДЗДС, 15 — СНП). Причем СНП в правительстве принадлежал только один министерский портфель.

ДЗДС позиционировала себя как монолитная и сплоченная под руководством своего харизматического лидера В. Мечиара организация. Однако в феврале 1993 г. возникли серьезные разногласия между ним и его заместителем по партии, министром иностранных дел словацкого правительства Миланом Княжко. В самые первые дни словацкой независимости между ними началась дискуссия о перспективах словацкой внешней политики. Княжко заявлял, что считает желательной постепенную интеграцию Словакии во все европейские структуры, а Мечиар выступал за более тесную кооперацию с Украиной и Россией. Милан Княжко критиковал Владимира Мечиара за авторитарный стиль его руководства и отсутствие желания сотрудничать с партиями оппозиции. Под нажимом В. Мечиара, который пригрозил в случае отказа своей отставкой, президент Словакии Михал Ковач сместил М. Княжко с поста министра. Кроме того, он был лишен поста заместителя председателя ДЗДС. В ответ М. Княжко вышел из Движения. За ним последовали еще семь депутатов. Также в марте 1993 г. подал в отставку единственный член правительства от СНП. Численность депутатов от ДЗДС в парламенте сократилась до 66. Так правительство Словакии, сформированное по результатам выборов 1992 г., стало «правительством меньшинства».

Противоречия внутри правящей партии и назревавший политический кризис на этом этапе были частично разрешены благодаря созданию новой коалиции между СНП и ДЗДС и формированию коалиционного правительства, которое большинство политических партий Словакии встретило в «штыки». Состояние политической жизни Словакии в 1993–1994 гг. свидетельствовало о том, что новый кризис являлся лишь делом времени. Причем недолгого. В очередной раз внутри ДЗДС проявилась дифференциация взглядов. Десять парламентариев — членов ДЗДС объявили о создании внутри Движения фракции «Альтернатива политического реализма». Возглавили ее заместитель председателя правительства Роман Ковач и министр ино-

странных дел Йозеф Моравчик. Они выступили против линии, проводимой В. Мечиаром, за что были исключены из рядов ДЗДС. Проверкой на жизнеспособность, а также испытанием на прочность правящей коалиции стал закон о «большой приватизации». Речь шла о том, кто, правительство или парламент, будет контролировать процесс приватизации. Приватизационные активы составляли 220 млрд крон (на такую сумму оценивалось имущество, которое должно было перейти в частную собственность на этапе «большой приватизации»). Парламентская оппозиция сумела так подкорректировать поправками правительственный законопроект, что контрольные функции в процессе приватизации оказались в руках парламента. Вследствие выхода членов ДЗДС из Движения, правящая коалиция и представители оппозиции приобрели в парламенте равное число голосов, и это обстоятельство блокировало принятие закона о приватизации и других законов, определявших дальнейшую стратегию реформ в стране.

В данной ситуации досрочные парламентские выборы становились единственным инструментом решения политического кризиса. Сроки проведения досрочных парламентских выборов также стали предметом споров между правительственной коалицией и оппозицией. Представители оппозиционных партий и президент республики выступали за проведение досрочных парламентских выборов осенью 1994 г., тогда как ДЗДС и СНП настаивали на более ранних сроках. Тактика ДЗДС по вопросам о досрочных выборах станет более понятной, если учесть, что наряду с вопросом о скорейшем проведении выборов в парламент, оно ставило вопрос о необходимости лишить мандатов тех депутатов, которые изменили свою политическую принадлежность. Если бы такие депутаты сдали мандаты, то ДЗДС и СНП получили бы в парламенте большинство голосов и смогли бы еще до выборов принять закон о приватизации в той редакции, которая их устраивала.

Напряженность формировалась также по линии отношений премьер-министр–президент. В своем новогоднем обращении к народу (1994) М. Ковач выдвинул идею формирования правительства на базе широкой коалиции, мотивируя это необходимостью объединения всех влиятельных политических сил Словакии для успешного проведения в стране реформ. Как указывалось выше, он также поддерживал парламентскую оппозицию в вопросе о проведении досрочных парламентских выборов в ноябре 1994 г. Подобная позиция президента не устраивала проправительственные силы. В. Мечиар начал открытую атаку на президента, публично обвинив последнего в неудачных кадровых решениях, в неумении объединить все более расходящиеся политические силы. В свою очередь президент М. Ковач в докладе

о положении в республике, с которым он выступил в парламенте 9 марта 1994 г. дал премьеру следующую характеристику: «В парламенте и значительной части общества все чаще подчеркивают, что нынешнее правительство, персонифицированное премьером, теряет моральную и этическую легитимность. Многие указывают на автократический стиль работы премьера. Каждый, кто выскажет иное мнение, считается нелояльным и даже предателем... Методы руководства Мечиара создают атмосферу конфронтации в политической жизни. Председатель правительства не желает партнерского сотрудничества, а также ведения корректного диалога. Он способен сотрудничать только с людьми, которые ему чем-то обязаны»[1].

После этого парламент тайным голосованием выразил недоверие премьер-министру, и в соответствии с Конституцией Словакии вместе с председателем в отставку ушло все правительство. Так, без выборов, в результате внутрипарламентской борьбы ДЗДС и СНП перешли в оппозицию, а ПЛД, ХДД, Альянс демократов, Национально-демократическая партия, которую основали бывшие члены СНП, представители группы «Альтернатива политического реализма» объединились в правящую коалицию. Премьер-министром нового правительства стал Йозеф Моравчик. Сформировав правительство, правящая коалиция поставила вопрос о проведении осенью 1994 г. досрочных выборов в Национальный совет. Закон о выборах был одобрен парламентом без малейших проволочек. Новая правящая коалиция провозгласила себя сторонницей таких ценностей, как права человека, защита прав собственности, демократия. Однако, по существу, правительство и сформировавшая его коалиция партий были «временными»: срок их деятельности ограничивался только шестью месяцами, до проведения досрочных выборов в парламент. Они ставили перед собой цель выйти победителями из горнила выборов и тем самым подтвердить свою легитимность.

Какой же представала система власти в зеркале опросов общественного мнения в Словакии накануне досрочных парламентских выборов? Доверие граждан к институтам власти распределялось следующим образом: президенту СР доверяли 69% опрошенных, не верили — 29; парламенту доверяли 51,5, а 44,6% отказали ему в своих симпатиях. Шесть из каждых 10 граждан являлись приверженцами нынешнего правительства, четверо — противниками. В досрочных парламентских выборах собирались принять участие 50,6% опрошенных граждан, 10% респондентов пока не приняли окончательного решения. Среди политических

[1] Цит. по: *Ржевский В.* Словакия: Политические оппоненты поменялись ролями // Компас. М., 1994. № 46. С. 3.

лидеров самый большой авторитет был у президента М. Ковача — 22,8% опрошенных поставили его на первое место в рейтинге популярности. На втором месте с поддержкой 22,2% граждан — экс-премьер В. Мечиар, за ним с небольшим отрывом следовал тогдашний премьер Й. Моравчик. У лидера партии левых демократов П. Вайса 14,1% сторонников, у председателя парламента И. Гашпаровича — 8,3%, за председателя Христианско-демократического движения отдали голоса 7,2% респондентов[1]. Предвыборная политическая жизнь Словакии была весьма бурной. Одновременно на политической сцене шли, казалось бы, разнонаправленные процессы: возникали новые акторы, распадались существовавшие, заключались коалиционные соглашения и формировались предвыборные блоки.

Весной 1994 г. словацкая политическая сцена пополнилась еще одной политической партией — Объединением рабочих Словакии (ОРС), которая ставила своей целью защиту интересов рабочего класса. Партии и движения, которым рабочие отдали свои голоса на предыдущих выборах, по мнению руководителя этой партии Яна Луптака, обманули их доверие. ОРС попыталось найти общий язык со словацкими социал-демократами и ПЛД, однако было «отвергнуто» последним и приняло решение идти на выборы самостоятельно. В кратчайшие сроки эта организации получила значительную поддержку избирателей и вошла в пятерку тех партий, которые реально претендовали на места в словацком парламенте. Председатель ОРС Я. Луптак так сформулировал цели и задачи партии: «Наша партия вышла из низов. В ней рабочие, рядовая интеллигенция, молодежь... Мы хотим справедливости. Сорок лет трудящиеся создавали материальные ценности, национальное имущество... Где наша доля? Рабочая партия не рвется к власти, но мы хотим контролировать правительство»[2].

В полный голос накануне выборов заявила о себе Национально-демократическая партия — Новая альтернатива (НДП-НА), ядро которой составили бывшие члены Словацкой национальной партии, вышедшие из нее из-за политических разногласий. Возглавил эту партию Людовит Чернак, смещенный с поста председателя СНП (его место занял Я. Слота). Он высказал надежду, что его партия станет организацией для тех, кто покинул ряды ДЗДС и СНП и кому нужна национально-демократическая партия, сохраняющая верность идеалам ноябрьской революции 1989 г.

Уверенно вступило в предвыборную борьбу Движение за демократическую Словакию. Компенсируя необходимость ведения в предше-

---

[1] Narodná obroda. Br., 1994. 22.03. S. 2.

[2] Вестник Европы. М.: 1994. Серия «СЕ». 28.09. С. 21.

ствующий период оборонительной политики в связи с критикой со стороны словацкой оппозиции, Движение приступило к весьма активной политической деятельности, которая, прежде всего, выразилась в энергичной предвыборной кампании. Тезис о том, что Словакия должна подтвердить и реализовать свою государственность стал основой предвыборной программы ДЗДС. Лозунгом партии был выбран спортивный клич, которым обычно в Словакии подбадривают хоккеистов: «Словакия, до того!», что в политическом контексте означало «Словакия, вперед!». На улицах городов в больших количествах были размещены плакаты с фотографией лидера ДЗДС В. Мечиара и надписью «Только он может быть достойным президентом». Обращаясь к гражданам Словакии по телевидению, В. Мечиар апеллировал к их чувствам. Он, в частности, говорил: «Вам решать, каким путем будет развиваться Словакия. Во время политической разноголосицы для нас важно решить свою внутреннюю дилемму — государство поддерживаем, с ним связываем свои сердца, свое будущее. Противоречия, которые опутали Словакию, — это противоречия не личностей, а концепций. Поэтому очень важно найти стабильность. Нельзя допустить, чтобы через короткое время нам пришлось снова проводить выборы. Словакия стоит перед вопросом о будущем ее политической системы. Модели, которые нам предлагают, с множеством мелких партий, как в Италии, или как в Германии, США, где две крупные партии, не дают нам шансов на выход из политического кризиса. Мы должны идти на выборы и голосовать за себя, за свое государство»[1].

Партия левых демократов Петра Вайса стала ядром левоориентированного предвыборного блока «Общий выбор», куда помимо нее вошли Социал-демократическая партия Словакии, Партия зеленых и НДП-НА. «Общий выбор» вел свою избирательную кампанию последовательно, но без агрессивной настойчивости. В своем обращении к избирателям они подчеркивали, что в Словакии необходимо устранить возникшие серьезные диспропорции в финансовом и материальном положении граждан, создать мощный средний слой, живущий за счет честного труда. Партия левых демократов, несомненный лидер левого блока, делала свою предвыборную ставку на широкую коалицию.

Предвыборная программа Демократического союза (ДС), партии, объединившей в своих рядах Альянс демократов Словакии Милана Княжко и Альтернативу демократического реализма Йозефа Моравчика, под председательством последнего, была разработана с учетом политической ориентации ДС как партии либерально-демокра-

[1] Вестник Европы. М.: 1994. Серия «СЕ». 29.09 С. 93.

тического типа, т.е. правоцентристской. На своих предвыборных митингах и встречах представители этой партии делали упор на статистические данные о социально-экономическом развитии страны, говорили о необходимости оживления экономики, о снижении налогов и других весьма конкретных, но лишенных полемического блеска пунктах своей программы. Председатель Христианско-демократического движения Ян Чарногурский уделял большое внимание научному обоснованию необходимости присоединения Словакии к западноевропейским политическим, экономическим и оборонным структурам, его выступления по форме походили на хорошо аргументированные лекции.

Особенностью предвыборной борьбы летом—осенью 1994 г. был так называемый президентский фактор. ДЗДС накануне выборов в парламент начало кампанию за отставку президента М. Ковача.

Выборы состоялись, как и планировалось 30 сентября — 1 октября 1994 г. 3 млн словацких избирателей из 1929 кандидатов в депутаты должны были избрать 150 парламентариев. В выборах принимало участие 17 политических партий и движений. Для того чтобы пройти в парламент, партия, выступающая самостоятельно, должна была набрать не менее 5% голосов, коалиция, состоящая из двух или трех субъектов — не менее 7%, левый блок «Общий выбор», в который вошли четыре партии — 10%.

Приняли в выборах участие 75,65% избирателей. Результаты выборов приведены в таблице 4.3.1.

Результаты досрочных парламентских выборов в Словакии показали, что кристаллизация политических сил в стране не состоялась и является вопросом будущего развития. Значительные сложности в этом аспекте наблюдались в стане левоориентированных сил. Партия левых демократов Петера Вайса, взяв курс на широкую коалицию, потерпела поражение в выборах: блок «Общий выбор», это «розово-зеленое» объединение, в котором она была локомотивом, едва не остался вне парламента, набрав лишь на сотые доли больше 10% голосов, определенных для него как необходимый выборный минимум. Причины поражения кроются в весьма плотной конкуренции на левом фланге политического сектора. Помимо социал-демократических ПЛД и СДПС в этой же части располагались и Коммунистическая партия Словакии, и ОРС Яна Луптака, стремительно вошедшее в большую политическую игру под названием «Выборы» и предложившего «простые» рецепты для решения сложных проблем общественной трансформации. Однако основным противником социал-демократической идеологии являлось ДЗДС. Феномен Движения за демократическую

Таблица 4.3.1

Партийный состав парламента (Национального Совета) Словацкой Республики в 1994 г.

Название партии	Число мест	Число голосов (%)
Движение за демократическую Словакию (ДЗДС) — Крестьянская партия	61	34,96
Блок «Общий выбор» (Партия левых демократов, Социал-демократическая партия Словакии, Партия зеленых, НДП-НА)	18	10,41
Венгерская коалиция (Венгерское христианско-демократическое движение, движение «Сосуществование», Венгерская гражданская партия)	17	10,18
Христианско-демократическое движение (ХДД)	17	10,08
Демократический союз (ДС)	15	8,57
Объединение рабочих Словакии (ОРС)	13	7,54
Словацкая национальная партия (СНП)	9	5,4

Источник: Страны мира сегодня. ИТАР-ТАСС. 1994. № 12 (432). С. 23.

Словакию состоял в том, что, позиционируя себя как национальное, оно занимало прочное место в центрально-левой части политического спектра. И по существу, социал-демократическому выбору был противопоставлен национал-популистский.

По сравнению с составом парламента образца 1992 г. несколько укрепилось положение правых сил. Во-первых, практически без изменений численности осталась фракция ХДД, а, во-вторых, парламентариями стали представители новой либеральной партии — Демократического союза, сходной по своей идеологии с ХДД. Удовлетворены результатами выборов были и венгерские партии, сумевшие привлечь на свою сторону практически 100% словацких венгров.

В Словацкой Республике правительство формируется в соответствии с политической структурой парламента. Состав же парламента после выборов 1994 г. требовал формирования коалиционного правительства. Политические консультации по этому вопросу затянулись на 10 недель. Это был период переговоров, ультиматумов[1] и соглашений. Он характеризовался парадоксальной ситуацией двоевластия: одновременно на политической сцене действовали парламент нового со-

[1] ДЗДС предъявило президенту М. Ковачу ультиматум, в котором потребовало официально попросить В. Мечиара взять на себя обязанности по формированию нового правительства или уйти в отставку. Президент принял решение дать личное поручение председателю ДЗДС приступить к формированию правительства.

става и старое коалиционное правительство Й. Моравчика. Столь длительные консультации по формированию нового правительства породили вопрос о проведении новых парламентских выборов.

Первый шаг парламента нового состава, в котором ДЗДС занимала позиции победителя, и формирования правительства вступила в коалицию с ОРС и СНП, вызвал очередное обострение политической ситуации в стране. Воспользовавшись правом парламентского коалиционного большинства, ДЗДС, СНП, ОРС на второй сессии парламента в ночь с 3 на 4 ноября провели решения о замене Генерального прокурора СР, руководства словацкого радио, телевидения и национального информационного агентства, о приостановке реализации программы приватизации. Оппозиция охарактеризовала эти действия как «малую ноябрьскую социалистическую революцию», однако ДЗДС и его союзники действовали в рамках существовавшего правового пространства, определенного Конституцией СР, используя большинство депутатских мандатов[1].

В правительство СР, сформированное 12 декабря 1994 г., наряду с представителями ДЗДС (12 министерских постов) вошли представители ОРС (4 министра) и СНП (2 министра). В руках представителей СНП находились портфели министров обороны и просвещения и науки, ОРС было представлено вице-премьером, министрами по делам приватизации и национального имущества, юстиции и министром без портфеля.

В основу правительственного заявления, одобренного парламентом в январе 1995 г., были положены программные установки ДЗДС. Оно содержало обещания будущего процветания, фундаментом которого должны стать «демократия, согласие, свобода, любовь». В сфере экономики правительство намеревалось перейти от рестриктивной стабилизации к динамичному развитию за счет реструктурализации и ориентации на внутренние источники[2]. В 1995 г. правительство, используя коалиционное большинство, провело через парламент ряд поправок и законов, изменивших стратегию экономических реформ в Словакии. В первую очередь это относилось к приватизационной программе. В июле 1995 г. были приняты поправки, изменившие модель «большой приватизации». Новые положения закона отменили купоновую приватизацию и заменили купоновую книжку в 1000 инве-

---

[1] Правительственная коалиция, имевшая в парламенте 83 мандата, не располагала конституционным большинством, составляющим три пятых от числа всех депутатов (90 мандатов). Это обстоятельство блокировало возможность внесения поправок в Конституцию Словакии, изменяющих политическую систему страны.

[2] Programové vyhlásenie vlády SR // Trend. Br., 1995. 18.01. S. I–IV.

стиционных очков на облигации Фонда национального имущества номинальной стоимостью 10 тыс. словацких крон (скр). Купоновая приватизация заменялась институтом прямых продаж. Поправки к закону о «большой приватизации» изменяли распределение компетенций между правительством и Фондом национального имущества, предоставляя последнему права: 1) выбора нового собственника; 2) принятие решения о приватизации; 3) установления цены продаваемого государственного имущества; 4) определения сроков и способов выплат. В ходе обсуждения не были приняты поправки, устанавливающие ответственность правительства за ход приватизации, предусматривающие участие профсоюзов и работодателей в ФНИ, возможность контроля над деятельностью ФНИ со стороны Высшего контрольного управления как конституционного органа. В результате принятый закон позволил ФНИ остаться вне контроля и занять ключевое положение в сфере имущественных отношений.

Летом 1995 г. минимумом необходимых голосов парламент принял ряд экономических законов, еще больше усиливших роль государственного регулирования: о ценных бумагах, об инвестиционных обществах и фондах, об обеспечении интересов государства при приватизации стратегически важных государственных предприятий. «Закон о стратегических компаниях» определил 40 конкретных предприятий (газовая промышленность, энергетика, телекоммуникации, оборонная индустрия), которые были выведены за рамки приватизации. Закон также вводил право вето государства в лице ФНИ при решении вопросов стратегического развития приватизированных предприятий в тех случаях, когда доля государства составляла более 8%.

В сентябре 1995 г. был принят закон «О фонде занятости», которым Фонд обязывался представлять на утверждение правительству свой баланс доходов и расходов. Закон также изменил статус Фонда, в котором ранее, наряду с представителями правительства, важную роль играли представители профсоюзов и работодателей. С 1996 г. правительство получило исключительную возможность направлять средства Фонда на борьбу с безработицей по своему усмотрению, на реализацию государственных программ бытового строительства и других общественных работ.

В ряду экономических законов правительства Мечиара, изменивших стратегию реформ, не последнее место занимал закон о ценах, принятый в ноябре 1995 г. Им назначались правила ценового регулирования со стороны государства и вводились понятия «экономически оправданные затраты» и «средняя норма прибыли». В соответствии с этим законом Министерство финансов получило право: 1) устанав-

ливать максимальный объем прибыли, 2) регулировать цены в тех случаях, когда ситуация на товарном рынке будет оценена самим же министерством, как исключительная.

Также в 1995 г. в СР был принят «Закон о государственном языке», в соответствии с которым этнические меньшинства получали право на использование своего родного языка в официальных документах и в работе государственных учреждений в тех населенных пунктах, где доля этнических меньшинств превышала 20%.

Экономическое развитие Словакии после обретения независимости оказалось весьма противоречивым. После начала реформ Словакия в течение нескольких лет испытывала серьезный экономический спад. Он продолжался и в 1993 г., т.е. уже после разделения старого государства на две части. Но затем в Словакии наступила полоса высоких темпов роста. С 1994 по 1998 г. средний рост ВВП составил 5,8%[1]. Достижение высоких темпов роста ВВП стало не в последнюю очередь следствием обретения финансовой стабильности. Уже в 1994 г. инфляция составила 13,45%, а во второй половине десятилетия цены росли ежегодно менее чем на 10%. Словакия в первые годы после раздела страны существенным образом сократила долю государственных расходов в ВВП. Высокие темпы роста, которых удалось достичь в Словакии, определялись и девальвацией, осуществленной в 1993 г. За счет дешевизны словацкой кроны и определяемой этим дешевизны рабочей силы удалось поднять конкурентоспособность производимых товаров[2]. Однако динамичное развитие страны в 1995–1998 гг. было сопряжено с нарастанием определенных трудностей в социально-экономической сфере. Политика удержания низкого уровня государственных расходов, по мере того как экономический рост стал увеличивать бюджетные поступления, сменилась ростом доли государственных расходов в ВВП. К 1997 г. этот показатель уже превысил 50%. Активно разрабатывались правительственные целевые программы в области жилищно-коммунального строительства, организации рабочих мест, развития инфраструктуры. В результате вырос дефицит госбюджета с 2% в 1994 г. до 5,2% в 1997 г. Для покрытия дефицита приходилось прибегать к расширению заимствования. Внешняя валовая задолженность в расчете на душу населения увеличилась с 804 долл. США в 1994 г. до 2376 долл. США в 1998 г.[3] Оставались высокими, несмотря на экономические

---

[1] См.: *Травин Д., Моргания О.* Европейская модернизация. В 2 кн. М.: АСТ; СПб: Terra Fantastica, 2004. (Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Trav/33.php).

[2] Там же.

[3] Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3 т. Т. 3: Трансформация 90-х годов. Ч. 2. М., 2002. С. 246.

успехи ряда лет, социальные издержки рыночного трансформирования. Резкое снижение реальной заработной платы после либерализации цен в 1991 г. сменилось, начиная с 1994 г., ее ростом: тем не менее и к 1998 г. реальная заработная плата все еще оставалась примерно на 8% ниже уровня дореформенного 1989 г. Показатели уровня жизни населения, улучшившиеся в 1994–1998 гг., так и не вышли на уровень предреформенного периода[1].

Словацкое правительство во главе с Владимиром Мечиаром сознательно шло на реализацию модели экономического развития, в которой преобладали градуалистские рецепты перехода к рынку. Политика правительства и парламентского большинства в Словакии была направлена на укрепление позиций государства в экономической и социальной сферах. Реальным последствием этих намерений могло стать формирование в Словакии модели «государственного капитализма»[2].

В 1994–1998 гг. представители оппозиционных партий не были включены в состав парламентских комиссий и оказались отстранены от процесса законотворческой деятельности, а президент республики, поддерживавший оппозиционные политические силы, находился в постоянном конфликте с правительством. В. Мечиар также выражал готовность изменить политическую систему Словакии и превратить ее из парламентской в президентскую республику, сместив предварительно президента М. Ковача и заняв его место. Непрекращающийся конфликт между президентом Словакии М. Ковачем и премьер-министром В. Мечиаром определял характер отношений между двумя ветвями исполнительной власти и способствовал усилению негативного образа Словакии в глазах Западной Европы.

Впервые свою обеспокоенность развитием ситуации в Словакии после парламентских выборов 1994 г. Европейский союз высказал осенью того же года. В ноте ЕС выражалась озабоченность тем, каким образом были проведены персональные изменения в руководстве и опасения, что победителям этих выборов в Словакии не удается в полной мере следовать демократическим принципам и правилам, принятым в ЕС. В октябре 1995 г. Словацкая Республика второй раз получила предупреждение от этой организации. Послы трех стран ЕС предъявили главе правительства СР В. Мечиару ноту, в которой, в частности, было выражено беспокойство в связи с напряженностью возникшей между институтами власти. В ноябре 1995 г. Европейский парламент предупре-

---

[1] Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. С. 253.

[2] См. подробнее: *Щербакова Ю.А.* Политические силы в Словацкой Республике // Партии и движения Западной и Восточной Европы: теория и практика. М.: 1997. С. 169–179.

дил правительство Словакии, что, возможно, закроет здесь свое представительство и приостановит программы помощи и сотрудничества, если кабинет Владимира Мечиара продолжит политику, в которой он не принимает в расчет принципы демократии, верховенства закона и соблюдения прав человека и этнических меньшинств. Западноевропейским сообществом Мечиару лично и партиям правительственной коалиции в целом предъявлялись претензии по поводу авторитарного стиля управления, того, что в Словакии отсутствует культура диалога, и партии правительственной коалиции заняли позицию, которую лучше всего характеризует следующий лозунг: «Выборы решили, кто будет править, и просьба не беспокоить победителей».

На исходе XX в. почти для всех восточноевропейских стран было типичным желание дистанцироваться не только от бывшего СССР, но и от демократической России, и скорее интегрироваться в западноевропейские и атлантические структуры. Однако у словацкой политической элиты, пришедшей во власть после отделения от Чехии, можно было заметить весьма определенные стремления усилить пророссийскую внешнеполитическую ориентацию своей страны. Правительство Владимира Мечиара рассматривало Российскую Федерацию как важный фактор мировой политики и важнейшего партнера Словацкой Республики. Предполагалось расширение торгово-экономического сотрудничества с РФ и поддержание словацко-российского диалога на политическом уровне[1]. В течение 1990-х гг. отношения России и Словакии приобрели для последней стратегическое значение. Россия представляла для молодого словацкого государства альтернативу прозападному курсу и выступала гарантом внешнеполитической ориентации Словакии. К этому времени усилилась критика политического курса В. Мечиара и со стороны США. В специальном докладе Госдепартамента США (1996) Словакия критиковалась за несоблюдение прав человека. А в конце 1996 г. З. Бжезинский довольно откровенно оценил внешнеполитическую линию В. Мечиара: «Возможно, Мечиар и неплохой политик, но в качестве государственного стратега он слаб. В случае, если Словакия не станет членом НАТО, история вынесет ему строгий приговор, поскольку он пользовался полным доверием своих избирателей, что существенно облегчило бы интеграцию Словакии в НАТО... Это трагедия всего словацкого народа, ...и вам еще предстоит горько пожалеть об этом»[2].

---

[1] Pravda. Br., 1993. 3.01. S. 3. 15.

[2] *Duleba A.* Koniec súčasnej strednej Európy? Ukraina a Slovensko po prvej vlne rozširenia NATO. Br., 1998. 13 s.

В 1997 г. Европейский совет одобрил на своем заседании в Люксембурге концепцию расширения ЕС за счет приема в него ассоциированных членов и Кипра. Процедуру приема было предложено начать Чешской Республике, Венгрии, Польше, Словении, Эстонии и Кипру. Словацкая Республика не вошла в эту группу. Ранее на саммите НАТО в Мадриде Словакия не стала членом НАТО в отличие от своих соседей — Чехии, Польши и Венгрии. Словакия была остановлена на пути Европу.

В то время как политические элиты соседних государств подчинили все свои действия главной цели — интеграции в европейские структуры, — представители словацкой властвующей элиты не соблюдали правила, которые Запад установил для постсоциалистических стран. Руководство страны считало, что если Словакия выразит намерение интегрироваться в западные структуры, то Запад позволит им действовать внутри страны так, как они хотят и «закроет глаза» на их попытки следовать по так называемому словацкому пути постсоциалистической трансформации.

Оппозиционные силы в Словакии всё настойчивее подчеркивали, что ДЗДС и партии правительственной коалиции уводят страну с пути европейской интеграции, а проводимая ими политика ведет к международной изоляции страны. Они использовали для обоснования своих позиций и антироссийскую аргументацию: «Словацкая Республика может оказаться одиноким островом, каким-то гетто в Центральной Европе, если вовремя не бросит якорь в реальную военно-политическую структуру... Славянская взаимность — это мыльный пузырь. Русский империализм в царском или коммунистическом исполнении прикрывался ею для достижения своих великодержавных целей. В памяти жива оккупация братской социалистической Чехословакии советскими, прежде всего славянскими войсками. Если бы не возникло НАТО, то коммунистическая империя простиралась бы от Владивостока до пролива Ла-Манш»[1]. У Словакии есть только два варианта: или она становится составной частью зоны европейской безопасности или же будет «русским клином» в Западной Европе[2]. Дальнейшее экономическое развитие Словакии, по их мнению, было возможно только на пути оживления торгово-экономических отношений с Западом. Помощь в финансовом оздоровлении словацкой экономики они рассчитывали получить от Международного валютного фонда и Всемирного банка.

---

[1] Компас/ИТАР-ТАСС. М., 1994. № 11. С. 10.

[2] *Duleba A.* Slepý pragmatizmus slovenskej výhodnej politiki. Br., 1996.

Данные социологических исследований показывают, что на протяжении четырех лет политические преференции населения Словакии оставались неизменными. Лидером политических симпатий оставалась базовая партия правительственной коалиции — ДЗДС.

И тем не менее в словацком обществе в период 1994–1998 гг. сформировалась группа населения, негативно оценивавшая конкретную политику правительства, и перед оппозиционными силами встал вопрос о том, как перевести ее взгляды в политическую позицию на очередных парламентских выборах 1998 г. Отличительной особенностью предвыборной кампании 1998 г. была активность «третьего сектора». Сонм гражданских инициатив, союзов, движений и объединений, таких, как Движение за справедливые выборы, проект «Гражданское око — 98» (ОК 98), инициативы «Год выборов», МЕМО — 98, предвыборный автобус «МЫ», — сделал все, чтобы пробудить у общественности интерес к выборам и активизировать все группы словацкого электората, и прежде всего жителей крупных городов, симпатизирующих оппозиции.

Праволиберальные политические силы предприняли ряд успешных организационных шагов. Поражение на выборах 1992 г., приведшее к расколу среди словацких правых, и провал на выборах 1994 г. заставили их признать необходимость объединения, что и было ими сделано в декабре 1995 г. Воссозданная новая Демократическая партия заняла в политическом спектре Словакии место вправо от центра, рядом с Христианско-демократическим движением, которое, наряду с Демократическим союзом и ПЛД, хотела бы видеть в числе своих союзников.

Однако ПЛД, посчитав стратегической ошибкой участие в широкой коалиции сил, отказалась от любых предвыборных коалиций, в том числе и с социал-демократами, перепрофилировала свою политическую линию в направлении усиления поддержки левых ценностей, давая понять избирателям, что не считает действующую коалицию правительственных партий способной решать практические проблемы развития Словакии.

Коалиция трех венгерских партий (Венгерское христианско-демократическое движение, Сосуществование, Венгерская гражданская партия) сохранилась и после выборов 1994 г. Коалиционный договор ограничивал права ее членов и обязывал их голосовать солидарно по всем вопросам, относящимся к положению венгерского меньшинства, в том числе и по вопросу о предоставлении автономии южным районам Словакии, что делало позиции всех венгерских партий весьма уязвимыми перед критикой со стороны правительственной

коалиции. Изменения в избирательном законе привели к смягчению в идеологии вновь образованной Партии венгерской коалиции (ПВК) радикальных политических аспектов, и это лишило правительственные партии ряда аргументов в предвыборной борьбе.

Демократический союз Й. Моравчика объединился с Национально-демократической партией — Новая альтернатива. А в целом либерально ориентированные партии сумели в 1997 г. объединиться в эффективную коалицию, включавшую накануне выборов 1998 г. в свой состав пять партий — ХДД, Демократическую партию (ДП), Демократический союз (ДС), Социал-демократическую партию Словакии (СДПС) и Объединение за Словакию (ОЗС).

Таблица 4.3.2

Динамика политических симпатий словацких избирателей (%)

Политические субъекты	Декабрь 1994 г.	Сентябрь 1995 г.	Апрель 1996 г.	Январь 1997 г.
Движение за демократическую Словакию (ДЗДС)	31,4	31,1	35,2	28,5
Объединение рабочих Словакии (ОРС)	8,1	3,8	3,7	4,1
Словацкая национальная партия (СНП)	5,0	6,8	7,0	6,3
Христианско-демократическое движение (ХДД)	12,4	11,3	11,1	14,2
Партия левых демократов (ПЛД)	9,6	7,9	10,7	10,5
Демократический союз (ДС)	13,1	10,7	8,7	10,0
Венгерская коалиция (ВК)	9,5	10,7	7,9	11,4

Источник: Stena J. Parlamentnié volby 1998 v SR — uskutočnena výzvá // Sociologia. Br., 1999. No 1. S. 33.

Таблица 4.3.3

Политические симпатии словацких избирателей за неделю до выборов и результаты выборов 1998 г. (%)

Политические субъекты	Симпатии избирателей	Результаты выборов
ДЗДС	25,6	27
ПВК	7,6	9,12
Партия гражданского согласия (ПГС)	9,1	8,01
Демократическая коалиция	25,1	26,33
СНП	7,5	9,07
ПЛД	16,7	14,66
остальные партии	8,4	5,81

Источник: Stena J. Parlamentnié volby 1998 v SR — uskutočnena výzvá // Sociologia. Br., 1999. No 1. S. 36.

Выборы 1998 г. характеризовались высокой явкой. В них приняло участие 84,24% избирателей, внесенных в списки для голосования. Столь высокий процент позволил некоторым исследователям оценить эти выборы как плебисцит против «мечиаризма», деформировавшего демократические ценности. Однако в предвыборной мотивации населения стремление к обновлению демократии занимало лишь 15-е место[1]. Избиратели скорее были неудовлетворены состоянием словацкого здравоохранения, жизненным уровнем, криминализацией общественной жизни, безработицей, уровнем оплаты труда и пенсионного обеспечения.

В то же время В. Мечиар получил абсолютное большинство личных симпатий избирателей, а возглавляемое им Движение набрало наибольший процент голосов — 27%. Но в результате выборов для него значительно сузился простор политического маневрирования. В парламент не прошел партнер ДЗДС по прежней коалиции — Объединение рабочих Словакии. Да и само ДЗДС в предшествующий выборам период сделало многое, включая новелизацию закона о выборах, для того чтобы лишиться не только прямой, но и скрытой поддержки других политических партий. Организационные изменения, предпринятые венгерскими партиями и партиями, оппозиционными по отношению к правящей коалиции, накануне выборов, способствовали оттоку голосов избирателей от мелких партий. Это привело к тому, что практически каждый антимечиаровский или оппозиционно-немечиаровский голос воплотился в парламентский мандат. В этих выборах не было очевидного победителя, но был, безусловно, проигравший — это правительственная коалиция во главе с Мечиаром.

В результате очередных парламентских выборов в сентябре 1998 г. в Словакии к власти пришла оппозиция, что повлекло за собой изменения не только политического стиля, господствовавшего в стране на протяжении 1994–1998 гг., но и поворот в сторону либеральной трактовки реформ. Неудачи Словакии на пути европейской интеграции послужили одной из веских причин для объединения после парламентских выборов 1998 г. парламентских партий, сформировавших правительство во главе с Микулашем Дзуриндой. В состав правительственной коалиции вошли Словацкая демократическая коалиция (СДК), Партия левых демократов (ПЛД), Партия венгерской коалиции (ПВК), Партия гражданского согласия (ПГС). Представители всех этих партий относились к числу последовательных критиков внешней политики кабинета В. Мечиара. Правительство, сформиро-

[1] *Stena J.* Parlamentnié volby 1998 v SR — uskutočnena výzvá // Sociologia. Br., 1999. No 1. S. 38.

ванное 30 октября 1998 г., опиралось на 59% голосов всех избирателей и на 93 депутатских мандата из 150, что обеспечивало ему конституционное большинство. Укреплению его международного положения во многом способствовало участие в нем представителей ПВК, выражавших интересы венгерского меньшинства.

С первых же дней существования правительство Микулаша Дзуринды заявило о намерениях ликвидировать деформации, допущенные его предшественниками: провести ускоренную «доприватизацию» предпринимательской и банковской сфер, ослабить контроль государства над СМИ, активизировать законодательную деятельность. 14 января 1999 г. словацкий парламент принял конституционную поправку, изменив способ выбора президента с парламентского на всеобщий. В 1999 г. был также принят закон о применении языков национальных меньшинств в местах их компактного расселения, что смягчило напряжение, существовавшее между правительством и венгерским меньшинством. Отменен ряд законодательных актов, позволявших государству вмешиваться в систему рыночных отношений и ограничивавших проникновение иностранного капитала в экономику.

Программа оздоровления словацкой экономики, принятая правительством М. Дзуринды в мае 1999 г. содержала комплекс социально болезненных мер, направленных на сжатие внутреннего спроса (замораживание заработной платы в бюджетной сфере, свертывание инвестиций, повышение регулируемых цен и т.д.).

И хотя правительство М. Дзуринды во внутриполитической деятельности не избежало ошибок и недостатков, в достижении интеграционных целей, в отличие от своих предшественников, оно проводило целенаправленную и вызывающую у Запада доверие политику. В стремлении вернуть Словакию в группу бывших коммунистических стран, наиболее вовлеченных в европейский интеграционный процесс, объединилось все руководство Словацкой Республики. Премьер-министр, председатель парламента, вице-премьер по вопросам европейской интеграции, министр иностранных дел, министр обороны, председатели соответствующих комитетов словацкого парламента проявляли значительную внешнеполитическую активность в контактах со всеми государствами Европейского союза, которые могли бы повлиять на прием Словакии в евроатлантические структуры. М. Дзуринда посетил с визитами Австрию (декабрь 1998 г. и март 1999 г.), Германию (апрель 1999 г.), Италию (март 1999 г.), Францию (май 1999 г.). Министр иностранных дел Е. Кукан — Францию (январь 1999 г.), Великобританию (январь 1999 г.), Германию (февраль 1999 г.), Данию (февраль 1999 г.), Грецию (февраль 1999 г.), Португалию (март 1999 г.).

В Братиславе он принимал своих коллег из Финляндии (февраль 1999 г. и июнь 1999 г.), Австрии (февраль 1999 г.), Люксембурга (апрель 1999 г.) и Франции (март 1999 г.).

На изменения во внутренней и внешней политике Словакии первыми позитивно отреагировали представители Европейского парламента, выразив в ряде своих заявлений и резолюций поддержку кабинету М. Дзуринды. Они также потребовали от исполнительных органов Европейского союза, чтобы те как можно скорее переместили Словацкую Республику в группу посткоммунистических государств, с которыми ведутся переговоры об их вступлении в ЕС.

Октябрь 1999 г. стал месяцем начала осуществления интеграционных планов Словакии. 13 октября 1999 г. Европейская комиссия официально заявила о готовности Словакии к вступлению в Европейский союз. В «Обобщающем документе — Докладе о прогрессе в подготовительном процессе каждой из стран-кандидатов» Словакия получила весьма позитивные оценки. В нем констатировалось, что «за прошедший год произошел значительный прогресс в достижении Словакией необходимых политических критериев... Страна приняла амбициозную программу политических реформ... Глубина и успешность процесса реформирования позволяют отнести Словакию к странам, соответствующим копенгагенским критериям»[1]. Окончательное решение о начале переговорного процесса со Словацкой Республикой о ее вступлении в ЕС было принято на заседании Европейского совета в Хельсинки в декабре 1999 г. Словакия подошла к черте, которую ее соседи достигли на два года раньше. Для ее достижения ей пришлось удвоить свои усилия[2].

Вступление в Европейский союз одновременно с соседними государствами рассматривалось правящей коалицией как вопрос жизненной важности для СР. Не будучи членом ЕС, находясь в окружении государств Европейского союза, Словакия несла бы огромные потери: строгие правила Евросоюза по перемещению товаров и граждан наносили бы интересам словаков значительный ущерб. Пострадали бы и отношения с Чешской Республикой, прекратил бы свое существование словацко-чешский таможенный союз, а последствия невступления Словакии в ЕС негативно сказались бы на жизни граждан обоих государств. Оставшись вне ЕС, Словакия рисковала превратиться в «европейского аутсайдера»[3].

---

[1] *Leška V.* Dostihne Slovensko sve sousedy na ceste do Evropské unie? // Mezinarodni vztahy. Pr., 2000. No 2. S. 56.

[2] Idid. S. 57.

[3] Slovensko v Europskej unii. — Mode of access: http://eusk.webpark.sk

Достигнув в конце 90-х годов XX в. значительного прогресса на пути в ЕС, Словакия ставила перед собой задачи закрепления успехов. Правительство М. Дзуринды продолжило политику, свидетельствовавшую о серьезности намерений Словацкой Республики присоединиться к европейским экономическим структурам. На очередном этапе приватизации, начавшемся в 2000 г., государство стало распродавать принадлежавшие ему пакеты акций крупнейших предприятий, ранее выведенных правительством Мечиара из процесса разгосударствления. Для того чтобы иностранные инвесторы активнее подключались к процессу приватизации, была создана система налоговых льгот. Проведение либеральных экономических реформ обеспечило коренной перелом в отношении прямых иностранных инвестиций. По итогам 2000 г. Словакия из числа явно отстающих перебралась по данному показателю в лидеры, заняв сразу второе место в Центрально- и Восточноевропейском регионе по прямым иностранным инвестициям на душу населения[1]. Одним из наиболее ярких примеров проникновения западного капитала стало строительство в Братиславе завода компании Volkswagen.

На пути следования Словакии в ЕС после 1998 г. были как ускорения, так и остановки, возвраты назад и попытки смены лидера. В марте 2000 г. СР начала переговоры с Европейской комиссией по проблемам малого и среднего бизнеса, науки и техники, образования, внешней политики, оборонной политики, правового обеспечения свободной экономической конкуренции, статистики и культуры, средств массовой информации. На этом этапе стало очевидно, что Европейский союз на практике придерживается принципа дифференцированного подхода к отдельным кандидатам, что темпы переговорного процесса будут прямо зависеть от способностей правительства, гибкости в работе парламента и качества внутриполитического развития. Политические представители стран — членов ЕС и НАТО проявляли постоянный интерес к словацкой политической сцене. Они опасались распада действующей правительственной коалиции и возврата к власти В. Мечиара.

Сложившаяся правительственная коалиция была весьма рыхлым образованием. Она представляла собой «коалицию коалиций» и объединяла 10 словацких партий. Это являлось одной из причин того, что партиям правительственной коалиции не всегда удавалось достичь согласия по вопросам дальнейшего развития Словакии. Между членами коалиции нарастала и личная неприязнь. Последствия борьбы внутри правительственной коалиции, с одной стороны, угрожали внутрипо-

---

[1] *Травин Д. Моргания О.* Указ. соч.

литической стабильности и значительно затрудняли реализацию правительственной программы, в том числе и в сфере интеграционных планов Словакии относительно европейских структур, а с другой — вызывали сомнения в возможности ее сохранения на следующих парламентских выборах.

Внутренние противоречия в СДК, крупнейшей партии правительственной коалиции, привели к созданию в 2000 г. нового политического субъекта — Словацкого демократического и христианского союза (СДХС). Инициатором этого стал премьер-министр словацкого правительства и председатель СДК М. Дзуринда. Свои действия он объяснил желанием с новым «фирменным знаком» и с прежними идеями бороться за голоса избирателей на следующих парламентских выборах в 2002 г. 15 депутатов из 42 от СДК в знак протеста вышли из одноименной парламентской фракции. Партнеры СДК по коалиционному соглашению попытались воспользоваться ситуацией, чтобы пересмотреть его принципы. В частности, ПЛД, считая, что теперь она стала наиболее сильной партией правительственной коалиции, заявила свои претензии на пост премьер-министра. Статус-кво, тем не менее, был сохранен, поскольку вышедшие из фракции депутаты заявили, что они будут поддерживать правительство.

Оппозиционные партии, и прежде всего ДЗДС, попытались использовать политические разногласия в лагере правительственной коалиции в качестве аргумента для проведения досрочных парламентских выборов. Референдум о проведении досрочных выборов, инициаторами которого выступили ДЗДС и СНП, состоялся в ноябре 2000 г. Он был признан недействительным, так как в нем приняли участие только 20% граждан, имеющих право голоса.

Опросы общественного мнения показывали, что к началу XXI в. правительственная коалиция потеряла поддержку избирателей. Проводимые правительством либеральные реформы в качестве прямых последствий ухудшали положение населения Словакии: росла безработица и цены на коммунальные услуги, замедлились темпы экономического роста. Более 70% опрошенных словаков в мае 2001 г. выражали недовольство правительством. В местных выборах осенью 2001 г., которые можно рассматривать как генеральную репетицию парламентских (сентябрь 2002 г.), ДЗДС Владимира Мечиара получило большинство голосов в пяти из восьми местных парламентов.

В парламентских выборах в сентябре 2002 г. ДЗДС получила 19,5% голосов и соответственно 36 депутатских мест, больше чем какая-либо из 26 партий, участвовавших в выборах. Сам В. Мечиар получил абсолютное большинство голосов избирателей, оставив позади и своих

союзников, и противников. Словацкий демократический и христианский союз М. Дзуринды оказался на втором месте — 15,09% голосов (28 мандатов), «Смер» — 13,46% (25 мандатов), Партия венгерской коалиции — 11,16% (20 мандатов), Христианско-демократическое движение — 8,25% (15 мандатов), «АНО» — 8,01% (15 мандатов), КПС — 6,23% (11 мандатов)[1]. Однако поддержка со стороны избирателей, как и в 1998 г., не смогла обеспечить приход Мечиара и его ДЗДС к власти. Практически все политические силы Словакии высказались против сотрудничества с ДЗДС, которое, как и четыре года назад, оказалось в политической изоляции.

После встречи президента Словакии Рудольфа Шустера с лидером Словацкого демократического и христианского союза М. Дзуриндой, премьер-министром страны, было объявлено, что именно ему поручено формирование нового словацкого правительства. В Словакии была воссоздана праволиберальная правящая коалиция, в которую вошли, кроме Словацкого демократического и христианского союза, Партия венгерской коалиции с 20 депутатскими мандатами, Христианско-демократическое движение и созданная накануне выборов партия «АНО» (*ANO* — Альянс нового гражданина, по-словацки сокращение звучит как «да»), имеющие по 15 членов нового парламента. Таким образом, коалиция получила 78 мест — необходимое большинство при принятии решений[2]. Новое правительство СР заявило о намерении продолжить курс на европейскую интеграцию. Преемственность во внешней политике обеспечивалась и тем, что М. Дзуринда сохранил за собой должность премьер-министра страны. Создание правоориентированного правительства положительно сказалось на внешнеполитическом имидже Словакии. Наблюдатели отмечали, что из 15 государств — членов ЕС только два имеют левые правительства, тем самым у словацкого правительства образовалось в ЕС неплохое лобби[3].

В апреле 2003 г. Европейский парламент утвердил вступление Словакии в ЕС без каких-либо сложностей. «За» проголосовал 521 депутат, «против» — 21, воздержались 25 депутатов. Как заявил председатель Европарламента Пэт Кокс, согласие, подтвержденное голосованием, очень символично и имеет глубокое политическое содержание. Впервые парламент голосовал по каждому кандидату в отдельности, и поэтому апрельское заседание 2003 г. войдет в историю ЕС[4].

---

[1] www.infovolby. sk/.

[2] *Замятин В.* Европейский выбор вновь призвал к власти правых (http://www.day.kiev.ua/72810/).

[3] Pravicova vlada je dobrym vychodiskom pre integracne ambicie (http://www.infovolbv.sk).

[4] Европарламент проголосовал за вступление СР в ЕС (http://www.slovakradio.sk).

Одобренный Европейским парламентом договор о вступлении Словакии в ЕС был подписан в Афинах 16 апреля 2003 г. После этого знаменательного события в СР началась подготовка к референдуму по вопросу о вступлении Словакии в Европейский союз. В предваряющих его дискуссиях ведущие политические силы страны проявили редкостное единодушие. Все политики открыто высказывались за интеграцию и подчеркивали важность данного исторического момента. Представители правящей коалиции делали акцент в основном на преимущества вступления в Евросоюз. Проевропейски настроенным политиком в этой дискуссии проявил себя и председатель оппозиционного ДЗДС В. Мечиар. Он заявил: «Не быть в ЕС — самих себя наказать» и подчеркнул заинтересованность в том, чтобы «в большом европейском пространстве, в котором будет находиться и СР, наши политические партии заняли единые позиции по главным европейским вопросам»[1]. Своеобразно поддержал интеграцию СР в ЕС и лидер словацких коммунистов Й. Швец: «Мы объединим левые силы в борьбе против европейского капитала» и подчеркнул, что после вступления в ЕС Словакию ожидает шок — рост безработицы и новый виток цен[2]. Председатель оппозиционной партии «СМЕР» Р. Фицо выступил с критикой правительства за неэффективное использование еврофондов: «После встреч с нашими партнерами в Лондоне и Брюсселе мне стало совершенно ясно, что если СР не будет эффективно использовать еврофонды, то в ЕС мы всегда будем находиться на втором плане»[3]. Неоднократно повторяя, что его партия сделает со своей стороны все, чтобы Словакия стала членом ЕС, Фицо подчеркивал, что легкой жизни от вступления в ЕС ожидать не приходится, ее не почувствует даже следующее поколение словаков. Негативные последствия прежде всего коснутся словацкого сельского хозяйства[4]. Лидер коалиционной партии «АНО» П. Руско, наоборот, выражал уверенность в том, что ситуация имеет заметную тенденцию к улучшению[5]. А наиболее оптимистично на интеграцию Словакии в ЕС смотрел председатель СДХС, премьер М. Дзуринда. По его мнению, интеграция Словакии в ЕС будет способствовать быстрому экономическому развитию страны. В мае 2003 г. референдум состоялся[6],

---

[1] В Словакии проходит агитационная компания по вступлению в ЕС (http://www.slovakradio.sk).

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] *Bednar M.* SMER vyzyva vladu hovorit aj o negativach vstupu SR do EU (http://www.slobodka.org).

[5] В Словакии проходит агитационная компания по вступлению в ЕС (http://www.slovakradio.sk).

[6] В Словацкой Республике четыре раза объявлялось всенародное голосование по различным вопросам и только в 2003 г. оно впервые состоялось (Примеч. *Ю.Щ.*).

и большинство словаков выразили согласие на вступление СР в ЕС. Словакия стала членом ЕС в мае 2004 г.

4.4. Чешская Республика: консолидация политической системы

В ходе трансформационных преобразований, пусковым механизмом которых стала «бархатная революция» 1989 г., в Чешской Республике были созданы основы правового демократического государства, политического плюрализма, новые демократические институты. Уже к середине 90-х годов была сформирована политическая система, которая в общем виде сохраняется до сих пор. Стабильные политические рамки стали основой политической консолидации, базирующейся на общеевропейских ценностях — демократия, правовое государство, уважение прав человека и защита прав национальных меньшинств.

Чехии, как и большинству постсоциалистических стран Центральной Европы, удалось создать «реально функционирующую состязательную политическую систему»[1]. В процессе консолидации политической системы произошло определенное «прочищение» политического спектра, «отпали» политические партии и политические движения с нулевым избирательным и коалиционным потенциалом[2]. Не прижились на чешской политической сцене и радикальные националистические и экстремистские движения, влияние которых в чешском обществе невелико, хотя иногда имеют место отдельные выпады молодежных экстремистских группировок.

В соответствии с Законом об объединении в политические партии и в политические объединения (1991) и его позднейшими модификациями, в Министерстве внутренних дел ЧР на март 2002 г. было зарегистрировано 67 политических партий (из них у 11-ти — приостановлена деятельность, у семи — суд принял решение о роспуске, две партии — в процессе ликвидации) и 35 политических объединений (из них: у семи приостановлена деятельность, у двух — суд принял решение о роспуске и одно общественное объединение находится в процессе ликвидации).

---

[1] *Гринберг Р.* Не нужно никаких реформ // Новая газета. 2008. № 16. С. 8.

[2] *Havlík V., Kopeček L.* Krize vládnutí v české republice. Analýza působení volebního a stranického systému a návrhy možných řešení // Politogický časopis. 2008. No 3. S. 193.

Несмотря на довольно пестрый политический ландшафт, на чешской политической сцене активно действуют несколько политических партий: в правой части политического спектра — либерально-консервативная Гражданская демократическая партия (ГДП), в левой части политического спектра — Чешская социал-демократическая партия (ЧСДП) и Коммунистическая партия Чехии и Моравии (КПЧМ) и в центре — правоконсервативная Христианско-демократическая уния — Чехословацкая народная партия и Партия зеленых, которые находятся в позиции возможного коалиционного партнера ведущих политических партий. В контексте исторического развития прошло не так много времени после «бархатной революции» 1989 г. В Чехии, где еще не завершен процесс стабилизации политического спектра, формируется традиционная для демократических государств модель двух доминантных партий — Гражданской демократической партии и Чешской социал-демократической партии, за которыми стоят классические политические идеологии, и снижение влияния малых партий. Чешские политологи располагают основные политические партии в Чехии в направлении слева направо в следующем порядке: Коммунистическая партия Чехии и Моравии, Чешская социал-демократическая партия, Христианско-демократическая уния — Чехословацкая народная партия, Гражданская демократическая партия[1].

Гражданская демократическая партия была образована в 1991 г. на базе распавшегося Гражданского форума — массового общественного гражданского движения, возникшего на волне «бархатной революции» — в целях обеспечения необходимого единства в вопросе политической и экономической стратегии трансформации и гарантии ее последовательной реализации. Основателем и бессменным председателем партии до декабря 2002 г. был нынешний Президент Чешской Республики — Вацлав Клаус — главный архитектор чешских реформ. Гражданская демократическая партия позиционирует себя как правовую партию, построенную «на консервативных общественных ценностях, обогащенных рядом либеральных принципов, закрепленных в классическом европейском либерализме». ГДП выступает за свободную конкуренцию политических партий, которую считает основой политической системы. Свою политику партия строит на либеральных принципах: индивидуальные свободы, предпринимательство, частная собственность, равенство шансов для всех. Внешняя политика партии направлена «на последовательную защиту национальных интересов» и трансатлантическое военное сотрудничество с США.

---

[1] *Vlachová K.* Co říkají volby do Sněmovny o české politické sceně // Sociální trendy. 1997. No 3.

В отношении к ЕС ГДП считает вступление в ЕС своим программным приоритетом и единственной исторической альтернативой. Гражданская демократическая партия является стабильной либерально-консервативной политической партией с относительно стабильной избирательной базой. Сторонниками партии являются предприниматели, лица с высокими доходами, высококвалифицированные специалисты с высшим образованием.

Роль демократического левого центра, которую в большинстве стран Центральной и Восточной Европы выполняют посткоммунистические левые партии — наследники бывших государственных коммунистических партий, взяла на себя Чешская социал-демократическая партия[1]. В преамбуле устава ЧСДП, принятого на XXVIII съезде партии в 1997 г. заявлено, что Чешская социал-демократическая партия является преемницей Чехословацкой социал-демократической партии, ведущей свое начало с 1878 г. В статье II Устава провозглашается, что «Чешская социал-демократическая партия, действующая в рамках политической системы Чешской Республики, стремится к осуществлению принципов свободы, демократии, социальной справедливости, солидарности и экологической ответственности путем парламентской и представительной демократии»[2].

Чешская социал-демократическая партия отрицает трансформационную стратегию, основанную исключительно на действии «невидимой руки» рынка и считает своей программной целью создание современной социально-ориентированной рыночной экономики. ЧСДП заявляет об ошибочности избранной стратегии перехода к рынку: «...Принятая стратегия трансформации, экстремально минимизирующая экономическую роль государства и ставящая целью построение «чистого» рынка, не оправдала себя. Не оправдало себя отрицание экономической политики государства по поддержке конкурентоспособности отечественных предприятий и государственной сельскохозяйственной политики. Не оправдала себя общая концепция приватизации, и особенно купонной приватизации, которая не создала реальных экономически ответственных собственников и не принесла нашей экономике ни новых капиталов, ни новых технологий, ни новых рынков... На старте реформы был достигнут общенародный консенсус, включая и нашу партию, относительно ключевого вопроса — замены системы централизованного планирования рыночной

---

[1] *Kopeček L.* Česká strana sociálné demokratická — jak se dostat k moci // Politologický časopis. 2003. No 1. S. 102.

[2] Stanovy České strany sociálné demokratické . Pr., 1997. S. 1.

экономикой. Однако для достижения этой цели был выбран односторонний ультралиберальный рецепт»[1].

ЧСДП за годы трансформации сумела расширить свои ряды и привлечь сторонников из общественных групп населения, недовольных развитием страны после ноября 1989 г., заметно усилила свои позиции на чешской политической сцене, став одной из ведущих политических партий, вес и влияние которой на развитие чешского общества постепенно растет[2]. В первых свободных парламентских выборах 1990 г. ЧСДП получила — 4,1% голосов избирателей и не достигла установленной избирательным законом 5%-ной границы для прохождения в парламент. В парламентских выборах 1992 г. ЧСДП уже прошла в парламент, набрав 6,5% голосов избирателей.

С Гражданской демократической партией население связывало свои скорые «надежды на светлое будущее». «Ковбойский», по меткому выражению лауреата Нобелевской премии по экономике за 2001 г. Й. Стиглица, капитализм В. Клауса принес определенное разочарование общества в итогах трансформации, особенно приватизации. И как следствие, на парламентских выборах 1998 г. впервые на смену безраздельному господству на политической сцене правых партий к власти пришла Чешская социал-демократическая партия. Социал-демократы выиграли выборы, набрав 32,3%, впервые опередив своего традиционного политического союзника — Гражданскую демократическую партию, которая по итогам выборов получила 27,7% голосов избирателей[3]. Тогда многие политические эксперты посчитали это «левым эпизодом». Однако первый звонок «для правых» фактически прозвучал уже на парламентских выборах 1996 г., когда социал-демократы набрали 26,44% голосов, лишь незначительно уступив победителю — правящей Гражданской демократической партии, получившей 29,61% голосов избирателей.

На парламентских выборах 2002 г. вновь победила Чешская социал-демократическая партия, получив 30,2% голосов избирателей, ее традиционный идейный противник — правая либерально-консервативная партия — Гражданская демократическая партия набрала 24,4%, Коммунистическая партия Чехия и Моравии — 18,5%, центристская коалиция малых партий — 14,2%. Это была вторая победа социал-демократов на парламентских выборах в «“постбархатной” Чехии». «Левые» в лице Чешской социал-демократической партии и Коммунистиче-

---

[1] Hospodářské noviny. 1997, 22 dubna.

[2] *Vodička K., Gabala L.* Politický system České republiky: historie a současnost. Pr., Portal, 2003. S. 324.

[3] Český statistický úřad // http: //www.volby.ce.

ской партии Чехии и Моравии добились лучших результатов в парламентских выборах, начиная с 1989 г. Правые партии на выборах в нижнюю палату парламента потерпели самое крупное поражение с 1989 г. Результаты выборов стали ледяным душем для правых партий до этого безраздельно господствовавших на чешской политической сцене.

Не теряет надежды на передел политической сцены и Коммунистическая партия Чехии и Моравии, которая является прямым продолжателем Коммунистической партии Чехословакии. Это единственная парламентская партия, которая после 1989 г. не входила в правительство, что в глазах части избирателей ставит ее в позицию «единственной настоящей оппозиции».

Коммунистическая партия Чехии и Моравии насчитывает 113 тыс. членов — это самая крупная по численности чешская партия. Чешские коммунисты считают, что 40-летний период существования так называемого реального социализма в Восточной Европе закончился из-за тотального краха советской модели социализма, которая не смогла осуществить гуманистические марксистские представления о социалистическом обществе свободных и равноправных людей. Занимая критическую позицию к тому, что выдавалось за реальный социализм, коммунисты отмечают, что «добархатный» период социализма с точки зрения интересов большинства населения во многом превосходил реставрированный «чешский капитализм». Коммунисты убеждены, что социалистический строй при проведении экономических и политических демократических реформ мог бы привести к социально более справедливому устройству общества и страна была близка к этому в 1968 г. Показательно, что в разгар Пражской весны в июне 1968 г. 89% граждан Чехословакии высказались за обновленный социализм и только 5% — за капитализм, 6% — не пришли к определенному мнению.

Коммунистическая партия Чехии и Моравии заявляет о преемственности стратегической цели — достижении социально-справедливого демократического социалистического общества с эффективной социально-ориентированной экономикой как реальной альтернативы для Чехии, где «провалилась политика, опирающаяся на свободную игру рыночных сил».

Коммунисты выступают за пересмотр военной стратегии Чешской Республики и за выход страны из НАТО, развитие коллективной безопасности в рамках ООН. Чехия, подчеркивают коммунисты, не должна идти на поводу интересов сверхдержав и международного капитала, а должна оставаться суверенным государством, активно участвующим в создании условий коллективной безопасности и ликвидации агрессивных военных блоков.

Программа Коммунистической партии Чехии и Моравии носит ярко выраженный социальный характер, что позволяет ей расширять ряды своих сторонников за счет слоев населения, которые традиционно на выборах голосовали за правые партии, в том числе за счет молодежи, не нашедшей себя «в рынке» и пополняющей ряды «новых бедных».

И если на первых парламентских выборах после «бархатной революции» чешские коммунисты набрали 8,5% голосов избирателей, что снисходительно объяснялось политологами «ностальгией по прошлому» старших возрастных групп населения, то на всех последующих парламентских выборах КПЧМ неизменно занимает третье место, пропуская вперед только ведущие партии чешской политической сцены — гражданских демократов и социал-демократов: на парламентских выборах в 1992 г. коммунисты получили 14,1%, на выборах в 1996 г. — 10,3, в 1998 г. — 11,3, в 2002 г. — 18,5% голосов избирателей[1]. В парламентских выборах 2002 г. за коммунистов проголосовал практически каждый пятый житель страны. В. Клаус — тогдашний председатель Гражданской демократической партии с горечью констатировал, что настоящим победителем выборов стали коммунисты, которые практически удвоили свой удельный вес в нижней палате парламента.

Конечно, успеху коммунистов на выборах способствует стабильность рядов, устойчивая избирательная база и высокая дисциплина сторонников. Но столь высокий рейтинг коммунистов уже трудно объяснить следствием только протестного голосования. По оценкам чешских политологов, Коммунистическая партия имеет резервы роста при условии изменения стиля политики и обновлении программы[2].

В 1990-е гг. практически все слои чешского общества сделали определенный «шаг влево», однако интенсивность этого поворота была неравномерной и в значительной степени протестной.

Чехия вступила в экономическую трансформацию будучи среднеразвитой промышленной страной, имевшей значительные стартовые преимущества по сравнению с другими постсоциалистическими странами: незначительную внешнюю и внутреннюю задолженность, сбалансированный внутренний рынок, низкую инфляцию, высокий образовательный и культурный потенциал, относительно высокий уровень потребления, сопоставимый с аналогичными показателями экономически развитых стран.

---

[1] *Havlík V., Kopeček L.* Krize vládnutí v České republice // Politologický časopis. 2008. No 3. S. 187.

[2] См.: *Krejčí O.* S kommunisty nemluvíme // Ekonom. 2004. No 21. S. 23.

За годы системной экономической трансформации в Чехии были созданы институциональные и правовые основы рыночной экономики. Частная собственность стала основной формой собственности: 80% ВВП производится в частном секторе, причем примерно 36% в секторе малого и среднего предпринимательства.

Массовая приватизация, широкая либерализация хозяйственной деятельности, отмена государственной монополии внешней торговли открыли шлюзы развитию предпринимательской инициативы. Уже на старте рыночных реформ были приняты законодательные акты о поощрении частного предпринимательства, которыми были сняты все ограничения и запреты на предпринимательскую деятельность, созданы базовые нормативно-правовые и институциональные основы развития частного предпринимательства, и, что важно, законодательно закреплена государственная поддержка малого и среднего предпринимательства. Практика трансформационных преобразований в странах Центрально-Восточной Европы показала, что предпринимательство динамично развивается в тех постсоциалистических странах, где не ограничились «протоколом о намерениях», отдав все на откуп «невидимой руке рынка», а где государство всесторонне поддерживает предпринимательство, причем не от одной кампании до другой, а постоянно и целенаправленно.

В соответствии с курсом на «возвращение в Европу» в ходе системной трансформации произошла переориентация чешской внешней торговли с рынков восточноевропейских стран на рынки стран ЕС, доля которых в чешском экспорте увеличилась с 38,4% в 1990 г. до 85,7% в 2008 г. Ориентированная на восточные рынки чешская экономика понесла самые значительные потери от дезинтеграции внешнего рынка. Послевоенная Чехословакия служила «металлургическим и машиностроительным» заводом для всего Восточного блока. Очевидно, что после распада восточных рынков перестройка чешской производственной базы была значительно более сложной задачей, чем, например, в Польше с большим внутренним рынком или в Венгрии с направленностью экономики на легкую промышленность и услуги[1].

Переориентация торгово-экономических связей Чехии на «Европу» привела к снижению веса России во внешней торговле Чехии до 6% в середине 1990-х гг. и 3% в настоящее время[2]. Тем не менее Россия по-прежнему сохраняет ведущие позиции в ресурсном обеспечении чешской экономики: 70% потребностей Чехии в нефти, 75% — в при-

---

[1] *Vintrová R.* Reálná a nominální konvergence v zemích středoevropské pétky // Politická ekonomie. 2007. Vol. 55. No 2. P. 206–225.

[2] *Cihelková E.* A kol. Nový regionalismus v Evropě a česká republika Pr., Beck, 2007. S. 307.

родном газе и 59% — в топливе для атомных электростанций обеспечиваются за счет российских поставок.

Сценарий экономической реформы, включавший в отличие от других восточноевропейских стран социальные амортизаторы, позволил заметно смягчить социальные последствия перехода к рынку. Чехия относится к числу европейских стран с низким уровнем бедности: доля населения, находящегося за чертой бедности, составляет 8,1% по сравнению с 15% в среднем по странам ЕС.

И все же при всей продвинутости чешской экономической реформы, следует признать, что «...выгодные стартовые условия при избранном способе трансформации не были полностью использованы»[1]. Реализованная модель приватизации практически не увязывалась с проведением структурно-финансовой реструктуризации и модернизации производства с унаследованным тяжелым структурным бременем: сверхвысокой долей тяжелой промышленности, высокой материало- и энергоемкостью производства, технической отсталостью.

Полемизируя с оппонентами, считающими, что реализованная модель приватизации не способствовала формированию оптимальной структуры собственности, «отец чешской реформы» В. Клаус указывает, что критики не поняли разницы между классической и трансформационной приватизацией, для которой необходима главным образом скорость. Действительно, практика показывает, что, если правительство не использует начальный «революционный восторг» населения и в короткие сроки не осуществит принципиальные трансформационные шаги, позже оно может лишиться политического мандата на проведение рыночных реформ. Авторы экономической реформы не учли, что адаптация государственных предприятий к рынку — продолжительный и сложный процесс. Формирование институциональных рамок рыночной экономики резко отставало от скорости рыночных преобразований и в значительной мере носило формальный характер, что создавало вакуум в правовой системе и благоприятную среду для формирования «теневой» экономики и коррупции.

Ставка на «невидимую руку» рынка и отказ от проведения государственной промышленной политики в сочетании с негласной политикой сдерживания привлечения в экономику прямых иностранных инвестиций на начальном этапе экономической реформы лежат в основе низкой конкурентоспособности чешской экономики. Лишь с середины 1990-х гг. экономическая политика стала активно исполь-

---

[1] Hospodářská strategie vstupu do Evropské unie: konkurenceschopnost — růst — zaměstnanost — solidarita. Pr., vláda české republiky, 1999. 17 května.

зовать инструменты повышения конкурентоспособности экономики через поддержку малого и среднего предпринимательства, программы оздоровления банковского сектора реструктуризации промышленности, поощрение прямых иностранных инвестиций.

«"Продажа" общественности идеала и программы трансформации, по образному выражению В. Клауса, была яркой и многообещающей. Разочарование в итогах приватизации, оставившей за бортом корабля собственников большинство населения, снижение уровня жизни и рост безработицы вели к постепенному исчерпанию постреволюционной эйфории». Расхождение между ожиданиями «быстрого чуда» и реальными результатами трансформации привели к переоценке либеральных ценностей. Если на старте реформ чешское население однозначно отдавало предпочтение модели «чистого рынка», то с приобретением практического опыта жизни «в рынке» происходит переоценка отношения общества к либеральным ценностям, усиливается притягательность социально-ориентированной экономики с контрольными функциями государства. Экономическая стагнация 1997–1998 гг. стала одной из причин дальнейшего «полевения» чешского населения и поляризации политической сцены, что снижало эффективность функционирования политической системы.

Чешское общество прошло сложный путь — от широкого доверия населения к общественным и экономическим преобразованиям «бархатной революции» к постепенному нарастанию инфляции капитала доверия, определенного разочарования в рыночных идеалах и либеральных ценностях.

Если на начальном этапе системной трансформации шли активные процессы демократизации общества и построения правового гражданского общества, то в середине 1990-х гг. процессы повышения качества политических преобразований, включающих уровень демократии, политическую стабильность и ответственность органов власти, практически застопорились. По оценке Всемирного банка, показатель политической стабильности и демократии, характеризующий продвижение Чехии по пути демократических преобразований, на момент вступления в ЕС даже несколько снизился: Чехия «спустилась» с 17-го места в 1996 г. на 21-е место в 2004 г.[1]

Экономические трудности трансформации, финансовый кризис и экономическая рецессия, через которые прошла чешская экономика

[1] Governance matters IV: governance Indicators for 1996–2004. Vol. 1, 2. Washington, World Bank, 2005.

в 1997–1998 гг., усиливали сбои в функционировании демократического правового государства.

После падения социалистического режима большинство чешского населения, воодушевленного новыми перспективами, безоговорочно разделяло идеи либерального общества с рыночной экономикой (согласно данным социологических опросов, примерно 80% населения в целом положительно оценивало новый режим). Широкий консенсус в отношении нового политического и экономического курса страны подтверждают итоги первых парламентских выборов 1990 и 1992 гг. начального этапа системной трансформации, на которых убедительную победу одерживали партии правой ориентации. «Продажа общественности идеала и программ трансформации»[1], по образному выражению «отца чешских реформ» тогдашнего председателя правительства Чешской Республики В. Клауса, была яркой и многообещающей.

Разочарование в итогах приватизации, так и не сделавшей широкие слои населения собственниками, а приведшей лишь к переделу государственной собственности в пользу узкого слоя лиц, «рыночное наступление» на традиционные при социализме широкие социальные гарантии, снижение уровня жизни и рост безработицы вели к постепенному «исчерпанию постреволюционного оптимизма».

Наибольшее недовольство общества вызывают итоги приватизации, которая в глазах населения отождествляется с обманом, коррупцией, несправедливостью. «Приватизация по-чешски» на практике вылилась в «rent and wealth seeking behavior», оставив за бортом корабля собственников большинство населения страны.

Шоком для правящей коалиции стали результаты опроса общественного мнения, проведенного в июне 1997 г.: после семи с половиной лет постсоциалистической эпохи каждый четвертый опрошенный заявил, что жизнь в стране была лучше при социализме. В основе снижения доверия к новому режиму — неисполнение ожиданий «быстрого чуда» и социальное разочарование общества[2].

По результатам социологического исследования, проведенного в 1997 г., когда заметно ухудшилось положение в чешской экономике, численность лиц, негативно оценивающих экономические реформы, составила более половины граждан страны (53%), и только 8% опрошенных оценили ее как успешную[3].

Расхождения между политическими декларациями и результатами проводимой политики привели к переоценке либеральных ценностей

---

[1] Politická ekonomie. 1994. No 2. S. 27.

[2] MfDnes. 1997, 24 června.

[3] MfDnes. 1997, 12 června.

и определенному «полевению» чешского общества. Ключевой момент изменений в общественном сознании — переоценка роли государства. Население не устраивает государство в роли вечно дремлющего «ночного сторожа» с полузакрытыми глазами, безучастно взирающего на происходящее вокруг[1]. Согласно опросам общественного мнения 80% чешских граждан убеждены, что государство должно сохранить сильное влияние в экономике. Интересно, что этой точки зрения придерживается не только электорат социал-демократической и коммунистической партий, но и сторонники правых партий — приверженцев «чистого рынка»[2].

Кристаллизация политических пристрастий, идущая в чешском обществе имеет много общего с общим ростом имущественного расслоения и усилением социальной стратификации. Социальное неравенство и социальная справедливость — понятия с весьма сильным политическим зарядом. В основе легитимности правительства и властных структур лежит консенсус в том, что общество организовано и структурировано на принципах социальной справедливости.

Углубление дифференциации доходов и потребления — новое для страны явление. Нивелирование доходов, имевшее место в административно-директивной системе, сильно сказалось на ценностных ориентациях населения. Трансформация экономики несет с собой не только более высокую дифференциацию доходов, но и утрату чувства «социальной уверенности» и привычной модели социальных гарантий. Реакцию общества на дальнейшее расслоение оценить довольно сложно, тем не менее очевидно, что существующая сегодня неравномерность в распределении доходов будет углубляться. Реформирование социальной системы в сторону усиления рыночных критериев, «расшатывает» социальную базу правых партий, выступающих (что добавляет очков левым партиям) за социально-ориентированную экономику.

Если на старте реформы 90% чешских граждан выступало против «уравниловки» в доходах, то в настоящее время только 50% разделяет точку зрения о «справедливости» значительного увеличения дифференциации дохода, а 70% чешских граждан убеждены, что «богатые» должны платить и более высокие налоги[3]. Как видим, налицо возвращение к проверенным социальным гарантиям.

С возрастанием социального расслоения в чешском обществе взаимосвязь между социальным положением человека, с одной стороны,

---

[1] См.: *Mlčoch L.* Česká ekonomika a společnost mezi minulostí a budoucností (institucionální pohled). Pr., 1997. S. 33.

[2] Lidové noviny. 2002, 24 dubna.

[3] Právo. 2002, 22 dubna.

и его политическими ориентациями, с другой стороны, будет, очевидно, углубляться. На эту тенденцию указывает анализ поведенческих изменений электората между парламентскими выборами. Наблюдается заметное усиление влияния социально-классовой принадлежности на партийные пристрастия избирателей.

На усиление влияния социально-классовой принадлежности на избирательские преференции повлияло формирование сильной левой социал-демократической партии и активное политическое соперничество и активная борьба за избирателей между ГДП и ЧСДП. Это политическое соперничество пока лишь способствовало социальной отшлифовке избирательной базы Гражданской демократической базы (ГДП) как партии образованных специалистов и предпринимателей. ЧСДП привлекла как избирателей, типичных для левых партий, так и потенциальных представителей средних слоев. По мнению чешских социологов, процесс кристаллизации социальной базы чешских политических партий впереди[1].

Опросы общественного мнения отражают постоянно падение интереса чешского общества к политике и общественной жизни. Одним из доказательств усиления политической апатии в чешском обществе как следствие недовольства населения результатами трансформации является низкое участие избирателей в выборах. Если в первых парламентских выборах после «бархатной революции» в 1990 г. участвовало 96,76% избирателей, то в 1996 г. — 76,41, в 1998 г. — 74,03, а в 2002 г. — немногим более 50%[2].

Неудовлетворенность чешского населения политической и экономической ситуацией в стране особенно ярко продемонстрировали региональные выборы в ноябре 2000 г., в которых приняли участие только треть потенциальных избирателей. Еще более низкой была явка избирателей на довыборах в сенат парламента ЧР в 2000 г. — 21,5% избирателей. Некоторые политические аналитики оценивают демонстрируемую на выборах «усталость от демократии» как самую крупную манифестацию неудовлетворенности чешского населения результатами трансформации.

Активное неучастие населения в выборах «спровоцировало» предложение правительства о возможном введении избирательной обязанности граждан. Ответ политических партий в парламенте на эту «инициативу» был четкий — такое предложение не пройдет, поскольку принятие такой законодательной нормы только прибавило бы голосов недовольных. Эта тенденция наблюдается и в других посткоммуни-

---

[1] *Matěyů P.* Stáváme se společnosti středních tříd? // Sociální trendy. 1997. No 1.

[2] Právo. 2002, 12 května.

стических странах Центрально-Восточной Европы. Так, в Польше участие населения в парламентских выборах в сентябре 2001 г. было еще ниже — 45% всех имеющих право голоса.

Политическое и экономическое развитие Чехии деформирует высокий уровень коррупции, которая разрушает правовую систему, притягивает организованную преступность, тормозит развитие здорового предпринимательства, приводит к эрозии гражданского общества. Согласно индексу восприятия коррупции, ежегодно публикуемому *Transparency International*, уровень коррупции в восточноевропейских странах заметно выше не только в сравнении со странами ЕС, но и с Намибией, Перу, Коста-Рикой. В этом «табеле о рангах» Чехия в конце 1990-х гг. занимала 47-е место, Словакия — 51, Польша — 44, Венгрия — 31[1].

Коррупция охватила органы госуправления, полиции, таможни, банковский сектор, органы местной власти и политическую сферу. Новым источником распространения взяточничества стала приватизация — перемещение государственного имущества в частные руки. Главная причина — ограничение административных свобод, нежелание властей не на словах, а на деле бороться с коррупцией. Население теряет доверие в правовое государство, утрачивает мотивацию к соблюдению законов. Первый президент постсоциалистической Чешской Республики В. Гавел назвал Чехию страной «мафиозного капитализма»[2].

Любопытно, как жители бывших социалистических стран оценивают «пострансформационный» уровень коррупции: 70% — населения Чехии, 81 — Словакии, 77 — Венгрии, 71 — Болгарии, 52% — населения Польши считают, что при «переходном» капитализме уровень коррупции выше, чем при социализме. Антикоррупционные программы типа чешской акции «Чистые руки» или словацкой «Да будет свет», создание специализированных подразделений по борьбе с экономическими преступлениями в высших эшелонах власти оказываются малоэффективными в условиях высокого уровня непрозрачности правовой базы и административного управления.

Еще в 1996 г. парламент ЧР принял закон «О некоторых мерах борьбы против легализации доходов от преступной деятельности». В отличие от законодательства ряда западных стран чешский закон значительно более прогрессивный. Так, например, проблематика «отмывания грязных денег» носит более широкий характер и включает не только наркотики, но и другие виды организованной преступности,

---

[1] HN ročenka 2002. Pr.: Economie, 2002. S. 39.

[2] Právo. 2002, 27 února.

что отвечает рекомендациям FATF (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег). Однако, по оценкам западных экспертов, эффективность применения закона довольно низкая.

По некоторым оценкам, в Чехии ежегодно «отмывается» примерно 80–90 млрд крон, примерно 5 млрд крон — «белыми воротниками». Растут масштабы экономических преступлений. По некоторым данным, каждая пятая чешская фирма в 1990-е гг. уже стала жертвой одного из экономических преступлений[1].

Разочарование в итогах приватизации, так и не сделавшей широкие слои населения собственниками, а приведшей лишь к переделу государственной собственности в пользу узкого слоя лиц, «рыночное наступление» на традиционные при социализме широкие социальные гарантии вели к постепенному «исчерпанию постреволюционного оптимизма». Чешское население, «убаюканное идеей исключительности “чешского пути”» к рынку, было убеждено, что после свержения коммунистической диктатуры страна быстро и беспроблемно трансформируется в демократическое и экономически процветающее государство в единой европейской семье. На практике переход к демократии и рыночному хозяйству оказался более длительным и болезненным процессом. По мере утраты блеска исключительности «чешского пути к капитализму» в обществе нарастает критическое отношение к «переменам». Революционная эйфория сменяется глубокой общественной депрессией. До сих пор никакой переход от диктатуры к демократии в истории не был таким трудным и болезненным, как переход от коммунизма к парламентской системе[2].

Разочарованы результатами трансформации и некоторые режиссеры перестройки. В. Гавел — первый президент Чешской Республики, диссидент и символ антикоммунистического сопротивления — считал, что либеральная чешская концепция трансформации — это «коммунизм с капиталистической лакировкой», а за либерализмом идеологов «чешского пути» скрывается «марксистско-ленинское учение о базисе и надстройке, практика показала, что базис разворован»[3].

Однако утверждать, что чешское общество, уставшее от «перемен», хочет «назад в прошлое», нельзя. Согласно данным социологических опросов, 72% чешских граждан считает, что состояние общества не отвечает их ожиданиям, причем 42% сомневаются в правильности выбранной стратегии развития общества, а треть населения убеждена,

---

[1] *Hanousek J.* Čisté, šedé nebo černé ? // Bankovnictví. 2002. No 10. S. 9.

[2] *Vodička K., Gabad L.* Politický systém České Republiky: historie a současniost. Pr., Portál, 2003. S. 324.

[3] Právo. 2002, 27 února.

что общество развивается неправильно. Тем не менее 64% населения Чехии считает, что современное общество принесет их детям лучшее будущее, чем режим, господствовавший в стране до 1989 г.[1]

Чешские политологи интерпретируют политическую ситуацию в стране «как недовольство общества формой реализации политики, которое, однако, не означает полного отрицания развития после "бархатной революции" 1989 г.»[2].

Данные опросов общественного мнения свидетельствуют о том, что постепенное ослабление приверженности населения к краеугольным целям общественной трансформации вызвано не только ростом негативной оценки изменений в обществе, сколько «усталостью от ожидания успеха». Согласно теории «усталости», чешское общество в общественной трансформации прошло путь от взлета оптимизма на начальном этапе трансформации, когда преобладали позитивные ожидания, до усиления чувства неудовлетворенности из-за отсутствия быстрых ощутимых изменений. Разочарование, видимо, является неотъемлемым спутником радикальных общественных преобразований. Политическими последствиями общественного разочарования являются такие типичные тенденции в развитии общества, как постепенное снижение интереса к политике и общественной жизни, растущая притягательность политических программ, построенных на неудовлетворенности, и, наконец, возрастающая поддержка сильнейшей оппозиционной партии, что мы и наблюдаем в чешской практике[3].

В ходе системной трансформации уже на начальном этапе радикальных преобразований произошли определенные изменения в социальной структуре чешкого общества, однако эти изменения не были столь значительными, как это можно было бы ожидать. С точки зрения перемещений по общественной лестнице не было отмечено заметных сдвигов: более экономически активного населения осталось в той же социальной группе, что и при социализме, и только 7% переместились «вниз по лестнице». В социальной структуре чешского общества образовалась довольно узкая группа так называемой общественной элиты, которая обладает экономической властью и оказывает значительное влияние на развитие чешского общества. Эта новая элита на треть состоит из представителей элиты прежнего коммунистического режима[4].

---

[1] Hospodářské noviny. 2000, 19 ledna.

[2] *Šimonik P.* Politický spektrum v České Republice // Sociologický časopis. 1996. No 4. S. 1.

[3] *Kadava Ch.* Česká společnost v arcadle veřejného mínění // Pohledy. 1994. No 5. S. 26.

[4] *Machonin P., Turek M.* Česká společnost v transformaci. Pr., Slon, 1996. S. 144, 157.

Практика трансформационных преобразований в постсоциалистических странах Центральной Европы свидетельствует, что недооценка или игнорирование широких социальных взаимосвязей может поставить под угрозу экономические и политические реформы и стать наиболее слабым местом стратегии трансформации. Просчетом чешских реформаторов можно считать определенное игнорирование реалий «унаследованной» социальной среды, в которой реформы «проводятся в жизнь». Эта социальная среда складывалась в течение последних 50 лет исторического развития в рамках социалистической общественной системы. Ведущее место в социально-классовой структуре чехословацкого общества на старте системной трансформации занимал рабочий класс, на который приходилось 62% населения ЧСФР, служащие — 28,6, кооперативные крестьяне — 7,5, мелкие производители — всего около 2%. Период социалистического строительства сопровождался широкими процессами классовой диффузии. Более глубокий анализ механизма социального воспроизводства различных социальных групп общества показывает, что этот процесс в социалистической Чехословакии имел ряд особенностей. Такую «унаследованную» социальную структуру и присущую ей дифференциацию по социальным группам и интересам нельзя преодолеть простым смещением так называемой тоталитарной номенклатуры.

Чешское общество относится к числу наименее проницаемых обществ и, соответственно, наиболее стабильной социальной структурой.

Одним из условий политической стабильности нового гражданского демократического общества является формирование сильного среднего класса, именно он в перспективе будет определять его политический облик. В европейском контексте средний класс — основа демократического общества. В социалистической Чехословакии этот общественный слой был практически полностью выкорчеван.

Возрождение и развитие предпринимательства в Чехии рассматривалось как наиболее быстрый путь к становлению частного сектора и формированию среднего класса — основы нового демократического гражданского общества, как инструмент смягчения остроты социально-экономических последствий рыночных реформ, быстрого приобщения населения «к идеалам рынка» и обеспечения социально-политической стабильности общества.

Трудно представить себе возрождение гражданского демократического общества и рыночной экономики без создания основных системных условий для развития среднего класса и его экономической базы.

Как уже отмечалось, чешское общество является наименее проницаемым. Дети бедных чешских семей имеют меньше шансов получить

высшее образование и в будущем хорошо оплачиваемое место по сравнению с детьми из состоятельных семей. По мнению социологов — это одна из причин увеличения числа молодых сторонников коммунистов. Молодежь видит вокруг себя богатство, которое представляется для них недостижимым. Дети из обычной рабочей семьи имеют в четыре раза меньше шансов получить высшее образование по сравнению с детьми из бедных американских, канадских и австралийских семей. В США, Канаде и Австралии университетский диплом получает примерно треть детей из рабочих семей, в Чехии только 7,6%. В Чехии потомок из состоятельной семьи, где родители имеют высшее образование, имеет в 13 раз больше шансов получить университетский диплом по сравнению с детьми из рабочей семьи[1]. В Чехии только 25% выпускников средних школ поступают в высшие учебные заведения по сравнению с 50% в экономически развитых странах.

Внешняя политика Чешской Республики в 1990-е гг. была направлена на реализацию провозглашенной «бархатной революцией» стратегии на активное сближение с внешнеполитическим и экономическим курсом ЕС и на включение в военно-оборонные структуры НАТО.

В марте 1999 г. министры иностранных дел Чешской Республики, Польши, Венгрии и США подписали соглашение о расширении Североатлантического альянса — Чехия официально стала членом НАТО. «С принятием нашей страны в Североатлантический альянс был выполнен один из ключевых приоритетов внешней и оборонной политики нашей страны... Североатлантический альянс всегда означал больше, чем только военный и оборонный пакт, этот оборонный союз наиболее значительных демократических государств по обе стороны Атлантики связывают не только политические интересы, но и ценности, которые эти государств готовы развивать и защищать... НАТО не должно превратиться в еще одну конференцию о безопасности и сотрудничестве в Европе или в мире и перестать быть военным альянсом, гарантирующим безопасность своих членов. НАТО должно остаться основой европейской оборонной архитектуры»[2] — считает президент ЧР В. Клаус, убежденный сторонник союзнических отношений Чехии с США.

И практически сразу же после вступления Чехия продемонстрировала верность своим союзническим обязательствам — парламент стра-

---

[1] Haspodářské noviwy. 2004, 26 čerona.

[2] *Klaus V.* NATO-víc než jen vojenský pakt //Hospodářshé noviny. 2009, 12 března.

ны, хотя и с большими сомнениями, одобрил операцию НАТО на Балканах, разрешив самолетам НАТО использовать чешское воздушное пространство. В то же время правительство Чехии выразило свое несогласие с возможным участием в косовской операции наземных сил НАТО. После косовского кризиса Чешская Республика проявила заинтересованность в участии в Пакте стабильности: Чехия участвовала в операциях СФОР по поддержанию мира в Боснии и Герцеговине, направив туда воинский контингент численностью 556 человек, а также в операциях КФОР в Косово подразделением численностью 126 человек. В мае 2002 г. Чехия развернула в Афганистане 6-й полевой госпиталь, который охраняли чешские войска. В марте 2008 г. в Прагу было доставлено тело чешского солдата, погибшего в военной операции НАТО в Афганистане. В целом за время членства в НАТО с 1999 г. Чехия участвовала в 11 иностранных военных миссиях НАТО — в Боснии, Турции, Албании, Ираке, Косово и Афганистане. В целом в военных операциях НАТО за рубежом приняло участие более 22 тыс. человек чешского военного контингента.

На заседании Генерального Совета Армии Чешской Республики 2 июня 2002 г. было принято решение — до 2010 г. частично или полностью перевести армию на профессиональную основу, сократить численность вооруженных сил. После включения в военные структуры НАТО началась быстрая реорганизация и модернизация чешской армии. Численность вооруженных сил сократилась со 100 тыс. в 1989 г. до 30 тыс. в настоящее время. Важным шагом стал переход в 2004 г. от обязательной воинской службы к профессиональной армии. Для обеспечения государственной безопасности чешские вооруженные силы были укомплектованы одной механизированной дивизией, бригадой быстрого реагирования, тремя тактическими авиабазами, включая транспортную и учебную авиацию.

В модернизацию вооруженных сил было инвестировано более 10 млрд крон. Чехия выделяет на оборону 1,43% ВВП и постоянно подвергается критике со стороны органов НАТО за невыполнение взятого на себя обязательства — выделить на оборону не менее 2% ВВП. Впрочем, это требование не выполняет две трети членов НАТО[1]. Перестройка вооруженных сил страны направлена не только на обеспечение национальной безопасности, но и на выполнение международных обязательств, которые добровольно взяла на себя Чехия в рамках международных структур коллективной безопасности.

---

[1] *Ehl M.* Češi v NATO // Mimořádná příloha Hospodářských novin. 2009, 12 března.

Начало политической и экономической интеграции Чешской Республики в Европейский союз положил Договор об ассоциации с ЕС, который после ратификации вступил в силу 2 февраля 1995 г. ЧР получила статус страны — ассоциированного члена ЕС. 23 января 1996 г. Чешская Республика официально подала заявку на присоединение к ЕС и по решению Люксембургского саммита ЕС 1997 г. была включена в первую группу стран — кандидатов на вступление в ЕС. Начался сложный и неоднозначный этап адаптации Чешской Республики к условиям развития в составе Европейского союза.

Раздел III. ВИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Глава 5. Вишеградские страны в системе ЕС

5.1. Проблемы реальной конвергенции

Приверженность западных европейцев символизму, эстетике пропагандистского действия нашла свое отражение в практическом совпадении десятилетия реформ с приемом Вишеградских стран в НАТО. Пятнадцатилетие «освобождения» было отмечено в мае 2004 г. принятием пяти восточноевропейских стран и трех бывших республик СССР в Европейский союз. А вот 20-летию отдали дань весьма скромным образом в стенах Европарламента и парламентов новой Европы. Объясняется это просто: результаты реформ оказались гораздо скромнее ожидавшихся. До самого вступления в ЕС шла борьба за возвращение к экономическим показателям 1989 г., да и результат вступления в ЕС на настоящий момент смогли оценить лишь жители Польши и, в какой-то мере, Словакии, ставшей первой, и на сегодняшний день единственной, Вишеградской страной, вступившей в зону евро. У Венгрии и Чехии свои причины воспринимать свое членство в Европейском союзе скорее как неизбежность нынешней геополитической ситуации.

Много разочарований в поспешности расширения и у Европейского союза. Французский журнал «Альтернативные экономики»[1] в майском номере за 2009 г. опубликовал статью архитектора современного Евросоюза Жака Делора, в которой он назвал три ошибки, совершенных Евросоюзом, ставших причиной его нынешних проблем. Одна из

---

[1] См.: Alternatives Economiques. 2009. No 81. http://www.alternatives-economiques.fr/-l-europe-des-etats-n-est-pas-la-solution-_fr_art_838_43072.html.

них, по мнению Ж. Делора — это эрозия памяти. Евросоюз в процессе своей эволюции забыл об основополагающих целях этой организации. Другой важной ошибкой, по его мнению, является то, что, прежде чем осуществить расширение на восток, Евросоюзу необходимо было завершить программу углубления, поскольку созданные после войны институты никак не были рассчитаны на Европу 27-ми государств. Отсутствие сбалансированности между двумя процессами стало причиной пробуксовывания большинства важных инициатив современной Европы.

Среди причин разочарования Запада в Восточной Европе можно выделить еще несколько. Это и характерные черты восточноевропейского менталитета, и культурологические, можно даже сказать, цивилизационные особенности этого региона. Его особые взгляды на экономику и особое восприятие политики, в том числе международной, коренящиеся в специфике местных проблем.

В пылу борьбы с СССР, когда считалось, что все средства хороши, все это не было в должной мере оценено Западом с его собственным «специфическим менталитетом», основанным на незыблемом чувстве собственного цивилизационного превосходства.

Например, на Западе ошибочно восприняли сигнал о желании восточных европейцев изменить дистанцию с СССР как беспрекословное принятие западных ценностей. Между тем исторически складывавшееся «межцивилизационное», «промежуточное» положение восточноевропейских государств научило их с настороженностью и известной долей критики относиться к обоим геополитическим полюсам. На самом деле наиболее приемлемым в Восточной Европе считался вариант равной удаленности по отношению к ним.

В современной истории, как ни странно, о равноудаленности заботилось лишь словацкое государство, пребывавшее в начале 1990-х гг. в поисках национальной идентичности. Большую часть своей новейшей истории оно наиболее решительно сопротивлялось попыткам реформирования по западным образцам и дольше других поддерживало интенсивные отношения с Россией. Даже пришедший к власти в 1998 г. Микулаш Дзуринда, прозванный за свою преданность США «восточноевропейским Тони Блэром», не смог за два срока правления настолько отвернуться от России, чтобы дестабилизировать выстроенные отношения. Относительно спокойная внутренняя ситуация и сравнительно неплохие показатели социально-экономического развития позволили Словакии в 2000-е гг. стать наиболее успешной страной в Восточной Европе. В январе 2009 г. она стала второй (после Словении) восточноевропейской страной, которая вошла в зону евро.

Другие страны региона осознали важность отношений с Россией гораздо позже, уже тогда, когда сделали слишком много шагов в направлении Запада и ушли в значительный отрыв от Российской Федерации. Несомненно, что такой крен стал одной (хотя, конечно же, не главной) из причин того, что взявшие крутой старт в реформах Венгрия и Польша, сегодня уступают по основным показателям Словакии и Чехии.

Конечно, обе страны крупнее Словакии и, тем более, Словении[1]. Сложнее экономическая инфраструктура Польши и Венгрии, а также роль этих стран в истории и геополитике региона. Как странам с «более устоявшимися историческими традициями» им сложнее привыкнуть к новой роли и новым условиям. Эти же составляющие с самого начала реформ повлияли и на стремление польского руководства не допускать чрезмерного сближения с Россией. Были востребованы исторические идеологемы, ставшие составной частью «превентивных мер» со стороны Польши. Что касается Венгрии, то набравшая силу на рубеже 2000-х гг. достаточно основательная попытка вернуться на российский рынок, на фоне неприятия внутренней политики руководства социалистов, с середины 2000-х гг. позволила оппозиции нагрузить российско-венгерские отношения многочисленными враждебными стереотипами.

Очевидно, что польская политика в отношении России приносила стране больше дивидендов в Евросоюзе и приветствовалась США. Что касается венгерской политики, то она приносила больше экономических выгод, измеряемых «российскими возможностями». Неслучайно самые богатые люди Венгрии сделали и продолжают делать свой капитал именно на рынках России и Восточной Европы. Однако поскольку обе страны — Польша и Венгрия — уже шесть лет являются членами ЕС, то здесь возникает вопрос иного свойства: почему наиболее успешные государства дореформенной Восточной Европы, некогда озадачивавшие Запад своими конкурентными возможностями, стали наиболее проблемными в рамках западной интеграции?

Шесть лет в Евросоюзе — это уже достаточный срок и для «новых», и для «старых» членов ЕС, чтобы присмотреться друг к другу, соизмерить ожидания с реальностями и сделать выводы.

Надо признать, что поначалу, по результатам первого года пребывания Вишеградских стран в ЕС разочарование настигло обе стороны. Это сказалось на провале референдума по Конституции ЕС во

[1] Даже маленькая, по российским меркам, Венгрия в два раза по территории и населению больше Словакии и в пять раз — Словении.

Франции и Голландии в 2005 г. и вызвало серьезную озабоченность Вишеградских стран. Многие эксперты восприняли происшедшее как возможное начало реализации предсказания о том, что ЕС не справится с приемом новых членов из числа государств Восточной Европы. Тем более что из западной части Европы уже начали раздаваться голоса протеста в связи с ожидавшимся наплывом рабочей силы из Польши.

Уже приняв в свои ряды новые страны из Восточной Европы и Прибалтики, «старые» члены ЕС посчитали возможным относиться к ним иначе, чем к «странам-сторожилам». Это особенно ярко можно проследить по позиции Великобритании, которая с конца 1980-х гг. активно агитировала сопротивлявшееся сообщество за принятие стран Восточной Европы, а в 2005 г. не включила уже ставших членами ЕС восточных европейцев в первый вариант бюджета этой организации.

О том, что в готовящемся бюджете Европейского союза сохранены дискриминирующие новых членов нормы распределения из фондов ЕС, страны Вишеградской группы заявили уже летом 2004 г. В совместном заявлении премьер-министров четырех стран по итогам года в связи с этим обстоятельством предлагалось «подготовить условия для достижения политического компромисса между членами ЕС к июню 2005 года»[1].

Это было первое совместное выступление стран Вишеградской группы в статусе членов ЕС, в котором они проявили решимость к взаимодействию в отстаивании общих интересов. Длительные совместные усилия четверки, несколько встреч с премьер-министрами Бенилюкса, председателем Еврокомиссии Ж.М. Барозу и председательствовавшем со второй половины 2005 г. в ЕС премьер-министром Великобритании Тони Блэром, принесли свои результаты. Вновь принятые страны получили доступ к средствам из бюджета ЕС не только на равных, но в ряде случаев и на особо благоприятных условиях. Не пригодился резервный сценарий, предлагавшийся странами Вишеградской группы, чтобы принять бюджет ЕС не на семь лет, а на ближайшие два-три года, что в их представлениях могло помочь избежать паники и предоставить время для разрешения наиболее острых бюджетных противоречий.

Это событие без преувеличения можно считать первой крупной победой стран Вишеградской четверки и их крещение в качестве дееспо-

---

[1] Joint Press Release. Meeting of the Prime Ministers of the Visegrád Group Countries Warsaw. 8 December 2004. http://www.visegradgroup.eu/main.php?folderID=830&articleID=3886&ctag=articlelist&iid=1.

собного объединения, а также локомотива восточноевропейской интеграции в Европейский союз.

Очевидно, что политические битвы за равенство, малоэффективность рекомендаций ЕС и слабая подготовленность к вступлению сыграли свою роль в неудовлетворенности стран Вишеградской группы итогами первого года пребывания в западном интеграционном сообществе.

Наиболее сильно за эти годы проиграла венгерская экономика. Преодолев сложную формальную процедуру приема в ЕС, страна оказалась неорганизованной внутренне. Новые условия хозяйствования, когда основным источником поступления средств на развитие стали гранты ЕС, оказались для венгерских тружеников в буквальном смысле этого слова — большим сюрпризом. В результате Венгрия не востребовала, а следовательно, и не получила из бюджета ЕС предназначавшиеся ей средства. По подсчетам экспертов[1], в 2004 г. Венгрия воспользовалась лишь четвертью предназначавшейся ей суммы. Да и поступившие средства, пришли в страну с большим опозданием, когда в сельском хозяйстве, например, уже миновал посевной сезон. По итогам первого года членства в ЕС Венгрия оказалась на последнем месте среди 10 новых стран по объемам средств поддержки, полученных от ЕС: в среднем — 16 евро на человека![2]

На венгерской экономике также неблагоприятно отразилась система квотирования производства ЕС. Венгрии «не достались» именно те отрасли, на которых она специализировалась не то, что десятилетиями, можно сказать, столетиями. Так, на прилавках венгерских магазинов появилось мясо из Польши, персики из Италии, арбузы из Греции и т.п. Со словаками завязались споры по поводу принадлежности брендов «Токайское» и «палинка». Чтобы найти сбыт собственной качественной сельскохозяйственной продукции, венгерские сельхозрабочие были вынуждены радикально снижать объемы производства. Произошел скачок безработицы, за которым последовало запустение некогда зажиточных венгерских сел. В стране начались, и все годы членства в ЕС не прекращались, пикеты и забастовки сельскохозяйственных рабочих.

Ухудшилось финансирование сферы здравоохранения, образования и науки. Здесь правительство пошло по пути введения платных услуг, передачи в частные руки больниц, учреждений досуга и образования, что, впрочем, не сказалось на повышении качества услуг, но подстегнуло безработицу. Если в 2002 г. в Венгрии не имели работы

---

[1] См.: www. mno.hu, 2005. marcius 9.

[2] См.: www. mno.hu, 2005, junius 13.

всего 5,6% трудоспособного населения, и эта цифра существенно повышала рейтинг венгерской экономики в глазах Евросоюза, то в первые месяцы 2010 г. она достигла 11,4%. То есть увеличилась больше чем в два раза! В то же время уровень безработицы в Чехии в 2000-е гг. существенно не менялся, оставаясь на уровне 7%. А вот Польша и Словакия существенно поправили свое положение. В Польше за три года уровень безработицы снизился с 20 до 14%, а в Словакии — с 18 до 13,5%. К сожалению, существенную роль в этом сыграл большой отток работоспособного населения на Запад. Рабочая эмиграция из Польши приблизилась к 9%, в то время как из других стран ВГ она не превысила 1–2%. Наибольшую привязанность к родному дому продемонстрировали венгры.

По итогам двух лет интеграции, практически по всем показателям среди Вишеградских стран лидировала Чехия[1]. Прага стала единственной восточноевропейской столицей, вошедшей в число наиболее развитых регионов в масштабах всей Европы. Однако это отнюдь не является заслугой Евросоюза.

Чехия также отличалась высокой заработной платой и темпами ее роста. В 2006 г. она выросла в среднем на 6,5% и составила 20 211 крон. В Польше в пересчете на чешскую денежную единицу в 2006 г. средняя зарплата составила 19 082, в Словакии — 16 862 и в Венгрии — 15 650 крон[2].

В то же время уровень инфляции к третьей годовщине вступления в ЕС варьировался от 8,8% в Венгрии до 3,2% в Чехии, 2,6% в Словакии и чуть меньше в Польше — 2,5%[3].

ВВП на душу населения в странах Вишеградской группы, составляя в среднем 63% от общего для ЕС показателя (76% в Чехии и 51% — в Польше), вырос также в среднем на 5% по сравнению с 2003 г. Несколько более значительные темпы роста наблюдались в Словакии — 7,4% и почти в два раза более низкие — в Венгрии — 2,6%. А вот что касается уровня роста доходов населения, то здесь лидировала Польша, где по сравнению с 2003 г., доходы населения выросли почти на четверть.

Постепенно становилось окончательно очевидным, что конвергенция в общий европейский рынок происходит исключительно с учетом интересов 15-ти стран, а не 10-ти новичков. Об этом свидетельствует, в частности, сокращение ряда производств, традиционных для Восточной Европы.

---

[1] См.: www.mno.hu, 2005, majus 26.

[2] См.: Magyar Nemzet. 2007, március 8.

[3] См.: www.icegec.hu.

Только спустя три года вишеградские страны, наконец, приспособились к системе использования причитающихся им средств из структурных и интегрирующих фондов ЕС. А в 2005 г. показатели в сельскохозяйственной отрасли, все еще не оставляли места для оптимизма. Так, на фоне общего роста доходов от сельского хозяйства, которые, по статистике ЕС, в Польше и Чехии возросли почти вдвое, в Венгрии в 1,7 раза, а в Словакии на четверть[1], уменьшились конкретные показатели производства по отраслям. Это может свидетельствовать лишь о существенном повышении цен на продукты питания, что и отразилось в цифрах роста доходов. Во всех странах Вишеградской группы снизилось поголовье крупного рогатого скота, хотя в ценовых показателях по реализации мяса эти показатели возросли. В Венгрии на 3 тыс. га уменьшились площади виноградников. В количественных же показателях, производство винограда существенно сократилось по всей Восточной Европе. Уже по сравнению с 2004 г., существенно снизилось производство зерна и зерновых культур. Это несмотря на то, что ряду стран этот вид сельскохозяйственного производства был назначен Евросоюзом в качестве специализации. Например, Венгрии было предписано культивировать генетически модифицированную кукурузу, что она решительно оспаривала. Во всех странах, кроме Польши, наметилось сокращение численности сельских хозяйств. Если в Венгрии в 2000 г. насчитывалось 967 хозяйств с площадью 1000 га, то в 2005 г., спустя год после вступления в ЕС, их осталось уже только 715[2], став на четверть меньше.

Статистика ЕС не приводит данных о процентном соотношении мультинациональных предприятий-гигантов, но номенклатура производства свидетельствует о том, что они начинают занимать существенный сегмент производственной сферы стран Вишеградской Европы, настойчиво тесня национальный сектор.

Сегодня уже с полным основанием можно говорить о том, что подтвердились сделанные в 2005 г. предсказания аналитиков Дойче банка[3] о том, что провал европейской Конституции на референдумах в Голландии и Франции, выразится в замедлении темпов конвергенции восточноевропейских стран. Первым показателем стало отдаление даты вступления этих стран в зону евро, хотя немецкие аналитики допускали и еще более тяжелые последствия, в частности то, что страны Восточной Европы и Прибалтики (или некоторые из них) могут так никогда и не перейти на евро.

---

[1] См.: http://epp.eurostat.ec.europa.eu.

[2] См.: там же.

[3] См.: Gazdasági válság fenyegeti Kelet-Európát? www.mno.hu 2005. április 12.

Западные инвесторы в середине 2000-х гг. начали изымать свои вложения из наиболее слабых экономик. Среди стран ВГ наиболее пострадала Венгрия. К тому же, процессу способствовал и глубокий экономический кризис, повлекший за собой в качестве мер преодоления кризиса повышение налогов с предпринимателей. В таких условиях западноевропейские и многие венгерские предприниматели перевели свои производства в соседнюю Словакию. Наиболее стабильно к 2007 г. себя чувствовала Польша, где правительство более тщательно подготовилось к вступлению в ЕС.

В целом же первые три года членства стран Вишеградской группы свидетельствовали о разбросе оценок от существенного разочарования до осторожного оптимизма. Причем оценки эти были одинаковы и со стороны 10-ти и со стороны 15-ти стран.

Во второй половине 2000-х гг. ЕС стал придирчивее к восточноевропейским странам, начал меньше им прощать и больше требовать. Так, была существенно снижена квота Польши на вылов рыбы, а Будапешту было предложено потрудиться над снижением бюджетного дефицита[1]. Одновременно ЕС отказал Венгрии и Словакии в выделении некоторых ранее обещанных грантов[2]. Все это свидетельствует о сужении возможностей, а не исключено, что и о спаде желания продолжать игру «в поддавки» с новыми членами ЕС.

Восточноевропейских экономических экспертов стал настораживать факт, что последние данные о торговле внутри Евросоюза показывали тенденцию к наращиванию товарообмена внутри восточноевропейского региона на фоне снижения объема товарооборота этих стран с государствами «старой Европы»[3]. Это можно воспринимать как свидетельство явного снижения интереса стран старой Европы к дальнейшему повышению уровня сотрудничества с новыми членами, как желание, по крайней мере на время, законсервировать эти отношения.

---

[1] Еврокомиссия решила наказать Польшу за превышение в 2007 г. 8000-тонной квоты на вылов рыбы. Чтобы сбалансировать квоты в рамках ЕС, в 2008 г. квота Польши была снижена на 800 т, и далее вплоть до 2011 г. ежегодно на 2400 т.

[2] В частности, весной 2008 г. Еврокомиссия отказала Венгрии в выделении ранее одобренного гранта в размере 9,5 млн евро из Фонда регионального развития на модернизацию процесса очистки нефти на заводе компании IBIDEN. Одновременно Еврокомиссия также отказалась выделить помощь в 2,9 млн евро словацкой компании Alas Slovakia. Кроме того, по решению Еврокомиссии, Словакия должна предстать перед Европейским судом справедливости по делу о возврате 13 млн евро, нелегально предоставленных заводу по производству спиртных напитков Frucona Kosice, и т.п.

[3] *Дрыночкин А.В.* Восточная Европа как новый элемент в глобальной рыночной системе. Выступление на заседании 5-го круглого стола обществоведов РАН и ВАН. Будапешт. 30 ноября 2007 года.

Возможно, отмеченные тенденции вызваны экономическими неуспехами восточноевропейских стран, которые в отчетах Еврокомиссии пришли на смену похвалам и поддержке действиям на подготовительном этапе. Так, по оценкам Еврокомиссии, в 2008 г. восточноевропейские страны продолжали удерживать первенство по росту себестоимости промышленного производства. Словакия и Словения соответственно с 2,4 и 1,4% возглавили общий список удорожания в производственной сфере. Только Чехия и Словакия в 2007 г. успешно справились с проблемой бюджетного дефицита. Венгрии и Польше предстояло и дальше работать над снижением государственного долга.

Но стали появляться и неоспоримые достижения. По опубликованным в апреле 2007 г. данным Экостата по итогам 2006 г., Словакия по росту ВВП существенно опередила даже страны старой Европы с показателем 3,3% (по сравнению со средним показателем по старой Европе в 2,9%). Неплохие результаты показали Польша и Чехия — соответственно рост в 2 и в 1,7%. По данным Европейского агентства, в феврале 2007 г. Польша вошла в число стран с лучшими показателями по ежемесячному росту промышленного производства, составившими 2,2%[1].

В январе 2008 г. произошло знаменательное для восточноевропейцев, да и для всего Евросоюза событие. Впервые пост председательствующего в Совете ЕС перешел к Словении — стране, вступившей в эту организацию в 2004 г. 31 декабря 2007 г. министр иностранных дел Португалии Луис Амадо в торжественной обстановке передал бразды правления Советом ЕС на предстоящие шесть месяцев своему словенскому коллеге Димитрию Рупелю.

В целом год начался с весьма приятных для стран Вишеградской Европы новостей о выделении им средств на развитие научных исследований, высокотехнологичных отраслей производства и ряда социальных программ[2].

В то же время Европейское агентство опубликовало данные, по которым две восточноевропейские страны — Польша с 8,5% и Словакия с 11%, по итогам 2007 г., имели наиболее высокий уровень безработицы среди стран ЕС. Чехия получила репутацию страны, где самыми мед-

---

[1] Причем рост в зоне ЕС-27 на 0,2% превысил рост в старой Европе (3,1% к 3,3%).

[2] Еврокомиссия одобрила выделение 30 млн евро на финансирование международного проекта по метеорологии и экосистеме Балтийского региона, в котором принимала участие и Польша. Одновременно «Польский нефтяной концерн» получил кредит в 300 млн евро от ЕИБ на производство полиэстера и промежуточных материалов для искусственной пищевой тары.

ленными темпами внедряется законодательство ЕС (в три раза медленнее, чем в целом по ЕС).

В январе 2008 г. начался процесс рассмотрения Европейской комиссией представленных странами — членами ЕС Программ стабилизации и конвергенции. Одной из первых оценке подверглась венгерская программа. Комиссия выразила обеспокоенность по поводу долгосрочной перспективы состояния дел в области государственных финансов в этой стране. Среди мер, предложенных Брюсселем Будапешту — снижение дефицита в 2008 г. с 6,2 до 4%. До 2010 г. эта цифра должна последовательно снижаться до 3,2% в 2009 г. и достичь в итоге, 2,7%. В то же время Комиссия отметила завышенную амбициозность плана, представленного на рассмотрение Комиссии ЕС и выразила сомнения в его выполнимости. Государственный долг Венгрии продолжал оставаться очень высоким — 65% от ВВП. Комиссия призвала венгерские власти продолжать реформы и усилить фискальные меры. Однако как этого достичь после прошедшего в Венгрии 9 марта 2008 г. референдума, на котором население высказалось против введения дополнительных сборов в здравоохранении и платы за обучение в высших учебных заведениях, оставалось под вопросом.

В конце января Комиссия рассмотрела аналогичный план, представленный Словакией. Словацкая программа показала расхождения с данными Комиссии ЕС. Так, если по подсчетам Братиславы дефицит в 2007 г. составил 2,5%, то в Брюсселе придерживались цифры 2,7%. В 2008 г. словаки собирались снизить дефицит до 2,3% на фоне роста ВВП до 6,8%. Тем не менее Комиссия предложила словакам еще туже затянуть пояс, чтобы сохранить намеченную тенденцию. Также предлагалось принять меры для исправления ситуации в сфере занятости.

В результате 19 июня 2008 г., по итогам проверки программы конвергенциии, Европейский совет дал зеленый свет введению в Словакии евро с 1 января 2009 г. Таким образом, Словакия стала 16-й страной еврозоны и второй страной Восточно-Центральной Европы в этом объединении. Одобрение Евросоюза проходило на фоне позитивных сдвигов в области занятости в этой стране. Ведь еще в марте Словакия была лидером по этому показателю среди стран с показателем — 9,8%. Польше удалось снизить уровень безработицы до 7,7%. В целом Еврокомиссия констатировала существенный рост занятости в странах Евросоюза. На этом фоне только Венгрия и Литва демонстрировали обратную тенденцию.

Весной комиссар ЕС по региональной политике Данута Хюбнер посетила Вишеградские страны, чтобы изучить ситуацию в области регионального развития и скорректировать программу ЕС по финанси-

рованию отстающих регионов. В апреле она подтвердила готовность ЕС и далее оказывать финансовую поддержку Чехии по 14-ти программам из Фонда европейского регионального развития и трем программам из Социального фонда. На программы, одобренные в конце 2007 г. и рассчитанные на период до 2013 г. планировалось выделить 29,6 млрд евро. Кроме того, в мае Еврокомиссия приняла решение на поддержку в 2008–2013 гг. государственной программы модернизации чешского железнодорожного транспорта и реформу его управления[1]. Еврокомиссия решила оказать поддержку словацкой программе развития экологичного транспорта и польской программе по созданию инфраструктуры аэропорта под Лодзью. В июне Еврокомиссия одобрила помощь в размере 87 млн евро для строительства аэропорта под Люблином, чтобы способствовать связи этого отдаленного региона с остальной Европой. Кроме того, Д. Хюбнер подтвердила готовность ЕС оказать помощь в размере 1,16 млрд евро (2007–2013) из структурного фонда люблинскому воеводству.

Майский пресс-релиз Еврокомиссии отметил, что Польша в период 2007–2014 гг. станет крупнейшим получателем инвестиций ЕС. Их размер превысит 67 млрд евро или пятую часть общей суммы в 347 млрд евро, выделенной на этот период всеми фондами ЕС на все страны. Столь оптимистичная инвестиционная перспектива была поддержана на политическом уровне президентом Франции Н. Саркози, который во время своего официального визита в Варшаву 28 мая 2008 г. подписал Соглашение о стратегическом партнерстве с Польшей, выделив, таким образом, Варшаву как одного из своих главных партнеров на европейской арене.

30 марта 2008 г. страны, вступившие в ЕС в 2004 г., сняли последние ограничения на пути вхождения в Шенгенскую зону. Это касалось ликвидации специального контроля для граждан ЕС в аэропортах этих государств.

Одновременно Вишеградские страны, продолжали привлекать к себе внимание всего Евросоюза своим отказом ратифицировать Лиссабонский договор. Это можно интерпретировать как симметричный ответ Вишеграда на демонстративный провал западными европейцами европейской Конституции после вступления Венгрии, Польши, Словакии и Чехии в ЕС. Летом 2008 г. стало очевидно, что на фоне упреждающего стремления ратифицировать документ, проде-

[1] Ранее Еврокомиссия одобрила кредит в 30 млн евро для компании «Чешски дроги» на обновление железнодорожного парка страны.

монстрированного Венгрией, Польша и Чехия фактически бойкотировали конституционный договор.

В Чехии после серьезного раскола в парламенте пришлось призвать на помощь Конституционный суд страны. Дело в том, что некоторые положения чешской Конституции расходились с принципами Лиссабонского договора и, как настаивали изначально парламентарии, оба документа следовало привести в соответствие с договором. Однако поскольку поправки в Лиссабонский договор уже невозможны, то в таком случае следовало бы провести голосование по поправкам в Основной закон Чешской Республики, а уже после заниматься общеевропейским документом. Сохранил свой скептицизм по поводу Лиссабонского договора и чешский президент Вацлав Клаус. Анонсируя намеченный на осень визит в Ирландию, он назвал Лиссабонский договор ошибкой Европы, несущей в себе неизбежное зло. Тем не менее премьер-министр Мирек Тополанек выступил с заявлением, что Лиссабонский договор не несет в себе принципиальных расхождений с чешской Конституцией и призвал парламентариев проголосовать «за» ратификацию документа. И все же точку в этом споре должен был поставить Конституционный суд.

Польский президент Лех Качиньский, мотивируя свое решение не подписывать документ, уже ратифицированный Сеймом страны и поддержанный премьером Дональдом Туском, указал на утрату всякого смысла Лиссабонским договором после ирландского «нет». В одном из своих выступлений он даже обещал подписать документ после переголосования в Ирландии: в таком случае Польша не станет препятствовать европейскому единству. Попытку изменить позицию польского лидера предпринял президент Франции Николя Саркози, указавший на то, что не видит никакой логики в том, что один и тот же человек поставил свою подпись под договором в Брюсселе и Лиссабоне, а теперь отказывается сделать то же самое в Варшаве.

Что касается экономического аспекта адаптации восточноевропейских стран, то здесь следует выделить несколько проектов, поддержанных Брюсселем в 2008–2009 гг. Венгрии первой среди восточноевропейских стран осенью 2008 г. был предоставлен антикризисный пакет помощи в виде займов ЕС, МВФ и Всемирного банка на сумму 20 млрд евро[1]. Целью было поддержание национальной валюты, которая в октябре 2008 г. обесценилась на 10%, а также стабилизация снижения бюджетного дефицита, который в 2006 г. достиг рекордной цифры в 9,2%. В 2008 г. Венгрия к тому же вошла в число государств

[1] 6,5 млрд евро выделил ЕС, 12,5 млрд добавил МВФ и 1 млрд Всемирный банк.

с наибольшей задолженностью по внутреннему долгу, достигшей 65% ВВП, и заняла четвертое место по этому показателю в Евросоюзе после Италии, Греции и Бельгии. На одно из первых мест вышла поддержка объектов транспортной инфрастуктуры в Вишеградских странах. Так, Еврокомиссия одобрила выделение кредита в размере 11,5 млн евро на модернизацию аэропорта в чешской Остраве и правительственный план модернизации железнодорожной сети, на который из фондов ЕС выделялось 40 млн евро, что составило 85% всей необходимой суммы. Польша получила два кредита: в 600 млн на развитие науки и технологий и в 400 млн на совершенствование железнодорожного сообщения. Кроме того, Еврокомиссия решила пойти на уступки в сроках деконцентрации приватизационного пакета польских судостроительных заводов. Также Еврокомиссия подтвердила намерение участвовать в обновлении польского пассажирского, в частности автобусного, парка. Европейский инвестиционный банк принял решение о кредитной поддержке венгерской государственной программы в области развития науки и инновационных технологий. Кроме того, Еврокомиссия поддержала две правительственные антикризисные программы в этой стране, направленные на рекапитализацию и гарантии по банковским депозитам. Было одобрено и выделение кредита в 150 млн евро на модернизацию венгерских железных дорог.

К концу 2008 г. главной проблемой ЕС стал представший во всей своей полноте экономический кризис. Помимо проблем исполнения бюджета и обязательств перед кандидатами и соседями, он обострил ряд уже имевшихся проблем внутреннего единства Евросоюза. Одной из таких проблем стал так и не ратифицированный Лиссабонский договор, а другой, относящейся непосредственно к анализируемому региону, — отсутствие среди членов Сообщества единства по косовскому вопросу. К тому же проблема конституционного договора обозначилась с новой силой в декабре, когда наступил момент реальной передачи полномочий председателя — Чехии, стране, не ратифицировавшей документ и не спешащей с данной акцией. Руководство этой страны «успокоило» европейцев, что возобновит парламентские дебаты по ратификации Лиссабонского договора после 3 февраля 2009 г.

Важным событием в жизни Вишеградской Европы стало начавшееся 1 января 2009 г. председательство в Совете ЕС Чехии. После Словении известная своим устойчивым евроскептицизмом Чехия стала второй восточноевропейской страной, которой было доверено руководство ЕС. К тому же к моменту принятия полномочий Чехия оставалась одной из трех стран так и не ратифицировавших Лиссабонский договор. Чешскому руководству с самых первых дней января

достались для урегулирования две такие серьезные проблемы, как конфликт по поводу поставок российского природного газа через территорию Украины и активизация военного противостояния на Ближнем Востоке, в секторе Газа. Чешский премьер Мирек Тополанек иронично назвал две выпавшие на его руководство проблемы «двумя газовыми проблемами».

Помимо этих двух проблем, требующих неотложных усилий, Чехии пришлось также возглавить обсуждение по основным направлениям борьбы с кризисом, по проблемам расширения Евросоюза и заняться подготовкой встречи по поводу нового этапа политики соседства ЕС, названной Восточным партнерством. К тому же на повестке дня осталась проблема ратификации Лиссабонского договора, до сих пор не решенная в самой Чехии. На председательство Чехии выпали и сразу несколько юбилейных дат: пятилетие расширения Европейского союза на Восток, 20-летие восточноевропейских революций и 10-летие евро.

Что касается первого направления, а именно изменений, внесенных кризисом в конвергенционные программы, то здесь бросается в глаза, что в списке помощи, утвержденной Еврокомиссией, с начала января превалировали страны Западной Европы. Мирек Тополанек не раз предупреждал об угрозе протекционизма со стороны стран — основателей ЕС и даже вступил в полемику с президентом Франции из стремления воспрепятствовать передислокации французского автомобилестроительного производства из Восточной Европы во Францию. На заседании 27 февраля 2009 г., представители ЕИБ, ЕБРР и Всемирного банка приняли решение о выделении 24,5 млрд евро на поддержание банковской сферы Восточноевропейского региона. Такое решение было объяснено «растущим пониманием ответственности за данный регион и просто экономической выгодой»[1].

Пятилетию «восточного расширения» ЕС, которое выпало на председательство Чехии, было посвящено несколько аналитических обзоров и мероприятий. По оценкам Еврокомиссии, обе волны расширения 2004 и 2007 гг. были успешными как для Западной, так и для Восточной Европы. Прежде всего, конечно, эффект отразился в расширении западного рынка. Среди реальных результатов Еврокомиссия отметила рост ВВП новых стран, возросший с 40% от среднего уровня западных стран до 52% в 2008 г. В докладе отмечался также структурный сдвиг в экономиках 12 стран в сторону модернизации и роста эффективности[2]. Не отказываясь от ряда решений, которые, по мнению Еврокомиссии, можно назвать жертвенными, эти страны использова-

---

[1] Bulletin Quotidien Europe. No 9850. 28.02.09.

[2] См.: Bulletin Quotidien Europe. No 9844. 20.02.09.

ли возможности новых инвестиций для расширения своего рынка труда. Миграция из стран Восточной Европы на Запад вопреки опасениям, не оказалась столь критичной для западной экономики, как предполагалось ранее. Наоборот, она создала проблемы в ряде новых государств, выразившиеся в снижении числа высококвалифицированных специалистов.

На состоявшемся 20 февраля 2009 г. минисаммите стран Европейского союза, посвященного предварительным итогам пяти лет восточной волны расширения, было высказано мнение, что главным итогом для Восточной Европы явилось повышение жизненного уровня, а для западной — расширение рынка и инвестиционных возможностей[1]. Процесс расширения, говорилось в резюме саммита, позволил «заякорить» демократию и упрочить европейскую безопасность, повысив тем самым глобальную роль Евросоюза. Однако одновременно было подчеркнуто и то, что кризис больнее всего ударил именно по экономикам стран Восточно-Центральной Европы, поставив многие из них на грань банкротства. Чтобы избежать этого, Евросоюз намеревался предпринять дальнейшие усилия по поддержке восточноевропейских экономик. Так, в 2009 г. из структурных фондов на нужды региона планировалось выделить 7 млрд евро. Взнос ЕИБ должен был составить 11,5 млрд. Это сверх сумм, ранее уже выделенных для поддержания финансовой сферы и экономики Венгрии и Латвии. При этом еврокомиссар по финансовым и экономическим вопросам Ж. Алумния подчеркнул, что вероятно, эти меры не станут последними. Ж.М. Баррозо опять усомнился в эффективности фрагментированного либо регионального подхода к лечению проблем этих стран. Преобладающим, по его мнению, должен быть подход в интересах ЕС.

На прошедшем в Брюсселе 1 марта 2009 г. неформальном саммите Совета ЕС премьер-министр Венгрии Ференц Дюрчань попытался выступить в качестве рупора Вишеградских государств, озвучив в том числе и предложение о досрочном принятии этих стран в зону евро, что позволило бы им избежать стремительного обесценивания национальных платежных средств. Однако это предложение было встречено в штыки Миреком Тополанеком, заявившим, что Восточноевропейский регион, по его мнению, не является особым регионом ЕС. Эта позиция была поддержана эстонским премьером Андрусом Ансипом, высказавшим опасения о возможности воссоздания нового Восточного блока. В то же время премьер-министр Венгрии Ференц Дюрчань, получив поддержку польского коллеги Дональда Туска, выступившего за обще-

[1] См.: Bulletin Quotidien Europe. No 9845. 21.02.09.

европейскую солидарность, предостерег от усиления на фоне кризиса протекционистских мер со стороны «Европы 12-ти» и строительства нового «железного занавеса», разделяющего Европу на две половины.

Тем не менее просьба принять страны Восточной Европы в зону евро досрочно, была отвергнута со ссылками на то, что Маастрихтские критерии все же остаются важной и незыблемой частью интеграционной политики Евросоюза. Похоже, что из пополнивших ЕС в 2004 г. государств, Словения и Словакия еще достаточно долго останутся единственными восточноевропейскими странами, перешедшими на евро. Хотя переходу Словакии на евро с 1 января 2009 г. уже сопутствовал значительный подъем цен, отразившийся в наплыве покупателей из Словакии в приграничные районы Венгрии. На этом фоне Польша заявила о планах вступления в зону евро в 2012 г., а Чехия не раньше 2013 г.

Ситуация, когда одни страны ЕС входят в еврозону, а другие нет, по признанию Ж.М. Баррозо, существенно затрудняет поиск общих решений по преодолению кризиса. Тем не менее он призвал в отсутствие дифференцированной стратегии продолжать работу в первую очередь над текущими проблемами, не забывая о средне- и долгосрочной перспективах. Вопреки призыву президента Всемирного банка Роберта Зеллика выработать единую программу помощи восточно-центральноевропейским государствам, Ж. Алумния предложил дифференцированный подход к каждой стране и каждому конкретному случаю, зависящий от уровня интегрированности страны в Общий рынок.

Парируя на прошедшем 1 марта саммите призывы восточноевропейских лидеров к повышению уровня солидарности перед лицом кризиса, Ж.М. Баррозо высказал мнение, что солидарность в рамках ЕС имеет свои пределы. И Евросоюз не может отойти от критериев при приеме в зону евро, как бы тяжела не была ситуация в ряде стран Евросоюза. Сами страны-претенденты должны понимать, заявил он, что дестабилизация еврозоны и утрата доверия к ней, не служит интересам ЕС в целом.

Вместе с тем многие участники и эксперты назвали эту встречу контрпродуктивной. По мнению Секретаря Палаты депутатов Арнальдо Амбруццини, антипротекционистская риторика должна была бы найти свое отражение в практических шагах, а обещания помощи странам Восточно-Центральной Европы должны носить характер скоординированной политики, а не попыток лечить каждый отдельный случай. В целом он назвал прошедший саммит очередным политическим шоу на фоне драматической экономической ситуации[1].

---

[1] См.: Bulletin Quotidien Europe. No 9852. 03.03.09.

Статистические данные, опубликованные Еврокомиссией, между тем продолжали свидетельствовать о том, что 20 беднейших регионов Евросоюза расположены именно в восточной его части: в Болгарии, Венгрии, Польше и Румынии. Среди наиболее благополучных регионов Европы, с ВВП на уровне 125% от среднеевропейского, представлены лишь два восточноевропейских региона: один чешский и один словацкий.

На проходившей в Праге 2 марта 2009 г. конференции «Расширение ЕС: 5 лет», организованной председательствующей Чехией, были особо подчеркнуты три позиции, которые, по мнению участников, можно считать положительным результатом расширения. Первое — это финансовая стабильность на микроуровне. Второе — расширение внутреннего рынка ЕС. Третье — мобильность рабочей силы. По данным Евростата, импорт из «стран 15-ти» в «страны 10-ти» за 5 лет вырос более чем в два раза, с 121,17 до 268,93 млрд евро в 2008 г. И это, по мнению участников конференции, уже само по себе является позитивным результатом восточного расширения. За тот же период среднестатистический ВВП стран Западной Европы увеличивался на 0,5% в год, а стран Восточной Европы на 1,75% в год. Кроме того, как иронично заметил вице-премьер чешского правительства Александр Вондра, угроза со стороны польского сантехника осталась нереализованной, поскольку прилив рабочих из третьих стран на рынках большинства западноевропейских стран превышает миграцию из восточноевропейских стран — членов ЕС.

На проходивших 24 марта в Парламенте ЕС дебатах по поводу региональной политики, было высказано мнение, что в условиях кризиса на региональную политику, т.е. на ее конвергенционную сторону, ложится новая ответственность во избежание роста дифференциации и асимметрии в развитии европейских регионов.

Внутриполитический кризис, вызванный заменой председательствовавшего в ЕС премьер-министра Чехии Мирека Тополанека его соотечественником Яном Фишером, оставил незначительный след в истории Евросоюза и гораздо меньше повлиял на конвергенционные программы ЕС, нежели реальные экономические трудности, обострившиеся весной–летом 2009 г. Неудачным стечением обстоятельств можно считать и то, что именно на этот период выпало наибольшее количество ранее запланированных праздничных мероприятий, посвященных пятилетию восточного расширения ЕС и 20-летию восточноевропейских революций. Поэтому интрига, возникшая вокруг фигуры председателя Совета ЕС, стала своего рода реальным отражением общей неустойчивости мнений по поводу оценки прогресса,

достигнутого восточноевропейскими странами после тех знаковых событий.

В дни, когда ЕС отмечал пятилетие расширения на восток, статистические службы сообщили неутешительные данные по поводу уровня жизни в странах «новой» и «старой» Европы. Самый низкий уровень жизни, измеряемый способностью семей к непредвиденным тратам, а также обеспеченностью техническими средствами, такими как автотранспорт, компьютер и т.д. по данным Европейского агентства[1] наблюдался в Румынии. Здесь примерно половина населения не могла позволить себе потратить деньги на отдых или незапланированные приобретения, а также на покупку автомобиля или компьютера. В то же время в Польше эта доля составила примерно 20%, в Венгрии — 24%. Лучше всего дела обстояли в Словении, где лишь 3% населения не имели личного автотранспорта. В странах «новой Европы» на социальные программы тратится в два с лишним раза меньше средств, чем в странах «старой Европы».

По прогнозам еврокомиссара по экономическим и финансовым вопросам Ж. Алумнии, 2009–2010 гг. должны были стать наиболее трудными для государств Прибалтики[2] и для Венгрии, где этот показатель может достичь 6,3%. Польша, Словакия, Словения и Чехия, по прогнозам Ж. Алумнии, должны были пережить кризис с наименьшими потерями.

Спасение экономик и в первую очередь — финансовой системы восточноевропейских и Прибалтийских стран стало главной задачей Европейской комиссии в середине 2009 г. Так, в апреле были рассмотрены программы кредитования латвийских, венгерских и словацких компаний. План бюджета на 2010 г. впервые со времени принятия новых 12 стран, предусмотрел выделение им большей части средств из структурных фондов ЕС — порядка 52%. В то время как в 2008 г. этот показатель равнялся 48%[3]. В 2010 г. новички также получат 19% помощи из фонда поддержки сельского хозяйства, т.е. на 1% больше, чем в 2009 г., и на 3% больше, чем в 2008 г.

В конце мая Европейский инвестиционный банк и Erste Group Bank AG подписали соглашение о предоставлении кредита в размере 440 млн евро для поддержки малых и средних предприятий в Восточно-Центральной Европе. В конце июня Еврокомиссия рекомендовала Литве, Польше, Румынии, а также Венгрии принять меры по преодо-

---

[1] См.: Bulletin Quotidien Europe. No 9912. 03.06.09.

[2] Рецессия в Латвии, по его расчетам, в 2009 г. составит 13,1%, в Литве — 11 и в Эстонии — 10,3%.

[3] См.: Bulletin Quotidien Europe. No 9892. 30.04.09.

лению бюджетного дефицита. Ожидается, что Литва, Венгрия и Румыния должны справиться с проблемой к 2011 г., Польша — к 2012 г.

В то же время Комиссия по региональным делам, анализируя тенденцию, складывающуюся в «новых странах» настойчиво рекомендовала им не прибегать к ренационализации.

Что касается конвергенции в сфере сельского хозяйства, то Евросоюз счел необходимым напомнить странам, вступившим в 2004 г., о нарушении ими условий, по которым они не должны были реализовывать в 2004 г. продукцию свыше установленной ЕС квоты. Тем не менее долго тянувшийся процесс разбирательства так и не привел к наложению на эти страны долго обещавшихся компенсационных обязательств. Это выглядело логичным на фоне опубликованного Еврокомиссией списка наиболее активных получателей грантов из фонда Общей сельскохозяйственной политики. Из стран Восточной Европы и Прибалтики в нем присутствовала одна лишь промышленная Чехия и то лишь в третьем десятке. Как следует из отчета, ЕС счел необходимым поддержать чешскую программу производства сахара.

Отказав странам «новой Европы» в досрочном приеме в зону евро, Еврокомиссия продолжила оценивать шансы кандидатов. Так, она усомнилась в том, что Польша сможет стать членом еврозоны с 1 января 2012 г. Дело в том, что в связи с кризисом, Польша начала постепенно растрачивать накопленный потенциал и энергию в докризисный период, позволившие ей максимально быстро, вслед за Словенией и Словакией, приблизиться к необходимым экономическим критериям.

Главным направлением поддержки экономического развития стран Восточной Европы и Прибалтики оставались вложения в транспортную инфраструктуру этих стран и инвестиции в дорожное строительство с перспективой выхода к восточным границам расширенного ЕС.

В июне 2009 г. завершилось весьма озаботившее ЕС внутриполитическим кризисом председательство Чехии. Передавая полномочия шведскому коллеге, премьер-министр Чехии Ян Фишер заявил, что в целом считает итоги руководства Чехии позитивными. Уход с поста председателя Мирека Тополанека и внутриполитические проблемы, по его мнению, были весьма некстати, однако не нанесли ущерба осуществлению целей Сообщества. «Мы все вместе лояльно и эффективно работали над разрешением общих проблем» констатировал Ян Фишер[1].

В начале 2009 г. чешское руководство эффективно способствовало разрешению проблемы с поставками российского газа через террито-

[1] Brussels, 15/07/2009 (Agence Europe).

рию Украины и завершило «газовую тему» подписанием соглашения по альтернативному газопроводу «Набукко». Многие отметили несомненный успех чешского руководства в борьбе с возродившимися на фоне кризиса явлениями протекционизма со стороны «старых» членов ЕС. Было немало и критики, исходящей преимущественно от представителей Германии. Одни винили чешского премьера Тополанека в медлительности по разрешению кризиса с поставками газа в Европу в январе. Другие упрекали в несогласованности ряда высказываний по поводу январского же конфликта в секторе Газа. Представитель «зеленых» Ребекка Хармс, в частности, обвинила чешское руководство в том, что оно не справилось, по ее мнению, с «программой перезагрузки» и с урегулированием финансового рынка[1].

В июне 2009 г. прошли выборы в Европейский парламент. В ряде случаев они совпали с национальными выборами разного уровня, также внесшими немалые изменения в образ современной Европы. В частности, активность избирателей стала для восточноевропейских стран лакмусовой бумажкой изменений, происшедших в восприятии ЕС, за пять лет членства. В целом явка избирателей в странах, пополнивших ЕС после 2004 г., оказалась значительно ниже, чем в Западноевропейском регионе. В выборах приняло участие менее трети граждан этих стран, имеющих право голоса. Самый слабый интерес к выборам в Европарламент был зарегистрирован в Словакии и Литве.

Однако главным событием стало избрание поляка на пост Председателя Европейского парламента. На ближайшие два с половиной года лицом Парламента ЕС станет Ежи Бузек, бывший премьер-министр Польши, представитель фракции Европейской народной партии. В своей инаугурационной речи Ежи Бузек оценил свое избрание как признание вклада, который внесли страны Восточной Европы в строительство единой Европы.

Можно считать, что избрание Ежи Бузека стало очередным символическим жестом, которым европейские политики отметили знаковые для объединения Европы события.

На совместных с региональной комиссией ЕС празднованиях по поводу 20-летия со дня первых свободных парламентских выборов в Польше, состоявшихся 23 июня в Щецине, первый премьер-министр этой страны Тадеуш Мазовецкий заявил об огромной роли Комиссии регионов ЕС в деле трансформации сознания восточных европейцев от восприятия Евросоюза как «они» к восприятию в качестве «мы».

В августе 2009 г. в ЕС отметили 20-летие прорыва венгеро-австрийской границы, через которую за одну ночь на Запад ушли

[1] Brussels, 15/07/2009 (Agence Europe).

сотни немцев ГДР. Именно это событие многие политики склонны считать началом падения Берлинской стены и объединения Европы. По этому случаю лидеры нескольких европейских государств собрались 19 августа 2009 г. в венгерском городе Шопроне.

Собственно, события разной значимости, но имевшие отношение к 20-летию смены системы, в Восточной Европе отмечали уже как минимум два года. Тем не менее, что касается экономической и социальной ситуации, изменившейся за два десятилетия, то здесь не было особых поводов для празднования. Ведь в ряде стран (из вишеградских это касается Венгрии) не глобальный экономический кризис стал причиной резко ухудшившейся экономической ситуации, а как раз сочетание некритического подхода к процессу конвергенции, помноженного на внутренние политико-правовые и морально-этические проблемы.

Из всех постсоциалистических стран к лету 2009 г. лишь в Польше было отмечено оживление торговли и инвестиционной деятельности. В первых числах июля ЕИБ принял решение о дополнительном выделении кредита в 1 млрд евро Польше на продолжение строительства на ее территории отрезка магистрали Берлин–Варшава. Такая же сумма была выделена на поддержание развития стратегически важных объектов в чешском Оломоуце. В июле Еврокомиссия подтвердила намерения поддержки финансирования из структурных фондов строительства интермодальных коммуникаций, центров логистики и контейнерных терминалов на территории Польши и Венгрии. Так, Польша на эти цели до конца 2015 г. получит 111 млн евро. Еще полмиллиарда евро Польша получит на модернизацию пяти региональных аэропортов и строительство пяти новых. Венгрия получит около 60 млн евро на совершенствование наземных транспортных систем и стыковочных узлов[1]. Кроме того, Еврокомиссия решила оказать поддержку венгерской системе кредитования жилья, чтобы сдержать стремительный рост числа бездомных в этой стране[2].

Одновременно Еврокомиссия одобрила меры венгерского правительства по поддержке филиала компании «Мерседес Бенц» и действия польского правительства по поддержке предприятий, занятых в сфере энергетики.

В июле Еврокомиссия, наконец, поставила точку в деле Гданьской судоверфи, которое тянулось с 2005 г. Комиссия признала правомерным использование 251 млн евро после того, как новый собственник верфи — Украинская промышленная группа ISD представила свой план модернизации и сокращения производства на этой судоверфи.

---

[1] См.: Brussels, 14/07/2009 (Agence Europe).

[2] См.: Brussels, 15/07/2009 (Agence Europe).

В сентябре Еврокомиссия объявила о спаде связанной с кризисом рецессии. В восточной части Европы с наилучшими показателями из кризиса вышла Польша. Несмотря на то что инфляция оставалась на уровне 3,8%, Польша оказалась единственной страной ЕС с хотя и небольшим, но все же приростом годового ВВП (1%)[1]. На этом фоне спад промышленного производства в Польше на 4,5% не вызвал особого беспокойства.

Из опубликованного в сентябре отчета Еврокомиссии о расходовании бюджетных средств в 2008 г. следовало, что доля стран, принятых после 2004 г., выросла с 12% в 2007 г. до 19% в 2008 г.. Причем из 19,7 млрд евро 7,6 млрд получила Польша. Она же стала и крупнейшим среди 12 новых стран получателем помощи для сельского хозяйства (около 5 млрд евро или 13% от всех сумм, выделенных на эти цели ЕС)[2].

Осенью 2009 г. наряду с проблемой преодоления экономического кризиса на первый план вышла проблема завершения процесса ратификации Лиссабонского договора, под которым для начала воплощения его в жизнь не хватало подписей руководства двух восточноевропейских государств — Польши и Чехии. Оба государства выдвинули свои условия, с принятием которых должны были согласиться остальные 25 членов. И если президент Польши Л. Качиньский дал понять Брюсселю, что подпишет документ после переголосования в Ирландии: иначе его подпись не будет иметь никакого смысла, то президент Чехии Вацлав Клаус на самом последнем этапе (когда было достигнуто согласие Конституционного суда Чехии) потребовал внесения в договор дополнений, исключающих возможность применения в отношении его страны положений Европейской хартии по правам человека касательно послевоенных декретов Бенеша.

Лех Качиньский, президент Польши, 10 октября поставил подпись под документом, в который были, по аналогии с требованиями англичан, также внесены поправки. Правка Вацлава Клауса поставила под угрозу все лиссабонское предприятие. Дело в том, что аналогичную поправку к словацкому протоколу, потребовал внести и словацкий премьер Роберт Фицо. Министр иностранных дел Словакии Мирослав Лайчак заявил 26 октября на встрече министров иностранных дел ЕС, что, несмотря на то что Словакия уже ратифицировала Договор, его страна хотела бы внести в него те же поправки, на которых настаивает Чехия. Протест высказала Венгрия, кстати, первой ратицифицировавшая общеевропейский документ и которой теперь непосредственно касались поправки, вносимые чешской и словацкой сторонами. Дело

[1] См.: Brussels, 14/09/2009 (Agence Europe).

[2] См.: Brussels, 22/09/2009 (Agence Europe).

в том, что вопрос компенсаций для лиц, экстрадированных из послевоенной Чехословакии и лишенных своего имущества, был поднят венгерским руководством еще в конце 1990-х гг. Однако стремление «быть первой» во всем, что касается сближения с ЕС, не позволило венгерским политикам, принимавшим решение в 2008 г. задуматься над возможностью закрепить свой национальный интерес в подписываемом документе. Таким образом, «чешская сага», как назвал ее шведский министр иностранных дел Карл Бильдт, грозила окончательно разбить все надежды европейцев на переход интеграции в новое качество.

Тем не менее дипломатам ЕС удалось убедить словаков в том, что внесенная Чехией поправка распространяется и на их требование, а венгерскую делегацию, наряду с другими усомнившимися в приемлемости чешских требований, удалось уговорить не поднимать шума. Таким образом, 3 ноября 2009 г. президент Чехии Вацлав Клаус поставил под документом последнюю подпись, недостающую для вступления в силу Лиссабонского договора. И все же большинство обозревателей назвали это лишь временной победой. Было бы наивно и неконструктивно закрыть глаза на проявившиеся серьезные противоречия[1] — написали на следующий день комментаторы.

Само явление, осложнившее вступление в действие Лиссабонского договора на самом последнем этапе, можно назвать отголоском версальских соглашений, свидетельством нерешаемости межнациональных противоречий в Европейском союзе. Ярким свидетельством этому стал ответ ЕС на официальную жалобу Венгрии в Европейскую комиссию справедливости, поступившую после того, как 21 августа 2009 г. словацкая сторона запретила президенту Венгрии Ласло Шойому проход на словацкую территорию для участия в венгерском национальном празднике, устроенном в одном из венгерских населенных пунктов. Жак Барро, Верховный комиссар по делам справедливости, свободы и безопасности, заявил, что это «исключительно двусторонняя проблема венгров и словаков»[2] и никаким образом не касается проблемы свободы передвижения внутри Европейского союза. Кроме того, представитель Комиссии Мишель Серконе заявила, что каждое государство имеет право на ограничение передвижения лиц, если это несет угрозу национальной безопасности[3]. Одновременно, комиссар по вопросам прав человека Томас Хаммамберг счел возможным осудить Венгрию за недостаточную работу по интеграции в общество цыганского национального меньшинства. Здесь следует отметить, что

---

[1] См.: Bulletin Quotidien Europe. № 10012. 5.11.09.

[2] Bulletin Quotidien Europe. № 9998. 15.10.09.

[3] См.: Bulletin Quotidien Europe. № 10018. 13.11.09.

проблемы насилия с обеих сторон постоянно будоражат венгерское общество, однако меры Евросоюза здесь явно недостаточны. Не исключено, что у Еврокомиссии существует свое собственное представление о венгерских цыганах, отличное от реального.

В конце октября 2009 г. Ги Верховштадт внес на повестку дня Парламента ЕС вопрос о скоординированной помощи странам Восточно-Центральной Европы для вывода их из кризиса. Среди предложенных мер — особые кредитные предложения для стран, не вошедших в зону евро, которые могли бы быть с учетом этого обстоятельства оказаны Европейским кредитным банком. Далее — более благоприятные условия предоставления займов для предприятий среднего и малого бизнеса в этих странах со стороны Европейского инвестиционного банка. И наконец, предоставление более широкого доступа к фондам ЕС при уменьшении софинансирования со стороны восточноевропейских стран. При этом все участники дискуссии подчеркивали, что не должно быть уступок по досрочному принятию этих стран в зону евро при снижении планки Копенгагенских критериев[1].

11 ноября в Парламенте ЕС прошла специальная сессия, посвященная 20-летию падения Берлинской стены на которой главной фигурой был бывший чешский президент Вацлав Гавел[2]. Среди главных итогов революционной волны, свергнувшей коммунистические режимы в странах Восточной Европы, Гавел назвал исчезновение разделения континента на две части. Не преминул он отметить и то, что не все проблемы оказались решенными, а главной причиной назвал, то, что демократический процесс требует гораздо больше времени и подготовленности, чем ему было отпущено тогда, 20 лет назад.

В октябре Европейский инвестиционный банк, Европейский банк реконструкции и развития вместе с Всемирным банком призвали к дальнейшей координации действий по помощи в преодолении кризиса странам Восточно-Центральной Европы[3]. К концу сентября 2009 г. эта помощь составила 16,3 млрд евро. На поддержку крупных банков Восточно-Центральной Европы в 2009–2010 гг. в целом было запланировано выделить 24,5 млрд евро[4].

Еврокомиссия утвердила государственную поддержку в 500 млн евро, запрошенную Польшей на поддержку слабо развитых регионов страны. Кроме того, Польша получила 1,5 млн евро на цели продвижения своей мясной продукции за пределы рынка ЕС. Еврокомиссия

---

[1] См.: Bulletin Quotidien Europe. No 10006. 27.100.09.

[2] См.: Bulletin Quotidien Europe. No 10017. 12.11.09.

[3] См.: Bulletin Quotidien Europe. No 9995. 10.10.09.

[4] Ibidem.

также поддержала заем для Польши в размере 10 млн евро на модернизацию фармацевтического предприятия ПОЛЬФА. Еще 500 млн евро Польша получит от ЕИБ на дорожное строительство, в частности на модернизацию магистрали Варшава — Берлин.

Европейский инвестиционный банк принял решение о соинвестировании в размере 76 млн евро поддержанных структурными фондами ЕС проектов по совершенствованию инфраструктуры Южно-моравского региона Чехии до 2013 г. Кроме того, банк обещал 73 млн евро на развитие города Пльзень в Западной Богемии.

Экономическая ситуация в странах Вышеградской группы не отличалась постоянством тенденции. Если в целом по ЕС доходы в сельском хозяйстве в расчете на одного труженика снизились в 2009 г. на 12,2%, то самой пострадавшей опять-таки стала восточноевропейская страна — на этот раз Венгрия, где эта цифра составила 35,6%. Можно говорить о практически полном разрушении сельского хозяйств этой некогда ставившейся всему социалистическому пространству в пример страны. В Чехословакии доходы тружеников села упали на 24,1%, что стало также одним из наиболее высоких показателей в масштабах ЕС.

И все же 2010 год на фоне всего Евросоюза, и тем более Греции, Болгарии, Румынии, Латвии, Литвы и Эстонии, страны Вишеградской Европы вступили с неплохими показателями. Здесь наблюдался достаточно весомый прирост ВВП[1]. Чехия в апреле 2010 г. даже заявила о готовности выделить 1 млрд евро МВФ в целях увеличения его кредитоспособности[2]. Венгрии, благодаря пакету помощи, полученному от ЕС, МВФ и Всемирного банка удалось снять опасную ситуацию вокруг дефицита бюджета. Хотя, по требованию ЕС венгерскому правительству в 2010 г. предстояло снизить государственный долг с цифры в 80% ВВП до 73%. Словакия продолжила свое присутствие среди стран Евросоюза, отличавшихся относительно стабильным развитием на фоне экономического кризиса. А Польша, в предыдущем году продемонстрировавшая самый высокий экономический рост в ЕС[3], в целом сохранила темп развития. Правда, во многом достижению такой ситуации способствовала интенсивная помощь и кредиты ЕС.

---

[1] В 2009 г. самый высокий ВВП на душу населения среди новых стран наблюдался в Чехии, Словении и Словакии (от 10 до 30% ниже среднего уровня 27-ми стран), в Венгрии, Эстонии, Польше и Литве — от 30 до 50% ниже уровня 27-ми, наконец, в Латвии, Румынии и Болгарии всего 50–60% ниже среднего по ЕС уровня (Bulletin Quotidien Europe. No 10164. 22.06.10).

[2] Напомним, что кредиторами МВФ являются 11 стран ЕС.

[3] Польша отличилась в 2009 г. самым высоким экономическим ростом среди семи крупнейших стран ЕС, измеряемым в 2,5%. Ближайшие к ней Германия и Франция закончили год с показателем всего лишь в 1,2%. Рост промышленного производства в 2009 г. составил 7,3%.

Уже в самом начале 2010 г. Польша получила второй по величине после Испании пакет кредитной помощи в размере 4,6 млрд евро[1].

Неплохим результатом конвергенционного развития за предыдущие годы можно считать и то, что по анализу инновационного развития Чехия, Словакия, Венгрия и Польша были признаны «умеренными инноваторами» наряду с такими странами, как Испания и Италия. Вишеградскую Европу по этому показателю из бывших соцстран опередили лишь Словения и Эстония. Остальные страны вошли в группу отстающих. В свою очередь, страны региона призвали Европейский союз отказаться от принципа «историзма» при распределении сельскохозяйственных субсидий в пользу принципа «солидарности», что, по их мнению, необходимо для скорейшей интеграции внутреннего рынка ЕС. Кроме того, Польша продолжила отстаивать права своих компаний, попавших под дискриминацию в Германии. Жалоба Польши в Европейский суд была поддержана Еврокомиссией.

Началась в Евросоюзе и подготовка к 2011 г., когда председательство в Еврокомиссии перейдет сначала к Венгрии, а затем к Польше. Венгрии предстоит открыть программу развития Дунайского региона до 2015 г. Кроме того, на плечи страны, и без того имеющей множество экономических проблем, лягут трудности подготовки к первому обсуждению общего бюджета Сообщества на 2013–2020 гг. Список задач Польши на время ее председательства состоит из разрешения проблемы энергопоставок, совершенствования экономических механизмов управления, консолидации внутреннего рынка ЕС, развития программы Восточного партнерства и общей стратегии Общей внешней политики и безопасности. Польше также предстоит открыть и следующий этап по согласованию нового бюджета Сообщества.

В рамках подготовки к председательству Венгрии 16 февраля 2010 г. в Вене на встрече министров иностранных дел были приняты Декларация и План управления Дунайским бассейном. Центральной задачей Плана является улучшение экологии Дуная и его притоков, а также региона в целом. Планом также предусматривается совершенствование судоходства, социально-экономического развития региона и управления им. Одновременно было одобрено выделение 95 млрд евро на осуществление данной программы. Эта программа затронула три из четырех Вишеградских стран — Венгрию, Словакию и Чехию.

На последовавшей встрече в Будапеште были обозначены четыре приоритетные сферы сотрудничества в рамках Дунайского проекта: 1) экономическое развитие (внутренний рынок, торговля, инновации,

[1] См.: Bulletin Quotidien Europe. No 10086. 26.02.10.

исследования и развитие); 2) устойчивое развитие (устойчивое сельское хозяйство, городская и сельская инфраструктура); 3) развитие человеческого потенциала (культура, образование, идентичность); 4) институциональное развитие (еврорегионы и муниципалитеты). Конечно, программа развития Дунайского региона в целом не содействует укреплению Вишеградского единства, однако на фоне значительно улучшившихся в последнее время двусторонних отношений Венгрии, Чехии и Словакии с Польшей, разрыв может оказаться не столь критическим для вишеградского единства.

Однако не только это можно рассматривать в качестве неблагоприятного фона для вишеградской интеграции. Достаточно напряженными до сих пор остаются взаимоотношения Венгрии и Словакии из-за проблемы венгерского национального меньшинства в этой стране. Озабоченность в Словакии вызывает и принятие Венгрией закона о двойном гражданстве. И хотя он распространяется главным образом на словацких венгров, живущих и работающих в Венгрии, тем не менее, он стал причиной серьезной озабоченности словацких политиков.

В апреле 2010 г. мир был потрясен гибелью под Смоленском высокопоставленной польской делегации вместе с президентом Польши Лехом Качиньским. Свое возмущение тем фактом, что на похоронах за исключением Лешека Миллера не было ни одного значимого представителя Европейского союза высказал президент Чехии Вацлав Клаус.

Весной и в начале лета в странах так называемой Вишеградской Европы прошли парламентские и президентские выборы, которые, кроме реакции на внутренние события, одновременно можно расценивать и как ответ населения новому лиссабонскому порядку. Лишь в Польше, где в последнее время наметились значительные экономические успехи, на состоявшихся 4 июля досрочных президентских выборах победа досталась Брониславу Коморовскому, за которым стоит в целом более либеральная, европоцентричная партия «Гражданская платформа». В Венгрии, Чехии и Словакии к власти пришли правые силы, ориентирующиеся на взвешенный подход к общеевропейским инициативам и на поиск путей национального самосовершенствования.

Так, в апреле в Венгрии к власти пришла правоцентристская партия Союз молодых демократов — Гражданский союз (ФИДЕС). Причем победила она с показательным не то что для Венгрии, но и для всей Европы перевесом, заняв более двух третей мест в парламенте и сразу став партией конституционного большинства.

29 мая завершились парламентские выборы в Чехии. Несмотря на то, что по числу набранных голосов впереди оказались социал-

демократы, кабинет могла сформировать коалиция правых сил, среди которых две совершенно новые партии.

Парламентские выборы в Словакии 11 июля завершились формированием правящего кабинета из четырех правоцентристских партий, которые возглавила первая в этой стране женщина – премьер-министр Ивета Радичова.

Восточная Европа, таким образом, существенно «поправела». Успехом у избирателей пользовались партии, поставившие вопрос о большей национальной независимости в рамках ЕС вплоть до выхода из Евросоюза. И это в условиях обретения Европейским союзом почти что общей Конституции, роль которой выполняет Лиссабонский договор, расширивших свои полномочия общеевропейских органов представительства и управления. В краткосрочной перспективе это обстоятельство вряд ли существенно повлияет на общеевропейский процесс и программы конвергенции, но если эти силы останутся у власти не один срок, то изменения в отношении к процессу общеевропейской интеграции могут оказаться неизбежными. А вот значимость регионального взаимодействия в более узких рамках, каким и является Вишеградское сотрудничество, напротив, может повыситься.

5.2. Эволюция вишеградского сотрудничества

Если позицию Польши при распределении мест в структурах расширенного ЕС Вишеградские страны в целом не поддержали, то они стали активнее действовать уже став членами Сообщества. Их первое совместное выступление состоялось уже летом 2004 г. Тогда вишеградцы решили выступить единым фронтом против дискриминационных положений в принимаемом бюджете, касающихся распределения из фондов ЕС. Премьер-министры четырех стран договорились подготовить предложения по достижению политического компромисса между членами ЕС к июню 2005 г.[1]

Таким образом впервые страны Вишеградской группы проявили решимость к взаимодействию в отстаивании общих интересов. Результатом совместных усилий «четверки», в переговорах с руководством стал доступ к средствам из бюджета ЕС не только на равных, но в ряде случаев и на особо благоприятных условиях.

---

[1] См.: Joint Press Release. Meeting of the Prime Ministers of the Visegrád Group Countries Warsaw. 8 December 2004 (http://www.visegradgroup.eu/main.php?folderID=830&articleID=3886&ctag=articlelist&iid=1).

Это событие стало первой крупной победой стран Вишеградской четверки и их крещение в качестве дееспособного региона ЕС, а также в качестве локомотива восточноевропейской интеграции в эту структуру.

Однако очень скоро победная эйфория сменилась разочарованием. Низкими результатами первого года пребывания в ЕС.

Это вылилось не только в массовые протесты сельскохозяйственных рабочих в Венгрии, или выступления рабочих, занятых в подвергнутых реструктуризации сталелитейной и угольной отраслях Польши. Прямым результатом можно рассматривать приход к власти в странах Вишеградской группы на первых же после вступления в ЕС выборах национально-консервативных сил. К власти в Чехии, Польше и Словакии в середине 2000-х гг. пришли партии, не отрицающие курса на укрепление своих позиций в ЕС, но выступающие за разумный баланс между национальными и общеевропейскими интересами. Только в Венгрии, вследствие подтасовки фактов об экономическом состоянии страны во время избирательной кампании 2006 г., у власти осталось правительство социалистов. Но разоблачение обманувшего страну премьера лишь еще больше дестабилизировало как политическую, так и экономическую ситуацию в стране.

Безусловным фактом явилось то, что в отношениях с Европейским союзом страны Вишеградской группы научились действовать сообща и сумели оценить преимущества совместных действий. Но сегодня это является, пожалуй, единственным стимулом, скрепляющим Вишеградскую группу. Отношения внутри Вишеградской четверки остаются весьма напряженными. На фоне существенного прогресса в развитии институциональной базы сотрудничества, двусторонние отношения разрушают личные взаимоотношения региональных лидеров. Сказывается то обстоятельство, что все страны в своем переходном периоде находятся и в поиске новой идеологии, а это часто ведет вглубь истории региона, переполненной конфликтами. Поэтому на поверхности опять оказались тщательно скрываемые политические противоречия между Венгрией и Словакией по вопросу венгерского национального меньшинства. Больным вопросом в отношениях между Венгрией и Чехией остаются декреты Бенеша, в соответствии с которыми из своих родных мест были выселены чехословацкие венгры. Польша и Венгрия на протяжении всего периода соперничают за лидерство в этой структуре при некоторой отстраненности Чехии и Словакии. На рубеже 2000-х гг. явным региональным лидером был венгерский премьер Виктор Орбан, при котором его страна считалась наиболее динамичной в Восточной Европе. Понятно, что, имея сегодня самые

низкие экономические показатели, Венгрия маяком для стран региона быть не может. К тому же премьер Ференц Дюрчань успел продемонстрировать свое личное неуважение к соседям по региону. Началось все с некорректных высказываний в лицо словацкому премьеру на саммите Вишеградской группы. Затем, в 2006 г., он не принял находящегося в его стране с визитом польского президента. На этом фоне весьма положительным фактом является наступившее впервые после распада единого государства, улучшение отношений между Чехией и Словакией.

Во второй половине 2000-х гг. на роль лидера претендовал польский президент Лех Качиньский. Польша действительно со времени вступления в ЕС стала демонстрировать прогресс по всем показателям экономического развития. Кроме того, она выступила главным разработчиком и прорабом политики соседства Европейского союза, расставив в ней наиболее антироссийские акценты. Такими действиями она вполне компенсировала пассивность своих Вишеградских союзников. При активной поддержке ЕС Польша пыталась во второй половине 2000-х гг. формировать к востоку от себя региональные объединения и блоки преимущественно антироссийской направленности. Так, 3 декабря 2005 г. в Киеве, при активной поддержке польского руководства, было создано Сообщество демократического выбора, в которое вошли Грузия, Латвия, Литва, Македония, Молдавия, Румыния, Словения, Украина и Эстония. Сами инициаторы оценили свое объединение как «ось демократических стран, которые не желают находиться в зоне влияния России».

Со своей стороны, Лех Качиньский назвал состоявшиеся весной 2006 г. визиты российского президента Владимира Путина в Будапешт и Прагу попыткой развалить вишеградское сотрудничество. Польша активно блокировала подписание нового договора между Россией и ЕС, а кроме того, активно вела поиск обходных путей для транспортировки в Европу энергоносителей нероссийского происхождения.

Кроме того, правительства Польши и Чехии одобрили американские планы размещения в их странах американских ПРО. Венгерское руководство приняло решение о строительстве очередного натовского радара под городом Печ, невзирая на итоги референдума, инициированного оппозицией. Против радара высказались 96% участников референдума, хотя явка населения была недостаточной. Едины страны Вишеградской Европы и в своей поддержке проевропейских процессов на Украине, а также политики Грузии на постсоюзном пространстве. И тем не менее вряд ли Украина сможет стать членом Вишеградской группы. В перспективе больше шансов на вступление в ВГ имеет

Словения, испытывающая определенное одиночество в ЕС, несмотря на достигнутый прогресс, в том числе с введением евро. Таким образом, можно утверждать, что во второй половине 2000-х гг. интеграционный вектор в рамках Вишеградской группы существенно смещается в сферу внешнеполитических действий. Совместные внешнеполитические акции в рамках ЕС остаются наиболее эффективным скрепляющим звеном вишеградского сотрудничества.

В июле 2004 г. министры иностранных дел Вишеградской группы приняли декларацию о присоединении в октябре 2007 г. к Шенгенской зоне. Они также предложили ЕС принять все вступившие страны Восточной Европы в Шенген разом.

Актуален сценарий выделения ВГ в особый регион Евросоюза, который уже в конце 1990-х гг. предсказывался многими экспертами, но игнорировался политиками. Суть тенденции в том, что ЕС, вобрав в себя новые страны, да еще в таком количестве, явно превысил разумный, допустимый порог. На этом фоне связи внутри ЕС стали ослабевать, стали возрастать значимость и удельный вес регионов.

Однако есть и факторы, свидетельствующие о том, что противоречия между странами ВЕ являются достаточно серьезным препятствием для восприятия их в качестве региональной единицы европейской политики. За последние годы это проявилось в отношении вишеградцев к косовскому вопросу и основополагающему Договору Россия—ЕС. Так, Словакия не признала независимость Косово, в то время как три остальные страны ВГ сделали это достаточно быстро. Польша без консультаций с партнерами по Вишеграду, в одностороннем порядке заблокировала подписание завершающего свой срок базового договора между Россией и Европейским союзом.

Политика соседства ЕС как сфера компетенции Вишеградских стран

Принятие в мае 2004 г. стран Вишеградской Европы и Прибалтики в состав ЕС создало для них качественно новую ситуацию, превратив из объекта в субъект политики Европейского союза. На их долю выпала разработка и воплощение в жизнь Европейской политики соседства[1], принятой КЕС 12 мая 2004 г.[2] ЕПС стала, таким образом, составной частью Европейской стратегии безопасности, оформившейся

[1] Далее — ЕПС.

[2] Wider Europe— Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours Commission of the European Communities. Brussels. 11.03.2003.

в декабре 2003 г., и включила два направления: «Средиземноморское» и «Запад СНГ», к которому примыкали также кавказские республики бывшего СССР. Этот документ[1] фиксировал геополитическую ситуацию, связанную с последней, восточной волной расширения ЕС и выдвигал новые задачи по формированию «дружеского окружения» на перспективу от трех до пяти лет. Проблема соседства встала перед ЕС в связи с тем, что новые границы Сообщества неизбежно приблизили его к стратегически важным для него регионам — поставщикам энергоресурсов (Россия, Магриб, Ближний Восток). С другой стороны — восточная экспансия сделала непосредственными соседями ЕС нестабильные, кризисные регионы (Балканы, Ближний Восток, Приднестровье и т.д.).

В число приоритетов ЕПС вошли Украина, Белоруссия и Молдавия, а также, во втором эшелоне, Армения, Азербайджан и Грузия. Первый этап этой политики был рассчитан на период до 2007 г.[2] Главными субъектами воплощения политики ЕС на этом направлении и стали Вишеградские страны, а если проанализировать реальную активность, то несомненным лидером стала Польша. Можно сказать, что Польше в восточной стратегии предназначалась роль Финляндии в Северном измерении ЕС. Для этого достаточно взглянуть на региональные структуры, которые планировалось организовать на первом этапе: Латвия–Литва–Беларусь, Польша–Украина–Беларусь и Польша–Литва–Калининград. В двух из трех присутствует Польша. Уже с самого начала политика ЕПС выглядела как продолжение внедрения в стратегическое пространство России, правда, замедленными темпами, связанными с большей сложностью и более крупными параметрами новых «поглощаемых» объектов, в данном случае — Украины и Белоруссии. В отношении Белоруссии ЕПС предусматривала политику вмешательства во внутренние дела этой страны вплоть до контроля за выборами президента. На языке ЕПС это звучало следующим образом: «Пока не будет достигнут перевод страны на демократический путь»[3].

К маю 2005 г., т.е. к годовщине принятия ЕПС, стало очевидным, что на ее счету уже решение о транзите в Калининградскую область, прямая причастность к смене власти на Украине и укреплению позиций прозападных сил в Молдавии. Впрочем, в стратегии ЕПС ничего

---

[1] См.: European Neighbourhood Policy Strategy Paper. Commission of the European Communities. Brussels. 12.05.2004.

[2] European Neighbourhood Policy Strategy Paper.

[3] См.: Report on «Wider Europe — Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours». Committee on Foreign Affairs, Human Rights, Common Security and Defence Policy. Rapporteur: Pasqualina Napoletano. European Parliament. 5 November 2003.

не говорилось о том, что строиться она должна таким образом, чтобы не вступать в конфликт с интересами России и формируемых вокруг нее интеграционных структур. Наоборот, в канун принятия стратегии ЕПС, ЕС продемонстрировал отсутствие намерения принимать во внимание политические интересы Москвы[1]. В частности, в одном из документов говорилось, что ЕПС поддерживает стремление Украины к интеграции в ЕС, однако «установление Общего экономического пространства России, Украины, Белоруссии и Казахстана, может стать тормозом в развитии отношений Украины с Евросоюзом»[2]. Поэтому, как следует из того же документа, надо поддерживать создание на Украине независимого демократического открытого общества, «которое только одно и легитимно избрать направление ориентации этой страны». В качестве средства поддержки Евросоюз призвал к мониторингу состояния демократии в ходе президентских выборов 2004 г. Собственно, ЕС расписал подробную программу действий Европейской политики соседства, направленной, как это трактуется в преамбуле, «на преодоление разделительных линий на континенте», а фактически на перенос дальше на восток сферы влияния Евросоюза. Схожий план действий, но с поправкой на проблему Приднестровья, принят Евросоюзом и в отношении Молдавии.

Главный акцент политики соседства возлагался на приграничное сотрудничество, на так называемую готовность соседних стран разделить с вновь принятыми странами ценности ЕС: либерализацию торговли, интенсификацию контактов в области науки, культуры, образования, усиления заботы о правах человека, об экологии, решении проблем энергетики и т.п. Сами декларируемые цели можно было бы только приветствовать, но набор инструментов ЕПС состоял преимущественно из конкретных механизмов адаптации к стандартам ЕС если не целых стран, то хотя бы их приграничных территорий. Конечно, речь шла уже не о 1,5-миллионной Эстонии или 3,5-миллионной Литве, а о таких государствах, как Украина, превышающая по размерам территории и численности населения саму Польшу, а по политической сложности превосходящей ее многократно. На эти цели, названные «формированием дружеского окружения», были брошены гигантские деньги из уже известных программ TACIS, PHARE, ISPA, CARDS и совершенно новых, созданных под достаточно конкретные

---

[1] Это прозвучало в докладе Комиссии по иностранным делам, правам человека, общей политике безопасности и обороны Европарламента под названием «О соседстве расширенной Европы: новые рамки отношений с нашими восточными и южными соседями» от 5 ноября 2003 г.

[2] Report on «Wider Europe — Neighbourhood...»

цели. Скорее всего, намерения ЕС следовало понимать как стремление начать работу по адаптации государств — потенциальных членов промосковской интеграции. То есть проявилась неприкрытая попытка вмешательства в интеграционный процесс на пространстве бывшего СССР.

ЕПС предусматривала критерии соответствия стран, с которыми собирались налаживать добрососедские отношения, стандартам ЕС в области свободы, демократии и прав человека[1]. На самом первом этапе были приняты планы действий в отношении Украины[2] и Молдавии[3]. Постепенно планами ЕПС были охвачены также Белоруссия и страны Закавказья. Очевидно, что попытки польского президента Леха Качиньского формировать совместно с Грузией «восточноевропейские антироссийские оси» представлялись в Варшаве также как элемент стратегии ЕПС. Вопрос был в том, насколько совпадали видения варшавских и брюссельских дипломатов.

Посмотрим же на проблему глазами восточных европейцев. Даже не принимая во внимание масштабы и сложный культурологический, экономический и прочий рельеф Украины, понятно, что задача ее интеграции Евросоюзу не по силам. Украина на рубеже 1990-х гг. уже стала препятствием в развитии идеи центральноевропейской федерации, в частности Гексагонале[4], поскольку параметрами не могла совместиться с основными государствами этого потенциального образования. В рамках же ЕПС вновь приходилось искать «региональную роль» для Украины. Изначально было очевидно, что европейцы не захотят признать эту страну своим лидером. Было понятно и то, что на равных союз с Украиной для них столь же маловероятен, как и союз с Россией. Было бы разумнее оставить Украину в ее роли моста между ЕС и Россией.

В общей же линии развития «восточной политики» ЕС, начальный период действия ЕПС можно было оценить как соответствующий новому уровню сложности этап западноевропейской экспансии, одновременно, призванной служить и внутреннему сплочению «расширенного ЕС». Задачи, выдвинутые в рамках этой политики, поистине поражали воображение пространственным и политическим масштабом. Однако ни Венгрия, ни Словакия, не говоря уже и о географически удаленной

---

[1] См.: European Neighbourhood Policy Strategy Paper. Commission of the European Communities. Brussels. 12.5.2004.

[2] См.: Proposed EU/Ukraine Action Plan. 09.12.2004. EU-Ukraine Action Plan. February 2005.

[3] См.: Proposed EU/Moldova Action Plan. 09.12.2004.

[4] Гексагонале или Центральноевропейская инициатива — региональное объединение созданное в 1989 г. странами Дунайско-Адриатического региона. Первоначально в него входили Австрия, Венгрия, Италия и Югославия. В 1990 г. присоединилась Чехословакия, а в 1991 г. — Польша.

Чехии, не разделяли пионерского энтузиазма Польши. Примерно пять лет ЕПС эволюционировала в сторону формирования антироссийского кордона из числа бывших республик СССР. Инициативу в формировании этой политики все эти годы демонстрировали Польша и Литва. В то же время такие страны как Венгрия и Словакия проявляли гораздо меньший интерес к этой политике вплоть до 2010 г. Это говорит о том, что ЕПС не стала политикой Вишеградской группы. То есть, если говорить точнее, страны Вишеградской Европы отказались разделить лидерские амбиции Польши по отношению к непосредственно примыкающим к их границам бывшим республикам СССР. Вместо этого, и Венгрия, и Словакия продолжали проводить отвечающую исключительно их национальным интересам политику улучшения двусторонних отношений с этими странами.

К концу 2000-х гг. Европейский союз вновь озаботился проблемой пределов расширения и уточнения своих окончательных границ. Так, весной 2008 г. ЕС решил определиться с перспективами отношений с Украиной и Молдавией. По решению министров иностранных дел ЕС отношение к этим странам должно быть не таким, как к потенциальным «членам», но и не таким индифферентным, как просто к «соседям». Таким образом, получилась уже третья, промежуточная, программа под названием «усиленное партнерство». Было предложено для стран, имеющих ныне статус объектов Европейской политики соседства (Украина, Молдавия, Грузия, Армения, Азербайджан), политику, подобную средиземноморской программе ЕС[1].

Однако из хода обсуждений вокруг идеи Восточноевропейского союза можно было уловить, что на восточном направлении опять востребованы стереотипы холодной войны и «санитарного кордона»[2]. Правда, сегодня говорят мягче — «третьем пути», чем-то среднем между членством и соседством. Такой «санитарный кордон», как называют его сами европарламентарии, позволит пяти государствам «без особого реформирования продвигаться в течение ближайших 20 лет в направлении большей консолидации с ЕС, не требуя от последнего немедленных заверений о будущем членстве»[3].

Модификацию решения этой проблемы предложили в мае 2008 г. министры иностранных дел Польши и Швеции Радослав Сикорский и Карл Бильдт. В их интерпретации, конфигурация из пяти бывших рес-

---

[1] Предложение депутата Аллена Ламассюра. Он, в частности, предложил в ходе выборной кампании 2009 г. ясно обозначить окончательные границы и цели ЕС.

[2] Предложение евродепутата Инго Фридриха (Bulletin Quotidien Europe. No 9699. 23.05.08).

[3] Ibidem.

публик СССР получила название «Восточное партнерство»[1]. Однако и за этим названием просматривалось все то же старое стремление европейских стран отгородиться от России. Вопрос только в том, где этот кордон будет проходить и из каких стран состоять[2].

20 июня 2008 г. Европейский совет призвал Комиссию к весне 2009 г. разработать предложения по «Восточному партнерству», увязав его с планами Черноморского союза и Северного измерения. Можно было и раньше предположить, что ЕС рано или поздно приступит к выстраиванию аналога Средиземноморской политики и на восточном направлении соседства. Однако полной аналогии здесь быть не может. Запутавшиеся в своих границах европейские политики часто произносят термин «санитарный кордон», и это существенное отличие «Восточного партнерства» от средиземноморского. Напрашивается вопрос: а не пора ли взглянуть на Россию по-новому, соответственно изменившимся реалиям, и, для того чтобы это было убедительно с точки зрения новизны предлагаемого, пригласить к решению проблемы и Россию?

Новые предложения в области **Европейской политики соседства** были сформулированы в 2009 г. Президентом Словении было, в частности, заявлено о необходимости прояснения европейской перспективы для таких стран, как Украина и Молдавия. В апреле комиссар по внешней политике Б. Ферреро-Вальднер заявила о значительном прогрессе, достигнутом Украиной со времени начала в 2008 г. переговоров «об усиленном партнерстве». Не остались без похвалы и усилия руководства Грузии «по реформе законодательства и борьбе с коррупцией». Одновременно были приняты меры по облегчению визового режима между ЕС, Украиной и Молдавией. Подчеркнута неизменная солидарность и активное участие Армении, Азербайджана, Грузии, Украины и Молдавии в Общей внешней и политике безопасности ЕС.

Однако программа **Восточного партнерства**, столкнулась с новыми препятствиями в условиях кризиса. В январе 2009 г. представленная на обсуждение в Парламент программа была остро раскритикована евродепутатами. Одни упрекали программу в отсутствии амбициозности, другие, как депутат от Румынии Адриан Северин, — в стремлении продать Евросоюзу пустую коробку в красивой упаковке[3]. Представитель

[1] Отмечалось также, что при улучшении политической ситуации к ВП могла бы присоединиться Белоруссия, а также Калининградская область России.

[2] Ведь всем еще памятны попытки Польши в декабре 2005 г. формировать «Сообщество демократического выбора», с включением Грузии, Латвии, Литвы, Македонии, Молдавии, Румынии, Словении, Украины и Эстонии, как «оси демократических стран, которые не желают находиться в зоне влияния России».

[3] См.: Bulletin Quotidicu Europe. No 9822. 21.01.09.

Великобритании Чарльз Таннок увидел в предложении Польши и Швеции несоответствие реалиям, выражающееся, в частности, в том, что страны, рассматриваемые в рамках этой программы как регион, на самом деле таковым себя не считают и желают выстраивать с Евросоюзом исключительно двусторонние отношения[1]. В то же время депутат от Литвы Витаутас Ландсбергис отметил, что программа не обеспечивает главного — защиты стран — объектов этой политики от посягательств со стороны России.

В преддверии назначенного на май уставного заседания по этой программе развернулось множество споров, в том числе и по поводу того, приглашать ли на него представителей России и президента Белоруссии Александра Лукашенко.

Реально согласовали, лишь то, что программа, в случае ее принятия, будет финансироваться в в размере одной трети от общего финансирования «программы соседства» ЕС. Остальные две трети должны приходиться на программу Средиземноморского партнерства.

За время председательства Чехии в Совете ЕС главной темой стало развитие и продвижение программы «Восточное партнерство», направленной на организацию новой коллективной формы взаимодействия ЕС с бывшими республиками СССР. Собственно, еще до саммита по «Восточному партнерству» Бенита Ферреро-Вальднер выразила некое разочарование действенностью политики соседства ЕС. Как отмечается в обзоре, опубликованном Еврокомиссией 23 апреля 2009 г., прогресс, наблюдаемый в области торгово-экономических отношениях со странами, входящими в «программу соседства» несопоставим по масштабам с изменениями, которые должна была принести эта политика в области реформы экономики, управления и внедрения демократических правовых норм в этих странах[2]. Единственными успехами, отмеченными ЕС явилось участие представителей ЕС в разрешении российско-грузинского конфликта в августе 2008 г., а также согласование позиций в области внешней политики и политики безопасности.

Новую инициативу ЕС — состоявшийся в Праге 7 мая 2009 г. саммит под названием «Восточное партнерство» проигнорировали не только лидеры 10 ведущих западных государств, (среди которых главы Франции, Великобритании, Италии, Испании, Люксембурга), но и двух из шести приглашенных государств — Белоруссии и Молдавии. Тем не менее хозяин саммита, чешский премьер Мирек Тополанек старался всячески подчеркнуть, что данный факт нисколько не умаляет исторического значения этого события.

---

[1] Ibid.

[2] См.: Bulletin Quotidien Europe. No 9888. 24.04.09.

Между тем еще накануне саммита между членами ЕС вскрылись серьезные различия в позициях по поводу стратегии «Восточного партнерства». Так, устами первых лиц Германии, Франции, Великобритании, Италии и стран Бенилюкса было сделано предупреждение, что данная формула сотрудничества не сулит странам-объектам членства в ЕС, а может рассматриваться всего лишь как средство воодушевления этих стран к сближению их позиций с ЕС. В то же время Вишеградские страны — Польша, Чехия, Словакия и Венгрия сочли такую позицию неправильной. Разошлись две группировки и в терминологии. В то время как страны «старой Европы» продолжили называть бывшие советские республики «восточными соседями», страны Вишеградской Европы и Прибалтики предпочитали именовать приглашенных на саммит новичков из числа бывших республик СССР «европейскими странами». В некоторой степени спор был разрешен после компромиссного предложения использовать термин «восточные партнеры».

Значимость пышно анонсированного события свелась к обещаниям постепенного прогресса в либерализации визового режима для «восточных партнеров» и дифференцированного подхода к подписанию соглашений об усиленном партнерстве по типу уже имеющегося соглашения с Украиной. На ближайшую перспективу было достигнуто соглашение о том, что лидеры 33 стран будут встречаться раз в два года, а министры иностранных дел этих стран будут проводить ежегодные многосторонние консультации. Кроме того, в июне планировалось открыть четыре платформы для многостороннего сотрудничества в рамках программы «Восточное партнерство»: демократия и качественное управление; экономическая интеграция и конвергенция на основе секторной политики ЕС; безопасность энергопоставок; контакты между гражданами.

Летом наметилось сближение между Евросоюзом и Белоруссией. Для этого Минску пришлось обещать Брюсселю принять условия демократизации политической жизни в стране, в частности разрешить деятельность неправительственных организаций. С Украиной ЕС подписал соглашение о модернизации газотранспортной системы этой страны. Однако на состоявшейся 28 сентября 2009 г. встрече Европейской тройки с министром иностранных дел Украины, так и не было дано искомого Украиной ответа о возможных сроках вступления страны в Евросоюз. Вместо этого пришлось довольствоваться заменой формулировки «План действий» на «Повестку ассоциации» в рамках политики соседства, осуществляемой Евросоюзом на постсоветском пространстве.

5.3. Страны Вишеградской группы в Евросоюзе: экономический анализ

Анализ ускорения экономического развития после вступления стран ВГ в ЕС

После начала трансформации страны Вишеградской группы объявили о своем «возвращении в Европу», под которым подразумевалось главным образом вступление в ЕС. Между ними развернулась негласная борьба за право первыми удостоиться этой чести. Это позволило некоторым специалистам даже говорить о появлении новой научной дисциплины — сравнительной транзитологии, в задачу которой входило ранжирование стран-кандидатов по степени их готовности к вступлению и поиск путей повышения места той или иной страны в списке кандидатов.

Происшедшее 1 мая 2004 г. вступление стран ВГ в Евросоюз разом сменило акценты в направлениях исследования стран региона. Думается, что прежние темы, связанные с изучением подготовительного этапа, в ходе которого страны ВЕ готовились к членству в ЕС, постепенно будут уходить на второй план, а в авангард будут выдвигаться темы, позволяющие получить адекватную картину того, как новые члены «живут» в Евросоюзе.

Все новые члены Евросоюза, в том числе и страны ВГ, внимательно следят за своим положением в различных рейтингах. Правда, само по себе место в рейтинге, по сути, не дает никаких преимуществ, но позволяет жителям той или иной страны, находящейся во главе рейтинга, получать моральное удовлетворение. С расширением ЕС заметно больший интерес будет представлять сопоставление показателей стран ВГ не столько между собой, сколько с другими членами ЕС. Причем для новых членов более актуально сравнение с менее развитыми странами ЕС — Португалией, Грецией, Испанией. В частности, Венгерский национальный банк уже довольно давно занимается диахроническим сравнением этих стран и «малой восьмерки» (страны, вступившие в ЕС в 2004 г., кроме Кипра и Мальты) и в целом получается, что последние несколько опережают ранее вступивших португальцев, греков, испанцев по хронологии улучшения макроэкономических показателей после вступления в ЕС.

В странах ВГ это вселяет определенный оптимизм, но изучение степени соответствия основных макроэкономических показателей

новых членов средним показателям по ЕС, которые принимались бы за эталон, показывает менее однородную картину. Чаще всего проводится сравнение национальных показателей ВВП на душу населения, пересчитанных по паритету покупательной способности (ППС), «взвешенных» относительно среднего по ЕС уровня.

В целом динамика приближения к среднему уровню ЕС имеет положительный характер, но темпы изменений представляются недостаточно быстрыми. Вопрос о темпах важен потому, что одним из ведущих мотивов вступления стран Восточной Европы в ЕС было продолжение экономического роста и сокращение экономического отставания от западноевропейских государств. Несмотря на то что подготовка к вступлению в ЕС явилась мощным стимулом для улучшения макроэкономических показателей стран ВГ, до достижения даже среднего для Сообщества уровня еще далеко.

Еще в 2001 г. известный венгерский ученый Т. Беренд делал прогноз, что страны региона лишь через 30 лет смогут подойти к порогу, отделяющему их от наименее развитых стран Запада[1]. В 2003 г. Т. Паланкаи, председатель EUKK (Венгерского Совета по коммуникациям с ЕС), заявил, что при темпах роста меньше 3% Венгрия сможет достичь среднего уровня стран ЕС только через 20—25 лет[2]. Австрийская газета *Die Presse* в канун приема в состав ЕС стран Вишеградской Европы и Прибалтики утверждала, что уровень жизни на Западе и на Востоке Европы выровняется для таких стран, как Венгрия — через 38 лет, а для Польши, возможно, через 50 с лишним лет[3]. В 2005 г. министр экономики и транспорта Венгрии Я. Кока заявил, что при средних ежегодных темпах роста в 4,2% Венгрия догонит Австрию через 16 лет (т.е. к 2021 г.)[4]. По оценкам словацких специалистов, Словакия к 2030 г. достигнет только 97,6% от среднего по ЕС-25 уровня (хотя средний по ЕС-27 уровень, возможно, и будет преодолен), а производительность труда в стране составит 99,7% от среднего по ЕС уровня. В общем виде получается, что страны ВЕ достигают среднего уровня Евросоюза где-то в 2025—2030 гг.

Однако, мы считаем, что даже этот срок выглядит чересчур оптимистичным. Если допустить, что рост ВВП в ЕС в будущем будет ежегодно составлять 2% (а почти вся предыдущая динамика развития ЕС позволяет это предполагать) и что население европейских стран не будет

---

[1] Цит. по: *Шишелина Л.Н.* Политические аспекты трансформаций в странах Восточно-Центральной Европы // Международный диалог. 2001. № 1. С. 49.

[2] См.: diepresse com. 23.04.2004.

[3] См.: Népszabadság. 2005, augusztus 31.

[4] См.: Népszabadság. 2006, október 2.

расти (хотя прогнозы международных организаций на 2025 г. показывают даже снижение численности Европы), — то показатель «ВВП на душу населения» в ЕС будет увеличиваться такими же темпами.

Если допустить, что темпы экономического роста каждой из стран В4 будут на 1 процентный пункт превышать темпы роста экономики ЕС, — например, если экономика Чехии будет расти на 3% в год (что, кстати, в наибольшей мере соответствует сделанным специалистами ЕС оценкам), — то Чехия, как наименее отстающая среди «вишеградцев» от ЕС страна, по нашим расчетам, сможет достичь паритета по показателю ВВП на душу населения только к 2050 г. *(см. табл. 5.3.1)*. Для сравнения приведены расчеты по всем странам Восточной Европы, вступившим в ЕС в 2004 г.). Если же чешская экономика будет расти на 4% ежегодно, то средний уровень ЕС будет достигнут в 2027 г., если на 5% — к 2019 г., если на 6% — к 2015 г., если на 7% — то к 2013 г. Соответственно, другим странам «четверки», особенно Польше, которую и так опережают литовцы и эстонцы, потребуется еще большее число лет.

Отсюда следует, что для быстрого достижения уровня ЕС темпы экономического роста стран ВЦЕ должны на порядок опережать темпы роста в государствах Евросоюза. В данном случае выражение «на порядок» означает превышение темпов роста как минимум на 8–10 процентных пунктов (т.е. темпы роста должны находиться в пределах 10–12%). В этом случае на сокращение разрыва потребовалось бы от 4,5 (для Словении-лидера) до 14 лет (для Латвии-аутсайдера). Понятно, что все это верно только в том случае, если экономика ЕС будет развиваться в соответствии с авторским допущением, т.е. на 2%

Таблица 5.3.1

Сроки достижения среднего по ЕС-15 уровня ВВП на душу населения, рассчитаны по ППС (среднегодовой темп роста ВВП Евросоюза взят за 2%)

	3%	4%	5%	6%	7%	10%
Словения	2038	2021	2015	2012	2011	2008
Чехия	2050	2027	2019	2015	2013	2009
Венгрия	2064	2034	2024	2019	2016	2011
Словакия	2078	2041	2028	2022	2019	2013
Эстония	2088	2046	2032	2025	2021	2014
Литва	2089	2046	2032	2025	2021	2014
Польша	2091	2048	2033	2026	2021	2015
Латвия	XXII век	2055	2038	2029	2024	2017

Источник: рассчитано автором.

в год. В случае замедления этого роста уровень Евросоюза, естественно, будет достигнут быстрее. Кроме того, в последнее время появились высказывания, что, мол, для получения удовлетворительного результата от вступления в ЕС достаточно достижения хотя бы 75%-ного показателя от среднего по ЕС уровня. Естественно, сроки достижения этого нового показателя сокращаются. Так, по некоторым оценкам, Венгрия сможет достичь этого уровня примерно в 2011 г., а Чехия и Словения еще раньше[1].

Однако необходимые для относительно быстрого достижения паритета темпы роста в странах Восточной Европы в течение всего трансформационного периода наблюдались очень редко, а из стран Вишеградской группы — только в Словакии (2007).

Как видно, говорить о массовости очень высоких (более 10%) темпов роста в регионе не приходится. Более того, даже просто высокие темпы роста (т.е. превышающие 7%) наблюдались только локально — в Латвии (1997, 2001, 2003–2004) и Литве (1997, 2003–2007). Можно еще упомянуть Польшу (1995), Словакию (2006), Албанию (1999–2001). Большинство же стран региона, включая членов ВГ, «росли» на 3–5% в год, что в целом выше темпов роста ЕС, но недостаточно для быстрого превращения даже в «середнячков».

В этой связи нам представляется уместным рассмотреть возможности, ускоряющие или замедляющие процесс «осреднения» стран ВГ в рамках Евросоюза. По сути, таковых возможностей имеется две: ускорение темпов экономического развития самих стран ВГ и замедление темпов экономического роста в самом ЕС. Рассмотрим каждую из них подробнее.

Во-первых, насколько реально для стран В4 в течение как минимум десятилетия стабильно поддерживать очень высокие — более 10% в год — темпы экономического роста? Да, мировая экономика последних 50 лет знает подобные примеры. Это Япония в 1950-х и 1960-х гг., Южная Корея в 1980-х гг. и Китай в 1990-х гг. Существование исторических прецедентов в принципе дает шансы новым членам Евросоюза, и, казалось бы, Латвия и Литва, в течение пяти лет демонстрировавшие очень высокие темпы экономического роста, сумели воспользоваться ими. Причина таких успехов кроется в быстрой и глубокой маркетизации, но именно она и привела к последовавшему затем глубокому падению темпов роста в этих странах (вплоть до отрицательных) в период мирового финансового кризиса. Это означает, что страны Балтии, как и страны ВГ, в ходе трансформации, по сути, не смогли найти рыночные точки роста, а в будущем шансы на это еще более

[1] См.: Világgazdaság. 2007, május 31.

уменьшаются: быстрый экономический рост всегда сопровождается ускорением инфляции, что противоречит Маастрихтским критериям. Сдерживание инфляции обычно достигается за счет более высоких процентных ставок, сопровождающихся снижением валютного курса, что тоже противоречит Маастрихстским критериям.

По нашему мнению, причиной медленных темпов маркетизации в странах ВГ является пресловутый «эффект базы»: общий уровень маркетизации в изучаемых странах в целом был выше, чем в Японии, Южной Корее и Китае. Поэтому каждый последующий шаг в этом направлении требовал больших усилий и, соответственно, количественно выражался в меньших темпах экономического роста. Правда, следует учитывать, что показатель «общий уровень маркетизации» является в высшей степени неквантифицируемым и потому его оценка возможна только на основе субъективных ощущений. Тем не менее общий вывод, к которому мы приходим, состоит в том, что страны ВГ, как уже вступившие в ЕС и в наибольшей степени заинтересованные в подтягивании до среднего для ЕС уровня, в принципе не могут достичь этой цели лишь посредством ускорения экономического роста. Ведь главным условием быстрого достижения такого уровня является темп роста не менее 10%. Но такое не по плечу ни одному из новых членов, тем более в течение 10 лет. Например, венгры, оценивая последствия своего вступления в ЕС, считали, что оно увеличит темпы роста венгерской экономики на 2 п.п.[1] Так, в 2000-е гг. рост венгерской экономики составлял 2,9–5,2%, следовательно членство в Евросоюзе позволяло рассчитывать на повышение роста до 5–7%, но к 2009 г. темпы роста вообще стали близки к нулевым.

Конечно, имеют значение внутренние факторы: как указывает Р.С. Гринберг, «страны Восточно-Центральной Европы не смогли совершить скачок в постиндустриальный мир и все еще не преодолели тенденции к примитивизации производства и деинтеллектуализации труда, обозначившуюся с самого начала реформ»[2]. С другой стороны, вступление стран ВЕ в ЕС еще больше усиливает их «завязанность» на процессы, происходящие в Евросоюзе. Поэтому рассчитывать на возможность продолжительного разноскоростного роста опять таки не приходится, поскольку потенциалы, в конечном счете, должны уравниваться. Пример Ирландии, демонстрировавшей рост на уровне 7%, не показателен из-за относительной краткосрочности этого периода. Кроме того, в отдельных исследованиях прямо проводится мысль

---

[1] См.: Материалы Посольства России в Венгрии.

[2] *Гринберг Р.С.* Экономические реформы в постсоциалистических странах: концепции, результаты, уроки // ЭКО. 2003. № 4. С. 25.

о том, что ирландская модель была реализована в принципиально иной международной экономической обстановке[1] (напомним, Ирландия стала членом ЕС в 1973 г., а страны ВЦЕ — в 2004 г.).

Во-вторых, возможность для достижения среднего уровня ЕС кроется в замедлении темпов роста самого ЕС ниже расчетных 2%. Вопрос: насколько это вероятно? Ответ: этого нельзя исключать хотя бы в силу колебаний мирохозяйственной конъюнктуры различной продолжительности, однако статистика предыдущих лет позволяет рассчитывать на то, что среднегодовой прирост останется в расчетных пределах. Более того, расширение ЕС, по мнению Р. Проди, позволит увеличить темпы роста экономики ЕС на 0,2 п.п.[2] Конечно, это не много, но все-таки. Главный аргумент европейского чиновника заключался в том, что стимулирование экономического роста в ЕС будет осуществляться, в том числе и за счет увеличения потребления населением восточноевропейских стран. Исследование австрийского исследовательского института WIFO показывает, что расширение ЕС позволит увеличить темпы экономического роста Австрии на 0,4 п.п., Финляндии — на 0,8 п.п., но Швеции — на 0,3 п.п.[3] Правда, данные за 2005 г. показали, что вклад стран ВЦЕ в общий прирост европейского ВВП составил только 0,1 п.п.

В целом на основании анализа выделенных возможностей достижения странами ВГ среднего уровня ЕС получается, что вероятность ускорения роста их собственных экономик гораздо меньше вероятности замедления темпов роста в самом ЕС. Отсюда напрашивается вывод, что страны ВГ, заметно отстающие сейчас по многим показателям (темпы развития, зрелость рынков, структура хозяйства и т.п.) реально могут рассчитывать на достижение среднего в ЕС уровня только в результате замедления роста экономики Евросоюза. Однако это противоречит их интересам, поскольку автоматически уменьшает объемы трансфертов, поступающих к ним из фондов ЕС. Вопрос лишь в том, насколько страны ВЦЕ, уже как члены Евросоюза, смогут повлиять на поддержание или ускорение темпов роста европейской экономики.

Правда, есть еще одна возможность сокращения сроков достижения желаемых показателей — это снижение «потолка» среднего уровня. Необходимо иметь в виду, что произойдет это автоматически в силу особенностей математико-статистических законов. Если считать мерками 2003 г., то после вступления стран ВЦЕ в ЕС совокупный ВВП Евросоюза увеличится всего на 4,5% — до 9,2 трлн евро, а насе-

---

[1] См.: Magyar Hírlap. 2004, április 1.

[2] См.: Профиль. 2002. № 43. С. 54.

[3] См.: Világgazdaság. 2003, szeptember 16.

ление почти на 20% — до 453 млн чел. При этом подушевой показатель ВВП в ЕС естественным образом снижается почти на 15% — с 23 до 20 тыс. евро, а прием в 2007 г. стран второй волны — Болгарии и Румынии — принес еще более плачевные результаты: совокупный ВВП еще более расширившегося ЕС возрос примерно на 1%, население — на 8%, но средний подушевой показатель ВВП снизился уже до 19 тыс. евро. Конечно, в этом случае отставание стран ВГ от среднего уровня в ЕС заметно сократится.

В этой связи интересно посмотреть, как изменились показатели отставания стран ВГ от среднего по ЕС уровня в зависимости от выбранной базы: ЕС-15, ЕС-25 или ЕС-27 *(см. табл. 5.3.2)*.

Как видно, только за счет изменения базы отсчета, вместо ЕС-15 учитывается ЕС-25, произошло существенное улучшение показателей, а если посмотреть на ретроспективное изменение базы в случае ЕС-27, то картина вообще становится почти оптимистической. Кстати, позитивное пропагандистское значение такого подхода в свое время оценил и Евростат, оперативно пересчитавший по новой базе ретроспективные показатели стран ЕС и ВЦЕ, начиная с 1995 г.[1]

Естественно, что изменение базы вносит коррективы в сроки возможного достижения среднего уровня по ЕС (*см. табл. 5.3.3*), что в принципе может стать весомым аргументом в пользу дальнейшего расширения Евросоюза и подтверждения правильности выбранной линии на европейскую интеграцию.

Кстати, показатели ВВП на душу населения (по ППС) в странах, с которыми прежде всего сравнивают «вишеградцев», т.е. Греции (в ЕС с 1981 г.), Испании и Португалии (в ЕС с 1986 г.), и поныне, спустя почти 25–30 лет после вступления, составляли соответственно 66, 80 и 69% от среднего уровня[2], но если применить тот же «трюк» с изменением базы расчета, т.е. взять ЕС-25 вместо ЕС-15, то так же, как и в случае с новыми членами ЕС будет наблюдаться зримое улучшение этих показателей: 82, 96 и 74%.

Таблица 5.3.2

ВВП на душу населения (в % от среднего уровня, 2004)

	ЕС-15	ЕС-25	ЕС-27
Латвия	39	44	46
Литва	45	48	51
Польша	44	48	51
Эстония	44	50	55
Словакия	51	52	56
Венгрия	56	60	64
Чехия	66	70	75
Словения	72	78	85

Источник: A KSH jelenti. 2005. № 10. O.54

[1] См.: EU Statistical Yearbook, 2004. Brussel, 2004.

[2] См.: Magyar Hírlap. 2004, április 1.

Таблица 5.3.3

Сроки достижения среднего по ЕС-25 уровня ВВП на душу населения (по ППС) (среднегодовой темп роста ВВП Евросоюза взят за 2%)

	3%	4%	5%	6%	7%	10%
Словения	2019	2011	2009	2007	2007	2006
Чехия	2030	2017	2012	2010	2009	2007
Венгрия	2045	2024	2017	2014	2012	2009
Словакия	2058	2031	2022	2017	2015	2010
Эстония	2068	2036	2025	2020	2017	2012
Литва	2069	2036	2025	2020	2017	2012
Польша	2071	2038	2026	2021	2017	2012
Латвия	2086	2045	2031	2024	2020	2014

Источник: рассчитано автором.

В целом нам представляется достаточно ясным, что наилучшие шансы преодолеть свое отставание от стран ЕС имеет, по сути, только не входящая в Вишеградскую группу Словения, а самим «вишеградцам» потребуется еще достаточно большой период времени *(см. табл. 5.3.4)*. Обращает на себя внимание, что Хорватия, имеющая только статус страны-кандидата, уже опережает Польшу и практически сравнялась с Венгрией.

Следует упомянуть, что по мере приближения даты вступления, оценки экономической выгодности этого шага постепенно становились менее восторженными как в ЕС, так и в странах ВГ. Конечно, определенную роль играло то, что этап ассоциированного членства для некоторых стран ВГ длился более 10 лет. В результате непосредственно к моменту вступления эффект от присоединения к единому таможенному пространству был не столь велик, поскольку благами беспошлинной торговли с ЕС страны ВГ и так пользовались во все возрастающем масштабе.

Независимые наблюдатели также были скептичны. Наиболее жесткие оценки перспектив членства стран ВГ (как и всей Восточной Европы) в ЕС, пожалуй, давали американцы. Например, исследовательская организация Институт Катона в своем докладе отметила, что конкурентоспособность восточноевропейских стран не только не повысится, но даже ухудшится после их вступления в ЕС, поскольку страны ВЕ должны будут выбирать между экономической свободой и единым рынком ЕС, который «вместо последовательного развития свободной торговли будет встраивать их во все более централизую-

Таблица 5.3.4

ВВП на душу населения, рассчитанный по ППС (в % от среднего уровня в ЕС)

	ЕС-15									ЕС-25		ЕС-27				
	1990	1995	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2004	2005	2004	2005	2006	2007	2008
Словения	70	61	64	67	66	68	69	70	72	80	82	85	87	88	89	90
Чехия	68	62	63	63	60	61	62	64	66	72	74	75	77	78	80	80
Словакия	51	40	43	43	44	45	47	49	51	54	57	57	61	64	67	72
Эстония	...	31	36	35	37	39	40	42	44	53	60	57	63	65	68	67
Венгрия	49	45	47	48	49	51	53	54	56	61	63	63	64	64	63	63
Литва	...	31	35	34	35	37	39	43	45	49	52	51	53	56	60	61
Польша	33	35	41	41	41	41	41	42	44	49	50	51	51	52	54	58
Латвия	...	26	30	30	31	33	35	37	39	44	48	46	50	53	58	56
Румыния										33	34	34	35	39	42	46
Болгария										32	33	34	35	37	37	40
Хорватия												56	57	58	61	63
Македония												27	28	29	31	33

Источник: Eurostat Newrelease № 176/2008 (11 декабря 2008 г.).

щуюся «супердержаву». Среди проигрышных областей называется сфера рынка трудовых ресурсов, аграрный сектор и охрана окружающей среды. Внедрение более строгих предписаний ЕС в отношении рабочей силы будет оказывать понижающее воздействие на производительность труда, сельское хозяйство утратит свои преимущества, а на защиту окружающей среды будет уходить все больше средств[1].

В таком случае, каковы же главные мотивы вступления их в ЕС? Ответ представляется достаточно очевидным: основной и плохо скрываемый мотив — получение средств из фондов ЕС. Референдумы, проведенные в ВГ накануне вступления в ЕС, показали, что поддержка этого шага населением не является столь уж значительной: при внешне высоких показателях одобрения вступления обращает на себя внимание довольно низкая явка граждан. Выборы в Европарламент (2004, 2007, 2009) также продемонстрировали низкий интерес населения, ставших полноправными членами ЕС стран ВГ, к общественной жизни Евросоюза. Поэтому вполне справедливо звучит тезис, что в «современных условиях вступить в ЕС хотели скорее правительства стран ВЕ, а не их население»[2]. Понять их можно: привлечение дополнительных средств позволяет заткнуть некоторые дыры в бюджете и тем самым лучше вы-

[1] Világgazdaság. 2003, szeptember 29.

[2] *Злоказова Н.Е.* Расширение ЕС: за и против с позиций его членов // МЭиМО. 2004. № 1. С. 68.

глядеть в глазах избирателей. Однако чрезмерная ориентация на внешние источники финансирования таит в себе некоторые опасности.

Во-первых, она усиливает иждивенческие настроения, повышает официальную и неофициальную активность страны в поиске путей регулярного перераспределения ресурсов ЕС в свою пользу.

Во-вторых, средства из фондов ЕС не обязательно будут содействовать ускорению экономического роста. Причина в том, что они по большей части имеют целевое назначение и ориентированы преимущественно на поддержку сельского хозяйства и социальных программ (что само по себе неплохо). Проблема же может возникнуть из-за того, что эти средства направляются, по сути, для поддержания статус-кво в этих сферах, а не на поддержку инноваций, что, в свою очередь, ведет к консервации производственной структуры[1].

Отсюда вытекает другой вопрос: а насколько выделяемые странам ВГ средства из структурных фондов ЕС в состоянии оказывать воздействие на ускорение экономического роста? Для ответа на этот вопрос необходимо отметить, что величина финансовых трансфертов новым членам заведомо ниже уровня предыдущих расширений Евросоюза (так называемая «политика солидарности») и уровня, на который рассчитывали страны-кандидаты во время переговоров о вступлении. В частности, в апреле 2004 г. правительство Венгрии рассматривало доклад, подготовленный Министерством финансов и Национальным агентством по развитию. Содержащиеся в нем расчеты о балансе трансфертов между Венгрией и ЕС на этапе вступления страны в альянс были гораздо менее оптимистичны, чем предполагало правительство. Согласно оптимистическому варианту получаемые Венгрией средства в размере 36,8 млрд форинтов по закону о бюджете на 2004 г. составили бы менее половины суммы, запланированной во время переговоров по присоединению, по пессимистическому сценарию платежи Венгрии в бюджет ЕС вообще на 46,2 млрд форинтов превысят сумму трансфертов из ЕС[2]. Аналогичные цифры пассива ожидались и в других странах ВГ[3].

Таким образом, в силу только количественных параметров роль структурных фондов ЕС в инициировании экономического роста заметно снижается.

Возможно, следует говорить об эффективности использования средств ЕС? Однако и здесь не все гладко: средства из фондов ЕС пре-

---

[1] См.: Népszabadság. 2003, november 19.

[2] См.: Világgazdaság. 2004, április 19.

[3] См.: Страны Центральной и Восточной Европы в 2002 г.: результаты социально-экономического и политического развития. М.ИМЭПИ РАН. 2004. С. 208.

доставляются не автоматически, а лишь при выполнении определенных условий, как бюрократически-административных, так и экономических. Каждый член ЕС заинтересован в том, чтобы полностью выбрать квоту, но это происходит не всегда в силу различных причин: неинформированность потенциального получателя средств об этих возможностях, бюрократическая волокита, недостаточная прибыльность проекта, под развитие которого используются средства и т.д.

Следующий вопрос, который возникает: а за счет чего тогда страны ВЦЕ могут ускорить рост своих экономик? Рассмотрим традиционно выделяемые различными специалистами факторы экономического роста, а именно:

- развитие малого бизнеса;
- развитие сферы услуг;
- рост капиталовложений;
- развитие внешней торговли (прежде всего экспорта).

Не отрицая в целом хрестоматийность этих факторов, мы предлагаем несколько по-иному взглянуть на их роль.

Малый бизнес. Роль малого и среднего бизнеса как локомотива экономического роста широко пропагандируется развитыми государствами. Многочисленные отсылки к их собственному опыту призваны показать трансформирующимся странам его позитивное значение. Вместе с тем жизнеспособность малого бизнеса вызывает сомнение хотя бы потому, что он не может существовать без значительной государственной поддержки в тех или иных формах. Названия многочисленных научных работ по мелкому предпринимательству, как правило, содержат фразу о «поддержке малого бизнеса», что довольно показательно. Опыт стран ВГ по развитию малого бизнеса также демонстрирует смену подходов[1]: после стремления 1990-х гг. развивать малый бизнес как таковой, в 2000-х гг. пришло понимание необходимости встраивания его деятельности в бизнес крупных корпораций. Однако и в том, и в другом направлении больших успехов не наблюдалось. Первоначальные преимущества малого бизнеса, заключавшиеся в низкой капиталоемкости, мобильности сфер приложения капиталов и труда, наличии многочисленных рыночных ниш, неэквивалентности перемещаемых ресурсов из государственного сектора, к середине 1990-х гг. практически исчерпали себя, а к концу десятилетия «задействование

[1] Подробнее об этом см.: коллективный труд сотрудников ИМЭПИ РАН (в том числе и автора) «Политика и практика государственной поддержки малого предпринимательства в странах Центральной и Восточной Европы» (М.: ИМЭПИ РАН, 2005).

возможностей мелкого частного производства в странах ВГ не сопровождалось созданием ни горизонтальных, ни вертикальных кооперационных связей, что нередко делало малый бизнес скорее "тормозом", чем "локомотивом" экономических преобразований»[1]. Издержки малого бизнеса (впрочем, и любого другого) после вступления в ЕС увеличивает даже то обстоятельство, что теперь расходы по подтверждению факта поставок внутри ЕС ложатся не на таможенные органы, а на самих предпринимателей.

Конечно, оценивать 2000-е гг. сложно из-за отсутствия представительного объема аналитической информации, тем более что страны ВГ предпринимали определенные шаги в этом направлении, разрабатывали программы, привлекали средства ЕС и т.п. Например, в Венгрии в 2000 г. появилась программа среднесрочного экономического развития «План Сечени», особую роль отводившая «наведению мостов между различными категориями предпринимательства», а в 2003 г. появился «Национальный план развития». Но как представляется, в условиях завершающейся маркетизации в странах ВГ и перехода к планово-распределительным отношениям в рамках ТНК отношение к малому бизнесу будет постепенно меняться с восторженного на более спокойное.

Развитие сферы услуг. В целом это направление тесно связано с предыдущим, поскольку основой массив услуг предоставляют мелкие и средние предприятия. Эмпирически наблюдаемый бурный рост доходов от предоставления услуг позволил прийти к выводу о выгодности развития сферы услуг, как источника экономического роста страны. Например, председатель Венгерской экономической палаты Л. Парраг считает, что залогом роста венгерской экономики должны стать информатика и логистика[2]. Вместе с тем сфера услуг не является самодостаточной сферой и не может развиваться без сопутствующего развития отраслей материального производства.

Рост капиталовложений безусловно определяет динамику экономического роста. Однако страны ВГ, впрочем как и другие страны Восточной Европы, не располагают достаточным объемом собственных инвестиционных средств, что обусловливает необходимость привлечения иностранных капиталов. Казалось бы, это лишний раз подтверж-

---

[1] *Глинкина С.П.* Опыт экономических преобразований в странах Центральной и Восточной Европы // От кризиса к модернизации: теория и опыт переходных экономик / Под ред. А. Бузгалина. М.: МГУ, 1998. С. 178.

[2] Népszava. 2004, március 31.

дает тезис о том, что рынки капиталов играют все более активную роль в транслировании факторов роста, но нельзя забывать о том, что внешние заимствования влекут за собой увеличение размеров внешнего долга страны. И хотя более важным считается отслеживать изменения государственного внешнего долга, а не динамику заимствований частного сектора, и в том, и в другом случае средства, выделяемые на погашение долгов, уменьшают величину средств, которые можно направить на инвестирование. Аналогичная картина наблюдается и в случае привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ), по определению не являющихся возвратными, но результирующимися в последующей репатриации прибыли. По результатам одного из исследований специалистов Всемирного банка сделан казалось бы парадоксальный вывод, что не ПИИ определяют динамику экономического роста, а наоборот. Однако они обосновывают его тем, что отечественные и иностранные инвестиции — это лишь два из огромного количества факторов, воздействующих на экономический рост, которые, в свою очередь, зависят больше не от количества, а от качества инвестиций[1].

Экспорт также благоприятно влияет на ускорение роста экономики страны, но требует субсидий, восстановления экспортной базы производства, преодоления зависимости от конъюнктуры мирового рынка. Вступление стран ВГ в ЕС в известной степени лимитирует их экспортные возможности и отвлекает средства в силу ужесточения норм и технических стандартов, необходимости обеспечения защиты потребителей и окружающей среды, регулирования производства.

Такая мера стимулирования экспорта, как государственное страхование, также не является панацеей. Например, в Польше, несмотря на систематическое увеличение объемов застрахованного через Корпорацию страхования экспортных кредитов польского экспорта, его размер по отношению к общему экспорту не превышает 1,5%. На очень низком уровне сохраняется страхование под гарантии госказны — установленный в бюджете лимит используется примерно на 4%. Система субсидирования экспортных кредитов в Польше действует не в полной мере: только 20% экспортеров, опрошенных польским Министерством экономики, ответили, что знакомы с механизмом доплат по экспортным кредитам[2].

Как представляется из вышеизложенного, возможности стран ВЦЕ по ускорению экономического роста на основе использования тради-

---

[1] См.: *Calderon C., Loayza N., Sevran L.* Greenfield Foreign Direct Investment and Mergers and Acquisitions: Feedback and Macroeconomic Effects/World Bank working paper No 3192. 2004. januar.

[2] См.: Деловая Польша. 2000. М.: Полпред, 2001. С. 52.

ционных факторов роста выглядят неоднозначно. Может быть это звучит чересчур категорично, но нам представляется, что ни членство в ЕС с последующими финансовыми трансфертами, ни реализация какой-либо избранной для подражания модели (ирландской, аргентинской, австрийской и т.п.) не позволят странам ВГ резко прибавить в росте.

Предлагавшийся им в качестве панацеи от всех проблем трансформации так называемый Вашингтонский консенсус, ставивший во главу угла приватизацию, либерализацию и стабилизацию, потерпел крах. На взгляд автора, данный факт имеет два основных объяснения:

1. Вашингтонский консенсус являлся умозрительной конструкцией, в реальности имевшей мало общего с опытом самих развитых стран. В частности, Дж. Стиглиц отмечал, что «наиболее продвинутые страны, включая США и Японию, развивали свои экономики, опираясь на вдумчивую выборочную защиту некоторых отраслей до той поры, пока те не набирали достаточной силы для конкуренции с иностранными конкурентами»[1].
2. Принципы Вашингтонского консенсуса расходятся с основной тенденцией экономического развития Запада, а именно — растущим усилением степени государственного регулирования экономики.

Последнее обстоятельство на первый взгляд входит в противоречие с господствующим постулатам о поступательном характере развития рыночных отношений. Однако стоит добавить следующее: условием экономического роста в современной ситуации является отнюдь не сокращение степени участия государства в перераспределении национального дохода, а увеличение такого участия. При этом речь должна идти не столько о росте объемов государственной помощи в виде трансфертов, дотаций, кредитов и т.п. (хотя, например, в странах ВГ с положительной хозяйственной динамикой — в частности, в Польше, Венгрии — удельный вес государственных расходов в ВВП составляет 40–45%, тогда как в странах ВЕ с отрицательной или замедленно-положительной динамикой — например, в Болгарии, Румынии — лишь 25–35%[2]), а сколько о повышении степени контролируемости государством основных экономических процессов.

Правда, это ведет к тому, что скорость роста замедляется, но зато повышается сбалансированность. И с помощью принятых экономистами математически-рациональных доводов однозначно судить

---

[1] *Stiglitz J.E.* Globalization and its Discontents. L., 2002. P. 13.

[2] См.: *Гринберг Р.С.* Экономические реформы в постсоциалистических странах: концепции, результаты, уроки // ЭКО. 2003. № 4. С. 31.

о том, что же лучше — темп или уравновешенность, — вряд ли возможно. Мы исходим из того, что выбор того или иного приоритета экономического развития на макроуровне следует ставить в зависимость от стадии развития всей этносоциальной системы, которая, в свою очередь, оказывает заметное воздействие на степень рациональности поведения членов общества. Считая, что Вишеградская Европа, выступающая при данном этническом составе неотъемлемой частью Запада, вступила в стадию замедленной эволюции, спокойного отношения к жизни, нельзя сомневаться в том, что приоритет экономической политики будет отдан не скорости, а сбалансированности.

Вследствие этого мы не можем согласиться с часто появляющимися высказываниями следующего содержания: «Выравнивание уровня экономического развития стран ЦВЕ может быть затруднено не столько недостатком экономических ресурсов ЕС, сколько переходом во всемирном масштабе на *подлинно рыночные* (курсив мой. — *А.Д.*) принципы, формируемые в рамках ВТО и предусматривающие постепенный отход от субсидий и других форм государственной поддержки»[1].

Ведь если отвлечься от либеральной риторики и рассмотреть этот тезис, то можно сделать несколько интересных выводов:

1. Появляется противопоставление «подлинно рыночных» принципов каким-то другим (допустим, «псевдорыночным»); при этом первые объявляются наиболее характерными для ВТО, хотя на самом деле все обстоит с точностью до наоборот.
2. Признается проблематичность повышения уровня экономического развития на основе внедрения именно «подлинно рыночных» принципов. В таком случае, какой смысл в ВТО, как в распространителе этих принципов, если их воздействие на экономический рост оспаривается?
3. Признание возможности Евросоюза «взять на содержание» страны ВЕ.

Впрочем, с последним выводом автор долгое время (примерно до 2005–2006 гг.) также соглашался, ориентируясь, прежде всего, на так называемую «цивилизационную общность» Западной и Восточной Европы (имея в виду новых членов ЕС). К тому же даже документы Европарламента гласили, что «...расширение — это прежде всего политическая цель, политическая важность вопроса далеко превосходит вкладываемые в это финансовые средства», и потому «следует со всей решительностью подчеркнуть, что проблеме цены расширения [ЕС]

---

[1] *Сафонов И.А.* Перспективы внешней торговли России в связи с расширением ЕС // Внешнеэкономический бюллетень. 2003. № 1. С. 34.

ни в коем случае не должно быть позволено взять верх над связанными с ним принципиальными политическими соображениями»[1].

Однако развернувшийся глобальный финансовый кризис последних лет со всей очевидностью показал, что экономические и социальные последствия расширения ЕС для самих западных европейцев не столь радужны, хотя, возможно, они и дополняются политическими и военно-стратегическими соображениями, например усилением влияния в этом регионе.

Оценка перспектив и последствий введения евро странами Вишеградской группы

Принятие в ЕС новых членов привело к заметному увеличению количества валют, функционирующих в рамках единого рынка ЕС. Такая ситуация ведет к возрастанию трансакционных издержек европейских предпринимателей, соответственно, потенциал евро как единой европейской валюты не будет использован полностью, что вполне может оказать на нее негативное воздействие в негласном соревновании с долларом. Поэтому вопросам вступления стран ВГ в зону евро уделяется большое внимание. Этому посвящена обширная литература (довольно содержательный анализ многих из работ подобного рода проведен Й. Фирдмуком и Л. Корхоненом[2]), проводятся научно-практические конференции, создаются различного рода комиссии и экспертные группы.

Как представляется, причины подобного интереса к евро в странах ВГ вызваны теми положительными моментами, которые сулят переход на единую европейскую валюту. К ним обычно относят следующие:

- экономия на конвертации национальных валют в евро и наоборот, что ведет к росту внешнеторгового оборота и, соответственно, к росту производства;
- стабилизация обменных курсов и проведение стабильной монетарной политики ведет к существенному повышению мобильности капиталов в регионе;
- смягчение опасений в странах В4 относительно возможности спекулятивных атак на национальные валюты в переходный период;
- и наконец, для всей еврозоны благоприятно скажется так называемый «эффект сеньоража», описанный С. Фишером: «Если

[1] Материалы МИД РФ. 2003 г.

[2] См.: *Firdmuc J. and Korhonen L.* The euro goes East. BOFIT (Bank of Finland. Institute for Economies in Transition). 2003. No 6.

банкноты страны-эмитента выходят за границы национальной экономики, то страна-эмитент фактически получает беспроцентный кредит объемом, равным денежному эквиваленту банкнот, находящихся в обращении вне национальной экономики»[1]. Для стран ВГ «эффект сеньоража» будет иметь следствием увеличение средств, направляемых из бюджета ЕС в их экономики.

По оценкам некоторых венгерских аналитиков, введение евро — помимо вышеперечисленных моментов, — спустя некоторое время само по себе оказало бы стимулирующее воздействие на рост ВВП в пределах 0,5–1,5 п.п.[2]

Конечно, переход к евро (что означает участие в Европейском валютном союзе — ЕВС) имеет и некоторые неопределенные последствия. Их можно разделить на стратегические и тактические.

К первой группе относятся два принципиальных момента: *перспективы самого евро и ограничения, налагаемые природой этой коллективной валюты.* Что касается перспектив, то в начальный момент появления евро они выглядели не столь однозначно, хотя, возможно, это было следствием воздействия психологических факторов, поскольку населению и предпринимателям необходимо было время, чтобы привыкнуть к новой валюте. Данные платежных балансов стран еврозоны показывали, что в начале 2000-х гг. расчеты в евро в среднем составляли 40–50% общего внешнего денежного оборота[3].

Впрочем, с течением времени статистика дает все больше свидетельств укрепления роли евро в мировой экономике.

Вполне естественно, что страны Восточной Европы, включая и «вишеградцев», также сделали ставку на евро, еще до официального вступления в ЕС начав в одностороннем порядке привязывать обменные курсы своих национальных валют к евро. Так, Венгрия с 2000 г. привязала форинт к евро (до этого действовал режим скользящей девальвации относительно корзины валюты, состоящей из немецкой марки и доллара). В Чехии, Словакии, Словении евро неформально использовался как якорная валюта в рамках режима регулируемого плавания. В Польше с 1999 г. валюты стран ЕВС в валютной корзине были заменены на евро.

---

[1] Цит. по: *Мамакин В.Ю.* Международная роль евро: настоящее и будущее // Деньги и кредит. 2003. № 11. С. 69.

[2] См.: Népszabadság. 2005, október 5.

[3] См.: *Мамакин В.Ю.* Указ. соч. С. 76.

Поскольку страны ВГ связали свою монетарную политику с евро, следует рассмотреть и второй момент — ограничения, налагаемые природой евро. К ним относятся следующие:

- утрата монетарного суверенитета, а следовательно, и возможности оперативного воздействия на объемы денежной массы в стране;
- социальный характер западноевропейской экономики (невозможность маневрирования учетной ставкой в отдельно взятой стране, невозможность девальвации национальной валюты по причине ее отсутствия, закрытие предприятий, снижение зарплаты и т.д.);
- взаимозависимость — если кризис начинается в одной стране, то перекидывается на остальные.

Об усилении роли этих ограничений свидетельствует деятельность финансовых властей Греции, не сумевших в условиях глобального финансового кризиса вести грамотную макроэкономическую политику, что повлекло серьезные сомнения даже в самой необходимости существования евро.

Проблема еще и в том, что, как отмечает Н.В. Куликова, «в соответствии с законодательными актами о расширении ЕС все его новые страны-члены обязаны принять единую европейскую валюту»[1]. Понятно, что это происходит не автоматически, а исходя из оценки внутренней макроэкономической ситуации, сопоставления положительных и отрицательных последствий введения единой европейской валюты и анализа возможностей выполнения так называемых «маастрихтских критериев»:

- **ценовая стабильность**: в течение 12 месяцев, предшествующих принятию решения о вступлении в ЕВС, уровень инфляции не может превышать более чем на 1,5 п.п. среднюю величину инфляции в странах еврозоны (до декабря 2006 г. — по трем странам ЕС с наименьшими уровнями инфляции);
- **бюджетная дисциплина**: в календарном году, предшествующем принятию решения о вступлении в ЕВС, дефицит бюджета не может превышать 3%;
- **уровень госдолга** не должен превышать 60% ВВП;
- **процентная конвергенция**: за 12 месяцев, предшествующих принятию решения о вступлении, средний уровень процентной став-

[1] *Куликова Н.В.* Экономика новых стран Евросоюза: достижения и ловушки на пути догоняющего развития // Европейский союз и новые страны-члены: проблемы адаптации. М.: ОМЭПИ ИЭ РАН, 2008. С. 164.

ки не должен превышать на 2 п.п. уровень средней процентной ставки в трех странах ЕС с наименьшими уровнями инфляции;

- **курсовая стабильность**: не менее чем за два года, предшествующих принятию решения о вступлении в ЕВС, колебания курса национальной валюты не могут превышать 15% в обоих направлениях.

С декабря 2006 г. Еврокомиссия обновила перечень критериев, добавив к пяти известным еще и требование соответствия принципов организации Центробанка законодательству ЕС (но оно не поддается количественной оценке).

Правда, некоторые специалисты считают, что существующие критерии — даже с учетом изменений 2006 г., — недостаточно точно отражают современные реалии. Так, известный венгерский экономист Д. Шурани отмечает, что Маастрихтские критерии не только излишне жестки, но и противоречат друг другу. Главной проблемой он считает отсутствие среди критериев такого параметра как «внешняя стабильность». По его мнению, внешнеэкономические равновесие как стран ЕС, так и стран еврозоны в значительной мере зависит от мирового рынка, однако на него не могут воздействовать ни ЕЦБ, ни национальные правительства[1].

Возможно, что вышеотмеченные явления (изменения Маастрихтских критериев, выступление Д. Шурани) являются двумя сторонами одного процесса — усиления сомнений как в самом ЕС, так и в странах ВГ, относительно необходимости строгого соблюдения Маастрихтских критериев. Такой негативизм, с одной стороны, связан с проблематичностью наказания нарушителей согласованных критериев. Не секрет, что некоторые страны-члены еврозоны сами не могут похвастаться последовательностью соблюдения этих критериев[2]. С другой стороны, последние изменения Маастрихтских критериев в 2006 г. вкупе с резолюцией Европарламента «Специальные требования к вступающим кандидатам», в которой прямо говорится, что слишком поспешное вхождение новых стран ЕС в зону евро может повредить

---

[1] См.: Népszbadság. 2006., szeptember 29.

[2] Так, критерий бюджетной дисциплины в течение 2000–2008 гг. не соблюдался Грецией практически ежегодно (кроме 2006 г.), Германией (в 2002–2005 гг.), Францией (в 2003–2004 и 2008 гг.), Португалией (в 2001 и 2004–2006 гг.), Италией (в 2003–2006 гг.), а также Ирландией и Испанией (обе в 2008 г.), Нидерландами (2003 г.), Австрией (2004 г.). За аналогичный период Бельгия и Италия ни разу (!) не соблюдали критерий государственного долга, а Австрия выполнила его только в 2007 г. Также стабильно не выполняет его Германия (2002 г.), Франция (с 2003 г.), Португалия (с 2005 г.). При этом хорошо известно, что многочисленные попытки «приструнить» экономических лидеров Евросоюза Германию и Францию, особенно заметные в 2003–2004 гг., ни к чему не привели.

процессу реальной экономической конвергенции[1], свидетельствуют о признании недостаточности формального достижения Маастрихтских критериев для введения евро. Тем более что глобальный финансовый кризис 2008–2010 гг. оказал мощное негативное воздействие на макроэкономические показатели не только тех стран ВГ, стремящихся в некий обозримый период ввести евро, но и «старых» членов ЕС.

На прошедшем в Брюсселе 1 марта 2009 г. неформальном саммите Совета ЕС, премьер-министр Венгрии Ф. Дюрчань попытался выступить в качестве рупора восточноевропейских государств, озвучив, в том числе, и предложение о досрочном принятии этих стран в зону евро, что позволило бы им избежать стремительного обесценивания национальных платежных средств. Однако это предложение было встречено в штыки М. Тополанеком, заявившим, что восточноевропейский регион не является особым регионом ЕС.

Просьба принять страны Восточной Европы в зону евро досрочно, была отвергнута со ссылками на то, что критерии все же остаются важной и незыблемой частью интеграционной политики Евросоюза. По этому поводу Ж.Э. Баррозо высказал мнение, что солидарность в рамках ЕС имеет свои пределы, что Евросоюз не может отойти от критериев при приеме в зону евро, как бы тяжела не была ситуация в ряде стран Евросоюза. Сами страны-претенденты должны понимать, заявил он, что дестабилизация еврозоны и утрата доверия к ней, не служит интересам ЕС в целом.

Следует учитывать, что все Маастрихтские критерии находятся в тесной взаимозависимости между собой, порою оказывая друг на друга противоречивое воздействие. Мы считаем — пусть это прозвучит и парадоксально, — что именно успехи стран ВГ в процессе трансформации в очень большой степени предопределили наличие многих проблем в достижении Маастрихтских критериев. Суть в том, что стремление стран ВГ преодолеть трансформационный кризис в первую очередь за счет ускоренной маркетизации результировалось в существенном увеличении притока иностранных капиталов, искавших наиболее выгодные точки приложения. Следствиями масштабных перемещений капиталов стали быстрое увеличение денежной массы, инфляционное давление (особенно на фондовом и риэлторском рынках), рост реального валютного курса, увеличение дефицита текущего платежного баланса и т.д. Продолжением всех этих проблем может стать столь же внезапный отток пришедших капиталов в связи с колебаниями мирохозяйственной конъюнктуры.

---

[1] Цит. по: *Клепиков А., Скрипов В., Иванов В.* Трехлетняя передышка // Эксперт Северо-Запад. 25 декабря 2006 г.

В целом можно отметить, что наблюдаемое в результате институциональных реформ, структурных изменений, а также повысившейся мобильности капитала в странах ВГ, укрепление национальных валют этих стран носит объективный характер. Однако это в известной степени противоречит целям экономической политики новых членов ЕС.

Во-первых, чересчур быстрое укрепление национальных валют может серьезно затруднить поддержание установленного курса в рамках 15%-ного «коридора».

Во-вторых, укрепление национальных валют негативно сказывается на положении национальных экспортеров, которые в той или иной степени оказывают воздействие на правительство.

В-третьих: по мере того как страны ВГ продвигаются от умеренных к средним уровням инфляции, одновременное выполнение критерия инфляционной и курсовой стабильности может привести к дилемме макроэкономической политики.

В-четвертых, продолжающееся укрепление валют стран ВГ по отношению к евро и ожидания инвесторов по сохранению этой динамики привели к росту интереса зарубежных инвесторов к приобретению ценных бумаг, выпускаемых правительствами восточноевропейских стран, но номинированных не в евро, а в национальных валютах. Это имеет следствием, с одной стороны, рост фондового рынка, с другой стороны, увеличение размера государственного долга.

В-пятых, вступление в ЕС (особенно на первых порах) не способствует достижению критерия бюджетной дисциплины. Механика отношений между новыми членами и организационной структурой ЕС ведет к росту правительственных расходов в странах ВГ, а следовательно, и к увеличению дефицита бюджета, который не сможет быть компенсирован трансфертами из Евросоюза. Конечно, некоторое позитивное воздействие на государственный бюджет стран ВГ может оказать постепенное прекращение аграрных дотаций, которые замещаются дотациями из ЕС, но нельзя забывать и о целом комплексе факторов, негативно воздействующих на увеличение дефицита государственного бюджета[1]:

— необходимость осуществлять выплаты в единый бюджет ЕС, пропорционально размеру ВВП новых членов Евросоюза;
— часть трансфертов ЕС направляется непосредственно в частный сектор, что, естественно, не имеет положительного влияния на государственный бюджет;

---

[1] См.: *Orbán G., Szapáry G.* A Stablitási és Növekedési Paktum az üj tagállamok szemszögébxl // MNB füzetek. 2004. No 4. O. 15–16.

— трансферты, поступающие в бюджеты стран ВГ для осуществления различных проектов, предварительно должны быть профинансированы правительствами;
— трансферты ЕС не могут использоваться на проекты, которые в отсутствие этих трансфертов бюджет мог бы профинансировать самостоятельно;
— обязательное софинансирование проектов, осуществляемых с привлечением средств ЕС;
— увеличение административных издержек, связанных с финансируемыми за счет ЕС проектами;
— отсутствие обложения таможенными пошлинами товаров, поступивших из стран — членов ЕС, и распределение от таможенных сборов за товары, поступившие из третьих стран, между остальными членами ЕС.

Динамика достижения установленных критериев является предметом пристального внимания со стороны финансовых властей ЕС. В частности, национальные программы по введению евро внимательно изучаются на совещаниях министров финансов стран ЕС, которые полномочны требовать от страны-претендента на введение евро разработки (или уточнения) плана конкретных мероприятий структурных преобразований.

Со своей стороны, в странах ВГ в различных форматах создана инфраструктура для введения евро. Так, в Словакии в 2002 г. была создана специальная комиссия из представителей Центрального банка, правительства и деловых кругов для комплексного обсуждения последствий введения евро.

Рассмотрим в общем виде ситуацию с выполнением Маастрихтских критериев странами ВГ *(см. табл. 5.3.5)*.

Как видно, указанным критериям полностью соответствует лишь Словакия, которая с января 2009 г. вошла в зону евро. Ситуация в других странах ВГ — Польше, Венгрии и Чехии, — представляется менее оптимистичной.

Если ориентироваться по показатели 2008 г., то средний уровень инфляции в странах еврозоны составил 3,3%, т.е. допустимая величина могла быть около 4,8%. Из стран ВГ этот «норматив» в 2008 г. соблюдали только Польша и Словакия (соответственно, 4,2 и 3,9%), но Словакия уже в мае 2008 г. получила одобрение Еврокомиссии на введение евро.

Следует отметить, что вступление в ЕС стран ВГ в 2005 г. фактически прервало наблюдавшуюся с середины 1990-х гг. тенденцию к последовательному в целом замедлению темпов инфляции. Объяснением

Таблица 5.3.5

Показатели монетарной конвергенции стран Вишеградской группы

Страна	Год	Инфляция	Баланс госбюджета (% от ВВП)	Госдолг (% от ВВП)	Долгосрочные процентные ставки	Среднегодовой обменный курс национальной валюты к евро
Венгрия	2004	6,8	–6,4	59,4	8,2	251,7
	2005	3,5	–7,9	61,8	6,6	248,1
	2006	4,0	–9,3	65,6	7,1	264,3
	2007	7,6	–5,3	65,9	6,7	251,4
	2008	6,0	–3,8	72,9	…	265,1
Польша	2004	3,6	–5,7	45,7	6,9	4,5
	2005	2,2	–4,1	47,1	5,2	4,1
	2006	1,3	–3,6	47,6	5,2	3,9
	2007	2,6	–1,9	45,0	5,5	3,8
	2008	4,2	–3,6	47,2	…	3,9
Словакия	2004	7,5	–2,4	41,4	5,0	40,0
	2005	2,8	–2,8	34,2	3,5	38,6
	2006	4,3	–3,5	30,5	4,4	37,2
	2007	1,9	–1,9	29,3	4,5	33,8
	2008	3,9	–2,3	27,7	…	…
Чехия	2004	2,6	–3,0	30,4	4,8	31,9
	2005	1,6	–3,6	29,7	3,8	29,8
	2006	2,1	–2,8	29,4	3,9	28,3
	2007	3,0	–0,7	29,0	4,5	27,8
	2008	6,3	–2,1	30,0	…	26,2

Источник: Европейский союз и новые страны-члены: проблемы адаптации. М.: ОМЭПИ ИЭ РАН, 2008. С. 167; URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/statistics/themes

этому может служить то, что предприниматели и просто граждане стран — «старых» членов, пользуясь исторически сложившимися различиями в уровнях цен, стремились быстро приобрести в свою собственность земельные участки, дома, автомобили и т.п., что оказывает серьезное давление на цены в странах ВГ. Последовавшие затем меры по ее снижению инфляции были достаточно эффективными, но наступление мирового финансового кризиса вновь потребовало вмешательства монетарных властей.

В области бюджетной дисциплины наибольшие проблемы испытывают Польша и Венгрия. Причем, последняя, «традиционно» отличающаяся мощным всплеском бюджетного дефицита в годы парламентских выборов, активно использует разрешенные способы ма-

нипулирования с цифрами. Так, в декабре 2004 г. в соответствии с требованиями ЕСА (ESA — European System of Accounts) была изменена методика расчета дефицита госбюджета теперь, при определении величины сальдо госбюджета стали учитываться доходы и расходы частных (т.е. негосударственных!) пенсионных фондов. Естественно, после ретроспективного пересчета показателей с 2000 г. общая картина улучшилась. В частности, дефицит бюджета в 2003 г. составил уже не 6,2, а 5,3%, показатели 2004 г. улучшились с 5,5 до 4,5%. Прогнозные оценки до 2008 г., проведенные по измененной методике, и учитывающие требования ЕС о ежегодном снижении на 0,5 п.п. уровня дефицита бюджета, превышающего 3%-ную «планку», также показывали ускорение процесса достижения этого Маастрихтского критерия[1].

По уровню госдолга в худшую сторону опять отличается Венгрия, но, как отмечалось выше, во многих странах ЕС ситуация аналогична.

Показатели процентной конвергенции, как кратко-, так и долгосрочные, находятся в определенной зависимости от уровня инфляции. Поэтому на них неизбежно сказывается рост инфляции. Кроме того, определенные проблемы возникают из-за того, что используемые в ЕС в качестве критерия ставки по 10-летним государственным облигациям с фиксированным процентом в странах ВГ применимы не в полной мере в связи с относительной неразвитостью данного сегмента рынков капитала.

В отношении курсовой стабильности страны ВГ в целом успешно выполняют этот критерий. Напомним, что валютные отношения между зоной евро и не участвующими в ней странами ЕС регулируются соглашением «Европейский валютный механизм-2» (ЕВМ-2), принципы и основные элементы которого были оговорены в Амстердамской резолюции 1997 г. ЕВМ-2 предусматривает установление «уравновешивающего курса» национальной валюты к евро и минимизацию его колебаний, для чего установлены стандартные пределы колебаний вокруг центральных курсов в пределах ±15%[2]. Размах колебаний может быть добровольно сужен властями той или иной страны, но никак не расширен (это может послужить причиной отказа Евросоюза одобрить введение евро в стране).

Проблема состоит и в том, что Венгрия, Польша и Чехия все еще не являются членами ЕВМ-2[3]. Правда, венгры в свое время выражали

[1] См.: KSH. Statisztikai hirek. 2004, december 6. No 19.

[2] Правда, по мнению некоторых высокопоставленных чиновников ЕС для новых членов установленный ЕВМ-2 размах колебаний должен быть сужен до 2,25%.

[3] Стоит отметить, что присоединение к соглашению ЕВМ-2 еще не ведет к скорому введению евро. Так, из стран, подключившихся к ЕВМ-2 в течение 2004–2005 гг., т.е. Эстонии, Латвии, Литвы и Словении, только последняя добилась права использовать европейскую валюту.

готовность перед вступлением в ЕВС-2 снизить действующий до сих пор «эталонный» уровень в 282,36 форинта за 1 евро (от которого как раз исчисляются пресловутые 15%) до 250 форинтов за 1 евро. Но эта мера носит больше бутафорский характер, не способствуя достижению Маастрихтских критериев.

В целом Чехия, Польша и Венгрия — по причине высокой проблематичности достижения Маастрихтских критериев — предпочитают не фиксировать сроки введения единой европейской валюты, а уже названные даты постоянно переносятся на более поздний срок. Чехи, например, в 2005 г. в качестве даты введения евро называли 2010 г., но дипломатично стали заявлять, что вообще не считают эту проблему срочной. Более того, директор Чешского национального банка Зденек Тума в январе 2009 г. назвал уже дату 2019 г., что на девять лет позже изначально запланированной чехами даты. Польские власти, судя по всему, больше волнует не столько дата введения (колеблющаяся по нынешним оценкам от 2010 до 2014 г.), а сколько курс злотого к евро. Разногласия по этому аспекту проблемы введения евро проявлялись, например, в том, что предложенная в 2003 г. тогдашним министром экономики РП Е. Хауснером идея ввести фиксированный курс, в 2004 г. новым премьером М. Белкой уже считалась неприемлемой. Венгры после первоначальных планов введения евро в 2007 г. затем стали последовательно называть более поздние сроки. Лондонское отделение Дрезднер-банка еще в 2005 г. считало, что введение евро в Венгрии возможно в 2012–2013 гг., агентство Фитч назвало 2011 год «реально возможным» для введения евро, а агентство СиП 2010 г. назвало «чересчур оптимистичным сроком»[1]. Аналогичным образом Еврокомиссия усомнилась в том, что Польша сможет стать членом еврозоны с 1 января 2012 г. Дело в том, что в связи с кризисом, Польша начала постепенно растрачивать накопленный потенциал и энергию в докризисный период позволившие ей максимально быстро, вслед за Словенией и Словакией, приблизиться к необходимым экономическим критериям.

Как видно, до консенсуса относительно сроков введения евро еще далеко. Есть сторонники форсирования «евроизации» (их аргументы варьируются от роста потерь от «недоувеличения» ВВП, опасений относительно снижения роста интереса иностранных инвесторов к стране, до «трусости» и некомпетентности правительства; есть приверженцы скоординированного введения евро странами Вишеградской четверки; есть осторожные, исходящие из того что оценки долгосрочных последствий перехода к евро странами ВГ имеют неопределенный

[1] Népszabadság. 2005, szeptember 23.

характер[1]. В какой-то степени их позицию поддерживают некоторые ученые, специалисты и чиновники ЕС. Более того: президент ЕЦБ Ж.-К. Трише прямо заявил, что «при вступлении в еврозону страна остается в ней навсегда, следовательно, это должно быть сделано безупречно»[2]. Эта позиция, пожалуй, наиболее точно отражает нынешние настроения властей стран ВГ, еще не вступивших в зону евро, состоящие в том, что проблема обеспечения экономического роста превратилась в более актуальную проблему, нежели выполнение критериев монетарной конвергенции.

Предпосылки и проблемы активизации субрегионального экономического сотрудничества Вишеградских стран

Вступление в Евросоюз стран ВГ и «примкнувших» к ним Словении и Прибалтики еще больше увеличило долю ЕС в их внешней торговле, поскольку товарооборот, осуществлявшийся этими странами между собой теперь автоматически включается в торговлю внутри ЕС. Так, если в 2003 г. доля ЕС во внешней торговле этих стран составляла 67,3%, то с учетом их взаимных поставок между собой этот показатель в 2005 г. увеличился до 80,7%. Как видно, доля взаимных хозяйственных связей стран «призыва 2004 г.» относительно невелика и составляет около 13%. Если сопоставить этот показатель с данными, относящимися к периоду до Второй мировой войны, когда на взаимные хозяйственные связи приходилось не более 15% внешнеторгового оборота[3], то следует признать, что за семь десятков прошедших лет ситуация кардинально не изменилась, если не сказать иначе. Конечно, после вступления в ЕС уже прошло достаточно времени, чтобы более глубоко оценить последствия вступления стран ВГ в ЕС на субрегиональное экономическое взаимодействие.

Преломляя эту проблему через призму торгово-экономических отношений, можно увидеть довольно интересную картину сопоставления двух первых внешнеторговых партнеров стран ВГ *(см. табл. 5.3.6)*. Из нее явственно следует зримая ориентация стран ВГ на Германию, характерная, к слову, не только для современного периода, но и для

---

[1] Если говорить о краткосрочных последствиях, то стоит упомянуть значительный подъем цен после введения с 1 января 2009 г. евро в Словакии, отразившийся в наплыве покупателей из Словакии в приграничные районы Венгрии.

[2] Известия. 14.10.2005.

[3] См.: *Алисов Н.В., Хорев Б.С.* Экономическая и социальная география мира (общий обзор): Учебник. М.: Гардарики, 2001. С. 195.

более ранней истории стран ВГ. По крайней мере, эта страна никогда не была вне первой тройки внешнеторговых партнеров каждой из рассматриваемых стран, и ее отрыв от «преследователей», как правило, довольно внушителен. Данные таблицы показывают, что если Германия находится на первом месте среди внешнеторговых партнеров, то ее отрыв от второго места весьма существенен, а если Германия занимает вторую строку, то отрыв от первого места, как правило, незначителен при заметном отставании третьего внешнеторгового партнера.

Вопрос о причинах столь явной предрасположенности стран ВЕ к торговым связям с Германией обычно объясняется целым комплек-

Таблица 5.3.6

Главные внешнеторговые партнеры стран Вишеградской группы

	Экспорт				Импорт			
	Партнер № 1		*Партнер № 2*		*Партнер № 1*		*Партнер № 2*	
	страна	*доля*	*страна*	*доля*	*страна*	*доля*	*страна*	*доля*
				1929–1930				
Польша	Германия	31,2	Чехия	10,5	Германия	27,3	США	12,5
			Австрия	10,5				
				1938				
Польша	Велико-британия	18,2	Германия	14,5	Германия	14,5	США	12,2
				1980				
Польша	СССР	31,2	ФРГ	8,1	СССР	33,1	ФРГ	6,7
				1996				
Венгрия	Германия	29,0	Австрия	10,6	Германия	23,7	Россия	12,5
Польша	Германия	34,6	Россия	6,8	Германия	24,9	Италия	10,0
Словакия	Чехия	31,0	Германия	21,2	Чехия	24,7	Россия	17,8
Чехия	Германия	35,7	Словакия	14,1	Германия	29,8	Словакия	10,0
				2003				
Венгрия	Германия	30,4	Австрия	11,2	Германия	28,6	Австрия	8,7
Польша	Германия	32,3	Франция	6,1	Германия	24,4	Италия	8,5
Словакия	Германия	31,1	Чехия	12,1	Германия	25,5	Чехия	14,3
Чехия	Германия	36,9	Словакия	7,9	Германия	32,4	Италия	5,3
				2008				
Венгрия	Германия	26,5	Италия	5,4	Германия	25,4	Россия	9,0
Польша	Германия	25,0	Франция	6,2	Германия	28,6	Россия	9,7
Словакия	Германия	20,0	Чехия	13,2	Германия	19,9	Чехия	17,8
Чехия	Германия	32,7	Словакия	7,1	Германия	28,5	Словакия	8,5

Источник: Рассчитано автором на основании данных национальной статистики.

сом факторов: здесь и роль, которую играет германская экономика в Европе, ее статус «локомотива», и территориальная близость, и размер рынка, и даже традиции. В целом соглашаясь с подобными объяснениями, мы хотели бы сделать одно уточнение: доминирующим фактором повышенного внешнеторгового интереса к Германии, вероятно, выступает повышенная по сравнению с другими странами Западной Европы концентрация в обществе отношений маркетизации, как раз и позволяющая «переваривать» этот поток товаров, который, в свою очередь, является следствием еще более высокого по сравнению с Германией уровня маркетизации, ведущего к «тотальной» распродаже имеющихся в странах ВГ ресурсов.

Есть и другой аспект доминирования Германии во внешней торговле стран В4, и связан он с сохранением асимметричного характера этих отношений, что признается всеми исследователями. В самом деле: в конце XX в. на Германию приходилось около 50% внешнеторгового оборота стран ВЕ с ЕС[1], тогда как в 2003 г. доля ВЦЕ во внешней торговле Германии составила несопоставимые 9,5%[2]. Даже если к ним добавить страны ЮВЕ, все равно получится 10,6%. Асимметрия проявляется и в том, что страны ЕС снимали ограничения в торговле быстрее и в большем объеме, нежели страны ВЦЕ.

Признание факта асимметричности заставляет усомниться в полном равноправии членов ЕС, а следовательно, и в том, что Европа едина. В качестве аргумента подобного утверждения отметим хотя бы то, что в аграрной сфере новым странам — членам ЕС предложена система, согласно которой в течение первых лет они будут получать лишь 25% от субсидий, выплачиваемых Евросоюзом бедным членам ЕС, и только к 2013 г. суммы должны сравняться. Такое положение совершенно не соответствует условиям, на которых вступали в ЕС Испания, Португалия и Греция. В связи с этим поляки, например, считают, что к 2013 г. большинство местных фермеров успеет разориться. Правда, венгры надеются, что объемы выделяемых им средств сравняются со средними по ЕС несколько раньше, а именно — к 2010 г. Но думается, что даже подобное ускорение[3] не ликвидирует неравноправия между «старыми» и «новыми» членами ЕС.

Как видно, неравноправие в единой Европе существует, хотя это не признается открыто. Л. Романова указывает, что новые члены ЕС со-

[1] См.: *Festoc-Louis F.* The Integration of Central European countries into the Western European Econome from 1988 to 1998 // Acta oeconomica. 2002. Vol. 52. No 1. P. 109.

[2] См.: www.destatis.de (Federal Statistical Office of Germany, 2004).

[3] По расчетам венгров, величина средств из фондов ЕС на развитие АПК Венгрии, составив в 2004 г. 303 млн евро, в последующие три года будет ежегодно увеличиваться на 5%, а в следующие три года — на 10% (Népszava. 2004, március 30).

ставляют своеобразную зону с «определенным поражением в правах в экономической сфере на некоторый отрезок времени по отношению к 15 старым членам ЕС»[1].

Страны ВГ в начале трансформационного периода пытались создать на новой рыночной основе механизм углубления взаимного сотрудничества. В результате в декабре 1992 г. была создана ЦЕФТА (Центральноевропейское соглашение о свободной торговле)[2]. Кстати, по их примеру с апреля 1994 г. начало функционировать БФТА (Балтийское соглашение о свободной торговле)[3].

Члены ЦЕФТА в качестве первого шага сократили на 40% пошлины на промышленные товары; дополнительные протоколы к Соглашению 1994–1995 гг. еще больше снизили пошлины и распространили действие льгот на продукцию сельского хозяйства. В 1997 г. пошлины на промышленные товары были отменены, но взаимная торговля аграрной продукцией осуществлялась несколько нервозно и все еще требовала дальнейших согласований и подвижек. В противовес этому, членам БФТА удалось либерализовать внешнеторговый режим в самых проблемных для них областях: торговле аграрной продукцией и рыбой (вопреки теоретическим представлениям, произошло это даже до формирования таможенного союза и гармонизации мер внутренней поддержки и внешней политики).

Кстати, подобные механизмы предусматривались и в странах Юго-Восточной Европы. Так, подписанный в 1999 г. Пакт стабильности в ЮВЕ (ПСЮВЕ) помимо прочих мер по нормализации ситуации в регионе предусматривал и создание некой организации свободной торговли наподобие ЦЕФТА или БФТА. Но «вместо того, чтобы немедленно приступить к работе по созданию региональной организации свободной торговли, страны ЮВЕ решили формировать сеть ограниченных двусторонних соглашений»[4]. Впрочем, все еще существующая ЦЕФТА, пусть и лишившаяся всех представителей ВГ, а также вступивших в ЕС Болгарии и Румынии, вопреки своему названию («Центрально-Европейская») сейчас фактически объединяет страны Юго-Восточной Европы (кроме членов ЕС Словении и Греции) плюс Молдавию.

---

[1] *Романова Л.* Расширение Евросоюза — нарушение геоэкономического баланса интересов // Обозреватель. 2004. № 7. С. 41.

[2] Странами-учредителями были Венгрия, Польша и Чехословакия. После пятого расширения ЕС (2004) и вступления Болгарии и Румынии в 2007 г. в настоящее время объединяет 6 стран: Боснию и Герцеговину, Македонию, Молдавию, Сербию, Черногорию и Хорватию.

[3] С момента учреждения и по настоящее время ее участниками являются Латвия, Литва и Эстония.

[4] *Adam A., Kosma Th., McHugh J.* Trade Liberalization Strategies: What could SEE learn from the CEFTA and BFTA? // IMF Working Paper WP/03/2391. 2003. P. 8.

Однако, если абстрагироваться от декларированных целей и попытаться посмотреть в корень проблемы, то можно прийти к выводу, что стремление каждой из стран — членов ЦЕФТА к скорейшему и менее обременительному вступлению в ЕС отнюдь не способствовала, а скорее препятствовала развитию реального интеграционного сотрудничества. Так, в 1993–2002 гг. объемы внешней торговли членов этой ассоциации увеличились в 2,6 раза, но доля поставок в рамках этих соглашений в общем объеме товарооборота в указанный период снизилась с 14 до 11%[1]. При этом доля ЕС в совокупном экспорте ЦЕФТА возросла с 56 до 68%[2].

Таким образом, причиной недостаточно глубокого уровня торгово-экономического сотрудничества стран ВГ в большой степени является проявившееся в начале трансформационного процесса стремление стран ВГ как можно быстрее «вернуться в Европу», не особо рассчитывая на взаимодействие с соседями, которые, как правило, рассматривались как конкуренты. Скорее всего, именно в этом кроются корни так называемой проблемы «hub-and-spoke» (ось и спицы), когда решение каких-то либо дискуссионных вопросов в самых различных областях (экономической, торговой, инвестиционной и т.п.) происходит через центр (т.е. через Брюссель), а не напрямую между заинтересованными странами.

Происходит ли интегрирование стран В4 в общеевропейскую экономику? Если судить только по динамике их внешней торговли со странами ЕС, как известно в значительной мере отражающей процессы реального производства, то, видимо, следует признать, что да, происходит: их доля во внешнеторговых потоках внутри ЕС возрастает. Причем это относится и другим странам Восточной Европы, ставшими членами ЕС в 2004 и 2007 гг. *(см. табл. 5.3.7)*. Из таблицы хорошо видно, что на долю «вишеградцев» приходится порядка 80% всех объемов торговли новых членов ЕС. Иными словами, они, по сути, обеспечивают рост значения «новых» членов ЕС во внешнеторговой компоненте общеевропейского проекта.

Но эти цифры не позволяют узнать — за счет чего происходит такой рост? Возможны три ответа:

- «новые» члены увеличивают поставки между собой, тем самым обособляясь от «старых» членов ЕС;

---

[1] См.: Мировая экономика. Учебник / Под ред. Ю.А. Щербанина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 314.

[2] См.: *Adam A., Kosma Th., McHugh J.* Trade Liberalization Strategies: What could SEE learn from the CEFTA and BFTA? // IMF Working Paper WP/03/2391. 2003. P. 6 (27 p.).

- происходит рост поставок в «старые» члены ЕС, при этом внутрирегиональным связям придается меньшее значение;
- происходит и первое, и второе вместе.

Для ответа на этот вопрос уместно рассмотреть не агрегированные показатели, а индивидуальные *(см. табл. 5.3.8)*.

По нашему мнению, эти красноречивые цифры свидетельствуют скорее об углублении внутрирегиональных контактов, нежели об укреплении внешнеторговых связей со «старыми» членами ЕС. Вполне возможно, что мы наблюдаем начало процесса консолидации стран региона, который, возможно, превратится в относительно самодостаточное образование, в некий субрегион.

Таблица 5.3.7

Внешняя торговля новых членов ЕС с остальными членами ЕС *(млн евро)*

	Болгария	Чехия*	Эстония	Латвия	Литва	Венгрия*	Польша*	Румыния	Словакия*	Словения	N.M.	ЕС	Доля новых членов во внешней торговле ЕС в %
Экспорт в ЕС													
2003	...	37,2	3,3	2,0	3,8	30,9	38,4	...	16,3	7,6	139,5	1878,5	7,4
2004	...	47,7	3,8	2,5	5,0	35,5	47,7	...	18,8	8,7	169,7	2028,3	8,4
2005	...	53,3	4,8	3,1	6,2	38,3	55,5	...	21,9	10,2	193,3	2144,2	9,0
2006	...	64,8	4,9	3,5	7,1	46,9	69,0	...	28,9	12,7	237,8	2488,9	9,6
2007	8,2	76,2	5,6	4,4	8,1	55,1	80,7	21,3	37,1	15,2	311,8	2653,6	11,8
2008	9,1	84,8	5,9	4,7	9,7	57,7	90,2	23,7	41,2	15,8	342,8	2704,5	12,7
Импорт из ЕС													
2003	...	32,5	3,7	3,5	4,8	26,7	41,7	...	14,7	9,3	136,9	1781,2	7,7
2004	...	45,0	4,9	4,3	6,3	32,6	53,9	...	18,7	11,6	177,3	1950,4	9,1
2005	...	50,3	6,1	5,2	7,3	35,8	60,6	...	22,4	12,7	200,4	2065,8	9,7
2006	...	59,7	7,5	6,9	9,6	42,8	72,0	...	27,7	14,9	241,1	2405,7	10,1
2007	12,8	69,1	9,0	8,7	12,2	48,4	88,6	36,6	33,0	17,0	335,4	2582,3	13,0
2008	14,2	74,3	8,7	8,3	12,2	50,5	102,0	38,9	36,4	17,9	363,4	2623,3	13,9

Источник: External and intra-European Union trade // Monthly statistics — Issue number 12/2009.
Примечания: * отмечены страны ВГ.

Определенные предпосылки для этого имеются. Ведь если исходить из того, что в любом геополитическом образовании выделяется ядро, состоящее из одной или нескольких стран, в наибольшей мере соответствующих критериям выделения данного геополитического образования, и некий «приядерный пояс» стран, тяготеющий к этому ядру, то в рамках ЕС начинает формироваться новое ядро, которое в потенциале может превратиться в регион «Восточная Европа». Возможно, центр притяжения составят страны Вышеградской четверки, а на них будут ориентироваться — но в уменьшающейся степени — другие страны региона.

В этой связи интересно рассмотреть динамику внешнеторговых отношений между странами Вишеградской группы. Главной особенностью является то, что при ранжировании величин двусторонних потоков в рамках всей Восточной Европы показатели стран Вишеградской группы безоговорочно занимают первые 12 мест (имеются в виду, все возможные комбинации двусторонних экспортных потоков: например, венгеро-польские, венгеро-чешские и венгеро-словацкие экспортные потоки, а также обратные им польско-венгерские, чешско-венгерские и словацко-венгерские. Аналогично для Чехии, Словакии и Польши и т.п.)[1]. Это означает, что любой из двусторонних экспорт-

Таблица 5.3.8

Доля взаимных поставок «новых» членов ЕС в общем объеме поставок в ЕС (%)

	Экспорт					Импорт				
	2004	*2005*	*2006*	*2007*	*2008*	*2004*	*2005*	*2006*	*2007*	*2008*
Латвия	33,3	36,8	40,2	46,6	49,0	38,4	41,8	41,9	42,3	45,3
Литва	32,4	34,9	37,8	41,8	41,1	28,9	30,5	31,5	33,9	37,2
Словакия	28,6	32,1	32,9	34,1	35,0	34,9	37,3	39,3	41,4	43,2
Эстония	22,7	22,5	26,3	28,8	26,8	20,7	22,0	24,6	27,2	31,1
Венгрия	11,1	14,3	18,3	24,4	26,5	13,7	14,5	16,7	19,9	21,3
Чехия	19,5	21,3	22,8	24,3	25,3	15,9	17,7	20,2	21,1	22,2
Словения	14,2	13,9	19,6	22,2	23,7	9,9	11,2	12,2	13,2	13,9
Польша	14,5	15,7	17,5	20,1	20,7	11,7	12,4	12,8	13,5	13,7
Румыния	...	...	...	19,5	21,0	...	...	...	22,9	25,4
Болгария	...	...	...	18,1	21,3	...	...	...	23,0	25,7

Источник: Рассчитано по: External and intra-European Union trade // Monthly statistics — Issue number 12/2009.

[1] См.: *Inotai A.* Trends in external Trade of the New member Countries after Three Years of Membership with Special Reference to their Intra-Trade // Hungarian Statistical Review. 2007. Special Number 11. O. 58.

ных потоков (например, польско-литовский или румыно-болгарский) будет меньше потока, в котором участвуют две страны ВГ. Второй особенностью является медленное, но все же заметное, ухудшение позиций Польши как привлекательного внешнеторгового партнера в рамках «четверки» и, соответственно, некоторое усиление внешнеторгового сотрудничества в трехстороннем формате (между Венгрией, Чехией и Словакией). Хотя, возможно, причину этого следует искать в естественных флуктуациях экономической конъюнктуры.

Отдельное место в субрегиональном экономическом взаимодействии занимает сотрудничество между регионами, многочисленные предложения по усилению которого раздаются как в самом ЕС, так и на сопредельных территориях. Основная идея развития межрегионального сотрудничества состоит в том, чтобы увеличить степень взаимодействия членов ЕС на горизонтальном уровне, хотя такое сотрудничество подразумевает достижение и других значимых целей. В частности, межрегиональное сотрудничество рассматривается как потенциальный источник стабильного экономического роста. В силу, например, более развитой инфраструктуры, наличия научно-технического потенциала и трудовых ресурсов, проводимой местными властями политики и т.п., связи между близлежащими регионами соседних стран могут оказаться более тесными, чем региональные связи внутри каждого из государств.

Идея эта быстро получила широкое признание. Причем настолько, что на страны Восточной Европы — как вступившие в ЕС, так и намеревающиеся это сделать, — приходится очень заметная доля в общем количестве созданных в Европе еврорегионов. В частности, по данным 2006 г., восточноевропейцы участвовали в деятельности 28 еврорегионов из 61 (т.е. на них приходилось 46% всех «еврорегионов в Европе), а по данным 2008 г., ситуация даже несколько улучшилась: из 115 еврорегионов восточноевропейские страны участвовали в 62 (т.е. 54,9%)[1].

Наибольший вклад в «прирост» обеспечили страны Юго-Восточной Европы: Балканские государства и вступившие в 2007 г. в ЕС Болгария и Румыния. Так, если в 2006 г. эти страны смогли договорится о функционировании «лишь» 5 еврорегионов, то к 2009 г. их количество возросло до 26.

Однако страны Вишеградской группы все еще лидируют в создании еврорегионов. В какой-то мере это является отражением того факта, что появившийся в 1991 г. первый еврорегион, в котором принимали уча-

[1] Рассчитано автором на основании материалов Европейской Ассоциации приграничных регионов (www.ear.eu).

стие восточноевропейцы «Нейсе», объединял приграничные территории Польши, Чехии и Германии. В настоящее время Польша практически по всему периметру государственных границ имеет 17 еврорегионов («Балтия», «Бескиды», «Беловежская пуща», «Добрава», «Неман», «Буг», «Карпаты», «Татры», «Шлёнск Цешински», «Силезия», «Глаценсис», «Нейсе», «Шпрее-Ныса-Бобр», «Про-Европа», «Прадед», «Померания», «Сесупе»), Чехия — 14 («Баварский лес», «Бескиды», «Шлёнск Цешински», «Добрава», «Эгренсис», «Эльба-Лаба», «Глаценсис», «Нейсе», «Крушногоры», «Поморавье-Захорье-Вайнфиртел», «Прадед», «Силезия», «Сильва Нортица», «Белые Карпаты»), Венгрия — 12 («Карпаты», «Западная Паннония», «Дунай-Кёрёш-Марош-Тиса», «Истер-Гранум», «Бихария», «Дунай-Драва-Сава», «Драва-Мура», «Ваг-Дунай-Ипой», «Ипой», «Неоградиенс», «Шайо-Римава», «Кошице-Мишкольц») и Словакия — 11 («Бескиды», «Карпаты», «Поморавье-Захорье-Вайнфиртел», «Татры», «Белые Карпаты», «Истер-Гранум», «Ваг-Дунай-Ипой», «Ипой», «Неоградиенс», «Шайо-Римава», «Кошице-Мишкольц»).

В целом страны ВГ участвуют в различном формате (двух-, трех-, четырехстороннем и т.п.) в деятельности 36 еврорегионов. Число еврорегионов, в которых непосредственно участвуют только «вишеградцы», составляет 13: шесть венгеро-словацких, четыре польско-чешских, один польско-словацкий и один трехсторонний — польско-чешско-словацкий. Остальные еврорегионы с участием «вишеградцев» функционируют с участием других соседних стран — Германии, Австрии, Румынии, Украины, Беларуси, Литвы.

Кроме того, известны планы создания еще нескольких еврорегионов. В частности, уже долгое время идут разговоры о еврорегионе «Средний Дунай», который предполагает организацию регионального сотрудничества примерно в квадрате Вена–Брно–Нитра–Дьёр (т.е. включает в себя части Австрии, Чехии, Словакии и Венгрии). Готовится создание еврорегиона «Вальдфиртел — Южная Чехия», охватывающего приграничные территории Чехии и Австрии. Пять стран (Венгрия, Украина, СиЧ, Румыния, и Словакия) в 2004 г. начали работу по разработке совместной стратегии развития бассейна реки Тиса[1]. Помимо предотвращения экологического ущерба (вспомним хотя бы сброс цианидов в 2001 г. в Румынии, или ежегодные разливы реки) речь идет и об экономических последствиях: снижении внеплановых расходов бюджетов на устранение бедствий, развитие инфраструктуры и, как следствие, повышение занятости, регулирование аграрной деятельности.

---

[1] См.: Világgazdaság. 2003, október 29.

Внимательное изучение межрегионального сотрудничества в Восточной (а также Вишеградской) Европе показало, что оно стало реализовываться в различных вариациях, сутью которых является расширение или, наоборот, сужение самого понятия «еврорегион». Примером расширительного подхода выступает проект еврорегиона под условным названием «Триест», включающего не просто приграничные регионы, а целиком все страны-участники (в данном случае — Австрию, Италию, Словению и Хорватию). Развитием этого проекта может служить озвученная на международной конференции по региональному развитию в Будапеште весной 2006 г. идея о создании «Центрально-Европейского региона развития». Примером обратного рода является продвигаемый венграми проект создания «малых регионов», т.е. небольших приграничных территорий, локализованных в одном месте. Это уже выразилось в появлении шести венгеро-словацких еврорегионов. Как представляется, венгерский подход направлен на то, чтобы микрорегионы различных стран могли более эффективно представлять свои интересы в Евросоюзе и, естественно, получать средства из фондов территориального развития ЕС. Возможно, что именно в интересах «гарантированного» поступления подобного рода средств Венгрия в 2006 г. предложила свою столицу в качестве резиденции «Института сплочения», создаваемого на общеевропейском уровне в целях изучения проблем транснационального сотрудничества и научного обеспечения региональной политики стран ЕС[1]. Возможным примером компромиссного подхода является идея создания «Трансдунайского еврорегиона», охватывающего придунайские территории всех стран, через которые протекает эта река.

В связи с подобного рода различиями подходов представляет интерес «релятивистская», или функционалистская позиция, занятая американским исследователем Уолтером Айзардом и его последователями. Она может быть сформулирована следующим образом: как дефиниция, регион исчезает, стоит нам только углубиться в чисто пространственное теоретизирование. Он возвращается в качестве концепции, необходимой для обоснования наших доктрин. Другими словами, «иерархию регионов определяет только научная проблема... Регион детерминирован тем вопросом, изучением которого мы занимаемся»[2]. Поэтому вполне допустимо существование еврорегионов самого различного размера — от локальных до масштабных. Более того — и это

---

[1] См.: Figyelő. 2006. No 13.

[2] Цит. по: *Andrew M. Isseman.* Lost in Space? On the History, Status, and Future of Regional Science // The Review of Regional Studies. Vol. 23. No 1. Summer 1993. P. 5–6.

мы наблюдаем на практике — отдельные «мини-еврорегионы» могут быть составной частью «максиеврорегионов».

Однако идея еврорегионов таит в себе и определенные опасности. М. Лебедева оправданно указывает на то, что «неконтролируемая регионализация ослабляет центральные власти, создает опасность неравномерного развития государства, ведет к усилению конфликтных ситуаций»[1]. Идея еврорегионализации при всех ее положительных моментах все же вполне может привести к усилению региональных диспропорций внутри стран ВГ.

С точки зрения оценки перспектив развития сотрудничества в восточной части Евросоюза, пока выглядит довольно интересной набирающая силу тенденция увеличения потоков взаимных инвестиций между странами ВГ. Конечно, масштаб такого увеличения значим только для самих стран ВГ и ничтожен по сравнению не только с мировыми лидерами, но и с рядом стран ЕС. Например, в 2005 г. страны ВГ сделали внешних инвестиций в объеме 4,7 млрд евро, что составило 73% от экспорта ПИИ новыми членами ЕС (включая Болгарию и Румынию). Примерно половина этого объема (44,8%) была направлена в страны — члены ЕС, а доля новых членов составила 14%[2]. Исходя из того, что на страны В4 в совокупности приходится около 80% всех ПИИ, привлеченных в Восточную Европу, можно предположить, что пропорция сохраняется и в сфере экспорта капитала. Хотя, безусловно, при комментировании данных о потоках ПИИ необходимо учитывать, что одна-единственная сделка по приобретению активов может иметь искажающее влияние на общую характеристику инвестиционной деятельности той или иной страны. В частности, незначительная доля новых членов ЕС в вывозе ПИИ из Венгрии (3%) отнюдь не говорит об отсутствии интереса венгерских и действующих на территории Венгрии предпринимателей к странам ВГ *(см. табл. 5.3.9)*, поскольку отсутствующие данные за другие годы вполне могут показать иную картину, просто в 2005 г. около трети от общего объема вывезенных ПИИ пришлось на сделки в Хорватии и Черногории. Аналогичным образом можно взглянуть и на показатели Польши: в 2005 г. почти половина (!) всех ПИИ пришлась на одну страну — Швейцарию.

Картина экспорта капитала из стран ВГ по имеющимся у нас данным выглядит недостаточно полно, тем не менее она позволяет получить определенное представление о величине и векторе инвестиций.

---

[1] *Лебедева М.* Новые транснациональные акторы и изменение политической системы мира // Космополис. 2003. № 1. С. 30.

[2] См.: EU-15 Foreign Direct Investment in the new Member States continues to increase // Statistics in focus. Economy and finance. 2007. No 106.

Так, к 2002 г. общий кумулятивный объем венгерских инвестиций, сделанных за пределами страны, составил около 2,5 млрд долл. США[1], в конце 2004 г. — 8,9 млрд долл. США[2] к середине 2008 г. он возрос до 11,6 млрд евро (примерно 17,0–17,5 млрд долл. США)[3].

В 2003 г. венгерские компании инвестировали за рубежом — по различным оценкам — от 0,9 до 1,8 млрд долл.[4], главным образом путем участия в приватизации. В 2004 г. объемы сократились до 1,2 млрд долл.[5] В 2005 г. величина направленных за пределы Венгрии средств увеличилась в три раза. В 2008 г. последовало очередное снижение объемов инвестиций — до 0,9 млрд долл. США.

Правда, из этих сведений совершенно неясно, какова доля стран ВЕ в общем потоке инвестиций из Венгрии. Сами венгры отмечают, что 63% всех ПИИ из Венгрии поступают в страны Восточной Европы, преимущественно в Хорватию, Чехию, Румынию и Словакию, причем на долю последней приходится около 25% от общего объема венгерского экспорта капитала. В 2004 г. Венгрия даже стала самым крупным иностранным инвестором в Словакии (191 млн долл. США), опередив Австрию (189 млн долл.) и Чехию (137 млн долл. США) По данным словацкой статистики, величина накопленных венгерских инвестиций к началу 2005 г. составила 756 млн долл. США (в 2002 г. — 300 млн долл. США). Венгры, правда, считают, что эта величина составляет 1,9 млрд долл. США (т.е. в 2,5 раза больше), но они учитывают не факти-

Таблица 5.3.9

Вывоз ПИИ странами ВГ (млн евро; 2005)

	Всего	В том числе: в страны ЕС	Доля (%)	В том числе: в новые члены ЕС	Доля (%)
Венгрия	1419	817	*58*	42	*3*
Польша	2467	882	*36*	343	*14*
Словакия	126	84	*67*	63	*50*
Чехия	688	327	*48*	213	*31*

Источник: EU-15 Foreign Direct Investment in the new Member States continues to increase // Statistics in focus. Economy and finance. 2007. No 106.

[1] См.: Világgazdaság. 2002, december 2.
[2] См.: Figyelő. 2005, augusztus 16.
[3] См.: ÁTTEKINTÉS az aktuális magyar működőtőke-kiviteli folyamatokról. 2009, szeptember 30.
[4] См.: Magyar Nemzet. 2004, március 31.
[5] См.: Figyelő. 2005, augusztus 16.

чески поступившие средства, а объем договорных обязательств венгерских компаний[1].

В период с 2003 по 2006 г. венгерские компании инвестировали в страны региона около 1,4 млрд долл. США (при этом только за один 2006 г. венгерские компании всего осуществили 28 зарубежных трансакций на 2 млрд долл. США). Основные экспортеры капиталов — Банк ОТР, «Мадьяр Телеком», GTS Central Europe, «Глобус», «Графисофт», «Синергон»[2]. За этот период крупные активы приобретались в Хорватии (МОЛ приобрела ИНА, банк ОТП–Нова-Банк), Сербии (Банк ОТП–«Кулска Банка», «Нишска банка», «Цептер банка»), Черногории (Банк ОТП–«Черногорска комерциальна банка»; 100%), Словакии (МОЛ Словнафт), а также в Румынии (банк МКВ–Ромэкстеррабанк; 55,4%), Македонии (Телекоммуникационная компания МАТАВ–Мактел), Боснии и Герцеговине (объединенная МОЛ-ИНА–Енергопетрол), Польше (БоршодХем — активы в фармацевтике)[3].

Венгерский гигант в сфере строительства недвижимости «TriGranit Development Corporation» весной 2008 г. заложил камень в основание торгово-офисного центра «Бонарка» в Кракове. Проект предусматривает 3,5 тыс. парковочных мест, 250 магазинов. Стоимость проекта — 500 млн евро, срок завершения — вторая половина 2009 г.[4] Кроме того, «TriGranit» строит крупный офисный центр в Любляне, и намерен заняться этим в Подгорице, столице Черногории[5], а также обьявил о сооружении крупного торгового центра «Мозаика» в Москве[6].

Поляки в 2004–2007 гг. инвестировали больше всех стран региона — 4,7 млрд долл., но главным образом в соседние Чехию и Литву, к тому же эти инвестиции характеризовались заметной отраслевой специализацией: в частности, в 2006–2007 гг. польская компания «ПКН-Орлен» осуществила существенные вложения в литовский «Мажейкиу Нафта» (около 3,5 млрд долл. США) и заметно меньше в активы в Чехии (2,8 млн долл. США). Кроме того, польские фирмы в указанный период приобрели активы в чешских химических и фармацевтических компаниях (вложения составили порядка 280 млн долл.), а также в электронной промышленности (26 млн долл. США). Далее следуют румынские аквизиции в финансовом и строительном секторах (около 58 млн долл. США). Незначительные по сравнению вышеназванными сделки за-

---

[1] См.: Világgazdaság. 2005, szeptember 5.

[2] См.: Népszabadság. 2006, április 7.

[3] См.: www.securities.com (скачано 15 марта 2007 г.).

[4] См.: New Europe. 2008, March 11.

[5] См.: IntelliNews — Hungary Today. 2008, May 7.

[6] См.: New Europe. 2008, April 8.

фиксированы в Венгрии (6,5 млн долл.; гостиничное хозяйство) и Боснии и Герцеговине (6,4 млн долл. США; фармацевтика).

Чешские инвестиции в 2003–2006 гг. в страны региона составили 1,2 млрд долл. США (при этом в 2005 г. общий поток инвестиций за пределы страны достигал 0,8 млрд долл. США, а в 2006 г. — 1,5 млрд долл. США), но они характеризуются еще большей концентрацией. Подавляющая их часть осуществлена чешской энергетической компанией CEZ, владеющей ТЭЦ «Варна» в Болгарии (что, кстати, стало возможным после того, как российский энергооператор ИНТЕР-РАО расторг сделку по приобретению выигранного им на конкурсе актива), имеющей мажоритарные пакеты двух польских угольных электростанций: «Электровня Скавина» (Elektrownia Skawina; 75%) и «Элхо» (Elcho; 89%)[1], а также обладающей электроэнергетическими активами в Румынии. Общая величина вложений в эти активы составила порядка 1 млрд долл. США. Экспансия этой чешской компании продолжается и вне пределов региона, летом 2006 г. завершилось оформление сделки по покупке пактов акций восьми украинских «облэнерго». Помимо электроэнергетики чехи проявляют заинтересованность также и в сфере фармацевтики — в 2005 г. приобретены активы в Словакии (80,1 млн долл. США) и Румынии (102,6 млн долл.), и в нефтепереработке в Болгарии (21,8 млн долл. США).

Общий объем накопленных словацких инвестиций за рубежом к 2001 г. составлял 450 млн долл. США, из которых половина приходилась на Чехию, а еще четверть — на Венгрию и Украину. Фактически в страны ВЕ было инвестировано около 335 млн долл. США. Но в последующие годы (вплоть до 2007 г.) Словакия сделала немного вложений в страны региона: в 2005 г. зафиксированы сделки по приобретению активов в чешских предприятиях коммунального хозяйства (107 млн долл. США) и в начале 2007 г. в Сербии в сфере производства автомобильных компонентов (2,3 млн долл. США). Последняя сделка, вероятно, отражает деятельность расположенного на территории Словакии автозавода фирмы «Фольксваген».

Наиболее применяемой формой инвестирования пока выступает участие в приватизации, хотя по мере развития фондового рынка в Восточной Европе постепенно растет роль вторичных трансакций с ценными бумагами уже приватизированных компаний.

Основными инвесторами из стран ВГ выступают крупные компании, обеспечивающие наибольшую долю внешних инвестиций. Впрочем, по их стопам следует и малые и средние предприятия. Например,

---

[1] См.: РБК-Daily. 27.09.2006.

в Румынии зарегистрировано 3600 фирм с венгерским капиталом, занимающихся туризмом, энергетикой, строительством, финансовыми услугами и т.д.[1], а в Словакии помимо известных венгерских компаний МОЛ, ОТП, «Данубиус», «TriGranit» действует еще порядка 6 тыс. предпринимателей.

Если рассматривать процесс инвестирования из стран ВГ как некий вектор, имеющий исходную точку и направление, то, необходимо исходить из двух посылок.

Первая. Выбор направления инвестирования определяется возможностями приложения капиталов. Эти возможности создаются прежде всего в странах, находящихся на более высокой стадии маркетизации (т.е. в большей степени предрасположенных к распродаже накопленных предыдущими поколениями ресурсов).

Вторая. Источниками внешних инвестиций являются как средства расположенных на территории стран ВЦЕ трансакциональных компаний (ТНК), так и более-менее национальный капитал (государственный или частный). Мотивы и в том и в другом случае одинаковы — стремление получить близкую к максимальной эффективность использования капиталов, но разница в характере действий. В первом случае инвестирование носит стратегически-добровольный характер, во втором — тактически-вынужденный.

Первая посылка объясняется тем, что ТНК в условиях расширившегося Евросоюза стремятся связать в единую цепочку расположенные в соседних странах производственные или управленческие мощности в целях дальнейшего снижения издержек. Например, третий по величине банк в Венгрии «Венгерский внешнеторговый банк» (МКВ), в 2006 г. получивший контроль над румынским банком, в свою очередь, почти на 90% контролируется немецким «Байерише Ландесбанком».

Вторая же объясняется тем, что национальные компании, еще оставшиеся в государственной или частной собственности, под давлением массированного появления в стране иностранных конкурентов и захвата ими наиболее прибыльных сегментов рынка, «выталкиваются» в соседние страны, чтобы хоть как-то продолжить свое существование. Так, по данным венгерского ОТП-банка, его зарубежные филиалы в 2006 г. обеспечили 26% прибыли всей банковской группы[2].

По нашему мнению, именно в этом состоит главная причина экспансии, например, венгерского Сбербанка (OTP) в Албании, Болгарии, Румынии, Украине, России и других странах; а также венгерской нефтехимической компании МОЛ в Польше, Словакии и Хорватии.

---

[1] См.: Világgazdaság. 2002, december 2.

[2] См.: Népszabadság. 2006, augusztus 29.

Видимо, среди факторов большее значение имеет необходимость расширения сбыта, и меньше — налоговая привлекательность той или иной страны.

Страны Вишеградской группы в миграционных перемещениях в рамках ЕС[1]

На переговорах о вступлении стран Восточной Европы в ЕС наряду с вопросами, касающимися экономической интеграции, рассматривались и проблемы реализации права на свободное передвижение рабочей силы внутри границ Евросоюза.

Основным предметом переговоров по данной проблематике являлся вопрос, должны ли граждане стран-кандидатов получить право на свободное передвижение внутри ЕС сразу же после вступления или после определенного переходного периода. История развития Союза зафиксировала оба варианта: после «расширения ЕС на юг» (1981 и 1986 гг.) Греция, Португалия и Испания получили право полной свободы передвижения граждан лишь после истечения семилетнего переходного периода, а когда в 1995 г. членами ЕС стали Австрия, Финляндия и Швеция, переходного периода не было.

В итоге для стран-кандидатов на вступление в Евросоюз в 2004 и 2007 гг. было принято гибкое решение: Кипр и Мальта это право получали сразу после вступления, а для остальных устанавливался переходный период, продолжительность которого «старые» члены ЕС определяли сами, исходя из норм своего национального законодательства, но в любом случае — в соответствии уже с общим законодательством Евросоюза, — он не мог превышать семь лет. Эти семь лет были разбиты на три периода (2, 3, 2 года), по истечении каждого из которых западноевропейские страны могли вводить меры, предусматривающие дальнейшую либерализацию национальных правил, или, напротив, ужесточать миграционную политику.

В результате государства ЕС-15 разделились на две части. Первая сразу же полностью открыла свои рынки труда для работников из новых членов, другая — разрешила лишь ограниченный доступ.

С 1 мая 2004 г. для рабочей силы из «новых» членов ЕС, куда, естественно, входят все страны Вишеградской группы, открыли свои рынки Великобритания, Ирландия и Швеция. С 1 мая 2006 г. — Испания,

---

[1] При написании данного раздела использована работа *Бухарина Н.И., Дрыночкина А.В., Лобанова М.М.* Миграционная волна с востока на запад Евросоюза // Европейский союз и новые страны-члены: проблемы адаптации / Под. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2008.

Португалия, Финляндия и Греция, с 31 июля 2006 г. — Италия, с 1 мая 2007 г. — Голландия, с 1 ноября 2007 г. — Люксембург. Вступление в ЕС Болгарии и Румынии происходило уже на более жестких для них условиях, а непосредственно с даты вступления — с 1 января 2007 г. — открыли свои рынки только Швеция, Финляндия, Словения и Польша.

Открытие рынков рабочей силы позволило в своей основе ликвидировать нелегальный труд иммигрантов с востока Европы, которые теперь более-менее исправно платят налоги и делают другие необходимые отчисления.

Практически для граждан всех стран с востока Европы наиболее привлекательной страной трудовой миграции в Европе являлась до 1 мая 2004 г. Германия, куда направлялось примерно 65–75% миграционных потоков из этих стран (в зависимости от конкретной страны региона). Например, в 2002 г. в Германии было 294 тыс. поляков, тогда как в Италии — «лишь» 39 тыс., в Великобритании — 24 тыс., во Франции — 21 тыс. Единственным исключением является Эстония, граждане которой предпочитали и предпочитают трудоустраиваться главным образом в соседней Финляндии, а уж потом в Германии.

Особенно разнились прогнозы относительно Великобритании. В частности, правительство этой страны оценивало ежегодный приток мигрантов из «новых» членов в 2004 г. в пределах 7–13 тыс. человек, авторитетная международная организация «Мигрэйшнуотч» рассчитывала на 40 тыс. человек, а статистическое ведомство Великобритании — на 48 тыс. человек[1]. Однако действительность превзошла большинство прогнозов. Так, с 1 мая 2004 г. по декабрь 2007 г., в Великобритании официально в управлениях занятости были зарегистрированы 508 тыс. поляков, а также 78 тыс. словаков, 73 тыс. литовцев и 37 тыс. граждан Латвии. Несмотря на такие внушительные показатели доля работников из «новых» членов ЕС в Великобритании составила лишь 0,4% от числа трудоспособных или 2% от числа занятых. В целом, на 14 работающих британцев приходится один иммигрант из стран Восточной Европы. Граждане из Вишеградской группы составляют около 10% всех иностранных рабочих в Соединенном Королевстве.

В отношении других стран ЕС ситуация выглядит следующим образом. В Ирландии поляки составляют 8–10% всех занятых. В 2007 г. в Австрии легально работали 7 тыс. человек из новых членов, в основном это граждане Венгрии, Польши и Словакии. В июне 2007 г. в Голландии работали 70 тыс. поляков, болгар и румын. В августе

---

[1] См.: Potential immigration from Romania and Bulgaria // Migration Watch UK. Briefing paper. 05.05.2006.

2007 г. в Испании 45 тыс. поляков имели карту социального страхования, которая свидетельствует о начале их трудовой деятельности на территории страны. В Исландии официально заняты около 12 тыс. поляков, около 1 тыс. литовцев.

В 2004–2007 гг. численность иммигрантов с востока и юго-востока Европы по сравнению с предвступительным периодом увеличилась в «старых» членах ЕС в 2–3 раза. В эти годы в страны ЕС-15 въехали 2–3 млн иммигрантов из «новых» членов Евросоюза. Большинство приехали самостоятельно, какая-то часть вследствие деятельности в странах многочисленных рекрутинговых агентств, обеспечивающих кадрами западные компании.

После вступления в ЕС самыми крупными поставщиками рабочей силы в «старые» члены Евросоюза стали Польша, Болгария, Румыния, Словакия, Литва и Латвия. Подавляющее большинство трудовых мигрантов из стран Восточной Европы составляют поляки. По оценкам, в 2004–2007 гг. в «старые» члены ЕС выехали 1,5–2 млн поляков. По данным польского ЦСУ, в конце 2006 г. в странах Евросоюза временно находились 1550 тыс. граждан Польши (в конце 2004 г. — 750 тыс.). Из них в Великобритании — около 580 тыс.человек, Германии — 450 тыс. (по данным немецкой статистики — 361,7 тыс.), Ирландии — 120 тыс., Италии — 85 тыс., Голландии — 55 тыс. человек[1]. По неофициальным данным, на территории Великобритании находится около 1,1 млн поляков. Они превратились в третье по численности национальное меньшинство после ирландцев и индусов. В Германии поляки также являются третьей по численности национальной диаспорой после турок и итальянцев. В Ирландии поляки — самая крупная национальная группа, которая требует признания польского языка третьим после ирландского и английского официальным языком страны.

Вместе с тем венгры, словенцы и чехи не проявили сколько-нибудь заметного стремления в перемене мест. Лишь 27 тыс. венгров ежегодно выезжает на Запад в поисках работы. Возможная причина этого состоит в том, что венгры не знают иностранных языков. Так, по данным Евростата, Венгрия с большим отрывом занимает первое место в ЕС по количеству лиц, владеющих только родным языком: 75% против 51% в занимающей второе место Португалии[2].

Так, по данным на конец 2004 г. лишь 40 тыс. венгров работали в других странах ЕС (менее 1,0% от общего числа трудоспособных граждан), в том числе: в Германии — 17 тыс. человек, Австрии — 14 тыс., Великобритании — 4 тыс., Ирландии — 2 тыс., Италии — 1,1 тыс., Нидерландах —

[1] См.: Biuletyn Migracyjny. 2007. No 15. S. 4.

[2] См.: Ведомости. 29.09.2009.

0,9 тыс., Испании и Греции — по 0,3 тыс., Швеции — 0,2 тыс. человек. В остальных членах ЕС число венгерских работников не превышало 100 человек[1]. Правда, к концу 2006 г. число венгерских работников в странах ЕС увеличилось, только в Великобритании достигнув 14,6 тыс. человек (прирост за год составил около 10 тыс. человек, но это лишь 3% от общего числа мигрантов из стран ВЕ, меньшие показатели — только у словаков, которых за почти два года членства в ЕС прибыло в Великобританию около 500 человек).

В целом, несмотря на некоторые опасения, трудовая миграция из стран Восточной Европы не приняла излишне массового характера, не заполонила и не дезорганизовала европейский рынок труда, не лишила «старых» европейцев работы, не привела к снижению их заработной платы и резкому росту преступности.

Практика многих стран показывает, что даже если существуют крупные миграционные потоки, то наблюдается очень небольшое — если вообще наблюдается, — измеряемое воздействие на местное население[2]. Этот тезис подтвержден и докладом Еврокомиссии: «Перемещения между ЕС-10 и ЕС-15 крайне ограничены и просто недостаточны для того, чтобы оказывать воздействие на рынок труда Евросоюза». Более того в докладе указано «Мигранты из стран Центрально-Восточной Европы играют вспомогательную роль на рынках рабочей силы в ЕС, смягчая нехватку кадров и способствуя долгосрочному росту»[3]. Ф. Хайнц и М. Уард-Уармедингер пришли к аналогичным заключениям: «Работники-мигранты из новых стран ЕС-10 не вытеснили национальные кадры и оказали позитивное влияние на «старые» члены ЕС, смягчая ограничения в определенных секторах рынка труда и поддерживая растущую занятость»[4].

Основными экономическими мотивами перемещения восточноевропейских мигрантов в страны ЕС-15 можно назвать стремление повысить свой жизненный уровень и последствия безработицы. В частности, в 2006 г. уровень заработной платы, рассчитанный на основе валютного курса, в Словении составлял 54% от уровня заработной платы в странах ЕС-15, в Венгрии — 30%, Чехии — 28, Польше — 25,

---

[1] См.: Népszabadság. 2006, február 10.

[2] См.: *David G. Blanchflower, Jumana Saleheen, Chris Shadforth.* The Impact of the Recent Migration from Eastern Europe on the UK Economy. Speech at a lunch for members of the Cambridgeshire Chamber of Commerce on Thursday, 4th January 2007 // www.mwuk.gb.

[3] European Commission' Report on the Functioning of the Transitional Arrangements set out in the 2003 Accession Treaty (period 1 May 2004 — 30 April 2006). Brussels. 08.02.2006. COM(2006) 48 final. P. 13.

[4] См.: *Heinz F.F., Ward-Warmedinger M.* Cross-border labour mobility within an enlarged EU // European Central Bank Occasional Paper. 2006. October. No 52. P. 26.

Эстонии — 23, Словакии — 18, в Латвии и Литве — 18%. Если сравнить уровни заработной платы между «новыми» и «старыми» членами ЕС на основе паритета покупательной способности, то различия становятся меньше: в Словении — 71%, Венгрии и Чехии — 52, Польши — 50, Эстонии — 40, Словакии — 37, Литве — 35 и Латвии — 34%[1]. Если в странах ЕС-15 работник в обрабатывающей промышленности получает в час 26,1 евро, то в Румынии — 1,6 евро, а в Болгарии — 1,4 евро[2]. Большинство мигрантов — это жители регионов с низким уровнем урбанизации, высокой безработицей и низкой заработной платой, хотя польские социологические опросы свидетельствуют, что половина опрошенных мигрантов перед отъездом за границу все же имели работу на родине.

Определенным стимулирующим фактором трудовой миграции является специфика демографической ситуации в ряд стран ВГ. Например, Польша в последние годы переживает так называемый демографический пик — массовое вхождение в трудовой возраст молодежи, родившейся в первой половине 1980-х гг., что создает излишки рабочей силы в стране и ведет к быстрому росту безработицы. «Выброс» части рабочей силы за границу позволил смягчить социально-политическую напряженность в стране.

Анализ показывает, что за истекшие семь лет произошло снижение количества желающих покинуть страну для работы за рубежом. И хотя общие намерения покинуть страну, по крайней мере на время, достаточно широко распространены, конкретные намерения мигрировать относительно редки. Также важно отметить, что большинство всех потенциальных мигрантов намереваются оставаться за границей лишь временно, поскольку желание эмигрировать и поселиться за границей встречается гораздо реже, чем намерения осуществить временную трудовую миграцию. Сокращение числа потенциальных мигрантов по мере приближения момента вступления в Евросоюз, возможно, объяснялось тем, что открытие рынков труда перед восточно-европейскими государствами произошло не одномоментно после вступления, а постепенно в течение ряда лет.

Вероятно, именно поэтому общее число лиц, ищущих работу в ЕС-15, в настоящее время не велико. Так, в Великобритании доля работников из «новых» членов ЕС составила 0,4% от числа трудоспособных или 2% от числа занятых. По оценкам правительства, за период с мая 2004 г. по сентябрь 2006 г. в страну прибыло и официально зарегистрировалось

---

[1] См.: European Central Bank (2006. Cross-border mobility within an enlarged EU. OP Series). October 2006. No 52.

[2] См.: Világgazdaság. 29.03.2007.

510 тыс. человек[1], главным образом из Польши (307 тыс. человек или около $^2/_3$ от числа прибывших из региона ВЕ) и Литвы[2]), в Швеции — немногим более 0,1%. Показатели Ирландии выше (1,9%), но там учитывают не только самих работников, но и членов их семей[3].

Вместе с тем в притоке рабочей силы — особенно молодой — с востока континента заинтересованы и сами западноевропейские государства, так как до четверти их жителей составляют лица в возрасте старше 60 лет, существует нехватка рабочей силы. Выгода состоит и в том, что иммигранты из «новой Европы» принадлежат к тому же самому цивилизованному, культурному и конфессиональному кругу. Соответственно социальная адаптация иммигрантов из «новых» членов ЕС требует меньших прямых и косвенных затрат, чем адаптация представителей стран дальнего зарубежья. Хотя некоторые фобии — например, та, что в условиях свободного перемещения рабочей силы в пределах ЕС граждане ВЦЕ-стран ринутся в «старую Европу», в результате чего возрастет уровень преступности, увеличится безработица, ухудшится социальное положение и т.п.[4] — еще сохраняются. По данным «Евробарометра» лишь четверо из 10 граждан ЕС считают, что иммигранты действительно полезны для экономики их страны[5].

Положительный миграционный баланс служит единственным противовесом устойчивой депопуляции в большинстве развитых стран Евросоюза. В 2005 г. численность населения ЕС выросла на 1,8–2 млн человек (0,4%), причем характерно, что естественный прирост составил всего 0,7–0,8% (в ЕС-15 в 2000–2004 гг. он достигал 1%), а миграционный прирост — 3,7%. Таким образом, увеличение численности населения на 85% было обеспечено за счет иммиграции и лишь на 15% — естественным движением населения.

К тому же стоит учитывать, что уже к концу 2006 г. стало совершенно очевидно, что приток мигрантов из новых членов ЕС и их влияние на экономику «старых» членов весьма невелики. Большинство «новых» европейцев заняли свободную нишу непрестижного, неквалифицированного или малоквалифицированного и к тому же плохо оплачиваемого труда.

Вместе с тем ряд западноевропейских стран испытывают проблемы и с нехваткой высококвалифицированных кадров, а также медицин-

---

[1] Эта цифра не включает тех легальных мигрантов, которым для трудоустройства не требуется специального, а значит фиксируемого в соответствующих органах, разрешения, и число которых оценивают в 50–100 тыс. человек.

[2] См.: Népszabadság. 2006, november 21.

[3] См.: Népszabadság. 2006, október 26.

[4] См.: К вопросу о предстоящем расширении ЕС // БИКИ. 2003. № 117.

[5] См.: http://www.neurope.eu/articles/81671.php (вывешено на сайт 12 января 2008).

ских работников. Поэтому в таких странах, как Бельгия, Германия и Франция существуют значительные льготы для представителей определенных профессий — архитекторов, программистов, инженеров, медсестер и т.п.

В докладе крупнейшего британского профцентра TUC «Мигранты на рынке труда» говорится, что иммигранты работают значительно ниже уровня своей квалификации, в то время как британские работники со сравнительным уровнем умения и квалификации занимают более высокие должности[1]. В то же время, по данным Европейской комиссии, иммигранты из стран ЕС-8 имеют лучшее образование, чем население из «старых» членов. 57% из них обладают средним образованием, в то время как в странах ЕС-15 — только около 46%[2].

Работа граждан «новых» членов ЕС в странах «старой» Европы способствует существенному притоку иностранной валюты на родину. В 2006 г. мигранты в рамках ЕС официально перечислили около 7 млрд евро[3]. Согласно информации польских банков, поляки ежегодно пересылают около 6 млрд евро. По данным Национального банка Польши, в 2007 г. из-за границы было переведено около 20 млрд злотых (5,8 млрд евро). На долю мигрантов из Великобритании и Ирландии пришлось соответственно 5 и 4,5 млрд злотых[4]. Одновременно польские эксперты считают, что в 2007 г. мигранты, минуя банки и другие финансовые структуры, переправили в страну еще 4—4,5 млрд евро. Большой приток в страну валюты от мигрантов, с одной стороны, способствует финансированию развития экономики страны без необходимости привлечения иностранных кредитов. С другой — это приводит к укреплению злотого, росту инфляции и цен на недвижимость.

Однако у проблемы миграции есть и другая сторона. Отток рабочей силы (прежде всего квалифицированной) на Запад стал создавать проблемы для развития народного хозяйства стран Восточной Европы. В начале 2008 г. 60% польских частных фирм не могли найти необходимых им работников. Наблюдается нехватка рабочих рук в сельском хозяйстве, строительстве, сфере услуг, на конвейерах при производстве на заводах. К тому же в Польше в 2007—2008 гг. из-за большого притока в страну валюты из Великобритании резко упал курс английского фунта по отношению к злотому, и стало менее выгодно работать в этой стране. В начале 2008 г. та же самая зарплата, пересчитанная с фунта на злотые, была на 25% меньше, чем год назад. В мае 2004 г.

---

[1] См.: Polscy emigranci pracują poniżej kwalifikacji// www.tvn24.pl (8.02.2008).

[2] См.: Trzy lata członkostwa Polski w Unii Europejskiej. S. 58.

[3] См.: ec.europa.eu/economy_finance/index_en.htm.

[4] См.: Пинг-понг мигрантами // Росбалт. 17.04.2008.

фунт стоил 7,19 злотых, в начале мая 2008 г. — 4,38 злотых, уже на 40% меньше.

В последнее время в Польше много говорится и пишется о возможном возвращении польских мигрантов на родину. Естественно, что те, кто уехал давно и пустил глубокие корни в других странах, вряд ли вернутся. Однако те, кто устроился не очень хорошо, скорее всего, возвратятся. Польские социологи выделяют четыре категории мигрантов. Первая — «аисты» (20%), которые выезжают раз, два раза в году на несколько недель и ведут себя, как правило, пассивно в Польше. Затем — «хомяки» (16%), которые выезжают один раз, чтобы заработать много, а деньги вложить в дело. Третьи — «ищущие» (42%), которые до конца не знают — вернутся ли они на родину или останутся. И наконец, четвертые — «оседшие» (22%), которые твердо решили, что останутся в стране пребывания[1]. В основном это молодежь. Она не имеет в Польше ни собственного жилья, ни семьи. Молодые люди имеют более высокий уровень образования, знают английский язык, лучше адаптируются к новым условиям. Для них западноевропейские страны привлекательны наличием более гуманных условий жизни и труда.

Быстрый рост заработной платы в Польше в последнее время и укрепление злотого стимулирует возвращение части мигрантов. К этому необходимо добавить своего рода налоговую амнистию для мигрантов, в соответствии с которой поляки, работавшие в 2002—2006 гг. за границей, освобождаются от уплаты налога на доходы, полученные за границей, а также упрощение правил начала хозяйственной деятельности в Польше. Уже в 2007 г. в Великобритании зарегистрировалось на 10% поляков меньше, чем в 2006 г. В 2007 г. в британских трудовых управлениях зарегистрировались 147 тыс. поляков, в 2006 г. — 162 тыс. Все меньше стали приезжать и из других стран-новичков. В апреле 2008 г. британский Институт исследований публичной политики опубликовал результаты своих исследований, в которых утверждается, что половина иммигрантов, прибывших в страну в 2004 г., уже покинули Великобританию и число возвращающихся иммигрантов будет только расти.

Настроения новых мигрантов по сравнению с 2004—2005 гг. уже не являются ура-оптимистическими. Они понимают, что жизнь в Великобритании слишком дорогая, а без знания английского языка нельзя рассчитывать на хорошо оплачиваемую работу. Все больше поляков отказываются от сезонной работы в сельском хозяйстве.

---

[1] Do pracy za granicę wyjeżdżają coraz młodsi// www.gazeta.pl (15.01.2008).

Осенью 2007 г. правительство Польши разработало специальную программу «Возвращение» для польских трудовых мигрантов.

Трудовая миграция привела к снижению безработицы в «новых» членах ЕС, резкому повышению жизненного уровня и уровня потребления части населения, стимулирует развитие ряда областей национальной экономики. Одновременно она влечет за собой и ряд негативных явлений — укрепление национальной валюты и соответственно снижение конкурентоспособности предприятий, экспортирующих за границу, а на местном и региональном уровнях усиление социального неравенства.

Одновременно отток рабочей силы негативно сказывается на экономическом росте «новых» членов ЕС. По оценкам Министерства экономики Польши сокращение трудоспособного населения в период 2006–2025 гг. приведет к потерям ВВП в размере около 400 млрд злотых (порядка 175 млрд долл. США по нынешнему курсу)[1]. Более того, Польша из страны трудовой эмиграции может превратиться в страну иммиграции, вынужденной компенсировать подобным образом нехватку граждан трудоспособного возраста. Польский эксперт А. Стасюк в этой связи задает риторический вопрос: «А не станут ли некоторые регионы Восточной Польши полностью депопулированными?»[2]. Пути же решения этой проблемы пока не ясны. Министр образования Венгрии З. Покорни даже заявил, что «государство больше не имеет административных рычагов для предотвращения эмиграции наших лучших работников: нет виз и нет барьеров в традиционном смысле этого слова»[3].

Отъезд работников из стран Восточной Европы вызывает нехватку рабочей силы, затрудняет национальным компаниям возможности для нормальной работы. Так, Словакия создала весьма благоприятные условия для развития автомобильной промышленности, но иностранные инвесторы (например, концерны «Фольксваген» или «Киа Моторз») столкнулись с серьезной нехваткой квалифицированных кадров для сборки автомобилей. Дело дошло до того, что президент Польши Л. Качиньский прилюдно пожаловался на невозможность покрасить собственный дом, поскольку, мол, все маляры уехали из страны[4].

Можно ожидать, что ситуация нехватки рабочей силы в восточноевропейских странах еще более обострится после 2011–2014 гг., когда

---

[1] См.: Millions on verge of leaving Poland in search of better life // www.wbj.pl/?command=printing&id=37323& (вывешено на сайте 15 мая 2007 г.).

[2] Frankfurter Allgemeine Zeitung. 10.08.2006.

[3] Népszabadság. 23.12.2005.

[4] См.: Skilled workers leaving Eastern Europe in droves // International Herald Tribune. 05.07.2007.

все страны ЕС откроют свои рынки труда. Новые члены ЕС уже пытаются принимать контрмеры и рекрутировать трудовые ресурсы из-за рубежа: «Нехватка трудовых ресурсов стала оказывать столь большое влияние, что политики в конце концов стали апеллировать к сотням тысяч людей, покинувшим страну в поисках работы за рубежом»[1]. В 2003 г. в Чехии стартовала программа «Selecting Qualified Workers From Abroad». Эта программа предлагает постоянный вид на жительство тем, что живет и работает в стране более 2,5 лет. Польша разрабатывает схожую программу, а также начала набор работников из Индии и Китая. Летом 2006 г. министр труда Польши вообще заявил, что для сезонных рабочих в аграрном секторе не требуется получения разрешения на работу[2].

В целом можно прийти к заключению, что потенциал ожидаемой миграции зависит от экономического развития всех участвующих сторон: если экономика новых стран-членов будет развиваться позитивно, то миграционный потенциал снизится. Впрочем, того же следует ожидать, если экономическая ситуация в принимающих странах заметно ухудшится.

Страны Вишеградской Европы как транзитеры российских энергоресурсов

Энергетическое взаимодействие России со странами региона уходит корнями еще во времена СССР и СЭВа, когда были заключены долгосрочные соглашения о поставках энергоресурсов в страны ВГ. Если говорить о нефти, то в силу возможности ее транспортировки железнодорожным транспортом, более-менее регулярные поставки в страны ВГ начались в начале 1950-х гг., а поставки природного газа — несколько позже. Так, Польша[3] импортирует газ из нашей страны с 1945 г., Чехия и Словакия — с 1967 г., Венгрия — с 1975 г.

За эти годы к настоящему времени общий объем поставок природного газа в Польшу составил около 195 млрд м^3, в Чехию — более 200 млрд м^3, в Венгрию — порядка 180 млрд м^3.

---

[1] Postimees. 2007, 11 October.

[2] Where have all our migrants gone? Eastern Europe wants them back // *The Christian Science Monitor*. 2007, January 10.

[3] По некоторым оценкам, в Польшу Советский Союз начал экспорт и стал основным поставщиком природного газа еще в 1944 г. (сразу после ее освобождения от немецко-фашистской оккупации), но документальных подтверждений этому обнаружить не удалось.

Поставки российских (советских) энергоносителей сыграли большую роль в экономическом развитии стран ВГ и оказали положительное воздействие на макроэкономические показатели. Так, импорт российского (советского) природного газа позволил венграм уже к 1980 г. довести его долю в топливном балансе страны до 27%, а к 2005 г. она возросла до 44%.

Построенный в свое время по советским технологиям и с применением советских комплектующих ряд объектов энергетической инфраструктуры, обеспечивал не только поставки, но и транзит в страны Западной Европы. Например, в 1968 г. начались поставки природного газа в Австрию, в 1973 г. — в Германию. Экспорт газа в тот период достиг 4,9 млрд м^3. Чтобы обеспечить его транспортировку, Советский Союз вел с компаниями ENI, Ruhrgas и NAM (Нидерланды) переговоры о строительстве нитки, проходящей по территории Чехословакии и ФРГ. В Германию российский газ поступал через германо-чехословацкую границу в Вайдхаус (энергосистема MEGAL), в Австрию — на австро-чехословацкую границу в Баумгартен (энергосистема WAG).

Можно отметить, что среди восточноевропейских государств страны ВГ (быть может, кроме Чехии) отличаются очень сильной зависимостью от поставок российских энергоресурсов, что наглядно демонстрируют данные таблицы 5.3.10.

Как видно, практически все страны региона можно отнести к категории «углеводородные сателлиты России» (если пользоваться разработанной российским Институтом проблем естественных монополий и Институтом энергетики и финансов методикой, предполагающей выделение четырех групп в зависимости от доли российской нефти и природного газа в суммарном потреблении и суммарном импорте той или иной страны — «сателлиты», «страны с высоким уровнем зависимости», «страны со средним уровнем зависимости» и «страны с низким уровнем зависимости»). Несколько выделяются лишь Болгария и Румыния, обладающие довольно значительными собственными запасами углеводородных ресурсов.

Вместе с тем столь значительная доля российских энергоносителей в энергопотреблении восточноевропейских стран не является единственным фактором, привлекающим внимание к ним российских бизнес-структур и властей. Другим важным моментом, обеспечивающим высокую значимость региона для России, является их транзитное положение на пути следования российских энергоресурсов в западную часть Европы.

По данным международного энергетического агентства (МЭА), через страны ВГ проходит порядка 27% экспортных поставок природ-

Таблица 5.3.10

Степень зависимости отдельных стран ВГ от поставок энергоресурсов из России (2006 г.)

Страна	Доля российских ресурсов в общем потреблении (%)		Доля российских ресурсов в общем импорте (%)	
	нефть	*газ*	*нефть*	*газ*
Страны ВГ				
Венгрия	79,4	66,1	100,0	79,4
Польша	98,3	49,7	99,4	68,8
Словакия	98,8	85,6	95,99	79,5
Чехия	76,7	76,5	69,4	69,4
Другие страны ВЕ				
Болгария	46,1	89,8	46,2	100,0
Румыния	29,8	30,8	62,8	90,4
Сербия и Черногория	...	...	80,0	100,0

Источники: По природному газу: *Miller R.* Central Europe's Energy Security Schism // Center for European Policy Analysis (CEPA). Washington, D.C., July 2008.

По нефти: публикации органов национальной статистики. Возможна небольшая погрешность из-за того, что при сведении таблицы не были учтены поставки в офшоры, где зарегистрированы некоторые нефтетрейдеры, осуществляющие экспорт российской нефти.

ного газа стран СНГ в ЕС-15 и 10% сырой нефти[1]. По России эти показатели еще выше. Росту этих показателей будет способствовать строительство новых трубопроводов.

В 2006 г. удельный вес восточноевропейских государств в общем объеме поставок природного газа из России в Европу возрос до 33%[2]. В целом это достаточно высокие показатели, но они одновременно означают, что доля Западной Европы в общем объеме европейских поставок этого вида энергоносителей составляет порядка двух третей. Аналогичная картина по нефти: соотношение между Восточной и Западной Европой в поставках из России составляет порядка 1:9, но здесь нет остроты проблемы транзита через территорию восточноевропейских государств, поскольку примерно 60% поставок осуществляются морским транспортом[3], а следовательно, маловероятны споры

[1] См.: www.iea.org (размещено на сайте 30 марта 2007 г.).

[2] См.: Ведомости. 29.01.2008.

[3] См.: *Волошин В.И.* ЕС–Россия: сотрудничество в энергообеспечении // Мировая экономика в XXI веке. М.: Научная книга, 2007. С. 38.

по поводу платы за транзит, несанкционированного отбора и прочие сопутствующие проблемы. К тому же в условиях высоких цен на нефть выгодной становится и транспортировка нефти по железной дороге.

Таким образом, страны региона как потребители энергоресурсов представляют интерес для российского бизнеса, но не первостепенный. Возможно, предпосылки для повышения привлекательности у них имеются, ведь на эти страны приходится всего лишь 10% от общего потребления газа в ЕС. И с учетом того, что после вступления в ЕС и активизации процесса размещения производственных мощностей иностранных компаний энергопотребление растет, шансы у российских нефтяников и газовиков немалые.

Вместе с тем надо учитывать, что доля России в общем потреблении природного газа в ЕС составляет примерно 30% (при этом один лишь «Газпром» обеспечивает почти четверть потребления газа в Европе). Показатели по нефти несколько ниже: доля Западной Европы в российских нефтяных поставках на европейском направлении — около 90%, но доля России в европейском нефтепотреблении — 26%.

В определенной степени можно утверждать, что подобный диспаритет не должен вызывать трений в отношениях между экспортерами и импортерами: ведь с точки зрения монополизма доля одного из участников рынка в 30% не является чем-то вопиющим. Скорее, наоборот: для экспортера — т.е. для России, — возникает угроза монопсонии, когда единственный потребитель будет в состоянии диктовать свои условия.

Тем не менее более заметную обеспокоенность сложившимся положением дел выказывают именно европейцы. Известна директива ЕС об установлении порога в 25% для поставщика из одной страны. К тому же по расчетам, сделанным еще в 2001 г., когда доля газа в поставках энергоносителей в ЕС составляла 40%, предполагалось, что к концу первого десятилетия XXI в. она должна возрасти до 70%[1]. Следовательно, абсолютные величины российских поставок неизбежно возрастут, что в условиях сужения предложения энергоресурсов из других источников приведет к росту затрат европейцев на энергоресурсы. Поэтому позиция ЕС по диверсификации источников энергоснабжения вполне понятна. Не совсем понятна, однако, настойчивость российских властей по поддержанию европейского направления энергопоставок, но будем считать, что она объясняется интересами более высокого порядка, чем чисто экономические.

---

[1] Világgazdásag. 2001, julius 25.

Страны ВГ проводят солидарную линию на уменьшение своей зависимости от поставок российского нефтегазового сырья, но не от его транзита, а потому по-прежнему заинтересованы в развитии торговли России с ведущими членами ЕС. Причина проста: экономическое развитие этих стран во многом определяется состоянием транспортной отрасли, работа которой оказывает значительное влияние на формирование ВВП.

Например, через Словакию в середине 1990-х гг. проходило в среднем около 70% природного газа, который Россия экспортировала в Западную Европу, а доходы, которые Словакия получала от оплаты этого транзита, превышали все экспортные поступления страны[1]. К середине 2000-х гг. доля Словакии в российском газовом транзите снизилась до 50%, но и эти цифры впечатляют. Через Польшу все идет еще 20% газового экспорта, что означает серьезные поступления в бюджет страны. Поэтому вполне объяснимо, что Польша в 2002 г. ввела дополнительный налог на недвижимость вдоль трассы газопровода и повысила транзитные тарифы с 1,43 до 2,73 долл. США[2]. Если учесть, что одна Германия потребляет почти четверть всего поставляемого в Европу природного газа, эти шаги выглядят экономически оправданными.

Поэтому Вишеградские страны играют важную транзитную роль в продвижении российских энергоресурсов в Европу и в другие регионы.

Для всех транзитных стран существует проблема физической изношенности трубопроводов — все-таки нефтепровод «Дружба» был введен в строй в 1962–1963 гг., а газопроводы «Союз» и «Братство» несколькими годами позже. Конечно, принимаются соответствующие меры безопасности, но полностью избежать аварий на этих трубопроводах не удалось: так, 17 марта 2008 г. в восточной части Словакии произошел взрыв газопровода, по которому следовал российский газ для потребителей из Западной Европы[3]; 18 октября 2008 г. на участке нефтепровода «Дружба» близ Будапешта произошел розлив нефти из-за трещины в трубе. После сварки первого поврежденного участка и пробного запуска образовалась вторая трещина[4]. Эти аварии оказывают негативное воздействие на поставки российских энергоносите-

---

[1] Значимость российских поставок энергоносителей для Словакии подтверждает то, что Словакия стала единственной страной, потребовавшей от «Газпрома» возместить убытки, понесенные словацкой газовой компанией Slovensky plynarensky priemysel (SPP) в результате противостояния России и Украины в начале 2009 г.

[2] См.: *Дрыночкин А.В.* Восточная Европа как элемент системы глобальных рынков. М.: Олита, 2004. С. 208–209.

[3] См.: Figyelő. 2008, marcius 17.

[4] См.: www.gazeta.ru (вывешено на сайт 18 октября 2008 г.).

лей, а если учесть еще и участившиеся аварии на украинских и белорусских участках экспортных трубопроводов, то картина будет выглядеть еще пессимистичнее.

Но гораздо более существенными для поставок российских энергоносителей на Запад являются действия транзитных государств. Рассматривая страны Восточной Европы с точки зрения их надежности для России как транзитеров, можно выделить четыре условных группы. Наименьшие проблемы у России возникают с так называемыми «континентальными» странами региона, не имеющими выхода к морю — Словакией, Венгрией и Чехией. Возможно, такое состояние вызвано значительными трудностями для них использовать какие-либо альтернативные способы поставок энергоресурсов. Несколько лучше отношения в сфере текущего и перспективного энерготранзита со странами Юго-Восточной Европы. Наибольшие проблемы вызывают страны восточной оконечности Балтийского моря (включая Польшу), правда, это по большей мере касается не текущего транзита, а строящегося в обход этих стран газопровода «Норд стрим». Отдельную группу составляют транзитные страны СНГ— Белоруссия и Украина.

Концентрируясь на рассмотрении отношений со странами так называемой «континентальной» группы, следует отметить, что по минимальному числу упоминаний в российской прессе и общедоступной литературе, относящихся к вопросам транзита энергоресурсов, явно выделяется Чехия. Страна потребляет ежегодно 5,5–6,5 млн т нефти и 7,0–8,0 млрд м^3 природного газа. Часть этих объемов поставляется в качестве платы за транзит, но при этом еще большие объемы энергоносителей не остаются в Чехии, а следует дальше — в Австрию и Германию. Например, в 2006 г. объем транзита природного газа по территории Чехии в страны Западной Европы составил 22,8 млрд кубометров[1].

Конечно, в отношениях по поводу российских энергопоставок в и через Чехию тоже возникают сложности, но, по крайней мере, они решаются без лишнего ажиотажа. Так, в начале июля 2008 г. Россия сократила на 40% поставки нефти в Чехию по нефтепроводу «Дружба», мотивируя это «производственными проблемами у российских поставщиков»[2]. Чешские власти, правда, не выказали озабоченности сокращением физических объемов поставок, но попробовали связать это решение с политикой, поскольку именно в то время США и Чехия договорились о размещении в Чехии систем противоракетной обороны. К тому же отмечалось,

---

[1] См.: РБК-Daily. 14.03.2007.

[2] Technical Russian oil cuts to Czechs coincide with US deal // www.neurope.eu (вывешено на сайт 21 июля 2008 г.).

что поставки в соседние с Чехией страны не претерпели никаких изменений. Тем не менее представители российской «Транснефти» продолжили ссылаться на технический характер сокращения[1].

Есть и другие вялотекущие коллизии, связанные с транзитом. Например, «Газпром» еще в 2001 г. сделал попытку приобретения контроля над транспортировкой (тогда претендентом выступала чешская дочерняя компания «Газ-Инвест»), но попытка не удалась, а в настоящее время «Газпром» изучает возможности приобретения чешского газового монополиста «РВЕ Трансгаз» в связи с истечением в 2010 г. приватизационных обязательств его нынешнего собственника — немецкой компании РВЕ АГ.

Сотрудничество России и Словакии в области поставок и транзита энергоресурсов развивается достаточно интенсивно. Возможно, потому что Россия рассматривает Словакию в качестве одного из важных (наряду с Венгрией) стратегических газовых партнеров, особенно в части газораспределения. В 2007 г. заметно возросла интенсивность переговоров по поводу заключенного между сторонами соглашения на поставку и транзит «голубого топлива», срок действия которого истекал в 2008 г. В итоге в ноябре 2008 г. «Газпром» и словацкая компания SPP подписали соглашения, в соответствии с которыми до 2028 г. через Словакию будет прокачано более 1 трлн м^3 российского газа, а сама Словакия закупит 130 млрд м^3 топлива в России[2].

Правда, все еще неопределенны перспективы двух единственно серьезных российских инвестиций в Словакии: «Газпрома» — в газотранспортную монополию SPP и ЮКОСа — в нефтетранспортную компанию Transpetrol.

Некоторое влияние на состояние энергетического сотрудничества способен оказать российско-словацкий проект продления ширококолейной железнодорожной трассы от Кошице до Братиславы. Причина в том, что в 2007 г. был подписан протокол о намерениях между «Газпромом» и австрийской фирмой OMB об уступке части акций в действующем близ австрийско-словацкой границы одном из трех крупнейших в Европе Центрально-европейском газораспределительном центре с ежегодным оборотом порядка 8–10 млрд м^3. Кроме того, прослеживается явное желание австрийцев участвовать в этом проекте, имея в виду перспективу продления трассы до Вены, откуда открываются большие возможности для организации речных перевозок по Дунаю по Австрии и соседним странам.

---

[1] Technical Russian oil cuts to Czechs coincide with US deal // www.neurope.eu (вывешено на сайт 21 июля 2008 г.).

[2] См.: http://lenta.ru/news/2010/03/01/gazprom/ (вывешено на сайт 01 марта 2010 г.).

Словацкое руководство усиливает внимание к вопросам диверсификации маршрутов поставок нефти и газа в Словакию. Впрочем, особых подвижек в этом вопросе пока не наблюдается. В частности, словакам не удалось убедить Польшу участвовать в сооружении отдельной нитки газопровода, связавшего бы две эти страны. А в нефтяной сфере пока все ограничивается одними разговорами. Так, на переговорах, состоявшихся в ходе визита Р. Фицо в Хорватию в начале 2007 г., немалое место было отведено вопросу о приведении в рабочее состояние нефтепровода «Адрия», соединяющего Словакию через Венгрию с хорватским нефтетерминалом. В дальнейшем можно ожидать со стороны словацкого руководства и активного лоббирования проекта, связанного с созданием Евро-Азиатского нефтетранспортного коридора для транзита в Европу каспийской нефти с месторождений Азербайджана и Казахстана. На переговорах в Киеве Р. Фицо заявил о готовности Братиславы к участию в международных проектах транспортировки каспийской нефти с использованием нефтепровода «Одесса—Броды». Словацкий премьер также поддержал предложение Украины об объединении усилий в продвижении эксперимента (в свое время заблокированного ЮКОСом) по последовательной прокачке через систему магистральных нефтепроводов «Дружба» нефти разных сортов[1].

Среди «континентальных» стран по количеству упоминаний в информационном пространстве заметно выделяется Венгрия, которая интересна для российского бизнеса не только масштабами потребления энергоносителей. Эта страна играет большую роль и в транзите российского газа в Сербию и Черногорию, а также в Боснию. Нельзя забывать и о развитой инфраструктуре переработки углеводородного сырья, сложившейся в треугольнике Будапешт—Братислава—Вена (трубопроводы, НПЗ, газохранилища и т.п.), и о наличии в южных областях Венгрии нефтегазоносных провинций.

Совокупность этих факторов определила то значение, которое придавалось Россией отношениям с Венгрией с области энергетических поставок. В целом Россия и Венгрия имеют довольно амбициозные планы по сотрудничеству в энергетической сфере. В немалой степени это связано со сложной системой взаимоотношений в рамках реализации двух конкурирующих друг с другом газотранспортных проектов — «Набукко» и «Южный поток».

О перспективах Венгрии стать значительным газораспределительным центром на путях газа через «Голубой (Южный) поток» речь впервые

---

[1] См.: *Копытина М.О.* Словакия // Страны Центральной и Юго-Восточной Европы: системные трансформации, социально-экономическое и политическое развитие в 2006 г. / Под ред. Н.В. Куликовой. М.: ИЭ РАН, 2007. С. 126.

зашла в марте 2006 г., когда В.В. Путин был с визитом в Будапеште и приносил официальные извинения за подавление СССР восстания 1956 г.

Несмотря на то что венгерская компания МОЛ является членом консорциума «Набукко», в июне 2006 г. было подписано соглашение с «Газпромом» на прокладку газопровода из Турции через Балканы в Венгрию. Последовавшие затем чрезвычайно активные шаги дипломатов и премьер-министров обеспечили значительные подвижки в этом направлении.

Однако главной проблемой тогда было отсутствие четкой позиции венгров в отношении участия в одном из строящихся газопроводов — «Южный поток» или «Набукко». В тот период венгры больше склонялись к «Набукко», тем более что они входили в состав его участников. Нельзя забывать и о том, что ЕС оказывал давление на своих членов, чтобы те выбрали «Набукко», а США, по сути, прямо агитировали за него. Официально Белый дом заявляет, что не желает «войны трубопроводов», а хочет лишь «помочь нашим европейским друзьям и союзникам выстроить взаимовыгодные и надежные долгосрочные отношения с "Газпромом"», хотя «только "Набукко" будет способствовать поддержанию конкуренции и предохранять Венгрию и другие члены ЕС от проблем газоснабжения»[1]. В целом, представляется, что на прямое противопоставление обоих проектов венгры не пошли и избрали путь одновременного продвижения по обоим направлениям, исходя из принципа диверсификации энергообеспечения. При этом смещение позиций в пользу того или иного проекта будет, видимо, определяться политическими настроениями властей, и в этой связи завершившиеся парламентские выборы в Венгрии в апреле 2010 г. могут осложнить реализацию российского проекта.

Начавшееся тесное сотрудничество Венгрии с Россией в газовой сфере вызвало обеспокоенность в ЕС. Отдельные комментаторы даже заявляли, что венгры склонны в большей степени проводить самостоятельную энергетическую политику, чем быть зависимой от единой энергополитики ЕС[2].

Однако ход событий вокруг проекта ускорился лишь после подписания в январе 2008 г. соглашения между Россией и Болгарией, на территории которой начинается сухопутная европейская часть газопровода. Прагматизм венгров был усилен историческими аналогиями (в венгерской прессе появились сетования на то, что в 1970-е гг. венгерские власти воспротивились прокладке трубы через Альфёльд, ко-

---

[1] *Копытина М.О.* Указ. соч.

[2] См.: Hungary chooses Gazprom over EU // www.neurope.eu/view_news.php»id=71534 (вывешено на сайт 17 марта 2007 г.).

торая в итоге пошла через горы Словакии) и заявлениями Ф. Дюрчаня о том, что «...нам не нужны мечты. Нам нужны реальные проекты...», «...отапливать дома мы можем только реальным газом, а не мечтами...», «(Южный) поток опирается на большое желание и крупные организационные возможности. За ним есть реальные мощности...» и т.д.[1]

В середине февраля 2008 г. соглашение обсуждалось на встрече в Будапеште венгерского премьера Ф. Дюрчаня и первого вице-премьера Д.А. Медведева и было подписано в Кремле 28 февраля 2008 г.

Комментируя важность подписанного Россией и Венгрией соглашения о совместном строительстве венгерского участка газопровода «Южный поток», президент РФ В.В. Путин выразил уверенность, что этот проект будет реализован. По его мнению, «роль и значение Венгрии, как важного звена европейской энергетики, будет возрастать, а надежность поставок в саму Венгрию будет увеличиваться»[2].

Стоимость венгерского участка трубы протяженностью 300 км составит 1,5–2,0 млрд долл., пропускная способность — 10 млрд м^3 ежегодно, право использования всех мощностей принадлежит российской стороне. При этом газопровод должен получить статус трансевропейского энергетического проекта. Срок действия договора — 30 лет, после их истечения он автоматически продлевается еще на пять лет, если одна из сторон за девять месяцев до истечения срока не заявит об обратном. По условиям договора должны задействоваться мощности венгерского газохранилища в объеме не менее 1 млрд кубометров[3]. С учетом того, что в настоящее время стоимость транзита 1 тыс. м^3 газа составляет 1,5 долл./100 километров[4], доход от транзита будет составлять порядка 45–50 млн долл. США в год. По расчетам венгерской стороны, все затраты на его строительство должны окупиться за 15 лет[5].

Для строительства венгерского участка на основе законодательства Венгрии создается отдельная компания. Требования российской стороны, от которой в данном СП участвует «Газпром», состояли в том, чтобы венгерский участник был представлен государственной компанией. Это фактически означало получение государственных гарантий от венгерских властей. Поскольку МОЛ формально является частной компанией, то венгры предложили в качестве участника СП государственный

---

[1] См.: Népszabadság Online. 2008, február 29; Népszabadság Online. 2008, február 25.

[2] См.: Российская газета. 29.02.2008.

[3] См.: Népszabadság Online. 2008, február 29.

[4] См.: Népszabadság. 2008, marcius 08.

[5] См.: Коммерсантъ. 29.02.2008.

Венгерский банк развития (MFB) или его 100%-ную «дочку», с тем чтобы доходы от газопровода пополняли госказну. Это не означает, что МОЛ полностью «выдавлен» из проекта, поскольку венгерский партнер должен будет арендовать у того же МОЛа трубопроводы или газохранилища. К тому же ранее созданная «Газпромом» и МОЛом для подготовки ТЭО проекта компания «SEP Kft» передаст (а точнее — продаст) уже разработанное ТЭО газопровода создаваемому СП.

Кроме того, российская сторона настаивала на мажоритарном пакете (51% против 49%), подобно тому, как удалось договориться с сербами, но венграм, как и ранее болгарам, удалось отстоять паритет.

Проблема еще и в том, что «Газпром», опираясь на опыт транзита через Украину, помимо получения гарантий мажоритарного пакета настаивал и на том, чтобы венгерский партнер в интересах обеспечения бесперебойности поставок за пределы Венгрии использовал отдельный трубопровод или газохранилище. Это требование означало как заметное увеличение издержек для МОЛа и утрату контроля за венгерским участком трубопровода, так и рост поступлений в казну за счет платы за транзит.

Важно отметить, что российская и венгерская сторона договорились приложить все необходимые усилия для обеспечения режима максимального налогового благоприятствования для нового СП, который необходим такой компании для реализации столь крупного проекта. Нелишне добавить, что прокладка «Южного потока» по территории Венгрии, помимо дополнительных объемов поставок газа в страну, принесет местной казне немалые дивиденды в виде транзитных пошлин в сотни миллионов долларов каждый год. Для страны, которая не первый год борется с острой проблемой дефицита госбюджета, такая «прибавка» будет очень даже кстати.

Правда, пока не ясно, насколько деятельность «Газпрома» будет соответствовать законодательству ЕС, по которому компании, участвующие в производстве или торговле энергоресурсами не могут владеть и трубопроводами[1].

Венгры с удовольствием констатировали, что открываются возможности по совместному проекту, связанному с подземным хранением газа. Как и в Сербии, на территории Венгрии также планируется построить крупное подземное хранилище газа емкостью не менее 1 млрд м^3.

Специально для обещанного Россией строительства газохранилищ создана Венгерская ассоциация углеводородного резерва, на первом заседании которой обсуждались местоположение и физические пара-

[1] См.: Népszabadság. 2008, február 25.

метры объекта. Предполагается, что его мощность составит 1,2 млрд м^3, что обеспечивает бесперебойное снабжение Венгрии газом в течение 7–10 дней. Стоимость инвестиций оценивается примерно в 680 млн долл. США, сроки строительства — 3 года (к 2010 г.). Впрочем 90% посетителей специализированного интернет-сайта по проблемам венгерской энергетики (www.energiainfo.hu) считают, что нет особой необходимости в строительстве стратегического газохранилища[1].

Таким образом, сотрудничество стран ВГ в области энергетики, имея давние традиции, в современных условиях развивается в целом последовательно, хотя и испытывая определенные трудности.

5.4. Корректировка отношений с Россией

За прошедшие два десятилетия отношения между Россией и странами Восточно-Центральной Европы пережили драматичные перемены: от почти полного разрыва, пришедшегося примерно на первую треть — середину 1990-х гг., когда значимость Восточной Европы во внешнеполитических представлениях руководителей посткоммунистической России уступала странам Африки[2], а товарооборот достиг дна; до их осторожного восстановления с самого конца 1990-х гг. и реального подъема, наметившегося к середине 2000-х. Можно говорить, что к концу первого десятилетия XXI в. наши взаимоотношения, наполнились новой энергетикой, которая переломила тенденцию к разобщению, однако до сих пор, не привнесла в межгосударственные отношения желаемого постоянства. С обеих сторон современные отношения все еще носят во многом импровизационный, порой даже рефлексивный характер, являются зыбкими и подверженными множеству конъюнктурных факторов. С одной стороны, их определяют внутренние политические и экономические обстоятельства, с другой — на их развитии сказывается диктат более высокой мировой политики и действий ее главных на сегодняшний день игроков.

Отношения России с Восточноевропейским регионом не являются определяющими для мировой геополитики, как это было практически

---

[1] См.: Magyar Nemzet. 2006, április 10.

[2] В концепции внешней политики РФ, утвержденной президентом Б. Ельциным 23 апреля 1993 г. отношения России со странами Восточной Европы по приоритетности удостаиваются лишь пятого места, а во внешнеполитической концепции, утвержденной президентом В. Путиным 28 июня 2000 г., этим отношениям уделено всего 4,5 строки, в то время как странам Африки 5,5 строк…

всю вторую половину XX в. Однако, как и большинство других, поступательно развивающихся отношений, они являются важным стабилизирующим фактором в европейской и мировой политике.

Отличительной чертой нового времени является значительная дифференциация во взаимоотношениях России и стран Восточной Европы. Как не существует единой стратегии в отношении восточноевропейских стран в России, так и в восточноевропейских странах нет единообразия в подходах к отношениям с нашей страной. Более того, создается впечатление, что с обеих сторон до сих пор еще слишком мало места занимает геополитически мотивированное понимание того, насколько необходимы эти отношения, какова их реальная значимость.

Поиск новой основы взаимоотношений между Россией и странами Восточной Европы происходит очень сложно. И тому множество причин объективного и субъективного свойства.

Во-первых, эти отношения все еще не свободны от стереотипов и обид прошлого. Пресса и политики то и дело манипулируют сознанием соотечественников, уводя его от проблем дня насущного в дебри становящегося все более непредсказуемым прошлого. Особенно отягощены этим комплексом российско-польские отношения, где все изыскания историков-архивистов тотчас же становятся достоянием прессы и политики. Иногда, как в случае с государствами Прибалтики, за активными открытиями следуют требования компенсационных выплат. В других случаях акцентированный таким образом «российский фактор» становится элементом жесткой внутриполитической борьбы.

Остается надеяться только на то, что будоражить сознание соотечественников тенями прошлого со временем становится все труднее. Экономические неурядицы и социальная незащищенность сегодня скорее вызывают ностальгию по прошлому, с его уверенностью рядового человека в завтрашнем дне, чем желание окончательно вычеркнуть его из памяти...

Во-вторых, развитию полномасштабного диалога между Россией и восточноевропейскими странами до сих пор мешает предвзятый подход к раскладу политических сил в наших странах, да и сама оценка современных политических направлений. Так, Россия, где у руля власти уже больше двух десятков лет находятся представители либерально-рыночного направления, делает ставку исключительно на силы социал-либеральной части политического спектра в восточноевропейских странах, упуская возможности налаживания диалога с представителями других политических течений, особенно национально-консервативного

толка. Восточноевропейские же правящие элиты любой направленности предпочитают ладить исключительно с российскими радикальными либералами и разного рода правозащитными организациями, которые с 2000 г., т.е. после ухода с поста президента Бориса Ельцина, находятся в оппозиции к власти. Очевидно, что такой подход, опора исключительно на шаблонные политические установки, также является тяжело преодолимым наследием прошлого. Когда во главу угла наших отношений станут не межпартийные, а все же межгосударственные (действительно «между — народные») отношения, тогда можно будет начинать отсчет развития нормальных, деидеологизированных двусторонних отношений между Россией и странами региона.

Для восточноевропейских стран важно понимание того, что Россия тоже все эти годы не стояла на месте. В своем политическом развитии она также прошла определенные круги развития и ныне медленно, но, все же продвигается в направлении большей сбалансированности в политике. Осознание этой реальности поможет избежать связанных с внутриполитическими изменениями многолетних периодов застоя в наших отношениях с последующим удвоением усилий по их восстановлению. Особенно неуклюжими видятся попытки восточных европейцев, очевидно выполняющих установки общеевропейской внешней политики, не видеть ситуации в самих странах расширенного Евросоюза, и пенять России на неразвитость демократии в стране, несоблюдение прав человека и обещать помощь в их развитии.

В-третьих, в последнее время контакты между восточноевропейскими странами и Россией значительно осложняются тем геополитическим обстоятельством, что между ними исчезла общая государственная граница. В пространстве между ними появились еще более неустойчивые новые независимые государства Украина и Молдавия, а также все еще не понятная в Европе Белоруссия. В России и в странах Восточной Европы совершенно по-разному оцениваются политические процессы, происходящее в этих странах. Касается ли это выборов, прав национальных меньшинств, языковой политики, отношения к ЕС и НАТО и т.д. Таким образом, возможность преодоления двойных стандартов также становится важной проблемой наших взаимоотношений. Восточноевропейские государства за последнее десятилетие переключились на свойственные западным системам атлантические оценки происходящего, в то время как Россия продолжает мыслить категориями собственной неповторимой цивилизационной идентичности. Таким образом, получается, что вместо границы между нами фактически возникло пространство соперничества, а не сотрудничества. Причем соперничество это не отвечает реальным геополитическим ин-

тересам всех сторон непосредственно примыкающим к региону. В том числе, если рассматривать с этой точки зрения и Европейскую политику соседства ЕС, переходящую ныне в статус «Восточного партнерства».

Примерами расхождения в оценках может служить украинская политическая реальность первого десятилетия XXI в. Теперь уже почти ежегодно на Украине проводятся выборы или происходят иные крупные изменения в структурах государственной власти, и мы каждый раз расходимся в их оценке. Те же расхождения присутствуют и в оценках причин, теперь уже ставших традиционно-новогодними, недопоставок газа в Европу через территорию Украины. Для развития конструктивных отношений между Россией и странами ВЦЕ необходимо иметь адекватный, учитывающий наши партнерские интересы подход к ситуации в этом крупнейшем государственном новообразовании конца XX в.

Да, Россия располагает таким важным геополитическим ресурсом, как энергоносители. Однако вместо того, чтобы вместе работать над совершенствованием способов их доставки европейскому потребителю, некоторые восточноевропейские страны фактически вступили в развязанную их западными партнерами войну за вытеснение России с европейского рынка. Разве это в интересах Европы? Неужели в интересах Европы ослабленная, разваливающаяся и погружающаяся в пучину этнических войн Россия? Может, кто-то и мечтает о таком сценарии, но вряд ли соседствующие с нами восточноевропейские страны, для которых мы являемся перспективным рынком, и... как ни странно, все еще гарантом их экономического и идентификационного благополучия.

Наконец, проблема реанимации взаимоотношений в последние пять лет осложнилась еще и тем обстоятельством, что нашим странам приходится не просто возрождать свои отношения, но, восстанавливая, встраивать их в общеевропейскую систему, которая все же отличается своими традициями и правилами игры. Насколько самим странам Восточной Европы удастся встроиться в эту систему и насколько России удастся приблизиться к ней — все это будет влиять на развитие двусторонних взаимоотношений.

Еще на стадии подготовки восточноевропейских стран и Прибалтики к вступлению в ЕС, российское руководство предлагало еврокомиссарам сделать некоторые уступки для сохранения традиционных элементов наших отношений. Европейский союз тогда ответил отказом и, скорее всего, сегодня жалеет об этом. Тенденция к выделению этих стран в особый регион в рамках Сообщества сегодня становится все более очевидной. Основная масса торгового оборота сегодня реализуется на внутреннем рынке восточноевропейских стран и Прибалтики и лишь малая доля пробивается на рынки западных союзников.

История экономического развития свидетельствует, что регион этот никогда не мог существовать в отрыве от евразийских рынков. И наблюдающийся в последние годы многократный рост в торговле с Россией, помогающий этим странам поддерживать на плаву свои экономики — тому более чем очевидное доказательство. И было бы лучше, чтобы вслед за экономическим ренессансом следовало и обновление политических основ наших отношений, их оздоровление, обогащение той тенденции, которая наметилась с начала нового столетия.

Ведь можно с определенной долей уверенности говорить о том, что во взаимоотношениях России и государств Восточной Европы в 2000-е гг. наметился качественный перелом не только по отношению к годам «перестройки», но и ко всему периоду их исторического взаимодействия. Сегодня, на ступени преимущественно «рефлексивного притяжения» он отражается в тенденции к возрастанию объемов и качества двусторонних связей. На самом деле, потенциал взаимопонимания и взаимной зависимости, заложенный как в послевоенные годы, так и в более ранние периоды истории с некоторыми из государств региона, достаточно велик для того, чтобы независимо от развития мировой геополитической ситуации, создавать новые и поддерживать традиционные возможности для сотрудничества.

Определяющей чертой изменившегося подхода к региону со стороны России является и его новое дифференцированное восприятие и базирующийся на таком восприятии новый политический подход. Хотя и здесь пока рано говорить об устоявшейся тенденции, скорее о понимании того обстоятельства, что страны региона на самом деле имеют различия, требующие адекватной дифференцированной политики.

Главный раздел наметился не только в дотоле существовавшем делении на Восточную Европу и Прибалтику, но еще и Восточной Европы на Вишеградскую (Восточно-Центральную) и Балканскую (Юго-Восточную) и на каждый из регионов приходится своя доля «своеобразия отношений» с Россией

С регионом Прибалтики наши отношения все еще продолжают двигаться по колее отношений, характерных для частей некогда единого государства, со свойственными таким отношениям вопросами соотечественников, границ, собственности и взаимных исторических претензий. Складывающиеся сегодня отношения Россия–Прибалтика во всех случаях уникальны и не имеют прецедентов. Здесь все пишется с чистого листа. У нас гораздо более тесное переплетение судеб и исторического прошлого, культур и экономики, нежели со странами Восточно-Центральной и Юго-Восточной Европы. Поэтому новая формула отношений России с Латвией, Эстонией и Литвой будет

складываться иначе, нежели с другими новыми членами Европейского союза и НАТО. Возможно, отношения в перспективе сложатся более тесные, но пройдут они более долгий путь, нежели отношения с двумя другими регионами восточной части ЕС.

Иное явление наблюдается на Балканском направлении. Это направление внешней политики России стало реализовываться на практике прежде, чем была предпринята попытка его как-то концептуализировать. В силу этого обстоятельства за основу была принята панславянская концепция, рождавшаяся в реалиях XIX в., но мало соответствовавшая действительности рубежа XX–XXI вв., с новыми центрами силы и обновленным историческим опытом. Отсюда очередное невнятное проявление внешнеполитической позиции и разочарование в восточноевропейском направлении в целом.

Собственно, сомнения в панславянской идее высказывали многие российские мыслители — К. Леонтьев, Ф. Достоевский. Да и сам создатель идеи, Н. Данилевский, скорее выписывал формулу, базируясь на чисто геополитической перспективе идеи, нежели на так называемой антропоцивилизационной. На сегодняшний день все страны региона в равной степени и славянские и неславянские привлекают Евросоюз и НАТО, а не интеграционные процессы, инициируемые Россией. Прагматизм, а не славянская братская сентиментальность руководят действиями балканских народов, и это надо трезво понимать, выбирая новую формулу отношений в современных геополитических реальностях на Балканах.

На фоне этих двух направлений, где изначально, безусловно, превалирующее положение занимала идеология, достаточно стремительно стало развиваться чисто прагматическое сотрудничество России с Вишеградским (Восточно-Центральноевропейским) регионом. Достаточно упомянуть, что в то время, как в России произошел политический раскол по поводу официальной политики в Прибалтийском и Балканском регионах, лишенные идеологических споров отношения с Вишеградским регионом как раз и дали наиболее ощутимый в экономическом отношении результат. И этот экономический результат не преминул сказаться на полномасштабном улучшении отношений с Венгрией, Чехией и Словакией и торгово-экономических отношений с Польшей. Достаточно напомнить, что соотношение российского товарооборота со странами Вишеградской группы с начала 2000-х гг. соотносилось с товарооборотом со странами Юго-Восточной Европы как 6:1[1].

---

[1] См.: *Дрыночкин А.В.* Восточная Европа как элемент системы глобальных рынков. С. 186.

Межгосударственные отношения в их традиционном понимании начали выравниваться и улучшаться с самого конца 1990-х — начала 2000 гг. Этому способствовало несколько обстоятельств. К тому времени началось преодоление последствий российского дефолта. С приходом в российскую политику Владимира Путина стабилизировалась политическая ситуация в стране и консолидировалась власть. Россия (со знаком «плюс» или «минус» с точки зрения мирового сообщества) стала более предсказуемой и прогнозируемой страной. Страны Восточно-Центральной Европы и Прибалтики, став членами НАТО и ЕС, успокоились по поводу своей безопасности и даже сумели извлечь урок из участия в Балканской кампании на противоположной России стороне. Достигнутое таким образом ощущение защищенности позволило по крайней мере некоторым из них активизировать и разнообразить свою российскую политику, особенно на фоне поэтапного погашения российского долга.

Кроме того, в 2005 г. российский МИД смог констатировать реальный прорыв взаимоотношений именно с этим регионом Европы, после чего в страны этого региона состоялись важные с точки зрения нового качества отношений, восточноевропейские визиты Президента России Владимира Путина. Линия, принятая российским МИДом в начале 2000-х гг.: не форсировать отношения с государствами Восточной Европы помимо их воли, но конструктивно отвечать на все поступающие из региона предложения, медленно, но верно начала приносить свои плоды.

Однако было бы ошибочно утверждать, что с данным регионом отношения сегодня развиваются, безпроблемно. И здесь действует вся отрицательная и положительная сумма предпосылок, указанная нами выше: обусловленность политическими взглядами, интересами монопольных финансово-экономических групп, диктатом союзнических обязательств. По-прежнему представления политиков больше тревожат тени прошлого, нежели перспективы будущего и пишущиеся сегодня партитуры на тему наших отношений изобилуют плагиатом из прошлого. И здесь важно разобраться, чем именно это вызвано.

Если реальным стремлением лучше познать свое прошлое, то тогда причем здесь четко налаженный прямой выход в прессу? Стремлением получить компенсации и дивиденды экономического порядка, напоминая одним об ущербе и пугая других возможным посягательством и на их интересы? Или попыткой встроить исторический комплекс в современную геополитику?

Думается, что Россия взяла здесь правильную ноту, призвав предоставить исторические изыскания историческому сообществу, а дело

построения новых отношений — дипломатическому. И многие страны региона это уже поняли и приняли этот сигнал.

К таким странам сегодня можно отнести Венгрию. Россия и Венгрия смогли найти правильный тон для обсуждения спорных исторических вопросов и соответствующее им место в иерархии политики и общественной жизни обеих государств. Обсуждение экспертным сообществом двух стран так называемой историко-мемориальной проблематики (проблемы возвращения вывезенных во время Второй мировой войны ценностей, сохранение или строительство мемориалов и памятников солдатам Второй мировой войны и т.п.) даже удалось вписать позитивной строкой в развитие новых отношения двух стран. Никто не отрицает наличия отягощающих прошлое наших отношений фактов, но одновременно стороны, похоже, понимают, что на фундаменте взаимных упреков новых отношений не построишь.

По схожему сценарию развиваются отношения России с Чехией и Словакией — странами, историческая память которых хранит ввод советских танков в 1968 г.

СССР, а затем и Россия принесли официальные извинения за события XX в. Однако в отношениях с чехами и словаками есть много до сих пор малоиспользуемых резервов как раз из исторического прошлого — памятно совместной борьбе с фашизмом, культурно-исторического прошлого отношений, связанного с пребыванием в этих странах белой русской эмиграции. Безусловно, эти факторы надо использовать осторожно, чтобы не вызвать обострения отношений между странами региона, воевавших на разных фронтах Второй мировой войны, а также, чтобы не вызвать внутренней политической борьбы в этих странах. Введение исторического фактора в формирование наших новых отношений должно быть чрезвычайно осторожным, взвешенным, чтобы не давать повода втягивать Россию в региональные политические разборки. Этот фактор, как, безусловно, фактор прошлого, в котором бывало всякое, должен присутствовать в выработке новой основы отношений, но не более как фон для построения отношений, направленных в будущее.

Есть еще один вопрос — как реагировать на участившиеся выпады в нашу сторону? Отвечать, или как бы не замечая? Скорее всего — главное — не быть инициатором, но всегда иметь комплекс фактов, позволяющих дать адекватный ответ. Вряд ли стоит оспаривать с Латвией и Эстонией роль национальных легионов СС. Но когда на кону роль СССР в разгроме гитлеровских полчищ, то здесь, скорее всего, пассивного созерцания маловато. Скорее всего, здесь уместна та же формулировка, что и в общей линии МИДа — отвечать на факты, достойные ответа, но не опускаться до мелочного базара.

Далее. Как реагировать на то обстоятельство, что вот уже 20 лет в восточноевропейских странах правят то одни партии, то другие?

Действительно, восточные европейцы и прибалты не имели таких серьезных проблем с возобновлением многопартийности, какие имела Россия. После смены систем большинство стран отчасти возродили политические партии, существовавшие там до войны и в первые послевоенные годы. Во многие из них даже вернулись прежние члены. Для России такой путь был исключен изначально, поскольку не то что не осталось в живых никого из членов последней предреволюционной Думы, но и изрядно развеялась сама традиция многопартийности. Различия в политических системах существенные, но это не должно быть синонимом ее неповоротливости. Научилась же Россия строить отношения с любыми западными партиями и с христианскими демократами в Германии и с социал-демократами, и с американскими демократами и консерваторами... Почему не воспринять ту же реальность, практически сложившуюся в восточноевропейских странах, и не изменить основу политического подхода: научиться взаимодействовать и вести диалог со всеми силами? Это труднее сделать в Прибалтике, где есть русская диаспора, но в других странах этого препятствия нет.

Иначе Россия периодически будет втягиваться во внутриполитические распри в этих странах, где будут искать «бывших» (агентов спецслужб и т.п.), деньги компартий и тени прошлого. Интересно, что российский фактор в этих странах используется в качестве средства политической борьбы гораздо чаще, чем, скажем, американский или любой иной. Так, в ходе кампании по выборам в парламент Венгрии в 2006 г. российский фактор (и это уже само по себе интересно, что, например, не американский и не германский) стал чуть ли ни ключевым моментом избирательной кампании победившей в итоге партии социалистов.

С одной стороны, понятно, что успешные связи во многом обязаны и личным усилиям пришедшей на смену брежневскому руководству управленческой элите России, долгие годы продолжавшей ориентироваться на так называемый «социалистический» спектр[1]. С другой стороны, изначально заявившая о себе как антисоветская сила, оппозиция в восточноевропейских странах и Прибалтике, похоже, несколько передержала паузу в отношениях, не сумела вовремя оценить реальные изменения в России (и в отношении к России в собственной стране) и выигрышно вписаться в формирующуюся новую формулу

[1] Очевидно, усматривая в этой прослойке хотя бы единство по происхождению — из второго эшелона бывших компартий и комсомола.

отношений. Но как бы ни оценивать это обстоятельство с точки зрения зрелости взаимоотношений между Россией и Восточной Европой, следует признать, что даже усиленный диалог с одной частью политического спектра позволил значительно интенсифицировать связи между нашими странами. Хочется надеяться, что расширение участников этого диалога за счет других политических сил позволит перевести эти отношения на более стабильный и высокий уровень.

Если говорить о подходах к международным проблемам, таким, как, например, отношениям с соседними государствами, в том числе с Украиной, или по вопросу о политике в отношении соотечественников, то взаимопонимание в этой области, пожалуй, еще отстает от общего уровня взаимопонимания, достигнутого в других областях. Как очевидна и разница в подходах по отношению к соседям не только от страны к стране, но в программах национальных партий. Ни в одной из международных политических кампаний антироссийской направленности мы не заметим Венгрию, Чехию, Словакию, Сербию. Но везде почти постоянно присутствует Польша, Эстония, Латвия и Литва. Начиная с политической кампании ЕС во время выборов на Украине. Тогда в созданное 3 декабря 2004 г. в Киеве антироссийское Сообщество демократического выбора вступили Грузия, Латвия, Литва, Македония, Молдавия, Румыния, Польша, Словения, Украина и Эстония.

Позже выразить поддержку президенту Грузии Саакашвили в Тбилиси во время Грузинско-югоосетинского конфликта летали президенты Польши, Украины, Латвии, Литвы и Эстонии.

И наконец, пятилетнее членство в ЕС стало достаточным для осознания того обстоятельства, что без экономических отношений с Россией восточноевропейская самостоятельность совершенно невозможна. Инвентаризация собственного экономического потенциала и изучение западного рынка неизбежно подталкивают правительства стран Восточной Европы к поиску адекватных решений, одно из которых находится на Востоке.

Собственно, это, скорее всего, понимали и те политики, которые в конце 1980-х гг. ратовали за дистанцирование от Москвы. Однако они стремились трансформировать это понимание в иные формы, часто также не лишенные идеологических начал.

Суммируя пройденный за 20 лет путь, можно выделить по меньшей мере три варианта в поисках восточноевропейскими политиками новой идеологической формулы отношений с Россией. Все начиналось с «этнизации связей». Эту формулу на первом этапе возобновления отношений пытались активно использовать венгерские и эстон-

ские политики, развивавшие связи исключительно с российскими финноугорскими регионами. Идея налаживания связей не с Москвой, а напрямую с угорскими регионами России, как известно, обладающими значительными сырьевыми ресурсами, была взята за основу российского направления политики первыми же правительствами Венгрии и Эстонии. Балканские страны, в зависимости от взглядов находящегося у власти руководства, с полной аналогией пытались использовать идею русофильства, побуждая Россию к славянофильским проявлениям.

Постепенно стратегия этнизации была пополнена стратегией регионализации. Восточноевропейские страны искали партнеров среди регионов, в глубинке, минуя Москву. Такое сотрудничество можно и сегодня признать наиболее адекватным и плодотворным, поскольку сотрудничество с региональными властями позволяет отвлечься от таких долгие годы отягощавших сознание восточноевропейцев понятий, как неравноправие сотрудничества с Советским Союзом, многократно превосходящем их по территории, людскому и экономическому потенциалу.

Ну а дальше, надо учитывать нюансы той или иной страны. Социал-либералы Венгрии, например, внесли в двусторонние отношения такое понятие как «стратегическая терпимость» («strategiai türelem»)[1]. Безусловно, словооборот не самый приятный для русского восприятия, но, по крайней мере, честный: никаких сентиментов и моральных принципов, а исключительно экономическая выгода. Как бы двусмысленно ни характеризовала подобная постановка вопроса сотрудничающие стороны, тем не менее она дала определенные результаты, отразившиеся в цифрах роста.

И тем не менее именно Польша и Венгрия стабильно удерживают первые места в торговом обороте с Россией среди восточноевропейских стран и Прибалтики.

Однако российский товарооборот со странами Вышеградской Европы характеризует и чрезвычайно высокий дисбаланс, при котором российские поставки превышают региональные в среднем в 3 раза. Этот дисбаланс объясняется преобладающей долей энергоносителей и сырья в российском экспорте (до 96%) и до последнего времени стремительно возраставшими ценами на углеводороды. Очевидно, что такое положение еще долго будет определять структуру товарооборота, так как с рядом стран Россия заключила долгосрочные контракты о ежегодных поставках газа и нефтепродуктов.

---

[1] См.: *Sz. Bíró Zoltán*. Kell-e nekünk Oroszország? Népszabadság, 2005, február 12.

Ожидалось, что вступление стран региона в ЕС также повлияет на динамику товарообмена. Однако итог пяти лет членства вишеградцев и прибалтов в этой структуре позволяет сделать вывод о том, что их вступление в Европейский союз, по крайней мере на начальном этапе, не стало препятствием для поступательного развития торгово-экономических связей с РФ. Напротив, за пять лет товарооборот между Россией и этими странами увеличился за годы членства в ЕС в среднем в 2–3 раза. Причем только за последний год на 40–50%.

Все более важным фактором в экономических отношениях становится инвестиционное сотрудничество, в том числе за счет приобретения акций и долей собственности предприятий. Однако, к сожалению, все еще бывают случаи, когда вопрос участия российских компаний в тендерах по продаже крупных пакетов акций национальных предприятий определяется политической конъюнктурой и сопровождается известной долей недоверия. Правда и то, что, иногда оправданного...

Приобретающие все большее разнообразие экономические связи опираются на финансовое и страховое сотрудничество. Координация торгово-экономического сотрудничества ведется на различных уровнях. Возобновили деятельность Межправительственные комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству.

Однако по мере углубления интеграции в ЕС появляются опасения так называемой отложенной реинтеграционной реакции. Имеется в виду то, что рано или поздно, производственная структура стран региона изменится настолько, что мы перестанем быть интересными друг для друга, поскольку Россия не будет нуждаться в той номенклатуре товаров, на которой в рамках ЕС специализируются восточноевропейские страны, а самим странам не нужен будет российский газ в тех количествах, в которых его поставки осуществляются сегодня.

Мы все дальше отдаляемся и в гуманитарной области. Во-первых, более строгие визовые условия усложнили научные, культурные, да и просто человеческие контакты. Во-вторых, отдалились наши образовательные и социальные системы, что также работает на снижение гуманитарных связей (обмен студентами, частные и деловые поездки и т.д.) На заключительном этапе подготовки к включению стран ВЦЕ, Евросоюз отказался от предложений России по учету традиций, сложившихся за десятилетия торгово-экономических и гуманитарных отношений между России и странами Восточной Европы. Пока не удается добиться облегчения визового режима для граждан наших стран. Таким образом, поиск баланса, устраивающего страны региона, целиком остался проблемой двусторонних отношений России и стран ВЦЕ.

В этой связи одним из главных вопросов политики России в регионе Восточной Европы в последнее время становится вопрос о том, следует ли рассматривать отношения со странами ВЦЕ исключительно сквозь призму отношений с ЕС, либо искать особые, не зависящие от этого обстоятельства подходы. Последняя тенденция в отношениях Вишеградских стран и России на сегодняшний день кажется преобладающей.

Активизация отношений между ЕС и Россией в начале 2000-х гг., безусловно, поспособствовала улучшению климата отношений с восточноевропейскими странами. Другим фактором стало то, что разобщение России и ее бывших союзников по соцсистеме неизбежно достигло некоего «пика невозвращения» к прежнему характеру отношений и момент их интенсификации наступил сам по себе. Теперь важно не упустить этот момент, а наполнить его новым содержанием, способным поддерживать благоприятный баланс для обеих сторон. Развитие взаимоотношений между Россией и странами ВЦЕ с геополитической точки зрения, способно акцентировать «мостовую» роль региона, столь долго и мучительно искомую им на протяжении долгого исторического периода, а с точки зрения взаимоотношений между ЕС и Россией, способствовать достижению оптимизации в отношениях между двумя частями континента. Происходящее в настоящий момент движение требует подкрепления некими концептуальными основами, способными позволить сторонам отвлечься от тупиковых направлений межрегионального сотрудничества типа «этнизации» связей, внесения «репарационного», «обвинительного» или «менторского» и «диктаторского» духа. Особенно важна в этой связи ответственность наиболее крупных государств за климат отношений в регионе Восточной Европы в целом и в российско-восточноевропейских отношениях в частности.

Вряд ли в дальнейшем Россия будет терпимо относиться и к «репарационному» духу взаимоотношений, бесцеремонно культивируемому сегодня рядом бывших республик и восточноевропейских государств. Сегодня все страны «советского влияния» избрали иные политические ориентиры, и Россия намерена подвести черту под «своей задолженностью». Счета уже давно пора выставлять по совсем другим адресам. Понимание этого обстоятельства — один из путей к возникновению качественно новых взаимоотношений между Россией и странами региона.

Одновременно восточноевропейские государства не позволят больше России обращаться с ними с позиций диктата, навязывания

правил и поведения. Безусловно, разница в параметрах и возможностях еще долго, если не всегда, будет служить настораживающим фактором для несопоставимых по масштабам партнеров России в Восточно-Центральной Европе. Однако история знает немало примеров благоприятно развивающегося взаимодействия именно между такими государствами. (Тем более что масштабы отнюдь не пугают страны региона от поиска более близких отношений, например, с Соединенными Штатами Америки или Китаем.) Вероятно, достижение некоего единомыслия, единства в подходах к России в Восточно-Центральной Европе — дело очень далекого будущего, если вообще возможное в принципе. Однако стабилизация ситуации в России будет давать все меньше и меньше поводов для сплочения «против». Восстановление оптимальных отношений между Россией и государствами Восточно-Центральной Европы объективно неизбежно. Пройдя этап разобщения, и войдя в этап стабилизации, оно найдет оптимальный уровень, устраивающий участников партнерства с Россией. Можно сказать, что взаимоотношения между странами ВЦЕ и России вступили в период, требующий значительно большего приложения интеллектуальных усилий с обеих сторон, нежели наблюдалось до сих пор. Остается задуматься о новых организационных формах такого приложения усилий, и поиск эффективной формы сотрудничества между Россией и Вишеградской Европой может стать одной из них.

Глава 6. Национальные особенности адаптации к стандартам ЕС

6.1. Венгрия: несоответствие ожиданий

Из доклада Еврокомиссии о состоянии экономики Венгрии накануне вступления в ЕС следует, что 2003 г. она завершила с тревожными показателями, тем не менее, оставляющими надежду на возможность исправления. Именно эта формулировка послужила основой для восприятия Венгрии как страны «условно соответствующей» критериям ЕС. Ко времени, когда Еврокомиссия выступила с таким заключением, в Венгрии у власти уже полтора года находился кабинет либерал-социалистической коалиции Петера Медьеши.

Беды реформсоциалистов стали очевидными уже с самого начала их повторного прихода во власть. Помимо повторения ошибки с возобновлением союза с либеральной ССД, социалисты, за отсутствием своей адекватной фигуры для поста премьер-министра, пригласили в 2004 г. возглавить кабинет министров банкира Петера Медьеши, очевидно, полагаясь на его опыт министра финансов еще в правительстве ВСРП. П. Медьеши привел с собой команду, в которой оказались преимущественно опытные бизнесмены, такие как Ференц Дюрчань, Гордон Байнаи и другие, почувствовавшие, что на плечах партии можно сделать свой бизнес еще более успешным. Следуя терминологии известного польского политолога Ядвиги Станишкис, которой еще в начале 1990-х гг. удалось предсказать этапы трансформации власти в посткоммунистических странах[1], этот период в политической жизни венгерского общества совпал с тем, который она называет началом деполитизации «политического капитализма» (возникшего сразу после крушения социализма). Этот этап характеризуется технократизацией власти и попытками приватизировать государство (т.е. использовать государственные институты в узкогрупповых целях).

---

[1] Это явление Я. Станишкис называет «посткоммунистическим периферийным капитализмом». Jadwiga Staniszkis: Post — communist peripheral capitalism (PCPC): politics of institutiolisation // Russia and Central Europe in the New Geopolitical Realities. Moscow, IIEPS RAS, 1995.

Параллельно в стране вызревал и второй (после раскола ВДФ) крупнейший в постсоциалистической Венгрии политический скандал, в результате которого пострадали ведущие фигуры в обоих противоборствующих политических лагерях, пав жертвами разоблачительных процессов, связанных с деятельностью спецслужб. Политическая борьба в Венгрии к этому моменту достигла небывалой жесткости, противоборствующие стороны не шли ни на какие компромиссы. Уличенный в сотрудничестве со спецслужбами глава кабинета министров Петер Медьеши после вступления Венгрии в ЕС в 2004 г. вынужден был подать в отставку. В качестве преемника он предложил на пост главы правительства министра по делам молодежи и спорта в своем кабинете, одного из богатейших людей Венгрии, а в прошлом лидера одной из организаций венгерского комсомола Ференца Дюрчаня. Хотя сейчас многие считают, что на самом деле это Ференц Дюрчань организовал путч против своего шефа с целью персонально возглавить кабинет министров. Так, люди бизнеса прочно и надолго оккупировали места в верхушке ВСП.

С приходом Ференца Дюрчаня на пост премьер-министра еще больше ускорился процесс падения венгерской экономики, стал невероятно расти государственный долг[1]. В это время возникают и серьезные проблемы в отношениях с Евросоюзом.

По итогам 2004 г. Венгрию можно было отнести скорее к странам, не получивших ощутимых выгод от вступления в ЕС. Дело в том, что страна, формально подготовившись к вступлению в ЕС, оказалась неорганизованной внутренне. Новые условия хозяйствования, когда основным источником поступления средств на развитие являлись гранты ЕС, стали для венгерских тружеников в буквальном смысле этого слова — «большим сюрпризом». В результате Венгрия не востребовала, а следовательно, и не получила из бюджета ЕС предназначавшихся ей средств. По подсчетам экспертов[2], в 2004 г. Венгрия воспользовалась лишь четвертью предназначавшейся ей суммы, которая равнялась 50 млрд форинтов, внеся при этом в бюджет Сообщества 135 млрд... Да и поступившие средства пришли в страну с большим опозданием, когда в сельском хозяйстве, к примеру, уже минул «актуальный» период. Виновными в конкретной ситуации были признаны Министерство сельского хозяйства и Министерство регионального

---

[1] Сегодня Петер Медьеши считает, что экономический коллапс на самом деле начался с приходом его преемника Ференца Дюрчаня, когда как на дрожжах стал расти государственный долг страны (Medgyessy: Az MSZP-nek lesz nyolc éve a megújulásra. MNO, 2010. március 11.11:41).

[2] См.: www.mno.hu. 2005, marcius 9.

развития, не информировавшие должным образом сельских тружеников, не способствовавшие переходу на новый способ получения средств. По итогам первого года членства в ЕС Венгрия оказалась на последнем месте среди 10 новых стран по объемам средств, полученных от ЕС: в среднем — 16 евро на человека![1] Венгры, как и предсказывала известный венгерский экономист Магдолна Чат, народ, привыкший трудиться, не сумели обойти другие народы Европы в навыках оформления заявок на гранты Евросоюза[2].

Однако есть и вина самого ЕС. По настоянию Европейского союза венгерские кооператоры значительно снизили объемы производства. Это особенно коснулось таких определяющих для Венгрии отраслей как мясомолочная, садоводство и виноделие. Однако и с оставшейся частью продукции возникли проблемы сбыта. В то время как в Венгрии остановилась часть производственных мощностей, на ее рынок хлынул поток не всегда качественной дешевой продукции из других стран Евросоюза, увеличила свои поставки Польша. В знак протеста против создавшейся ситуации, в феврале 2005 г. сельскохозяйственные рабочие буквально въехали в Будапешт на своей технике и устроили продолжительную забастовку с требованием к правительству сохранить жизнь в венгерских деревнях, создать благоприятные условия для производства, договориться о квотах на продукцию животноводства, и т.д.[3]

По результатам первого года членства в ЕС, материальное положение венгров, занятых в сельском хозяйстве ухудшилось в среднем на 10%[4]. За тот же период Венгрия оказалась лидером по числу банкротств среди «новых» членов ЕС. В 2004 г. оно увеличилось на 0,8%, что в цифровом выражении составило 7756 предприятий[5].

В социальной сфере особенно удручающим оказалось положение в области здравоохранения. Нехватка средств и младшего медперсонала навела правительство социалистов на мысль, что положение может улучшить приватизация лечебных учреждений. Такое предложение вызвало реакцию отторжения у населения. Вообще, объемы приватизации в 2004–2005 гг. значительно возросли. Очередь дошла до таких крупных объектов, как главный венгерский аэропорт Ферихедь. Была предложена к продаже и национальная венгерская авиакомпания МАЛЕВ.

---

[1] См.: www. mno.hu. 2005, junius 13.

[2] См.: Csath Magdolna. Ez a mi Európánk? Kairosz Kiadó. Budapest, 2003.

[3] См.: www. mno.hu. 2005, február 18.

[4] См.: www. mno.hu. 2005, május 10.

[5] См.: www.mno.hu. 2005, március.

Ухудшилось финансирование образования и науки. Государство отказалось от системы грантов по введенному ФИДЕС «плану Сечени», с конца 1990-х гг. оказывавших существенную поддержку венгерским ученым и преподавателям.

Рост цен и безработицы — это отдельная тема. Если в 2003 г. Еврокомиссия отмечала прогресс Венгрии в сфере занятости (падение уровня безработицы с 7,8% в 1998 г. до 5,6% в 2002 г.), то спустя всего два года после вступления страны в ЕС, уровень безработицы приблизился к 8%. И хотя, по меркам Евросоюза и других стран региона, где безработица достигла 18% это было не так много, настораживало, что армию безработных в Венгрии активно пополнила молодежь. В возрастной группе до 24 лет этот уровень стал одним из самых высоких в Европе.

Рисуя перспективы Венгрии в Евросоюзе, министр финансов предыдущего социалистического кабинета Лайош Бокрош, рискнул предположить, что если будет сохраняться наблюдавшийся после 2003 г. 3–4%-ный годовой прирост ВВП, то уже внуки активных политиков смогли бы оценить жизненный уровень Западной Европы, не выезжая за пределы Венгрии. «Это будет возможным лет так через 25–30», — писал он[1]. Бывший министр обращал внимание на такой показатель, что если раньше хотя бы треть населения откладывала деньги на завтрашний день, то к середине 2000-х гг. таких возможностей у венгров не стало. Предостерегал он и от чрезмерной надежды на западные инвестиции и создаваемую, таким образом, искусственную экономическую конъюнктуру. Если Венгрия и дальше будет развиваться таким же образом, то ее «путь в Европу» займет не 20, а все 50 лет, заключал он. Наблюдая за динамикой экономического развития в Восточной Европе, австрийская газета «Ди Прессе»[2], делала куда более осторожные прогнозы. Ее эксперты предположили, что Венгрии, чтобы достичь уровня Евросоюза понадобится как минимум 38 лет, а Польше — все 52 года.

В 2005 г., некогда опережавшая других кандидатов в члены ЕС по экономическим показателям, страна оказалась где-то в середине списка, позади Словении и Чехии.

Разочарования постигли венгров и в политической области. Венгры не получили от своего членства в новых структурах столь ожидавшегося ими решения национального вопроса. Прогресс в словацко-венгерских отношениях наметился без всякого содействия со стороны ЕС, вне Пакта стабильности, после смены правительств в обеих странах.

---

[1] www.mno.hu. 2005, marcius 25.

[2] См.: diepresse com. 23.04.2004.

Наиболее проблематичные по соблюдению прав национальных меньшинств с точки зрения Венгрии регионы — Закарпатье, Трансильвания и Воеводина, после первой волны «восточного расширения» остались за пределами Евросоюза. Действительно, венгерской делегации в Европарламенте удалось убедить международных чиновников направить делегацию для мониторинга ситуации в Воеводине, где за последнее время участились случаи нарушения прав венгерского меньшинства и даже были случаи нападения на венгров. Однако европарламентарии не пошли дальше констатации того, что насилие действительно имело место. Никаких конкретных мер предложено не было. В самой Венгрии раздавалось все больше сомнений в том, что при том уровне коррупции, который существует в европейских структурах, вообще возможно что-либо решить. И это обстоятельство особенно удручает венгров, поскольку Запад неоднократно давал Венгрии обещания помощи в разрешении проблемы ее конациональных диаспор.

В кризисное для ЕС лето 2005 г. правительство Ференца Дюрчаня и вовсе демонстрировало несколько неадекватный оптимизм, подобный тому, который страны «новой Европы» уже проявили в канун иракской кампании (когда министр иностранных дел Ласло Ковач высказался в том духе, что Венгрии следует разъяснить Германии и Франции, отказавшихся поддержать США, неправоту их позиции). Собравшаяся в июне Вишеградская группа даже договорилась поддержать прием в ЕС ближайшей соседки — Украины. Затем собравшись в расширенном составе вместе со странами Прибалтики, ВГ предложила ЕС принять бюджет не на семь лет, а на ближайшие два-три года. Это якобы могло бы помочь избежать паники и предоставить время для разрешения наиболее острых бюджетных противоречий. Собственно, ничего большего вновь вступившие страны предложить и не могли.

Тем не менее уже сам факт попытки совместных действий стран Вишеградской группы можно рассматривать как тенденцию. Важно отметить и то, что в то время как роль лидера среди вновь вступивших стран пыталась играть Польша, реально это удавалось как раз Венгрии. По крайней мере, именно Венгрия выступала на протяжении 2000-х гг. с коллективными инициативами по исправлению ситуации в странах Вишеградского региона.

По прошествии двух лет членства в ЕС в Венгрии не было отмечено ни реального, ни эмоционального подъема по поводу членства в Европейском союзе. Первые два года свидетельствовали скорее об обоюдном разочаровании. В 2005 г. ЕС неоднократно высказывал

Венгрии свои замечания относительно бюджетного дефицита и исполнения иных экономических предписаний ЕС, обещая наказывать санкциями и урезанием помощи. Венгрия, в свою очередь, также все больше разочаровывалась в результатах. В 2005 г. в списке стран, негативно оценивающих членство в ЕС, Венгрию опередили только финны, латыши, англичане и австрийцы[1]. Причиной недовольства стали рост уровня безработицы и преступности, а также весьма зыбкая экономическая перспектива. Больше всего среди венгров в этот период упал уровень доверия к органам управления Евросоюза. Брюссельский бюрократизм и уровень коррупции привнес наибольшее число разочарований.

Все это заставило венгров дифференцировать свои привязанности. В завершение 2005 г. премьер-министр Ференц Дьюрчань высказался в том духе, что, если Венгрия желает развиваться более интенсивно, нежели Евросоюз, ей стоит активизировать отношения с наиболее динамичными рынками современности — Россией, Китаем и Японией[2]. Опираться только на связи внутри Евросоюза, как считал премьер Дьюрчань, — значит, терять темпы развития. Показателен тот факт, что даже Германия, которая долгие годы была главным экономическим партнером Венгрии в Западной Европе, в последнее время стала гораздо больше внимания уделять Польше.

В середине 2000-х гг. Венгрии удавалось играть соответствующую ее возможностям стабилизирующую роль в регионе ВЦЕ. Очевидно, усвоив неблагоприятно складывавшийся для страны опыт XX столетия, она тщательно взвешивала свое участие в новых альянсах, формирующихся на постсоциалистическом пространстве. В качестве региональной трибуны, соответствующей новым возможностям страны, Венгрия избрала Вишеградский форум, мнение которого время от времени принимает во внимание и Европейский союз. Однако Венгрия всегда была достаточно пассивна как субъект новой европейской политики соседства ЕС. Отношения с Украиной по большей мере складывались вне рамок этой политики. Страна не следовала примеру Польши, которая при активной поддержке ЕС формировала к востоку от себя региональные объединения и блоки преимущественно антироссийской направленности. Венгрия не приняла участие в создании 3 декабря 2005 г. в Киеве, при активной поддержке польского руководста, Сообщества демократического выбора, в которое вошли Грузия, Латвия, Литва, Македония, Молдавия, Румыния, Сло-

---

[1] См.: www.mno.hu. 2005, december 22.

[2] См.: www.mno.hu. 2005, november 4.

вения, Украина и Эстония. По оценке инициаторов, речь шла о создании «оси демократических стран, которые не желают находиться в зоне влияния России». Вопреки сложившимся историческим традициям, отношения между Венгрией и Польшей при Ф. Дюрчане оставались достаточно напряженными. Венгерский премьер-министр не нашел возможности принять президента Польши во время визита Леха Качиньского в Венгрию в марте 2006 г. Поскольку этот визит состоялся вскоре после визита в Венгрию российского президента Путина, Лех Качиньский счел возможным обвинить Москву в развале Вишеградского сотрудничества. Однако в Венгрии этот выпад лидера Польши в адрес Москвы был воспринят более чем сдержанно. В планы Венгрии не входило формирование альянсов против важных стратегических партнеров, к числу которых в 2000-е гг. была причислена и Россия. Такая позиция стала еще одним доказательством стабилизирующей роли Венгрии в срединной Европе.

В целях диверсификации своих экономических и политических связей Венгрия в середине 2000-х гг. предприняла попытку дополнить успешно развивающиеся экономические связи с Россией оживлением культурных контактов. Кульминацией развития российско-венгерских отношений «новейшего периода» можно считать состоявшийся 28 февраля — 1 марта 2006 г. визит в Будапешт российского президента В.В. Путина.

Два президентских визита в Венгрию разделили почти полтора десятилетия. За это время российско-венгерские отношения смогли достичь дна, чтобы потом набирая обороты выйти на второе место по объемам торговли среди стран Восточно-Центральной Европы. В результате совместных усилий экспорт Венгрии в Россию в 2004 г. вырос по сравнению с 2002 г. в два раза, а взаимный товарооборот достиг половины объема времен СЭВ. Доля российского экспорта в Венгрию, однако, не позволяла ей избежать дефицита. Это и понятно: большую долю российского экспорта в эту страну всегда составляли энергоносители.

По итогам 2005 г., т.е. в канун визита российского президента, товарооборот между Россией и Венгрией в ценовом отражении достиг 6 млрд долл. США. Что особенно отмечалось во время визита, растущую долю в формировании этого ценового объема составил венгерский импорт и инвестиции в Россию.

В ходе февральского 2005 г. визита в Москву Ф. Дюрчаня венгерские предприниматели заключили договора на сумму 33 млн долл. США. Год спустя российский президент привез на переговоры в Будапешт 300 российских предпринимателей. Российская сторона проявила по-

вышенный интерес к инвестициям и участию в приватизации венгерских компаний. Самой привлекательной с этой точки зрения остается венгерская нефтегазовая компания МОЛ. Борис Абрамович, президент Красноярских авиалиний, смог тогда купить венгерскую авиакомпанию МАЛЕВ[1]. Российские компании выиграли тендер на реставрацию первой ветки будапештского метро. Пошли в российские регионы и венгерские инвестиции. Так, венгерская компания МИРИП инвестировала в программу жилищного строительства в Чувашии и других регионах России. В середине 2000-х гг. сумма венгерских инвестиций в России достигла 500 млн евро[2].

В ходе визита российского президента был подписан ряд совместных документов, расширяющих и дополняющих договорно-правовую базу двустороннего сотрудничества. Среди них: договор об основных направлениях экономического сотрудничества, о предоставлении земельных участков для строительства в ВНР советских технических центров содействия обслуживанию машин, оборудования и приборов, поставляемых из СССР в ВНР, о внесении изменений в Соглашение об урегулировании взаимной задолженности между бывшим СССР и ВНР, о взаимопонимании и сотрудничестве в сфере миграции, о сотрудничестве в области образования на 2006–2008 гг., и еще ряд межрегиональных или межведомственных соглашений. Можно сказать, что процесс пошел. Однако успешные действия на «восточном направлении» для Венгрии являлись лишь средством, а не целью. Интерес Венгрии — не был началом переориентации, а, как трактовали принадлежащие к лагерю социалистов эксперты — главным образом, мог рассматриваться как содействие подтягивания России к Европейскому Союзу[3]. Здесь следовало понимать, что состояние экономики и уровень интеграции на пространстве бывшего СССР не позволяли Венгрии выбирать между двумя полюсами. Альтернативы на тот момент не существовало, но «восточное направление» политики, отождествляемое главным образом с Россией, было способно помочь Венгрии достичь более выгодных позиций в ЕС, как это было долгие годы в случае Финляндии. Венгрия увидела перспективы сотрудничества с Россией по вопросу строительства транзитных магистралей для российской нефти и газа на юге и юго-западе Европы. Весьма вдохновило венгров, сделанное во время визита В. Путина в Будапешт пред-

---

[1] Хотя очень скоро вынужден был передать ее Аэрофлоту и Сбербанку. В 2010 г. Россия вернула компанию Венгрии.

[2] См.: Аргументы и факты. 2005. № 31.

[3] См.: *Sz. Bíró Zoltán*: Kell-e nekünk Oroszország? Népszabadság. 2005, február 12.

ложение о создании в Венгрии газораспределительного центра для экспортируемых в ЕС российских потоков.

Визит президента Путина подвел окончательную черту под периодом охлаждения отношений и открыл новые перспективы для экономического и культурного взаимодействия. Причем завершить период охлаждения удалось на фоне явных успехов, уже достигнутых в 2000-е гг.

Улучшению отношений между Россией и Венгрией на рубеже 2000-х гг. способствовало несколько обстоятельств. К тому времени началось преодоление последствий российского дефолта. Венгрия, став членом НАТО, успокоилась по поводу своей безопасности. К тому же практически бесповоротно решился вопрос о принятии Венгрии в ЕС. Появившееся в силу этого ощущение защищенности позволило Венгрии активизировать свою российскую политику. Приоритеты Венгрии оформились на двух направлениях — собственно межгосударственные политические и экономические отношения и региональные связи. В политической сфере у нас не наблюдалось особых прорывов. Из-за географической удаленности просто не находилось иных тем для обсуждения, кроме тяжелого исторического наследия и проблем так называемого историко-мемориального комплекса, а также возвращения вывезенных во время Второй мировой войны ценностей[1].

В ряду восточно-центральноевропейских государств в 2000-е гг. Венгрия заняла наиболее трезвую, выдержанную линию в политических отношениях с Россией. В отличие от Польши и Литвы, она не приняла участие в политической кампании ЕС во время выборов на Украине. Не стала она, как некоторые бывшие республики СССР, предъявлять России и обвинительно-компенсаторных требований. Венгерский премьер-министр Ф. Дюрчань даже, вопреки продолжавшимся в Венгрии спорам о роли советской армии на завершающем этапе Второй мировой войны, признал в беседе с президентом В. Путиным, что это была освободительная миссия. Все это было по достоинству оценено российской стороной, принявшей решение о передаче Венгрии вывезенных с ее территории в годы Второй мировой войны ценностей. В частности, во время визита В. Путина Венгрии была возвращена библиотека шарошпатакского реформатского колледжа, содержащая древнейшие религиозные фолианты.

---

[1] Посетив осенью 1992 г. Венгрию, президент России Б. Ельцин принес официальное извинение за жертвы, понесенные венгерским народом в событиях 1956 г. Однако в то время существенных изменений в складывающуюся практику новых взаимоотношений этот визит не внес. Венгерское общество, озабоченное внутренними экономическими проблемами и предвыборной кампанией не оценило данный жест в той мере, в которой, очевидно, надеялось на это российское руководство.

Однако единства мнений по большинству актуальных международных проблем, между Россией и Венгрией на тот момент не сложилось. Это позволяло подчеркивать исключительно прагматичный характер двусторонних российско-венгерских отношений. Россия по-прежнему продолжала находить единство взглядов в столицах западноевропейских государств, минуя стремящийся на словах к мостообразующей роли Восточно-центральноевропейский регион. Между тем политический диалог можно было бы наполнить обсуждением тревожащей обе стороны проблемой национальных меньшинств в соседних странах. Ведь стала же программа ФИДЕС впоследствии образцом для российской программы в отношении собственных соотечественников.

Очевидно, причина такого положения скрыта в присутствующей все еще у части, в том числе и венгерского общества, русофобии, подавляемой прагматическими выгодами, но не исчезающей без остатка. В качестве примера можно привести ряд комментариев, появившихся в венгерской прессе как в канун визита венгерского премьера в нашу страну в феврале 2005 г., так и в канун последовавшего год спустя визита президента Путина в Венгрию. В феврале 2005 г., непосредственно накануне визита в Россию нового премьер-министра Венгрии Ференца Дюрчани, в центральном органе социалистической партии, газете «Непсабадшаг» появилась статься с весьма прямолинейным заголовком: «Нужна ли нам Россия?» К сожалению, из статьи трудно понять, нужна ли Россия именно Венгрии, зато совершенно очевидно прослеживается мысль, что демократическая, стабильная Россия нужна Европе и, очевидно, по мысли автора, — уже в этом качестве — Венгрии. Впечатление такое, что эта статья, с одинаковым успехом могла бы появиться в главном печатном органе любой другой страны. Следует ли понимать, что Венгрия уже настолько прочно ассоциировала себя с Евросоюзом, что окончательно и бесповоротно отождествляет свои интересы с интересами Сообщества?

Возникает и другой вопрос — насколько мы в России готовы воспринимать Венгрию исключительно как представителя Евросоюза. Думается, что, несмотря на протоколы и подписанные договора, русские еще продолжительное время будут воспринимать венгров и других восточных европейцев не как представителей ЕС, а как венгров, поляков, словаков, чехов и т.д. И здесь не будет никакого злого умысла или неприятия нынешнего положения.

Как ни странно, в венгерской прессе, находившейся под контролем соцлиберальной коалиции, Россию то обвиняли в имперских амбициях по поводу газового конфликта с Украиной, то призывали к выдержке и спокойствию в отношениях с Россией. Получалось, что кабинет ми-

нистров, придавший серьезное ускорение российской составляющей своей политики как бы извинялся перед аудиторией за активизацию взаимоотношений с Россией... Тем более что сами же социалисты активно использовали тему налаживания отношений с Россией в своей предвыборной кампании.

Действительно, социал-либеральная коалиция весьма активно использовала визит российского президента как часть своей предвыборной кампании в 2006 г. Нисколько не переоценивая роль российского фактора во внутриполитической борьбе, заметим два его несомненных эффекта. Во-первых, это шаг весьма выигрышный с точки зрения обозначения направления выхода из сложнейшей экономической ситуации, в которой оказалась Венгрия в последние годы. Поэтому лидер социалистов Ференц Дюрчань в ходе полемики с лидером оппозиции Виктором Орбаном одним из первых пунктов обозначил успехи своего кабинета в налаживании связей с Россией, где, по его словам, открывались большие экономические перспективы, и существует огромный рынок для венгерских товаров[1]. Во-вторых, учитывая возрастной спектр голосующих за ВСП, а это люди более зрелого возраста по сравнению с электоратом Союза молодых демократов, следовало принимать во внимание фактор ностальгии по той роли, которую играла Венгрия для России с конца 1960-х гг. — роль страны-реформатора, весьма уважаемой и авторитетной. Таких же позиций в ЕС Венгрии завоевать пока не удалось. К тому же в Венгрии за последние годы стремительно вырос интерес к России в среде молодежи. Она стремится не только больше узнать о России, но и изучать русский язык (который в знак протеста против обязательности чаще всего старались бойкотировать их родители), увидеть Россию, а также рассчитывает на получение работы в случае налаживания отношений с российскими фирмами.

В итоге предвыборное обещание — развитие отношений с Россией — стало наиболее легким для социал-либерального кабинета. Тем более что и российская сторона продвигалась в том же направлении.

Если же оценивать венгерские выборы 2006 г. в более общем плане, то можно охарактеризовать их так: на выборах в Венгрии глобальная тенденция взяла верх над национально-консервативной. Первоочередная задача венгерских социалистов и либералов — продолжить адаптацию страны к европейским и мировым реалиям. Все остальные тенденции скорее имели, так сказать, вспомогательный характер.

---

[1] Следует заметить, что министру иностранных дел кабинета Виктора Орбана так и не удалось договориться с российским руководством о визите Виктора Орбана в Москву, где, по словам спикера Государственной думы Г. Селезнева, ожидали именно приезда социалистов.

Как и за четыре года до этого, коалиция Венгерской социалистической партии и Союза свободных демократов в 2006 г. победила с весьма небольшим отрывом[1]. В первом туре, когда выборы проводились по избирательным спискам партий, разрыв между партиями Ференца Дюрчани и Виктора Орбана составил всего 1,18% (43,21% против 42,03%). Исход выборов решило голосование по одномандатным округам, состоявшееся во втором туре. Впервые в истории новой Венгрии правящая коалиция осталась у власти. Причем альянс социалистов и либералов победил на выборах уже в третий раз[2]. Следует учитывать и то, что Ференц Дюрчань к моменту выборов возглавлял кабинет менее двух лет. По всей видимости, и этот ход — замена лидера кабинета — также способствовал сохранению у власти социал-либеральной коалиции, несмотря на все претензии, имеющиеся к ней у венгерского населения.

Еще две прошедшие в парламент партии — либеральный Союз свободных демократов и Венгерский демократический форум едва преодолели барьер в 5%, набрав соответственно 6,5 и 5,04%. Но если социалисты уже в третий раз для достижения большинства объединяются с либералами, партиям национального спектра договориться, как в 1998 г. (когда они сформировали правительство) не удалось. Едва преодолев 5%-ный барьер, лидер ВДФ, партии, возглавившей кабинет министров Венгрии после первых посткоммунистических выборов в Венгрии, Ибойя Давид, заявила, что не поддержит ни одну из сторон, а использует предстоящие четыре года своего присутствия в парламенте страны для создания консервативной партии европейского образца. Однако серьезные разногласия, возникшие в этой партии по поводу вопроса об объединении, скорее всего, оставят ее в дальнейшем на периферии политической жизни Венгрии, все более тяготеющей к двухпартийности.

Можно было изначально предположить, что собственное неблагоприятное наследие коалиции в социально-экономической сфере столь велико, что исправлять его будет задачей не из легких. К тому же исправлять их Венгрии предстояло под контролем ЕС, стремящимся к тому, чтобы его члены, даже при самой сложной экономической ситуации все же удерживались в определенных «рамках относительного

---

[1] Если искать аналогии в пределах российского политического спектра, то победившая в Венгрии коалиция могла бы быть представлена как альянс Единой России с Союзом правых сил.

[2] Первый раз коалиция пришла к власти по результатам выборов 1994 г., однако уже на выборах 1998 г. ее сменила коалиция национально-патриотических сил под руководством Виктора Орбана. Следующий приход во власть состоялся в 2002 г.

благополучия». Евросоюз, не на шутку обеспокоенный крупным бюджетным дефицитом в Венгрии, настаивал не просто на исправлении экономического положения страны любым способом, а на серьезных реформах, пусть не популярных и, возможно, связанных с временным понижением жизненного уровня населения.

Выиграв выборы в Парламент, спустя менее чем полгода, социал-либеральная коалиция проиграла выборы в местные органы власти. Географически выборы 2006 г. раскололи страну практически пополам. На западе Венгрии большую поддержку получил ФИДЕС, на Востоке все еще сильной оставалась ВСП. В Будапеште явно преобладало влияние социал-либеральной коалиции, и это также придало некоторый статус оппозиционности столице по отношению к значительной части страны. Однако Венгрия — не Украина, и территориальным расколом данная ситуация ей не грозила. Тем не менее известные усилия по выравниванию экономического и социального статуса регионов в Венгрии все же назревали.

Задолго до того, как в октябре 2006 г. весь мир увидел горящие автомобили на улицах Будапешта и схватки полицейских с демонстрантами, в Венгрии начался глубочайший политический кризис. Он совместился с экономическими неудачами, во многом связанными и с беспрекословным подчинением диктату адаптационных программ ЕС. Позже к этой беде присоединилось неэффективное использование, а в ряде случаев — расхищение денег Евросоюза.

Спустя месяц после победы на выборах, где премьер Дюрчань расхваливал достижения своего кабинета, он выступил с программой небывалого повышения цен и налогов[1]. В июне же премьер предложил венгерским бизнесменам, если им не нравятся предложенные правительством меры, то они могут перебираться со своим бизнесом в другие страны... Оказалось, что перед выборами кабинет Ференца Дюрчаня сфальсифицировал данные о реальном экономическом положении страны. То есть в то время как действующий премьер на предвыборной встрече в телеэфире с Виктором Орбаном буквально давил его цифрами о скорости выпекания буханки хлеба, якобы возросшей в годы его правления, за всем этим велеречием скрывались более важные и совершенно провальные показатели дефицита государственного бюджета. Все это всплыло в сентябре 2006 г., когда достоянием общественности стала тайно сделанная на майском активе соцпартии аудиозапись, на которой премьер признавался соратникам: *«...Я чуть не умер, когда*

[1] Было объявлено, что правительство повышает цены на лекарства, на газ на 30% и на электроэнергию на 10–14%. Подоходный налог поднимается с 15 до 20%, а страховой взнос на здравоохранение до 7%, кроме того, вводится налог на высшее образование.

в течение полутора лет нам приходилось прикидываться, будто мы управляем. Вместо этого мы врали — по утрам, по вечерам и по ночам»[1].

Выданная в эфир радио и телевидением запись выступления премьер-министра страны вызвала волну демонстраций с требованиями к Дюрчаню уйти в отставку. Однако, вместо этого, он получил мандат доверия от парламентского большинства, представленного его же либерал-социалистической коалицией. А уже потом, после того как социалисты потерпели впечатляющее поражение на выборах в местные органы власти, весной 2007 г. он был практически единогласно (89%) избран председателем партии.

Многодневное стояние демонстрантов у стен парламента с требованием к Дюрчаню уйти в отставку, кордоны и заграждения в центре города, забрасывание яйцами и помидорами ораторов от социалистов и либералов, шествия радикальной оппозиции под музыку марша Венгерской гвардии — таков был фон, на котором Венгрия пришла к празднованию 20-летнего юбилея демократических преобразований в стране.

Двадцатилетие Венгерского демократического форума отмечали в сентябре 2007 г. в ставшем с конца 80-х годов XX в. историческим местечке Лакителек. Общей нитью всех выступлений было сожаление о том, что нет причин для торжества. Оценивая состояние венгерского общества, его экономики и политики спустя два десятилетия, многие из участников мемориальной встречи сошлись во мнении, что реформа в Венгрии вовсе не начиналась, и к ней надо приступать немедленно. Другие, напротив, полагали, что попытка преобразований все же имела место, однако она закончилась провалом, и поэтому необходима новая реформа.

Весной 2009 г. на фоне распада либерал-социалистической коалиции, Дюрчань все же подал в отставку. Сделал он это очень неохотно, пытаясь оставить за собой, то один пост, то другой, в итоге передав власть своему коллеге-бизнесмену Гордону Байнаи, на которого была возложена единственная функция — не уронить страну окончательно до предстоящих выборов. А ВСП вскоре избрала своим новым лидером и выдвиженцем на пост премьер-министра человека из той же команды советников Петера Медьеши Аттилу Мештерхази. К выборам партия, которую основали два десятилетия назад реформсоциалисты, пришла в разваленном и деморализованном состоянии. Как и предсказывала в интервью крупнейшей оппозиционной газете недавно ушедшая в отставку председатель венгерского парламента Каталин Сили, которую

[1] Qurcsany beismerte, hogy hazudtak. 17.09.2006 (http:// www. Hirtv.hu/? tPath=/bc1föld/D article_hid=115780).

можно отнести к внутрипартийной оппозиции бизнес-крылу в ВСП, парламентские выборы 2010 г. стали для страны «моментом истины»[1]. Так оно и получилось...

Результатом новых четырех лет правления либерал-социалистической коалиции в Венгрии стало то, что все чаще в средствах массовой информации и из уст экспертов и политиков можно было услышать, что страна вообще балансирует на грани банкротства. В это можно поверить после того, как Венгрии первой среди восточноевропейских стран осенью 2008 г. был предоставлен антикризисный пакет помощи в виде займов ЕС, МВФ и Всемирного банка на сумму 20 млрд евро[2]. Целью было поддержание национальной валюты, которая в октябре 2008 г. обесценилась на 10%, а также стабилизация снижения бюджетного дефицита, который в 2006 г. достиг рекордной цифры в 9,2%. В 2008 г. Венгрия к тому же вошла в число государств с наибольшей задолженностью по внутреннему долгу, достигшей 65% ВВП, и заняла четвертое место по этому показателю в Евросоюзе после Италии, Греции и Бельгии.

На этом фоне 11 и 25 апреля 2010 г. в Венгрии в два тура прошли уже шестые по счету парламентские выборы.

Уже в первом туре сокрушительную победу одержала право-центристская коалиция ФИДЕС-КДНП, получившая невиданный в современной Венгрии результат — 52,76% голосов избирателей. ВСП, поддержанная 19,3% голосовавших вышла на второе место. Третье и четвертое место заняли новые партии, «Йоббик» («За лучшую Венгрию»), получивший 16,7% голосов и экологическое движение «Возможна другая политика» (ВДП), которому досталось 7,43%. Две новые партии вытеснили из политической жизни Венгрии лидеров первых свободных выборов — Венгерский демократический форум и Союз свободных демократов. Такая замена вряд ли случайна, поскольку в программе праворадикальной партии «Йоббик» можно уловить идеи ВДФ и отколовшейся от него партии Иштвана Чурки — Венгерской партии жизни и справедливости. ВДП вполне можно рассматривать как продолжателя дела ССД в условиях открытых границ и общего европейского пространства, поскольку костяк этой партии составили либеральные эмигранты, после открытия границ осевшие в разных европейских странах. Таким образом, идеи ВДФ и ССД были подхвачены новым поколением и видоизменены в соответствии с новыми политическими условиями.

---

[1] См.: MNO. November 24, 2007.

[2] 6,5 млрд евро выделил ЕС, 12,5 млрд евро добавил МВФ и 1 млрд евро — Всемирный банк.

Впервые в истории венгерских выборов не понадобилось и формирования парламентской коалиции для получения двух третей голосов — конституционного большинства. В ходе второго тура ФИДЕС-КДНП, сложившая коалицию еще до выборов, уступила оппозиции всего три мандата (два социалистам и единственному во всей избирательной кампании независимому кандидату) и получила 68% мест в парламенте страны, или 263 из 386. ВСП получила 59 мест (15%), «За лучшую Венгрию» 47 мест (12%), ВДП 16 мест (4%).

Правительство Виктора Орбана получило от предшественников страну с деградирующей экономикой, крупнейшим в мире внешним долгом и полуразрушенной социальной сферой. Если доходы в области сельского хозяйства в расчете на одного труженика в среднем по ЕС за 2009 г. снизились на 12,2%, то в Венгрии — на 35,6% — намного больше, чем в остальных странах Евросоюза[1]. Можно говорить о практически полном разрушении сельского хозяйства этой некогда ставившейся всему социалистическому пространству в пример страны. К концу 2009 г. Венгрия оказалась и страной с самым высоким уровнем инфляции в ЕС — 5,4%[2]. ВВП страны снизился на 7%. Венгрия, удивившая до вступления в ЕС еврокомиссаров одним из самых низких уровней безработицы, утратила к сегодняшнему дню и это достижение. В марте 2010 г. уровень безработицы достиг 11,4%. Поэтому еще в ходе предвыборной кампании Виктор Орбан среди первоочередных задач заявил о необходимости в течение 10 лет создать не менее миллиона новых рабочих мест.

В который раз в канун выборов венгры задались вопросом: кто виноват? Правительство либерал-социалистов? Международные условия? Глобальный кризис? Здесь, скорее всего, речь может идти о целой группе факторов, с которыми Венгрия оказалась на пороге глобального кризиса, добивших самые слабые из экономик Евросоюза, среди которых, после долгого лидирования в Восточной Европе, оказалась и венгерская.

С тех пор как Венгрия вступила на путь адаптации к условиям ЕС и тем самым стала практически страной, где важное слово в принятии экономических решений принадлежит не национальному правительству, а Брюсселю, очень трудно отделить внутренние экономические факторы от внешних.

Собственно, ФИДЕС сегодня является единственной из стартовавших 20 лет назад новых политических партий, сумевшей за все эти

---

[1] См.: Bulletin Quotidien Europe. No 10044. 19.12.09.

[2] См.: Bulletin Quotidien Europe. No 10043. 18.12.09.

годы не только удерживаться на верхних строках народного рейтинга, но и значительно увеличить число своих сторонников, поглощая на очередных выборах разочаровавшийся электорат других реформаторских партий. Причем с неизменным лидером во главе партии и коалиции — Виктором Орбаном. На выборах 2000-х гг. ФИДЕС собирал в пять-шесть раз больше голосов, чем на выборах 1990-х, в то время как набравшие наибольшее число на первых свободных выборах национально-христианский Венгерский демократический форум и либеральный Союз свободных демократов спустя 20 лет уже стали практически достоянием истории.

Народный выбор показал, что Виктор Орбан и его ближайшие соратники по ФИДЕС остаются наиболее стабильной, вызывающей доверие населения и понятной ему командой, символом продолжения принятого 20 лет назад курса на демократизацию, пусть и с ошибками, но продвигающейся поступательно: ведь за плечами 20 лет неуклонного роста. Этой команде предстоит вести сложнейшую работу по выводу страны из двойного кризиса: внутреннего — политического и экономического, оставленного кабинетом Дюрчаня–Байнаи, и внешнего — глобального экономического. Центристская коалиция не обещает легкой жизни на ближайшие лет десять, за которые предстоит создать новые рабочие места и предпринять попытку возродить экономику страны и веру венгров в свои силы.

И если в экономике все будет писаться с чистого листа, с учетом и опыта шести лет в ЕС, то в области национальной и внешней политики, возможно, будет шанс для продолжения нереализованных в начале 2000-х гг. планов. Партия ФИДЕС уже имеет опыт разработки реальной национальной политики в отношении соотечественников в 1998–2002 гг. Однако четырех лет у власти не хватило тогда для ее реализации. Таким образом, ФИДЕС предстояло приступить к работе не с пустого места, а имея уже практический опыт, который, тем не менее, предстояло корректировать с учетом реалий членства в Европейском союзе.

Сразу же по завершении формирования парламентского руководства и кабинета министров, выборов нового президента, которые в этом году совпали с парламентскими, правительство Виктора Орбана приступило к выполнению своих обещаний. Первым законом, принятым новым парламентом страны стал Закон о гражданстве, гарантирующий право принятия второго венгерского гражданства венграм, проживающим в прилегающих к Венгрии территориях. Эта мера была с воодушевлением воспринята теми соотечественниками, которые и до принятия закона работали или проживали в Венгрии, но как граждане соседних государств. Возможность получения своими гражданами вто-

рого венгерского гражданства была с большей долей терпимости воспринята в Румынии, Сербии и на Украине. И только в Словакии встретила ответную реакцию властей, отразившуюся в устных намерениях о лишении в таком случае словацких венгров права участия в выборах и тому подобных мерах. Это привело к новому витку напряженности в двусторонних отношениях, однако после выборов в Словакии и прихода там к власти кабинета Иветы Радичовой, находится в рамках хотя и напряженной, но достаточно корректной дискуссии.

Как и обещалось, правительство приступило к мерам по снижению налога на мелкие и средние предприятия с годовой прибылью ниже 500 млн форинтов, семейного налога, восстановлению оплачиваемого отпуска по беременности и уходу за ребенком. Были законсервированы зарплаты депутатов и государственных служащих. Введен верхний порог для зарплат руководителей государственных предприятий и учреждений в размере 2 млн форинтов[1]. (При предыдущем правительстве зарплаты могли достигать 5–7 млн.) Даже такие меры, как разрешение на домашнее производство «палинки» в некоммерческих целях в целом улучшило настроение населения. Все эти мероприятия правительство начало разрабатывать в условиях оставленного предыдущим правительством дефицита бюджета в 87%[2].

Большинство политических обозревателей сошлось во мнениях, что столь высокой активности в первые два месяца управления, которые летом 2010 г. продемонстрировал кабинет Виктора Орбана, в Венгрии еще не наблюдалось. Об этом свидетельствуют приводимые экспертами цифры: в парламент страны фракцией ФИДЕС-ХДП за два месяца работы внесено 174 предложения и 6 поправок в Основной закон — Конституцию страны, 11 из которых потребовали конституционного большинства в две трети при голосовании и 18 отмечены неотложным характером при проведении в парламенте страны[3].

Параллельно началось расследование дел о нарушении законности в действиях двух предшествовавших социал-либеральных кабинетах министров и громких коррупционных дел. Были открыты слушания о неправомерных действиях полиции в ходе подавления массовых демонстраций в венгерской столице осенью 2006 г. после нашумевшего признания в обмане страны премьер-министром Ф. Дюрчанем.

---

[1] См.: Rendkívüli intézkedések: egykulcsos szja, bankadó, bérstop a közszférában. HirTV. 2010, június 8.

[2] Ibid.

[3] См.: Ugróstartot vett az elszámoltatás, felpörgött a törvénygyár. HirTV. 2010, július 23.

Дополнительный импульс, судя по всему, получит и российско-венгерское сотрудничество. Все более важным фактором в российско-венгерских отношениях становится инвестиционное сотрудничество, в том числе за счет приобретения акций и долей собственности предприятий. В Венгрии зарегистрировано свыше 900 совместных предприятий с российским участием. Суммарный объем российских капиталовложений в Венгрии — примерно 650 млн долл. США (2,2% от общего объема иностранных инвестиций в эту страну), в основном это активы РАО «Газпром». ОАО «ТВЭЛ» выиграло международный тендер на проведение работ по восстановлению второго энергоблока АЭС «Пакш», поврежденного в результате аварии. Авария была вызвана попытками венгерской стороны применить для модернизации АЭС «Пакш» технологии других стран, после чего была вынуждена исправлять эту ошибку путем привлечения российских технологий за 4,5 млн долл. США.

Ранее, еще в 2000 г., открытое акционерное общество «ТВЭЛ» и венгерский Институт ядерной энергии, входящий в состав Центрального института физических исследований, договорились о заключении контракта на изготовление и поставку в 2000–2015 гг. обогащенного ядерного топлива для исследовательского реактора, находящегося в Будапеште. Российские метростроители и производители подвижного состава участвовали в тендерах на реконструкцию 2-й и сооружение новой, 4-й линии будапештского метрополитена, а также поставки для них вагонов метро. В результате Российским фирмам была поручена реконструкция построенной еще в социалистические времена СССР 2-й линии метро, а также поставка новых вагонов метро. Российские компании участвуют в создании крупнейшей в Центрально-Восточной Европе железнодорожной перевалочной базы в Захони, близ венгеро-украинской границы.

Как и в других постсоциалистических странах, в Венгрии все еще бывают случаи, когда вопрос участия российских компаний в тендерах по продаже крупных пакетов акций национальных предприятий определяется политической конъюнктурой. Достаточно вспомнить скандал с приватизацией предприятия «Боршодкем» в начале 2000-х гг. Сорвалось участие российских представителей в приватизации компании «Дунаферр». Как и в других странах, российские компании достигают участия в тендерах в сотрудничестве с фирмами ряда западных стран, чаще Франции и Германии.

Венгрия, в свою очередь, с 2005 г. участвует в строительстве жилья и объектов социальной инфраструктуры в регионах России (компания МИРИП в Чувашии), сооружении ТЭС в Астрахани, транспортно-ло-

гистического узла и мусороперерабатывающего комбината в Подмосковье. Кроме того, венгерские компании принимают участие в реализации различных инвестиционных проектов в России в области фармацевтики, медицины, электроэнергетики. Венгерское предприятие «Раба-Моторс» и КАМАЗ подписали соглашение о поставках в страны ЕС российских грузовых автомобилей с венгерскими двигателями, отвечающими нормативу «Евро-3». Венгрия оснастила оборудованием больницы в Архангельске, фармацевтическое предприятие Гедеон Рихтер построило завод по производству лекарств в городе Егорьевск Московской области.

Венгрия все активнее идет в российские регионы, предлагая проекты обновления троллейбусного и трамвайного парка России, строительства медицинских диагностических центров, поставки деталей для российских автопредприятий.

Координация торгово-экономического сотрудничества ведется на различных уровнях. Возобновила деятельность Межправительственная комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству. Было подготовлено соглашение о порядке производства вооружений по лицензиям бывшего СССР, ставшего документом, опыт подготовки которого предстоит использовать при разработке подобных ему с другими странами региона.

Экономические связи двух стран опираются на финансовое и страховое сотрудничество. Так «Внешэкономбанк» активно сотрудничает с венгерскими «Эксимбанком» и Агентством страхования экспортных кредитов в вопросах финансирования двусторонней торговли. На российский рынок пришел и стабильно закрепился здесь венгерский ОТП-банк, занимающий 12-е место по объемам капитала среди Вишеградских стран[1].

Правительство Виктора Орбана, не снижая темпов развития интеграции с ЕС с самого начала повело активную восточную политику. 14 сентября 2010 г. руководители Венгрии, Румынии, Азербайджана и Грузии подписали в Баку заявление о сотрудничестве в области энергетики. В основу заявления был положен проект AGRI – параллельный «Южному потоку» план транспортировки азербайджанского газа в Европу через территорию Грузии, затем морем к Румынии и через территорию этой страны – в центр Европы — в Венгрию. В соглашении говорится о стремлении сторон ускорить разработку данного проекта, а также обеспечить его инвестициями. Участники соглашения считают этот проект важным элементом диверсификации поставок энергоносителей в Европу.

[1] См.: A gödör aljáu. Figyelö. No 36. 2010, Srept. 9–15.

В венгеро-российских отношениях стремительно актуализировалась проблема венгерской национальной авиакомпании МАЛЕВ. Венгерское правительство решило не только вернуть авиакомпанию, успевшую сменить не одного российского собственника на родину, но и вернуть ее в руки государства. А это достаточно затратное для бюджета страны мероприятие, поскольку одновременно в собственность Венгрии решено вернуть и международный аэропорт Ферихедь, проданный в 2005 г. компании British Airport Authorities за 465 млрд форинтов, чья стоимость после перепродажи в 2007 г. группе Hochtief возросла до 500 млрд форинтов.

Венгерское правительство также намерено расширить мощности Пакшской атомной электростанции, построив при содействии России ее вторую очередь. Очевидна тенденция к прорыву и в других отраслях и секторах экономического сотрудничества.

Впервые наметились качественные изменения в культурном взаимодействии сторон. Так, приглашение посетить Венгрию получил глава Русской православной церкви Кирилл. С ним партнер ФИДЕС по коалиции среди прочих, намеревается обсудить вопрос об установке православных крестов на кладбищах советских воинов в Венгрии. Растет число совместных проектов в области культуры, науки и образования.

Можно говорить о том, что венгерско-российские отношения обрели весьма многообещающую перспективу.

6.2. Польша: отстаивая права

С 1 мая 2004 г. членство Польши в Европейском союзе превратилось в основополагающее звено ее внутренней и внешней политики, развития экономики и внешнеэкономической деятельности.

Вступив в Европейский союз, Польша получила мощный стабилизатор в виде политической поддержки Брюсселя и государств — членов ЕС, бюджета Сообщества и огромного экономического потенциала стран объединенной Европы, а также клапан для выпуска социальной напряженности в стране в форме массовой трудовой миграции поляков в развитые страны Евросоюза. Из средств политики сплоченности (структурные фонды и Фонд сплоченности) Польша получила в 2004–2006 гг. около 12 млрд евро, а в 2007–2013 гг. может получить еще около 68 млрд евро[1]. Это составляет почти 20% всех

[1] См.: Ekonomiczno-społeczne efekty członkowstwa Polski w Unii Europejskiej. Główne wnioski w 6-tą rocznicę przystąpienia Polski do UE // polskawue.gov.pl.

средств, предназначенных на реализацию «политики сплоченности» ЕС, и более половины средств, выделенных для восьми новых членов из стран Центрально-Восточной Европы. С 1 мая 2004 г. по 28 февраля 2010 г. Польша получила из бюджета ЕС 38,1 млрд евро[1].

Если до вступления Польши в ЕС в польском обществе был распространен евроскептицизм, то после вступления настроения резко изменились в пользу Евросоюза. В конце 2001 г. только 56% поляков были сторонниками вступления Польши в ЕС, в феврале 2010 г. — 82%. В августе 2004 г. в том, что интеграция приносит стране больше выгод, чем потерь были убеждены 39% опрошенных, в декабре 2009 г. — 75%[2]. В 2005–2007 гг. польским парадоксом были проевропейски настроенное общество и евроскептический правящий класс.

Членство в ЕС повлияло на внутриполитическую ситуацию в Польше и ее внешнюю политику. Политические силы, осуществившие переход страны к демократии и рынку и приведшие страну к членству в НАТО и Евросоюз, — либералы и социал-демократы оказались на обочине политической жизни страны. Дело в том, что в начале XXI в. в польском обществе усилилось разочарование в результатах системной трансформации и «западнизации» Польши. Как показывают социологические исследования, в 2003 г. только 6,1% опрошенных считали, что реформы, проводимые с 1989 г., удались, в 2005 г. — 7,4%, в 2007 г. — 10,3%; а в том, что они не удались были уверены соответственно — 57,4, 46,7 и 40,1% респондентов[3]. Большинство опрошенных полагали, что демократия носит половинчатый характер, свобода слова является избирательной, капитализм — ущербным, государство и власть в целом — слабыми. Простые поляки — рабочие, крестьяне, жители малых городов, безработные, пенсионеры — относили себя к тем, кто проиграл в процессе системной трансформации. Для этих групп населения стали характерны такие настроения, как пессимизм, чувство угрозы и страх перед будущим. Они все еще ожидают другую Польшу, чем та, которая возникла в начале 1990-х гг.

В ситуации либеральной трансформации среди правившей в 1990-х — начале 2000-х гг. элиты проявились такие нормы поведения, противоречащие морали, как нечестность, эгоизм, клиентелизм, коррупция и др. Коррупция и другие патологические явления в функционировании власти особенно подорвали авторитет левоцентристского прави-

---

[1] См.: Ekonomiczno-społeczne efekty członkowstwa Polski w Unii Europejskiej.

[2] Ibid.

[3] См.: Diagnoza społeczna 2007. Raport pod redakcją J. Czapińskiego i T. Panka. Warszawa, 2007. S. 227.

тельства Лешека Миллера (2001–2004), Союз демократических левых сил, а с ними и III Республику.

В итоге уже в начале XXI в. это привело к дискредитации среди избирателей либеральной партии «Союз свободы», которая превратилась в мало значащую в политической жизни страны партию либеральной интеллигенции — Демократическую партию. Начиная с 2003 г. серьезный кризис переживает и Союз демократических левых сил. Он пытается преодолеть этот кризис путем омоложения руководства партии (лидерами союза стали молодые политики, уже не связанные с ПОРП) и поиска своего нового идейного лица. Вместе с тем свой «железный электорат» (5–10%) эта партия сохранила. Политические боги 1990-х гг. — Б. Геремек, А. Михник, Л. Миллер и др. в начале нового века перестали быть авторитетами в польском обществе.

Изменения в настроениях польского общества привели к изменению во внутренней расстановке политических сил. Поддержку электората получили правые консервативные политические партии — национал-католическая «Закон и справедливость» (лидер Я. Качиньский) и либерально-консервативная «Гражданская платформа» (лидер Д. Туск).

Эти партии объединяют неприятие III (коррумпированной) Республики и, следовательно, стремление к поиску программы новой модернизации и переменам. Впервые идею создания новой, IV Республики (Речи Посполитой) как пути к оздоровлению государства и общества выдвинул один из деятелей Гражданской платформы, социолог Павел Спевак. Ее подхватили и сделали идейным лозунгом «Закона и справедливости» Ярослав и Лех Качиньские. Новая IV Республика должна была стать полным отрицанием III Республики.

«Закон и справедливость» полностью отмежевывается от либерализма и представляет собой типичную польскую правую партию, защищающую традиционные патриотические и католические ценности (Бог, гонор, отчизна, защита жизни, брака, семьи и др.). Она обращается также к довоенным пилсудчиковским традициям, традициям Армии Крайовой и Варшавского восстания.

«Закон и справедливость» проповедует взгляд, что Польша является уникальной страной Европы, ее нельзя приспособить к иностранным образцам, и она должна пройти через модернизацию собственным путем. Для братьев Качиньских III Республика — это бездарная, периферийная имитация Запада. Национал-консерваторы считают, что программа модернизации Гражданской платформы — это «растворение» Польши в Европе, что, с их точки зрения, недопустимо. Модернизация должна вести к сохранению суверенитета страны. В рамках борьбы со своими политическими противниками «Закон и справедливость» стал

отождествлять либерализм и коррупцию. Свои национально-консервативные ценности партия сочетает с социальной ориентацией политики. В экономике польские национал-консерваторы являются сторонниками усиления роли государства. Избирателями партии Качиньских стали простые поляки, проигравшие в процессе трансформации.

В свою очередь, Гражданская платформа тоже не считает себя полностью либеральной партией. Она заявляет, что ее мировоззрение является консервативным, в области же экономики она придерживается либеральных взглядов. Либеральные консерваторы, в отличие от либералов 1990-х гг., сильную привязанность поляков к религии, национальным традициям и ценностям считают большим преимуществом.

Наблюдатели польской политической жизни придерживаются мнения, что цели обеих партий в основном совпадают, различия касаются методов их реализации. «Закон и справедливость» идет на пролом, используя жесткие методы и риторику, не боясь идти на конфликт и конфронтацию. Методы же и риторика Гражданской платформы более гибкие, умеренные, цивилизованные, европейские, дипломатичные.

Во время парламентской и избирательной кампании летом—осенью 2005 г. основная борьба развернулась между «Законом и справедливостью» и Гражданской платформой. Первая партия шла на выборы с лозунгом перехода к IV Республике и проведения в стране моральной революции, противопоставляла свой лозунг «Польши социальной» лозунгу «Польши либеральной» Гражданской платформы. В рамках реализации этих лозунгов «Закон и справедливость» обещала беспощадную борьбу с коррупцией и преступностью, ликвидацию системы неформальных связей, доведение до конца декоммунизации, прежде всего через проведение люстрации, смягчение социального неравенства, укрепление исполнительной власти, прежде всего президентской, повышение эффективности работы государственного аппарата, в первую очередь правоохранительных органов, укрепление национального суверенитета и безопасности страны.

25 сентября 2005 г. на выборах в Сейм, в которых приняли участие 18 политических партий и блоков, «Закону и справедливости» отдали свои голоса 26,99% избирателей, Гражданской платформе — 24,14%, Самообороне — 11,41, Союзу демократических левых сил — 11,31, Лиге польских семей — 7,97 и Польской крестьянской партии — 6,96%. Осенью 2005 г. «Законом и справедливостью» было сформировано правительство меньшинства во главе с К. Марчинкевичем (Гражданская платформа наотрез отказалась войти в его состав). В своем программном выступлении на заседании Сейма в ноябре 2005 г. новый премьер

заявил, «что программа строительства Четвертой республики не должна быть отрицанием Третьей, а только реализацией ее неосуществленных надежд». Новая республика должна быть «суверенным, демократическим и солидарным государством»[1].

9 и 23 октября 2005 г. состоялись выборы президента РП. Реальными кандидатами на этот пост были Л. Качиньский («Закон и справедливость») и Д. Туск (Гражданская платформа), которые и вышли во второй тур. Победителем во втором туре, состоявшемся 23 октября, стал Л. Качиньский, который набрал 54,04% голосов. Тем самым власть в стране перешла в руки партии «Закон и справедливость». Однако отсутствие большинства в Сейме застопорило реализацию программы «Четвертая республика».

22 декабря 2005 г. А. Квасьневский, подводя итоги своего 10-летнего президентства, заявил, что польская демократия работает, что Польша благодаря членству в НАТО обеспечила себе национальную безопасность, а благодаря членству в ЕС — перспективу развития, и что страна имеет хорошие отношения со всеми соседями[2].

С одной стороны, «Закон и справедливость», не имея квалифицированного большинства в Сейме и тем самым возможности изменить нынешнюю Конституцию страны или принять новую, вынужден был сосредоточиться не на Четвертой Республике, а на проведении моральной революции, прежде всего на окончательной декоммунизации, на избавлении Польши от остатков ПНР. Такой подход объективно привел к концентрации деятельности правительства на полицейских (контрольных) функциях государства. С другой стороны, так как «Закон и справедливость» не имел абсолютного большинства в Сейме, он был вынужден пойти на коалиционный союз с популистской партией «Самооборона» (лидер Анджей Леппер) и радикальной католической партией «Лига польских семей» (лидер Роман Гертых), которым братья Качиньские не доверяли.

Для Я. Качиньского, который стал премьер-министром в июне 2006 г., был характерен специфический конфронтационный стиль правления. В значительной степени этот стиль обусловливался его сильным характером, стремлением к борьбе и чрезмерной агрессивностью. Основными методами осуществления власти стали социальный патернализм, конфликты, науськивание одних поляков на других и нагнетание страха в обществе. Я. Качиньский считал, что сущностью политического действия является конфликт и «борьба на жизнь и на смерть». Он верил, что конфликт играет позитивную роль, что его очищающие и выясня-

---

[1] Expose premiera Kazimierza Marcinkiewicza// www.kprm.gov.pl (5.11 2005).

[2] См.: Kwaśniewski A.: Dziękuję za polskie sukcesy // www.gazeta.pl (22.12 2005).

ющие последствия, которые он влечет за собой, важнее моральных и материальных потерь, которые с ним связаны[1]. Одновременно «не веря в обычные механизмы демократии братья Качиньские «активно использовали «режим ручного управления» администрацией с упором на чрезвычайные меры»[2]. Это привело к чрезмерной «партизации» государства, т.е. назначения на посты в нем и государственных предприятиях исключительно членов «Закона и справедливости».

Ситуация, при которой один брат является президентом, а второй премьером, повлекла за собой концентрацию исполнительной власти, что, с одной стороны, ускоряло принятие решений, но, с другой — вела к нарушению принципа разделения властей, ослабляла систему сдержек и противовесов.

С точки зрения партии «Закон и справедливость» причины большого социального неравенства, коррупции, различных злоупотреблений в политике и экономике, морального разложения лежат в пороках III Республики, которые она унаследовала от ПНР. По мнению братьев Качиньских, после 1989 г. аппарат ПОРП и Служба безопасности создали неформальную систему связей (układ), состоящую из политиков, бывших сотрудников органов госбезопасности, олигархов, СМИ и криминала, которая до 2005 г. реально управляла страной. Поэтому была поставлена задача найти и разрушить эту систему (основная часть польских политологов и журналистов ее наличие считают мифом).

Одним из центров системы неформальных связей была признана практически не реформированная после 1989 г. польская военная разведка и контрразведка «Военные информационные службы», костяк которой составляли специалисты времен ПНР. Для их дискредитации и разгрома в 2006 г. была создана специальная комиссия во главе с ярым антикоммунистом и русофобом Антони Мачеревичем, которая подготовила доклад об этих службах. Он стал основанием для ликвидации «Военных информационных служб» и создания новых структур с новыми людьми.

Для «Закона и справедливости» характерно презрение к элите и интеллигенции. Это — неслучайно, ибо основная часть польской интеллигенции придерживается либеральных взглядов. Именно она является сторонницей либеральной демократии, прав человека, терпимости, открытости миру. Учитывая неприязнь простых поляков к элите, «Закон и справедливость» позиционировал себя как партия простого народа в противовес Гражданской платформе как партии элиты. Одним из ли-

---

[1] См.: *Śpiewak P.* Rzadki typ inteligenta // Dziennik. Europa. 22.09.2007.

[2] *Белецкий Т.* Цена вопроса // Коммерсант. 22.10.2007.

деров «Закона и справедливости» Людвиком Дорном интеллигенция презрительно была названа «образованщиной». Элита же именовалась «лжеэлитой». Постоянным нападкам подвергались олигархи, богатые люди.

Для избавления от интеллигенции среднего и старшего поколения, получившей образование и профессиональной опыт во времена ПНР, ее морального унижения, проведения, по существу, кадровой революции в июле 2006 г. был принят новый Закон о люстрации. В соответствии с ним проверке должны были подвергнуться до 700 тыс. человек, родившиеся до 1 августа 1972 г. (Анализ архивов госбезопасности ПНР показал, что сотни тысяч поляков доносили на своих коллег по работе, соседей, родственников[1]). В случае неправильного ответа или отказа предоставить сведения о себе им грозило немедленное увольнение с работы и 10-летний запрет заниматься профессиональной деятельностью. Однако 14 мая 2007 г. за несколько часов до окончательного срока предоставления письменного люстрационного заявления о сотрудничестве с органами безопасности ПНР Конституционный суд признал несоответствие части статей Закона о люстрации Конституции страны. Эта попытка люстрации была воспринята интеллигенцией как ее моральное унижение.

Я. Качиньский и его окружение для борьбы с коррупцией и организованной преступностью стали активно использовать правоохранительные органы, прежде всего прокуратуру, и силовые структуры. Однако со временем эти органы превратились также в инструменты борьбы с политическими противниками и неугодными журналистами. Это стало возможным из-за того, что генеральный прокурор одновременно являлся министром юстиции. В результате прокуратура оказалась бессильной перед лицом политического давления. По словам бывшего министра внутренних дел и администрации в правительстве Я. Качиньского Я. Качмарека, незаконно использовались такие методы, как слежка, прослушивание телефонных разговоров, поиск «крючков» на политических противников, чтобы затем на них оказывать политическое давление.

В результате в течение двух лет в Польше наблюдался отход от демократии. По мнению польского политолога и социолога Я. Станишкис, «произошло приближение к границам демократии»[2]. Вместе с тем эти годы показали, что в стране существуют независимые суд, в первую очередь Конституционный суд, СМИ, активное гражданское об-

---

[1] См.: *Bachmann K.* Wyborca jako kadrowy // Polityka. 11.10.2007.

[2] Sąd nad IV Rzeczypospolitą // Dziennik.Europa. 13.10. 2007.

щество, которые способны противодействовать нарушению законности, принципов и процедур демократии.

В течение двух лет поляки жили в атмосфере напряженности и подозрительности — конфликтов, скандалов, склок. Это породило в обществе высокий уровень взаимного недоверия. Некоторые польские публицисты называли ситуацию в стране в 2005–2007 гг. «холодной гражданской войной».

Для борьбы с коррупцией в июне 2006 г. было создано Центральное антикоррупционное бюро, состоящее из 500 сотрудников, имевшее огромные полномочия и напрямую подчиненное премьер-министру. Это бюро получило право в оперативных целях использовать метод провокации. На практике же этот метод стал использоваться в политических целях. Летом 2007 г., опираясь на него, была предпринята попытка дискредитации тогдашнего вице-премьера, министра сельского хозяйства А. Леппера. За большую взятку он согласился перевести в одном из регионов страны сельскохозяйственные земли в разряд строительных. Однако в последний момент Леппера предупредили, и провокация провалилась. Я. Качиньский отправил своего вице-премьера в отставку, что означало развал трехпартийной правительственной коалиции. В итоге Я. Качиньский вынужден был принять решение о проведении внеочередных выборов в парламент 21 октября.

Вполне естественно, что в ходе избирательной кампании основная борьба вновь развернулась между «Законом и справедливостью» и Гражданской платформой. Партия Я. Качиньского упор сделала на продолжение строительства «моральной» IV Республики без коррупции и злоупотреблений. В центре же избирательной кампании партии Д. Туска находились идеи «возвращения к нормальности» во внутренней и внешней политике, свободы личности, интеграции с ЕС, экономического чуда (достижение Польшей за четыре года уровня Ирландии) и др.

В результате во время выборов Гражданскую платформу поддержали более образованные и состоятельные избиратели — интеллигенция, бизнесмены, жители крупных городов, молодежь. Молодое и среднее поколение поляков проголосовало за эту партию, так как хочет чувствовать себя европейцами и ожидает быстрой модернизации страны по образцу развитых стран Запада. «Закон и справедливость» поддержали более бедные слои общества — жители малых и средних городов, село, пенсионеры.

Явка на выборах в Сейм и сенат оказалась для Польши высокой и составила 53,88%. В выборах приняли участие 22 партии и избирательных блока. За Гражданскую платформу проголосовали 41,51% из-

бирателей, «Закон и справедливость» — 32,11, блок «Левые и демократы» — 13,15 и Польскую крестьянскую партию — 8,91%[1].

В сенате Гражданская платформа получила 60 мест из 100, «Закон и справедливость» — 39. Сотое место принадлежит независимому сенатору В. Чимошевичу, связанному с социал-демократами[2]. Победа Гражданской платформы было следствием протестного голосования против «Закона и справедливости».

В результате выборов Гражданская платформа получила в Сейме 209 мест из 460, «Закон и справедливость» — 166, блок «Левые и демократы» — 53 и Польская крестьянская партия — 31 депутатский мандат. Чтобы сформировать правительство, Гражданская платформа создала с Польской крестьянской партией правящую коалицию, что дало двум партиям 240 мест в нижней палате парламента. 19 ноября новое правительство во главе с Д. Туском принесло присягу.

Однако в 2008–2010 гг. политику правительства Я. Качиньского и партии «Закон и справедливость» продолжал президент и его канцелярия, в которую перешли работать часть министров прежнего правительства. Эта ситуация порождала многочисленные конфликты между правительством и президентом.

Выступая 26 ноября с программной речью в Сейме новый премьер-министр Д. Туск еще раз подтвердил, что его кабинет намерен делать ставку на экономический либерализм, стараясь не вмешиваться административно в экономическую жизнь, а просто создавая законодательную базу для развития частной инициативы. Глава польского правительства обещал, что будет резко сокращена численность чиновников, у которых отберут разрешительные функции, исчезнет необходимость для предпринимателей собирать десятки разрешений в разных инстанциях, задача чиновников будет сводиться лишь к регистрации и к наблюдению за тем, чтобы соблюдался закон. За доверие правительству Туска проголосовали 238 депутатов, против — 204.

Однако на практике правительство оказалось весьма прагматичным и не спешило с проведением объявленных реформ. Первой причиной были конфликты правительства с президентом Л. Качиньским, который на важнейшие, принятые парламентом законы накладывал вето, для преодоления которого у правительства не было в Сейме необходимого большинства в три пятых депутатов. Второй стал разразившийся глобальный финансово-экономический кризис. Важнейшим

---

[1] Oświadczenie Państwowej Komisji Wyborczej z dnia 23 października o wynikach wyborów do Sejmu Rzeczpospolitej Polskiej przeprowadzonych w dniu 21 października 2007 r. // www.pkw.gov.pl.

[2] Ibid.

достижением правительства Туска стало преодоление последствий этого кризиса без больших потерь для Польши. В конце января 2010 г. премьер-министр представил план стабилизации государственных финансов, который предусматривал ограничение роста бюджетных расходов в целях уменьшения дефицита бюджета и роста государственного долга.

В конце января 2010 г. Туск, неожиданно для польского общественного мнения заявил, что он не будет выставлять свою кандидатуру на президентских выборах, сосредоточив все усилия на работе в правительстве. В марте 2010 г. на состоявшихся в Гражданской платформе праймериз победу одержал спикер Сейма Б. Коморовский и стал кандидатом этой партии на президентских выборах. Трагическая гибель в авиакатастрофе под Смоленском 10 апреля 2010 г. президента РП Л. Качиньского ускорила проведение президентских выборов (первый тур назначен на 20 июня 2010 г.) и изменила политическо-психологическую ситуацию в стране. Реальными кандидатами на пост президента стали Б. Коморовский, который после смерти Л. Качиньского стал исполнять обязанности президента Польши, и лидер партии «Закон и справедливость» Я. Качиньский. В результате досрочных выборов президентом стал Бронислав Коморовский, получивший во втором туре 53% голосов избирателей.

Первые годы членства РП в ЕС характеризовались оживлением ее экономики, которое связано как с вступлением в Евросоюз, так и с благоприятной внешней и внутренней экономической конъюнктурой. Приток в страну средств из фондов Евросоюза и от трудовых мигрантов, иностранных инвестиций, быстрый рост внутреннего потребления способствовали быстрому росту ВВП. В 2004–2008 гг. уровень жизни и настроения в польском обществе существенно улучшились.

Как уже отмечалось, с 1 мая 2004 г. по 28 февраля 2010 г. Польша получила из бюджета ЕС 38,1 млрд евро, а внесла в его бюджет — 16,7 млрд долл. Если вычесть польские взносы в бюджет ЕС, то чистые поступления польской стороны за этот период составили 21,4 млрд евро (в 2009 г. — 6 млрд)[1]. Однако степень использования структурных фондов ЕС польской стороной составила в начале 2009 г. 92,4%, а Фонда сплоченности — 51%. В 2004–2006 гг. Польша полностью использовала средства из структурных фондов, а из Фонда сплоченности — 70,9% всех средств.

В целом Польша получила в рамках «политики сплоченности» из структурных фондов и Фонда сплоченности 21,4 млрд евро, Единой

[1] См.: Ekonomiczno-społeczne efekty członkowstwa Polski w Unii Europejskiej.

сельскохозяйственной политики ЕС — 12,8 млрд евро, на другие цели — около 4 млрд евро.

В 2004–2008 гг., по оценкам, в рамках трудовой миграции в страны «старой» Европы, в основном в Великобританию, выехали около 2 млн поляков (скрытая безработица). Это способствовало притоку иностранной валюты в Польшу. По данным Национального банка Польши, в 2004–2009 гг. частными лицами было официально перечислено на родину около 24,7 млрд евро (в 2009 г. — только 4,5 млрд евро). В результате с 1 мая 2004 г. по 31 декабря 2009 г. трансферты из бюджета ЕС вместе с частными трансфертами польских мигрантов составили огромную сумму — 63 млрд евро[1]. В 2008—2009 гг. миграционная волна из Польши в Западную Европу ослабла, а небольшая часть мигрантов даже вернулась на родину.

Финансовые средства Евросоюза способствовали стимулированию инновационного развития страны, модернизации предприятий (закупки машин и оборудования), транспортной инфраструктуры и сельского хозяйства, укреплению малого и среднего бизнеса и т.д. Они повысили стоимость польских предприятий и крестьянских хозяйств, позволила конкурировать с иностранными производителями как на внутреннем рынке, так и за рубежом. Увеличивавшийся экспорт стал стимулятором роста производства и занятости, роста внутреннего потребительского спроса.

Прогнозы относительно вытеснения многих польских производителей с внутреннего рынка страны западноевропейскими фирмами после присоединения к ЕС не оправдались. Напротив, за последние годы целый ряд национальных компаний продемонстрировали на едином европейском рынке вполне приемлемый уровень конкурентоспособности, о чем свидетельствует достижение активного сальдо торговли с развитыми странами, в том числе со странами ЕС.

Если в 1999–2003 гг. средние темпы роста ВВП составляли 3,1%, то в 2004–2008 гг. — 5,3%. В 2004 г. ВВП страны увеличился на 5,3% (против 3,8% в 2003 г.), в 2005 г. — на 3,6, в 2006 г. — на 6,2, а в 2007 г. — на 6,8% (самый высокий уровень роста за последние 6 лет). В 2008 г. динамика экономического роста из-за снижения внутреннего спроса, так как иссякли запасы товаров на складах, уменьшилась до 5,0%. Последствия мирового финансово-экономического кризиса привели к тому, что в 2009 г. темпы ВВП снизились до 1,8%. Вместе с тем Польша была единственным членом ЕС, в котором наблюдался экономический рост. Для сравнения — ВВП ЕС-27 уменьшился на 4%. В условиях кризиса в лучшей ситуации оказались экономики с мень-

[1] Ibid.

шей экспортной ориентацией, меньшим открытием на мировую экономику. Так, в Польше доля экспорта в ВВП (40%) в два раза меньше, чем в Болгарии, Венгрии и Чехии (70–80%). Экономический рост и успешное преодоление последствий мирового кризиса стали возможными также благодаря большому внутреннему потребительскому рынку, значительному ослаблению курса злотого, стабильной финансовой системе, гибкости рынка труда и др.[1] В результате в 2009 г. Польша стала седьмой по масштабам экономикой ЕС, опередив Бельгию и Швецию.

В 2009 г. ВВП страны составил 430,3 млрд долл. США, а душевой ВВП по паритету покупательной способности превысил 18 тыс. долл. США. Доходы бюджета в 2009 г. достигли 274,4 млрд злотых при планировавшихся 272,9 млрд злотых, а расходы соответственно 298,1 млрд злотых против 300,1 млрд злотых. Бюджетный дефицит составил 23,7 млрд злотых вместо 27,2 млрд злотых по плану.

О высокой динамике развития свидетельствует рост производства ВВП на душу населения по паритету покупательной способности. Разрыв в уровнях развития между Польшей и другими членами ЕС постепенно сокращается. В 2003–2009 гг. показатель ВВП на душу населения увеличился на 38% — с 10,1 тыс. евро до примерно 14 тыс. евро. Если в 2000–2002 гг. душевой объем производства ВПП для Польши составлял около 48% от среднего уровня по ЕС, то в 2008 г. он увеличился до 57,5%.

В 2003 г. безработица составляла 20%, средняя заработная плата в секторе предприятий — 537 евро, приток прямых иностранных инвестиций — 3,7 млрд евро. За пять лет членства в ЕС безработица в стране уменьшилась на 50%, снизившись до уровня 9,5% в 2008 г., средняя заработная плата возросла на 56%, достигнув 838 евро. Оживление в экономике, прежде всего развитие различных производств (автомобилей, бытовой техники, мебели и т.д.), и, в меньшей степени, отток рабочей силы за границу оказали позитивное воздействие на рынок труда. Однако в 2009 г. в связи с проявившимися последствиями мирового кризиса безработица вновь стала расти и составила 11,9%. Число безработных было на 365 тыс. больше, чем год назад. В феврале 2010 г. безработица достигла уровня 13%, а затем понемногу стала снижаться. В марте 2010 г. в стране было более 2 млн безработных. С осени 2008 г. одним из ключевых инструментов предотвращения напряженности на польском рынке труда стали структурные фонды ЕС. В 2009 г. средняя

---

[1] Подробнее см.: *Синицина И.С., Чудакова Н.А.* Экономика Польши в период глобального финансово-экономического кризиса // Свободная мысль. 2010. № 3.

заработная плата в евро уменьшилась до 717, так как среднегодовой курс евро вырос, а в злотых немного увеличилась с 2942 до 3103.

В 2004–2005 гг. основными факторами экономического роста были внутреннее потребление и экспорт, в 2006–2008 гг. таковым стал внутренний спрос — как инвестиционный, так и потребительский. Роль экспорта заметно ослабла. Вместе с тем его влияние на экономический рост сохранилось до третьего квартала 2008 г. В 2004–2005 гг. была преодолена тенденция снижения объема капиталовложений предприятий в основные фонды: если в 2003 г. он сократился на 0,2%, то в 2004 г. — возрос на 5,3, в 2005 г. — на 7,8, в 2006 г. — на 16,5, в 2007 г. — на 20,4%. Этому способствовали прежде всего дешевые и доступные кредиты, ставшее более стабильным финансово-экономическое положение предприятий, но главное — это приток прямых иностранных инвестиций и поступления средств из фондов Евросоюза. Кредиты для предприятий, как на текущую деятельность, так и на инвестиции, увеличились по сравнению с предыдущим годом в 2006 г. на 38,3%, в 2007 г. — 71,7, в 2008 г. — 122, 7%[1]. В 2009 г. для части фирм эти кредиты превратились в серьезные долги.

Как уже отмечалось, в 2004–2008 гг. весьма динамично развивался внутренний потребительский спрос. Его рост увеличился с 2,8% в 2003 г. до 8,7% в 2007 г., а в 2008 г. составил 5,5%. Фактором, формирующим столь высокую динамику внутреннего потребительского спроса, явилось, прежде всего, улучшение ситуации на рынке рабочей силы, связанное как с ростом занятости, так и растущим уровнем материального вознаграждения. В 2009 г. спрос уменьшился на 0,9% по сравнению с 2008 г.

Значительную роль в формировании внутреннего потребительского спроса в последние годы играли многомиллиардные денежные переводы, получаемые в рамках трудовой эмиграции поляков, и нарастающее использование потребительских кредитов и банковских заимствований. Задолженность домохозяйств банкам по этим статьям в середине 2008 г. составила 29,8 млрд злотых (около 10 млрд долл. США).

В последние годы оснащение домохозяйств информационно-телекоммуникационной техникой быстро растет. В 2004 г. только 36% хозяйств имели персональные компьютеры, в 2009 г. — уже 66%. За этот же период доля домохозяйств имеющих доступ к Интернету выросла с 26 до 59%. В 2008 г. мобильные телефоны имели 97,7% рабочих и служащих, 91,2% крестьян, 98,1% предпринимателей и 60,0% пенсионеров. Если в 2005 г. 47,4% домохозяйств имели легковой автомобиль, то в 2008 г. — 54,7%.

[1] См.: Polska 2009. Raport o stanie gospodarki. Warszawa, 2009. S. 182.

Дополнительным стимулом внутреннего потребительского спроса стали повышение размеров пенсий и пособий, выплаты крестьянам из фондов ЕС, а также относительно низкая до сентября 2007 г. инфляция. В 2005–2007 гг. она была на уровне менее 3% в год. В 2008 г. инфляция перешла порог 4%. В 2009 г. она снизилась до 3,5%, а в первом квартале 2010 г. — до 3,3% по сравнению с аналогичным периодом 2009 г.

В 2004–2008 гг. наблюдалось оживление притока иностранного капитала, в особенности прямых инвестиций (ПИИ). Вступление в ЕС, хорошее состояние польской экономики обусловили этот процесс. Если в 2001–2003 гг. ПИИ составляли в среднем 5 млрд евро в год, то в 2004–2007 гг. — 12,1 млрд евро. Перед вступлением Польши в ЕС ПИИ составляли 2,4% ВВП, после вступления — 4,4% ВВП[1]. В 2004–2008 гг., по данным Министерства экономики РП, наблюдались определенные колебания в притоке ПИИ в Польшу: 2003 г. — 4,3 млрд евро, 2004 г. — 10,3 млрд евро, 2005 г. — 8,3 млрд евро, 2006 г. — 15,6 млрд евро, 2007 г. — 16,7 млрд евро, 2008 г. — 11,3 млрд евро[2]. В 2009 г. в связи с глобальным кризисом прямые инвестиции сократились по сравнению с 2008 г. на 15,9% и составили 8,4 млрд евро. На конец 2009 г. общая стоимость иностранных инвестиций в польскую экономику составила около 139 млрд евро. Благодаря этим инвестициям, в стране с середины 1990-х гг. было создано более 1,2 млн рабочих мест. В 2009 г. 90% всех ПИИ пришли в Польшу из стран Европейского союза.

На конец 2008 г. общие инвестиции компаний из Нидерландов составили 22,1 млрд евро, Германии — 19,1 млрд евро, Франции — 13,4 млрд евро и США — 7,9 млрд евро. На конец 2008 г. больше всего инвестиций — 43,8 млрд евро (36,6% всех ПИИ) были направлены в промышленность, 22,9 млрд евро (19,1%) — в финансовую сферу, 19,5 млрд евро (16,3%) — в торговлю и ремонты, 17,8 млрд евро (10,1%) — в услуги и др.

Вышеприведенные цифры свидетельствуют, что в 2004–2008 гг. экономика Польши находилась в стадии высокого экономического роста. Хозяйственное оживление наблюдалось практически во всех секторах экономики. Хорошая конъюнктура благоприятствовала сохранению высокой динамики в промышленном производстве, строительстве, внутренней и внешней торговле, сфере услуг.

Рост реализованной промышленной продукции в постоянных ценах в 2007 г. составил 10,7%, 2008 г. — 3,6, в том числе в перерабатывающих

---

[1] См.: Po wejściu do UE 2,5- krotnie wzrosły inwestycje bezpośrednie//PAP. 9.07.2008.

[2] См.: Polska 2009. Raport o stanie gospodarki. S. 1872; 5 lat Polski w Unii Europejskiej. Warszawa, 2009. S. 18.

отраслях 12,4 и 4,0%. В 2009 г. наблюдался спад промышленного производства (–3,5%). В последние годы рост добавленной стоимости, производимой в строительстве, оставался приблизительно на одном уровне. В 2006 г. он составил 11,6%, в 2007 г. — 10,8, в 2008 г. — 11%. В 2007 г. розничный товарооборот в постоянных ценах увеличился на 7,6%, в 2008 г. — на 5,0%. Валовая продукция сельского хозяйства в 2005–2008 гг. выросла на 7,8%, (в 2007 г. — на 5,9%, в 2008 г. — на 3,1%), в том числе растениеводческая — на 10,2, а животноводческая — на 4,0%. В 2009 г. валовая сельскохозяйственная продукция увеличилась на 2,8%, в том числе растениеводческая — на 4,7 и животноводческая — на 0,2%.

В период подготовки страны к вступлению в ЕС польские крестьяне больше других социальных групп опасались ухудшения своего материального положения. Однако на практике именно они выиграли больше всех. Доходы товарных крестьянских хозяйств значительно выросли благодаря введению прямых форм поддержки производителя, повышению внутренних цен на основные виды сельхозпродукции (зерно, сахар, молоко) в результате распространения на Польшу Единой сельскохозяйственной политики ЕС (ЕСХП), заметному росту спроса на польские продовольственные товары на внешнем рынке и др. В 2008 г. средний доход лица, занятого в сельском хозяйстве, был на 90% выше, чем в 2000 г.

В последние шесть лет прямые доплаты из бюджета ЕС и Польши получают более 1,4 млн крестьян. В 2009 г. они составили 2,98 млрд евро. В 2004–2009 гг. крестьяне получили в рамках ЕСХП ЕС 5,3 млрд евро.

Членство Польши в ЕС оказывает существенное влияние на развитие транспортной инфраструктуры. Проекты в этой сфере софинансируются из средств Фонда сплоченности, секторальной операционной программы «Транспорт» и интегрированной операционной программы «Региональное развитие». В 2004–2008 гг. за счет средств ЕС были построены или модернизированы 190 км автострад, 140 км автомагистралей и 90 км обходных дорог.

В 2004–2008 гг. общая внешняя задолженность Польши возросла более чем в два раза. Перед вступлением она составляла 85 млрд евро, в 2007 г. достигла уровня 160 млрд евро, в 2008 г. (первые три квартала) — более 184 млрд евро. Государственный долг с 2008 г. вновь стал расти и достиг 47,2% ВВП (2007 г. 45,0%, 2006 г. — 47,7, 2005 г. — 47,5%). В 2009 г. его рост ускорился и составил 50,3%. Золотовалютные резервы страны насчитывали в 2009 г. 59,3 млрд долл. США (2005 г. — 42,6 млрд долл. США, 2006 г. — 48,5 млрд долл., 2007 г. — 65,7 млрд долл. и 2008 г.— 56,2 млрд долл. США).

На валютном рынке в 2004–2008 гг. наблюдалась стабильная тенденция роста курса польского злотого по отношению к основным мировым валютам. В 2008 г. среднегодовой курс злотого составил: 1 долл. США — 2,41 злотых, (2005 г. — 3,23; 2006 г. — 3,10, 2007 г. — 2,77 злотых); 1 евро — 3,51 злотых, (2005 г. — 4,02, 2006 г. — 3,89, 2007 г. — 3,78 злотых). В связи с глобальным кризисом в сентябре 2008 г. началось падение курса злотого и соответственно рост курса доллара с 2,34 злотых до 3,63 злотых в феврале 2009 г. и евро с 3,37 злотых до 4,64 злотых. В результате злотый по отношению к доллару упал на 55,1% , а по отношению к евро — на 37,7%. С марта 2009 г. курс злотого по отношению к основным мировым валютам вновь стал укрепляться. В 2009 г. среднегодовой курс злотого составил: 1 долл. США — 3,12 злотых, 1 евро — 4,33 злотых.

В 2004 г. Польша окончательно реализовала стратегические цели своей внешней политики: после членства в НАТО она стала членом и ЕС и тем самым полноценной геополитической частью Запада. Страх перед Россией отошел в прошлое, появилось ощущение, что Российская Федерация превратилась в малозначимое для Польши государство. Польский политический класс пришел к выводу, что после проведения в течение 15 лет политики адаптации к Западу, политики реагирования, политики уступок пора переходить к более самостоятельной, наступательной политике в международных делах.

Членство Польши в ЕС поставило на повестку дня вопрос о месте и роли страны в этой структуре. С момента вступления Республика Польша стремится занять в ЕС активную позицию, стать одним из государств Евросоюза, определяющих его будущее.

Прежде всего, РП старается позиционировать себя в Евросоюзе как страна, с которой ведущие члены ЕС и Брюссель должны считаться. Одновременно в опоре на Евросоюз и США — их материальную и политическую поддержку — Польша пытается изменить ситуацию в восточной части Европы. В 2005–2008 гг. она претендовала на роль лидера в регионе (Украина, Молдавия, Грузия, Азербайджан, страны Балтии), что должно было поднять вес Польши в ЕС. Польский политический класс всеми силами стремился не допустить превращения РП — страны, расположенной в центре Европы, в политическую провинцию. Укоренение Польши на Западе, по мнению польской политической элиты, создало условия для проведения эффективной политики на Востоке, при этом не особенно считаясь с интересами России.

Находившимися в 2005–2007 гг. у власти национал-консерваторами прежняя внешняя политика, которая проводилась, по их мнению, «на коленях», «на четвереньках» и даже «на животе», была объявлена пре-

дательством национальных интересов страны. Либералы и посткоммунисты были обвинены в том, что они способствовали распродаже национального имущества иностранцам, прежде всего немцам. Национал-консерваторы основной целью своей новой «смелой и решительной» внешней политики объявили жесткое отстаивание суверенитета и национальных интересов страны, особенно в отношениях с Германией и Россией. Ее характерной чертой была «низкая способность к диалогу и компромиссу»[1].

В политике в отношении ЕС национал-консерваторы выступили против курса ведущих государств — членов союза на углубление политической интеграции в рамках Евросоюза, которая рассматривалась как угроза национальному государству и национальной идентичности. В июне 2006 г. премьер-министр Я. Качиньский заявил: «Став членом Европейского союза, мы должны иметь возможность принимать собственные решения. Мы будем отстаивать интересы Польши и защищать наше право на культурные и национальные традиции. Законы Европейского парламента не должны касаться этой области. Мы разные в своих традициях, и нет необходимости скрывать это от других стран нашего содружества»[2].

В 2005–2007 гг. в отношении ЕС проводилась жесткая, консервативная политика. Польша призывала Евросоюз отменить смертную казнь, запретить аборты, заявляла о неприятии прав сексуальных меньшинств и т.д. Поэтому 15 июня 2006 г. Европарламент даже принял специальную резолюцию, осуждающую нарастающую в стране нетерпимость. Евросоюз рассматривался прежде всего как «дойная корова». У ЕС возникли серьезные проблемы с Польшей при принятии Лиссабонского договора о реформах. Эти проблемы в первую очередь были связаны с тем, что польская сторона выступила против двойной системы подсчета голосов (численность населения и размер территории) при принятии решений в Евросоюзе, так как эта система укрепляла позиции Германии в ЕС. С большим трудом и за счет некоторых уступок польской стороне (сохранения ниццской системы до 2014 г.) удалось достичь компромисса. РП сдерживала начало переговоров по новому базовому договору ЕС–Россия. Безаппеляционность и нетерпимость в отстаивании своих позиций стало чем-то вроде брэнда Польши при правительстве Я. Качиньского. Имидж страны в Евросоюзе весьма ухудшился.

---

[1] *Kuźniar R.* Droga do wolności. Polityka zagraniczna III Rzeczypospolitej. Warszawa, 2008. S. 278.

[2] www.kprm.goy. Pl.

Новое правительство Туска сразу же предприняло усилия по улучшению отношений с Брюсселем. Было сразу же объявлено, что произойдет европеизация польской внешней политики, что ЕС станет главным ее приоритетом, что Польша заинтересована в сплоченной и солидарной Европе. Туск сумел восстановить значимую роль Польши в ЕС. Это касается не только сферы политики, но и финансов. В июле 2009 г. председателем Европарламента был избран польский политик Ежи Бузек, что в европейских кругах было оценено как большой успех Польши.

При братьях Качиньских в польскую внешнюю политику вновь вернулись «немецкая проблема» и германофобия. Национал-консерваторы отвергли идею «об общности польско-немецких интересов», которая лежала в основе взаимных отношений в 1990-е гг. Возобладала идея «плохой совести» немцев. Польша потребовала, чтобы правительство ФРГ взяло на себя удовлетворение материальных исков немцев, выселенных с территорий, вошедших после войны в состав РП, и отказалась вернуть часть немецких культурных ценностей, оказавшихся на польской территории. Резкую реакцию Варшавы вызвало совместное германо-российское решение о строительстве газопровода «Северный поток». Германия была обвинена в стремлении к гегемонизму в Европе. Эта проблема была поставлена национал-консерваторами ребром: «европейская Германия или немецкая Европа».

В 2008–2010 гг. хорошие личные отношения между Д. Туском и А. Меркель способствовали улучшению отношений между Польшей и Германией.

Начиная с 2003 г. в связи с участием Польши в иракской войне и операции по поддержанию мира в Ираке, а затем и в войне в Афганистане польские власти заговорили о «привилегированных отношениях» с США. Это должно было укрепить статус Польши внутри Запада. Одновременно не НАТО, а США стали рассматриваться в качестве гаранта национальной безопасности РП. Произошла американизация польской политики национальной безопасности. Концепция силы и сильных союзников возобладала в этой политике. Соответственно появилась идея о размещении на территории Польши элементов американской системы противоракетной обороны (10–20 ракет-перехватчиков), которая, по существу, направлена не против Ирана (как утверждали США и Польша), а против России и Китая. И хотя в августе 2008 г. было подписано Соглашение об условиях размещения элементов американской системы ПРО на территории Польши, новая администрация США во главе с Б. Обамой 17 сентября 2009 г. отказалась от размещения элементов американской системы ПРО на территории

Польши и Чехии. Вместе с тем к 2018 г. предполагается создание новой системы противоракетной обороны с размещением на территории Польши американской военной базы с ракетами SM-3.

Нельзя не отметить и антироссийский крен восточной политики РП. В 2004–2009 гг. Польша на постсоветском пространстве проводила политику противодействия российским геополитическим интересам: поддерживала антироссийские политические силы в Украине, Белоруссии, Молдавии и Грузии, лоббировала вступление Украины и Грузии в НАТО, вела переговоры с Украиной, Грузией, Азербайджаном и Казахстаном о строительстве нефте- и газопроводов, которые бы обходили территорию России. Однако выборы в начале 2010 г. новым президентом Украины В. Януковича, улучшение отношений России со странами Балтии в связи с мировым кризисом объективно меняют условия проведения польской восточной политики. Она будет менее антироссийской, и в ней большее место займет Россия.

Активная и открытая поддержка поздней осенью 2004 г. А. Квасьневским на президентских выборах в Украине В. Ющенко (в то время как фаворитом России был В. Янукович) привела к новому охлаждению российско-польских политических отношений. Пришедшее к власти осенью 2005 г. правительство «Закона и справедливости» в отношении России демонстрировало бескомпромиссную позицию. Россия стала трактоваться в качестве основной угрозы национальной безопасности Польши в военной, геополитической, экономической и особенно энергетической сферах, что получило отражение в текущей политике. Во взаимных отношениях вновь стали нарастать конфликты.

Одновременно членство Польши в Евросоюзе не могло не внести определенные изменения в механизм российско-польских политических отношений. Они теперь развиваются как на двусторонней основе, так и по линии Россия–ЕС. Теперь Польша строит свою политику в отношении России в рамках ЕС, под его «зонтиком». Это изменение механизма создает для Польши больше маневра в отношениях с Россией. Всегда можно пожаловаться в Брюссель, что Россия в отместку пытается наказать Польшу за проведение политики, которая не нравится РФ. В результате для России ухудшение отношений с Польшей может обернуться ухудшением отношений с Евросоюзом. По важнейшим вопросам взаимных экономических связей Россия теперь договаривается с властями ЕС при участии Польши.

Однако для России основные политические последствия вступления Польши в ЕС состоят в том, что в разработке и проведении «восточной политики» Евросоюза, в том числе его политики в отношении РФ возрастет роль и активность РП. В 2008 г. Польша при поддержке

Швеции стала инициатором «Восточного партнерства» — программы, определяющей измерение «восточной политики» ЕС в рамках Европейской политики соседства. Инаугурация этой программы произошла в Праге в мае 2009 г. В России «Восточное партнерство» было воспринято настороженно и скептически.

После вступления Польши в ЕС пострадала лишь часть российских экспортеров неминерального сырья (на нефть и газ сохранилась нулевая таможенная ставка), прежде всего те, кто вынужден был адаптировать свою продукцию к европейским техническим стандартам. По польским подсчетам, после 1 мая 2004 г. 83,6% таможенных пошлин на российские товары не изменились, 11,4% — снизились (были сняты все действовавшие национальные ограничительные меры по доступу российских товаров) и лишь 4,9% — увеличились[1].

Период 2004–2009 гг. свидетельствует, что условия доступа российской продукции на польский рынок после вступления РП в ЕС практически не ухудшились. Что касается польского экспорта в Россию, то он по-прежнему зависит от уровня конкурентоспособности экспортируемых товаров и от условий доступа на рынок, определяемых Россией.

В связи с членством Польши в ЕС российская сторона ужесточила требования к качеству продовольственных и сельскохозяйственных товаров, импортируемых из РП. На повестку дня встал вопрос защиты российского рынка от некачественной или контрафактной продукции, поставляемой в Россию из/или через Польшу.

Летом 2005 г. были выявлены факты нарушения российских ветеринарных и фитосанитарных требований при поставках продукции. Россельхознадзор пришел к выводу, что через Польшу поступает продукция из третьих стран, для которой российский рынок закрыт из-за нарушений ветеринарных требований. Польская сторона не отреагировала на эти сигналы адекватно. Поэтому с 10 ноября 2005 г. Россельхознадзор ввел временные ограничения на ввоз из Польши мяса, мясных субпродуктов, сырых мясных полуфабрикатов, а с 14 ноября — растениеводческой продукции, включая цветы, фрукты, овощи, картофель и зерновые.

24 ноября 2006 г. Польша в преддверии саммита РФ–ЕС неожиданно наложила вето на начало переговорного процесса между Россией и Евросоюзом по поводу разработки нового соглашения о партнерстве и сотрудничестве. В качестве предварительного условия РП потребовала отмены Россией запрета на импорт польской животноводческой

---

[1] См.: *Bodia M.* Stosunki między Unią Europejską a Federacją Rosyjską: stan i perspektywy rozwoju. Warszawa, 2005. S. 133–134.

и растениеводческой продукции, а также ратификации европейской Энергетической хартии и транзитного протокола к ней.

Лишь смена власти в Польше после досрочных парламентских выборов в октябре 2007 г. создала условия для нормализации российско-польских политических отношений. Новое коалиционное правительство партии «Гражданская платформа» и Польской крестьянской партии во главе с Д. Туском своими жестами в адрес России и предпринятыми конкретными действиями создало условия для отмены временного эмбарго на поставки польского сырого мяса и продукции растениеводства в Россию.

В 2005–2008 гг. обострились российско-польские отношения в области энергетики. Подписание в сентябре 2005 г. российско-немецкого соглашения о строительстве газопровода «Северный поток» через Балтийское море к побережью Германии вызвало резкую негативную реакцию в Польше, было воспринято как угроза энергетической безопасности страны

В связи с тем, что роль Польши как транзитера российских энергоносителей уменьшается, она пыталась объединить вокруг себя государства Восточной Европы, Балтии и Южного Кавказа для решения проблемы энергетической безопасности, диверсификации поставок энергоносителей из разных источников, создать что-то вроде собственного «энергетического блока» с Украиной, Литвой, Латвией и Эстонией, Азербайджаном и Грузией против внешнеэнергетической политики России. Предпринимались попытки разработать и реализовать проекты транзитной транспортировки через украинскую и польскую территорию каспийской нефти и центрально-азиатского газа в обход России. Речь идет, прежде всего, о газопроводе из района Каспийского моря и нефтепроводе Одесса–Броды–Польша. В 2006–2008 гг. по инициативе президента РП Л. Качиньского были проведены энергетические саммиты в Кракове (май 2006 г.), Вильнюсе (октябрь 2007 г.), Киеве (май 2008 г.) и Баку (ноябрь 2008 г.) с участием лидеров вышеупомянутых стран. На этих встречах обсуждались вопросы строительства нефте- и газопроводов в обход России. Однако в связи с глобальным финансовым и экономическим кризисом эта инициатива оказалась в подвешенном состоянии.

В 2009–2010 гг. российско-польские энергетические противоречия смягчились. Так как в 2009 г. тогдашняя премьер-министр Украины Ю. Тимошенко настояла на устранении из украинско-российских газовых отношений посредника в лице компании «РосУкрЭнерго», то реализация контракта между этой компанией и Польской нефтяной и газовой компанией на поставку 2,5 млрд м^3 газа на 2009 г. стала невозможной. Учитывая этот факт, а также в связи с переводом польской

электроэнергетики с угля на газ польская сторона предложила заключить новый контракт на поставки российского газа. 27 января 2010 г. «Газпром» и Польская государственная нефтегазовая компания (PGNiG) подписали соглашение о поставках в Польшу и транзите газа, в соответствии с которым поставки газа будут продлены на 15 лет до 2037 г. «Газпром» будет поставлять начиная с 2010 г. до 11 млрд м^3 газа в год (по польским нормам — 10,3 млрд м^3) плюс или минус 15% поставок газа в год. В 2009 г. поставки газа составили 9 млрд м^3.

В 2008–2009 гг. российские власти и правительство Д. Туска пыталось вывести российско-польские отношения из ситуации пата. 23 ноября 2007 г. в своем программном выступлении в Сейме новый премьер-министр РП заявил: «Мы хотим диалога с Россией, такой, какая она есть. Отсутствие диалога не служит ни Польше, ни России»[1]. Это заявление означало, что Польша готова вновь вести диалог с Российской Федерацией, что развитие процесса демократизации — это внутреннее дело самой России. Тем самым российская политика Польши стала приобретать черты прагматизма.

Был возобновлен политический диалог: в феврале 2008 г. состоялся визит в Россию премьер-министра РП Д. Туска. В ходе этого визита было согласовано, что Россия и Польша будут наращивать прагматическое двустороннее сотрудничество в интересах обеих стран и продолжать сотрудничество по европейским, международным делам с учетом тех различий, порой довольно серьезных, которые в позициях двух стран существуют.

В 2008 г. Польша перестала препятствовать диалогу России с НАТО, а также переговорам о новом стратегическом соглашении между ЕС и РФ. В январе 2009 г. во время газового конфликта между Киевом и Москвой правительство Туска заняло нейтральную позицию, чем удивила многих в Украине.

В июне 2008 г. в новом деполитизированном формате была возобновлена работа Группы по сложным вопросам, вытекающим из истории российско-польских отношений. Сопредседателем группы с российской стороны является академик, ректор МГИМО А.В. Торкунов, с польской — бывший министр иностранных дел РП А. Ротфельд. В октябре 2008 г. в Москве прошло второе заседание Группы по сложным вопросам в новом формате, в мае 2009 г. — третье заседание в Кракове, а в ноябре 2009 г. — четвертое в Москве. Летом 2009 г. сопредседатели группы направили совместное послание руководителям двух стран с конкретными предложениями выхода из тупика по исто-

[1] Expose Premiera Donalda Tuska. 23.11.2007 // www.premier.gov.pl.

рическим вопросам. Результатом работы этой группы станет книга, в которой российские и польские историки параллельно представят, сопоставят и проанализируют логику и позиции обеих сторон с момента становления Советской России и независимого Польского государства. Благодаря усилиям сопредседателей группы Русская православная церковь и Польская католическая церковь были вовлечены в процесс нормализации российско-польских отношений.

1 сентября 2009 г. состоялся визит главы российского правительства В.В. Путина в Польшу, который был приурочен к 70-й годовщине со дня начала Второй мировой войны. Российский премьер в своей статье, опубликованной в «Газете выборчей», и во время выступления на церемонии на Вестерплатте заявил, что Россия давно осудила пакт Риббентропа—Молотова (сам российский премьер-министр назвал его аморальным) и ожидает от других стран принятия решений о признании ошибочными сделок с нацистами в преддверии Второй мировой войны. Путин образно сказал: «Если кто-то ставит перед собой цель выискивать «из этой старой и уже заплесневелой булки» какие-то «изюминки» для себя, а всю плесень оставлять одной из участниц процесса, то ничего хорошего из этого не получится... Это не создаст условий для взаимопонимания и доверия!»[1].

7 апреля 2010 г. В. Путин и Д. Туск в Катыни в 70-ю годовщину расстрела польских офицеров почтили память жертв сталинского тоталитаризма. Российский премьер заявил: «Этим преступлениям не может быть никаких оправданий. В нашей стране дана ясная политическая, правовая, нравственная оценка злодеяниям тоталитарного режима. И такая оценка не подлежит никаким ревизиям»[2].

Гибель 10 апреля 2010 г. в авиакатастрофе под Смоленском президента Польши Л. Качиньского стала трагедией и Польши, и России, вызвала сострадание простых российских граждан, способствовала сближению россиян и поляков, создала климат для нормализации российско-польских отношений. 18 апреля 2010 г. президент РФ Д.А. Медведев принял участие в церемонии похорон Леха и Марии Качиньских в Кракове. Он еще раз подчеркнул, что «катынская трагедия — это преступление Сталина и ряда его приспешников»[3].

---

[1] «Страницы истории — повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнерства?» Статья В.В. Путина в «Газета выборча» (Польша) // www.premier.gov.ru (2009, 31 августа); В.В. Путин выступил на состоявшейся в Гданьске церемонии, посвященной 70-й годовщине начала Второй мировой войны//www.premier.gov.ru (2009, 1 сентября).

[2] Выступление В.В. Путина//www.premier.gov.ru (2010, 7 апреля).

[3] www.echo.msk.ru (2010, 18 апреля).

Внешняя торговля Польши в последние годы развивается ускоренными темпами, что свидетельствует о быстро идущем процессе глубокой интеграции экономики страны в ЕС. В 2004–2005 гг. экспорт превратился в один из ведущих факторов экономического развития Польши, но в 2006–2008 гг. его роль несколько ослабла.

Открытие границ и ликвидация таможенных барьеров, отсутствие необходимости в дополнительном тестировании и сертификации товаров, облегчили польским производителям и экспортерам доступ на рынки ЕС, открыли финансовые рынки, а также привели к снижению торговых и транспортных издержек.

Под влиянием расширения импортного спроса важнейших партнеров (прежде всего, Германии, а также Италии, Франции и др.), повышения мировых цен на традиционные товары (уголь, металлургические изделия, медь) развитие польского экспорта характеризовалось очень высокими темпами роста, и это несмотря на давление возросшего внутреннего спроса и повышение курса польского злотого по отношению к доллару и евро. Положительно сказалась ликвидация действовавших до 1 мая 2004 г. нетарифных барьеров Евросоюза, а также усиление защиты единого европейского рынка в отношении товаров третьих стран, позволившее польским предприятиям улучшить экспортные позиции.

В 2004–2008 гг. внешняя торговля РП в текущих ценах увеличилась почти в два раза. В эти годы польский товарооборот рос в среднем в год на 18,7%. В 2009 г. товарооборот в долларах уменьшился на 27%. Если в 2004–2008 гг. отрицательное сальдо товарооборота росло: с 11,8 млрд евро до 25 млрд евро, в том числе в результате улучшения жизненного уровня населения, то в 2009 г. оно сократилось до 8,7 млрд евро.

По данным Главного управления статистики Польши, в 2009 г. внешнеторговый оборот страны составил 279,4 млрд долл. США, в том числе экспорт — 133,6 млрд долл. США (–22,2%), импорт — 145,8 млрд долл. США (–17,1%). В 2004–2008 гг. экспорт увеличился в 2,3 раза, а импорт — в 2,39 раза. Рост внешнеторгового оборота Польши опережал динамику мировой торговли, что привело к увеличению доли страны в мировом экспорте с 0,5% в 2000 г. до 0,9% в 2007 г. (30-е место) и в импорте до 1,0% (26-е место).

С начала нового века произошли существенные изменения в товарной и отраслевой структуре внешнеторгового оборота. Увеличилась доля товаров с высокой степенью переработки — машин, оборудования, транспортных средств, мебели, туристического оборудования, электронной аппаратуры и оборудования, автомобилей, запасных частей к ним, а также некоторых химических изделий и изделий из пластмассы, сельскохозяйственных и продовольственных товаров.

В 2009 г. преобладающей статьей польского экспорта остаются машины, оборудование и транспортные средства (43%), продовольственные товары (11%), товары химической промышленности (11%) . Эти же позиции в основном формировали импорт, в котором, правда, традиционно около одной десятой приходятся на минеральное топливо, масла и соответствующие производные продукты.

Экономический обмен с развитыми странами занимает во внешней торговле Польши ведущее место. Доля этой группы стран в экспорте возросла с 76,3% в 2000 г. до 84,1% в 2009 г. (2008 г. — 83,0%), а в импорте практически осталась приблизительно на том же уровне (в 2000 г. — 70,9% , в 2005 г. — 73,3, в 2008 г. — 69,3, в 2009 г. — 68,8%). В этом товарообмене львиную долю занимают страны Евросоюза. В 2008 г. на эти страны приходилось 77,8% всего польского экспорта, в 2009 г. — 79,3%. Однако доля стран зоны евро не так велика. В 2008 г. она составила 53,6% всего экспорта, в 2009 г. — 55,9%.

Что касается польского импорта, то после вступления страны в ЕС отмечено падение доли в нем «старых» стран ЕС (ЕС-15) с 61% в период 2000–2003 гг. до 48,5% в 2009 г. Заметно вырос удельный вес Китая в польском ввозе соответственно с 2,8 до 9,3%.

Если в 2000 г. в торговле с Евросоюзом Польша имела большой дефицит — 8,5 млрд евро, то в 2004 г. он уменьшился до 1,4 млн евро. С 2005 г. уже имеет место профицит: в 2005 г. он составил 1,9 млрд евро, в 2008 г. — 2,3 млрд евро, в 2009 г — 11,9 млрд евро.

В 2008 г. закончился период (с 2000 г.), когда российско-польский товарооборот развивался динамично (особенно это касалось российского экспорта). За период 2004–2008 гг. он, по данным польской статистики, увеличился в текущих ценах в 3,2 раза — с 9,2 млрд долл. США до 29,45 млрд долл. США[1].

В 2009 г. неблагоприятная мировая экономическая конъюнктура, связанная с глобальным кризисом, негативно отразилась на динамике российско-польской торговли. Согласно данным польской статистики, в 2009 г. польско-российский товарооборот сократился по сравнению с 2008 г. на 39,49% и составил 17,82 млрд долл. США (в том числе российский экспорт — 12,81 млрд долл. США, российский импорт — 5,0 млрд долл. США).

В 2009 г. Россия в польском экспорте опустилась по сравнению с 2008 г. с шестого на седьмое место, а в импорте сохранила третье место. Польский экспорт составил 56,2% по сравнению с 2008 г., а им-

[1] См.: Obroty handlu zagranicznego ogółem i wedlug krajów (I-XII 2008 r. wyniki ostateczne) // www.stat.gov. pl (24.07. 2009).

порт — 62,4%. Положительное сальдо России в торговле с Польшей уменьшилось на 3,8 млрд долл. США и достигло 7,8 млрд долл. США. По сравнению с 2008 г. доля России в польской внешней торговле уменьшилась в экспорте с 4,0 до 3,7%, а в импорте возросла с 8,1 до 8,7%[1]. В первом полугодии 2009 г. цены на российские энергоносители уменьшились на 31,9%. В то время как цены на польские машины, оборудование и средства транспорта выросли на 20,6%[2]. В 2009 г. доля Польши в российском импорте составила 2,47% (10-е место), а в экспорте — 4,15% (6-е место)[3].

Российский экспорт в Польшу достиг самой высокой отметки в 2008 г. — 20,2 млрд долл. США (в 2007 г. — 14,35 млрд, 2006 г. — 12,13 млрд, 2005 г. — 8,98 млрд, 2004 г. — 6,4 млрд). В 2004–2008 гг. экспорт вырос в текущих ценах в 3,2 раза. Это увеличение было обеспечено в основном за счет резкого роста цен на российские энергоносители с 2000 г. В 2000–2006 гг. физические объемы их экспорта выросли только на 8,2%[4].

На протяжении 15 лет структура российского экспорта существенным образом не менялась. Его основу составляло, составляет и в ближайшей перспективе будет составлять минеральное сырье. В 2009 г. в польском импорте из России преобладали нефть и природный газ — 75%, металлургические изделия — 4%, химические изделия — 3,7%[5].

В 2004–2008 гг. структура польского экспорта в Россию стала меняться. На первое место вышли машины, оборудование и транспортные средства. В 2000 г. они составили 19%, в 2004 г. — 20,0, а в 2005 г. — уже 27,7, в 2006 г. — 30,4, в 2007 г. — 35, в 2008 г. — 45,2%. В 2009 г., по польским данным, основными экспортными товарами Польши в Россию были продукция машиностроения — 22,7% (большой спад по сравнению с 2008 г.), продукция химической промышленности — 17, металлургические изделия — 5,7, продукция целлюлозно-бумажной продукции — 11%. В структуре экспорта резко возросла доля продовольствия, она составила 23,2% (рост на более чем 13%), прежде всего за счет растениеводческой продукции (рост с 4,7 до 13,5%).

С начала века в Польше сохраняется неблагоприятная политическая атмосфера для российских инвестиций. Общий объем россий-

---

[1] См.: Obroty handlu zagranicznego ogółem i według krajów (I-XII 2009 r.) // www.stat.pl (11.02.2010).

[2] См.: Wyniki obrotów handlu zagranicznego w okresie I-VI 2009 // www.stat.pl.

[3] См.: Россия — Twój Rynek. Biuletyn informacyjny Wydziału promocji handlu i inwestycji Ambasady RP w Moskwie. 2010. No 3. S. 50–51.

[4] См.: Współpraca gospodarcza Polski z krajami WNP, w tym szczególnie z Rosją, Ukrainą I Białorusją. Warszawa, sierpień 2007. S. 18.

[5] См.: Współpraca gospodarcza (obroty handlowe) // trade.gov.pl.

ских инвестиций в экономике Польши составляет около 2 млрд долл. США. Основными инвесторами в польскую экономику остаются ОАО «Газпром» (строительство транзитного газопровода «Ямал–Европа») и ОАО «Лукойл» (сектор углеводородного сырья).

В отличие от Польши российские региональные власти создают самые благоприятные условия для польских инвестиций в России. Польские инвесторы заявляют, что в России им лучше и легче работать, чем на родине.

В 2005–2008 гг. наблюдался скачкообразный рост польских инвестиций в экономику Российской Федерации. В 2008 г. объемы накопленных польских капиталовложений в Россию достигли рекордной цифры и составляли 596,2 млн долл. США, в том числе 528,7 млн — прямые, 3,8 млн — портфельные и 63,0 млн — прочие. В 2008 г. их приток составил 324 млн долл. США (рост на 19,2%), а отток — 154 млн долл. США. В январе–сентябре 2009 г. польские инвестиции в российскую экономику составили только 134,4 млн долл. США (снижение на 49% по сравнению с аналогичным периодом 2008 г.), в том числе прямые инвестиции — 96 млн долл. США (уменьшение на 49,3%). На конец сентября 2009 г. общая стоимость польских инвестиций в России составила 544 млн долл. США (рост на 1% по сравнению с аналогичным периодом 2008 г.), в том числе 471 млн долл. США прямые инвестиции (уменьшение на 5%), 69 млн долл. США остальные инвестиции (рост на 46,5%) и 4 млн долл. США портфельные инвестиции (без перемен)[1].

* * *

За прошедшие 20 лет в Польше произошли кардинальные перемены — смена политического и социально-экономического устройства, коренная геополитическая переориентация. В стране созданы основы демократического правового государства и рыночной экономики. В 2004–2008 гг. экономика страны развивалась быстрыми темпами. Вместе с тем в 1989–2009 гг. среднегодовые темпы экономического роста составили 3%[2]. Именно такими темпами в этот период развивалась мировая экономика в целом.

С одной стороны, страна укрепила свой политический суверенитет, она решает свои внутренние общественно-политические проблемы самостоятельно. С другой, основополагающие экономические реше-

---

[1] См.: Współpraca gospodarcza (obroty handlowe) // trade.gov.pl.

[2] См.: *Колодко Г.* Великая трансформация. Могло ли быть лучше? Будет ли лучше? // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 4. С. 11.

ния, важнейшие решения, касающиеся ее безопасности, принимаются на наднациональном уровне — ЕС и НАТО, а также на уровне правительства США, естественно, при активном участии Польши. В ее экономической жизни важную роль играют транснациональные корпорации и крупные западные компании, финансы на 70% — это западные банки. 60% национального законодательства — это право Европейского союза, которое регулирует практически всю экономическую жизнь страны.

Польша определила свое место в Европе, внешней политике ЕС как миссионера Запада на востоке и пыталась в 2004–2009 гг. закрепиться в найденной нише. Однако в ближайшие годы в связи с изменяющимися объективными обстоятельствами эту роль нашему соседу придется скорректировать. Все большее место в восточной политике РП будет занимать Россия. 2008–2009 гг. свидетельствуют, что, несмотря на серьезный экономический кризис в Европе, экономика Польши сумела преодолеть последствия этого кризиса с наименьшими потерями. Он показал, что не только экономика, но и политическая система страны являются устойчивыми. Это отнюдь не означает, что они не нуждаются в дальнейших реформах.

6.3. Словакия: прибавляя темпы

По результатам парламентских выборов 2002 г. к власти в Словакии пришла коалиция правоцентристских и либеральных партий (Словацкий демократический и христианский союз — СДХС, Партия венгерской коалиции — ПВК, Христианско-демократическое движение — ХДД, и Ассоциация неангажированных граждан — АНГ), располагавшая 78 мандатами из 150. Ее политика представляла собой продолжение радикальных реформ, осуществлявшихся в стране с 1998 г. и направленных на ускоренную интеграцию Словакии в евроатлантические структуры. Авторство программы радикальных рыночных реформ связывают с именем лидера СДХС М. Дзуринды. Дзуринда занял пост премьер-министра в 1998 г. и находился у власти в течение восьми лет.

После выборов в словацкий парламент в 2002 г., центральным вопросом которых были дебаты вокруг присоединении к НАТО и ЕС, было начато и частично проведено несколько фундаментальных реформ — налоговая, рынка труда, образования, здравоохранения, пенсионной системы.

Налоговая реформа упростила систему налогообложения за счет введения единой ставки налога (19%) на доходы физических и юридических лиц. Новое трудовое законодательство, которое вступило в действие в 2003 г. стало более жестким по отношению к безработным. Пособие по безработице уменьшилось в два раза (с 4 тыс. до 2 тыс. крон), чтобы стимулировать их к поиску работы и уменьшить теневой сектор в экономике. При этом безработные, состоящие на учете на бирже труда, но принимающие участие в общественных работах, были «простимулированы» увеличением пособия на 1 тыс. крон и дополнительными социальными выплатами на оплату жилья и детей.

В 2003 г. была начата реформа здравоохранения, которая, по замыслу правительства, должна была повысить уровень самофинансирования медицинских учреждений. Одним из центральных ее мероприятий стало введение платы за посещение врача.

За восемь лет последовательного проведения либеральных реформ Словакия добилась ощутимого прогресса в достижении макроэкономического равновесия, высоких темпов экономического роста, некоторого сокращения безработицы и рекордного притока иностранного капитала. Вследствие политики привлечения инвестиций, проводимой правительством Дзуринды, страна получила много престижных капиталовложений. Здесь решили построить свои заводы такие автомобильные гиганты, как Hyundai, Kia, Volksvagen и Peugeot. В «соревновании» с другими Вишеградскими странами — Польшей, Чехией и Венгрией — Братислава победила благодаря относительно небольшой бюрократии, наличию неплохой инфраструктуры и квалифицированной, но все еще дешевой рабочей силы. Немалую роль сыграло также государственное содействие со стороны словацкого правительства (освобождение инвесторов от части налогов, ускорение процедур, инфраструктурные инвестиции и государственные гарантии). Неудивительно, что Словакия стала крупнейшим в мире производителем автомобилей на одного жителя[1]. В 2005 г. основные макроэкономические показатели страны «вписались» в пороговые значения, установленные Маастрихтским соглашением, а по темпам роста ВВП и прямых иностранных инвестиций Словакия вошла в число лидеров Евросоюза. Всемирный банк присвоил Словакии почетный статус «Мировой лидер в области реформ» и включил ее в число 20 государств с наилучшими условиями для ведения бизнеса. Успехи в ре-

[1] См.: *Логинов Я.* Словацкая экономика «выезжает» благодаря предыдущим реформам и автомобилестроению (http://www.zn.ua/2000/2250/55311).

формах укрепили международный авторитет страны и способствовали быстрой евроатлантической интеграции[1].

Правительство М. Дзуринды приступило также к широкомасштабным реформам социальной системы и социальной политики в Словакии[2]. Реформа социальной системы, проводившаяся в Словацкой Республике, ставила своей целью заменить традиционное перераспределение средств адресной поддержкой граждан и социально неблагополучных групп населения. Новая социальная политика включала в себя реформирование трех ключевых сфер социальной системы: социальной помощи и семейной политики; системы пенсионного обеспечения; рынка труда в целях повышения уровня занятости.

Закон, действовавший до конца 2003 г., предусматривал предоставление малоимущим гражданам социальной поддержки без ограничения времени и без учета личной активности получателя социальной помощи. К категории малоимущих в Словакии относили граждан, месячный доход которых был меньше прожиточного минимума (4210 крон). Они составляли 10,4% населения страны. Малоимущие граждане в соответствии с этим законом получали 1450 или 2900 словацких крон в зависимости от того, являлись ли причины их бедственного имущественного положения объективными или субъективными. Социальные выплаты малоимущим гражданам за первое полугодие 2003 г. составили 4,9 млрд крон.

Парламент СР 11 ноября 2003 г. принял новый закон о помощи малоимущим гражданам, который внес коррективы в систему социальных выплат. Закон не делал различий между гражданами, ставшими малоимущими по объективным или субъективным причинам. С 2004 г. размеры выплат стали определяться составом семьи. При определении месячного дохода учитывались доходы всех совместно поживающих членов семьи. Размеры выплат составили: для одиноких — 1450 крон; для одиноких с детьми (не более четырех детей) — 2160 крон; для одиноких с более чем четырьмя детьми — 3160 крон; для пары без детей — 2530 крон; для пары с детьми (не более четырех) — 3210 крон; для пары с более чем четырьмя детьми — 4210 крон; выплаты беременным — 350 крон, начиная с четвертого месяца беременности при условии регулярного медицинского контроля. Законодатель установил верхнюю границу совокупных социальных выплат на одну семью в 10 500 крон.

---

[1] См.: Страны Центральной и Юго-Восточной Европы: системные трансформации, социально-экономическое и политическое развитие в 2006 г. М., 2007. С. 170.

[2] См.: Reforma socialneho systemu a socialnej politiky na Slovensku // www.noviny-mpsv.cz/.

Малоимущие граждане могли рассчитывать также на одноразовое пособие (не более трех прожиточных минимумов), на пособие по уходу за больными и инвалидами (1000 крон), на предоставление жилищной субсидии. Новый закон ввел также «мотивационные» социальные выплаты в размере 1500 крон для малоимущих, активно старающихся улучшить свое материальное положение, получая образование, новую профессию, участвуя в общественных работах. Закон отменил для них бесплатное медицинское обслуживание и заменил его ежемесячными выплатами на медицинские нужды в размере 50 крон. Он также предоставил малоимущим гражданам право на бесплатную госпитализацию в течение первых трех дней пребывания в медицинском учреждении.

Новый закон, вступивший в действие в 2004 г., увеличил размеры выплат на детей с 270 до 500 крон и предусмотрел налоговый вычет в размере 400 крон для одного из работающих родителей.

Правительство М. Дзуринды провело также реформу системы пенсионного обеспечения. Новый закон о социальном страховании серьезнейшим образом изменил с 2004 г. систему пенсионного обеспечения и заменил ее страховой системой, при которой размеры пенсионного пособия определялись величиной уплаченных страховых взносов и длительностью страхового периода. Новый принцип назначения пенсионного пособия, сопровождаемый отменой его минимальных и максимальных размеров, ухудшил положение граждан, имевших невысокую зарплату, вплоть до того, что с выходом на пенсию они могли оказаться у черты бедности и даже за ней. Новый закон о пенсиях установил для словацких мужчин и женщин единый пенсионный возраст — 62 года. Каждый год, начиная с 2004 г., к нынешнему пенсионному возрасту прибавляется 9 месяцев. А это означает, что словацкие мужчины будут уходить на пенсию в 62 года, начиная с 2006 г., а словацкие женщины с пятью детьми, которые по старому закону уходили на пенсию в 53 года, — с 2015 г.

В законе был прописан механизм ежегодного с 1 июля увеличения пенсий. Он также разрешал пенсионерам работать и получать как пенсию, так и заработную плату в полном объеме. С 1 января 2005 г. в Словакии вступил в силу закон о накопительной пенсионной системе и те словацкие граждане, которые начали свою трудовую деятельность после этого срока, будут получать пенсию по старости на базе накопительной пенсионной системы. Накопительная схема пенсионного обеспечения будет доступна лишь тем словацким гражданам, которые перед выходом на пенсию сумеют накопить сумму, обеспечивающую им пенсионные выплаты на уровне 60% прожиточного минимума.

В сфере медицинского страхования у страхователя возникло право на выплаты по болезни, по уходу за нетрудоспособным членом семьи, на компенсацию женщинам, переведенным в связи с беременностью на менее оплачиваемую работу, на пособие по беременности. Начиная с 2004 г. право на пособие по беременности предоставляется лишь тем женщинам, кто как минимум 270 дней в течение двух лет перед родами выплачивал страховые взносы. С 2004 г. у большинства словацких матерей размер пособия по беременности снизился. Новый закон о социальной помощи малоимущим гражданам ухудшил положение цыганского населения. Словацкие экономисты, оценивая накопительную пенсионную систему, отмечали, что она не способна обеспечить более высокий уровень пенсионных выплат, чем имевшая место система социального пенсионного обеспечения. Оппозиционные партии утверждали, что реформы социальной политики не носят социального характера, а их осуществление весьма рискованно для значительной группы словацких пенсионеров, которые при переходе к накопительной системе могут остаться без каких-либо средств. Словацкая конфедерация профессиональных союзов обвинила словацкий парламент в принятии асоциальных законов, которые не предусматривают обеспечение достойной жизни в старости. Парламентарии, по мнению профсоюзов, проявили полную безответственность по отношению к обществу, поскольку не только не улучшили условия жизни большинства словацкого населения, но и поставили значительную группу словацких пенсионеров за черту бедности. Словацкую реформу социальной политики они сравнили с разорвавшейся бомбой, которая погребла под своими осколками солидарность, справедливость и другие социальные ценности.

Анализ последствий радикальных рыночных реформ в Словакии заставляет задуматься над оправданностью целей, ради которых они проводились. Бесспорен факт улучшения макроэкономических показателей и роста ВВП, стабилизации финансовой системы и рекордных иностранных инвестиций. В то же время проводимые правительством Дзуринды реформы социальной сферы обострили существовавшие в словацком обществе противоречия и проблемы бедности, социальной отчужденности, безработицы. Словакия, как известно, принадлежала к числу стран с очень высокими степенью безработицы и уровнем бедности. Имея 16,2% безработных граждан и 21% бедных семей она лидировала в этой области в рамках ЕС[1]. Расчеты, проведенные Л. Благой, свидетельствовали, что реформы, проводившиеся прави-

[1] См.: *Strapcova K.* Percepcia nerovnosti a pricin chudoby na Slovensku // Sociologia. Br., 2005. C. 5. S. 420.

тельством М. Дзуринды, поддержало лишь 16% населения страны. Реформы были проведены в интересах наиболее обеспеченных слоев населения, которые составляют не более 6% словацкого населения[1].

Как же словацкое общество объясняет причины бедности? Результаты социологических исследований рисуют следующую картину. Большинство опрошенных (55,8%) видят причины бедности в несправедливости общества; 18,4% относят состояние бедности за счет лени и недостатка сильной воли у индивида; невезение, отсутствие удачи назвали 13,7% респондентов; 12,2% рассматривают бедность как неотъемлемую часть прогресса[2]. Словакия относится к странам с наиболее высоким уровнем критики несправедливости в обществе. Словаки рассматривают бедность как «следствие влияния "контролируемого"» общественного феномена, каковым является социальная справедливость в обществе, а точнее ее недостаток[3]. Трудно конкретизировать что, по мнению словаков, означает социальная несправедливость. Возможно это несправедливое распределение доходов, или налоговая политика государства, некорректное поведение работодателей в отношении работников, низкая заработная плата или безработица. Как бы то ни было, в словацком обществе преобладало убеждение, что бедность как явление поддается корректировке[4]. В словацком обществе существует принятие бедности, респонденты солидаризируются с бедными. Однако они отмечают, что общество не предоставляет своим членам возможности для изменения положения. Большинство граждан оценивают шансы безработных найти свое место на рынке труда как «тяжело» (43,2%) и «очень тяжело» (43,1%); 44,4% считают, что начать свое собственное дело — «тяжело», «очень тяжело» — 29,8%[5]. И если в 1991 г. преобладало мнение, что люди живут в бедности из-за собственной лени и недостатка сильной воли (34,1%), то в 1999 г. — что бедность является следствием существующей в обществе несправедливости (37,6%). В 2004 г. так уже считало 52,7%. Немногим более 50% опрошенных не было согласно с утверждением, что социальное обеспечение «дорого» для общества[6]. Словацкое общество не поддерживает снижение социальных выплат. Декларируя солидарность с бедными, словацкие граждане (57,6%) считают, что для увеличения социальных выплат правительству необходимо изы-

---

[1] См.: *Blaha L.* Analiza // www.inst-asa.sk. С. 3.

[2] См.: *Strapcova K.* Percepcia nerovnosti a pricin chudoby na Slovensku // Sociologia. Br., 2005. С. 5. S. 429.

[3] Ibid.

[4] Ibid. S. 430.

[5] Ibid.

[6] Ibid. S. 440.

скивать резервы и не рассчитывать на поступления от увеличения налогов[1]. Словаки в подавляющем большинстве (86,7%) полагают, что правительство должно обеспечить работой всех желающих[2].

Словакия по сравнению с другими членами ЕС была страной с наивысшим риском бедности для общества. Каждую пятую словацкую семью можно было охарактеризовать как бедную. Эта ситуация отражалась во взглядах словацкого общества и призывах к общественной справедливости. Состояние словацкого общества и преобладавшие в нем взгляды и оценки самым серьезным образом повлияли на результаты июньских выборов 2006 г. в словацкий парламент — Словацкий национальный совет (СНС). Выборы привели к смене власти в стране. В 2006 г. впервые после 1998 г. в Словакии победила стандартная левая партия социал-демократического типа. На протяжении длительного времени словацкие избиратели игнорировали словацких социал-демократов. У этого феномена есть объяснения: во-первых, левоориентированный словацкий избиратель отдавал свой голос идеологически непрофилированному Движению за демократическую Словакию во главе с харизматическим лидером Владимиром Мечиаром; во-вторых, у левых партий в 1990-е гг. (будь то коммунисты или социал-демократы) отсутствовал харизматический лидер. Выборы 2006 г. продемонстрировали утрату этими факторами своего значения. ДЗДС потеряла имидж квазисоциальной партии, и ее лидер лишился той огромной популярности, которую он имел у левонастроенного электората. ДЗДС не удалось также трансформироваться в стандартную правую партию. Преобразовавшись в правую консервативную партию националистического типа, она потеряла своих традиционных сторонников и не сумела завоевать голоса традиционного правового электората. За последние восемь лет число ее сторонников уменьшилось с 907 103 до 202 540, с 27 до 8,79%. Эра ДЗДС определенно закончилась. Ее политическое место заняла социал-демократическая партия «Направление — социал-демократия», что свидетельствует о дальнейшей кристаллизации словацкой политической жизни и представляет явный шаг вперед в развитии политической системы страны. Словацким социал-демократам удалось, наконец, выдвинуть и харизматического лидера в лице Роберта Фицо, и программу, ядро которой составили ценности социального государства и солидарности. Р. Фицо (на 10 лет моложе Дзуринды) в 1990-е гг. состоял в рядах реформированной словацкой коммунистической партии — Партии

[1] Strapcova K. Op. cit. S. 442.

[2] Ibid. S. 444.

левых демократов (ПЛД), которая входила в 1998–2002 гг. в правительственную коалицию. В 1999 г. Р. Фицо покинул ее ряды и правительство, чтобы основать собственную партию. В ноябре 2004 г. ПЛД, просуществовавшая на политической сцене Словакии более 15 лет, заявила о своем слиянии с партией Фицо, которая незадолго до этого объединилась с Социал-демократической партией Словакии (СДПС) и партией Социал-демократическая альтернатива (СДА) и получила название «Направление — социал-демократия» («Направление — СД»). «Направление — СД» стал самым богатым политическим субъектом в СР (к партии перешло все имущество ПЛД в размере около 35 млн крон). В ноябре того же 2004 г. Фицо заявил о необходимости «идти по пути модерных социал-демократических программ». Вместе с другими партиями стран Центральной Европы — БСП и румынскими социал-демократами — «Направление — СД» 19 мая 2005 г. стала полноправным членом Партии европейских социалистов (ПЕС), а 24 мая 2005 г. — Социалистического интернационала. На VI съезде (3 декабря 2005 г.) партия «Направление — СД» заявила о поддержке концепции социального государства (программа «Поворот к человеческому достоинству»), выступив с требованием справедливого распределения экономических результатов хозяйствования. В новой программе выдвигались требования бесплатного высшего образования, рост инвестиций в образование до 5% ВВП, пенсий, обеспечивающих достойную старость, права на трудоустройство согласно уровню образования, сохранения обязательного минимума заработной платы, права для всех регионов Словакии на развитие. Во внешнеполитической сфере партия «Направление — СД» критиковала одностороннюю ориентацию правительства Дзуринды на США и игнорирование отношений с Россией.

Именно эта партия стала лидером симпатий словацких избирателей. На парламентских выборах 2006 г. она набрала 29,14% голосов избирателей и получила 50 депутатских мест. Партия М. Дзуринды СДХС набрала 18,35% голосов, что существенно выше данных предвыборных опросов (12,5%,) и получила 31 депутатский мандат. На третьем месте — Словацкая национальная партия (СНП) — 11,73% голосов и 20 мест в парламенте. Столько же депутатов прошли в парламент от Партии венгерской коалиции, получившей 11,63% голосов. Этот результат ПВК — один из самых высоких с 1990 г. А вот результат партии В. Мечиара ДЗДС — самый низкий за все время проведения выборов в Словакии — 8,79% и только 15 мест в парламенте. Христианско-демократическое движение, младший партнер в предыдущей правительственной коалиции, позиционирующее себя несколько правее СДХС, прошло в СНС, получив 8,31% голосов словацких избира-

телей и заняв в нем 14 мест. СДХС выиграл выборы в Братиславе (столица составляет пять выборных округов), в соседних с Братиславой районах и в городе Кошице. ПВК победила в районах, где этнические венгры составляют 35% населения и выше. В основном это южные районы страны. «Направление — СД» победила во всех остальных избирательных округах. В наиболее депрессивных районах на востоке страны она получила более 50% голосов избирателей[1].

Победителями парламентских выборов в Словакии стала социал-демократическая партия Р. Фицо и две национальные партии — СНП и ПВК. В идеологическом соперничестве между «трудом» и «капиталом» выиграло левое политическое движение, а вот что касается национального вопроса, то выборы обнаружили значительное напряжение в этой сфере. Дело в том, что по их итогам две партии СНП и ПВК набрали примерно одинаковое число голосов (СНП получила на 1000 голосов больше, чем ПВК).

К числу проигравших можно отнести ДЗДС, ХДД, КПС, СФ («Свободный форум»). Хотя первые две словацкие партии и прошли в парламент, но с большими потерями: первая — по сравнению с предыдущими выборами потеряла 10% голосов, но парадоксальным образом усилила свою коалиционную привлекательность, а вторая — значительно уступила своему основному конкуренту СДХС. Словацкие коммунисты (КПС) не смогли преодолеть 5%-ный барьер и, оставшись за порогом парламента, пополнили ряды коммунистических партий Восточной Европы, теряющих поддержку избирателей. «Свободный форум» своим политическим неуспехом обрек весь либеральный центр на «четырехлетний политический простой». Таким образом, словацкие избиратели лишили представительства в парламенте две значимые политические идеологии — коммунизм и либерализм.

Характерная черта парламентских выборов 2006 г — поражение «проевропейской» политической элиты. Вступление в ЕС не привело вопреки общественным ожиданиям к быстрому решению сложных экономических и социальных проблем, с которыми сталкиваются новые государства — члены ЕС, включая Словакию. Это свидетельствует о том, что процесс их внутренних преобразований еще далек от завершения.

Победитель парламентских выборов 2006 г. был обречен на создание коалиционного правительства. Словацкая Республика стала последней из стран Вишеградской четверки (Чехия, Словакия, Венгрия, Польша), в которой социал-демократы заняли главенствующее место

---

[1] См.: *Бруттер В.* Парламентские выборы в Словакии. Первые оценки // http://www.igpi.ru/info.

в правительственной коалиции. Р. Фицо заключил коалиционный союз с партией Владимира Мечиара (ДЗДС) и Яна Слоты (СНП)[1].

Однако если внутри страны социологические опросы демонстрировали поддержку электоратом именно такого состава правящей коалиции, то на международном уровне он вызывал негативную реакцию. Так, выражая общеевропейское недовольство, Социнтерн пригрозил партии Р. Фицо, входящей в его состав, исключением, а для начала приостановил ее членство. Следует подчеркнуть, что ни сама партия «Направление — социал-демократия», ни личность ее лидера не вызывали у критиков новой словацкой правительственной коалиции большого раздражения. Ведь она, являясь членом Партии европейских социалистов, признавалась вполне «респектабельной» социал-демократической организацией. Критика была направлена на остальных участников коалиции — на Движение за демократическую Словакию во главе с Владимиром Мечиаром и Словацкую национальную партию Яна Слоты.

Критики словацкой правительственной коалиции характеризовали СНП как праворадикальную националистическую партию, лидер которой известен националистическими антивенгерскими и антицыганскими высказываниями. ДЗДС же ставилось в вину то, что в годы премьерства ее лидера В. Мечиара в Словакии не соблюдались нормы демократии, и был установлен авторитарный режим, при котором страна оказалась в изоляции от Европейского союза и НАТО. Международные наблюдатели и аналитики также отмечали, что популизм является основной характеристикой предвыборных обещаний победивших политических сил.

Фактором, который парадоксальным образом способствовал возникновению этой ситуации, стал сам Европейский союз. В подготовительный период Брюссель осуществлял жесткий контроль над странами, стремившимися вступить в ЕС. Возможность их вхождения в Евросоюз определялась четкими политическими и экономическими условиями («Копенгагенские критерии»). Именно по этой причине в 1990-е гг. Словакии пришлось ждать несколько лет, прежде чем она смогла встать в один ряд с другими странами-кандидатами. Это касалось и членства в НАТО. Ведь Словакия во главе с Владимиром Мечиаром не отвечала требованиям, выдвигаемым как ЕС, так и НАТО.

Однако все изменилось, как только Словакия вступила в Европейский союз: у ЕС больше не было инструментов, с помощью которых он мог бы контролировать страны, ставшие его полноправными

---

[1] См.: *Blaha L.* Analiza // www.inst-asa.sk.

членами. Новые элиты осознавали это в полной мере. Они также понимали — и в этом максимум парадокса, — что Евросоюз фактически придает их власти стабильность.

Конкретные шаги словацкого коалиционного правительства не дают основания утверждать, что популизм предвыборных программ партий коалиции, в котором их обвиняли и продолжают обвинять в основном зарубежные наблюдатели, представлял нечто большее, нежели агитационный ход.

Утвержденный 4 июля 2006 г. премьер-министром Словакии Р. Фицо в своей программной речи заверил, что выполнит все требования, необходимые для вхождения Словакии в еврозону в 2009 г., и будет соблюдать все обязательства, вытекающие из членства Словакии в Европейскомсоюзе,Североатлантическомальянсеивдругихмеждународных организациях. Перед правительством, отметил он, стоят весьма сложные задачи. «С одной стороны, мы хотим наполнить конкретными шагами представление о Словакии как о социальном государстве, с другой — весьма последовательно выполняем все «маастрихтские критерии», которые очень сильно нас ограничивают»[1]. Проводимая в Словакии финансовая политика позволила ей с 1 января 2009 г. войти в еврозону и перейти с национальной валюты — словацкой кроны — на евро. Спустя год после введения в Словакии евро, словаки были более оптимистично настроены к общеевропейской валюте, чем граждане других стран ЕС. 68% опрошенных считали, что евро помогло преодолеть трудности глобального экономического кризиса, тогда как в других странах Евросоюза эта цифра составила 41%. Приведенные данные получены в ходе проведения агентством «Евробарометр-72» опроса среди более, чем 1 тыс. респондентов в Словакии осенью 2009 г.[2] Результаты опроса свидетельствовали об еврооптимизме словацких граждан и высоком уровне их доверия к Евросоюзу и его официальным органам. Членство в ЕС положительно оценило 68% населения страны, причем — это более высокий показатель, чем был в момент ее вступления в Евросоюз 1 мая 2004 г. Словацкие граждане были согласны с тем, как развивается демократия в Евросоюзе, для 53% респондентов совершенно понятно, на каких принципах действует Евросоюз. По мнению словаков, одним из приоритетов ЕС должно быть развитие диалога между населением и общественными институтами ЕС. Так считают 44% опрошенных граждан Словакии. Как и граждане других государств ЕС, словаки уверены в том, что Евросоюз отличается своей экономической мощью и политическим влиянием. С точки зрения

---

[1] *Fico R.* Mame pred sebou diabolsky plan // http://spravy.pravda.sk/.

[2] См.: http://slovakia.naforume.com/viewtopic.php?id=561&p=5.

словацких граждан, Евросоюз представляет собой образец демократии (52% опрошенных), соблюдения прав человека (45% респондентов) и утверждения мира 36%[1].

По доверию к общеевропейским структурам граждане Словакии занимают одно из первых мест среди европейских стран. Однако их участие в выборах в Европарламент — самое низкое в Европе. В выборах в 2004 г. — 17%, а через пять лет несколько больше — 19,63% населения страны. В 2009 г. им предстояло избрать 13 депутатов от 16 политических партий. В целом в 2009 г. выборы в Европарламент выиграли умеренные правые — Европейская народная партия/Европейские демократы. Они набрали 35,7% голосов и получили 263 депутатских мандата. Аналитики отмечают также усиление в общеевропейском масштабе позиций радикальных националистических партий[2]. Партия Роберта Фицо — единственная в Европе социал-демократическая партия, выигравшая в своей стране выборы в Европарламент.

Партия словацких социал-демократов получила на два мандата больше по сравнению с 2004 годом, а вот партия Мечиара потеряла два депутатских места. В целом соотношение мест в Европейском парламенте у словацких партий правящей коалиции и оппозиции составляет 7:6.

В своем докладе на Международной конференции «Будущее Европы», проходившей в Братиславе в 2007 г. и посвященной перспективам развития ЕС, Р. Фицо определил приоритетные задачи совершенствования Евросоюза. По его мнению, нынешняя экономическая практика в ЕС направлена на поддержку финансовых и лоббистских группировок. Тогда как Евросоюз должен больше внимания уделять интересам простых граждан. Кроме того, Фицо отметил необходимость разработки четких правил и механизмов для дальнейшего расширения Евросоюза. Он подчеркнул важность упрочения статуса

Таблица 6.3.1

Результаты выборов в Европарламент в Словакии в 2009 г.

Название партии	% полученных голосов	Количество мест
Направление — СД	32,1	5
СДХС-ДП	16,98	2
ПВК	11,34	2
ХДД	10,87	2
ДЗДС	8,91	1
СНП	5,55	1

Источник: http://volby.sme.sk/c/4878625/smer-vyhral-mimoparlamentne-strany-neuspeli.html.

[1] Ibid.

[2] См.: http://volby.sme.sk/c/4881662/vysledky-eurovolieb-vo-vsetkych-krajinach.html.

национальных парламентов, что, по мнению словацкого премьера, приблизит ЕС к людям[1].

Стабильная финансовая система, социальное управление и последовательное выполнение программы отличали период пребывания правительства Р. Фицо у власти. Его экономическую политику можно было определить как сдержанную и прагматическую. В сфере финансов удерживался низкий дефицит государственного бюджета: 2007 г. — 2,9%, 2008 г. — 2,3% ВВП. С 1 января 2009 г. Словакия стала членом зоны евро. Двигателем экономического развития выступала промышленность. Среди отраслей лидировало автомобилестроение, хорошие показатели демонстрировали общее машиностроение, металлургия, текстильная промышленность, строительство. Правительство приняло целый ряд социально направленных постановлений: о повышении минимальной зарплаты, пособий на детей и т.д. Была отменена плата за посещение врачей, снижены цены на лекарства. Введена прогрессивная шкала налогообложения для доходов физических лиц от 47,5 тыс. крон в месяц. Одной из задач, которые ставило перед собой правительство Роберта Фицо, являлось восстановление эффективности государственного контроля над экономической сферой. С этой целью было сохранено государственное регулирование тарифов на электроэнергию для населения, приостановлен процесс приватизации введением четырехлетнего моратория на приватизацию государственных активов. Разработан новый Трудовой кодекс, который содержит нормы, защищающие работника от произвола работодателя, внесена поправка в Закон о налоге на добавленную стоимость, которая с января 2007 г. снизила планку налога на лекарства с 19 до 10%, и т.д.[2] В 2006 г. рост ВВП составил 8,5%, в 2007 г. — 10,6, в 2008 г. — 6,2%.

Путь устойчивого и сбалансированного развития был прерван мировым экономическим кризисом осенью 2008 г., который весьма ощутимо повлиял на экономику Словакии. Впервые после 2000 г. объем ВВП в 2009 г. достиг отрицательных величин и составил по сравнению с 2008 г. – 4,9%[3]. Безработица, которая несколько снизилась в годы быстрого экономического роста, хотя и была самой высокой среди 27 стран — членов ЕС (2007 г. — 9,6%), составила в конце декабря 2009 г. 13,9%. Она росла вдвое быстрее, чем безработица в среднем по ЕС[4]. Уровень занятости в 2009 г. был самым низким за всю историю незави-

---

[1] См.: http://www.slovakradio.sk/inetportal/rsi/core. php?page=showsprava&id=6772&.

[2] См.: *Fico R.* Mame pred sebou diabolsky plan // http://spravy.pravda.sk/.

[3] См.: http://ekonomika.sme.sk/c/5237419/ekonomika-padla-ale-uz-zacina-rast.html.

[4] См.: http://ekonomika.sme.sk/c/5269675/nezamestnanost-v-zavere-vlanajska-stupla-na-139-percenta.html.

симой Словакии. По сравнению с докризисными показателями промышленное производство в 2009 г. снизилось на 7%, а занятость — на 21%[1].

Давая оценку 2009 г., президент Словакии Иван Гашпарович подчеркнул, что этот год был для Словакии годом тяжелой борьбы с кризисом: «2009 г. был чрезвычайно неблагополучным для всех жителей Словацкой Республики. Поскольку раньше, в период 2006–2007 гг., а также в первой половине 2008 г., словацкая экономика развивалась чрезвычайно успешно, социальное положение граждан постоянно улучшалось, мы были уверены, что так будет продолжаться и в будущем. Но в сентябре 2008 г. неожиданно пришел всемирный финансово-экономический кризис, который сломал многие наши планы. Он очень больно ударил и по нашей стране»[2].

Однако последние данные, которые обнародовало Статистическое управление Словакии, свидетельствуют, о том, что благодаря промышленности словацкая экономика начинает выходить из кризиса. В четвертом квартале 2009 г. в Словакии замедлился рост безработицы, а по уровню экономического роста она заняла второе место среди стран — членов ЕС[3]. Это позволило Ивану Гашпаровичу добавить немного оптимизма в оценку 2009 г.: «Я уверен, что Словакии в целом удалось довольно успешно преодолеть основные последствия кризиса. Но что еще нам сделать не удалось — так это решить проблему безработицы, уровень которой значительно повысился из-за кризиса в 2008–2009 гг. И до сих пор он остается очень высоким. Эту проблему надо решать в первую очередь»[4].

Нынешний президент Словакии Иван Гашпарович занимает пост главы государства уже второй срок. Он победил на выборах 4 апреля 2009 г. и 15 июня повторно вступил в должность президента. Впервые Иван Гашпарович был избран президентом в результате прямых выборов в апреле 2004 г. До него этот пост занимали Михал Ковач и Рудольф Шустер. На выборах 2009 г. И. Гашпарович опирался на активную поддержку двух партий действующей правительственной коалиции — «Курс — социал-демократия» и Словацкой национальной партии. Среди его сторонников был популярный у избирателей премьер-министр Словакии Роберт Фицо, что значительно усилило позиции главы государства в период проведения предвыборной кампании[5].

---

[1] См.: http://ekonomika.sme.sk/c/5237419/ekonomika-padla-ale-uz-zacina-rast.html.

[2] http://slovakia.naforume.com/viewtopic.php?id=561&p=5.

[3] Ibid.

[4] См.: http://ekonomika.sme.sk/c/5237419/ekonomika-padla-ale-uz-zacina-rast.html.

[5] *Леандрова М.* Анализ результатов президентских выборов 21 марта (4 апреля) 2009 г. в Словацкой Республике (06.12.2009) // http://www.regional-science.ru/2009/12/06/leandrova-slovakia-2009/.

Первый тур выборов состоялся в субботу 21 марта. В них участвовало семь кандидатов. Иван Гашпарович получил тогда 47,71% голосов граждан, принявших участие в голосовании, его основной конкурент Ивета Радичова, кандидатуру которой выдвинула Словацкая демократическая и христианская уния — Демократическая партия, возглавляемая бывшим премьер-министром республики Микулашем Дзуриндой получила 38,05%. Это явилось неожиданностью для многих политиков, политологов и рядовых граждан, так как не предполагалось, что основная ставленница оппозиционных партий Ивета Радичова получит так много голосов избирателей. Поскольку никто из семи кандидатов не набрали более 50% голосов, был назначен второй тур выборов. Второй тур принес победу действующему президенту Ивану Гашпаровичу. В первом туре степень участия словацких граждан в выборах была 43,6%, во втором — уже 51,7%. Согласно официальным данным, обнародованным словацкой Центральной избирательной комиссией, победителем и на этот раз стал действующий президент Иван Гашпарович. Он набрал 55,53% голосов избирателей. Его соперница во втором туре Ивета Радичова, которую номинировали оппозиционные партии, получила почти миллион голосов. Таким образом, она отстала на 11,06%. За Ивана Гашпаровича проголосовало 1 234 787 изибирателей, а за Ивету Радичову — 988 808 человек. Ее избиратели концентрировались в южных регионах страны, населенных преимущественно этническими венграми, а также в Братиславе и Кошице. В столице ей отдали голоса почти 65% избирателей. В остальных регионах победу одержал Иван Гашпарович[1].

После 2006 г. в деятельности словацкого правительства. отмечалось усиление экономического аспекта внешней политики в духе прагматизма. В своих выступлениях Фицо не забывал о ее восточном направлении. Он выступал за многовекторность внешней политики страны, против ориентации исключительно на Вашингтон и Брюссель. В предвыборной кампании в 2006 г. он заявлял, что М. Дзуринда совершал грубейшие ошибки во внешней политике, игнорируя такую великую страну, какой является Россия, и решительно отвергал одностороннюю ориентацию Словацкой Республики на Запад. Р. Фицо убежден, что Словакия должна иметь «взвешенные дружеские связи с Украиной, Россией, Китаем»[2].

После 2006 г. связи Российской Федерации со Словакией развивались по восходящей траектории. Кабинет министров во главе с Р. Фицо

---

[1] См.: http://slovakia.naforume.com/viewtopic.php?id=561&p=5.

[2] *Неменский О.* Центральная Европа: евроскептицизм и поворот к России (http://www.kreml.org/opinions/).

определил наращивание всестороннего сотрудничества с Россией в качестве одного из своих приоритетов. Между Москвой и Братиславой поддерживается интенсивный политический диалог: в мае 2007 г. состоялся визит Р. Фицо в Россию, в июне 2007 г. Москву посетил с официальным визитом председатель Словацкого национального совета П. Пашка. Работает двусторонняя межправительственная комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству (очередное заседание прошло в феврале 2008 г. в Москве). Осуществляется взаимодействие по линии международных организаций, в том числе в рамках ООН (в 2007 г. Словакия являлась непостоянным членом СБ ООН). Братислава не скрывает своей заинтересованности в сотрудничестве по поставкам и транзиту российских энергоносителей, привлечении российских фирм к модернизации и строительству новых АЭС. Прорабатываются проекты о совместной деятельности в сфере инноваций на транспорте и в области военно-технического сотрудничества[1].

Являясь не большой по площади страной Европы, Словакия между тем имеет огромное значение для Москвы с точки зрения транзита российских энергетических ресурсов дальше на Запад. Именно от эффективности российско-словацкого взаимодействия зависит эффективное обеспечение энергоресурсами всего Европейского континента. В ходе интенсивного словацко-российского политического диалога последних лет (ноябрь 2006 г. — визит словацкого президента И. Гашпаровича в Москву; май 2007 г. — визит словацкого премьер-министра Р. Фицо в Москву; апрель 2008 г. — визит российского премьер-министра В. Зубкова в Братиславу) была подтверждена принципиальная договоренность о заключении новых долгосрочных контрактов, подчеркивалось, что словацко-российские отношения имеют дружественный характер.

По замечанию ряда политологов речь может идти об определенном расколе в Восточной Европе: «Новые члены ЕС расходятся в своем отношении к Москве» — пишет Нильс Краймайер. Если министр иностранных дел Чехии Карел Шварценберг прямо упрекает Кремль в «возрождении имперских тенденций» и вместе с Польшей блокирует переговоры по договору о партнерстве между ЕС и Россией, то Венгрия и Словакия подают РФ дружеские сигналы.

Россия — это «надежный партнер», говорит словацкий премьер Роберт Фицо, а его венгерский коллега Ференц Дюрчань подвергается

---

[1] См.: Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность российской федерации в 2007 году. Обзор МИД России (Москва, март 2008 года) // http://www.ln.mid.ru/.

нападкам своей оппозиции, которая называет его «рупором российских стремлений к власти»[1].

Премьер-министр Словацкой Республики Р. Фицо подчеркивает в своих выступлениях, что сотрудничество с Россией не окажет негативного влияния в контексте членства Словакии в НАТО и ЕС: «Это никоим образом не может служить препятствием, наоборот, мы будем развивать это сотрудничество исходя из строгого выполнения всех обязательств нашего членства в НАТО»[2].

Особенности общественного развития Словакии обостряют и усиливают взаимосвязь ее внутренней и внешней политики. Современная Словацкая Республика представляет собой мультикультурное сообщество, гетерогенное в национальном отношении. По последней переписи населения, проходившей в 2001 г., в ней постоянно проживают представители более 10 национальностей. И хотя в словацком обществе словаки составляют более 85%, а СР с 2004 г. является составной частью единой Европы, национальные меньшинства рассматриваются представителями словацкой политической элиты, находящейся в настоящее время у власти, как группы риска, создающие проблемы как для внешней политики Словакии, так и внутри страны. Прежде всего, речь идет о венгерском и цыганском национальных меньшинствах. Современное состояние цыганского меньшинства вносит дополнительные проблемы в социальную жизнь Словакии, а венгерское национальное меньшинство проявляет себя как фактор дестабилизации внешней политики СР. Венгерское национальное меньшинство, проживающее в южных районах Словакии (9,7% населения страны), занимает особое место. Его значение обусловлено компактностью проживания, ярко выраженной лингвистической обособленностью, интенсивностью этнической самоидентификации, непосредственной географической близостью к стране этнического большинства — Венгрии и негативным словацко-венгерским историческим прошлым.

Представители словацкой политической элиты 1990–х. гг. прекрасно понимали, что без урегулирования потенциально конфликтных отношений со своим ближайшим соседом «Венгрией» интеграция в европейские и трансатлантические структуры невозможна. Об этом открыто в 1995 г. заявлял в своем интервью газете «Народна оброда» президент М. Ковач: «На каждой встрече с представителями стран — членов ЕС мы и венгры получаем подтверждение, что наш шанс стать членами ЕС и НАТО зависит от решения спорных вопросов, омрачаю-

---

[1] *Краймайер Н.* Раскол на Востоке — Режим доступа: http://www.inosmi.ru/.

[2] Премьер Словакии заявляет о готовности к сотрудничеству с Россией (http://www.vpk.name/news).

щих наши отношения. Это в полной мере относится к положению венгерского национального меньшинства...»[1]. Реализация этого императива вела к активизации дипломатической деятельности с обеих сторон и к подписанию в марте 1995 г. Договора о добрососедстве и сотрудничестве между Словацкой Республикой и Венгерской Республикой. Договор состоял из 22 статей, которые группировались вокруг трех проблем: принцип нерушимости государственных границ; взаимная поддержка при вступлении в ЕС и НАТО; положение национальных меньшинств. Стороны договорились, что в области обеспечения прав национальных меньшинств они будут руководствоваться подписанной ими рамочной Конвенцией Совета Европы и другими международными документами[2].

Период до 1998 г. в политической жизни Словакии ознаменовался непрекращающимся конфликтом между президентом М. Ковачем и премьером В. Мечиаром. Партии венгерского национального меньшинства выступали с поддержкой президента, против политики, проводимой правительственной коалицией. Не устраивал словацких венгров Закон об административно-территориальном устройстве Словацкой республики, согласно которому вместо 39 территориальных единиц в Словакии их стало 79. Новое административное деление, по мнению представителей венгерского национального меньшинства, «растворило» этнических венгров в словацкой среде. Критически оценивали венгры — граждане СР правовое положение языков меньшинств, а также объем государственного финансирования их национальной культуры[3].

С другой стороны, определенная часть словацкой общественности воспринимала компактное проживание венгерского меньшинства на юге Словакии как потенциальную угрозу существованию своего государства. По результатам опроса общественного мнения, проведенного социологической службой «Фокус» в 1995–1996 гг. 34% респондентов словацкой национальности предполагали, что «тайной целью большинства венгров, живущих в Словакии, является изменение границ и присоединение южных областей Словакии к Венгрии»[4].

В 1998 г. существовавшие в Словакии венгерские партии объединились в единую партию — Партию венгерской коалиции (ПВК). С этого времени ПВК является парламентской партией. Примечательно, что на

---

[1] Narodna obroda. Br., 1995. 12, 1. S. 2.

[2] См.: *Olejnik M.* Postavenie madarskej narodnostnej mensinyny na Slovensky v kontekste vyvoja madarsko-slovenskych vztahov po roku 1989 // Slezsky sbornik. Opava, 1997. No 1–2. S. 124.

[3] Ibid. S. 125.

[4] Aktualne problemy Slovenska na prelome rokov 1995–1996. Br., 1996. S. 125

выборах в парламент за ее представителей голосует больше избирателей, чем количество избирателей венгерской национальности в СР. ПВК на протяжении восьми лет являлась членом правительственной коалиции М. Дзуринды. Однако «словацкий венгерский вопрос» до настоящего времени не снят с повестки дня. С приходом СНП во власть в составе новой правительственной коалиции в 2006 г. начался новый виток напряженности в словацко-венгерских отношениях.

В предвыборной программе СНП содержалась критика национальной политики правительства Дзуринды, и особенно Партии венгерской коалиции, и утверждалось, что правительство проводило мадьярофильскую политику, которая формулировалась исключительно представителями ПВК. «СНП обращает внимание на то, что при посредничестве своей партии и заместителя председателя правительства по правам человека и национальным меньшинствам П. Чаки представители ПВК — этнические мадьяры — заняли все места в отделе национальных культур Министерства культуры СР и в отделе национальных школ Министерства образования СР. Таким образом, в Словакии на протяжении 8 лет осуществлялась политика дискриминации потребностей остальных национальных меньшинств, проживающих на ее территории»[1].

В программе также содержалась критика политики Венгрии, направленной на пересмотр существующих европейских границ. СНП утверждала, что Партия венгерской коалиции и правительство Венгрии, выступая за признание недействительными послевоенных декретов Бенеша о выселении венгров, используют вопрос о правах национальных меньшинств для пересмотра результатов Второй мировой войны[2].

В 2006 г. венгерское общество и официальный Будапешт были возмущены антимадьярскими высказываниями руководителя СНП Яна Слоты, в 2008 г. он обвинил венгерские спецслужбы в организации два года назад нападения на студентку венгерской национальности Ядвигу Малинову. Будапешт требовал от словацкого правительства объяснений по поводу неадекватных действий словацкой полиции по отношению к футбольным болельщикам — гражданам Венгрии, а правительство Словакии выразило официальный протест в связи с ситуацией в венгерском селе Млинки, где произошел конфликт между руководством села и представителями словацкого меньшинства. Значимым инцидентом во взаимных отношениях стал запрет со стороны словацкого правительства неофициального визита венгерского президента

[1] Volebny program SNS pre volby 2006 //http://www/sns/sk/- s45.

[2] Ibid. S. 44.

Ласло Шойоми в город Комарно (Южная Словакия) 21 августа 2008 г., где он собирался принять участие в торжественной церемонии открытия монумента Святому Иштвану (Стефану).

За последние пять лет Братислава и Будапешт неоднократно обвиняли друг друга в нарушении прав словацкого и венгерского меньшинств на территории соседних государств. Осень 2008 г. ознаменовалась серьезным обострением межгосударственных словацко-венгерских отношений. 4 октября 2008 г. министр иностранных дел Венгрии Кинга Гёнци вручила ноту послу Словакии в Будапеште Юраю Мигашу. По ее мнению, в последнее время в Словакии усилились дискриминационные тенденции по отношению к венгерскому национальному меньшинству. В частности, она отметила, что премьер Роберт Фицо несет ответственность за то, «с какими политическими партиями он сотрудничает в правящей коалиции». Она имела в виду Словацкую национальную партию, которая несколько дней назад выразила резкое несогласие со стремлением Пала Чаки — лидера Партии венгерской коалиции — инициировать вопрос об организации на территории Словакии культурной венгерской автономии и о создании, так называемого, «малого парламента». Одновременно словацкий МИД выступил с заявлением, в котором осуждалась «конфронтационная позиция, занимаемая венгерской стороной с самого начала правления новой правительственной коалиции во главе с партией «Направление — СД» премьера Роберта Фицо. Шаги, направленные на обострение ситуации вокруг национального венгерского меньшинства в Словакии не могут принести ничего, кроме дальнейшего ухудшения отношений между двумя соседними странами»[1].

Венгерский министр иностранных дел Кинга Гёнци в ходе двусторонней встречи в Брюсселе в октябре 2008 г. предложила своему словацкому коллеге Яну Кубишу провести серию совместных консультаций в целях выяснения того, какие пункты Договора, подписанного сторонами в 1995 г. и определившего рамки сотрудничества между двумя государствами, на сегодняшний день не выполняются. Глава словацкого МИДа дал согласие на это предложение. В течение длительного времени Будапешт утверждает, что СР не выполняет положения межгосударственного Договора в части соблюдения прав венгерского национального меньшинства в Словакии. По мнению главы венгерского МИДа Гёнци, словацкое правительство намеренно выделяет на нужды школ с обучением на венгерском языке меньше средств из европейских специальных фондов, чем на нужды других школ. Венгерский министр иностранных дел повторила заявление лидера

[1] http://www.media-v.eu/index.php?page=news&set=month&id=3977.

Партии венгерской коалиции Пала Чаки, который обвинил словацкое правительство в том, что школы с обучением на венгерском языке не получают в достаточной мере дотации из еврофондов и что в новых учебниках географии и истории венгерские названия населенных пунктов заменены словацкими. «Если подтвердится факт, что упомянутые школы финансируются за счет еврофондов хуже, чем словацкие, то наш долг обратиться по этому вопросу в европейские инстанции», — заявила Кинга Гёнц. Она подчеркнула, что если Еврокомиссия обнаружит нарушения в распределении еврофондов, то Словакия должна будет эти средства вернуть[1].

В ответ словацкая сторона усилила критику Будапешта, обвинив его в том, что он пытается решать свои внутриполитические проблемы за счет искусственного обострения так называемого венгерского вопроса. Тогда же, в октябре 2008 г., Венгрия обратилась в Европейскую комиссию с жалобой на нарушение в Словакии прав венгерского национального меньшинства. Премьер СР Роберт Фицо отказался рассматривать протест Будапешта по существу, заявив, что не поддастся на шантаж венгерской стороны. «Будапешт заявляет, что если мы не будем его слушаться, то он нам в Брюсселе покажет, где раки зимуют. В такие игры мы не играем и ультиматумы из Будапешта не принимаем», — заявил словацкий премьер Роберт Фицо. Он также подчеркнул, что европейские фонды в СР распределяются равномерно. Регионы Южной Словакии при премьере Микулаше Дзуринде имели больше преимуществ в финансировании и поддержке правительства, чем другие регионы Словакии, и это только потому, что в состав правящей коалиции входила Партия венгерской коалиции. Словацкое правительство, по словам премьера Фицо, не намерено уступать также в вопросе учебников для школ с обучением на венгерском языке в южных районах Словакии, которые введены по распоряжению Министерства образования СР. Глава венгерской дипломатии Гёнц заявила, что для Венгрии является принципиальным вопрос, будут ли дети в Южной Словакии изучать географию с венгерскими названиями населенных пунктов или словацкими. В ответ министром образования Яном Миколаем были даны рекомендации издательству поместить венгерские названия в скобках рядом со словацкими[2].

Народный Совет (парламент) Словацкой Республики со своей стороны выразил «глубокую обеспокоенность» использованием венгер-

---

[1] См.: Венгрия думает о пересмотре словацко-венгерского договора (http://www.media-v.eu/index.php?page=news&set=day&id=4031).

[2] См.: Конфликт между Венгрией и Словакией будет разбирать Еврокомиссия http://www.media-v.eu/index.php?page=news&set=month&id=3990.

ским парламентом Форума венгерских депутатов Карпатского бассейна (ФВДКБ)[1] для вмешательства во внутренние дела Словакии. 11 ноября 2008 г. СНС осудил участие депутатов от оппозиционной словацкой Партии венгерской коалиции в работе ФВДКБ, действующем при Государственном собрании Венгрии (парламенте). В знак протеста депутаты от ПВК проигнорировали заседание словацкого парламента.

Очередное обострение в этой сфере было связано с принятием закона о статусе словацкого языка в Словакии в сентябре 2009 г. Закон ввел штрафные санкции за использование иных языков, кроме государственного словацкого, в населенных пунктах, где национальное меньшинство насчитывает менее 20% населения. В нем употребляется неясная формулировка «в публичной коммуникации», вокруг которой разгорелся спор. С точки зрения словацких венгров, новый закон о языке отражает последовательную политику словацкого правительства, направленную на ущемление в стране венгерской национальной культуры[2].

Несмотря на осложнения последних лет, перспективы межгосударственных отношений между Словакией и Венгрией следует рассматривать с учетом целого ряда факторов. Эти две страны являются партнерами и союзниками и по региональному сотрудничеству в формате «Вишеградской четверки», и по Евросоюзу, и по НАТО. У них общие интересы и в сфере регионального сотрудничества, и в вопросах общеевропейской политики. Перед обеими странами стоят проблемы реформирования их общественных систем. Венгрия вместе с Польшей и Чехией помогла Словакии преодолеть отставание в процессе интеграции в Евросоюз и при вступлении в НАТО. Конечно, есть реальные проблемы в отношениях между Словакией и Венгрией. Это и вопрос о водохранилище Габчиково, и проблема предоставления двойного гражданства этническим венграм, которые проживают на территориях соседних с Венгрией стран[3].

---

[1] В работе Форума в Будапеште принимают участие 68 депутатов представителей венгерских меньшинств Румынии, Словакии, Сербии, Украины и Хорватии, а также депутаты фракций Государственного Собрания Венгрии и венгерские депутаты Европарламента. Он функционирует как совещательный орган при венгерском парламенте с 2004 г. На пленарных заседаниях ФВДКБ, которые проходят в Будапеште ежегодно в сентябре, принимаются решения-рекомендации, которые выражают общую позицию участников Форума и могут быть учтены при подготовке проектов парламентских решений. В словацком МИДе дали понять официальному представителю Будапешта, что нынешнее руководство Словакии не намерено отвечать на ультиматумы и угрозы со стороны Венгрии.

[2] См.: http://www.svobodanews.ru/content/article/1814232.html.

[3] См.: http://www.svobodanews.ru/content/transcript/261683.html.

При этом права двух народов обеспечиваются действующими законами в соответствии с общеевропейскими стандартами. Сегодня национальная напряженность объясняется уже не столько историческими «несправедливостями», сколько действиями политиков, которые трактуют эти «несправедливости» с пользой для себя. Национальный вопрос стал приоритетным для отдельных партий как в Венгрии, так и в Словакии. «Некоторые венгерские и словацкие партии благодаря лишь этому и существуют», — указывает профессор Университета имени Коменского в Братиславе Роман Голец[1].

Осознавая пагубность для развития демократия в стране, ее образа на международной арене и бесперспективность усиления национализма, из Партии венгерской коалиции летом 2009 г. выделилось политическое объединение «умеренных». Бывший многолетний лидер ПВК Бела Бугар основал новую партию, название которой образуют словацкое и венгерское слово «мост», — «MOST-HID». Партия ставит своей целью развитие сотрудничества и установление дружеских отношений внутри венгерской диаспоры, между венграми и словаками, венграми и представителями других национальных меньшинств[2].

В поисках объяснения причин поддержки словацким обществом СНП и распространения националистических антивенгерских взглядов нельзя опираться лишь на негативный исторический опыт. Проблемой современного развития Словакии является внутренняя раздробленность самого словацкого общества. Его нельзя назвать монолитным. Драгослав Махала отмечает регионализацию словацкого общества и, как следствие — отсутствие ответственности за общую словацкую судьбу. Словацкий гражданин, пишет он, определяет себя, прежде всего как липтак, гемерчанин, кусичанин, а уж потом как словак[3]. Именно региональная обособленность, чувство принадлежности к конкретному географическому региону создает в словацком обществе достаточно плодородную почву для радикального национализма.

В годовщину своего прихода к власти Фицо отметил, что «нынешняя коалиция является весьма стабильным и прочным политическим объединением, и, если сохранятся высокие темпы экономического развития страны, она сможет просуществовать весь избирательный период»[4].

Очередные парламентские выборы в Словакии назначены на 12 июня 2010 г. А среди членов правительственной коалиции уже нет

---

[1] http://slovakia.naforume.com/viewtopic.php?id=561&p=5.

[2] См.: http://www.most-hid.sk/sk/content/ake-su-piliere-mostu.

[3] См.: *Machala D.* Vedomie integrity Slovakov // Literarny tyzdennik. Br., 2006. No 27–28. S. 3.

[4] http://www.slovakradio.sk/inetportal/rsi/core.php?page=showsprava&id= 5694&lang=5.

полного согласия. Владимир Мечиар критикует своих коалиционных партнеров — Словацкую национальную партию (СНП) и партию «Направление — СД» за слабую коммуникацию внутри правящей коалиции, обвиняя Роберта Фицо в авторитарном поведении, в том, что он не встречается со своими коалиционными партнерами и единолично принимает важные политические решения[1]. Занимаемая В. Мечиаром позиция сближает его с представителями оппозиции, которые обвиняют партию Фицо в концентрации власти в одних руках, в давлении на средства массовой информации, в игнорировании предложений оппозиционных партий. По мнению лидера влиятельной словацкой оппозиционной партии Микулаша Дзуринды, нынешнее правительство только за последнее время неэффективно израсходовало средства из государственного бюджета в объеме 2,5 млрд евро. Кроме того, снижающийся экономический рост является весомым доказательством неспособности правящей коалиции бороться с последствиями кризиса, отметил Дзуринда. Он считает неэффективными антикризисные меры, предпринимаемые правительством Р. Фицо[2]. Несмотря на острую и порою небезосновательную критику, политический курс Фицо оказался успешным. За время пребывания его правительства у власти в Словакии проводилась сбалансированная внешняя политика и прагматическая социально ориентированная экономическая политика. Опросы общественного мнения отдают политические преференции партии «Направление — СД». В марте 2010 г. за эту партию проголосовало бы 38% опрошенных, третье и четвертое место занимают право-либеральные партии М. Дзуринды и ХДД. В парламент прошли бы правая Партия свободы и солидарности, венгерские партии ПВК и «МОСТ-HID», СНП, партия В. Мечиара. Все они преодолели бы 5%-ный проходной парламентский барьер[3].

6.4. Чешская Республика: в традициях скептицизма

Стратегический курс, провозглашенный «бархатной революцией», «на возвращение в Европу» определил стратегические цели и приоритеты внешнеполитической и внешнеэкономической политики Чешской Республики на интеграцию в европейские и евроатлантические политические, экономические и военно-оборонные структуры.

---

[1] См.: http://slovakia.naforume.com/viewtopic.php?id=561&p=5.

[2] Ibid.

[3] См.: http://volby.sme.sk/c/5290633/prieskum-focusu-vracia-sdku-pred-kdh.html.

Началу политической и экономической интеграции Чешской Республики в Европейский союз положил Договор об ассоциированном членстве ЧР в ЕС (1995). 23 января 1996 г. Чешская Республика подала официальную заявку на вступление в ЕС. Чехия взяла на себя обязательство выполнения установленных саммитом ЕС в Копенгагене (1993) политических и экономических критериев, выполнение которых является обязательным условием принятия страны-кандидата в Европейский союз: достижение стабильности институтов, обеспечивающих демократию, правовой порядок, соблюдение прав человека и защиту прав меньшинств; построение функционирующей рыночной экономики, способной противостоять рыночной конкуренции внутри ЕС; способности взять на себя обязательства, вытекающие из членства в ЕС, включая политические, экономические, денежные и валютные.

Начался трудный предвступительный этап адаптации Чешской Республики к условиям развития в составе ЕС. На этапе подготовки к вступлению Европейский союз оказывал финансовую поддержку ЧП по созданию инфраструктуры гражданского общества, укреплению демократической системы правового государства, улучшению правовой среды, реформированию судебной системы, гармонизацию институциональной и законодательной национальной базы с европейским правом, создание новых трансформационных рыночных институций, укрепление основ рыночной экономики, поддержку занятости и инфраструктуры рынка труда, создание инфраструктуры в области окружающей среды.

В рамках европейских программ PHARE (1990), YSPA и SAPARD (2000), а также из Фонда сплочения на преодоление последствий наводнения 2002 г. Чешская Республика как страна — кандидат на вступление в ЕС, получила из бюджета ЕС в период с 1990 г. по январь 2004 г. 1,8 млрд евро, а с учетом проектов, которые были завершены после вступления ЧР в ЕС (до конца 2006 г.) — 2 млрд евро[1].

14 июля 2003 г. прошел референдум по вопросу вхождения Чешской Республики в ЕС, в котором приняло участие 55,2% чешских граждан, имеющих право голоса, из них 77,3% высказалось за вступление страны в Европейский союз. Тогдашний премьер-министр ЧР В. Шпидла, член Чешской социал-демократической партии, оценил результаты референдума ни больше ни меньше, как «завершение Второй мировой войны»[2].

В то время как правящая правительственная коалиция рассматривает итоги референдума как большой успех и доверие граждан, оппо-

[1] См.: Pravidelná zpráva Evropsk komise o ČR za rok 2004 // Ekonom. 2004. No 47. Priloha.

[2] Lidové noviny. 2003, 15 evvna.

зиционные силы, в первую очередь коммунисты, путем простого математического счета подсчитали, что «за» вступление в ЕС, учитывая низкую явку на референдум, фактически высказалось меньшинство чешского населения. По мнению коммунистов, относительно низкое участие населения в референдуме говорит само за себя[1].

По мнению чешских политологов, неучастие в выборах нельзя рассматривать как предательство демократических идеалов. Избирательная апатия — это, с одной стороны, проявление «усталости от демократии», а с другой стороны, активная гражданская позиция, манифестация политических убеждений чешского населения.

Опросы общественного мнения, проведенные накануне вступления Чешской Республики в ЕС, показали на первый взгляд парадоксальные результаты: после того, как на референдуме 2003 г. чешские граждане вроде бы одобрили вступление страны в ЕС, в декабре 2003 г. 46% населения заявило, что опасается ухудшения ситуации в стране после вступления ЕС и только 19% ожидает позитивных перемен от вхождения страны в ЕС[2].

Чего же опасались и на что надеялись чехи? Убежденные сторонники тесной политической и экономической интеграции Чешской Республики в ЕС указывали на следующие плюсы: со вступлением в ЕС ЧР войдет в Европейское сообщество с высоким экономическим уровнем и чешская экономика будет расти более высокими темпами, благодаря гармонизации национального законодательства с европейским правом снизятся потенциальные риски для иностранных инвесторов и усилится приток в чешскую экономику прямых иностранных инвестиций;

ЧР станет составной частью союза государств, которые защитят ее от возможного военного конфликта;

ЧР не может остаться островком независимости внутри ЕС, будучи со всех сторон окруженной странами — членами ЕС, и при этом сохранить перспективы развития в глобальном мире; использование финансирования из европейской «казны» позволит ускорить приближение к высокому экономическому уровню стран — «старых» членов ЕС;

ЧР станет членом европейского демократического сообщества, что будет гарантировать необратимость демократического политического развития в стране.

Еврооптимисты ожидали от вступления в ЕС дополнительных конкурентных преимуществ и новых рынков сбыта для отечественных товаров. Молодежь видела плюсы вступления ЧР в ЕС в свободном

---

[1] См.: Чехия сегодня. 2003. № 7.

[2] См.: *Holub P.* Čím je unie blíže, tím víc se češi bojí // Hospodářské noviny. 2004, 2–4 ledna.

передвижении по Европе, в расширении возможностей учиться и работать в развитых европейских странах.

Евроскептики боялись оказаться в ЕС в категории стран «второго сорта» и «раствориться в Евросоюзе как кусок сахара»; опасались «тотальной скупки» иностранным капиталом земли и недвижимости; роста безработицы, разорения сельского хозяйства, сокращения социальных расходов вследствие необходимости выполнения жестких Маастрихтских критериев; опасались, что в случае распада ЕС будет сложно восстановить первоначальную экономическую базу государства из-за «тотальной скупки» страны иностранным капиталом. Это будет возможно только ценой высоких затрат и жестких недемократических мер, близких к военному положению[1].

1 мая 2004 г. Чешская Республика де-юре стала полноправным членом ЕС. Закончился длинный и трудный забег на дистанции «путь в Европу». Газеты вышли под яркими заголовками — «Чехи наконец-то вернулись домой в Европу». Однако всенародного ликования не случилось. Над Пражским градом — резиденцией Президента ЧР, как обычно, развевался только президентский штандарт. В. Клаус, президент ЧР, демонстративно игнорировал историческую дату вступления ЧР в Европейский союз, поскольку-де «брюссельский флаг напоминает ему советский», а вхождение в Евросоюз, по его мнению, означает для Чехии «конец представительской демократии и глобальное господство влиятельных европейских стран».

Как в обществе, так и среди ведущих политиков по-прежнему нет единства в отношении членства ЧР в ЕС. Достаточно сопоставить позиции лидеров политического руководства страны — президента ЧР В. Клауса и тогдашнего председателя правительства ЧР В. Шпидлы. Каждый из них «предостерегал» чешское общество от «грозящих бед», однако «опасность» для чешского народа видел по-своему. В. Шпидла проводил идею, что «альтернативы интеграции в ЕС нет». Объединенная Европа — это синоним нового начала, новой надежды для Чешской Республики, «синоним процветания, прогресса и справедливости», и, если ЧР не будет привержена идее открытой Европы — «темное прошлое может однажды снова стать ее будущим»[2].

Как всегда, «против течения» выступил президент ЧР В. Клаус, самый громкий евроскептик, который заявил, что с вступлением в ЕС Чешская Республика «перестанет существовать как “самостоятельное государственное образование”. В то время как чешская политическая элита торжественно праздновала в Национальном театре вступление

---

[1] См.: Finanční a investiční adresář. Česká republika. 2003. Pr., Prospector Media, 2003. S. 5.

[2] Právo. 2004, 5 května.

Чешской Республики в ЕС, президент ЧР вместе с народом совершал восхождение на гору Бланик, где, согласно средневековой легенде, живут чешские рыцари, которые должны спасти страну, когда наступят тяжелые времена. Судя по всему, президент ЧР считает, что эти времена уже наступили.

Прошелся «по европейскому вопросу» и первый президент ЧР эпохи «бархатной революции» В. Гавел, который традиционно вступил в острую полемику с В. Клаусом, заявив: «...Время от времени я слышу, что вступление в Европейский союз ограничит наш суверенитет. Я твердо верю и надеюсь, что будет ограничена прежде всего суверенность посткоммунистических мафиози, экономических мошенников, финансовых акробатов и их политических защитников, так же как и их прокисших идеологий, выдаваемых за национальные интересы»[1].

Вступление в ЕС не стало фактором консолидации чешской политической сцены. Ведущие чешские политические партии — Гражданская демократическая партия (ГДП) и Чешская социал-демократическая партия — принципиально расходятся в философии и стратегической направленности как внутренней, так и внешней политики.

Отношение к ЕС во многом определяет расстановку сил на чешской политической сцене и «самочувствие» чешского народа, раскалывая его на «еврооптимистов», «евроскептиков» и «еврореалистов».

В первой половине 1990-х гг. в Чехии шел активный процесс кристаллизации политических партий. Ушла в прошлое практически однопартийная система (при декларировании демократической многопартийности). В результате после установления нового общественного режима по итогам «бархатной революции» возросло доверие населения к демократическим ценностям, к новой многопартийной системе. Однако во второй половине 1990-х гг. процесс кристаллизации партийной системы застопорился, избиратель стал терять политическую ориентацию. С точки зрения рядового чешского избирателя, политические партии определяются, прежде всего, идеологически и персонально, в меньшей степени — программно. Это и является источником их «содержательной неопределенности» в глазах населения и причиной нестабильности политических пристрастий населения и избирательной базы политических партий[2].

Нестабильность избирательной базы в Чехии — 29,5% в конце 1990-х гг. — по данным западных экспертов, значительно превышает

---

[1] Hospodářské noviny. 2005, 5 května.

[2] См.: *Purhabek M., Rašek A.* Cesty k modernizací politických stran // Pohledy. 2000. No 2. S. 22.

средний показатель для стран Западной Европы с устоявшейся демократией — 8,6%[1].

Главная линия партийного водораздела во внешней политике лежит в вопросе политической и экономической интеграции ЧР в ЕС и места Чешской Республики в Европейском Союзе.

После вступления Чешской Республики в ЕС практически распался существовавший до этого хрупкий «бархатный» консенсус, существовавший в политических властных структурах по вопросу о путях дальнейшего развития страны в составе ЕС. Практически все чешские политические партии рассматривают вступление Чешской Республики в ЕС как историческую закономерность. Однако позиции партий заметно расходятся в вопросе современной формы европейской интеграции, содержания европейского федерализма и границ национальной идентичности.

Несмотря на некоторое смягчение позиции ЧР в отношении дальнейшего углубления европейской интеграции в период ее председательства в ЕС в январе–июле 2009 г. между представителями чешской политической сцены по-прежнему нет единства относительно того, в каком направлении должна развиваться европейская интеграция и каково место ЧР в ЕС. На чешской политической сцене можно условно выделить три течения в отношении европейской интеграции, с которыми можно идентифицировать отдельные чешские политические партии и общественные движения:

— критическое — отвергающее политическую интеграцию и настаивающее на ревизии современной формы европейской интеграции;
— умеренное — которое, с одной стороны, не настаивает на переоценке достигнутого уровня интеграции, а, с другой стороны, занимает весьма сдержанную позицию относительно дальнейшего усиления наднационального характера ЕС и передачи дополнительных компетенций от национальных государств Европейскому Союзу;
— еврооптимистическое или еврофедералистское течение — поддерживает дальнейшее углубление интеграционных процессов в рамках ЕС[2].

Последовательным противником вступления Чешской Республики в НАТО с ЕС является Коммунистическая партия Чехии и Моравии,

---

[1] См.: Sociologický časopis. 1996. No 4. S. 435.

[2] См.: *Rovná L., Kasáková Z., Vaška J.* Evropská unie v členských státech a členské státy v Evropské unii. Pr.: Eurolex Bohemia, 2007. S. 290.

партия Либертас, Рабочая партия и Народная партия. К умеренным можно отнести большинство членов Гражданской демократической политики. К группе оптимистов относятся Чешская социал-демократическая партия, Христианско-демократическая уния — Чехословацкая народная партия, Партия зеленых, Объединение независимых кандидатов — Европейские демократы и Уния свободы — Демократическая уния. Они разделяют идею дальнейшего углубления интеграции, которая могла бы вести к федерализации Европейского союза.

В условиях неустойчивого политического равновесия, сложившегося на чешской политической сцене, принципиальное значение приобретает фигура президента, в силу его места в политической иерархии. Своей деятельностью это подтверждает президент ЧР Вацлав Клаус, избранный в феврале 2003 г. и сменивший на этом посту В. Гавела, и вторично избранный на президентский пост в 2007 г. Это один из главных архитекторов «бархатной революции», «отец» чешской экономической реформы, ведущий чешский политик и экономист. С 1991 по 2002 г. он председатель Гражданской демократической партии, в бытность премьер-министром ЧР, подавший заявку на вступление Чешской Республики в Европейский союз. Сегодня В. Клаус — самый «громкий» критик Евросоюза, которого окрестили «чешским евроскептиком».

Конечно, формально В. Клаус — «надпартийный» всенародный президент, что он декларирует при всяком удобном случае. Более того, мы полагаем, что он делает это совершенно искренне. Следование имиджу «отца нации» по образцу первого президента первой буржуазной Чешской Республики Т.Г. Масарика отчетливо просматривается во всех его действиях и поступках. В. Клаус — опытный политик, он знает, чего хочет, и знает, как этого добиться. Ему многое удалось. Рейтинг президента ЧР постоянно растет: если в 2003 г. накануне президентских выборов ему доверяло 35% населения, то в начале 2004 г. — 69%, в период правительственного кризиса в марте 2005 г. — 75% населения[1].

По данным опроса «Великие чехи XX столетия», проводившегося газетой «Лидове новины» в 1998 г., В. Клаус занял третье место, пропустив вперед только основателя самостоятельного чехословацкого государства, первого президента буржуазной Чешской Республики Т.Г. Масарика и чешского писателя с мировым именем К. Чапека[2]. В опросе общественного мнения населения, проводившегося в 2007 г. В. Клаус назван самым влиятельным чехом современности[3].

---

[1] См.: Ekonom. 2004. No 7, 5.8; Blesk, 2005, 26 března; Информ-Прага. 25–31 марта 2005 г.

[2] См.: Lidové noviny. 1998, 26 května.

[3] См.: Hospodářské noviny. 2008, 5 ledna.

В. Клаус неоднократно заявлял, что современный Евросоюз находится в плену «суррогатной идеологии» объединения континентов и «большой» Европы, которая подавляет роль национальных государств. Народы Центрально-Восточной Европы мечтали об открытом обществе, а им вместо этого предлагают массовое регулирование, «всучивают» единые законы и директивы, что ведет «к ослаблению демократических процессов, которые развивались столетиями». Ускоренная, чрезмерная, искусственно охраняемая унификация Европы является, по его мнению, насилием, порождающим национализм. Резко критикуя «ползучую унификацию», которая-де ущемляет национальные интересы Чешской Республики, В. Клаус проводит параллель между расширением ЕС и Советом экономической взаимопомощи, также регулировавшем в бывшем социалистическом лагере «всё и вся»[1].

В. Клаус занял жесткую позицию в отношении европейской Конституции, которая, по его мнению, закладывает основы совершенно нового государственного образования, которому страны — члены ЕС, по существу, передают все свои полномочия, что на практике может привести в Европе к прекращению существования суверенных государств, останется одно супергосударство. Президент ЧР настаивал на проведении всенародного референдума в стране, на котором все граждане Чешской Республики могли бы высказать свое мнение относительно Лиссабонского договора. В. Клаус считает, что с вступлением в ЕС закончился формальный суверенитет Чешской Республики.

На дискуссионном форуме в Берлине 20–21 ноября 2004 г., организованном немецким фондом Г. Брандта и британским еженедельником *Financial Times*, В. Клаус заявил, что по отношению к европейской Конституции он занимает не просто критическую позицию, а «стопроцентно против». Все чешские депутаты в Европейском парламенте от Гражданской демократической партии, при голосовании 12 января 2005 г. в Европарламенте по евроконституции, голосовали против.

Критика В. Клаусом европейской интеграции имеет общественную поддержку. Президент ЧР стабильно пользуется авторитетом в обществе: согласно опросам общественного мнения ему доверяет $^2/_3$ населения, в то время как правительству и парламенту — менее $^1/_4$ населения.

«Моментом истины» стали выборы в Европейский парламент в июне 2004 г., на которых убедительную победу одержали партии — евроскептики. Гражданская демократическая партия получила 37,50% голосов избирателей и соответственно 9 из 24 мандатов, Коммунистическая партия Чехии и Моравии — 25% голосов и 6 мандатов, Объединение

[1] http://www.klaus.cz.

Независимые и Европейские демократы — 12,5% голосов и 3 мандата, Христианско-демократическая уния — Чехословацкая народная партия — 8,33% и 2 мандата, правящая Чешская социал-демократическая партия — 8,31% голосов и 2 мандата.

Неучастие в выборах 71,68% чешских граждан, имеющих право голоса, также можно оценивать как проявление сдержанного отношения к идее объединенной Европы.

Рекордно низкое участие населения в выборах наблюдалось во всех странах Центрально-Восточной Европы: в Чехии — 28,32%, Словении — 28,34, Польше — 20,42, Венгрии — 38,47%. Европейским «рекордсменом» стала Словакия, где участие в евровыборах составило всего 16,96%[1].

Результаты выборов в Европейский парламент резко контрастируют с результатами референдума по вопросу вхождения ЧР в Евросоюз. Некоторые политологи интерпретируют это как нерациональное и непоследовательное поведение «капризных» чешских избирателей. Однако серьезные, более «прозорливые» политологи за «сокрушительной» победой партий-евроскептиков видят желание населения страны быть членом ЕС, но предпочитающих, чтобы их интересы в Брюсселе представляли твердые непримиримые защитники национальных интересов[2]. Эту точку зрения подтверждают данные многочисленных социологических исследований, подтверждающих опасения чешского населения «раствориться в Европейском Союзе как кусок сахара».

Нет единства в отношении расширения Евросоюза и среди населения стран — членов ЕС. Согласно данным исследования, проведенного агентством *Eurobarometer*, примерно две трети граждан ЕС-15 считают, что в результате расширения ЕС повысится вес Евросоюза в мире, умножатся его культурные ценности. В то же время две трети населения ЕС-15 опасаются, что расширение ЕС усложнит процесс принятия совместных решений, снизит эффективность проводимой политики, увеличит нагрузку на европейские структурные фонды, приведет к росту безработицы.

Однако было бы большим упрощением интерпретировать результаты первых выборов в Европейский парламент в Чехии только как проявление «евроскептицизма» чешского общества. По нашему мнению, это и протестное голосование против правительственной политики. Партии правительственной коалиции потерпели просто сокрушительное поражение, получив всего четыре мандата: Христианско-демократическая уния — Чехословацкая народная партия заняла четвертое

---

[1] См.: Jak to dopadlo v bývalé EU-15 // Econom. 2004. No 25. S. 32–33.

[2] *Krejčí O.* Racionální voličská skepse // Ekonom. 2004. No 25. S. 29.

место «в европейском забеге», Чешская социал-демократическая партия — пятое, а третий член правительственной коалиции — Уния свободы — Демократическая уния получила всего 1,69% голосов, что оставило ее далеко за европейским порогом.

В 1990-е гг. Чехия была «левым островком» на европейской карте. Чешская социал-демократическая партия — победитель парламентских выборов 1998 и 2002 гг. — своими половинчатыми реформами оттолкнула избирателей левой ориентации, но не привлекла на свою сторону новых избирателей правых взглядов. Провозгласив борьбу с коррупцией краеугольной целью своей политики, социал-демократы не использовали уникальную возможность доказать населению, что партия действительно полна решимости бороться с этой страшной болезнью, поразившей чешское общество. По самым скромным подсчетам, в теневой экономике создается до 18,4% ВВП[1]. Из-за ужесточения социальной политики, на которой строилась избирательная программа социал-демократов на парламентских выборах, избиратели левых взглядов переходят в стан коммунистической партии с отчетливо выраженной социальной и национальной программой. Представители так называемого среднего класса, так и не дождавшись от социал-демократов обещанных мер по улучшению предпринимательского климата и снижению административной коррупции, отдали свои голоса Гражданской демократической партии — главному идеологическому противнику социал-демократов на чешской политической сцене.

И все же главная причина снижения «веса» Чешской социал-демократической партии на политической сцене — внутренний раскол в партии: часть партии выступает за обновление партии и определенный отход от традиционной социальноориентированной программы, левое крыло партии «стоит» за сохранение традиционной левой ориентации и допускает сотрудничество с коммунистами. Налицо реальный риск образования внутри партии группировок, что представляет определенную опасность для сохранения единства[2].

Политический маятник вновь качнулся в сторону Гражданской демократической партии, которая сумела занять выгодную беспроигрышную нишу яростного критика Евросоюза и защитника национальных интересов Чешской Республики. Надо сказать, что националистическая карта активно разыгрывается всеми политическими партиями в борьбе за избирателя, однако, пожалуй, только Граждан-

---

[1] См.: WEF — World Economic Forum. Global Competitivenees Programme — www.weforum.org.

[2] См.: Kopeček L. Česká strana sociálné demokratická — jak se dostat k moci // Politologický časopis. 2003. No 1. S. 111.

ской демократической партии удается удачно «играть» на минусах и рисках вступления ЧР в Евросоюз.

Вступление Чешской Республики в ЕС несет с собой новые вызовы развитию чешской экономики. Возникает целый ряд вопросов относительно последствий расширения национального рынка и адаптации чешских предприятий и в целом национальной экономики к единому европейскому рынку с его жесткой конкуренцией и жесткими правовыми нормами.

Движение Чехии по пути сближения с ЕС идет «рывками» — периоды поступательной конвергенции чередуются с периодами дивергенции. Анализ долгосрочного процесса конвергенции экономики ЧР в ЕС свидетельствует об увеличении экономического отставания Чехии от среднеевропейского уровня в период рецессии чешской экономики во второй половине 1990-х гг. и «возвращении» на путь приближения к среднему экономическому уровню ЕС на этапе ускорения экономического роста в 2005–2007 гг.

Чехия относится к числу экономически развитых стран — «новых» членов ЕС, но заметно уступает по уровню экономического развития «старым» членам ЕС. Объем ВВП Чехии на душу населения, рассчитанный по паритету покупательной способности (ППС), в 2008 г. составил 20 152 долл. США или 82% к среднему уровню ЕС-27[1]. Чехия «обошла» по этому показателю Португалию и «поднялась» на 17-е место в рамках ЕС, среди «новых» членов ЕС из Центрально-Восточной Европы Чехия занимает второе место после Словении.

Вступление Чешской Республики в Европейский союз несет с собой не только преимущества, но и риски. Проблемы политической и экономической конвергенции стран Центрально-Восточной Европы в Европейский союз не так однозначны. В. Клаус подчеркивал: «В последние годы мы могли слышать и читать целый ряд высказываний об историческом расширении Европейского Союза в основном за счет посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы. Я считал эти мнения недостаточными, неаналитическими, поверхностными и в основном пустыми и неинтересными. Ответ на этот вопрос требует как минимум элементарной структуризации краткосрочных и долгосрочных затрат и выгод (эффектов) от расширения ЕС. Главное — мы должны учитывать не только видимые и прямые краткосрочные эффекты, а очень внимательно изучать невидимые и непрямые долгосрочные затраты»[2]. Чехия занимает стратегически выгодное положение в центре Европы. Высокая степень досягаемости

[1] См.: Wiiw Handbook of Statistics 2008. Wien. 2008 (http://www.wiiw.ac.at).

[2] http://www.klaus.cz.

как западных, так и восточных рынков, развитая транспортная инфраструктура повышают роль Чехии в Европейском союзе как перекрестка главных транзитных коридоров. Вступление в ЕС дает Чехии дополнительные преимущества: прежде всего расширение сравнительно небольшого внутреннего рынка и выход на европейский рынок без таможенных и иных ограничений, упрочение сертификации, доступ на европейский рынок общественных заказов, открытие финансовых рынков, подключение к европейским фондам, более широкие возможности производственного кооперирования, повышение мобильности рабочей силы.

Низкий уровень капитализации, ограниченный доступ к финансовым и кредитным ресурсам, информации и новейшим научным разработкам, дефицит квалифицированного менеджмента повышает предпринимательские риски чешских предприятий на едином европейском рынке. Ужесточение технических и гигиенических норм приведет к дальнейшей селекции и банкротству неконкурентоспособных чешских предприятий.

Открытый доступ на новые восточные рынки позволят более конкурентоспособным западноевропейским предпринимателям расширять рынки сбыта и перемещать производство в восточноевропейские страны с дешевой рабочей силой, что на практике может привести к вытеснению с внутреннего рынка стран — новых членов ЕС отечественных предприятий и расширению масштабов поглощения менее конкурентоспособных предприятий восточноевропейских стран более сильными западными конкурентами.

Выгоды от глобализации экономики и углубления интеграции ЧР в ЕС в первую очередь получат крупные и сильные предприятия с участием иностранного капитала, которые могут легко адаптироваться к жесткой конкуренции на европейском рынке.

Способность чешской экономики конкурировать с экономически развитыми европейскими странами в новых условиях единого европейского рынка с более жесткой конкуренцией, свободным перемещением товаров, услуг и рабочей силой повышается медленно. Характеристики конкурентоспособности чешской промышленности — производительность труда, экспортные цены на сопоставимые изделия, рентабельность, экологические и гигиенические стандарты — заметно ниже, по сравнению с экономически развитыми странами ЕС. В Чехии концентрируются в основном производства с низкой добавленной стоимостью, что не способствует повышению конкурентоспособности чешской экономики на мировых рынках. Доля отраслей high-tech в совокупной добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности Чехии

составляет 10,2% против 25% в экономически развитых странах[1]. Ужесточение технических норм и стандартов ведет к селекции на едином европейском рынке и банкротству неконкурентоспособных чешских предприятий.

Чешская экономика принадлежит к числу наиболее глобализированных мировых экономик. В отчете за 2007 г. престижный швейцарский институт KOF поставил Чехию по этому показателю на 8-е место среди 122 государств мира. 100 крупных транснациональных компаний-гигантов с участием и под контролем иностранного капитала, создают более 13% ВВП Чехии[2]. Иностранный капитал контролирует 97% совокупных активов чешского банковского сектора (91% иностранных активов банковского сектора принадлежит инвесторам из стран ЕС), 75% страхового рынка, 40% рынка ценных бумаг, 36% частных пенсионных фондов, 48,6% общего количества предприятий нефинансового сектора чешской экономики с численностью занятых 100 и более человек[3].

Тенденция к увеличению высокой концентрации иностранного капитала в экономике представляет большие риски для малой высокооткрытой чешской экономики, здоровье которой напрямую зависит от «самочувствия» иностранного капитала, практически контролирующего ведущие отрасли национальной экономики.

Включению чешской экономики в европейские интеграционные процессы способствуют прямые иностранные инвестиции (ПИИ). Удобное географическое положение с доступом как на рынки ЕС, так и на восточные рынки, относительно низкая стоимость рабочей силы, привлекательная система инвестиционных поощрений, низкие налоги создают благоприятный инвестиционный климат в стране. Совокупный объем прямых иностранных инвестиций, вложенных в чешскую экономику в 1990–2008 гг., составил 101 млрд долл. США[4]. Чехия занимает первое место в Центральноевропейском регионе по объему ПИИ на душу населения, а по совокупному объему привлеченных ПИИ уступает только Польше. По показателю накопленного объема ПИИ по отношению к ВВП Чехия занимает 2-е место среди стран ЦВЕ — новых членов ЕС после Венгрии. Примерно 87% ПИИ поступает в Чехию из стран ЕС-15.

Прямые иностранные инвестиции способствуют включению чешской экономики в европейские и мировые интеграционные процессы. В то же время эксперты отмечают такие негативные последствия при-

---

[1] См.: EUROSTAT — New Cronos, Science and Technology — ept. Eurostut. ac. eu. int.

[2] См.: *Jonák P.* Největší firmy upevníly pozici // Hospodářské noviny. 2007, 16–18 čevona.

[3] См.: ČNB-http://www.cnb.cz.

[4] См.: UNSTAA FDI/TNC database (www. unctad.org/fdistatisties).

тока ПИИ, как неравенство конкурентных условий и вытеснение с рынка отечественных товаропроизводителей, низкий уровень иностранных инвестиций в высокотехнологичные отрасли и научно-прикладные разработки, неоднозначное влияние на структуру промышленности и развитие проблемных регионов, неблагоприятные в ряде случаев экологические последствия.

Технологический разрыв между чешскими предприятиями и предприятиями с участием и под контролем иностранного капитала сокращается медленно. В отдельных подотраслях чешской экономики предприятия с иностранным капиталом вытесняют чешские предприятия. По мнению как чешских, так и западных экспертов, если не удастся переломить эту тенденцию, то перед чешской экономикой стоит реальная опасность стать в определенном смысле «параллельной» экономикой с растущими и высокоприбыльными иностранными компаниями и стагнирующими общественными предприятиями[1].

Между тем для малой открытой чешской экономики повышение конкурентоспособности общественных производителей — главное условие интеграции и включения в процессы экономической глобализации.

Локомотивом экономического роста и включения страны в международное разделение труда для малой, несамодостаточной в сырьевом отношении, открытой экономики Чехии (экспорт составляет примерно 80% ВВП) является внешняя торговля, развитие которой напрямую зависит от экономической конъюнктуры в странах — главных торговых партнерах.

В ходе системной трансформации произошла переориентация чешской внешней торговли с рынков восточноевропейских стран на рынки стран Европейского союза. Доля стран ЕС-15 в чешском экспорте выросла на 38% в 1990 г. до 70% в 2008 г., а импорта — с 40 до 60%. После расширения ЕС в страны ЕС-27 направляется 85,1% чешского экспорта. Россия практически утратила позиции, которые занимал на чешском рынке СССР. Доля России во внешней торговле Чехии снизилась с 45% в бытность СССР до 3% в настоящее время[2].

Оценки экономических последствий вступления ЧР в Евросоюз и перспектив развития в рамках единой европейской системы далеко неоднозначны и часто диаметрально противоположны. Высокая открытость малой чешской экономики, односторонняя ориентация

---

[1] См.: *Srholec M.* Přímé zahraniční investice a technologická změna // Politická ekonomie. 2003. No 5. S. 696–705; Djankov S. Hockman B. Foreign Investment and Productivity Growh in Cozech Enterprises. Washington: D.C., World Bank 1999. Policy Research Wirking Paper 2115.

[2] См.: ČSÚ — Analýzy (http://www.czso.cz).

внешней торговли и тесная привязка ее экономики к экономике стран ЕС, прежде всего Германии, на которую приходится примерно треть внешнеторгового оборота Чехии, ставит чешскую экономику в довольно уязвимую позицию, предопределяя ее значительную зависимость от изменения внешней экономической конъюнктуры. По расчетам Чешского национального банка, замедление темпов роста ВВП Германии на 1 п. п. ведет к сокращению темпов роста чешского экспорта на 2,6 п.п. и, как следствие, к замедлению темпов роста чешской экономики на 0,4–0,5 п.п.[1]

Мировой экономический кризис наглядно показал риски сверхвысокой односторонней зависимости открытой чешской экономики от экономики стран еврозоны, куда направляется 67% чешского экспорта.

Уязвимость чешской экономики, особенно в условиях экономического кризиса, повышает односторонняя направленность на развитие одной отрасли — производство автомобилей и автокомплектующих. По объему автомобильного производства Чехия занимает шестое место в мире, уступая только Германии, Франции, Испании, Великобритании и России. Доля автомобильной промышленности в промышленной продукции составляет 23,2% в экспорте — 23,1%. В автомобильной промышленности занято 155 тыс. человек и создается 10% ВВП[2]. Следует отметить, что строящиеся в Чехии иностранными компаниями предприятия, особенно в автомобильной промышленности, являются в большинстве своем только сборочными заводами, не имеющими подразделений НИОКР и, следовательно, не закладывающими базу для увеличения производства наукоемкой продукции.

Одним из главных конкурентных преимуществ Чехии на европейском рынке является относительно невысокая стоимость рабочей силы.

Низкая заработная плата, как считают видные чешские экономисты, была составной частью более широкого комплекса политики «дешевой» рабочей силы как фактора повышения конкурентоспособности чешской экономики[3].

В последние годы темпы роста заработной платы заметно ускорились. Чехия постепенно теряет конкурентные преимущества «дешевой рабочей силы» в борьбе за новые рынки и иностранные инвестиции. Если в начале 90-х годов разрыв в уровне средней заработной платы по отношению к странам ЕС составлял 1:10, то на момент вступления

---

[1] См.: ČNB — http://www.cnb.cz.

[2] См.: Ekonom. 2008. No 29. S. 26–27.

[3] См.: Sociální a ekonomické souvislostiintegrace České rebubliky do Evropské unil. Pr., 2002. S 245.

Чехии в ЕС он сократился до 1:5. При заметном повышении заработной платы иностранные инвесторы могут «увести» свой капитал из Чехии «дальше на Восток» в такие страны, как Болгария, Украина, Румыния и Россия с более дешевой рабочей силой, которые до последнего времени инвесторы считали рисковыми.

По оценкам чешских аналитиков, чешская социальная система функционирует удовлетворительно как инструмент профилактики бедности, однако не так эффективно с точки зрения эффективности и мобильности рынка труда[1]. Уровень безработицы в Чехии — 7,9% в 2005 г., 7,1 — в 2006 г., 5,3 — в 2007 г., 4,4% — в 2008 г. — ниже среднего уровня безработицы в ЕС — 7,1%. При низком уровне безработицы в Чехии существуют значительные диспропорции в уровне региональной безработицы. К ключевым структурным проблемам рынка труда относится низкая региональная и профессиональная мобильность рабочей силы, непрозрачная система социальных пособий. Расширение внутреннего рынка после вступления в ЕС эту проблему не решало.

Чешская концепция развития рынка труда делает акцент на увеличение внутренних источников рабочей силы. Привлечение иностранной рабочей силы жестко регистрируется и регулируется, потеря иностранцем работы автоматически ведет к прекращению действия разрешения на работу, а тем самым и разрешения на пребывание в стране. В Чехии легально работает 284 551 иностранных работников или 3,3% общей численности занятых[2].

По мере того как будет постепенно исчерпано такое конкурентное преимущество Чехии, как низкая цена труда, на первый план выступит инновационная способность чешских предприятий, качество рабочей силы и уровень технологического развития.

Перспективы экономического роста Чехии напрямую зависят от способности чешской экономики противостоять конкуренции на европейском рынке, которая является проявлением глобализации мировой экономики. Только переход к инновационной экономике позволит повысить конкурентоспособность чешской экономики и найти Чехии свое достойное место на едином европейском рынке.

С вступлением в ЕС ЧР взяла на себя обязательство введения европейской валюты евро. В случае отказа от перехода на евро Чехия нарушает свои обязательства соблюдать европейское право, что закреплено в ст. 121 и 122 Договора об образовании Европейского союза, составной частью которого является обязательство соблюдения так

---

[1] См.: *Večerník J.* Přístupy k transformaci a sociální reforma v České republice // Forum socicílní politiky. 2007. No 1. S. 5.

[2] См.: Hospodářské noviny — příloha, 2009. 19 ůnora; ČSÚ (http://www.czso.cz).

называемых Маастрихтских критериев конвергенции, зафиксированных в Протоколе о критериях конвергенции.

«Стратегия вхождения Чешской Республики в еврозону» (2003)[1], принятая в 2003 г. накануне вступления страны в ЕС, предусматривала сроки вхождения страны в еврозону в 2009–2010 гг. при условии выполнения Маастрихтских критериев конвергенции, обязательных для введения европейской валюты евро, и продвижения реформ, обеспечивающих ускорение конвергенции чешской экономики с экономикой еврозоны. Однако «медленное движение» Чехии по пути реальной конвергенции с ЕС постоянно отодвигает сроки присоединения ЧР к еврозоне. В 2007 г. правительство ЧР совместно с Чешским национальным банком одобрило актуализированную стратегию вхождения Чешской Республики в еврозону, которая уже не содержит жестких сроков перехода на евро[2].

В чешских правительственных и научных кругах нет единой позиции относительно сроков присоединения ЧР к еврозоне. Сторонники быстрого вступления аргументируют это следующими преимуществами, которые получит Чехия от присоединения к еврозоне: участие в разработке и реализации общеевропейской валютной политики; фиксирование курса национальной валюты повысит стабильность финансового сектора и снизит риски валютных кризисов; благодаря устранению курсовых рисков получат преимущества чешские предприятия, торгующие со странами еврозоны; переход от плавающего валютного курса к фиксированному валютному курсу приведет к усилению притока крупных иностранных инвестиций, что, в свою очередь, будет стимулировать развитие предпринимательства и снижение безработицы; отпадут трансакционные затраты на валютные операции и затраты, связанные с резкими колебаниями валютных курсов; значительное снижение затрат, связанные с международной торговлей; снижение к минимуму курсовых рисков, что будет иметь положительный эффект для малой открытой чешской экономики с высокой долей торговли со странами еврозоны. Затягивание процесса введения единой европейской валюты может затормозить процессы углубления интеграции чешской экономики в единый европейский рынок.

Главным аргументом в пользу быстрого введения евро является якобы долгосрочная выгода вхождения в еврозону для малой экспортно-ориентированной чешской экономики с высокой степенью интегрированности в единый европейский рынок.

---

[1] См.: Strategie přístoupení České republiky k eurozině. Zpráva o inflaci / říjen 2003. Pr., ČNB, 2003, příloha. S. 36.

[2] См.: National Euro Changeover Plan for the Czech Republic 2007 (http://www.cnb.cz).

Противники быстрого вхождения Чехии в еврозону указывают на риски, которые в среднесрочной перспективе перевешивают вышеприведенные выгоды. Постсоциалистические страны — новые члены ЕС находятся на разном уровне экономического развития. Чехия объективно нуждается в самостоятельной денежной и валютной политике для ускорения экономического роста в «гонке» за «старыми» членами ЕС. Для Чехии преждевременно и невыгодно отказываться от преимуществ самостоятельной денежной политики и гибкой курсовой политики — это может затормозить экономический рост и интеграцию страны в ЕС[1]. Чешские эксперты высказывают опасения, что переход на евро приведет к росту инфляции, при этом начнет ослабевать экспортный потенциал страны. Опыт стран ЦВЕ, уже вошедших в еврозону, подтверждает этот прогноз.

Эту точку зрения разделяет и ряд западных экспертов, которые считают, что эффект перехода на евро может быть как положительным — усиление позиций европейской валюты вследствие расширения рынков, — так и отрицательным из-за относительной монетарной нестабильности в странах-новичках[2].

Следование курсом «не спешить» с переходом на евро, несомненно, более выгодно для ЧР с точки зрения долгосрочного процесса конвергенции чешской экономики с экономикой еврозоны. Предварительная оценка плюсов и минусов говорит в пользу сценария более поздних сроков вхождения Чешской Республики в еврозону. «Транзитные страны не должны спешить в еврозону, — считает Президент ЧР В. Клаус. — ...главным движителем европейской валютной интеграции была и остается исключительно политическая, а не экономическая мотивация... единая валюта евро всегда рассматривалась в качестве инструмента создания Европейского политического союза»[3].

Разразившийся осенью 2008 г. мировой финансовый кризис и особенно каналы его распространения свидетельствуют в пользу варианта более поздних сроков вхождения Чешской Республики в еврозону. По заявлениям официальных чешских представителей и ведущих чешских экспертов, чешская экономика, благодаря устойчивости национальной валюты, лучше защищена от неблагоприятных последствий финансового кризиса[4].

---

[1] См.: *Janáček K., Janáčková S.* Evropská měnovcí unie a rizika pro reálnou konvergenci // Politická ekonomie. 2004. No 4. S. 439.

[2] См.: *Fernandez J.* The Common Agricultural Policy and EU Enlargement // Eartern European Economics. May-Jun. 2002. Vol. 40. Yssue 3. Tabl. 1.

[3] *Klaus V.* Euro a jeho budoucnoat: pohled z budoucí členské země // Přednáška v cyato Institute. Washington Dc. 2003.

[4] См.: *Ilámanová L.* Yedno enro nesedne všem // Hospodářské noviny. 2009, 4 února.

На экономический кризис в Чехии наложился политический. Мировой экономический и финансовый спад стал катализатором долготлеющего политического кризиса в стране. Постепенное нарастание критических явлений в экономике развеяло миф «о чешском островке» благополучия и стабильности в бушующем море мирового экономического кризиса, который чешское правительство долго и упорно не замечало. Экономические проблемы и существующий в обществе так называемый капитал разочарования используются социал-демократической партией для прихода к власти.

Ведущие чешские политические партии — Гражданская демократическая партия, победившая на парламентских выборах 2006 г., и оппозиционная Чешская социал-демократическая партия, восемь лет до 2006 г. «рулившая» страной и лишь незначительно уступившая гражданским демократам на парламентских выборах, принципиально расходятся в философии и идеологии внутренней и внешней политики Чешской Республики. Коалиционное правое правительство И. Тополанека «проспало» мировой экономический кризис, за что и было отправлено в отставку «засидевшейся в оппозиции» Чешской социал-демократической партией в марте 2009 г. Политический кризис вновь выдвинул на первый план президента ЧР В. Клауса, который временно «разрулил» политический кризис назначением правительства специалистов, использовав уже применявшуюся на практике в 1997 г. во время финансового кризиса тактику. Хоть время, что и говорить, было выбрано не совсем удачно и, несомненно, снизило престиж Чешской Республики — как страны, председательствующей в ЕС в январе–июне 2009 г., и усложнил условия выхода страны из экономического кризиса.

Следует признать, что в период председательства Чешской Республики в ЕС ее позиция в отношении основного европейского закона заметно смягчилась. Согласно данным исследования Центра общественного мнения, численность сторонников Лиссабонского договора выросла с 45% в октябре 2008 г. до 64% в январе 2009 г. В то же время 70% респондентов в 2009 г. против 65% в 2008 г., признались, что не разбираются в основных положениях и последствиях принятия Лиссабонского договора[1]. Причину изменения отношения чешского населения к Лиссабонскому договору аналитики видят в опасениях, что неустойчивость Чехии может привести к ее изоляции в объединенной Европе.

Острую дискуссию в Чехии вызвало положение Лиссабонского договора о превалировании его правовых норм над национальными за-

[1] См.: Hospodářské noviny. 2009, 29 ledna.

конодательствами стран — членов ЕС, что расценивается чешскими политиками-евроскептиками как укрепление национального суверенитета.

Позиция чешских евроскептиков: четкое разделение правомочий ЕС и государств — членов ЕС; введение принципа передачи правомочий не только от национальных государств Европейскому союзу, но и от ЕС — национальным государствам! Национальные парламенты должны иметь право пересмотра законодательных проектов Европейской комиссии и право их отвергнуть; правомочия стран-членов ЕС должны быть четко определены, в компетенции национальных государств должны остаться вопросы налоговой и социальной политики, образования, культуры и здравоохранения; должны быть определены четкие критерии дальнейшего расширения ЕС за счет вступления новых государств; Лиссабонский договор не должен содержать самостоятельную Декларацию фундаментальных прав и не должен ухудшить положение ЧР в ЕС, ее правомочия и вес в принятии совместных решений в рамках ЕС; сделать процесс принятия решений на уровне ЕС более прозрачным.

Представляет интерес срез «евровзглядов» чешских политиков на проблемы европейской интеграции.

П. Пакоста, сенатор от ГДП в парламенте ЧР считает, что «Лиссабонский договор открывает простор для постепенного ослабления функции национальных парламентов и усиления роли правительства брюссельских чиновников, ...для ограничения экономической конкуренции с помощью разного рода квот и директив, и таким образом европейскому социализму...» Лиссабонский договор лишает Чешскую Республику права вето в ряде областей и ослабляет позицию страны при голосовании в Европарламенте[1].

И с ним трудно не согласиться. Действительно, после принятия Лиссабонского договора Чешская Республика лишается права вето примерно в 50 областях, в том числе в таких важнейших областях, как миграционная политика, предоставление политического убежища, энергетика, транспорт, финансирование ЕС и т.п.

В свою очередь Я. Гамачек, председатель комитета по внешней политике Палаты депутатов от ЧСДП, убежден, что «...принятие Лиссабонского договора ведет к повышению эффективности прозрачности и демократичности ЕС, который имеет все предпосылки выступать единым фронтом на международном поле... Сильная Европа — жизненный интерес Чешской Республики»[2].

---

[1] См.: Newsletter. 2008/květen. S. 6.

[2] Ibid.

Й. Пароубек, председатель ЧСДП и сторонник Лиссабонского договора, убежден, что «Европейский союз гарантирует сохранение и развитие европейской социальной модели, которая является замечательным результатом политики социал-демократических и других прогрессивных движений и партий Европы 20-го столетия и только так эта модель может стать нормативом глобальной справедливости, которая является целью социал-демократического проекта 21-го столетия»[1].

Не совпадают позиции чешских политических партий и в вопросах военно-оборонной политики. Во внешней политике Чешская Республика однозначно отдает предпочтение союзническим отношениям с США. Согласно данным опроса, проведенного в марте 2009 г., через 10 лет членства ЧР в ЕС, примерно 70% населения страны поддерживает членство ЧР в НАТО как способ обеспечения безопасности страны (37% в 1997 г.)[2]. Однако не все так однозначно. Камнем преткновения для чешского общества, так же как и для политической элиты страны, стал вопрос размещения на территории страны американской противоракетной установки, против которого выступает более двух третей населения страны.

Президент ЧР В. Клаус сказал «да» радару на территории Чехии: «С учетом нашего коммунистического прошлого для нас большое значение имеют трансатлантические связи. А американский радар я рассматриваю как форму выражения трансатлантического сотрудничества между Чешской Республикой и США»[3].

Однако мнение президента ЧР, стабильно пользующегося высоким доверием в чешском обществе, на этот раз разошлось с мнением большинства населения страны. Согласно данным опросов, проведенных Центром исследования общественного мнения в 2006–2008 гг., численность населения, выступающего против размещения в Чехии американского радара, стабильно составляет 62–70%. 73% населения Чехии выступает за проведение национального референдума по вопросу размещения американской противоракетной установки на территории страны[4].

Против размещения на территории Чехии американского противоракетного оборудования выступают Чешская социал-демократическая партия и Коммунистическая партия Чехии и Моравии, которая к тому же является яростным противником членства ЧР в НАТО.

---

[1] Newsletter. 2008/hvěten. S. 5.

[2] См.: 10 let v NATO // Mimořádná příloha hospodářských novin. 2009, 12 března.

[3] Lidové noviny. 2007, 14 listopadu.

[4] См.: Hospodářské noviny. 2008, 9 ledna.

Экс-премьер и экс-председатель ЧСДП Милош Земан считает, что планы по размещению американской противоракетной установки на территории Чехии — провокация против России и сомневается в том, что радар защитит США и их союзников от возможного ракетного удара с территории Ирана и КНДР, как утверждает Америка[1]. Против размещения в Чехии американской противоракетной установки выступает и соседняя Словакия[2].

Однако вопреки мнению большинства населения страны правительство ЧР отказалось от проведения национального референдума как по вопросу размещения американского противоракетного оборудования на территории Чехии, так и по вопросу принятия Евродоговора. Народ оказался в меньшинстве.

Решение президента США Барака Обамы не размещать на территории Чехии ПРО вызвало удовлетворение большинства населения страны и разочарование определенных политических кругов страны.

Несмотря на некоторое смягчение позиции ЧР в отношении дальнейшего углубления европейской интеграции в период ее председательства в ЕС в январе–июне 2009 г., в чешском обществе и между представителями чешской политической элиты по-прежнему нет консенсуса относительно того, в каком направлении должна развиваться европейская интеграция. Наглядным подтверждением этой точки зрения являются состоявшиеся 5–6 июня 2009 г. вторые выборы в Европейский парламент, в которых участвовала Чешская Республика в качестве члена ЕС.

Как всегда ошиблись в своих прогнозах социологи, рассчитывавшие на 60%-ное участие чешских избирателей в евровыборах. Фактически в Чехии в выборах в Европейский парламент приняло участие 28,22% избирателей (для сравнения — в парламентских выборах 2006 г. приняло участие — 64,47%, в региональных выборах 2008 г. — 40,30%). Это значительно ниже, чем в среднем в Европе, где участие в выборах составило 43,1% (на 2 п.п. меньше, чем в 2005 г.). Отмечалось исторически самое низкое участие в выборах в Европарламент — 43,1%[3].

Право выдвинуть своих кандидатов получили 33 политические партии и общественные движения. Однако мандат на представление интересов Чешской Республики в Европарламенте получили три партии. По результатам вторых выборов в Европейский парламент в Чехии вновь, как и на первых евровыборах, победила Гражданская демокра-

---

[1] См.: Hospodářské noviny. 2007, 27 listopadu.

[2] См.: Hospodářské noviny. 2008, 9 února.

[2] См.: Hospodářské noviny. 2009, 9 června.

тическая партия (ГДП), за которую проголосовало 31,45% избирателей, Чешская социал-демократическая партия (ЧСДП) получила — 22,38%, Коммунистическая партия Чехии и Моравии (КПЧМ) — 14,18%, Христианско-демократическая уния — Чехословацкая народная партия (ХДП–ЧНП) — 7,64% голосов избирателей. Остальные партии и общественные движения, которым в целом отдали свои голоса 24,35% избирателей, не преодолели избирательный 5%-ный порог и не прошли в Европарламент. Партия зеленых получила всего 2% голосов избирателей, малые партии практически не сумели пробиться в Европарламент. Максимальное количество мандатов получила Евроскептическая коалиция «Суверенитет», получившая примерно 4%, что не позволило ей преодолеть избирательный порог[1]. Чешская Республика будет представлена в Европейском парламенте уже не 24, а 22 депутатами: 9 депутатов — от ГДП, 7 — от ЧСДП, 5 — от КПЧМ, 1 депутатом от ХДП–ЧНП.

Ошиблись политологи, предрекавшие значительные шансы на успех на выборах политическим объединениям, ставящим под сомнение необходимость дальнейшего углубления интеграционных процессов в ЕС. Не прошли в Европарламент ни созданная недавно сторонниками идеи значительно большего суверенитета национальных государств в рамках ЕС партия «Либертас», программа которой схожа с программой одноименного политического субъекта Ирландии, ставящая целью блокирование ратификации Лиссабонского договора, ни новая Партия свободных граждан (ПСГ), которую активно поддерживает В. Клаус. Не получили поддержки у избирателей и праворадикальные политические партии — Рабочая партия и Народная партия, агрессивность которых оттолкнула чешского избирателя.

В Чехии, как и в целом в Европе, проиграли левые партии, которые не сумели убедить избирателей, что вина за экономический кризис лежит на правых партиях. «Левые» победили только в Словакии, Румынии, Латвии, Эстонии, Греции, Дании, Швеции и Португалии.

По мнению чешских политологов, выборы показали, что у народов Европы отсутствует тяга к более тесной интеграции. Так, чешский аналитик П. Камберски считает, что евровыборы свидетельствуют, что европейский «démos» отвергает Лиссабонский договор. Доказательство тому «низкое, постоянно снижающееся участие в выборах: европейские элиты стремятся ко все более тесной интеграции, а европейцы, очевидно, не разделяют эту идею; избирательное меньшинство «посылает» в Брюссель представителей, которые к идее «ever closer union»

[1] Ibid.

имеют скорее сдержанное отношение; экономическая рецессия в Европе показала, что европейская демократия не функционирует[1].

Чешская Республика относится к числу стран — самых больших евроспектиков. Чешская Республика последней из 27 стран — членов ЕС ратифицировала Лиссабонский договор. президент ЧР В. Клаус до последнего сопротивлялся подписанию Лиссабонского договора о реформах ЕС, пришедшему на смену отвергнутой Конституции ЕС. 19 февраля 2009 г. палата депутатов, а затем сенат парламента ЧР одобрили Лиссабонский договор. Однако президент ЧР В. Клаус отказался ратифицировать Лиссабонский договор ввиду его несоответствия Конституции Чешской Республики. Конституционный суд ЧР трижды, сначала по обращению президента ЧР, а затем сенаторов, рассматривал соответствие Лиссабонского договора Основному закону Чешской Республики. 3 ноября 2009 г. президент ЧР В. Клаус подписал Лиссабонский договор после того, как Конституционный суд ЧР вынес вердикт о соответствии Лиссабонского договора Основному закону ЧР.

Ратификация ЧР Лиссабонского договора последовала после предоставления Чехии определенных послаблений в части соблюдения Декларации фундаментальных прав, которая идет в связке с Лиссабонским договором.

Опасения Президента ЧР вызывает обязательность соблюдения странами — членами ЕС Декларации фундаментальных прав, что могло быть использовано для предъявления имущественных претензий к ЧР потомками немцев, выдворенных из Чехословакии в 1946 г. согласно декретам Бенеша, обвиненных в сотрудничестве с немецкими оккупантами во время Второй мировой войны.

28 и 29 мая в Чехии прошли выборы в палату депутатов чешского парламента. Несмотря на то что Чешская социал-демократическая партия, возглавлявшаяся Иржи Парубеком вышла на первое место по числу проголосовавших за нее избирателей (22,08%), этого оказалось недостаточно для формирования правительства страны, даже если бы удалось договориться о коалиции с коммунистами, получившими 11,28% голосов. Поражение левых сил стало неожиданностью и для политиков, и для экспертов, пытавшихся прогнозировать исход голосования. Иржи Парубек сразу же после оглашения результатов выборов подал в отставку с поста председателя партии, даже не предприняв попытки сформировать коалиционное правительство. Покинул пост главы партии и председатель Христианских демократов / Чешской на-

[1] См.: *Kambersk P.* Lisabon z říše snů // Hospodářské noviny. 2009, 9 června.

родной партии Цирил Свобода, впервые за 70 лет истории страны не сумевший провести в парламент свою партию.

После консультаций с лидерами партий, набравшими наибольшее число голосов, президент страны Вацлав Клаус поручил формирование кабинета министров страны коалиции правых партий. В нее вошли Гражданско-демократическая партия, собравшая 20,22% голосов избирателей, созданная к выборам 2009 г. в Европейский парламент неоконсервативная партия ТОП-09 (Традиции Ответственность Процветание – 09) с поддержкой 16,7% чехов, и созданная в 2001 г. центристская партия Дела общественные, поддержанная 10,88% голосовавших. В общей сложности эти три партии получили 118 мест из 200 в парламенте страны.

28 июня 2010 г. президент Вацлав Клаус назначил лидера Гражданско-демократической партии Петра Нечаса председателем правительства Чехии и поручил ему формирование нового коалиционного правительства.

Правые силы в Чехии победили на фоне ухудшающегося экономического положения в стране – падение ВВП на 4%, на фоне 1,5%-ного роста в соседней Польше[1]. Кроме того, чешские социал-демократы не смогли предложить обществу адекватную кризисным условиям социальную модель. Ну и конечно, же, отразился сфокусировавшийся в личности президента Вацлава Клауса скептицизм в отношении более тесной европейской интеграции без учета национальных интересов.

Поставлена ли окончательная точка в противостоянии Праги и Брюсселя — покажет время.

---

[1] См.: http://www.politvektor.ru/analitika/4704/.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
Оглядываясь на реформы

Последние три года в Вишеградской Европе юбилеи следуют один за другим. Тем или иным звеньям цепочки событий, приведшим к радикальному изменению облика не только стран региона, Европы, но и мира в целом, последовательно исполняется двадцать лет. Уже прошли торжественные мероприятия по случаю двадцатилетних годовщин первых выступлений оппозиции и созыва «круглых столов», первых свободных парламентских выборов, массового перехода немцев ГДР через австро-венгерскую границу и падения Берлинской стены. В наступающем году грядет двадцатилетие Вишеградской группы, затем неизбежно вспомнят о распаде СЭВ и Организации Варшавского договора. Не за горами юбилей вывода советских войск из Восточной Европы. Уже можно говорить о своего рода «опыте» подведения итогов, показывающем, что у жителей этих стран, бесспорно, есть поводы для радости, но существует и немало поводов для грусти, порождаемой разочарованиями. Приуроченные к памятным датам опросы и исследования бесстрастно фиксируют изменения в настроениях населения вишеградских стран. Эти перемены отражаются в произносимых по случаю речах политиков и общественных деятелей.

Впереди «круглые» даты присоединения Вишеградской Европы к НАТО и Европейскому союзу. Судя по уже прошедшим торжествам, нельзя исключить дальнейшей переоценки событий конца XX – начала XXI века. Во всяком случае, многое из недавнего прошлого наверняка будет восприниматься в несколько других или совсем иных тонах. Столкнутся надежды и реалии, представления и возможности. И все эти оценки и мнения важны для ответа на поставленные нами в названии книги вопросы: Откуда и Куда?

На эти вопросы до сих пор сложно дать абсолютно объективные ответы, в том числе и потому, поскольку мы все являемся не только свидетелями, но и в какой-то мере участниками – пассивными или активными – процесса, который пытаемся оценить. Дать взвешенную

оценку трудно еще и потому, что наблюдаемые процессы далеки от своего завершения. Не смотря на обилие юбилейных дат, вряд ли можно сейчас говорить об однозначной завершенности, реализации, некоей финальности задуманного. Одни могут увидеть наполовину полный стакан, а другие – наполовину пустой. Если попытаться дать ответ на вопрос о глобальном направлении движения, то можно сформулировать его так: мы уходим из послевоенного мира с его различающимися представлениями о постконфронтационном порядке в мир будущего, стремящегося к сближению взглядов и преодолению разделительных линий в политической географии и политическом сознании. По крайней мере, приблизительно так можно охарактеризовать представления людей, способствовавших приходу к власти новых сил в странах Восточной Европы, а затем поддерживавших их во время выборов и референдумов, т.е. представления населения стран этого региона. Если же мы станем искать ответы на конкретные вопросы из сферы идеологии, политики, экономики, культуры, то, возможно, они будут одновременно и более конкретными и менее уверенными по причине того, что далеко не всего желаемого удалось достичь. Возьмем хотя бы пару привычных характеристик политических трансформаций – «от однопартийной системы к многопартийной», «от диктатуры к демократии» – и посмотрим как с ними обстоит дело. В политической жизни Вишеградских стран мы до сих пор встречаемся с явлениями, когда даже в условиях многопартийности, власть правящей партии настолько ассоциируется с понятием реальной однопартийности, что и само понятие демократии уже перестает восприниматься адекватно. Является ли это спецификой данного региона, или лишь отражением незавершенности политического процесса, сказать со всей определенностью затруднительно. Не исключено, что необходимость проведения именно политической реформы, или своеобразное субъективное видение ее целей приводит к ужесточению стиля управления и стремлению к большей концентрации полномочий в одних руках. Сколько уже мы знаем случаев того, что демократические реформы здесь пришлось проводить исключительно авторитарными методами.

В этой связи вспоминается оценка политической составляющей реформ, которая прозвучала в 2007 году на 20-летнем юбилее съезда венгерских реформаторов в ставшем с тех пор символом восточноевропейских перемен, местечке Лакителек на Тисе: «Реформы даже и не начинались»... Или горькие слова ключевой фигуры венгерских реформ Имре Пожгаи: «Положение не только не изменилось, оно стало хуже, чем двадцать лет назад».

В дни, когда в Польше отмечался двадцатилетний юбилей круглого стола власти и оппозиции, Лех Валенса оценил происшедшее в его стране с нескрываемым разочарованием: «В Польше есть юридические основы демократии, но мы пока не научились извлекать из этого выгоду. И с нашими кошельками становится все хуже»[1].

И, тем не менее, в этих странах есть возможность смены партий у руля власти, сохраняются условия для выражения протеста, существуют альтернативные средства массовой информации. То есть имеются в наличии необходимые инструменты для осуществления демократии. Впрочем, в политической практике нередко встречаются и попытки правящих партий осложнить деятельность оппозиции.

Таким образом, в политической сфере налицо движение вперед, хотя оно не лишено противоречий, и иногда носит дискретный характер. Это движение свидетельствует о сохраняющемся стремлении обществ Вишеградских стран к воплощению своих высоких идеалов и представлений о демократическом социальном устройстве. Однако все более очевидным становится и то, что давление условий конвергенции не всегда позволяет воплощать задуманное.

О происходящем в экономике региона судить сложнее, чем о политических переменах. Глобальный экономический кризис еще больше запутал ситуацию. Непросто ответить даже на вопрос о том, а дал ли положительный эффект переход от государственной плановой экономики к рынку, поскольку регион попал под столь агрессивное воздействие западного капитала, что результаты экономических реформ для населения Вишеградских стран оказались неоднозначными. Здесь параметры оценок могут разниться как в теоретическом, так и в практическом их проявлении. Может быть, с точки зрения теории многое удалось сделать на пути разгосударствления и свободы рынка, но практические результаты население не радуют. Тогда ради кого делались эти реформы? И как здесь не вспомнить другое замечание Леха Валенсы, сделанное им в дни празднования тридцатилетия «Солидарности» о «капитализме, для которого деньги важнее людей»[2].

Регион потерял своих наиболее квалифицированных специалистов, большую часть своей интеллектуальной элиты, а без нее надежды на модернизацию практически сведены к нулю. В таких условиях остается лишь зыбкая надежда на подъем региона за счет удачного использования возможностей, которые дает ему расположение между западом и востоком Европы. Но и этой надежде суждено сбыться

---

[1] El Pais. 10.11.2009. http://www.inopressa.ru/article/10Nov2009/elpais/valensa.html.

[2] Ibidem.

лишь в случае, если с обеих сторон будут исходить позитивные инновационные импульсы.

В значительной мере это относится к моделям экономического, политического, культурного развития. Становится очевидным, что на все попытки внешних инноваций накладывает свой отпечаток геополитика региона, от которой, как от данности, никуда не уйти. И опыт ассиметричной конвергенции Вишеградских стран показывает, что имеет смысл не ломать, а в какой-то мере сохранять то, что уже прижилось в регионе. Это касается традиций социальной политики, роли государства в экономике и социальной жизни вишеградских обществ, не говоря уже об экономической специализации региона. Пока страны региона в целом действуют как бы отвлеченно от геополитических и национальных соображений. Евросоюз, также как когда-то первые правительства реформаторов, получив доступ к контролю и управлению в новых странах-членах, взялся первым делом за восточноевропейскую государственную собственность, перекроив экономику и хозяйство некогда неслабых, в общем-то, конкурентов по своему разумению, приспособив ее под свои нужды и потребности. Став членами Евросоюза, Вишеградские страны пустили на свой рынок «старую Европу», но сами не получили симметричного доступа на ее более динамичные рынки. Новым членам ЕС сегодня навязываются критерии, которые по большинству параметров не выполняет сама «старая Европа», но способные служить инструментами контроля над ситуацией в странах Восточно-Центральной Европы. Кроме того, новички ЕС вынуждены адаптироваться к навязываемой им социальной модели, при которой гражданину за все надо платить: и за хорошее лечение, и за достойное образование. При этом вишеградцы должны еще благодарить судьбу за то, что у них есть работа.

Отсюда понятен скепсис чехов и поляков проявившийся при подписании Лиссабонского договора. Недовольство брюссельским диктатом стало причиной значительного поправения Вишеградской Европы за последние годы. В программах прошедших в парламент партий есть пункты о более жестком отстаивании национальных интересов на фоне требований ЕС. Присутствуют и ультимативные обещания постановки вопроса о выходе из числа членов этой организации в случае несоответствия требований ЕС национальным интересам.

Думается, что в отношениях между новыми и старыми членами Евросоюза наступил момент, когда необходимо введение некоторой симметрии в процесс конвергенции, иначе в ЕС может сложиться достаточно устойчивая протестная периферия, которая приведет к усилению региональной обособленности. Новые члены, безусловно,

вместе со всеми странами ЕС пройдут какую-то часть пути общеевропейской интеграции, но затем в них неизбежно возобладает инстинкт к самосохранению, если их интересы не будут учитываться.

И здесь мы напрямую выходим на проблему адаптации стран Вишеградской Европы в ЕС и их роль в европейской и мировой политике.

На эту тему много говорили в дни юбилеев. Так, парламент ЕС на торжества, посвященные двадцатилетию падения Берлинской стены, в качестве главного участника пригласил еще одну знаковую фигуру вишеградских перемен – чешского политика Вацлава Гавела[1], который среди основных положительных итогов революционной волны, свергнувшей коммунистические режимы в странах Восточной Европы, назвал лишь исчезновение разделения континента на две части. При этом он не упустил возможности отметить, что не все проблемы оказались решенными. По его мнению, объясняется это тем, что демократический процесс требует гораздо больше времени и подготовленности, чем ему было отпущено историей.

Лех Валенса, примерно в то же время, но по другому поводу — в дни празднования юбилея «Солидарности» с не меньшим разочарованием констатировал, что «сохранилась старая структура мира, которую еще надо перестраивать и приспосабливать к условиям новых реалий»[2].

Иначе смотрят на проблему на западе Европы. Архитектор современного Евросоюза Жака Делор среди главных ошибок Евросоюза, ставших причиной его нынешних проблем, назвал поспешность расширения на восток. Прежде чем принимать такое решение, Евросоюзу необходимо было завершить программу углубления интеграции, поскольку созданные после войны институты никак не были рассчитаны на Европу 27-ми государств. Отсутствие сбалансированности между двумя процессами стало причиной пробуксовывания большинства важных инициатив современной Европы.

Таким образом, необходимость в переменах видится и среди основателей ЕС и среди новых стран-членов. Какова в этой связи возможная перспектива и роль Вишеградской Европы?

В качестве позитивной тенденции следует отметить готовность Венгрии, Польши, Словакии и Чешской республики к внутрирегиональному диалогу, к общему изменению отношения к нему на фоне новых сложностей, возникающих в ходе общеевропейской интеграции. Об этом свидетельствуют, в частности, участившиеся встречи лидеров Вишеградских стран в канун саммитов ЕС. Стали более регу-

---

[1] Бюллетень. № 10017. 12.11.09.

[2] Walesa szerint még nem tökéletes a hidegháború utáni világ. MTV. 2010. augusztus 28. 13:33.

лярными совещания и консультации по актуальным проблемам экономического развития региона. Отчасти этому способствовала и интеграция этих стран в ЕС, когда собственные импульсы к взаимодействию были подкреплены программами общеевропейского сотрудничества. Такими, например, как программа обеспечения энергетической и экологической безопасности, или общеевропейские программы образовательного, научного и культурного обмена.

Следует признать, что за прошедшие годы многие противоречия не удалось разрешить. Так, по-прежнему, весьма чувствительным моментом словацко-венгерских отношений остается проблема венгерского национального меньшинства в приграничных районах Словакии. Но в этом случае, как раз наоборот, отстраненная позиция Евросоюза заставляет страны идти на встречу друг другу в поисках компромиссных решений. Нет единства среди стран в отношении некоторых общеевропейских политических вопросов, например по отношению к независимости Косово или по вопросу о размещении американской ПРО в Чехии и Польше. Как нет их зачастую и внутри самих стран. Но, сегодня можно с уверенностью констатировать, что Вишеградская четвёрка стала наиболее успешным проектом в постсоциалистической части Европы. В ее деятельности были периоды спада и подъема, в ней еще идут острые дискуссии и сохраняются те или иные противоречия, но все они поступательно преодолеваются, превращая «четверку» в реальный региональный форум и центр притяжения для других стран региона.

К сожалению, во внешней политике России этому сотрудничеству не уделяется должного внимания. Может быть, потому, что Россия не представлена в Вишеградской группе как в Черноморском или Балтийском варианте региональных объединений? Но если это так, то и тогда не стоит полностью игнорировать существующие возможности сотрудничества, тем более, что регион продолжает самым активным образом вести поиск путей развития торгово-экономического взаимодействия с Россией. И новая ситуация в самих странах, некоторые нюансы в их взаимоотношениях с Европейским союзом, открытое стремление к сотрудничеству с нашей страной на волне переоценки шагов по разрыву отношений на рубеже 90-х годов прошлого века, открывают весьма многообещающие перспективы. Следует к ним присмотреться и определить реальную геополитическую значимость Вишеградской Европы для России.

EDITOR's SUMMARY

Visegrad Europe: Where From – Where To? Twenty Years on the Path of Reforms in Hungary, Poland, Slovakia and Czech Republic. By Lybov Shishelina (Ed.), Nikolai Bukharin, Alexey Drynochkin, Zoya Kuznetsova, Larisa Lukoshina, Yulia Scherbakova. Moscow, VES MIR, 2010. P. 564

Our volume is being published on the eve of the twentieth anniversary of the formation of regional cooperation of Hungary, Poland, Czech Republic and Slovakia, so called *Visegrad Group* or *Visegrad Four* (V4). But our book is not a story of this regional association or not only such a story. When we speak about *Visegrad Europe* we mean a unique region of Europe, possessing its specific traditions, mentality, and attitude towards themselves as well as towards their neighbours and the world. Each of the four countries presenting Visegrad Europe has its own *visegrad* – literally in Slavic languages – fortress on a hill. These ancient kings' residences symbolize ancient traditions of their national statehoods, their belonginess to unceasing cultural values. Thus, they present the very spirit and the very symbol of this part of Europe. That is why we believe that – the *Vishegrad Europe* – may pretend to become acceptable as a new, not ideologised name for the region.

Another reason for the use of this name in the title of this book is that it symbolizes the radical character of changes occurred in this part of the continent during recent two decades. At the same time it reflects the character of these changes in mental and political sense. This study is dedicated to multidimensional revolutionary changes, their analyses and estimation by the authors who had devoted many years of their professional life to the studies of history, culture, politics and economics of the countries of the region

One may argue, like the Czechs, the Hungarians, the Poles and the Slovaks themselves the reality of their unity that raised at the break of the world socialist system and in the course of quite chaotic development of new integration processes. One may even say about certain non-evidence of the Visegrad cooperation. Still, there are some facts, which cannot be ignored.

First of all, after the dissolution of socialist structures that once linked the entire region from the Baltic to the Adriatic, it had really broken into two parts: South-Eastern Europe (or the Balkan), and East-Central (or the *Visegrad Europe*). The preconditions for such a split could be found in socialist past, but these prerequisites were turned into reality with the help of the simultaneous acceptance of Hungary, Poland, Slovakia and Czech Republic to the European Union. That does not mean, of course, that thus the region had reached its geographical finality. Most probably, some geographical growth and shift might follow in not so distant future.

Secondly, having passed through centuries and different trials that had reached the region either from the East, or from the West, it had really worked out its unforgettable uniqueness, expressing itself through the synthesis of civilization characteristics. As a result here had developed a very keen critical attitude bordering sometimes with sepsis as soon as the discussion of a far-reaching all-European initiatives comes to the forefront. These countries, on the one hand, strive to follow western innovations acquiring latest technologies and political trends, on the other – they show extremely hearty attitude to their own centuries-long traditions, languages and culture. Thus, this region had turned into a quintessence of the western and eastern European, having realized it in its bridge mission for both East and West.

Thirdly. This is the most dynamic region in Eastern Europe not once having showed itself in reform qualities, very much akin to the search of a *third way*, very much obeyed by mankind, but very strangely called by some critics as the region of *catching-up development*. Those were the countries of *Visegrad Europe* where in 1956, 1968 and 1980 the attempts had been made to break with the existing political systems. After their defeat here again have born new plans for changing the societies, existing economic and political relations. This region, having tried to break with one *non-organic* system had always tried to break through to another, which also did not correspond so much to its ideals. Thus inner contradictions and doubts had always been the driven force of this region. Of a great importance to the region had always been the factor of foreign influence, as well as close economic ties with other parts of Europe. Gradually this factor had become one of the primary significance for the region and did not disappear after its entrance to the European Union. On the contrary it had become of much more importance.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Шишелина Любовь Николаевна, доктор исторических наук, зав. Отделом восточноевропейских исследований Института Европы Российской академии наук. Специалист в области международных отношений и внешней политики, геополитики, региональных проблем, политических трансформационных процессов в регионе Восточной Центральной Европы и Прибалтики, проблем адаптации этих стран в ЕС, политики восточного расширения ЕС. Специализируется на изучении Венгрии. Автор свыше 200 научных статей и пяти научных монографий, в том числе на английском, венгерском, немецком языках. Среди последних книг: «Oroszország és Európa». Orosz geopolitikai szöveggyüjtemény. Budapest: Zrinyi Kiadó, 2004; «Европейский союз и Восточная Европа». М.: ИМЭПИ РАН, 2005; «Расширение Европейского союза на восток и интересы России». М.: Наука, 2006; «Россия и Европа». Хрестоматия по русской геополитике. М.: Наука, 2007. Профессор Университета им. Яноша Кодолани (Венгрия) и Российского государственного гуманитарного университета. Основатель и председатель постоянно-действующей (с 1995 г.) международной научной конференции «Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях», редактор одноименной серии монографий, а также тематических сборников «Международный диалог». Секретарь форума обществоведов Российской и Венгерской академий наук. Член диссертационного совета по историческим и политическом наукам при Институте Европы РАН. Член попечительского совета Фонда исторической перспективы.

Бухарин Николай Иванович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра восточно-европейских исследований Института экономики РАН. Исследует современную Польшу, российско-польские отношения, а также политические процессы в регионе Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы. Автор более 300 научных трудов, в том числе 6 монографий, среди последних — «Демократическое правовое государство и гражданское общество в странах Центрально-Восточной Европы» (в соавторстве) М.: Наука, 2005; «Российско-польские отношения. 90-е годы XX века — начало XXI века». М.: Наука, 2007. Является членом правления Общества друзей Польши, членом

российско-польской межправительственной Группы по сложным вопросам, вытекающим из истории российско-польских отношений, Комиссии историков России и Польши, редколлегии журнала «Мир перемен». Активно комментирует в российских СМИ ситуацию в Польше и других странах Центрально-Восточной Европы, состояние и перспективы российско-польских отношений.

Дрыночкин Алексей Викторович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Внешнеэкономической деятельности и международного бизнеса в Дипломатической академии МИД РФ. Одновременно является ведущим научным сотрудником Центра восточно-европейских исследований Института экономики РАН. В 1997–2002 гг. работал в Посольстве России в Венгрии. Автор более 50 научных работ, в том числе двух монографий: «Восточная Европа как элемент системы глобальных рынков» и «Управление маркетинговым процессом.» Заместитель председателя диссертационного совета в Дипломатической академии, а также член диссертационного совета в МГТУ «МАМИ».

Кузнецова Зоя Ниловна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра восточно-европейских исследований Института экономики РАН. Исследует современную Чехию, ее экономическое развитие, российско-чешские отношения. Автор более 200 научных трудов.

Лыкошина Лариса Семеновна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН. Специализируется по проблемам новейшей истории Польши, а также проблемам развития политической системы РП. Основные труды последних лет: «Гражданское общество в Польше. Теоретические представления и политическая практика». М., 1998.; «Лешек Бальцерович. Политический портрет». М., 2000; «Александр Квасьневский. Политический портрет». М., 2001; «Левый выбор» Польши и перспективы социал-демократии». М., 2003; «Польские правые на пороге XXI века». М.,2004; «Польша после выборов. 2006 г.». М., 2006. Член Ученого Совета Института коммерции и права; приглашенный профессор кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Щербакова Юлия Александровна , кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Восточной Европы Института научной информации по общественным наукам РАН. Заведующая кафедрой гуманитарных и социальных дисциплин, член Ученого совета Института коммерции и права.

Серия «Старый Свет — новые времена»
основана Институтом Европы РАН в 2007 году
и издается в издательстве «Весь Мир».

Руководитель проекта академик РАН *Н.П. Шмелёв*.

В серии вышли в свет и готовятся к выходу следующие книги:

Великобритания. Эпоха реформ
Под ред. Ал.А. Громыко. М.: Весь Мир, 2007. 536 с.

Франция. В поисках новых путей
Под ред. Ю.И. Рубинского. М.: Весь Мир, 2007. 624 с.

Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен
Под. ред. А.А. Языковой. М.: Весь Мир, 2007. 352 с.

Испания: анфас и в профиль
Под ред. В.Л. Верникова. М.: Весь Мир, 2007. 480 с.

Северная Европа — регион нового развития
Под ред. Ю.С. Дерябина. М.: Весь Мир, 2008. 512 с.

Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе
Под ред. В.Я. Швейцера. М.: Весь Мир, 2009. 544 с.

Германия – вызовы XXI века
Под ред. В.Б. Белова. М.: Весь Мир, 2009. 792 с.

Вишеградская Европа: откуда и куда?
Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии
Под ред. Л.Н. Шишелиной. М.: Весь Мир, 2010. 568 с.

Россия в многообразии цивилизаций
Под ред. Н.П. Шмелёва. М.: Весь Мир, 2010. 896 с.

Социальная Европа в XXI веке
Под ред. М.В. Каргаловой. М.: Весь Мир, 2010. 528 с.

Безопасность Европы
Под ред. В.В. Журкина. М.: Весь Мир, 2011.

По вопросам приобретения книг обращаться в издательство «Весь Мир»:
117342, Москва, ул. Бутлерова 17б.
Тел.: (495) 7390971; Факс: (495) 3348591;
e-mail: info@vesmirbooks.ru; http:www.vesmirbooks.ru

Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ
В 55 **в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии** / Под ред. Л.Н. Шишелиной. — М.: Весь Мир, 2010. — 568 с. (Старый Свет — новые времена)

ISBN 978-5-7777-0485-6

Общность судеб стран Центрально-Восточной Европы – Венгрии, Чехии, Словакии и Польши — не впервые в истории подталкивает их к попыткам совместного решения общих проблем. Два десятилетия назад была создана Вишеградская группа — неформальное объединение четырех стран региона в интересах координации действий на пути интеграции в Европейский Союз. Авторы коллективной монографии, подготовленной в Институте Европы РАН в рамках большого проекта «Старый Свет — новые времена», глубоко исследуют политические и социально-экономические аспекты развития стран Вишеградской Европы, анализируют плюсы и минусы участия стран в европейских интеграционных процессах. Особое внимание в книге обращено на развитие взаимоотношений стран региона с Россией.

Книга рекомендуется всем, кто так или иначе интересуется современным положением стран региона Центрально-Восточной Европы.

УДК 323+327(44)
ББК 26.89(44)

Серия: Старый Свет — новые времена

Вишеградская Европа: откуда и куда?
Два десятилетия по пути реформ
в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии

Под ред. Л.Н. Шишелиной

Редакторы: *О.А. Зимарин*
Младший редактор *Е.А. Игнатенко*
Художник *А.Н. Глухов, И.А. Глухов*
Верстка: *Е.А. Поташевская*
Корректор *Н.С. Платонова*

Подписано в печать 15.11.2010. Формат 60 x 90 $^{1}/_{16}$
Печать офсетная. Бумага офсетная
Печ. л. 35,5. Тираж 1000 экз.
Изд. № 04/10-и

ООО Издательство «Весь Мир»
117342, Москва, ул. Бутлерова, 17б
Тел.: (495) 739-09-71
Факс: (495) 334-85-91
E-mail: info@vesmirbooks.ru
http://www.vesmirbooks.ru

Отпечатано в Филиале ОАО «ТАТМЕДИА» ПИК «Идел-Пресс»
в полном соответствии с качеством предоставленных материалов
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2

ISBN 978-5-7777-0485-6

Вишеградская Европа — так в этой книге назван Центрально-Европейский регион, в состав которого сегодня входят четыре страны: Венгрия, Польша, Словакия и Чехия. 15 февраля 1991 г. главы трех стран (Словакия и Чехия до 1 января 1993 г. входили в состав одного государства — Чешской и Словацкой Федеративной Республики), собравшись в венгерском городе Вишеграде, договорились о совместных действиях по преодолению деформаций социалистического прошлого, о сотрудничестве в решении проблем в отношениях между странами и о взаимной помощи по включению в европейский интеграционный процесс. Неформальная ассоциация центрально-европейских стран получила название *Вишеградская группа*. С точки зрения авторов книги это дает возможность назвать весь Центрально-Европейский регион *Вишеградской Европой*.

Страны региона связывает общность прошлого и настоящего, они являются носителями близкой культуры, ментальности, социального уклада. Общей судьбой Вишеградской Европы стало и следование по пути из мировой системы социализма в состав Европейского союза, осуществление в странах региона глубокой системной социально-экономической и политической трансформации. Анализ достижений и потерь в ходе этого процесса и является предметом исследования в данной монографии, подготовленной коллективом авторов под руководством д.и.н. Л.Н. Шишелиной в рамках серии книг Института Европы РАН «Старый Свет – новые времена».

Серия *«Старый Свет – новые времена»* основана Институтом Европы РАН в 2007 году и выпускается издательством «Весь Мир».

www. vesmirbooks.ru